ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

М. В. КЛЮКИНА.

Москва. Моховая, д. Бенкендорфъ.

Разныя изданія.

Ауербахъ. „Три единственныя дочери". Пов. М. 99 г. ц. 1 р. (включ. въ кат. книгъ одобр. Уч. К. М. Н. Пр. для безпл. чит.).

— Дача на Рейнѣ. Ром. 3 тома. М. 1900 г. ц. 4 р. печат.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М. 94 г. ц. 1 р.

Алексѣевскій. Справоч. книга для фабрикантовъ, заводчик. и влад. промышл. заведен. Изд. 2-е М. 98 г. ц. 3 р.

Альбовъ, М. „День да ночь". Эпизоды изъ жизни одной человѣческой группы. Спб. 94 г. ц. 1 р. 50 к.

Альбовъ, М. и Баранцевичъ, К. „Вавилонская башня". Исторія возникновенія, существованія и паденія одного фантастическаго общ. Ром. въ 2-хъ част. съ 20 рис. М. 96 г. ц. 2 р.

Аннэ. Руководство для установщиковъ лектрическаго освѣщенія. Съ рисун. и аб. изд. 2-е дополн. М. 97 г. ц. 1 руб. 50 ко.

Баранцевичъ „Весеннія сказки". Изящное изд. съ рис. ц. 35 к.

— „Лѣсъ". Съ рисунками М. 99 г. ц. 40 к.

Беллами. Будущій вѣкъ. (Черезъ сто лѣтъ). Ром. пер. съ Англ. М. 99 г. ц. 75 к.

Борнсъ, Робертъ. Стихот. въ перев. русскихъ поэтовъ съ біографическимъ очеркомъ и портрет. М. 97 г. ц. 40 к.

Бурже. П. „Вторая любовь". М. 98 г. ц. 50 к.

— „Голубая герцогиня". Ром. М. 99 г. ц. 1 р. 25 к.

Быстренинъ, В. „Житейскія были". Изд. 2-е. М. 98 г. ц. 1 р. 25 к.

Гельдъ, Адольфъ. Фабрика и ремесло. Пер. Спасскаго. М. 96 г. ц. 25 к.

Гельзенъ-Фонъ. Медовый мѣсяцъ и его гегіена. М. 99 г. ц. 40 к.

Гоппе-Зейдлеръ. Физіологическ. химія. Перев. **Булыгинскаго.** М. 78—82 г. 3 тома ц. 1 р. 25 к.

Гребенка, Е. П. Чайковскій. Ром. М. 1900 г. ц. 60 к.

— Докторъ. Ром. М. 1900 г. ц. 65 к.

Гринвудъ. Подлинная исторія маленькаго оборвыша. Перев. Марко-Вовчокъ. Изд. 2-е. ц. 1 р. 50 к. (допущ. для библ. и безпл. читал.).

Демьяновъ. Путеводитель по Волгѣ. Изд. 5-е. Нижній Нов. 99 г. ц. 1 р.

Дрожжинъ, С. Д. Стихотв. Съ записк. автора о своей жизни и поэзіи. Изд. 2-е. Спб 94 г. ц. 1 р. (допущ. Уч. К. М. Н. Пр. для безплат. народ. читал.).

Друммондъ, Генри. Эволюція и прогрессъ человѣка. Перев. съ англійскаго Н. А. Иванцова (приватъ-доцента Московскаго ИМПЕРАТОРСКАГО университета). Изд. 2-е. М. 97 г. ц. 2 р. 25 к.

Жукъ, В. „Какъ мать должна кормить ребенка". М. 96 г. ц. 50 к.

Засодимскій, П. „Легенды". I. Графъ Борегеръ и Агнесса Туссенель. II. Невѣдомый страдалецъ. Спб. 93 г. ц. 60 к.

— „Грѣхъ" Романъ. Спб. 94 г. ц. 1 р.

Золя Э. Парижъ, романъ. Спб. 98 г. ц. 1 руб.

— Процессъ, съ мнѣн. Л. Толстого ц. 50 к.

— Римъ, романъ ц. 80 к.

— Штурмъ мельницы. Разс. М. 99 г. ц. 30 к.

Лурдъ. Ром. ц. 1 р. 25 к.

Зудерманъ, Г. Счастье въ уголкѣ.— Бой Бабочекъ.—Родина. М. 98 г. ц. 2 р.

Зутнеръ, Б. Долой оружіе! (противъ войны), Ром. съ прилож. о Мирной Конференціи 1899 г. М. 1900 г. ц. 1 р.

Іерингъ. Объ основаніи защиты владѣнія и пересмотръ ученія о владѣніи. М. 83 г. ц. 1 р. 50 к.

— Гражданско-правовые казусы безъ рѣш. М. 83 г. ц. 1 р. 50 к.

— Борьба за право. Кіевъ. 93 г. ц. 60 к.

Карамзинъ. Письма Русскаго Путешественника. М. 1900 г. ц. 1 р.

Карпентеръ. „Современная наука". Перев. Л. Н. Толстого ц. 15 к.

Кирпичниковъ, А. И. Проф. Диккенсъ, какъ педагогъ. Хар. 81 г. ц. 40 к.

Кожевниковъ, В. А. Безцѣльный трудъ „Недѣланіе" или дѣло? Изд. 2-е. М. 94 г. ц. 20 к.

Козыревъ М. Днемъ и ночью. Типы Замоскворѣчья. Изд. 2-е. М. 96 г. ц. 30 коп.

Коринфскій. „Пѣсни сердца" Стих. въ изящн. перепл. Изд. 2-е М. 97 г. ц. 1 р.

Кудашевъ, В. А. „О сбереженіи почвенной влаги при обработкѣ озимыхъ полей". Изд. 3-е исправлен. и дополнен. М. 94 г. ц. 80 к. (одоб. Уч. Ком. М. Н. Пр. для учит. биб. и безпл. чит.).

Квитки-Основьяненко. Панъ Халявскій. М. 99 г. ц. 50 к. (включ. въ кат. книгъ

Фарраръ.

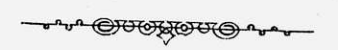
(Авторъ книгъ: „*Жизнь Христа*“ и „*Жизнь ап. Павла*“).

ТЬМА И РАЗСВѢТЪ

(На разсвѣтѣ христіанства).

Историческій романъ изъ временъ *Нерона*.

Переводъ съ Англійскаго.



МОСКВА.
Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ.
1900.

Ар. Типо-Лит. Яковлевой, А. П. Поплавскій. Покровка, д. Сиротининыхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Клово прядетъ пряжу.

Глава I.

Дворецъ римскихъ императоровъ представлялъ окруженное садами зданіе съ причудливыми фонтанами среди бездны цвѣтовъ и богатой южной растительности, необычайныхъ размѣровъ вычурной внѣшности, съ невѣроятной внутренней роскошью, отличавшей его храмы, палаты, триклиніумы, пропилеи съ длинными рядами колоннадъ, сады. Но если дворецъ этотъ, постепенно разроставшійся въ объемѣ, сообразно расширенію власти самихъ императоровъ, первенствовалъ безспорно по своей грандіозности и по великолѣпію среди всѣхъ зданій тогдашняго Рима, то такое же мѣсто занималъ онъ и по тѣмъ кровавымъ драмамъ, какія, одна смѣняя другую, разъигрывались въ его стѣнахъ. Здѣсь, при Августѣ, императрица Ливія шла по пути различныхъ злодѣяній, съ цѣлью избавить всѣхъ, кто мѣшалъ ея сыну получить престолъ. Эти стѣны въ эпоху Тиверія были свидѣтелями кровавыхъ интригъ хитраго Сеяна. Добившись довѣрія Ливіи, небезупречной супруги Друза, этотъ дерзкій заговорщикъ въ 23-мъ году отъ Р. Х. отравилъ самого Друза, единственнаго сына и наслѣдника императора Тиверія. Въ этомъ же дворцѣ, какъ узникъ, въ одномъ изъ его подземелей, погибъ, послѣ цѣлаго ряда жестокихъ мученій и грубыхъ издѣвательствъ, Друзъ-Младшій, сынъ славнаго Германика, — подвергнутый, по приказанію Тиверія, голодной смерти. Тутъ же неистовствовалъ безумный Калигула, совершая преступленіе за преступленіемъ, убійство за убійствомъ, тѣшась и издѣваясь надъ сенаторами, подвергая ихъ самымъ безчеловѣчнымъ пыткамъ, пока самъ не палъ отъ руки одного изъ трибуновъ. Такова была кровавая лѣтопись этого дворца императоровъ языческаго Рима въ дни земной жизни Христа и во времена его апостоловъ.

Нисколько не странно въ виду этого, что даже наиболѣе закоснѣлымъ изъ поклонниковъ старыхъ боговъ казалось иногда, точно какой-то роковой духъ поселился въ этихъ пышныхъ чертогахъ,—будто въ нихъ бродятъ тѣни убитыхъ, моля о мщеніи,—будто въ длинныхъ корридорахъ звучатъ въ полуночной тьмѣ

мѣрные и тяжеловѣсные шаги выходцевъ съ того свѣта, — будто въ углубленіяхъ за колоннами порой слышатся плачъ и рыданія и раздирающіе душу стоны.

Однако, ничего подобнаго, повидимому, не испытывала императрица Агриппина, когда, въ одинъ изъ сентябрьскихъ вечеровъ въ 54 году отъ Р. Х., казалось, такъ мирно, отдыхала, полулежа въ своей длинной *столѣ* благородныхъ римскихъ матронъ въ низкомъ креслѣ съ широкой откидной спинкой, украшенномъ богатой позолотой и дорогой рѣзьбой изъ слоновой кости. Храбрый и честный Германикъ, ея отецъ, равно какъ и строго-добродѣтельная Агриппина-Старшая, ея мать, — оба въ свое время были восторженно любимы, какъ римскимъ войскомъ, такъ и римскимъ народомъ. Правнучка по матери императора Августа, внучка побѣдоноснаго полководца Агриппы, внучатная племянница императора Тиверія, родная сестра императора Кайя Калигулы, не сдѣлалась ли она, благодаря своимъ неустаннымъ и тонкимъ интригамъ, шестой супругой родного своего дяди, благополучно царствовавшаго императора Клавдія? Но, ненасытная въ честолюбіи, она не могла не ограничиться близкими родственными связами съ многими изъ тѣхъ, кому при жизни воздавались на землѣ божескія почести, и, рѣшала мысленно, что немного спустя и юный ея сынъ—ея ненаглядный Неро—вступитъ на престолъ цезарей, и она его именемъ еще много-много лѣтъ будетъ управлять государствомъ такъ же властно, какъ управляетъ имъ теперь при слабоумномъ и безхарактерномъ супругѣ Клавдіѣ. Ливія—супруга императора Августа и ея прабабушка—получила почетный титулъ Августы только послѣ смерти своего мужа; Агриппину же почтили этимъ титуломъ, какъ и всѣми почестями, какія только могъ придумать для нея раболѣпный сенатъ, въ первые же годы ея замужества съ Клавдіемъ. Развѣ она не сидѣла въ тронной залѣ, рядомъ съ преждевременно одряхлѣвшимъ своимъ супругомъ при пріемѣ чужеземныхъ пословъ? Развѣ не ей одной изъ всѣхъ римлянокъ принадлежало право въѣзжать на колестницѣ въ священный Капитолій? Развѣ не ея красивая голова съ классическими чертами лица не была отчеканена на милліонахъ медалей и монетъ? Наконецъ, не явила ли она свѣту — въ контрастъ своей предшественницѣ, прекрасной, но очень легкомысленной Мессалинѣ — какъ много женскаго достоинства можетъ сохранить благородная римская матрона, держа въ своихъ рукахъ бремя правленія?

Да, міръ былъ у нея ногъ; и это сознаніе, что она достигла такой высоты, до сихъ поръ недостигнутой ни одной еще женщиной, сказывалось въ каждомъ взглядѣ ея замѣчательно красивыхъ глазъ, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ поворотѣ головы. Ея агенты и шпіоны были безчисленны. Дворъ былъ на ея сторонѣ, въ дни Клавдія состоявшій исключительно изъ толпы всесильныхъ отпущенниковъ, которые нагло управляли безсильнымъ императоромъ и нагло его грабили; а если Агриппинѣ и не удалось подкупить неподкупнаго секретаря императора, Нарцисса,

такъ она съумѣла найти средство — и не погнушалась такимъ средствомъ—привлечь на свою сторону болѣе сильнаго Палласа. За нее былъ и народъ, видя въ ней единственную оставшуюся въ живыхъ потомку когда-то такъ горячо имъ любимаго полководца. На ея же сторонѣ была и римская интеллигенція, такъ какъ Сенека, бывшій всегда въ числѣ ея фаворитовъ и, только благодаря ея могучему вліянію возвращенный изъ ссылки, занимая теперь высокій постъ воспитателя ея сына, весь былъ преданъ ея интересамъ, также и преторіанцы; ихъ храбрый и честный начальникъ, Буръ, этой должностью былъ обязанъ ея ходатайству. Ей же принадлежала и сила золота: сокровищницы ея были давно переполнены,—и сила красоты: очень немногіе изъ тѣхъ, которыхъ она рѣшила запутать въ свои сѣти, могли устоять передъ нею. Но самый главный и первый источникъ постояннаго успѣха всѣхъ ея замысловъ заключался въ ея необыкновенной увѣренности въ самой себѣ и въ неотразимости своихъ силъ. Неустрашимая не менѣе своей матери, Агриппины-Старшей, любимая войскомъ и народомъ почти такъ же, какъ и ея отецъ, храбрый Германикъ, отважная и блестящая, какъ бабка ея Джулія, дочь Августа, энергичная и неутомимая въ своей дѣятельности, какимъ былъ ея дѣдъ, славный Агриппа — не было ли у ней всѣхъ данныхъ для того, чтобы всѣхъ затмить собой и стать первымъ лицомъ въ имперіи? Но пока еще она не успѣла осушить до дна чашу честолюбія, къ которой давно уже она припала жадными устами.

Погруженная въ размышленія, она, повидимому, отдыхала, но это было лишь кажущееся спокойствіе. Агриппинѣ въ то время, когда начинается нашъ разсказъ, было около тридцати семи лѣтъ; но она была очень маложава и все еще царственно красива. Чрезвычайно тонкія черты лица, поразительная свѣжесть, красивый лобъ, обрамленный массой вьющихся золотистыхъ волосъ, голубые, необыкновенно блестящіе глаза, подъ темными и очень тонкими бровями, носъ съ небольшой горбинкой и маленькій красивый ротъ—такова была внѣшность этой женщины.

Итакъ, Агриппина, казалось, отдыхала; а между тѣмъ гордый взглядъ, временами тревожно устремленный на завѣшенную тяжелою портьерою дверь, говорилъ противное. Она, очевидно, кого-то ждала. Отпустивъ прислужницъ и рабынь и оставшись одна, она вся отдалась обсужденію того замысла, ради осуществленія котораго она готова была по убѣжденію пожертвовать даже жизнью. Этотъ новый замыселъ заключался въ томъ, чтобы возвести — и какъ можно скорѣе — своего сына Нерона на престолъ римскихъ императоровъ.

Стремясь къ достиженію завѣтной цѣли, Агриппина ни разу не задумалась: преступна, или не преступна такая цѣль? Для нея преступленія не значили ничего, и давно уже она рѣшила, что ни укоры совѣсти, ни возможность опасности не должны быть препятствіями на ея пути. Какъ для нея, такъ и вообще

для большинства знатныхъ римлянокъ того времени добродѣтель была не болѣе, какъ отвлеченное понятіе — пустой звукъ. О добродѣтели много толковали тогдашніе философы; это знала Агриппина, и сама была не прочь послушать иногда Сенеку, когда онъ наставлялъ въ этомъ смыслѣ ея юнаго сына, а сама она въ то время сидѣла въ сосѣдней комнатѣ, отдѣленная отъ нихъ только тяжелой драпировкой. Но на дѣлѣ она давно убѣдилась, что все это были не болѣе, какъ очень красивыя, очень громкія и совершенно пустыя фразы. Жрецы дѣлаютъ видъ, будто поклоняются и молятся богамъ; но какіе же это боги? Развѣ Августу, ея прадѣду, не воздаютъ, по опредѣленію сената, тѣхъ же божескихъ почестей? Развѣ не причислилъ тотъ же сенатъ къ лику боговъ и Тиверія, и ея безумнаго брата Калигулу, и даже его убитаго младенца, такъ восхищавшаго отца наклонностью кусаться и царапаться? Если же тѣ боги, которымъ на землѣ воздвигали храмы и возжигали ѳиміамъ, были такими же, то стоитъ ли вообще много думать и безпокоиться о жителяхъ Олимпа.

А Немезида? Но не выдумка ли только эта Немезида? Въ самомъ ли дѣлѣ слѣдовалъ по стопамъ виновныхъ твердо, хотя и неслышно, нѣкій фатумъ, который рано или поздно настигалъ ослушника боговъ. Агриппина смутилась, и ея лицо какъ будто измѣнилось; но это длилось недолго, и не прошло минуты, какъ она, прогнавъ отъ себя мрачную мысль, уже презрительно улыбалась. Правда, не мало несчастій замѣчалось въ ихъ кровавой семейной хроникѣ, и она припомнила судьбу ближайшихъ своихъ родственниковъ и ихъ трагическую кончину. Мысли ея перенеслись къ эпохѣ царствованія Тиверія, когда и на улицахъ, и въ домахъ не рѣшались говорить громко, когда насильственная смерть стояла на стражѣ у дверей каждаго благороднаго римлянина. Двое изъ ея дядей, Кай и Луцій Цезарь, оба неожиданно скончались во цвѣтѣ лѣтъ, полные силъ; не отравилъ ли ихъ обоихъ Сеянъ? Другой ея дядя, Агриппа-Младшій, сынъ доблестнаго Агриппы, палъ въ неравной борьбѣ съ центуріономъ, чтобы умертвить его, подосланнымъ Ливіею къ нему въ его изгнаніе. Ея мать, строго добродѣтельная Агриппина-Старшая, была тоже убита самымъ варварскимъ образомъ; ея тетка, Юлія-Младшая, умерла въ ссылкѣ; ея два брата, Неронъ и Друзъ, погибли во цвѣтѣ лѣтъ жалкой и постыдной смертью; третій ея братъ, Калигула, былъ умерщвленъ заговорщикомъ; ея сестра Юлія, да и двоюродная сестра, тоже Юлія — обѣ пали жертвами безумной ревности ея предшественницы, императрицы Мессалины. Да и сама она, наконецъ: развѣ не была одно время въ ссылкѣ по повелѣнію своего брата, императора Калигулы, на отдаленномъ и глухомъ островѣ? Уже второй разъ она вдовѣетъ, и, по слухамъ, сама отравила своего второго мужа, жалкаго оратора Пассіена. Но какое ей дѣло, что о ней болтаютъ? И еслибъ даже она въ самомъ дѣлѣ отравила этого богатаго старика — что же изъ этого? Его несмѣтное богатство было, и долго еще будетъ, ей очень полезно. Къ тому же

не съ тѣхъ ли именно поръ и начала благоволить къ ней фортуна? Ее вернули изъ ссылки, а затѣмъ, когда настало время, она съумѣла найти возможность проникнуть во дворецъ своего дяди Клавдія и, поселившись тутъ, устранить - частью своими интригами, частью благодаря красотѣ—всѣхъ своихъ соперницъ, послѣ чего и стала супругой императора.

И тутъ въ ея памяти невольно прошли нѣкоторыя изъ этихъ соперницъ, и злая усмѣшка искривила красивыя губы императрицы.

Во-первыхъ, Мессалина — ея предшественница на римскомъ престолѣ — развѣ не имѣла эта, любимая до обожанія, жена Клавдія, все для того, чтобы на долго упрочить за собой свое высокое положеніе? Она родила Клавдію двухъ прелестныхъ дѣтей; этихъ дѣтей Клавдій любилъ; да и кто могъ бы не полюбить скромнаго и благороднаго Британника, кроткую, непорочную Октавію? Безъ сомнѣнія, Мессалина была болѣе чѣмъ увѣрена, что преемникомъ Клавдія будетъ *ея* сынъ. А между тѣмъ какъ неумѣло повела она свои дѣла! Какъ глупо предпочла всему удовольствія, забывая честолюбіе, и какъ легко сумѣла Агриппина, повидимому, не принимая, никакого участія въ катастрофѣ, достичь того, что Мессалина своимъ легкомысліемъ сама себя погубила и погибла въ разцвѣтѣ красоты отъ руки палача.

А Лолліа Паулина? Красавица, одна изъ первыхъ богачекъ въ Римѣ, чего бы не могла достичь эта женщина? И Агриппина вспомнила, съ какимъ она надменнымъ видомъ проходила своей величавой и плавной поступью, въ качествѣ императрицы супруги Калигулы, — мимо рядовъ царедворцевъ, ослѣпленныхъ какъ ея красотой, такъ и драгоцѣнными камнями, которыми снизу и до верху была усѣяна ея длинная одежда. Но Лолліа возымѣла дерзновенное желаніе состязаться съ Агриппиной, добиваясь въ одно время съ ней счастія сдѣлаться супругой цезаря. Да, сколько пришлось преодолѣвать для этого Агриппинѣ! Сколько ловкости надо было, чтобы одержать верхъ надъ предразсудкомъ римлянъ противъ брака между дядей и племянницей. И все-таки Агриппина, благодаря помощи всесильнаго отпущенника Палласа, вышла изъ этой борьбы побѣдительницей! По ея настояніямъ, Лоллію вскорѣ сослали, затѣмъ она сама послала къ этой несчастной жертвѣ своего властолюбія трибуна съ приказаніемъ несчастной наложить на себя руки.

А Домеція Лепида, сестра перваго ея мужа, Домиція Агенобарба, мать Мессалины, родная тетка по отцу сына ея, Нерона, первая жена второго ея мужа, покойнаго Пассіена, — развѣ эта женщина, какъ по богатству, такъ и по красотѣ и по знатности происхожденія, не была почти такъ же всесильна, какъ она? Не также ли и она мало задумывалась тамъ, гдѣ дѣло шло о достиженіи власти и удовлетворенія ненасытнаго честолюбія? А потому эта женщина могла бы быть весьма полезной союзницей; но какъ смѣла она соперничать съ ней, добиваясь привязанности Нерона? Какъ смѣла она быть съ нимъ и ласковой, и снис-

ходительной тогда, когда Агриппина считала почему-либо нужнымъ выказать юношѣ особую строгость? Рано потерявъ своего отца, Домиція Агенобарба, Неронъ вскорѣ послѣ его смерти и въ то время, какъ мать его находилась въ ссылкѣ, былъ помѣщенъ на жительство въ домъ Лепиды, не нашедшей ничего лучшаго, какъ приставить къ мальчику, въ качествѣ педагога и воспитателя, брадобрѣя и плясуна. Но какъ только Неронъ сдѣлался однимъ изъ членовъ императорской семьи, и когда съ каждымъ днемъ становилось все вѣроятнѣе, что слѣдующимъ императоромъ будетъ не родной сынъ Клавдія—Британникъ, а его пріемный сынъ, Неронъ, Лепида старалась всячески угодить племяннику, льстила ему и баловала его. А между тѣмъ избавиться совсѣмъ отъ Лепиды оказалось дѣломъ не легкимъ, такъ какъ Нарциссъ, искренно преданный Клавдію, рѣшительно возсталъ противъ всякихъ попытокъ осудить эту женщину на смерть. Впрочемъ, и это не уйдетъ—гдѣ же та цѣль, которой не достигла бы Агриппина?—а потому и Нарциссъ, и Лепида, когда придетъ время, дождутся своей очереди....

Но довольно! Зачѣмъ напрасно волновать себя и раздражать? Обдуманно и не спѣша она должна идти къ своей цѣли. Но кто посмѣетъ сказать, что успѣхъ не увѣнчаетъ ея замысла? «Да, Неронъ, мой сынъ, ты будешь императоромъ! Судьбы полміра будутъ въ твоихъ рукахъ, но управлять тобой—какъ было до сихъ поръ—все же буду я, и мнѣ—мнѣ одной будетъ принадлежать державная власть цезарей; Немезида же, если только вообще есть такое божество, должна будетъ повременить!»..

Но на этомъ размышленія императрицы были прерваны.

Глава II.

Въ корридорѣ послышался звучный молодой голосъ, портьера раздвинулась, и передъ Агриппинной появился юноша лѣтъ шестнадцати—свѣжій, румяный, не слишкомъ высокаго роста, но замѣчательно красиваго сложенія.

— Ахъ, это ты, Неро!—воскликнула не безъ изумленія его мать;—я предполагала, ты все еще въ триклиніумѣ. Императоръ, проснувшись, можетъ замѣтить твое отсутствіе.

— Опасаться этого нечего,—отвѣчалъ, смѣясь, Неронъ.—Императоръ уже храпитъ на своемъ ложѣ, а гости съ усиліемъ сдерживаютъ зѣвоту. Бѣднягамъ придется сидѣть тамъ до полуночи, а то и позже, если только Нарциссъ не догадается уволить ихъ отъ поучительнаго зрѣлища совершенно пьянаго полу-божества.

— Замолчи!—строго прикрикнула Агриппинна на сына.—Такое ребяческое легкомысліе неумѣстно. Ты можешь насмѣхаться надъ чѣмъ тебѣ угодно, но надъ величіемъ императорской власти

никогда, не только съ глазу на глазъ со мной, но даже наединѣ съ самимъ собой. Кромѣ того, не забывай, что во дворцѣ стѣны слышатъ. А Октавію ты оставилъ за столомъ?

— Да.

— Какая неосторожность!—сказала Агриппина.—Ты вѣдь знаешь, какъ я всегда стараюсь, чтобы она видѣлась съ отцомъ не иначе, какъ въ нашемъ присутствіи. У Клавдія винные пары проходятъ иногда очень быстро, и послѣ нѣсколькихъ минутъ сна онъ можетъ разсуждать и говорить совершенно здраво. А Британникъ былъ въ триклиніумѣ, когда оттуда ты ушелъ?

— Британникъ?—изумился Неронъ.—Разумѣется, нѣтъ. Мнѣ кажется, ты приложила не мало стараній, чтобы мѣсто его постоянно оставалось на заднемъ планѣ. По древнему обычаю, который недавно возобновилъ императоръ, онъ сидѣлъ за обѣдомъ, какъ ты сама видѣла, на ложѣ, въ ногахъ у своего отца. Но мальчики давно уже были высланы изъ триклиніума вмѣстѣ со своими педагогами, и—насколько я знаю, Британника уложили спать.

— А для кого, скажи, неблагодарный, принимаю я всѣ эти мѣры предосторожности?—спросила Агриппина. — Развѣ не ради тебя—не ради того, чтобы ты могъ облачиться въ порфиру и, въ положеніи римскаго императора, господствовать надъ народами?

— «Ради меня, да и ради себя тоже»,—подумалъ Неронъ, но ничего не сказалъ; не умѣя пока еще скрывать своихъ мыслей отъ зоркаго взгляда матери, онъ нагнулся, чтобы скрыть улыбку, и поцѣловалъ ее въ щеку говоря: «Лучшая изъ матерей!»

— Лучшая изъ матерей! Да; но на долго ли?—проговорила Агриппина;—и когда я тебя возведу на престолъ, ты, пожалуй...

Она не досказала. Ей вспомнилось страшное предсказаніе о немъ халдеевъ, которое она до сихъ поръ старательно скрывала отъ сына. «Онъ будетъ императоромъ и убьетъ свою мать», на что послѣдовалъ ея отвѣтъ: «пусть убьетъ меня, лишь бы былъ императоромъ»; объ этомъ отвѣтѣ Неронъ тоже ничего не зналъ.

— Optima mater теперь и всегда,—отвѣтилъ онъ. — Но знаешь, я недоволенъ Британиномъ, крайне имъ недоволенъ!—и онъ топнулъ ногой.

— Что такъ? Онъ достаточно безобиденъ и очень кроткій мальчикъ. Мнѣ казалось, что онъ совсѣмъ въ твоихъ рукахъ, и что вообще вы оба ладите между собой. Еще недавно видѣла я, какъ вы сидѣли дружески рядомъ, обучая вашихъ галокъ и сорокъ. Я знаю, Британникъ ненавидитъ меня, но все же мнѣ удалось покорить его сердце—хотя и не надолго—обѣщаніемъ подарить ему моего говорящаго дрозда, съ такимъ любопытствомъ смотрѣвшаго въ ту минуту на насъ изъ клѣтки.

— Подари-ка лучше его мнѣ, матушка, — сказалъ Неронъ. — Вѣдь дроздъ, умѣющій говорить такъ хорошо, какъ твой, величайшая въ мірѣ рѣдкость, и цѣнится не на вѣсъ золота а въ десять разъ дороже.

— Нѣтъ, Неро. Дрозда я подарю Британнику. Мнѣ любо въ немъ такое пристрастіе къ мелочамъ и игрушкамъ. Для тебя же имѣется у меня въ виду другое. Но чѣмъ же бѣдный мальчикъ разсердилъ тебя?

— Я съ нимъ встрѣтился въ домѣ одного изъ царедворцевъ,— сказалъ Неронъ,—и какъ ты думаешь, какимъ именемъ осмѣлился онъ привѣтствовать меня—меня, сына Клавдія по священному праву преемства, и, слѣдовательно, своего старшаго брата?

— Какъ же назвалъ онъ тебя?

— Я очень вѣжливо сказалъ ему: «Здравствуй, Британникъ», а онъ на это имѣлъ наглость отвѣтить мнѣ: «Здраствуй, *Агенобарбъ!*» Агенобарбъ! Я ненавижу это имя. Развѣ онъ не знаетъ, что я къ божественному Августу ближе, чѣмъ онъ? Удивляюсь, что только онъ хотѣлъ этимъ сказать?

Агриппина разразилась звонкимъ смѣхомъ.

— Бѣдный мальчикъ!—сказала она.—Это просто потому, что мысли его почему-нибудь начинали путаться, какъ это постоянно случается съ его отцомъ. Конечно, нельзя думать, чтобы онъ особенно горячо любилъ тебя, да у него есть и основанія не любить тебя; но онъ ровно ничего не хотѣлъ этимъ высказать.

— Сомнѣваюсь, чтобъ это было такъ, — возразилъ юноша:— надо думать скорѣе, что Нарциссъ, Бубенскъ или Юлій Денсъ, или вообще кто-нибудь изъ его окружающихъ подстрекнулъ его нанести мнѣ это оскорбленіе.

— Да, Нарциссъ, дѣйствительно самый опасный нашъ врагъ,— въ раздумьи проговорила Агриппина.—Онъ вообще гордится черезъ мѣру своимъ преторскимъ достоинствомъ; но все же онъ уязвимъ. Императоръ остался недоволенъ неудачей съ каналомъ для осушенія Фуцинскаго озера, и, можетъ быть, мнѣ удастся уговорить Домиція Афера, или кого-либо другого, возвести на него обвиненіе въ растратѣ или присвоеніи отпущенныхъ на это дѣло суммъ. Иначе, какъ бы могъ онъ нажить цѣлыхъ 400,000,000 сестерцій? Онъ очень страдаетъ за послѣднее время отъ подагры, и я посовѣтую ему удалиться для его же здоровья въ Кампанію. А когда, онъ будетъ устраненъ съ дороги... Однако, Неро, я жду къ себѣ Палласа, съ которымъ мнѣ необходимо переговорить объ одномъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ. А потому, мой мальчикъ, отправляйся въ триклиніумъ, будь всегда на стражѣ и слѣди зорко за всѣмъ, что происходитъ.

— Хорошо, такъ и быть, я вернусь туда,—сказалъ Неронъ:— но знаешь, матушка, у меня иногда является желаніе, чтобы все это было уже кончено. Я очень жалѣю, что меня заставили жениться на Октавіи; я никогда не буду любить ее. Мнѣ бы хотѣлось...

Юноша остановился и вспыхнулъ, почувствовавъ на себѣ орлиный взглядъ своей матери, и понялъ, что чуть было не повѣдалъ ей тайну своей любви къ Актеѣ, молодой отпущенницѣ въ свитѣ его жены.

— Ну, что же?—подозрительно проговорила Агриппина, но вмѣстѣ съ тѣмъ была она очень довольна, замѣтивъ, какъ сильно труситъ передъ ея властнымъ взглядомъ ея сынъ. — Продолжай же!

— Да я ничего особеннаго не хотѣлъ сказать, — запинаясь, прошепталъ онъ, все еще смущенный,—развѣ только то, что перспектива быть императоромъ временами вовсе не соблазняетъ меня. Подумай сама: Юлій былъ убитъ; Августъ, какъ говорятъ, умеръ отъ отравы; Тиверія задушили; мой дядя, Кай Калигула, былъ пронзенъ нѣсколькими ударами. Большого счастія въ томъ, чтобы сдѣлаться императоромъ, нѣтъ:—слишкомъ ужъ часто сквозь порфиру пролагаетъ себѣ дорогу кинжалъ убійцы.

— Стыдись говорить такъ!— сказала Агриппина. — Неужели власть пустяки? Развѣ ты позабылъ, что ты внукъ Германика, и что въ твоихъ жилахъ течетъ кровь не одного только Домиція, но и цезарей? Стыдись! Стыдись!

— Прости меня, матушка; ты права, — сказалъ юноша, — ты всегда умѣешь заставить всѣхъ думать по твоему. Но я слышу въ сосѣдней комнатѣ шаги Палласа и ухожу.

Неронъ наклонился и поцѣловалъ мать; едва только онъ скрылся за занавѣсью, въ комнату вошелъ одинъ изъ рабовъ и доложилъ, что Палласъ ждетъ приказанія явиться передъ императрицей.

Глава III.

Между тѣмъ, осеннія сумерки замѣтно сгустились; въ залѣ, освѣщенной слабо мерцавшимъ свѣтомъ одинокой лампады, царилъ пріятный полусвѣтъ, когда въ нее вошелъ Палласъ. Но сегодня этотъ могущественный временщикъ того времени и ближайшій другъ Агриппины былъ сумраченъ и, видимо, чѣмъ-то сильно озабоченъ. Что-то зловещее носилось въ воздухѣ: въ народѣ шелъ слухъ о появленіи свиньи съ ястребиными когтями вмѣсто копытъ; толковали съ затаеннымъ страхомъ о роѣ пчелъ, не такъ давно привившихся на вершинѣ Капитолія; — о шатрахъ и знаменахъ, спаленныхъ въ лагерѣ молніею. Наконецъ, въ этомъ году въ какіе-нибудь два три мѣсяца, одинъ за другимъ, сошли въ могилу квесторъ, эдилъ, трибунъ, преторъ и консулъ. Но суевѣріе было чуждо Агриппинѣ, и она внимала этимъ разсказамъ отпущенника съ усмѣшкой презрительнаго равнодушія. Однакожъ, не такъ отнеслась она къ сообщеніямъ Палласа, когда онъ передалъ ей, что за послѣднее время часто и во всеуслышаніе говорилъ отпущенникъ Нарциссъ—другой изъ сильныхъ временщиковъ при дворѣ Клавдія. Все равно — говорилъ онъ — будетъ ли императоромъ послѣ смерти Клавдія родной его сынъ Британникъ, или пріемный Неронъ,—одинаково печальная судьба ждетъ его.

Британникъ отомститъ на немъ участь своей матери Мессалины, низверженію и смерти которой онъ такъ много содѣйствовалъ; Неронъ же выместитъ на немъ злобу за его возмущеніе противъ брака Агриппины съ Клавдіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Нарциссъ, всецѣло преданный императору, заботился объ интересахъ Британника,—родного сына этого императора. Онъ любилъ юношу, оберегалъ его и не разъ громко молилъ боговъ скорѣе послать Британнику и крѣпость, и силу мужа для низверженія враговъ его отца, хотя бы вмѣстѣ съ этимъ и на него обрушился гнѣвъ сына за смерть матери.

Затѣмъ не мало встревоженной императрицѣ Палласъ сообщилъ, что и самъ Клавдій часто проявлялъ за послѣднее время какую-то особенную нѣжность какъ къ Британнику, такъ и къ дочери Октавіи;—прижималъ ихъ къ своему сердцу, печалился о наносимыхъ имъ обидахъ и при этомъ всегда увѣрялъ, что никогда не будутъ они вытѣснены изъ его сердца никакими происками коварнаго сына этого шелопая, Домиція Агенобарба. Но это было еще не все, и Ариппина положительно пришла въ ужасъ, услыхавъ отъ своего вѣрнаго клеврета, что, опьянѣвъ, императоръ, не далѣе какъ сегодня, за ужиномъ несвязно пробормоталъ, «что болѣе чѣмъ подозрѣваетъ тѣ коварные замыслы, что таитъ въ душѣ его жена; но что такова всегда была его участь:—сначала молча до поры до времени выносить гнусное поведеніе своихъ супругъ, но за то потомъ разомъ отплатить имъ сторицей за все».

При этихъ словахъ Агриппина, словно ужаленная, поднялась со своего ложа. Лицо ея, дыша злобой и негодованіемъ, горѣло.

— Жалкій глупецъ! Несчастный пьяница-идіотъ!—воскликнула она.—И онъ такъ смѣетъ говорить обо мнѣ! Нѣтъ, Палласъ, больше намъ нельзя медлить: время настало — и мы должны дѣйствовать. А между тѣмъ, пока Нарциссъ остается подлѣ него, каждый рѣшительный шагъ съ моей стороны сопряженъ съ величайшей для меня опасностью: онъ преданъ душой Клавдію; подкупить его нѣтъ возможности; и онъ бодрствуетъ надъ нимъ какъ вѣрная собака.

— Правда; но вѣдь онъ весь искалѣченъ подагрой,—замѣтилъ Палласъ;—его страданія превышаютъ его силы, и долго выдержать такія муки ему не хватитъ силъ. Я уже передавалъ ему вашъ совѣтъ попробовать леченіе сѣрными ваннами въ Синуэссѣ, и почти увѣренъ, что онъ не замедлитъ послѣдовать ему и; самое большее недѣли черезъ двѣ, подастъ прошеніе объ отпускѣ; настоящая жизнь его—одно мученье.

— Хорошо! проговорила Агриппина и, немного погодя, прибавила, понизивъ голосъ до шопота и глядя прямо въ глаза отпущеннику:—Клавдій долженъ умереть!..

— Говорите громко, Августа,—сказалъ Палласъ.—Здѣсь вблизи нѣтъ никого изъ вашихъ прислужницъ или рабовъ. Прежде чѣмъ сюда войти, я поставилъ въ проходѣ одного изъ моихъ собственныхъ прислужниковъ съ приказаніемъ мѣшать подъ страхомъ смерти кому бы то ни было близко подходить къ дверямъ вашей комнаты.

— И вы осмѣлились дать такого рода приказаніе?—спросила Агриппина, изумленная наглостью отпущенника.

— Да, но, конечно, не словами — съ надменностью отвѣтилъ временщикъ. — Не стану же я снисходить до словесныхъ объясненій съ какимъ-либо изъ моихъ рабовъ, или даже отпущенникомъ—я—потомокъ Евандра и древнѣйшихъ царей Аркадіи, хотя и нахожусь въ числѣ слугъ Цезаря. Достаточно одного моего взгляда, одного движенія моей руки, чтобы приказанія мои исполнялись въ точности. Я горжусь — какъ сказалъ и сенату въ отвѣтъ на его предложеніе подарить мнѣ четыре милліона сестерцій—горжусь тѣмъ, что даже и на службѣ у императора остаюсь все такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ и прежде.

— «О, наглый лжецъ!»—думала Агриппина, слушая Палласа;—«и это онъ говоритъ мнѣ, которой извѣстно не менѣе, чѣмъ ему самому, его происхожденіе и то, что онъ былъ не болѣе, какъ простымъ рабомъ у Антоніи—матери императора; онъ смѣетъ гордиться своей мнимой бѣдностью, да еще въ моемъ присутствіи, и притомъ зная, что для меня вовсе не тайна, что своими грабежами онъ въ какихъ-нибудь четырнадцать лѣтъ скопилъ себѣ цѣлыхъ шестьдесятъ милліоновъ сестерцій».

Не смотря на это Агриппина поспѣшила скрыть отъ своего сообщника презрительную усмѣшку, появившуюся было на ея красивыхъ губахъ, и шопотомъ сказала еще разъ:

— Клавдій долженъ умереть!

— Замыселъ опасный,—замѣтилъ внушительно отпущенникъ.

— Нѣтъ; если только мы съумѣемъ какъ слѣдуетъ скрыть его отъ глазъ свѣта,—возразила императрица.—А кто осмѣлится говорить о томъ, на что малѣйшій намекъ равносиленъ смерти?

—Вы должны, однако, помнить, что если вы дочь незабвеннаго Германика, то и императоръ его братъ, и войско никогда не согласится поднять оружіе противъ него,—сказалъ Палласъ.

— Я и не думаю обращаться къ содѣйствію преторіанцевъ,—отвѣчала Агриппина.—Есть иныя средства: подъ этимъ дворцомъ, въ его подземныхъ казематахъ, заключена одна особа, которая будетъ мнѣ пособницей въ этомъ дѣлѣ.

— Локуста! — понизивъ въ свою очередь голосъ до шепота, проговорилъ Палласъ съ невольнымъ содроганіемъ.—Но у императора есть свой praegustator, на обязанности котораго лежитъ отвѣдывать отъ каждаго блюда, отъ каждаго кубка, поданнаго цезарю.

— Знаю! Должность эту занимаетъ евнухъ Галотъ, — сказала Агриппина.—Но его подкупить не трудно, и мнѣ онъ не посмѣетъ противорѣчить.

— Но у Клавдія есть и свой врачъ.

— Знаю: знаменитый Ксенофонтъ, — улыбаясь многозначительно, сказала Агриппина.

Палласъ, пораженный не то ужасомъ, не то удивленіемъ, молча возвелъ руки кверху. Смолоду лишенный всякихъ принциповъ нравственности, онъ, однако, ни разу еще не обагрилъ своихъ рукъ въ крови. Обдуманная преступность Агриппины и ея хладнокровіе невольно его привели въ трепетъ: не безопаснѣе ли было бы ему послѣдовать примѣру Нарцисса и оставаться вѣрнымъ своему государю? Долго ли еще будетъ онъ человѣкомъ, нужнымъ императрицѣ для ея цѣлей? И какая постигнетъ его участь, когда она съ сыномъ болѣе не будетъ нуждаться въ его содѣйствіи?

Замѣтивъ тревожныя думы отпущенника по выраженію его лица, Агриппина поспѣшила его мыслямъ дать другое направленіе.

— Клавдій, вѣрно все еще въ триклиніумѣ*) за виномъ, — сказала она. — Пойдемте къ нему. Ацерронія, дежурная дама моей свиты, пойдетъ за нами.

— Нѣтъ, императора уже давно унесли въ спальню, — отвѣтилъ Палласъ. — Но, все равно, если вы желаете его видѣть, я готовъ проводить васъ на его половину.

И говоря это, Палласъ направился къ выходу. За нимъ послѣдовала императрица въ сопровожденіи своей вѣрной наперсницы Ацерроніи. Проходя крытымъ дворомъ, гдѣ былъ дворцовый караулъ, изъ отряда преторіанцевъ, Палласъ подошелъ къ центуріону Пуденсу и далъ ему пароль на ночь.

— Императоръ почиваетъ, — доложилъ одинъ изъ рабовъ, стоявшихъ на стражѣ у дверей, когда Агриппина вмѣстѣ съ Палласомъ переступила порогъ опочивальни императора.

— Хорошо, — сказала императрица, — вы пока можете удалиться. Намъ необходимо переговорить съ императоромъ о дѣлѣ, и мы подождемъ здѣсь, когда онъ проснется. Подайте мнѣ свѣтильникъ и ступайте. Ацерронія подождетъ насъ за дверями.

Передавъ Агриппинѣ золотой свѣтильникъ, стража молча покинула опочивальню. Здѣсь, среди комнаты, на низкомъ роскошномъ ложѣ лежалъ опьяненный императоръ и храпѣлъ. Красный, съ опухшимъ лицомъ, съ сѣдыми волосами, въ безпорядкѣ всклоченными, съ вѣнкомъ изъ лавровъ, сбитымъ на лобъ, со ртомъ полуоткрытымъ, въ пурпуровой тогѣ, безобразно смятой и залитой виномъ, онъ менѣе всего походилъ на императора.

— Пьяница, кретинъ! — съ невыразимой ненавистью, какъ во взглядѣ, такъ и въ голосѣ, прошипѣла Агриппина, подойдя къ ложу и освѣтивъ свѣтильникомъ старческое обезображенное пьянствомъ лицо Клавдія. — Развѣ не права была его мать Антонія, часто величавшая его *позоромъ рода человѣческаго*? И удивительно ли, если братъ мой Кай позволялъ себѣ потѣшаться надъ нимъ, бросая въ него за одно съ своими гостями косточки оливъ и финиковъ, когда онъ засыпалъ за столомъ. Я сама не разъ видѣла,

*) Пиршественная зала. *Примѣч. перев.*

какъ обмазывали ему лицо виноградным соком и, стащивъ съ его ногъ сандаліи, надѣвали ему ихъ на руки, чтобъ, проснувшись, онъ ими протеръ себѣ глаза. И подумать, что этотъ презрѣнный человѣкъ — властитель полміра, тогда какъ могъ бы быть на престолѣ римскихъ цезарей такой даровитый юноша, какъ мой красавецъ Неронъ!

— Но у него много учености и много знанія, — замѣтилъ Палласъ, не безъ жалости смотря на спавшаго Клавдія. — Притомъ онъ очень добръ и побужденія его всегда бываютъ хорошія.

— Все это такъ; но онъ не рожденъ, чтобъ быть императоромъ, — съ жаромъ возразила Агриппина. — Простая случайность возвела его на высоту престола; и право, намъ не изъ-за чего питать особенно горячую благодарность ни къ преторіанцу Грату, нашедшему его трусливо укрывавшимся за занавѣсью въ моментъ умерщвленія брата моего Кайя, ни тѣмъ менѣе къ этому ловкому интригану, еврею, Ироду Агриппѣ, убѣдившему сенатъ провозгласить его императоромъ. Онъ всю свою жизнь прожилъ шутомъ и посмѣшищемъ каждаго, кому бы только не захотѣлось позабавиться на его счетъ.

— Но несмотря на все это онъ всегда былъ государемъ добрымъ и мягкосердечнымъ, — повторилъ еще разъ отпущенникъ и, говоря это, тяжело вздохнулъ.

Агриппина строго взглянула на него.

— Ужъ не думаете ли вы, покинувъ меня, перейти на его сторону? — съ коварной усмѣшкой спросила она. — Но не забывайте, что у Нарцисса и по сіе время есть въ рукахъ письма, способныя предать меня той же самой участи, что постигла Мессалину, а васъ участи благороднаго патриція Кайя Силія.

— Нѣтъ, покинуть васъ я не могу, — мрачно отвѣтилъ ей Палласъ; — я слишкомъ далеко зашелъ. Однако, оставаться здѣсь долѣе вдвоемъ опасно какъ для меня, такъ и для васъ; а потому я удалюсь.

И Палласъ было пошелъ къ двери, но остановился на полдорогѣ и, какъ-то боязливо взглянувъ на Агриппину, спросилъ шепотомъ:

— Онъ въ безопасности наединѣ съ вами?

— Ступайте! — повелительно молвила императрица. — Не въ привычкахъ Агриппины прибѣгать къ кинжалу; къ тому же, рядомъ съ нами цѣлая толпа рабовъ, солдатъ и отпущенниковъ, которые при малѣйшемъ крикѣ ворвутся сюда.

Оставшись наединѣ съ Клавдіемъ, Агриппина, зная, что пройдетъ еще не мало времени, прежде чѣмъ съ цезаря сойдетъ хмель и онъ проснется, осторожно сняла съ его указательнаго пальца золотой перстень, украшенный крупнымъ аквамариномъ, на которомъ было вырѣзано изображеніе орла. Потомъ, призвавъ свою вѣрную Ацерронію и покрывъ себѣ лицо и станъ широкимъ покрываломъ, она приказала ей показать этотъ перстень центуріону Пуденсу и сказать ему, чтобы онъ провелъ ихъ въ дворцовые

казематы, такъ какъ въ числѣ заключенныхъ тамъ находится одно лицо, съ которымъ ей необходимо видѣться.

Такое приказаніе нисколько не удивило Пуденса, который—какъ и всѣ сколько-нибудь знакомые съ придворной жизнью въ палатахъ римскихъ цезарей, зналъ хорошо, какими черными, а подчасъ и кровавыми интригами была полна эта жизнь. Молча и безпрекословно повелъ онъ обѣихъ женщинъ къ наружной двери подземныхъ казематовъ и, все также молча, отперъ ее передъ ними. Но и здѣсь въ темныхъ корридорахъ между длиннымъ рядомъ отдѣльныхъ камеръ на каждомъ шагу стояли рабы и часовые и хотя никто изъ нихъ не узналъ въ закутанной посѣтительницѣ императрицу, однако достаточно было уже одного взгляда на перстень, чтобы принудить каждаго изъ нихъ почтительно склонить голову, и чтобы открылась передъ ними дверь той камеры, гдѣ содержалась въ заключеніи знаменитая отравительница того времени Локуста.

Оставивъ Ацерронію за дверями, Агриппина вошла одна въ эту камеру. Тутъ сидѣла у стола, склонивъ задумчиво при свѣтѣ простого глинянаго ночника голову на руку, та которая была дѣятельной участницей въ столь многихъ кровавыхъ преступленіяхъ того времени. Уличенная въ участіи въ различныхъ убійствахъ, она была приговорена не къ смертной казни, которой предавать ее сочли неудобнымъ въ виду ея полезности, а только къ тюремному заключенію. Кромѣ того, и стклянки, и травы, продавая которыя она извлекала себѣ не малые доходы, были оставлены въ ея распоряженіи.

— Мнѣ нуженъ ядъ, но особаго рода,—сказала Агриппина, почти не измѣняя голоса;—не такой, который разомъ прекращаетъ жизнь, а также и не такой, который причиняетъ продолжительную болѣзнь. Нѣтъ, мнѣ нуженъ такой ядъ, который способенъ былъ бы сперва помутить разумъ, а затѣмъ постепенно довести до смерти.

— Но кто вы такая, чтобы приказывать мнѣ такого рода вещи? — спросила Локуста и, поднявъ голову, въ упоръ посмотрѣла на закрытое покрываломъ лицо посѣтительницы.—Не всѣхъ снабжаю я отравами. Я не знаю васъ: можетъ быть, вы какая-нибудь раба, замыслившая злое дѣло противъ нашего государя и повелителя Клавдія? Прибѣгающіе къ моему искусству должны щедро оплачивать труды и, кромѣ того, представить вѣрное обезпеченіе моей безопасности.

— Не будетъ ли вотъ это для васъ гарантіей? — спросила Агриппина, протягивая къ ней перстень.

— Да, этого для меня довольно, — проговорила Локуста, не сомнѣваясь долѣе, что это посѣтительница—какъ она и подозрѣвала—сама императрица.—Но какая будетъ мнѣ награда, Авг...

— Договорите—и завтра же умрете вы подъ пыткой, — прервала ее Агриппина. — Не сомнѣвайтесь: награда будетъ значительная. А пока вотъ вамъ, и она бросила на столъ кошелекъ, полный золотыхъ монетъ.

Локуста съ жадностью схватила кошелекъ и, взглянувъ подозрительно на свою посѣтительницу, дрожавшими руками развязала его и пересчитала монеты. Затѣмъ, взявъ со стола свѣтильникъ, она молча встала и, подойдя къ стоявшему въ углу сундуку, открыла его, порылась въ немъ и, наконецъ, вынула изъ его глубины небольшую коробочку съ какими-то хлопьями и порошкомъ блѣдно-желтаго цвѣта.

— Вотъ то, что вамъ нужно—сказала она.—Посыпьте этимъ порошкомъ любое кушанье — онъ все-таки не будетъ замѣтенъ. Нѣсколько этихъ хлопьевъ въ соединеніи съ порошкомъ причинятъ сперва бредъ, а вскорѣ затѣмъ и смерть. Средство это уже было испытано.

Агриппина, взявъ ядъ, молча покинула камеру затворницы. Ацерронія, ожидая императрицу, стояла у дверей, и Пуденсъ проводилъ обѣихъ женщинъ обратно во дворецъ, на половину императрицы.

Глава IV.

Прошло двѣ недѣли послѣ описаннаго вечера. Клавдій, утомленный непрестанными заботами о благополучномъ процвѣтаніи имперіи, дѣлами которой всегда занимался очень добросовѣстно, а также и своими учеными трудами, сталъ замѣтно прихварывать и слабѣть. Несчастная наклость къ вину усиливала болѣзненное состояніе императора. Но ревностный исполнитель обязанностей государя, онъ долго отклонялъ совѣтъ врачей и своихъ приближенныхъ нѣсколько отдохнуть. Однако, наконецъ онъ рѣшился, уступая настоятельнымъ просьбамъ императрицы, переѣхать на время изъ Рима въ Синуэссу, въ надеждѣ, что мягкій климатъ, а также и цѣлебные ключи, которыми славилась эта мѣстность, возстановятъ его расшатанныя силы. Дѣйствительно, въ тишинѣ уединенія и окруженный постоянно нѣжными заботами Агриппины, онъ скоро поправился, успокоенный въ своихъ худшихъ подозрѣніяхъ. Дѣти его были при немъ, и Агриппина видѣла съ бѣшеной ревностью, затаенной въ душѣ, какъ съ каждымъ днемъ увеличивалась его нѣжность къ Британнику и къ Октавіи. Она поняла, что всякое дальнѣйшее промедленіе съ задуманнымъ злодѣяніемъ грозило ей опасностью. Она стояла на краю страшной бездны: Палласъ могъ одуматься и, павши въ порывѣ мимолетнаго раскаянія къ ногамъ императора, раскрыть ему все. Мнительный по натурѣ, Клавдій всего легче поддавался подозрѣнію. Къ тому же, и Галотъ, и Ксенофонтъ, и Локуста всѣ — трое были уже посвящены, до нѣкоторой степени, въ тайну ея замысла. Простая случайность, наконецъ, или неосто-

рожно сказанное слово - развѣ не могли выдать ее или погубить? Нѣтъ, долѣе откладывать нельзя, если она желаетъ положить конецъ томительной неизвѣстности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, счастливо пожать блестящіе плоды задуманнаго преступленія.

Еще въ Синуэссѣ думала она привести въ исполненіе давно намѣченный планъ. Но за послѣднее время Клавдіемъ вдругъ овладѣла какое-то странное безпокойство: онъ сталъ торопиться отъѣздомъ и уже 13 октября вернулся въ Римъ, увѣряя приближенныхъ, что эти немногіе дни, проведенные имъ на чистомъ деревенскомъ воздухѣ, окончательно излечили его. Трепеща, какъ бы кровавый замыселъ ея не рухнулъ съ пріѣздомъ Нарцисса, который не сегодня, завтра могъ возвратиться въ Римъ, Агриппина рѣшила ускорить дѣло и немедленно приступила къ его исполненію.

Едва прибывъ во дворецъ, по возвращеніи въ Римъ, она тотчасъ распорядилась, чтобы Ацерронія привела къ ней евнуха Галота, но не замѣтно для всѣхъ.

— Императоръ далеко еще не совсѣмъ оправился отъ своей болѣни, - сказала она, когда вошелъ евнукъ, человѣкъ съ молодости и до сѣдыхъ волосъ состоявшій на службѣ въ домѣ Клавдія. - Аппетитъ его все еще плохъ и нуждается въ постоянномъ возбужденіи; прошу васъ поэтому позаботиться, чтобы ужинъ сегодня былъ приготовленъ изъ блюдъ наиболѣе по вкусу государя.

— Грибы болеты любимое кушанье цезаря, — сказалъ евнухъ; — и хотя въ настоящее время года они величайшая рѣдкость, всетаки мнѣ удалось пріобрѣсти небольшое количество этихъ грибовъ для стола нашего великаго императора.

— Прикажите принести ихъ сюда; я хочу посмотрѣть на нихъ.

Евнухъ удалился, и черезъ нѣсколько минутъ вернулся въ сопровожденіи раба, который несъ на серебряномъ блюдѣ грибы, которые поставилъ передъ Агриппиной.

— Я посовѣтуюсь сейчасъ на счетъ этихъ грибовъ съ Ксенофонтомъ, который, вѣроятно, дежуритъ въ сосѣдней залѣ, и спрошу его, не вредны ли они для цезаря, — сказала Агриппина, и говоря это, захвативъ блюдо съ грибами, прошла въ сосѣднюю комнату, которая оказалась пустой, и гдѣ она, не торопясь, насыпала между поръ внутренней розоватой поверхности одного изъ грибовъ хлопья и желтоватый порошокъ, пріобрѣтенные ею отъ Локусты. Потомъ она вернулась въ залу, гдѣ оставался Галотъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній императрицы и сказала ему:

— Такой гастрономическій деликатесъ, Галотъ, надо приберечь исключительно для стола императора, и особенно вотъ этотъ балетъ — самый лучшій и большой — я предназначаю одному только цезарю. Клавдій будетъ польщенъ и тронутъ моими заботами угодить его вкусамъ, а вы, если только я останусь довольной вами — можете отнынѣ смотрѣть на себя, какъ на человѣка свободнаго.

Евнухъ молча поклонился, но, когда онъ вышелъ за дверь, его старческое, морщинистое лицо искривила недобрая усмѣшка.

Насталъ вечеръ; но къ ужину на этотъ разъ было приглашено противъ обыкновенія лишь очень небольшое число наиболѣе приближенныхъ къ цезарю людей. За *сигмою*, или полукруглымъ столомъ, за которымъ возлежалъ императоръ, были только, кромѣ бывшей съ нимъ рядомъ императрицы, — Октавія, Неронъ и Паласъ. Немного поодоль, за другимъ столомъ, помѣщались: начальникъ преторіанскаго лагеря, Бурръ, Афраній и Сенека, наставникъ Нерона, и еще два-три приглашенныхъ для компаніи сенатора. Но хотя никто изъ этихъ лицъ, за исключеніемъ Палласа и, стоявшаго позади императора, евнуха Галота, не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія относительно готовившейся разыграться въ эту ночь драмы, однако, всѣ они почему-то находились какъ бы подъ гнетомъ чего-то удручающаго: было ли то тяжелое предчувствіе, или безотчетный страхъ передъ невѣдомой опасностью, но разговоръ за ужиномъ въ этотъ вечеръ какъ-то не клеился и, несмотря на всѣ старанія краснорѣчиваго Сенеки оживить его искусной діалектикой, былъ вялъ, и никого, повидимому, не интересовалъ. Да и за столомъ цезаря замѣчалось нѣчто среднее между страхомъ и ожиданіемъ. Неронъ, которому въ теченіе дня Агриппина сдѣлала вскользь два-три неясныхъ намека, сидѣлъ понурый и какъ бы встревоженный. Октавія — въ то время дѣвочка лѣтъ четырнадцати — какъ и всегда, робѣла въ присутствіи своего мужа Нерона и упорно молчала. Клавдій всецѣло отдался ѣдѣ и, одинъ за другимъ, выпивалъ кубки фалернскаго вина. Одна императрица была очень разговорчива и казалась очень веселой: она шутила, смѣялась и не разъ принималась благодарить цезаря за то, что онъ такъ благоразумно внялъ ея просьбамъ и далъ себѣ нѣкоторый отдыхъ, чѣмъ возстановилъ свое здоровье.

— А вотъ и маленькій сюрпризъ, который я припасла для цезаря, — сказала она. - Мнѣ вѣдь извѣстно, что эти рѣдкіе грибы болеты — любимое кушанье моего императора. Блюдо это приготовлено исключительно для насъ однихъ. Два-три гриба я возьму себѣ, но всѣ остальные долженъ съѣсть императоръ, а особенно вотъ этотъ.

И императрица собственноручно положила на тарелку Клавдію злосчастный грибъ. Императоръ съ жадностью накинулся на лакомое кушанье, благодаря императрицу за вниманіе. Однако, черезъ нѣсколько времени онъ вдругъ сталъ дико озираться, хотѣлъ было что-то сказать, но языкъ не повиновался ему; тогда онъ всталъ изъ-за стола, но сейчасъ же пошатнулся и, какъ снопъ, свалился на руки вѣроломнаго измѣнника Галота.

Несчастнаго императора поспѣшили вынести изъ триклиніума въ нимфеумъ, залу, уставленную рѣдкими растеніями, между которыхъ лились фонтаны въ широкій бассейнъ. Сюда немедленно призвали врача Ксенофонта, который началъ съ того, что приказалъ перенести императора въ его опочивальню.

Пораженные ужасомъ, Сенека и Бурръ многозначительно переглянулись; но никто изъ присутствовавшихъ не вымолвилъ ни

слова, и только послѣ того, какъ Агриппина, подойдя къ Палласу, шепнула ему на ухо, чтобъ онъ удалилъ гостей, этотъ послѣднiй всталъ и громогласно объявилъ, что императоръ внезапно заболѣлъ, и что хотя опаснаго, повидимому, ничего нѣтъ, все-таки императрица очень встревожена и, понятно, желала бы всецѣло отдаться теперь уходу за больнымъ цезаремъ, въ виду сего гостямъ всего лучше удалиться.

Императоръ между тѣмъ лежалъ въ своей опочивальнѣ, тяжело дыша и въ конвульсiяхъ; по временамъ онъ впадалъ въ безсознательное состоянiе, и тогда лежалъ неподвижно; и затѣмъ, вновь начинались судороги, сопровождавшiяся предсмертнымъ бредомъ. Появилось опасенiе, какъ бы вино, поглощенное имъ за столомъ въ изрядномъ количествѣ, не парализировало дѣйствiе яда. Часъ шелъ за часомъ, а императоръ все еще дышалъ. Тогда Ксенофонтъ, видѣвшiй опасность, обратился къ тѣмъ немногимъ постороннимъ лицамъ, которые находились въ опочивальнѣ цезаря, и подъ тѣмъ предлогомъ, что больному необходимъ прежде всего полный покой, попросилъ ихъ удалиться, а императрицу взять на себя обязанности сидѣлки. Послѣ этого онъ потребовалъ, чтобы ему принесли длинное перо, чтобы посредствомъ щекотанiя горла вызвать рвоту, а съ нею и облегченiе. Ему принесли длинное перо фламминга, которое предатель, едва рабъ, принесшiй перо, скрылся за дверью, смазалъ быстро дѣйствующимъ ядомъ и такимъ образомъ ввелъ его въ организмъ цезаря. Дѣйствiе этого яда было немедленное. Вздувшееся тѣло императора на секунду приподнялось въ послѣднемъ предсмертномъ содроганiи—и все было кончено. Клавдiя не стало.

Равнодушно и спокойно смотрѣла Агриппинна на страшное зрѣлище и ни одной слезой, ни однимъ вздохомъ не почтила убiйца послѣднiя минуты жизни своего мужа и дяди.

— А теперь надо будетъ до времени скрыть отъ народа и войска смерть императора,—сказала она, обращаясь къ Ксенофонту.— Оставайтесь здѣсь, а я пойду и объявлю, что онъ погрузился въ благотворный сонъ и завтра проснется, вѣроятно, совершенно здоровый. Не сомнѣвайтесь: щедрыя милости посыпятся на васъ съ воцаренiемъ Нерона. Но до того времени еще много дѣла впереди.

И Агриппина поспѣшила на свою половину, откуда разослала, не смотря на полуночное время, гонцовъ въ разные концы Рима. Жрецамъ она послала приказъ возносить усердныя молитвы всѣмъ богамъ о выздоровленiи цезаря; консуламъ велѣла немедленно созвать сенатъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послала секретную инструкцiю, чтобы они, молясь о выздоровленiи императора, въ то же время были готовы на все. Особые гонцы были отправлены, одинъ къ Сенекѣ, другой къ Бурру: первому съ приказанiемъ приготовить рѣчь, которую, въ случаѣ надобности, могъ бы произнести Неронъ передъ сенатомъ; второму—съ требованiемъ явиться съ зарею во дворецъ и оставаться тамъ въ ожиданiи исхода событiя.

Въ то же время она дала строжайшiй приказъ, чтобы всѣ дворцовые входы и выходы оберегались часовыми, и чтобы никого не пропускали ни во дворецъ, ни изъ дворца безъ письменнаго разрѣшенiя. А между тѣмъ, ни Британникъ, ни Октавiя, не имѣвшiе во всемъ дворцѣ почти никого, кому были бы дороги ихъ интересы, ничего не знали о происшедшемъ въ опочивальнѣ ихъ отца—ихъ единственнаго защитника. Отъ приставленныхъ же къ нимъ шпiоновъ и предателей имъ удалось узнать лишь то, что императоръ внезапно занемогъ послѣ ужина, но что теперь ему уже лучше, и онъ спокойно спитъ.

Принявъ всѣ нужныя для своей цѣли мѣры предосторожности и сдѣлавъ распоряженiе, чтобы никого, кромѣ Палласа, въ комнату больного, подлѣ мертваго тѣла котораго оставался Ксенофонтъ, не впускали, Агриппина удалилась въ свою опочивальню. Но прежде чѣмъ лечь, она, пожелавъ взглянуть на ночное небо, подошла къ окну и увидала вдали на горизонтѣ какую-то яркую полосу свѣта. Призвавъ своего астролога, она спросила его, что это значитъ. Въ первую минуту астрологъ какъ будто чѣмъ-то смутился; но немедленно же поспѣшилъ объяснить императрицѣ, что это—комета.

— Не предвѣщаетъ ли такое знаменiе какого-нибудь несчастiя? спросила она.

Но такое толкованiе было не въ разсчетахъ хитраго грека, и потому онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ; такое знаменiе можетъ предвѣщать и блестящее начало новаго царствованiя.

Успокоенная этими словами, Агриппина, приказавъ своей служанкѣ разбудить себя часа черезъ три, легла и скоро заснула сладкимъ сномъ невиннаго младенца. Ни страшный кошмаръ, ни блѣдные призраки прошлаго, ни раздирающiе стоны только-что отравленнаго мужа, ни грозные голоса карающихъ фурiй — ничто не потревожило ея сна, и утренняя заря не успѣла еще заняться на небѣ, какъ Агриппина, разодѣтая въ пышный царскiй нарядъ, спокойная и раздушенная, вышла изъ опочивальни, чтобы закончить то, что въ теченiе столь многихъ лѣтъ было главной цѣлью ея ненасытнаго честолюбiя.

Глава V.

Выйдя изъ опочивальни, Агриппина прежде всего позвала своихъ астрологовъ и халдеевъ-гадателей. Слѣпо вѣря въ ихъ прорицанiя, она боялась сдѣлать рѣшительный шагъ, не услыхавъ отъ нихъ подтвержденiя, что настала минута, благопрiятная для затѣяннаго ею переворота. Затѣмъ она поспѣшила въ спальню Клавдiя, гдѣ врачъ Ксенофонтъ очень спокойно сторожилъ брен-

ные останки отравленнаго имъ человѣка. Циникъ и атеистъ въ душѣ, онъ не зналъ ни страха передъ преступленіемъ, ни укоровъ совѣсти послѣ его совершенія, и теперь мечталъ лишь о тѣхъ богатыхъ дарахъ, которые достанутся ему въ награду за ловкое содѣйствіе и молчаніе.

Войдя въ комнату, Агриппина сказала врачу, указывая на покрытое пурпуровымъ покровомъ тѣло Клавдія:

— Обнародовать о его кончинѣ пока еще рано. Благопріятнаго предзнаменованія, по словамъ халдеевъ, пока еще нѣтъ. Но какъ устроить, чтобы въ продолженіе еще нѣсколькихъ часовъ скрыть его смерть?

— Асклепіадъ совѣтуетъ намъ, врачамъ, прибѣгать къ звукамъ музыки и пѣнія для утѣшенія страданій умирающихъ,—съ плохо скрытой насмѣшкой отвѣчалъ врачъ;—и въ виду этого императрица поступитъ очень благоразумно, если прикажетъ позвать комедіантовъ и музыкантовъ и велитъ имъ играть и пѣть въ сосѣдней комнатѣ. Доставить развлеченіе божественному Клавдію они конечно, уже будутъ не въ силахъ; но они позабавятъ по крайней вѣрѣ меня въ одиночествѣ...

— Но не появилось ли бы въ комъ-нибудь подозрѣнія, что онъ уже скончался?

— Нѣтъ, Августа; чтобы не дать замѣтить мертвой тишины, я нарочно самъ по временамъ стоналъ и покашливалъ.

Императрицу въ первую минуту, казалось, смущала мысль призвать въ комнату, по сосѣдству съ которой лежалъ покойникъ, музыкантовъ и мимовъ. Но, понимая, что такая мѣра могла дѣйствительно помочь ей скрыть на время дѣйствительность, она рѣшилась послѣдовать совѣту врача. Но, прежде чѣмъ покинуть опочивальню цезаря, она подошла къ ложу умершаго и на минуту приподняла покровъ съ его лица; но тотчасъ же и раскаялась въ неумѣстномъ любопытствѣ: это мертвое лицо, съ котораго смерть успѣла согнать всѣ слѣды человѣческихъ слабостей и страстей, наложивъ на него свою печать строго-величаваго спокойствія, до конца дней преслѣдовало ее какъ грозно-укоряющій призракъ.

Выйдя изъ спальни цезаря, она тотчасъ-же приказала пригласить музыкантовъ и мимовъ, такъ какъ императоръ— сказала она—проснулся и пожелалъ имѣть какое-нибудь развлеченіе, — и скоро въ сосѣдней съ покойникомъ комнатѣ раздались звуки музыки и пѣнія, чередовавшіеся съ грубыми шутками и шумными буффонадами мимовъ.

Тѣмъ временемъ, Агриппина, помѣстившись въ одной изъ пріемныхъ залъ, велѣла позвать къ себѣ Британника, Октавію и сводную сестру ихъ Антонію и стала осыпать ихъ самыми нѣжными ласками, стараясь удержать ихъ возлѣ себя, въ особенности же, Британника. Она цѣловала юношу, обнимала его, со слезами на глазахъ называла живымъ портретомъ Клавдія, настоящимъ цезаремъ; проводила своей бѣлоснѣжной рукой по его длиннымъ

шелковистымъ волосамъ и, чтобы успокоить его, дѣлала видъ, будто ежеминутно посылаетъ въ опочивальню цезаря справляться объ его здоровьѣ. Но все это время подъ личиной спокойствія и нѣжнаго участія, она болѣла душой, томясь въ мукахъ страшно-тревожной неизвѣстности, такъ какъ астрологи и халдеи все продолжали увѣрять ее черезъ ея клевретовъ, что благопріятная минута еще не настала. Съ другой стороны, ее отчасти безпокоилъ и Британникъ, который, мучимый тяжелымъ предчувствіемъ грядущаго несчастія, болѣе и болѣе порывался—какъ и Октавія— къ больному отцу. Тщетно старалась Агриппина отвлечь мысли юноши отъ того, что происходило въ опочивальнѣ цезаря, развлечь его различными разсказами и, наконецъ, даже предложила подарить ему своего бѣлаго соловья, считавшагося во всемъ Римѣ величайшей рѣдкостью. Однакожъ, Британникъ, не смотря на свою страсть къ птицамъ, на этотъ разъ холодно отказался отъ ея предложенія, замѣтивъ, что вовсе не желаетъ лишать ея такой птицы, которой завидуетъ весь Римъ.

Наконецъ, волненіе и безпокойство юноши достигли крайнихъ предѣловъ.

— Я увѣренъ,—сказалъ онъ,—что отецъ мой занемогъ серьезно, и, конечно, желалъ бы видѣть меня подлѣ себя. Я уже не ребенокъ, чтобы въ такой моментъ сидѣть здѣсь, въ бездѣйствіи, среди женщинъ, а потому позвольте мнѣ, Августа, пойти къ императору.

— Еще потерпи немного, дорогой мой Британникъ, — ласково стала уговаривать юношу Агриппина;—вѣдь, не захочешь же ты потревожить твоего отца, прервавъ своимъ приходомъ его сонъ. отъ котораго зависитъ, быть можетъ, самое выздоровленіе.

Это было сказано, чтобы выиграть время и, вмѣстѣ съ тѣмъ, успокоить юношу, хотя Британникъ и самъ понималъ, что всякая попытка его уйти безъ разрѣшенія императрицы была бы безполезна. Всѣ входы и выходы дворца оберегались толпой рабовъ, отпущенниковъ и солдатъ, состоявшихъ на жалованьѣ у Агриппины. Къ тому же, все утро въ длинныхъ проходахъ то и дѣло раздавались чьи-то тяжелые и торопливые шаги и вообще по всему можно было догадаться, что во дворцѣ готовится что-то необычайное. Но вотъ и на улицѣ, со стороны главныхъ воротъ, послышались бряцаніе оружія и шаги военнаго отряда.

Въ эту минуту въ дверяхъ залы показался Паллась и съ низкимъ поклономъ печально проговорилъ:

— Августа, я огорченъ необходимостью сообщить вамъ плачевное извѣстіе: императоръ Клавдій скончался.

При этомъ извѣстіи Октавія, введенная въ заблужденіе увѣреніями Агриппины, начала горько плакать. Британникъ опустился на сидѣніе и, склонивъ голову, закрылъ лицо руками. Онъ любилъ отца горячо и искренно, и въ первую минуту тяжелаго горя былъ далекъ отъ всякихъ эгоистическихъ помысловъ, хотя и зналъ, что будетъ призванъ наслѣдовать отцу на римскомъ пре-

столѣ. Затѣмъ онъ всталъ, провелъ рукой по заплаканнымъ глазамъ и, подойдя къ своей сестрѣ Октавіи, обнялъ ее ласково и сказалъ:

— Теперь мы круглые сироты съ тобой, Октавія. Матери у насъ давно уже нѣтъ, а сегодня мы лишились отца. Мы остались одни - и должны крѣпко стоять другъ за друга. Не падай духомъ! И ты тоже, Антонія, успокойся и не плачь: обѣщаю быть всегда добрымъ братомъ какъ для одной, такъ и для другой изъ васъ.

А тѣмъ временемъ Агриппина съ появленіемъ въ залѣ Палласа тотчасъ же сняла съ себя личину, понявъ, что халдеи и астрологи наконецъ-то остались довольны небесными знаменіями. Черезъ минуту она уже слышала, какъ, скрипя, отворились дворцовые ворота, затѣмъ она услышала голосъ Бурра, приглашавшаго военную когорту встрѣтить привѣтствіемъ своего новаго императора, и, наконецъ, — о счастливый мигъ! — до нея одинъ за другимъ начали доноситься восторженные клики войска и народа: «Да здравствуетъ императоръ Неронъ!» «Да здравствуетъ внукъ славнаго Германика!»

Тогда она встала торжествующая, вышла на террасу и увидала вдали своего сына. Лицо молодого человѣка сіяло торжествомъ и радостью, глаза блестѣли, длинные вьющіеся волосы, развѣваясь, казались золотыми, освѣщенные лучами полуденнаго солнца; его невысокая, но стройная фигура была облечена въ пурпуровую мантію римскихъ императоровъ. Опираясь на руку преторіанскаго префекта, онъ обходилъ ряды дворцовой когорты.

— Преторіанцы!—громко взывалъ къ солдатамъ Бурръ,—глядите, вотъ императоръ вашъ, Неронъ Клавдій Цезарь.

Неронъ! — послышалось въ рядяхъ нѣсколько робкихъ и какъ бы нерѣшительныхъ восклицаній.—Но гдѣ же Британникъ? Гдѣ родной сынъ императора?

И солдаты въ недоумѣніи стали озираться. Но въ то время Бурръ, чтобы положить конецъ опаснымъ колебаніямъ, громогласно скомандовалъ: «Принесите носилки!» — и черезъ минуту Неронъ на богато разукрашенныхъ носилкахъ и сопровождаемый префектомъ, во главѣ избранной когорты кавалеристовъ, направился по дорогѣ къ лагерю преторіанцевъ.

Теперь торжество Агриппины дошло до апогея. Гонцы за гонцами являлись къ ней съ извѣстіемъ, что всѣ римляне, какъ одинъ человѣкъ, привѣтствуютъ ея сына своимъ императоромъ и что въ воздухѣ стоитъ стонъ отъ громкаго ликованія народа и восторженныхъ привѣтствій въ честь юнаго цезаря.

Потомъ вновь избраннаго императора понесли съ музыкой и пѣснями, заглушаемыми радостными кликами сопровождавшей его толпы народа въ сенатъ. Но и по дорогѣ въ сенатъ нашлось всетаки нѣсколько смѣльчаковъ, во всеуслышаніе, и не безъ изумленія, спрашивавшихъ: «Гдѣ же Британникъ? Гдѣ родной сынъ Клавдія?» Эти возгласы, какъ ни терялись среди шума другихъ криковъ, долетѣли и до слуха Британника. Онъ было хотѣлъ при

этомъ выбѣжать на балконъ и показаться народу, но повелительный жестъ Агриппины и Палласъ, который схвативъ его за плечо, остановили юношу. Въ отчаяніи онъ опустился на стулъ и закрылъ лицо руками. Октавія, въ свою очередь подошла къ брату и стала утѣшать его. Сознавая свое безсиліе, видя себя всѣми оставленнымъ, понимая свое одиночество въ этомъ дворцѣ и, наконецъ, услышавъ среди криковъ, привѣтствовавшихъ Нерона, крикъ: «Да здравствуетъ дочь нашего незабвеннаго Германика!» бѣдный юноша понялъ, что всякая борьба была бы теперь болѣе чѣмъ безполезна, и молча покорился было своей участи, какъ вдругъ вскочилъ, и блѣдный отъ негодованія, всталъ передъ Агриппиной.

— Почему императоромъ провозглашенъ не я?—спросилъ онъ грозно сверкнувъ глазами.—Не думаю, чтобы мой отецъ когда-нибудь имѣлъ намѣреніе лишить меня законныхъ моихъ правъ. Я родной его сынъ, а не пріемышъ. Это заговоръ! Гдѣ завѣщаніе покойнаго государя, моего отца? Почему не представлено оно сенату для обнародованія?

Императрица стояла, пораженная удивленіемъ, услышавъ такой энергичный протестъ изъ устъ этого мальчика, всегда кроткаго и безотвѣтнаго.

— Глупый мальчикъ! — сказала она. — Тебѣ ли, еще ребенку, на котораго не возложена тога зрѣлости, тебѣ ли совладать съ тяжелымъ бременемъ правителя міровой имперіи? Но не бойся: Неронъ твой братъ, не дастъ тебя въ обиду.

— Не дастъ меня въ обиду! — съ негодованіемъ повторилъ возмущенный до глубины души Британникъ. — Это заговоръ! Хитрыми происками украли вы у меня наслѣдство моего отца, чтобы отдать его вашему сыну Агенобарбу.

Услыша это Агриппина уже было подняла руку, чтобы ударить юношу, но тутъ вмѣшался Палласъ и, остановивъ ее, твердо, хотя и не безъ нѣжности въ голосѣ, сказалъ молодому принцу:

— Замолчите, если не хотите себя погубить безвозвратно. Оставьте эти вопросы, молодой человѣкъ: не намъ съ вами рѣшать ихъ. Это дѣло сената, преторіанцевъ и римскаго народа. Если войско избрало Нерона своимъ императоромъ, и сенатъ утвердилъ такой выборъ — онъ вашъ императоръ — и вы должны ему повиноваться!

— Всякое сопротивленіе съ твоей стороны будетъ безполезно, братъ, — замѣтила ему и Октавія. — Отца у насъ болѣе нѣтъ, Нарциссъ удаленъ, и здѣсь нѣтъ никого, кто бы могъ заступиться за насъ.

— Никого, кто бы могъ заступиться! — повторила Агриппина.— И это говоритъ Октавія, жена моего Нерона! Неблагодарная! Развѣ отнынѣ ты не императрица? Не первое лицо послѣ Нерона?

Но на это Октавія ничего не отвѣтила, а только повторила:

— Отецъ нашъ скончался! — и потомъ прибавила: — Не раз-

рѣшить ли намъ Августа теперь пойти къ нему и поплакать надъ его тѣломъ?

— Идите! — сказала Агриппина и прибавила: — Я же со своей стороны приму всѣ мѣры, чтобы былъ онъ причисленъ къ сонму безсмертныхъ боговъ и чтобы народъ воздалъ его останкамъ всѣ почести, какія слѣдуютъ члену дома цезарей.

Затѣмъ, обратясь къ лицамъ своей свиты, она приказала имъ распорядиться, чтобы у входа въ атріумъ былъ поставленъ кипарисъ; чтобы въ комнатѣ покойника и днемъ, и ночью курили ѳиміамъ; чтобы тѣло умершаго облекли въ императорскую тогу поверхъ туники; чтобы ко дню погребенія были сдѣланы всѣ приготовленія для погребальной процессіи: съ женщинами-плакальщицами, флейтщиками и трубачами, актерами и масками, съ герольдами и ликторами въ траурномъ одѣяніи.

А Неронъ въ это время произносилъ передъ сенатомъ весьма эффектную рѣчь, сочиненную для него Сенекой — рѣчь, въ которой излагалась, въ самыхъ красивыхъ и громкихъ фразахъ, самая квинтъ-эссенція мудраго правленія, и которую прерывали ежеминутно оглушительные взрывы единодушныхъ рукоплесканій. Наконецъ сенаторы, умиленные и восхищенные, не зная, чѣмъ почтить юнаго императора, предложили ему принять титулъ «отца своего отечества» на что Неронъ отвѣтилъ скромно: «Да, но не прежде, чѣмъ заслужу его».

День приближался уже къ вечеру, когда вблизи дворца вновь раздались оглушительные крики ликованія, возвѣстившіе Агриппинѣ о приближеніи Нерона, возвращавшагося въ сопровожденіи Бурра, Сенеки, преторіанцевъ и цѣлой толпы шумно ликовавшаго народа, изъ куріи во дворецъ.

Въ золотой парчевой паллѣ поверхъ пурпуровой столы, густо усѣянной жемчугомъ, Агриппина, въ ожиданіи сына, возсѣдала въ тронной залѣ. И какъ только увидала Нерона, она сошла съ высоты позолоченнаго трона и горделивой поступью пошла ему на встрѣчу. Неронъ, подойдя къ матери, наклонился было, чтобы поцѣловать ей руку, но Агриппина, позабывъ въ порывѣ материнскаго чувства придворный этикетъ, заключила его въ свои объятія.

Въ этотъ день Агриппина поднялась до высшей точки той высоты, къ которой всю жизнь стремилась эта женщина въ ея чудовищномъ честолюбіи. Ее сынъ былъ императоромъ, и она ласкала себя увѣренностью, что этотъ новый императоръ въ ея сильныхъ и опытныхъ рукахъ будетъ податливъ и мягокъ, какъ воскъ. Внучка и правнучка императоровъ, она въ тоже время была и сестрой одного императора, и супругой другого и, въ заключеніе матерью третьяго!

Совсѣмъ позабывъ объ отравленномъ ею мужѣ, Агриппина строила самые грандіозные планы на будущее время своего нераздѣльнаго, какъ она полагала владычества, когда послѣ вечерняго банкета къ ней зашелъ Неронъ, слегка разгоряченный изрядными возліяніями и нѣсколько утомленный событіями дня. Пока мать и сынъ, прежде чѣмъ пожелать другъ другу покойной ночи, дружески бесѣдовали, поздравляя другъ друга съ блестящимъ началомъ новаго царствованія, къ Нерону явился центуріонъ дворцоваго караула, чтобы отъ него получить пароль на ночь.

— «Optima mater» (лучшая мать), — ни минуты не задумываясь, отвѣтилъ императоръ.

Глава VI.

Наврядъ ли оказался бы во всемъ Римѣ другой человѣкъ, которому послѣ молодого императора завидовали бы больше, чѣмъ завидовали Сенекѣ, воспитателю императора и первому послѣ него лицу въ имперіи. Философъ, риторъ и образцовый стилистъ по единогласному признанію критиковъ той эпохи, онъ, дѣйствительно, былъ человѣкъ безспорно замѣчательно даровитый, обладавшій чрезвычайно широкими познаніями, и къ тому же громадными богатствами. Но, къ сожалѣнію, въ глазахъ потомства, философъ этотъ много повредилъ себѣ несчастной попыткой войти въ невозможный компромиссъ, не мало пошатнувшій его репутацію, - и все-таки не спасшій его. Не мѣсто было философу при безнравственномъ дворѣ римскихъ цезарей. Трудно было оставаться на высотѣ ученія стоиковъ, и одновременно быть покорнымъ исполнителемъ воли Нерона. Не могли не отзываться неискренностью громкія восхваленія добродѣтели и трескучія фразы въ защиту бѣдныхъ и угнетенныхъ въ устахъ человѣка, находившагося въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ людьми, безъ совѣсти и безъ стыда утопавшими въ грязи всевозможныхъ пороковъ, непрестанно окруженнаго толпой льстецовъ и не умѣвшаго съ должной энергіей бороться съ собственными поползновеніями къ алчности и суетливому тщеславію.

А между тѣмъ, этотъ человѣкъ, даже замкнувшись въ скромной жизни частнаго лица, могъ бы быть такъ счастливъ, посвятивъ себя исключительно однимъ литературнымъ философскимъ занятіямъ. Домъ его былъ полной чашей; его сады роскошны и обширны; жена его, Паулина, была женщина любящая и кроткая; его сынъ, Маркъ, которому было предрѣшено погибнуть въ самомъ разцвѣтѣ юныхъ силъ насильственной смертью, былъ прелестный ребенокъ, восхищавшій всѣхъ, какъ своимъ счастливымъ веселымъ нравомъ, такъ и замѣчательными умственными способностями. Но, на свою бѣду, Сенека имѣлъ несчастіе попасть въ заколдованный кругъ придворной жизни. Вѣчно опасаясь потерять расположеніе къ себѣ Нерона, онъ постоянно принужденъ былъ, болѣя душой, потворствовать тому, чѣмъ возмущалась его совѣсть, одобрять то, что было ему ненавистно. Какъ ни коротокъ былъ промежутокъ времени, прошедшаго со дня кончины

Клавдія, Сенека однакожъ уже успѣлъ убѣдиться за это время, что, стараясь сдерживать Нерона, онъ, собственно говоря, держитъ за уши волка; да и со стороны,—многіе уже начинали смотрѣть на него, какъ на впряженнаго въ колесницу легкомысленнаго ученика, контролировать поступки котораго дѣлалось ему не по силамъ.

Однажды, послѣ полудня, задумчивый и, видимо, растроенный, Сенека сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ—просторной комнатѣ съ длинными рядами полокъ, на которыхъ лежали избранныя сочиненія лучшихъ авторовъ въ свиткахъ изъ тонкаго пергамента и папируса, накатанныхъ на палки изъ слоновой кости. Но сегодня этотъ даровитѣйшій, вліятельнѣйшій и богатѣйшій изъ римскихъ сенаторовъ того времени былъ не то встревоженъ тяжелымъ предчувствіемъ, не то раздосадованъ тѣми намеками на свою постыдную и малодушную угодливость передъ Нерономъ, какіе въ это утро ему пришлось выслушать отъ одного изъ многихъ своихъ посѣтителей.

Въ этотъ день въ Сенекѣ первымъ явился братъ его, Галліо, недавно вернувшійся изъ Ахаіи, гдѣ занималъ постъ проконсула, и съ которымъ философъ долго бесѣдовалъ по душѣ. Галліо, между прочимъ, разсказалъ одинъ маленькій эпизодъ, которому Сенека много смѣялся. Однажды, толпа коринѳскихъ евреевъ привела къ нему на судъ своего раввина, обвиняя его въ единомысліи съ какими-то сектантами—послѣдователями ученія одного злодѣя, распятаго будто бы за попытки взбунтовать народъ—а всего вѣрнѣе, въ угоду безпокойной еврейской черни, въ царствованіе Тиверія, въ эпоху прокураторства Понтія Пилата. Этого раввина звали Павломъ.

— Конечно, я отклонилъ отъ себя всякое разбирательство догматовъ этого гнуснаго суевѣрія,—сказалъ Галліо.

— Такъ-то оно такъ, —замѣтилъ въ раздумьи Сенека, — но многимъ ли лучше наша миѳологія?

Галліо пожалъ плечами.

Эти боги — боги черни, а не наши, — сказалъ онъ, — они излишни для правителей.

— Ты знаешь вѣдь, къ сонму этихъ боговъ недавно причислено еще новое божество — божественный Клавдій, — сказалъ Сенека.

— Да,—многозначительно проговорилъ Галліо, — новаго этого небожителя вознесли въ сферу боговъ не безъ крючка. Однако, ты не далъ мнѣ досказать исторіи съ раввиномъ. Этотъ Павелъ—по рожденію простой еврей,—былъ, какъ кажется, прежде чѣмъ-то въ родѣ обыкновеннаго ремесленника; но, такъ или иначе, ему удалось какъ-то, не смотря на его нелѣпыя вѣрованія, войти въ довѣріе къ Эрасту и многимъ другимъ грекамъ. Странно сказать, но этотъ любопытный субъектъ, исповѣдуя вѣру въ религіозные догматы самаго безсмысленнаго содержанія, въ то же время проповѣдывалъ, какъ мнѣ передавали, чрезвычайно оригинальный кодексъ очень высокой этики. Не безъ любопытства смотрѣлъ я на него. Онъ былъ одѣтъ въ обыкновенный костюмъ восточныхъ евреевъ; съ чалмой на головѣ и въ грубомъ полосатомъ хитонѣ поверхъ туники. Роста онъ не высокаго, лицо типичное настоящаго еврея. Но въ глазахъ его, хотя и больныхъ, воспаленныхъ, было что-то особенное. Ты знаешь вѣдь, я полагаю, до какой виртуозности доходятъ эти евреи въ искусствѣ визгливо кричать и шумѣть, какъ только разсвирѣпѣютъ. Даже и здѣсь, въ Римѣ, случалось намъ слышать ихъ гвалтъ, и ты самъ, конечно, не забылъ того памятнаго дня, когда Цицеронъ, оглушенный ихъ криками до того, что чуть было не позабылъ о чемъ долженъ былъ говорить, принужденъ былъ свою рѣчь произнести шепотомъ, чтобы не могла ее слышать собравшаяся на форумѣ толпа евреевъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, кого же не приведетъ въ ужасъ, будь онъ даже и римлянинъ, эта грязная толпа людей, дико жестикулирующихъ, орущихъ и бѣснующихся всячески! Чего ужъ я, кажется, довольно-таки спокойный человѣкъ, какъ ты самъ знаешь, и то порядкомъ напугался, хотя всячески и старался скрыть это подъ видомъ равнодушнаго презрѣнія. Этотъ же Павелъ стоялъ тутъ среди бушевавшей черни и, спокойный и не устрашимый, точно Регулъ какой, или Фабрицій, смотря на своихъ жестокихъ гонителей съ кроткой всепрощающей лаской во взглядѣ. Не разъ пытался онъ умиротворить ихъ, стараясь вразумить добрымъ словомъ, но всякій разъ они прерывали его своими пронзительными криками. Ты себѣ не можешь представить то спокойствіе, то достоинство, съ какими стоялъ этъ невзрачный, тщедушный еврей въ бѣсновавшейся противъ него толпѣ. Признаюсь, онъ поразилъ меня: лицо его дышало кротостью, и отъ него вѣяло какой-то необыкновенной нравственной чистотой. Спокойно сидя на моемъ курульномъ креслѣ, я рѣшилъ оставить безъ вниманія требованія крикливыхъ евреевъ противъ этого человѣка и объявилъ имъ, что въ виду полнаго отсутствія противъ Павла всякихъ уликъ въ какомъ-либо уголовномъ преступленіи, я не берусь быть судьей въ ихъ религіозныхъ распряхъ, и тутъ же приказалъ ликторамъ очистить преторіумъ. Я думалъ было, что дѣло этимъ и кончится. Но не тутъ-то было. Послѣ евреевъ наступилъ чередъ грековъ шумѣть и волноваться. Взбѣшенные противъ евреевъ, затѣявшихъ бунтъ, они стали на сторону Павла, поспѣшили укрыть его куда-то, а затѣмъ чуть ли не подъ моими окнами избили до синяковъ старшину еврейской синагоги.

— Ну, и что же? ты, конечно, вмѣшался?—спросилъ Сенека.

— Нѣтъ; съ какой стати! Я только посмѣялся. Какое мнѣ дѣло—мнѣ, римлянину и философу—если горсть грековъ-тунеядцевъ и угоститъ синяками большее или меньшее число евреевъ. Но вотъ лицо этого Павла не давало мнѣ почему-то покоя. Мнѣ говорили, будто свое воспитаніе онъ получилъ въ Тарсѣ и что это человѣкъ образованный. Я все порывался было повидаться съ нимъ и побесѣдовать и развѣдалъ даже, что онъ нашелъ себѣ

убѣжище гдѣ-то на окраинѣ города, у одного шатернаго мастера еврея, Аквила, изгнаннаго изъ Рима въ силу мудраго эдикта Клавдія. Но ликторъ, которому я далъ порученіе отыскать его, не могъ, или же просто почему-либо не хотѣлъ найти его. Впрочемъ, эти христіане, вообще, люди очень скрытные; хотя въ концѣ-концовъ оно, можетъ быть, было и лучше не унижаться до какихъ-либо разговоровъ съ главой секты, всѣми презираемой за ея чудовищную развращенность, въ сравненіи съ которой — если вѣрить молвѣ — древнія вакханаліи, запрещенныя лѣтъ уже двѣсти тому назадъ, были ничто.

— Да и я тоже кое-что слыхалъ объ этихъ христіанахъ, — сказалъ Сенека.—Наши рабы, вѣроятно, знаютъ объ этихъ людяхъ гораздо больше, чѣмъ мы. Однако, безпокоить императора какимъ-либо упоминаніемъ о нихъ—развѣ они вздумаютъ устроить бунтъ въ Римѣ—я пока не стану.

Въ эту минуту Сенекѣ доложили о приходѣ другого его брата, сенатора Марка Эннеа Мелы съ сыномъ Луканомъ.

— Проси сюда,—сказалъ Сенека рабу и, вставъ, пошелъ на встрѣчу брату.—А вотъ и ты, братъ мой, и ты, мой Луканъ. Ну нравится ли вамъ ваше прибываніе въ Римѣ? Не лучше ли было бы для всѣхъ насъ, еслибъ мы остались въ родной нашей Кордовѣ?

— Не знаю ужъ, такъ ли это,—сказалъ Мела.—Что же собственно до меня, то я долженъ сказать, что считаю несравненно болѣе пріятнымъ для себя быть сенаторомъ въ Римѣ и прокураторомъ императорской вотчины, нежели управлять своимъ собственнымъ родовымъ помѣстьемъ въ Испаніи.

— А ты, какого мнѣнія нашъ поэтъ? — спросилъ Сенека, обращаясь къ молодому испанцу, стройному и красивому семнадцатилѣтнему юношѣ, первыя стихотворенія котораго уже успѣли заслужить сочувственное вниманіе критиковъ.

— Да я того мнѣнія, что если человѣку стоитъ жить изъ-за того, чтобы наслаждаться счастьемъ въ качествѣ частаго гостя за столомъ Нерона и слушать, какъ онъ читаетъ свои плохіе стишонки, то въ Римѣ мнѣ, конечно, лучше, чѣмъ въ Кордовѣ.

— Стихи его вовсе ужъ не такъ плохи, — замѣтилъ Сенека.

— О, конечно, они великолѣпны! — съ напускнымъ восторгомъ воскликнулъ Луканъ.—Сколько мысли! Какъ они полны самой потрясающей дѣйствительности! Сколько дивныхъ созвучій! Словомъ, они плаваютъ и таютъ во рту, какъ говоритъ мой другъ Персій.

— Однако, — ты не можешь не согласиться, что императоръ могъ бы найти себѣ занятіе похуже невиннаго стихотворства и пѣнія.

— Разумѣется; но императору было бы приличнѣе посвящать свое время дѣлу болѣе существенной важности, возразилъ молодой человѣкъ. — Къ тому же съ нимъ стою я на почвѣ весьма опасной и, признаюсь, былъ бы очень радъ, еслибъ ему никогда не приходила фантазія вызвать меня изъ Аѳинъ, и еслибъ онъ не величалъ меня своимъ другомъ. Откровенно говоря, я не люблю

его. Да и онъ тоже меня не особенно долюбливаетъ, и сколько бы онъ ни старался скрыть своей зависти ко мнѣ, она проглядываетъ при всякомъ случаѣ; тоже самое и въ моихъ похвалахъ, сколько бы ни восторгался я каждой строчкой читаемаго имъ собственнаго стихотворенія, онъ чувствуетъ неискренность и фальшь.

Сенека вздохнулъ.

— Смотри, будь остороженъ, Луканъ; берегись! Характеръ Нерона измѣняется быстро къ худшему. Мнѣ пока еще удается сдерживать въ немъ внутренняго лютаго звѣря—но разъ этотъ звѣрь хлебнетъ крови... Плохія, братъ, шутки, когда голова лежитъ въ пасти дикаго звѣря.

— Однако жъ, ты самъ, мнѣ кажется, и не такъ давно еще говорилъ, что по своему милосердію молодой Неронъ не имѣетъ себѣ соперниковъ ни въ одномъ изъ своихъ предшественниковъ,— замѣтилъ Галліо.

— Правда, я говорилъ это; но не нужно забывать, что все же онъ сынъ своего отца — отвѣчалъ Сенека, котораго непріятно покоробило такое напоминаніе.—А кому же изъ насъ не извѣстно, до какого звѣрства доходилъ въ своей жестокости Домицій Агенобарбъ! Не помню, разсказывалъ ли я вамъ когда-нибудь, что въ ночь послѣ, какъ получилъ я назначеніе быть его воспитателемъ, мнѣ приснилось, что мой воспитанникъ не Неронъ, а Калигула.

Наступило тяжелое молчаніе. Всѣ задумались. Тогда Луканъ, чтобы дать другое направленіе разговору, обратился къ Сенекѣ съ вопросомъ:

— Скажи мнѣ, дядя, вѣришь ли ты въ халдеевъ и ихъ гороскопы?

— Нѣтъ, не вѣрю — отвѣтилъ философъ. — По моему, звѣзда судьбы каждаго человѣка въ его сердцѣ.

— Слѣдовательно, не вѣришь. Впрочемъ, не скажу, чтобы и я довѣрялъ имъ слѣпо. А все-таки... но не хотите ли послушать, что предсказалъ мнѣ, однажды, одинъ халдей?

— Разсказывай, — сказалъ его отецъ Мела. — Я не мню себя такимъ мудрецомъ, какъ нашъ добрый Сенека и почти увѣренъ, что въ предсказаніяхъ астрологовъ есть своя доля правды.

— Онъ сказалъ мнѣ,—началъ Луканъ,—что прочелъ въ звѣздной книгѣ, что ранѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ и вы оба, дяди, и ты, отецъ, а также и я и...—тутъ молодой поэтъ весь содрогнулся— и мать моя Атилла—мы всѣ погибнемъ отъ насильственной смерти и благодаря моей винѣ. О, боги — если только боги существуютъ— отвратите это ужасное прорицаніе!

— Полно, Луканъ, вѣдь это же чистое суевѣріе, достойное еврея, или даже христіанина,—сказалъ Сенека. — Эти халдеи извѣстные шарлатаны. Всякій человѣкъ самъ кузнецъ своей судьбы. Я — воспитатель Нерона и ближайшій его совѣтникъ, ты — его другъ, всѣ члены нашей семьи въ величайшей милости при дворѣ... Однако, кто-то идетъ: я слышу шаги солдатъ. Это, вѣроятно,

Бурръ: я жду его; онъ долженъ придти ко мнѣ по одному важному государственному дѣлу. А потому до свиданія пока; приходите вечеромъ ужинать, если только вы не откажетесь раздѣлить со мной мою скромную трапезу.

— Недурна твоя скромная трапеза! — не безъ зависти проговорилъ Мела. — Твои ложи разукрашены инкрустаціей изъ черепахи, столы на точеныхъ ножкахъ изъ дорогой слоновой кости, а на столахъ хрустальные кубки и мирринскіе сосуды.

— Ну, не безразлично ли философу, пьетъ ли онъ изъ хрустальнаго кубка, или изъ глинянаго?—засмѣялся Сенека.—А что до моихъ столовъ съ ножками изъ слоновой кости, о которыхъ всѣ толкуютъ такъ много, то вѣдь и у Цицерона, небогатаго студента, былъ одинъ столъ, стоившій 500,000. сестерцій.

— Да, одинъ, а у тебя подобныхъ столовъ найдется, думаю, штукъ пятьсотъ,—сказалъ Мела.

Сенека немножко сконфузился.

— «Accepimus perritura perrituri»—недолговѣчные мы принимаемъ недолговѣчное,—улыбаясь сказалъ онъ.—Впрочемъ, даже и сама клевета не можетъ не засвидѣтельствовать, что для меня собственно на этихъ цѣнныхъ столахъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ подастся какая-либо роскошь, болѣе дорогая, чѣмъ свѣжая вода, овощи и плоды.

И, повторивъ Лукану на ухо совѣтъ вести себя осторожнѣе и не давать воли своему пылкому нраву, «суровый стоикъ—царедворецъ» всталъ и пошелъ на встрѣчу своему сотоварищу, Бурру Афранію.

Глава VII.

Бурръ былъ сравнительно человѣкъ еще молодой, и съ перваго взгляда въ немъ былъ видѣнъ настоящій воинъ—неустрашимый и честный римлянинъ. Но сегодня и онъ былъ угрюмъ и мраченъ, и тѣ, кому случалось видѣть его въ день воцаренія Нерона, когда онъ сопровождалъ юнаго императора сначала въ лагерь преторіанцевъ, а оттуда и въ сенатъ, не могли не замѣтить, какъ много новыхъ морщинъ прибавилось съ тѣхъ поръ на его открытомъ и честномъ лицѣ.

Подобно Сенекѣ, и Бурръ чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ положеніе дѣлъ при дворѣ принимаетъ все менѣе и менѣе утѣшительный характеръ. Но, къ счастію, народныя массы, какъ и большая часть аристократіи, радуясь миру и общественному благоденствію, пока еще находились въ полномъ невѣдѣніи тѣхъ прискорбныхъ обстоятельствъ, которыя возбуждали столько тревогъ за будущее въ умахъ этихъ двухъ государственныхъ мужей, безпокоя ихъ предчувствіями самаго зловѣщаго свойства. Какъ и аристократія, народъ съ восторженной похвалой отзывался о рѣчи, произнесенной новымъ императоромъ передъ сенатомъ послѣ того, какъ былъ отданъ послѣдній печальный долгъ бреннымъ останкамъ умерщвленнаго Клавдія. «Во всемъ мірѣ нѣтъ человѣка, противъ котораго я питалъ бы чувство злобы или ненависти, — сказалъ Неронъ,—и мстить мнѣ некому. Моей священнѣйшей обязанностью сдѣлается забота о сохраненіи во всей ея неприкосновенности автономіи закономъ утвержденнаго суда. Въ моемъ дворцѣ не будетъ ни подкупа, ни происковъ. Войскомъ я буду командовать, но никогда не позволю себѣ затронуть чѣмъ-либо священныхъ правъ отцовъ-сенаторовъ». Нельзя было не узнать въ этой рѣчи стиля и чувствъ Сенеки; но вѣдь это могло служить только ручательствомъ того, что кормило правленія наконецъ-то въ рукахъ мудрой философіи. И дѣйствительно, сенаторамъ на первыхъ порахъ представлено было принять нѣкоторыя весьма благодѣтельныя и полезныя мѣры. Это было началомъ того періода царствованія Нерона, благотворными результатами котораго въ смыслѣ внѣшняго спокойствія и общественной безопасности государство было обязано исключительно совмѣстнымъ усиліямъ Сенеки и преторіанскаго префекта Бурра.

Но, кромѣ Нерона, очень серьезныя опасенія возбуждало какъ въ томъ, такъ и въ другомъ изъ этихъ двухъ ближайшихъ къ императору людей, непомѣрное и безпокойное честолюбіе Агриппины. Не говоря уже объ ея упорномъ желаніи занимать, вопреки обычаю того времени, и въ дворцовомъ совѣтѣ сенаторовъ и при пріемѣ иностранныхъ пословъ первое мѣсто послѣ Нерона, она позволила себѣ почти гласно подвергнуть насильственной смерти не только давнишняго своего недоброжелателя Нарцисса, но еще и Юнія Силана, брата бывшаго нареченнаго жениха Октавіи до ея замужества съ Нерономъ, и котораго она опасалась, какъ праправнука императатора Августа и вѣроятнаго мстителя за смерть брата. Только съ большимъ трудомъ удалось, наконецъ, соединеннымъ противодѣйствіемъ Бурра и Сенеки прекратить дальнѣйшія такого же рода кровавыя расправы мстительной женщины.

А между тѣмъ передъ ними, съ каждымъ днемъ, появлялись новыя затрудненія. Неронъ все тѣснѣе и тѣснѣе сближался съ такими представителями тогдашней римской «золотой молодежи», какими считались справедливо Отонъ, Туллій Сенецій и оригинальный красавецъ Тигеллинъ. Эти люди оказывались его опытными многознающими наставниками во всякихъ порокахъ, а онъ былъ крайне понятливымъ ученикомъ, не замедлившимъ своими успѣхами превзойти учителей. Благодаря, отчасти, вліянію этихъ новыхъ друзей, императоръ очень скоро перестаGлъ конфузиться своей любовью къ прелестной Актэѣ, вольноотпущенницѣ въ свитѣ Октавіи, и отдался открыто своему чувству со всѣмъ пыломъ юныхъ лѣтъ. Объ этомъ романѣ не замедлила узнать вездѣ имѣвшая своихъ шпіоновъ Агриппина и, боясь всякаго соперничества въ привязанности къ ней сына, разразилась цѣлой бурей жестокихъ упрековъ и даже угрозъ. Это было съ ея стороны очень

грубой ошибкой; ласковое и спокойное слово увѣщанія было бы, по всей вѣроятности, не только дѣйствительнѣе, но, можетъ быть, и оказалось бы поворотной точкой въ жизни человѣка, пока еще не совсѣмъ испорченнаго, а только начинавшаго робко и застѣнчиво искушаться на поприщѣ зла. Къ тому же, она сдѣлала при этомъ случаѣ еще и другую ошибку: замѣтивъ, что строгостью она, оттолкнувъ Нерона отъ себя, тѣмъ самымъ какъ бы толкнула его въ общество Отона, Сенеція и имъ подобныхъ, она впала въ противоположную крайность и начала очень снисходительно смотрѣть на то, къ чему сперва отнеслась такъ строго и съ такимъ негодованіемъ, и этимъ, очень понятно, сильно пошатнула свое вліяніе на сына.

Но и ошибка Сенеки, въ этомъ случаѣ, имѣла также не менѣе пагубное вліяніе на молодого императора. Вмѣсто того, чтобы остановить его и отвлечь, пробудивъ въ немъ благородное честолюбіе и жажду славы, философъ имѣлъ неосторожность пустить въ ходъ зловредную тактику уступокъ, въ которой дошелъ до того, что даже уговорилъ одного изъ своихъ родственниковъ, начальника полиціи, притвориться влюбленнымъ въ Актэю и этимъ, заслонивъ любовь Нерона, отвести отъ него глаза.

Сегодня же Бурръ явился къ Сенекѣ именно съ той цѣлью, чтобы сообщить ему, что страсть Нерона къ Актэѣ начинаетъ переходить границы разумнаго; что онъ уже сталъ поговаривать о намѣреніи, съ помощью подкупа, заставить двухъ римскихъ консуловъ клятвенно засвидѣтельствовать что Актэя—простая раба, вывезенная изъ Азіи—прямой потомокъ Атталы, царя пергамскаго, и высказалъ Бурру свое желаніе развестись съ Октавіей и жениться на Актэѣ.

— А вы что ему на это сказали?—спросилъ Сенека.

— Я очень откровенно объяснилъ ему, что если онъ разведется съ Октавіей, то будетъ обязанъ возвратить ей ея вѣно.

— Ея вѣно?

— Ну, да—римскую имперію. Вѣдь, если онъ владѣетъ ею, то только благодаря тому, что Клавдій, какъ мужа своей дочери, сдѣлалъ его своимъ пріемнымъ сыномъ.

— А что онъ отвѣтилъ на это?

— Надулся, какъ капризный ребенокъ, получившій выговоръ, и я увѣренъ, что онъ когда-нибудь припомнитъ мнѣ эти мои слова.

— А я такъ полагаю, Бурръ, что съ нашей стороны будетъ, напротивъ, благоразумнѣе помочь этой романической привязанности цезаря, нежели бороться съ ней. Актэя — безвредна и не опасна: добрая и кроткая, она никогда не станетъ злоупотреблять своимъ вліяніемъ, — она неспособна обидѣть даже муху. Напротивъ, она можетъ только удержать Нерона на покатой дорогѣ порока и зла. И вотъ почему мое мнѣніе таково, что въ данномъ случаѣ, нѣкоторое потворство является наилучшей политикой, и

потому—сказать по правдѣ—я уже принялъ нѣкоторыя мѣры къ устраненію кое-какихъ затрудненій...

— Вы—философъ, человѣкъ мысли, и вамъ, конечно, лучше это знать,—сказалъ Бурръ,—тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что такой образъ дѣйствій мнѣ не нравится, и не этимъ путемъ пошелъ бы я. Впрочемъ, къ этому возвращаться больше не стану, если вы считаете возможнымъ не смотрѣть на это дѣло съ особенно серьезной точки зрѣнія. Простите, я ухожу. Долгъ солдата требуетъ моего присутствія въ лагерѣ. Прощайте!

Черезъ нѣсколько времени послѣ ухода Бурра къ Сенекѣ пришелъ въ это же утро еще посѣтитель —стоикъ Аннэй Корнутъ.

— Милости прошу! Корнутъ во всякое время желанный гость въ домѣ Сенеки,—привѣтствовалъ философъ коллегу;—но никогда еще посѣщеніе твое не было такъ во время, какъ сегодня. Мнѣ необходимо посовѣтоваться съ тобой подъ строгимъ секретомъ на счетъ дальнѣйшаго воспитанія императора.

— Допустимо ли, чтобы мудрый Сенека, издавшій столько прекрасныхъ наставленій по вопросу о воспитаніи и образованіи, нуждался въ совѣтѣ по этому дѣлу?—удивился Корнутъ.

Но Сенека, вмѣсто всякаго отвѣта, изложилъ другу тѣ причины, которыя нѣсколько минутъ тому назадъ приводилъ Бурру въ объясненіе своего образа дѣйствія. Не смотря на это, Корнутъ съ откровенностью истаго стоика безпощадно уничтожилъ его хитросплетенную ткань софизмовъ.

— Поступокъ можетъ быть или хорошъ, или дуренъ, — сказалъ онъ;—если онъ дуренъ, обѣлить его не могутъ никакіе оправдательные мотивы, и онъ остается таковымъ, къ какимъ бы мы ни прибѣгали изворотамъ, чтобы одобрить его. Ты говоришь, что цѣль твоихъ малодушныхъ уступокъ—удержать императора отъ тѣхъ позорныхъ и жестокихъ подвиговъ, какими омрачили свое царствованіе Тиверій и Калигула. Но имѣется ли возможность достичь этого иначе, какъ только посредствомъ постояннаго внушенія императору, что онъ имѣетъ право дѣлать лишь то, что долженъ дѣлать. Чтобы сдержать многоголовую гидру порочныхъ побужденій молодого человѣка, ее необходимо покорить господству разума, а не давать ей волю брать надъ нимъ верхъ.

— Это вѣрно; но, по своему положенію я обязанъ смотрѣть на вещи не только съ точки зрѣнія отвлеченныхъ нравственныхъ соображеній, но съ точки зрѣнія государственнаго человѣка,—замѣтилъ, нѣсколько обиженный Сенека.

— Да; но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ и прикрывать своего образа дѣйствій философскимъ ученіемъ. Прости, я говорю съ тобой откровенно, какъ стоитъ со стоикомъ. Но, можетъ быть, тебѣ непріятно слышать правду? Я готовъ въ этомъ случаѣ замолчать. Но если желаешь, чтобы я говорилъ, - вотъ тебѣ мое откровенное мнѣніе: ты заблуждаешься жестоко, мечтая управлять страстями путемъ потворства имъ. Позволяя Нерону предаваться одной преступной наклонности, ты надѣешься—по твоимъ

словамъ—спасти его этимъ отъ болѣе пагубныхъ уклоненій съ пути правды и добра. Развѣ ты не знаешь, что всѣ пороки—одна безпрерывная цѣпь. Вторая ошибка—это твоя лесть передъ ученикомъ и то, что ты вбилъ ему въ голову увѣренность въ неограниченность его власти.

— Неронъ императоръ и въ концѣ концовъ воленъ же дѣлать и поступать, какъ ему заблагоразсудится,—сухо замѣтилъ Сенека.

— Но, хотя онъ и императоръ, однако же можно говорить и ему правду,—сказалъ Корнутъ.—Я первый осмѣлился оскорбить его вчера, сказавъ ему одну правду.

— Какимъ это образомъ?

— Твой племянникъ Луканъ, восторгаясь фантастическими стихотвореніями Нерона, высказалъ желаніе, чтобы Неронъ написалъ четыреста томовъ...—«Четыреста!—воскликнулъ я.—Ужъ не много ли это будетъ?»—«Отчего много?—сказалъ Луканъ;—издалъ же Хризиппъ, котораго вы постоянно такъ превозносите, четыреста томовъ».—«Да,—отвѣтилъ я;—но то были такія сочиненія, которыя принесли пользу человѣку».—Неронъ надулся и сталъ чернѣе ночи. Всѣ бывшіе тутъ многозначительно посмотрѣли на меня. Но что же дѣлать: нельзя же философамъ въ угоду императоровъ превращаться въ льстецовъ. Что стало бы тогда съ философіей?

— Въ твоей скромной долѣ ты счастливѣе меня, Корнутъ,—сказалъ Сенека и тяжело вздохнулъ.—Но пойми меня: не одобряю я, а только уступаю. Самъ же я изнемогаю подъ гнетомъ страшной неизвѣстности, и бываютъ моменты, когда жизнь кажется мнѣ какимъ-то хаосомъ, наполненнымъ одной безсмысленной суетой. Хоть я и порываюсь подняться на болѣе высокую ступень добродѣтели, но—увы!—человѣческія слабости и несовершенства всегда тормозятъ мои лучшія стремленія. Я уже не въ силахъ стать наравнѣ съ лучшими, и все, что я могу—это быть нѣсколько получше дурныхъ.

— Только тотъ, кто старается мѣтить выше всѣхъ, можетъ надѣяться достигнуть идеала, сколько-нибудь высокаго; и къ чему громкія слова, безъ твердаго намѣренія осуществлять ихъ на дѣлѣ,—сказалъ Корнутъ и, вставъ, простился съ Сенекой.

Сенека пошелъ проводить гостя. Но не завидно было чувство, глухо нывшее въ то время въ глубинѣ души одного изъ тѣхъ людей, которому больше всего завидовали въ Римѣ.

Глава VIII.

Окруженный новыми пріятелями, праздно проводилъ Неронъ утро среди различныхъ потѣхъ. Невзирая на ранній передобѣденный часъ, онъ былъ облаченъ въ легкую просторную синтезу—родъ широкой цвѣтной туники съ широкими рукавами—и въ сандаліяхъ на ногахъ. Такая небрежность въ костюмѣ молодого императора была лишь слѣдствіемъ чрезмѣрной склонности къ различнымъ удобствамъ и излишнему самоугожденію. Впрочемъ, волосы его были завиты весьма тщательно, и пальцы унизаны множествомъ перстней. Подобно и самому императору, окружавшіе его пріятели, небрежно полулежа на низкихъ ложахъ, болтали, сплетничали, часто зѣвали, рѣдко смѣялись отъ души и льстили—льстили ему безъ конца.

Отонъ, въ то время ему было около 23-хъ лѣтъ, представлялъ собой весьма характерный продуктъ римской цивилизаціи эпохи имперіи. Безъ усовъ и безъ бороды, онъ былъ къ тому же плѣшивъ и смотрѣлъ на свою лысину, которую искусно скрывалъ подъ щегольски завитымъ бѣлокурымъ парикомъ, какъ на одну изъ самыхъ вопіющихъ несправедливостей неправедныхъ и жестокихъ боговъ. Ростомъ Отонъ былъ невысокъ, и ноги у него были кривыя; но его большіе прекрасные глаза съ поволокой и чрезвычайно красивый лобъ придавали его лицу выраженіе необыкновенно пріятное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень изнѣженное. И въ самомъ дѣлѣ, изнѣженность была выдающейся чертой характера этого фаворита, для котораго раздушенныя ванны, праздное шатаніе и небрежное волокитство съ томными улыбками составляли высшее наслажденіе въ жизни, и даже его такъ прославленное самоубійство не было лишено нѣкоторой доли изнѣженности. Шестью годами старше императора и несравненно опытнѣе его въ порокахъ, онъ не замедлилъ пріобрѣсти надъ нимъ очень сильное вліяніе, и этимъ вліяніемъ вскорѣ окончательно уничтожилъ тѣ добрыя начала, какія были вложены въ сердце Нерона благими наставленіями Сенеки и Бурра. Рядомъ съ Отономъ возлежалъ другой молодой богачъ—кутила и расточитель—Туллій Сенецій, считавшійся законодателемъ моды среди римской богатой молодежи. Кружокъ пріятелей дополняли: Петроній, человѣкъ необыкновенно образованный и умный, но одновременно страшный циникъ и очень невоздержанный на языкъ; Вестинъ, юноша, испорченный до мозга костей, Квинтіанъ, извѣстный своею алчностью и, наконецъ, Тигиллинъ, въ то время только что начинавшій свою карьеру, на которой впослѣдствіи стяжалъ столь громадную извѣстность своей жестокостью, продажностью, предательствомъ и всевозможными пороками.

А между тѣмъ, всѣ эти представители римской золотой молодежи, очевидно, страшно скучали въ обществѣ другъ друга и не знали, что дѣлать, чтобы убить время. Сперва они пробовали было доставить себѣ развлеченіе, потѣшаясь надъ скоморошествомъ одного изъ придворныхъ шутовъ и злымъ остроуміемъ рѣдкаго по своей миніатюрности карла. Но вскорѣ такая забава прискучила. Тогда они принялись за строго воспрещавшіяся закономъ игры въ кости, бабки и кубы, и при этомъ приказывали подавать фляги съ фалернскимъ виномъ и плоды. А между тѣмъ, имъ все-таки

казалось, что время идетъ черепашьимъ шагомъ, какъ вдругъ императора озарила, наконецъ, счастливая мысль: онъ предложилъ пріятелямъ въ видѣ развлеченія, осмотрѣть старинные наряды, уборы и драгоцѣнныя украшенія прежнихъ императрицъ. Восторженными криками одобренія отвѣчали пріятели на предложеніе императора.

Любуясь драгоцѣнными украшеніями, парчевыми столами, усыпанными жемчугомъ и богатыми уборами, Неронъ замѣтно повеселѣлъ и, выбравъ одинъ великолѣпный камень артистической работы съ изображеніемъ Венеры Анадіомэны, подалъ его Отону, прибавивъ:

— Этотъ камень будетъ достойнымъ украшеніемъ на шеѣ твоей очаровательной Поппеи. А вотъ этотъ рѣдкій опалъ я подарю тебѣ, Вестинъ, хотя ты временами и не стоишь подарка за свои грубости.

— Смѣлая рѣчь—лучшая похвала властителямъ могущественнымъ и сильнымъ, — съ худо скрываемой ироніей проговорилъ Вестинъ.

— Ладно! Впрочемъ, не за твои услуги и дарю я тебѣ эту драгоцѣнность, а скорѣе съ той цѣлью, чтобы красовалась она на алебастровыхъ рукахъ твоей прелестной Статиліи. Собственно же для тебя самымъ подходящимъ подаркомъ была бы вотъ эта, вдѣланная въ янтарь, эхидна: она эмблема твоей коварной злости, а янтарь—твоей лести. А что мнѣ подарить тебѣ, Сенецій, и тебѣ, Петроній? У обоихъ васъ по стольку прелестныхъ предметовъ обожанія, что, пожалуй, пришлось бы разомъ раздать вамъ все, что здѣсь есть. Но такъ и быть: тебѣ, Сенецій, я дарю эту, унизанную жемчугомъ, золотую сѣтку для волосъ, а тебѣ, Петроній, вотъ чудный агатъ съ вырѣзаннымъ рукою самой природы изображеніемъ Аполлона и Музъ. Тебѣ же, Квинтіанъ, дарю на память вотъ этотъ золотой перстень съ изображеніемъ Гиласа: онъ придется какъ разъ тебѣ въ пору.

Но въ эту минуту новая, хотя и менѣе удачная, выдумка пришла въ голову Нерону. Выбравъ одну изъ самыхъ богатыхъ и великолѣпныхъ одеждъ и нѣсколько драгоцѣнныхъ вещей, онъ подозвалъ къ себѣ вольно-отпущенника Поликлэта и приказалъ эти вещи отнести на половину вдовствующей императрицы въ подарокъ отъ его имени Агриппинѣ.

— Да смотри,— прибавилъ онъ, — не позабудь вернуться ко мнѣ, чтобы передать, что скажетъ Августа въ благодарность.

Неронъ и его пріятели были уже опять въ той залѣ, гдѣ проводили время съ самаго утра, и снова засѣли за кости и кубы, когда возвратился Поликлэтъ, видимо смущенный. Впрочемъ, и у самаго императора появились къ этому времени нѣкоторыя опасенія за немножко необдуманный поступокъ. Было что-то вульгарное и неделикатное въ такомъ вниманіи императора къ матери, еще такъ недавно владѣвшей безраздѣльно всѣми этими нарядами, уборами и драгоцѣнностями, какъ своей полной собственностью.

Но и въ этомъ незначительномъ, въ сущности, случаѣ Агриппина сдѣлала ошибку, не съумѣвъ подавить своего деспотическаго и гордаго нрава настолько, чтобы благосклонно принять глубоко оскорбившій ея самолюбіе подарокъ сына.

— Осталась ли Августа довольна моимъ подаркомъ?—какъ-то нерѣшительно спросилъ Поликлэта Неронъ, отрываясь отъ игры.

— Я доложу императору объ этомъ, когда онъ будетъ одинъ,— отвѣчалъ отпущенникъ.

— Вздоръ! Всѣ эти люди мои друзья, и если моей матери угодно было быть слишкомъ краснорѣчивой въ изліяніи своей признательности—они, конечно, ее извинятъ, — нервно проговорилъ Неронъ.

— Ни благодарности, ни привѣта не поручила мнѣ Августа передать цезарю.

— Что же такъ? Это не совсѣмъ любезно съ ея стороны. Но передай мнѣ въ точности, что она сказала.

— Она спросила меня, съ кѣмъ проводитъ время императоръ, и я сообщилъ ей имена здѣсь присутствующихъ.

— Какое ей до этого дѣло? — сердито вскричалъ императоръ и весь вспыхнулъ, замѣтивъ многозначительный взглядъ, какимъ обмѣнялись Отонъ и Вестинъ.

— Затѣмъ Августа пожелала узнать, сдѣлалъ ли императоръ еще какіе-нибудь подарки, и на мой отвѣтъ — да, спросила: «Кому-же?»

— Настоящій допросъ!—процѣдилъ сквозь зубы Вестинъ.

— Я отвѣтилъ, что императоръ пожаловалъ подаркомъ Отона, Вестина и остальныхъ.

— Напрасно было сообщать столько подробностей, Поликлэтъ. Однако, продолжай.

— Августа при этомъ презрительно усмѣхнулась.

— Увы!—на нашу долю не выпало счастья пользоваться благосклоннымъ расположеніемъ Августы, — прошепелявилъ Отонъ.

— Но что же сказала она о богатой столѣ и о прочихъ вещахъ?

— Августа еле удостоила ихъ взглядомъ, и какъ только кончила меня допрашивать, далеко отбросила отъ себя и парчевую столу, и драгоцѣнные камни.

Неронъ при этихъ словахъ вспыхнулъ сильнѣе прежняго и, только немного спустя, спросилъ отпущенника, не велѣла ли ему Августа передать что-либо.

Поликлэтъ, видимо, колебался продолжать.

— Да говори же! — крикнулъ нетерпѣливо Неронъ. — Ты во всякомъ случаѣ не можешь быть отвѣтственнымъ лицомъ за ея слова.

— Мнѣ тяжело повторять цезарю слова Августы,—началъ Поликлэтъ,—но я повинуюсь.—«Мой сынъ,—сказала она, — даритъ эти вещи мнѣ, которая подарила ему все, чѣмъ онъ только владѣетъ. Пусть лучше прибережетъ онъ эти наряды для себя; они

мнѣ не нужны. Есть вещи, которыми я дорожу гораздо больше». И съ этими словами Августа встала и, отбросивъ ногой лежавшую на полу столу, удалилась изъ комнаты.

Неронъ сидѣлъ весь блѣдный, закусивъ съ досады губы: онъ былъ взбѣшенъ и поступкомъ Агриппины, и многозначительными усмѣшками Сенеція и Петронія.

На выручку къ нему явился Отонъ.

— Не огорчайся и не волнуйся, Неронъ, — сказалъ онъ. — Агриппина, вѣроятно, немножко позабыла въ эту минуту, что ты теперь императоръ.

— Ужъ не думаетъ ли Августа, что нашъ императоръ все еще въ такихъ годахъ, когда юношѣ полагается носить не тогу зрѣлаго мужа, а только окаймленную пурпуровой каймой тогу прэтекста?—прозубоскалилъ Тигеллинъ.

Неронъ вскочилъ словно его кто ужалилъ, причемъ опрокинулъ столъ и разсыпалъ валявшіеся на немъ кости и кубы съ очками; а затѣмъ началъ въ сильномъ волненіи шагать взадъ и впередъ по залѣ. Молодой императоръ еще не успѣлъ окончательно стряхнуть съ себя привычку подчиняться волѣ матери и пока все еще находился въ нѣкоторомъ страхѣ передъ ней, не безъ ужаса представляя себѣ, до чего способна дойти эта женщина, какъ въ своемъ честолюбіи, такъ и въ своей ненависти.

— Нѣтъ; мнѣ такая борьба не по силамъ, — бормоталъ онъ про себя. — Съ Агриппиной мнѣ не совладать! Какъ знать, не собирается ли она уже и меня угостить чѣмъ-нибудь въ родѣ грибовъ? Римъ мнѣ ненавистенъ — ненавистна вся моя имперія. Я сложу съ себя порфиру. Наслаждаться жизнью—вотъ единственное мое желаніе—единственное стремленіе. У меня есть талантъ къ пѣнію, и, даже если все другое мнѣ измѣнитъ, я все-таки найду себѣ средства къ существованію, расхаживая съ музыкой и пѣніемъ по улицамъ Александріи. Вдобавокъ не предсказалъ ли мнѣ какой-то изъ астрологовъ, что я буду царемъ не то въ Іерусалимѣ, не то въ другой какой-то восточной странѣ? Здѣсь же я человѣкъ самый несчастный въ мірѣ!

И императоръ бросился на ложе. Лицо его горѣло; глаза сверкали ненавистью и злобой.

— И какъ только смѣетъ она оскорблять меня такой неслыханной дерзостью? Если бы я послалъ эти самые подарки Октавіи — бѣдное дитя очутилось бы на седьмомъ небѣ отъ радости; послалъ бы Актэѣ — кроткіе глаза прелестнаго созданія наполнились бы слезами любви. Ну стоитъ ли быть императоромъ, если моя мать будетъ и дальше не только господствовать надо мной, но еще и надругаться.

— Развѣ цезарь не знаетъ, что придаетъ Агриппинѣ столько отваги?—спросилъ шепотомъ Нерона Тигеллинъ.

— Право, не знаю,—отвѣтилъ Неронъ; развѣ только, что она съ самаго моего дѣтства привыкла всегда встрѣчать во мнѣ покорнаго сына.

— Нѣтъ, — сказалъ Тигеллинъ, — это потому, что Палласъ держитъ ея руку, и потому что...

Онъ остановился.

— Палласъ? Что такое Палласъ? — сказалъ императоръ.—Бывшій рабъ— и больше ничего. Его я не боюсь! Я могу завтра же удалить его — дать ему отставку. Но что ты еще хотѣлъ мнѣ сказать?

— Я хотѣлъ сказать моему цезарю, что если Агриппина чувствуетъ себя сильной,—шепнулъ Тигеллинъ на ухо Нерону,—то вслѣдствіе того, что Британникъ живъ.

— Британникъ! — повторилъ Неронъ, но больше не сказалъ ни слова,—только лицо его стало мрачнѣе черной тучи.

Глава IX.

Трудно было бы найти въ Римѣ юношу, судьба котораго была бы печальнѣе участи сына Клавдія и достойнѣе сожалѣнія. Блестящимъ успѣхомъ увѣнчались коварные происки честолюбивой его мачехи, добившейся того, что Британникъ, прямой наслѣдникъ престола послѣ послѣдняго цезаря, былъ нулемъ во дворцѣ своихъ предковъ. Отведенные для него вмѣстѣ съ немногочисленной его свитой аппартаменты находились въ самой отдаленной отъ императорскихъ палатъ части обширнаго дворца, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ дозволялось Британнику быть гостемъ на банкетахъ и празднествахъ, такъ часто наполнявшихъ музыкой, пляской и весельемъ роскошныя залы молодого императора. Въ обращеніи Агриппины съ пасынкомъ обнаруживалась какая-то загадочная неровность: она старалась то оттолкнуть его отъ себя сурово надменнымъ или оскорбительно покровительственнымъ обращеніемъ, то вновь привлечь къ себѣ и для этого начинала осыпать его нѣжностью и ласками, словно желала этимъ загладить свою вину передъ нимъ. Но для Британика эта нѣжность и эти ласки мачехи были во сто разъ противнѣе ея суровости и часто, не умѣя скрывать своихъ настоящихъ чувствъ, онъ очень ясно высказывалъ ей это, чѣмъ разумѣется, только вредилъ себѣ. Точно также и Неронъ, хотя и третировавшій его по большей части съ высоты своего величія, часто однакожъ, въ душѣ желалъ бы видѣть въ немъ побольше теплыхъ братскихъ чувствъ къ себѣ. Единственной отрадой Британника была его дружба съ горячо имъ любимой сестрой, императрицей Октавіей, въ откровенныхъ бесѣдахъ съ которой онъ всегда отдыхалъ душой и у которой находилъ себѣ убѣжище отъ тѣхъ ненавистныхъ шпіоновъ, какими съ самаго нѣжнаго его возраста постоянно старалось окружить его дальновидное честолюбіе Агриппины.

Былъ, однакожъ, среди окружающихъ одинъ человѣкъ, кото-

рому Британникъ вполнѣ довѣрялъ и котораго любилъ искренно. Это—центуріонъ преторіанской гвардіи Пуденсъ, постоянно находившійся во дворцѣ на караулѣ то въ одномъ мѣстѣ этого обширнаго зданія, то въ другомъ. Впрочемъ, кромѣ Пуденса, Британникъ имѣлъ счастіе найти себѣ также и среди своихъ сверстниковъ одного очень преданнаго друга, котораго и самъ онъ горячо любилъ, въ лицѣ старшаго сына Веспасіана, Тита. Титъ былъ всего на одинъ мѣсяцъ старше Британника. Съ дѣтства мальчики-ровесники вмѣстѣ учились, вмѣстѣ и играли. Ничтожество въ смыслѣ значенія политическаго рода Флавіевъ, отъ котораго велъ свое происхожденіе Веспасіанъ, было одной изъ первыхъ причинъ, почему Агриппина выбрала Тита вь товарищи сыну Клавдія. Ничто никогда не прерывало этой дружбы двухъ молодыхъ людей и даже впослѣдствіи, когда Титъ сталъ уже императоромъ, онъ сохранялъ неизмѣнно самое теплое воспоминаніе о юномъ другѣ, такъ безвременно погибшемъ на зарѣ жизни и въ память ему воздвигъ конную статую.

Какъ-то разъ, проходя дворцовымъ садомъ, Титъ увидѣлъ мальчика-раба, дѣлавшаго неимовѣрныя усилія, чтобы заглушить и сдержать стоны и рыданія. Видъ этого бѣднаго ребенка тронулъ юношу. Не пріученный, подобно другимъ римскимъ молодымъ аристократамъ той эпохи, гнушаться разговоровъ съ рабами, въ которыхъ, благодаря наставленіямъ своего отца и Сенеки, видѣлъ, напротивъ, такихъ же людей, какъ и другіе, онъ остановился предъ мальчикомъ и спросилъ его:

— Кто ты, и о чемъ плачешь?

— Меня зовутъ Эпиктетомъ,—отвѣчалъ ребенокъ,—и я принадлежу къ числу рабовъ императорскаго секретаря Епафродита. Сейчасъ я упалъ и очень сильно ушибъ больную ногу. Однако, постараюсь перенести эту боль мужественно.

— Настоящій стоикъ!—сказалъ Титъ.—Но что съ твоей ногой?

— Я слабъ и уродливъ и не могъ быть полезнымъ рабомъ,—сказалъ мальчикъ, — и по этой причинѣ мой господинъ рѣшилъ обучить меня философіи и приставилъ въ качествѣ книгоносца къ своему сыну, который посѣщаетъ лекціи философа Музонія Руфа. И вотъ Музоній, по своей добротѣ, позволяетъ мнѣ садиться на полъ, гдѣ-нибудь въ уголкѣ, и слушать, что онъ преподаетъ своимъ ученикамъ. Пока я еще не стоикъ, но приложу всѣ усилія, чтобы со временемъ стать имъ.

— Все это прекрасно, но ты еще не сказалъ мнѣ, какъ случилось, что ты хромой?

Эпиктетъ слегка покраснѣлъ.

— Восемь недѣль назадъ,—началъ онъ, — я проходилъ мимо дверей триклиніума, какъ вдругъ въ это самое время вышелъ оттуда одинъ изъ рабовъ съ подносомъ со стеклянными кубками и сосудами въ рукахъ и, наткнувшись на меня, уронилъ часть посуды и разбилъ. Вину за разбитыя вещи онъ свалилъ на меня, и Епафродитъ далъ приказаніе вывихнуть мнѣ одну ногу. Мнѣ

было ужасно больно; тѣмъ не менѣе, помня ученіе добраго Музонія, я всячески старался не кричать и только разъ не вытерпѣлъ и закричалъ: «Если будете такъ и дальше вертѣть мнѣ ногу, то, чего и добраго, сломаете ее» Но никто не обратилъ вниманіе на мое замѣчаніе, а дѣйствительно кончилось тѣмъ, что ногу мнѣ, сломали. Однако, тогда я не плакалъ, и мнѣ очень стыдно, что я имѣлъ сегодня слабость поддаться такому постыдному малодушію.

— Бѣдный мальчикъ! Пойдемъ со мной: я отведу тебя къ Британнику. Онъ сострадателенъ и добръ и, можетъ быть, попроситъ императрицу Октавію принять въ тебѣ участіе.

И Эпиктетъ заковылялъ вслѣдъ за Титомъ, который вскорѣ привелъ его къ Британнику. Мужество мальчугана очень понравилось принцу; онъ его приласкалъ и съ этого времени Эпиктетъ часто бывалъ его гостемъ, причемъ нерѣдко передавалъ молодымъ людямъ то, чему въ своихъ лекціяхъ училъ стоикъ Музоній. Этими бесѣдами былъ положенъ первый зачатокъ будущему стоицизму Тита.

Другого доброжелателя Британникъ нашелъ себѣ, какъ это ни казалось страннымъ, въ красавицѣ Актэѣ. Нѣсколько двусмысленное положеніе этой женщины при дворѣ Нерона въ первое время его царствованія,—положеніе, грѣховность котораго она, по своему воспитанію, не могла понять — не лишало ея ни нравственной чистоты, ни природнаго добродушія. Привязанностью императора къ себѣ она не кичилась и, если когда пользовалась вліяніемъ на него, то единственно, чтобы доставить облегченіе другимъ. Къ Британнику Актэя чувствовала большую жалость и не разъ противъ себя возбуждала даже гнѣвъ императора своимъ заступничествомъ за него. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ей все-таки удалось добиться отъ Нерона нѣкотораго ослабленія строгаго надзора, какимъ постоянно старались окружать юношу, за что Британникъ, со своей стороны, чувствовалъ къ ней большую признательность.

Британникъ, какъ и отецъ его, имѣлъ большую склонность къ занятіямъ по исторіи и ни въ чемъ не находилъ большаго для себя удовольствія, какъ слушать разсказы Тита, слышанные послѣднимъ отъ своего отца Веспасіана, о военныхъ подвигахъ доблестныхъ римскихъ войскъ при покореніи Британіи. Однажды онъ даже упросилъ центуріона Пуденса пойти съ нимъ навѣстить старика Кардока—британскаго военачальника, съ успѣхомъ боровшагося въ теченіи цѣлыхъ девяти лѣтъ противъ вторженія римлянъ въ Британію. Старый воинъ очень обрадовался, увидавъ у себя въ гостяхъ сына императора, пощадившаго ему жизнь изъ уваженія къ его храбрости и скоро привелъ юношу въ восторгъ своими разсказами о друидахъ, о Монѣ, о силурійскихъ быстрыхъ рѣкахъ, объ охотахъ на волковъ и дикихъ кабановъ среди дремучихъ лѣсовъ и топкихъ болотъ. А пока старикъ, такимъ образомъ, занималъ юношу повѣствованіями, Пуденсъ, не отрывая глазъ, любовался дочерью стараго воеводы, златокудрой и съ голубыми

глазами Клавдіей, которая съ своей стороны, говорила ему о далекой, милой родинѣ на берегахъ серебристаго Северна.

Постепенно бесѣды съ Кардокомъ пробудили вь Британникѣ желаніе ближе познакомиться съ Авломъ Плавтомъ, покорителемъ южной части далекаго острова. Плавтъ при дворѣ находился на самомъ хорошемъ счету и ничего потому не могло быть легче для Британника, какъ получить разрѣшеніе посѣщать домъ всѣми уважаемаго полководца. Здѣсь, въ домѣ Плавта, юноша впервые увидѣлъ и его жену Помпонію Грэцину—женщину, справедливо считавшуюся образцомъ вѣрной дружбы, женскаго цѣломудрія и скромности. Близкій другъ въ дни первой молодости внуки Тиверія, Юліи, несчастной жертвы жестокости Мессалины, Помпонія не снимала съ самаго дня смерти Юліи траурной одежды и даже, какъ гласила, хотя и невѣрно, молва, никогда будто не улыбалась.

Впрочемъ, и на самомъ дѣлѣ улыбка лишь весьма рѣдко появлялась на кроткомъ лицѣ Помпоніи; но и безъ улыбки въ этомъ лицѣ, въ его блаженно спокойномъ и безконечно добромъ выраженіи, было что-то необычайно хорошее и привлекательное. Она совсѣмъ не походила ни складомъ ума, ни воззрѣніями и чувствами, ни даже внѣшнимъ обликомъ на другихъ римлянокъ своего круга. Она не румянилась и не бѣлилась; не носила высокихъ замысловатыхъ причесокъ, никогда не пудрила волосъ золотой пудрой, не душилась восточными ароматами. Какъ въ образѣ жизни, такъ и въ одеждѣ Помпонія отличалась необыкновенной простотой. Рѣдко посѣщала она многолюдныя собранія и празднества, ограничивая свои выѣзды немногими домами нѣкоторыхъ наиболѣе добродѣтельныхъ и честныхъ сенаторовъ. Порокъ чувствовалъ себя устыженнымъ въ присутствіи этой женщины и невольно краснѣлъ; римскія матроны легкомысленнаго поведенія, падкія до вольныхъ разговоровъ, при ея появленіи почтительно замолкали, расфранченные щеголи старались держаться скромнѣе. Но, отдавая такую дань невольнаго уваженія, данники въ то же время въ душѣ завистливо шипѣли и тайкомъ распускали про Помпонію слухи, болѣе или менѣе клонившіеся къ тому, чтобы повредить ея завидной репутаціи. Между прочимъ, былъ распущенъ слухъ, будто втайнѣ она христіанка.

— Ну, что за бѣда, если оно и такъ,—разсуждали объ этомъ нѣкоторыя благородныя римлянки высшаго круга. — Развѣ самъ Неронъ не воздастъ божескихъ почестей какой-то ассирійской богинѣ? да и обворожительная жена Отона, Поппея Сабина, какъ говорятъ, іудеянка.

— Іудеянка! Быть іудеянкой еще очень почтенно. И сестра Агриппы, прелестная Береника, тоже примкнула къ іудейству. Впрочемъ, все это еще ничего; но быть христіанкой!—Ужъ одно это слово въ порядочномъ человѣкѣ должно возбуждать чувство непреодолимаго отвращенія. Одни фригійскіе рабы-бѣглецы способны примыкать къ числу поклонниковъ Онокоита—этого новаго божества съ ослиной головой.

Однако, выдумка, распространенная злобой въ видѣ зловредной клеветы, въ данномъ случаѣ, оказалась правдой. Помпонія дѣйствительно была втайнѣ христіанкой. Подолгу оставаясь въ разлукѣ съ мужемъ въ то время, какъ онъ совершалъ военные походы, и ежеминутно безпокоясь за него въ мучительной неизвѣстности, Помпонія, которая большую часть этого времени оставалась въ Галліи, случайно познала тамъ черезъ довѣренную прислужницу Персису, обращенную въ христіанство однимъ изъ первыхъ галльскихъ миссіонеровъ, ученіе объ истинномъ Богѣ и съ этого времени жизнь ея, всегда чистая и безпорочная, стала жизнью святой.

Плавту было крайне пріятно видѣть въ потомкѣ цезарей его любознательность относительно всего, касавшагося исторіи родного края и особенно военныхъ подвиговъ римлянъ. Онъ постоянно встрѣчалъ юношу съ искреннимъ радушіемъ и поторопился представить его своей женѣ, къ которой Британникъ съ перваго же раза почувствовалъ полное довѣріе и особое влеченіе. Она совсѣмъ не подходила къ тому типу римскихъ женщинъ, съ какимъ онъ былъ знакомъ съ дѣтства, и, казалось, цѣлая бездна различій отдѣляла ее отъ такихъ личностей, какой была его мать Мессалина и какую онъ видѣлъ въ своей мачехѣ Агриппинѣ. При всей своей простотѣ, Помпонія казалась ему въ сто разъ привлекательнѣе, чѣмъ богато разодѣтыя жены сенаторовъ и консуловъ, которыхъ ему случалось видѣть иногда въ раззолоченныхъ залахъ Палатинскаго дворца.

Однажды, болѣе чѣмъ когда-либо подъ впечатлѣніемъ сердечной доброты Помпоніи, онъ рѣшился быть съ ней вполнѣ откровеннымъ и повѣдать ей безъ всякой утайки и горькія свои испытанія, и тѣ недобрыя предчувствія, какими часто томился. Съ участіемъ выслушавъ юношу, Помпонія начала говорить ему объ обязанности человѣка покоряться высшей волѣ и прощать обидчикамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ старалась доказать ему, что сознаніе спокойной совѣсти дастъ ему въ результатѣ гораздо болѣе полное счастье, чѣмъ какое вкусилъ бы онъ, занимая среди разнаго рода низостей и соблазновъ шаткое и небезопасное мѣсто на престолѣ.

— Вы говорите, какъ философъ Музоній, ученіе котораго часто передаетъ мнѣ и Титу молодой рабъ, фригіецъ Эпиктетъ,—замѣтилъ ей на это Британникъ,—но въ вашихъ словахъ есть что-то болѣе утѣшительное и возвышенное.

Помпонія тихо улыбнулась.

— Очень многое изъ того, чему учитъ Музоній, прекрасно и полно правды,—сказала она,—но тѣмъ не менѣе есть еще другая истина, болѣе высокая и святая.

Британникъ задумался. Затѣмъ онъ спросилъ, но какъ-то нерѣшительно и робко:

— Разрѣшитъ ли мнѣ благородная Помпонія предложить ей одинъ вопросъ?

При этихъ словахъ блѣдное лицо Помпоніи сдѣлалось еще блѣд-

нѣе. Она задумчиво устремила взоръ куда-то вдаль и какъ будто о чемъ-то молилась въ душѣ, и кротко затѣмъ замѣтила юношѣ:

— Но, можетъ быть, вы спросите меня что-нибудь такое, на что отвѣчать я не найду себя въ правѣ?

Вы, конечно, сами знаете, что, бывая иногда у императора на его пиршествахъ, — началъ Британникъ, я не могу не слышать тѣхъ сплетень, какими постоянно забавляются въ этихъ собраніяхъ; и я уже давно заключилъ изъ разговоровъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ дамъ, что бываютъ на этихъ придворныхъ празднествахъ, что очень многія изъ нихъ почему-то питаютъ къ вамъ сильную злобу и недавно еще я слышалъ, какъ увѣряли онѣ другъ друга, что рано или поздно будетъ возбуждено противъ васъ обвиненіе въ приверженности къ иноземному суевѣрію.

— Не въ нашей власти помѣшать злымъ людямъ взводить на насъ всякія обвиненія,—отвѣчала Помпонія, — но мы всегда можемъ праведностью жизни и безпорочнымъ поведеніемъ уличить ихъ въ клеветѣ.

— Наконецъ, онѣ говорили, но это, вѣроятно, не болѣе какъ злая и нелѣпая выдумка,—продолжалъ Британникъ, — будто вы, осмѣлюсь ли я произнести передъ вами гнусное слово—будто вы—христіанка.

Помпонія взглянула на Британика и въ этомъ взглядѣ сказалось столько кроткой жалости.

— А вы, много ли знаете о христіанахъ, Британикъ?—спросила она.

— Правду говоря, весьма мало; но другъ мой Титъ, которому больше меня приходится всюду бывать и много видѣть и слышать, не разъ мнѣ говорилъ, что эти христіане собираются гдѣ-то по ночамъ, убиваютъ невиннаго младенца и пьютъ его кровь, что ихъ связываютъ страшными клятвами и что во время своихъ ночныхъ сборищъ, погасивъ лампады, они предаются въ темнотѣ неслыханнымъ оргіямъ и поклоняются ослиной головѣ.

— Все это только одна гнусная ложь, Британникъ... я знаю объ этихъ бѣдныхъ христіанахъ совсѣмъ иное,—сказала Помпонія.—Скажите мнѣ, читали вы нѣкоторыя сочиненія Сенеки?

— Нѣтъ, не читалъ, -- сухо отвѣтилъ Британникъ и, помолчавъ, прибавилъ:—Сенека наставникъ Нерона. Это онъ уничтожилъ, дѣйствуя совмѣстно съ Агриппиной и Палласомъ, духовное завѣщаніе императора Клавдія, моего отца, и потому мнѣ противно читать его сочиненія. Да къ тому же, развѣ онъ настоящій философъ, какъ Музоній или Корнутъ? У этихъ слова не расходятся съ дѣломъ, а Сенека лишь пишетъ прекрасныя вещи, самъ же не вѣритъ въ нихъ.

— Что же дѣлать съ этимъ, Британникъ! Въ жизни часто встрѣчаются люди, проповѣдующіе великія истины и строгую нравственность, хотя поступки ихъ и не согласуются съ ихъ ученіемъ; но вѣдь изъ этого еще не вытекаетъ, чтобы то, чему они

учатъ, было дурно. У меня есть нѣсколько писемъ Сенеки къ Луцинію; хотите я вамъ прочту кое-что?

И доставъ свитокъ, Помпонія вслухъ прочла слѣдующія размышленія:

«Богъ близокъ къ намъ; Онъ съ нами, Онъ внутри насъ. Въ насъ живетъ священный духъ, который охраняетъ насъ и слѣдитъ за каждымъ нашимъ поступкомъ, и нѣтъ того хорошаго человѣка, въ которомъ не было бы Бога.

«Какая польза въ томъ, что мы утаимъ то или другое отъ человѣка? Отъ Бога утаить нельзя ничего.

«Человѣкъ, если хочетъ жить для себя, долженъ стараться жить для своего ближняго».

— И много подобныхъ же великихъ истинъ могла бы я указать вамъ въ письмахъ Сенеки. Развѣ подобныя мысли не полны правды и прекраснаго значенія?

— Не дурно было бы, еслибъ и поступки его были такъ же справедливы и прекрасны,—сухо отвѣтилъ Британникъ.—Но что же общаго между мыслями Сенеки и ученіемъ христіанъ?

— Очень много; съ той только разницей, что глубокія мысли эти, столь рѣдко встрѣчающіяся среди поклонниковъ боговъ, у христіанъ — общія мѣста и что сверхъ того христіане вѣруютъ еще и въ другія великія истины, отъ которыхъ эти получаютъ свой смыслъ и свое значеніе.

— Вы говорите, что они ослиной головѣ не покланяются, а между тѣмъ они все же молятся какому-то Христосу или Хрестосу, принявшему позорную смерть на крестѣ.

— Страданіе не унижаетъ человѣка, а только возвышаетъ, окружая его ореоломъ святости. Развѣ не воздаютъ римляне божескихъ почестей Геркулесу, хотя они вѣрятъ, что его живымъ сожгли на кострѣ.

Британникъ молчалъ: онъ съ младенчества былъ пріученъ смотрѣть на это возданіе христіанами божескихъ почестей человѣку, казненному одной изъ самыхъ позорныхъ казней тѣхъ временъ, не иначе, какъ на колоссальное сумасбродство и теперь, разумѣется, недоумѣвалъ передъ столь новыми для него воззрѣніями Помпоніи.

— А скажите, Британникъ, — прервала его молчаніе Помпонія,—слышали вы когда-нибудь имя Сократа?

— Дэ, и даже очень часто; Музоній, какъ не разъ передавалъ мнѣ Эпиктетъ, очень часто упоминаетъ о немъ на своихъ лекціяхъ и постоянно указываетъ на него, какъ на совершеннѣйшій образецъ хорошаго человѣка.

— А какой смертью умеръ Сократъ?

— Его отравили аѳиняне цикутой въ тюрьмѣ.

— Какъ преступника?

— Да, конечно.

— А развѣ это значитъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ дурнымъ человѣкомъ — тѣмъ злодѣемъ, какимъ пожелали признать

его? Повѣрьте, еслибъ это было дѣйствительно такъ, философы не стали бы преклоняться передъ нимъ съ такимъ благоговѣніемъ; не такъ же вѣдь они глупы.

— Дѣйствительно, я не подумалъ объ этомъ, — сказалъ Британникъ и потомъ, помолчавъ съ минуту, спросилъ: — возможно ли, чтобы и всѣ остальные нехорошіе слухи, всюду распространяемые объ этихъ христіанахъ, оказывались лишь ложью?

— Чистѣйшая ложь, — подтвердила Помпонія, — въ чемъ, быть можетъ, вы и сами, Британникъ, со временемъ убѣдитесь.

Глава X.

Часто удручаемый сознаніемъ сдѣланной въ отношеніе его несправедливости, Британикъ находилъ себѣ не малое утѣшеніе и въ искреннемъ расположеніи къ нему храбраго и всѣми чтимаго покорителя Британіи, и еще болѣе въ бесѣдахъ съ его кроткой женой. Помпонія предупредила, однакожъ, своего молодого друга, что всякая неумѣстная болтливость съ его стороны о предметѣ ихъ откровенныхъ бесѣдъ могла бы безъ всякой пользы стать опасной для ея жизни, почему Британникъ все слышанное отъ нея о христіанствѣ хранилъ въ глубочайшей тайнѣ ото всѣхъ, кромѣ Пуденса, въ которомъ, по многимъ признакамъ, сильно подозрѣвалъ послѣдователя того же высоконравственнаго ученія, о которомъ Помпонія съ такимъ благоговѣніемъ говорила ему.

Дня черезъ два послѣ разговора съ женой Плавта онъ спросилъ у Пуденса, какого онъ мнѣнія о христіанахъ.

При такомъ внезапномъ вопросѣ Пуденсъ смутился и какъ бы съ испугомъ взглянулъ на молодого принца; однакожъ, оправившись, онъ отвѣтилъ ему довольно холодно и сухо:

— Въ Римѣ христіане—люди смиренные—жестоко гонимы, и большинство смѣшиваетъ ихъ съ іудеями; но хотя и среди іудеевъ есть не мало людей хорошихъ, тѣмъ не менѣе очень многіе христіане вовсе не изъ іудеевъ.

— Правда ли, что они такіе презрѣнные злодѣи, за какихъ ихъ всѣ принимаютъ?

— Нѣтъ неправда. Разумѣется, при другихъ условіяхъ ничто не могло бы помѣшать человѣку называться христіаниномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть человѣкомъ дурнымъ; но въ Римѣ исповѣданіе христіанской вѣры сопряжено съ такими опасностями, что едва ли кто пожелалъ бы разыгрывать мнимаго христіанина. Но ложь, какъ вамъ самому небезъизвѣстно, и вообще всякая неправда проникаетъ всюду и царитъ вездѣ, а потому и въ томъ, что разсказываютъ про бѣдныхъ христіанъ, нѣтъ и десятой доли правды.

Пуденсъ считалъ пока еще преждевременнымъ посвящать Британника въ ту тайну, что его невѣста, дочь Кардока, Клавдія, приняла негласно христіанство еще въ Британіи и что онъ самъ очень усердно занимался въ настоящее время изученіемъ догматовъ ненавистной секты.

Послѣ этого Британникъ при первомъ же свиданіи съ Помпоніей пожелалъ знать, имѣются ли какія-нибудь сочиненія, гдѣ излагалось бы ученіе о христіанскомъ вѣроисповѣданіи

— Есть древне-іудейскія книги, признанныя и христіанами священными, — сказала Помпонія. — Однако, въ Римѣ мало кто читаетъ ихъ, да и то скорѣе изъ одного любопытства, такъ какъ онѣ переведены на греческій языкъ уже лѣтъ четыреста.

— Да, неужели же ни одинъ изъ самихъ христіанъ ничего не написалъ по этому предмету?

— Сомнительно: христіане, какъ вы и сами знаете, люди по большей части очень бѣдные, а много есть и такихъ, которые совсѣмъ безграмотны. Но между ними есть одинъ учитель-проповѣдникъ Павелъ, и многіе изъ тѣхъ, кому довелось слышать его въ Эфесѣ или въ Аѳинахъ и Коринѳѣ, признаютъ единогласно, что его слово дѣйствуетъ какъ что-то живое. Впрочемъ, даже и онъ пока еще ничего о христіанствѣ не писалъ, если только не считать двухъ короткихъ посланій къ ѳессалоникийскимъ христіанамъ; но посланія эти скорѣе простыя случайныя письма, мало касающіяся какъ жизни самаго Христа, такъ и вѣры въ него. Письма эти хранятся въ настоящее время у меня, и если хотите, я могу отчасти познакомить васъ съ ихъ содержаніемъ.

Молодой человѣкъ былъ глубоко пораженъ, услыхавъ тѣ прекрасныя наставленія, тѣ увѣщанія вести жизнь трудолюбивую и цѣломудренную и любить ближняго, какъ самаго себя, съ которыми его познакомила Помпонія, прочитавъ ему нѣкоторыя мѣста изъ двухъ посланій апостола Павла къ ѳессалоникійцамъ.

— И это говоритъ одинъ изъ тѣхъ людей, о жестокости которыхъ разсказываютъ такія возмутительныя вещи! — воскликнулъ Британникъ. — Очевидно, міръ, Помпонія, и въ самомъ дѣлѣ переполнился черезъ край всякой ложью. Но какъ бы хотѣлось мнѣ поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ такихъ учителей. Нельзя ли вамъ ввести меня въ общество христіанъ; это не трудно для васъ, а для большей безопасности я переодѣнусь. Такимъ образомъ мое посѣщеніе къ христіанамъ останется тайной для всѣхъ и даже для Пуденса. Онъ въ настоящее время, впрочемъ, такъ счастливъ возможностью часто видѣться со своей златокудрой Клавдіей, такъ какъ она гоститъ теперь у васъ, что ему, кажется, ни до чего нѣтъ дѣла, — съ улыбкой прибавилъ юноша.

— Очень жаль, что здѣсь нѣтъ Аквилы, — сказала Помпонія, — съ нимъ вы могли бы поговорить; но онъ былъ изгнанъ изъ Рима вмѣстѣ съ остальными іудеями эдиктомъ покойнаго императора. Вотъ онъ и его жена Приска, оба хорошо знали Павла и часто говорили, что онъ обѣщалъ побывать въ Римѣ. Конечно, я не могу быть достаточно осторожной, но я постараюсь устроить

такъ, чтобы вамъ представился случай повидать старшину римскихъ христіанъ Лина и поговорить съ нимъ.

— Да неужели, Помпонія, этотъ Іисусъ, въ которомъ христіане видятъ Бога, какъ вы говорите — тоже самое лицо, что Христосъ?

— Да.

— А нѣтъ ли теперь въ Римѣ кого-нибудь, кто видѣлъ его?

— Онъ былъ преданъ смерти двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, — набожно склонивъ голову, отвѣчала Помпонія. — Это случилось при императорѣ Тиверіи. Но ученики его, которыхъ онъ назвалъ апостолами, то-есть благовѣстителями, были въ то время еще люди молодые и живы до сихъ поръ.

— А этотъ Павелъ — видѣлъ его?

— Да, но только въ небесномъ видѣніи, а не тогда, когда Христосъ, обходя Палестину, училъ объ истинномъ Богѣ. Одинъ любимѣйшій изъ его учениковъ въ настоящее время находится въ Іерусалимѣ, а когда-нибудь будетъ, быть можетъ, и въ Римѣ.

— Разскажите же мнѣ что-нибудь о самомъ Іисусѣ, — вы навѣрное знаете хорошо его жизнь. Но сперва объясните, какъ могло случиться, что человѣкъ простого званія, какимъ, по вашимъ словамъ, былъ Іисусъ, удостоился божескихъ почестей?

— Страданіе во имя ближняго и ради его спасенія, какое Онъ принялъ, не можетъ не окружить совершившаго столь великое дѣло ореоломъ,—проговорила Помпонія. — Даже въ греческой миѳологіи разсказывается о богахъ, принимавшихъ человѣческій образъ для служенія людямъ. Развѣ не воспѣвали поэты подвигъ Аполлона, пасшаго въ качествѣ раба стада Адмэта? или же подвигъ Геркулеса, служившаго работникомъ у Эвристэя? Чего же страннаго, если истинный Богъ захотѣлъ открыться чемовѣку въ образѣ же человѣка. И не говоритъ ли намъ Платонъ, что человѣкъ познаетъ Бога не ранѣе, чѣмъ Онъ явится ему въ образѣ страждущаго человѣка?

— Но что именно заставило учениковъ Христа признать въ немъ Бога?—спросилъ Британникъ.

Тутъ Помпонія подробно разсказала молодому принцу о религіи іудеевъ, сохранявшихъ въ теченіе многихъ вѣковъ познаніе истиннаго Бога и вѣру въ пришествіе обѣтованнаго избавителя; а также и пророчествахъ относительно этого пришествія и о приходѣ Предтечи. Въ слѣдующее же посѣщеніе Британника, она разсказала ему многое изъ жизни самого Христа; разсказала о нѣкоторыхъ совершенныхъ имъ чудесахъ и, наконецъ, обо всѣхъ обстоятельствахъ какъ Его смерти на крестѣ, такъ и воскресенія изъ мертвыхъ на третій день.

— Христосъ училъ,—сказала она въ заключеніе, — какъ еще никто никогда не училъ; совершалъ такія чудеса, какихъ никто до него не совершалъ, и наконецъ воскресъ на третій день послѣ смерти. Даже римскій центуріонъ бывшій на Голгоѳѣ на стражѣ

во время распятія, и тотъ, возвратясь домой въ Іерусалимъ, сказалъ: «Во истину человѣкъ этотъ — сынъ Божій».

Британникъ чувствовалъ себя потрясеннымъ наплывомъ новыхъ чувствъ. Какъ и большинство молодыхъ римлянъ, онъ находился чуть ли не въ полномъ невѣдѣніи относительно вопросовъ вѣры въ отжившую свое время миѳологію. Стоицизмъ же, хотя и давалъ нѣкоторыя полу-истины, былъ для него черезчуръ сухъ и сурово возбранялъ такія чувства, которыя онъ сознавалъ естественными и далеко не предосудительными. Но здѣсь, въ христіанскомъ ученіи онъ услыхалъ, наконецъ, такія истины, которыя, вознося человѣка въ чистѣйшую сферу духовной жизни, нравственно укрѣпляя его и очищая, въ то же время бодрили человѣка, утѣшали его и успокаивали. Вдобавокъ, онъ имѣлъ счастіе услыхать впервые эти святыя истины изъ устъ не простыхъ невѣжественныхъ рабовъ, а изъ устъ одной изъ самыхъ образованныхъ женщинъ того времени, благородной римлянки, говорившей по-латыни чистѣйшимъ языкомъ цицероновскихъ временъ.

Своему другу Титу Британникъ не сказалъ ни слова о своей тайнѣ, видя въ ней тайну еще и другихъ; но сестрѣ Октавіи, отъ которой у него не было никакихъ секретовъ, онъ чистосердечно открылся въ своихъ новыхъ религіозныхъ чувствахъ. Удостовѣрившись, что вблизи не было шпіона, что никто ихъ не подслушиваетъ, никто не подглядываетъ за ними, онъ начиналъ ей разсказывать все то, что самъ слышалъ и узналъ, а также и о томъ отрадномъ чувствѣ, какое постепенно все глубже и глубже проникало въ его душу. Не рѣшаясь открыто примкнуть къ числу исповѣдниковъ новой вѣры, и братъ и сестра все-таки находили для себя въ томъ, чему учила ихъ Помпонія, неизсякаемый источникъ свѣтлыхъ надеждъ и душевнаго мира, и для нихъ эти первые шаги къ новой жизни были той розовато-блѣдной полосой еле мерцающаго свѣта, которая предшествуетъ зарѣ новаго дня.

Чѣмъ ближе знакомились и братъ, и сестра какъ съ текстомъ, такъ и со смысломъ «Благой Вѣсти», тѣмъ все болѣе и болѣе убѣждались они по нѣкоторымъ признакамъ, что большинство рабовъ во дворцѣ цезаря тайные христіане. Слѣпо полагаясь на честность молодого Британника, Помпонія не побоялась открыть ему, что слово Ἰχθύς — рыба — служила чѣмъ-то въ родѣ пароля среди греческихъ христіанъ, и скоро братъ и сестра замѣтили, что стоило имъ въ разговорѣ въ присутствіи кого-либо изъ рабовъ произнести это слово съ извѣстнымъ удареніемъ, какъ тотчасъ-же тѣ изъ нихъ, которые были посвящены въ новое ученіе, вздрагивали и хотя бы только на одно мгновеніе устремляли на нихъ изумленно вопрошающій взглядъ. Послѣ этого Британникъ, чтобы окончательно удостовѣриться въ справедливости своей догадки, очень часто нарочнопроизносилъ, проходя мимо того или другого изъ подозрѣваемыхъ имъ христіанъ, это слово и если въ отвѣтъ слышалъ тихимъ голосомъ произнесенное слово ἰχθύδιον

или pisciculus—т.-е. маленькая рыбка—всякимъ сомнѣніямъ въ немъ на этотъ счетъ не оставалось мѣста.

Такимъ образомъ, пока съ каждымъ днемъ въ душѣ Агриппины усиливались и недовольство, и гнѣвное раздраженіе, пока Сенека и Буръ терялись все болѣе и болѣе въ цѣломъ океанѣ опасеній и тревожныхъ сомнѣній за будущее, пока Музоній, Корнутъ, Тразей и другіе философы-стоики убѣждались все болѣе и болѣе въ необходимости искать спасеніе въ мужествѣ отчаянія, пока Неронъ, предаваясь необузданному разгулу страстей, уходилъ все глубже и глубже въ вязкую тину пороковъ — жена его Октавія и Британникъ постепенно все болѣе и болѣе приближались къ Невѣдомому Богу, все болѣе проникаясь той истиной, что, пока море житейскихъ горестей и невзгодъ не смѣшиваетъ своихъ горькихъ водъ съ водами моря преступленій и пороковъ, человѣкъ и въ горѣ, и въ несчастіи можетъ испытывать блаженство безмятежнаго душевнаго спокойствія.

Такое спокойное и кроткое настроеніе духа, постоянно замѣчаемое за послѣднее время какъ въ Октавіи, такъ и въ Британникѣ, не могло не вызвать нѣкотораго недоумѣнія у Нерона, а еще болѣе у Агриппины. Не понимая, чтобы можно было такъ безпечно предаваться развлеченіямъ—играть въ мячъ или бороться не безъ успѣха съ здоровякомъ Титомъ—и при этомъ заливаться тихимъ искреннимъ смѣхомъ и въ то же время сознавать себя лишеннымъ всѣхъ своихъ правъ, и императоръ, и его мать уже начали было подозрѣвать, не составился ли какой заговоръ въ пользу Британника. Однако, эти подозрѣнія вскорѣ разсѣялись. А Октавія—откуда брала эта нѣсчастная женщина, обижаемая и оскербляемая на каждомъ шагу,—и удивительную кротость, и ту покорность, съ какой переносила грубое и нерѣдко жестокое обращеніе съ ней мужа? Въ чемъ заключалась тайна ихъ радостнаго душевнаго настроенія среди разнаго рода угнетеній и обидъ?

Глава XI.

А теперь перенесемся изъ роскошныхъ залъ палатинскаго дворца и богатыхъ домовъ сильныхъ временщиковъ и благородныхъ патрицевъ въ болѣе демократическую часть Рима съ ея грязными притонами и невзрачными и неопрятными домами—жилищами того сброда всякихъ народностей, что являлся главнымъ контингентомъ народонаселенія столицы міра и запруживалъ собой ея улицы и площади.

Въ Велабрумѣ эти отбросы націй горланили, называя для продажи соленую рыбу и устрицы; на Есквилинѣ шатались по харчевнямъ и по банямъ низшаго разряда; въ Субурѣ гурьбами стекались съ гиканьемъ и руганью въ тѣ притоны безшабашнаго разгула

и разврата, какими такъ печально прославилась эта часть города. Среди всей этой смѣси народовъ и племенъ попадались и греки, и галлы, и фокусники-фригійцы, египтяне съ ихъ національнымъ музыкальнымъ инструментомъ въ рукахъ, и туземные нищіе, толпившіеся цѣлый день то около одного моста, то около другого и очень систематически производившіе нападенія какъ на прохожихъ, такъ и на проѣзжихъ, — скиѳы, испанцы въ своихъ широкихъ длинныхъ плащахъ, суровые на видъ германцы и, наконецъ, масса іудеевъ, которымъ былъ даже отведенъ особый кварталъ по ту сторону Тибра. Словомъ, какъ улицы, такъ и площади богатаго Рима постоянно кишѣли праздными тунеядцами, бѣдняками той эпохи, существовавшими исключительно разнаго рода подаяніемъ. Но и среди этого полуголоднаго и полуоборваннаго люда трудно было бы встрѣтить человѣка, болѣе жалкаго на видъ, чѣмъ одинъ юный фригіецъ, безцѣльно бродившій однажды въ жаркій полдень около форума. Блѣдный и исхудалый, весь въ грязи и въ жалкихъ лохмотьяхъ, онъ, казалось, былъ бездомнымъ чужеземцемъ, изнемогавшимъ отъ голода и усталости среди милліоннаго населенія города, погрязшаго въ эгоизмѣ и развратѣ.

Пока онъ такъ бродилъ среди опустѣлаго форума (часъ былъ полуденный, и большая часть населенія предавалась послѣобѣденному отдыху), раздумывая, очевидно, чтобы-такое предпринять ему, чтобы заглушить въ себѣ муки голода, черезъ форумъ въ сопровожденіи мальчика-раба прошелъ какой-то молодой патрицій. Несчастный скиталецъ въ первое время не обратилъ на него никакого вниманія, и лишь черезъ нѣсколько уже времени любопытство его было возбуждено сперва ударами топора, вдругъ раздавшимися невдалекѣ отъ него, а затѣмъ и вторичнымъ появленіемъ того же молодого человѣка, со всѣхъ ногъ улепетывавшаго теперь съ форума съ маленькимъ рабомъ, едва поспѣвавшимъ за нимъ. Пройдя нѣсколько шаговъ къ мѣсту, защищавшему входъ въ лавку серебряныхъ дѣлъ мастера, и замѣтивъ валявшійся на землѣ топоръ, онъ поднялъ и принялся его разсматривать какъ вдругъ на него набросилось нѣсколько полицейскихъ, и не успѣлъ онъ опомниться, какъ его арестовали.

— За что? Какое преступленіе совершилъ я? — спросилъ онъ по-гречески.

— Ахъ, ты воръ-бездѣльникъ! И ты еще смѣешь спрашивать, когда тебя поймали на мѣстѣ преступленія съ топоромъ въ рукахъ?

Плохо зная латинскій языкъ и вдобавокъ не мало ошеломленный, молодой человѣкъ не могъ понять, въ чемъ именно заключалось преступленіе, въ которомъ его обвиняли; но въ толпѣ, не замедлившей собраться около него, оказались двое-трое понимавшихъ по-гречески и поспѣшившихъ объяснить ему, что его считаютъ виновникомъ давно замѣченной постоянной кражи свинца съ кровли серебряныхъ дѣлъ мастера, въ которой до сихъ поръ всегда обвиняли бѣдняковъ этого квартала, и что теперь, пойман-

наго на мѣстѣ преступленія, его немедленно же препроводять на судъ къ городскому претору, гдѣ, вѣроятно, ему придется очень плохо, и что онъ долженъ будетъ считать себя очень счастливымъ, если отдѣлается тридцатью ударами кнута. Всего же скорѣе, его приговорятъ къ выжиганію клейма, а не то, въ виду настоятельной необходимости показать примѣръ строгости, даже и къ смертной казни чрезъ распятіе на крестѣ.

Плача и ломая себѣ въ отчаяніи руки, несчастный могъ только словами увѣрять въ своей невинности въ кражѣ; но на всѣ его увѣренія и клятвы толпа отвѣчала насмѣшками и дикимъ гиканьемъ.

— Вотъ теперь посмотримъ, какъ-то тебѣ понравится, когда выжгутъ на лбу раскаленнымъ желѣзомъ три буквы,—посмѣялся кто-то изъ толпы.— Врядъ ли, такое украшеніе придастъ твоему лицу въ глазахъ молодыхъ дѣвушекъ больше красоты.

— Чей ты рабъ?—спросилъ его другой.—Можешь теперь проститься годочка на два съ лучами дневного свѣта; тебя отправятъ работать, въ кандалахъ, въ какую-нибудь подземную копь.

— Не думаю, чтобы онъ былъ чьимъ-либо рабомъ,—замѣтилъ третій.—Слишкомъ ужъ голоднымъ волкомъ смотритъ онъ, да и весь въ лохмотьяхъ.

— Ну, такъ бѣглецъ; но какъ бы то ни было, а только не избѣжать ему хорошей пытки,если онъ не докажетъ своей невинности. И изъ-за такого-то бездѣльника обвиняли въ воровствѣ насъ, честныхъ гражданъ!—кричала толпа, убѣгая вслѣдъ за полицейскими съ ихъ арестантомъ.

Однако, не успѣли они пройти и ста шаговъ, какъ увидали спускавшагося имъ на встрѣчу съ виминальскаго холма центуріона Пуденса въ сопровожденіи Тита. При видѣ центуріона преторіанской гвардіи и юноши съ золотой буллой на шеѣ толпа почтительно разступилась. Проходя мимо арестованнаго юноши, сынъ Веспасіана, тронутый жалкимъ видомъ арестанта и со свойственнымъ ему добросердечіемъ, попросилъ Пуденса развѣдать, какая бѣда стряслась надъ несчастнымъ. Полицейскіе почтительно объяснили центуріону, въ чемъ дѣло.

— Что можешь ты сказать въ свое оправданіе? — обратился Пуденсъ къ юношѣ.

— Я невиновенъ,—отвѣтилъ арестантъ по-гречески,—топоръ этотъ не мой. Я только поднялъ его. Скорѣе же онъ принадлежитъ тому молодому человѣку, который работалъ имъ, и затѣмъ, какъ я самъ видѣлъ, бѣжалъ съ форума въ сопровожденіи маленькаго раба.

При этихъ словахъ Пуденсъ переглянулся съ Титомъ: не болѣе, какъ за нѣсколько минутъ они въ самомъ дѣлѣ встрѣтили въ одной изъ улицъ, по которымъ проходили, молодого человѣка съ маленькимъ рабомъ, откуда-то торопливо бѣжавшаго и на ихъ глазахъ скрывшагося въ домѣ одного знакомаго имъ римлянина.

— Слѣдуйте за мной,—сказалъ онъ полицейскимъ; — мнѣ кажется, что я могу вамъ помочь напасть на слѣдъ настоящаго виновника кражи. Этотъ же юноша, хотя видъ его и не говоритъ особенно въ его пользу, въ этой кражѣ неповиненъ.

И Пуденсъ, сопровождаемый толпой, не совсѣмъ довольный такимъ оборотомъ дѣла, повелъ полицейскихъ къ тому дому, за дверью котораго скрылся подозрѣваемый имъ молодой человѣкъ. Дверь въ прихожую была отперта и на порогѣ забавлялся маленькій рабъ, прыгая то туда, то сюда черезъ порогъ.

— Погоди скакать и кричать, — остановилъ ребенка старшій изъ полицейскихъ,—отвѣть-ка лучше на нѣкоторые вопросы.

— Знаешь этотъ топоръ, мальчикъ?—спросилъ его Пуденсъ.

— Разумѣется, знаю, — не запинаясь, отвѣтилъ мальчуганъ, по малолѣтству не съумѣвшій сообразить,въ чемъ дѣло.—Это нашъ топоръ; мы только-что уронили его...

— Дѣло ясно, — сказалъ Пуденсъ,—и я согласенъ быть свидѣтелемъ. Но теперь вы должны освободить вашего арестанта.

Молодой человѣкъ, дѣйствительный виновникъ кражи, былъ немедленно арестованъ. Однакожъ, отецъ его, во избѣженіе позора, поспѣшилъ затушить дѣло и не доводить его до суда, давъ тайкомъ крупную взятку какъ блюстителямъ закона, такъ и серебрянныхъ дѣлъ мастеру.

Толпа разбрелась, и Пуденсъ съ Титомъ отправились по направленію къ палатинскому дворцу. Вскорѣ они услыхали за собой чьи-то шаги и, обернувшись, увидали только-что вырученнаго ими юношу.

— Что тебѣ еще надо отъ насъ?—спросилъ Пуденсъ, отвѣчая на умоляющій взглядъ оборванца.—Я выручилъ тебя изъ бѣды, ну и довольно съ тебя.

— Я чужеземецъ, и умираю отъ голода и усталости, — смиренно проговорилъ несчастный.

— Онъ нуждается въ деньгахъ,—сказалъ Титъ и подалъ ему милостыню.

Но незнакомецъ, преклонивъ колѣни, схватилъ полу яркокраснаго плаща Пуденса и, поцѣловавъ ее, воскликнулъ:

— Возьмите меня, господинъ, къ себѣ; я готовъ быть вашимъ рабомъ и служить вамъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Онезимъ.

— Имя хорошее. Но кто ты? Надѣюсь, однако, ты не бѣглый рабъ?

— Нѣтъ, господинъ,—не запинаясь, отвѣчалъ Онезимъ, для котораго, какъ и для большинства людей его расы, ложь не представлялась особенно предосудительнымъ поступкомъ.— Я проживалъ въ Колоссахъ, когда меня захватилъ силой одинъ работорговецъ; но мнѣ удалось бѣжать.

— Ну и что же: ты желалъ бы вернуться обратно въ Колоссы?

— Нѣтъ, господинъ; я сирота, родныхъ у меня нѣтъ; я предпочелъ бы остаться здѣсь, чтобы зарабатывать себѣ средства къ пропитанію.

— Возьми его,—шепнулъ на ухо Титъ центуріону.—Въ твоемъ домѣ найдется мѣсто для одного лишняго раба. И онъ почему-то нравится мнѣ.

Однакожъ Пудeнсъ видимо колебался.

— Но подумай только—рабъ-фригіецъ, хуже вѣдь этого ничего быть не можетъ. Народъ самый ненадежный.

— Можно будетъ исправить розгами, если окажется бездѣльникомъ.

— Такъ то такъ; но вѣдь тебѣ извѣстно, что наказывать своихъ рабовъ съ помощью бича не въ моихъ правилахъ.

Оба говорили вполголоса и слышать ихъ разговора юноша не могъ; но онъ замѣтилъ колебанія центуріона и, поспѣшивъ наклониться къ землѣ, быстро провелъ пальцемъ по песку, какъ бы чертя что-то. Но какъ не быстро было это движеніе юноши, Пудeнсъ все-таки успѣлъ разглядѣть на пескѣ абрисъ рыбы, который Онезимъ немедленно же и стеръ ладонью.

— Слѣдуй за мной,—проговорилъ центуріонъ, который по этому знаку понялъ, что Онезимъ христіанинъ.—Я живу скромно и рабовъ у меня не много, но въ виду того, что смерть очень недавно похитила у меня одного изъ моихъ слугъ, который пока еще никѣмъ не замѣщенъ, то очень можетъ быть, что мой дамоправитель найдетъ возможнымъ дать тебѣ это вакантное мѣсто.

Глава XII.

Дѣйствительная же исторія молодого Онезима была слѣдующая. Сынъ когда-то зажиточныхъ, но впослѣдствіи вдругъ обнищавшихъ, родителей, онъ рано остался сиротой и былъ проданъ кредиторами покойнаго отца въ рабство къ одному богатому фабриканту пурпуровой ткани; однакожъ тотъ вскорѣ перепродалъ его, убѣдившись, что изъ мальчика, въ виду его весьма несомнѣнныхъ наклонностей къ праздношатанію, едва ли когда выйдетъ трудолюбивый и полезный работникъ. Отъ фабриканта Онезима купилъ нѣкій, жившій въ Колоссахъ, добросердечный человѣкъ Филемонъ, котораго тронулъ жалкій видъ хорошенькаго отрока, выведеннаго на рынокъ для продажи. Спустя года три или четыре послѣ этого Филемонъ, временно находясь съ своимъ семействомъ и большинствомъ домочадцевъ въ Ефесѣ по случаю одного изъ языческихъ празднествъ, однажды случайно услыхалъ здѣсь проповѣдь Павла. Какъ на него, такъ и на многихъ изъ его окружающихъ, слово апостола произвело сильно впечатлѣніе: Божья благодать коснулась

ихъ сердецъ, и спустя извѣстный срокъ, назначенный для необходимаго посвященія въ ученіе христіанской вѣры, они были пріобщены къ вновь нарождавшейся церкви.

Но Онезимъ не былъ въ числѣ тѣхъ рабовъ, которые приняли святое крещеніе вмѣстѣ съ Филемономъ и членами его семейства, хотя и онъ, въ качествѣ оглашеннаго, былъ до извѣстной степени уже посвященъ въ догматы христіанской вѣры. Живя съ дѣтства въ домѣ этихъ добрыхъ людей, гдѣ, кромѣ хорошаго обращенія, добрыхъ наставленій и ласки, Онезимъ ничего другого не видѣлъ, онъ тѣмъ не менѣе часто скучалъ, тяготясь монотонностью жизни въ Колоссахъ, сонномъ городѣ, въ то время уже замѣтно приходившемъ въ упадокъ. Онъ тосковалъ по шумной и богатой зрѣлищами жизни въ Ефесѣ, жаждалъ тѣхъ сильныхъ ощущеній, какія не разъ испытывалъ въ его амфитеатрахъ, любуясь состязаніями колесничныхъ наѣздниковъ или игрой актеровъ и мимовъ, и съ увлеченіемъ юноши вторя рукоплесканіямъ толпы. Но всего сильнѣе желалъ онъ видѣть чудный Римъ, куда влекли его завѣтныя мечты, порожденныя въ немъ частыми разсказами о великолѣпіи и широкомъ разгулѣ столичной жизни. Страстно увлекающаяся природа азіатскаго грека въ немъ громко говорила. Рабъ по своему теперешнему положенію, онъ по рожденію былъ, однакожъ, человѣкъ свободный и прекрасно зналъ, что даже и рабамъ нерѣдко удавалось проложить себѣ дорогу къ высокому положенію—къ почестямъ и славѣ, и часто спрашивалъ себя: почему бы и ему не добиться того же? Онъ былъ красивъ собой, вдобавокъ силенъ, здоровъ и молодъ, и, слѣдовательно, не надѣяться на успѣхъ въ жизни не могъ.

На ловца и звѣрь бѣжитъ, и скоро подвернулся искусительный случай. Однажды, по окончаніи ярмарки въ Лаодицеи, Филемонъ, занимавшійся красильнымъ ремесломъ получилъ довольно крупныя деньги. Не имѣя до сихъ поръ никакихъ основаній не довѣрять Онезиму, онъ не нашелъ нужнымъ скрыть отъ юноши, гдѣ именно хранились въ его домѣ эти деньги. Но, на этотъ разъ, Онезимъ обманулъ его довѣріе; воспользовавшись его временной отлучкой въ Гіерополисъ, онъ укралъ изъ этихъ денегъ нѣсколько золотыхъ монетъ въ количествѣ, по его соображеніямъ, достаточномъ, чтобы, въ случаѣ погони, убѣжать въ Римъ, и скрылся въ Ефесъ. Здѣсь въ первые дни онъ весь отдался удовольствію: посѣщалъ различныя зрѣлища, языческія капища и увеселительныя мѣста многолюднаго и богатаго города; однако, послѣ полнаго удовлетворенія своей ненасытной жажды развлеченій, его потянуло домой, въ скромную и привѣтливую семью Филемона. Но онъ все еще не хотѣлъ покидать веселаго города, да и боялся вернуться, зная, какому жестокому наказанію подвергается рабъ за бѣгство, считавшееся однимъ изъ самыхъ крупныхъ преступленій. Конечно, Филемонъ былъ человѣкъ чрезвычайно добрый, тѣмъ не менѣе и, при всей своей добротѣ, могъ, изъ уваженія къ законамъ государства, счесть своимъ долгомъ предать его,

какъ вора и бѣглеца, въ руки правосудія. При этомъ онъ невольно представлялъ себѣ тѣ страшныя пытки и истязанія, какія неминуемо ждутъ его въ такомъ случаѣ, и одно ужъ это представленіе бросало въ дрожь, въ жаръ и холодъ изнѣженную природу восточнаго человѣка.

Деньги, добытыя столь неблаговиднымъ способомъ, были скоро растрачены не лучше. Часть ихъ онъ проигралъ въ кости, кубы и другія азартныя игры, часть промоталъ, награждая ими товарищей своей разгульной жизни, а остатокъ же у него украли въ одномъ изъ ночлежныхъ домовъ. Безъ денегъ и усталый, какъ нравственно, такъ и физически, онъ побрелъ въ городской портъ и нанялся тамъ рабочимъ на галеру, готовую къ отплытію въ одинъ изъ италъянскихъ портовъ. Высадившись въ Италіи на берегъ, онъ пошелъ дальше и, кое-какъ питаясь по дорогѣ подаяніемъ, добрался наконецъ до Рима, гдѣ, послѣ долгихъ поисковъ какой-нибудь работы, въ продолженіе которыхъ жилъ бездомнымъ скитальцемъ, укрываясь на ночь подъ тотъ или другой портикъ или сводъ арки и питаясь одной полентой, купленной на случайно брошенную ему не безъ пренебреженія милостыню, счастливая случайность столкнула его съ Пуденсомъ и этимъ, спасла отъ отчаянія и окончательной гибели.

Нирэй — вольноотпущенникъ Пуденса и его домоправитель — у былъ не прочь пріобрѣсти безплатно молодого и красиваго раба могшаго быть полезнымъ работникомъ вь домѣ его господина, я котораго Онезимъ встрѣтилъ и привѣтливое обхожденіе, и добры наставленія. Къ тому же и юноша былъ въ восторгѣ отъ своег о новаго положенія и потому, что находился среди кипучей жизн и такого большого города, какъ Римъ, и въ такомъ домѣ, гдѣ, какъ онъ скоро замѣтилъ, многіе изъ рабовъ, находившихся подъ началомъ Нирэя, равно какъ и самъ Нирэй, были христіанами — обстоятельство, въ которомъ, зная воззрѣнія христіанъ, Онезимъ видѣлъ вѣрный залогъ своей безопасности отъ искушеній.

Но жажда развлеченій и тутъ скоро одержала верхъ надъ благимъ намѣреніемъ Онезима остепениться, и, постепенно, попавъ въ кружокъ молодыхъ рабовъ язычниковъ, онъ чаще и чаще сталъ поддаваться искушенію пойти съ ними посмотрѣть то пантомимныя представленія, отличавшіяся не малымъ цинизмомъ, то игру Париса или Алитура, двухъ знаменитыхъ лицедѣевъ и плясуновъ того времени, не смотря на частыя увѣщанія Нирэя и его дочери Юніи, а также и другихъ христіанскихъ рабовъ Пуденса, остерегаться опасности подобныхъ увеселеній.

Но еще болѣе пагубно дѣйствовало въ смыслѣ ожесточающаго вліянія на всѣхъ вообще, а на молодежь въ особенности, это чудовищное зрѣлище гладіаторскихъ упражненій и состязаній. Пока еще Онезимъ не имѣлъ о нихъ понятія: въ провинціяхъ такія игры происходили сравнительно рѣдко; да къ тому же и Филемонъ всегда очень строго слѣдилъ, чтобы ни одинъ изъ его рабовъ не осмѣливался посѣщать амфитеатръ въ дни гладіаторскихъ представленій. Не совсѣмъ еще позабывъ совѣты и наставленія Филемона, котораго продолжалъ любить по своему, Онезимъ и въ Римѣ долго крѣпился, всячески борясь съ искушеніемъ принять соблазнительное приглашеніе нѣкоторыхъ своихъ пріятелей пойти съ ними вмѣстѣ поглядѣть на бой гладіаторовъ. Но наконецъ онъ и въ этомъ не выдержалъ характера – и уступилъ.

Въ тотъ роковой для него вечеръ, Онезимъ, возвратясь изъ амфитеатра, былъ уже не тѣмъ человѣкомъ, какимъ былъ до этого. Не въ состояніи успокоиться и остыть послѣ сильнаго возбужденія, вызваннаго въ немъ видомъ крови и послѣднихъ предсмертныхъ конвульсій павшихъ въ бою для потѣхи зрителямъ гладіаторовъ, онъ долго проворочался на своемъ ложѣ, прежде чѣмъ явился сонъ; но и во снѣ онъ все видѣлъ передъ собой залитую еще дымящейся кровью арену, слышалъ раздирающіе стоны, порой заглушавшіеся взрывами рукоплесканій обезумѣвшей толпы, и, весь въ испаринѣ, вскакивалъ и сквозь сонъ не своимъ голосомъ кричалъ: Habet! Occide! Verbera! Наконецъ, послѣ тревожнаго сна, въ продолженіе котораго его то и дѣло преслѣдовали и давили эти страшные кошмары, онъ проснулся усталый и разбитый, и въ ушахъ его все даже на яву раздавался торжественный привѣтъ гладіаторовъ цезарю, и все слышалось страшное, это нечеловѣческое «Ave, Caesar, morituri te salutant[1])!»

Съ этихъ поръ Онезиму совсѣмъ опротивѣла тихая и мирная жизнь въ домѣ Пуденса. Тяготясь своими обязанностями, хотя было ихъ у него и немного, онъ сталъ относиться къ нимъ небрежно и бывалъ счастливъ только тогда, когда въ кругу своихъ пріятелей могъ шататься по харчевнямъ, гдѣ весь разговоръ ограничивался городскими сплетнями и скандалами, толками о заслугахъ того или другого возницы въ циркѣ или о преимуществахъ однихъ гладіаторовъ надъ другими, и гдѣ единственнымъ времяпровожденіемъ были азартныя игры и пьянство.

Такой образъ жизни вскорѣ привелъ Онезима къ тому, что онъ сталъ часто ощущать недостатокъ въ деньгахъ, которыя были ему постоянно нужны и на игру въ кости, и на кутежи, и на другія развлеченія, въ какихъ проводила время большая часть рабовъ-язычниковъ. Конечно, онъ могъ бы легко заработать себѣ денегъ, такъ какъ его должность въ домѣ Пуденса была не обременительна, и къ тому же предоставляла въ его распоряженіе не мало свободнаго времени; но онъ уже успѣлъ окончательно облѣниться, такъ что всякій трудъ казался ему теперь несноснымъ.

Впрочемъ, не смотря на это, даже и среди худой атмосферы порока и разврата, Онезимъ вспоминалъ порой, не безъ сожалѣнія, о счастливыхъ и мирныхъ годахъ, проведенныхъ имъ въ домѣ Филемона, и въ такія минуты имъ овладѣвало желаніе уйти отъ всей этой нравственной грязи въ иную жизнь, гдѣ бы онъ могъ вдохнуть въ себя струю чистаго воздуха.

---

[1]) (Здравствуй, Цезарь, тебя привѣтствуютъ обреченные на смерть)!

Но, къ сожалѣнію, такія хорошія моменты бывали у него непродолжительны и приводили лишь къ тому, что послѣ нихъ онъ старался еще глубже погрузиться въ водоворотъ столичной жизни, словно хотѣлъ этимъ заставить себя не слышать еще пока довольно слабаго въ нему голоса совѣсти.

А тѣмъ временемъ нужда въ деньгахъ съ каждымъ днемъ росла, такъ что, наконецъ, проигравъ свои послѣднія сбереженія, онъ былъ доведенъ до крайности.

Укравъ разъ, онъ рѣшился и вторично украсть.

Тутъ онъ сталъ всячески подкарауливать удобную минуту совершить задуманное. Случай не замедлилъ представиться, и Онезимъ, уловивъ полуденный часъ, когда всѣ домашніе, за исключеніемъ двухъ-трехъ рабовъ-христіанъ, и отдыхавшаго у себя въ комнатѣ Нирэя и его дочери, находились въ отлучкѣ на какомъ-то языческомъ празднествѣ, тайкомъ пробрался въ опочивальню самого Пуденса, съ намѣреніемъ украсть у него денегъ. Онъ уже было отворилъ ящикъ, гдѣ Пуденсъ держалъ деньги на домашніе расходы, какъ вдругъ ему послышалось, будто въ корридорѣ раздался легкій шорохъ чьихъ-то осторожныхъ шаговъ.

Это были шаги дочери Нирэя, Юніи. Услыхавъ изъ своей комнаты, какъ кто-то, крадучись осторожно, пробирается корридоромъ на половину ея господина, дѣвушка встала и, выйдя въ корридоръ, увидала Онезима, уже подходившаго къ дверямъ кабинета Пуденса. Неслышно послѣдовала она за нимъ, но, дойдя до кабинета, остановилась въ дверяхъ.

А между тѣмъ Онезимъ, открывъ ящикъ, пріостановился: въ это мгновеніе ему какимъ-то образомъ припомнились слова Павла, слышанныя имъ въ домѣ Филемона: «Пусть тотъ, кто кралъ, больше не крадетъ, а пусть лучше трудится, работая своими руками». Однако, нерѣшительность юноши длилась не долго: картина Субуры со всѣми ея заманчивыми притонами заставила его забыть всякія другія воспоминанія, и онъ уже прикоснулся къ содержимому ящика, чтобы докончить начатое, какъ вдругъ кто-то позади его чуть слышно произнесъ его имя.

— Онезимъ!

Второпяхъ захлопнувъ ящикъ, онъ бросился къ дверямъ и здѣсь столкнулся лицомъ къ лицу съ молодой дѣвушкой, которая, печально склонивъ голову, стояла, прислонившись къ притолкѣ.

— Юнія!—воскликнулъ въ ужасѣ юноша.

— Тсъ!—приложивъ палецъ къ губамъ, предостерегла его дѣвушка и поспѣшила скрыться.

Пораженная до глубины души поступкомъ юноши, къ которому съ самаго начала ихъ знакомства чувствовала большое расположеніе, она поспѣшила удалиться съ своимъ горемъ въ самый отдаленный конецъ тѣнистаго сада. Но Онезимъ догналъ ее.

— Неужели у тебя хватитъ жестокости, Юнія, выдать меня?—спросилъ онъ, бросившись передъ ней на колѣни.

Блѣдная и взволнованная, она тихо сказала:

— Отъ моего отца у меня нѣтъ никакихъ тайнъ, Онезимъ; ты это знаешь.

— Но подумай: твой отецъ обличитъ меня передъ Пуденсомъ и предастъ суду. И тебѣ не жаль будетъ, если меня забьютъ до смерти бичами, а то, можетъ быть, даже и распнутъ на крестѣ?

— Нѣтъ; Пуденсъ человѣкъ добрый и справедливый,—проговорила дѣвушка;—онъ никогда не подвергаетъ своихъ рабовъ никакимъ жестокимъ наказаніямъ.

— Но онъ можетъ прогнать меня, наложивъ мнѣ на лобъ позорное клеймо, и уже этого будетъ довольно, чтобы я погибъ на вѣки,—съ горестью сказалъ Онезимъ.

— Видитъ Богъ, Онезимъ,—начала она, и вдругъ остановилась въ ужасѣ передъ сказаннымъ, и не подозрѣвая, чтобы Онезимъ когда-либо слышалъ ученіе христіанской вѣры.

— Ты христіанка, Юнія, и я тоже христіанинъ!—воскликнулъ обрадованный Онезимъ и поспѣшилъ нарисовать на пескѣ монограмму Христа.

— Нѣтъ, ты не христіанинъ,—возразила Юнія;—христіане не крадутъ и не ведутъ такого образа жизни, какъ ты все это время.

— Слѣдовательно, ты рѣшила выдать меня! Но помни: теперь ты въ моихъ рукахъ. Христіанство—иноземная ересь, строго преслѣдуемая въ Римѣ, и мнѣ стоитъ донести префекту города...

— Низкій человѣкъ, болѣе низкій, чѣмъ я думала о тебѣ даже до этой послѣдней минуты,—сказала она.—Но развѣ ты не знаешь—и глаза ея загорѣлись дивнымъ огнемъ пламенной вѣры—что христіане не боятся страданій, и что даже дѣвочка-раба, если только она вкусила благодать истинной Христовой вѣры, и та всегда готова безстрашно пойти на встрѣчу смерти.

Никогда еще не казалась ему Юнія такъ чудно хороша, такъ обворожительна! Но видъ гладіаторовъ, рѣжущихъ холодно другъ друга на куски, пробудилъ въ немъ всѣ худшіе инстинкты человѣка, успѣлъ породить въ его душѣ черствый эгоизмъ и равнодушіе къ участи ближняго. Ужасная мысль промелькнула въ головѣ его. Почему бы ему не избавиться отъ единственнаго свидѣтеля начатаго имъ преступленія?

— Итакъ, ты хочешь предать меня оковамъ, бичу, распятію на крестѣ и истязаніямъ,—сверкнувъ дико глазами, сказалъ онъ, подступивъ къ ней.

Юнія, закрывъ лицо руками, проговорила сквозь слезы:

— Что велитъ мнѣ мой долгъ, то я и обязана дѣлать. Но скрыть это отъ моего отца я не имѣю права.

— Такъ умри же, если такъ!—воскликнулъ Онезимъ и уже схватилъ было дѣвушку за плечо одной рукой, между тѣмъ какъ въ другой блеснулъ ножъ, который, идя на кражу, онъ схватилъ съ собой на всякій случай.

Но, къ счастью, чей-то мощный кулакъ въ эту самую минуту повалилъ его, и тяжелая нога наступила ему на грудь.

— Пощади его, отецъ!—взмолилась Юнія.

Но Нирэй, вырвавъ кинжалъ изъ руки повергнутаго на землю юноши, продолжалъ попирать его ногой. Лицо его дышало негодованіемъ. Онъ понялъ увидѣнную имъ сцену совсѣмъ въ иномъ смыслѣ.

— Объясни мнѣ Юнія, что привело сюда тебя и какимъ образомъ случилось, что ты здѣсь наединѣ съ Онезимомъ? Какими льстивыми увѣреніями вызвалъ онъ тебя на это свиданіе? Какъ осмѣлился онъ нанести тебѣ такое оскорбленіе?

Дѣвушка разсказала отцу все.

Нирэй съ презрѣніемъ оттолкнулъ ногой несчастнаго юношу.

— А я-то иногда еще думалъ почему-то, что онъ втайнѣ такой же христіанинъ, — проговорилъ онъ въ раздумьи, — и даже когда-то мечталъ видѣть въ немъ со временемъ достойнаго мужа для моей Юніи. Воръ! Убійца! Вотъ что значитъ давать въ честномъ домѣ пріютъ какому-то неизвѣстно откуда явившемуся рабу-фригійцу.

— Прости же отецъ его, чтобы и намъ простились наши прегрѣшенія,—продолжала упрашивать отца Юнія.

— Да, покушеніе на жизнь самаго дорогого для меня существа, на жизнь моей единственной дочери, я могъ бы, такъ и быть, простить, если-бъ замѣтилъ въ немъ чистосердечное раскаяніе. Но имѣю ли право скрыть правду отъ моего господина? Могу ли послѣ всего этого оставить его въ числѣ своихъ домочадцевъ?

— Прости его; мы всѣ люди грѣшные, и многимъ ли онъ преступнѣе тысячъ людей, которые однакожъ не висятъ на крестѣ и не гніютъ въ тюрьмахъ.

Онезимъ простоналъ.

— Право, ужъ и не знаю, какъ мнѣ поступить,—проговорилъ Нирэй. — Однако, ступай теперь къ себѣ, дитя; вернись къ своимъ женщинамъ и къ своему верстену. Потомъ я еще разъ поговорю съ тобой объ этомъ. А ты, несчастный, встань и иди за мной.

И, вернувшись съ Онезимомъ въ домъ, Нирэй приказалъ двумъ довѣреннымъ рабамъ-христіанамъ, какъ и онъ самъ, связать юношу, заключить его въ отдѣльное помѣщеніе и держать взаперти подъ строгимъ надзоромъ до тѣхъ поръ, пока онъ не обсудитъ хорошенько этого дѣла и не рѣшитъ, какъ поступить съ виновникомъ.

Глава XIII.

Ставъ императоромъ, Неронъ первое время былъ до того ослѣпленъ блескомъ новаго положенія, что въ продолженіе перваго мѣсяца своего царствованія ходилъ какъ бы отуманенный и только съ трудомъ постепенно освоивался со своимъ величіемъ и привыкалъ къ мысли, что онъ императоръ. Но разъ постигнувъ и измѣривъ

весь объемъ своей неограниченной власти правителя величайшей въ мірѣ имперіи, юный императоръ очень скоро вошелъ въ свою роль самодержавнаго властелина; хотя ни дѣлами государственными, ни вообще какими-либо заботами о благосостояніи своей имперіи онъ нисколько не обременялъ себя, предпочитая отдавать свое время только однимъ празднымъ развлеченіямъ и удовольствіямъ.

Единственно, что тревожило иногда молодого императора среди его безпрерывныхъ кутежей и пировъ, это ревнивое вмѣшательство его матери, съ упорствомъ отчаянія все еще силившейся удержать власть, видимо ускользавшую изъ ея рукъ. Не легко было ей отказаться отъ тѣхъ плодовъ, во имя которыхъ, побуждаемая своимъ непомѣрнымъ властолюбіемъ, она рѣшилась на столько злодѣяній, и она всячески старалась поколебать въ себѣ съ каждымъ днемъ все болѣе крѣпнувшую въ ней увѣренность, что всѣ ея труды и происки въ этомъ смыслѣ были напрасны. Могла ли она допустить мысль, чтобы этотъ семнадцатилѣтній, еле ставшій на ноги, юноша осмѣлился даже подумать о сопротивленіи ей. Всегда неустрашимая и непреклонная въ своихъ намѣреніяхъ, не была ли она по отношенію къ нему, какъ твердый алмазъ въ сравненіи съ мягкой неустойчивой глиной? Отпрыскъ царственнаго рода, не стояла ли она съ младенчества близко къ такимъ родственникамъ, которые при жизни были обожаемы, а послѣ своей смерти обоготворяемы. Но, на несчастіе себѣ, Агриппина, при всей своей проницательности и при всемъ умѣ, не умѣла достаточно обуздывать бѣшеныхъ порывовъ своего вспыльчиваго и властолюбимаго нрава, и такимъ недостаткомъ сдержанности ускорила для себя минуту роковой развязки.

Не успѣлъ Неронъ вступить на престолъ, какъ въ немъ уже стали обнаруживаться весьма несомнѣнные признаки желанія выйти скорѣе изъ-подъ контроля императрицы-матери. Палласъ, главный сообщникъ и клевретъ Агриппины, очень скоро впалъ въ немилость цезаря и былъ имъ удаленъ. Сенека и Бурръ, не страшась болѣе ея гнѣва, старались всячески противодѣйствовать ея вліянію. Искатели цезарскихъ милостей и благоволенія старались заручиться не столько ея покровительствомъ и защитой, сколько протекціей Актэи, да и самъ Неронъ, постоянно окруженный своими фаворитами, развратными молодыми аристократами, и толпой разнаго рода проходимцевъ, шутовъ и паразитовъ, съ каждымъ днемъ все яснѣе и безцеремоннѣе высказывалъ свое полнѣйшее равнодушіе какъ къ угрозамъ и приказаніямъ матери, такъ и къ разумнымъ ея совѣтамъ, не безъ самодовольства, щеголяя своей внезапной появившейся независимостью. Самолюбивая и гордая Агриппина была уязвлена и краснѣла даже наединѣ съ самой собой, при мысли, что ее, для Нерона ни передъ чѣмъ не остановившуюся, могла вытѣснить изъ сердца ея сына жалкая и ничтожная вольноотпущенница, Актэя, и что ея вліяніе надъ нимъ могло превозмочь вліяніе изнѣжен-

ныхъ ничтожествъ въ родѣ завитаго и раздушеннаго Отона. Какъ жестоко она ошиблась въ своихъ расчетахъ! Первое лицо въ имперіи при Клавдіи, неужели же она извела мужа только для того, чтобы сдѣлаться самой нулемъ въ рукахъ такихъ людей, даже ненавидѣть которыхъ она не могла, до того глубоко было ея презрѣніе къ нимъ?

Но жребій былъ брошенъ: уничтожить сдѣланнаго было нельзя. Оставалось ждать грознаго часа расплаты за учиненное зло, а до тѣхъ поръ по возможности осторожнѣе стараться двигаться на краю ужасной пропасти. Сорвавъ заманчивый плодъ, она убѣдилась, что онъ полонъ смертельной отравы.

А между тѣмъ сложить покорно съ себя всякій авторитетъ въ дѣлахъ правленія, не сдѣлавъ, по крайней мѣрѣ, хоть одной попытки удержать за собой нѣкоторую власть, было свыше силъ гордой и властолюбивой женщины. Сохранивъ пока еще за собой право имѣть во всякое время, когда бы она ни вздумала, доступъ въ кабинетъ императора, она нерѣдко пользовалась имъ, съ цѣлью, ворвавшись къ нему, осыпать его упреками, насмѣшками, а часто даже и угрозами. Переставъ давно скрывать отъ сына, что Клавдій погибъ отъ ея руки жертвой ея честолюбивыхъ замысловъ, она укоряла Нерона въ неблагодарности, высказывала ему свое презрѣніе, издѣваясь надъ его изнѣженностью и стараясь уязвить сарказмами? ставила ему въ образецъ благородство и высокое мужество обиженнаго ею Британника, говорила ему, что онъ скорѣе годится въ плохіе актеры, третьестепенные колесничные ѣздоки или въ третьеклассные пѣвцы, нежели въ императоры.

— И допустить, что въ жилахъ твоихъ течетъ благородная кровь Домиціевъ и цезарей!—кричала она, выходя изъ себя отъ злобы и негодованія.—Какой ты императоръ,—развѣ балаганный! Въ тебѣ нѣтъ ничего—не только величія цезаря, но даже мужества простого и благороднаго римлянина. Но не забывай, если ты императоръ, то этимъ обязанъ мнѣ и моимъ стараніямъ.

— Напрасно трудилась; лучше было бы оставить меня въ покоѣ и не возводить на престолъ,—проговорилъ угрюмо Неронъ.— Удивительное удовольствіе считаться императоромъ и имѣть тебя за спиной, подсматривающею мой каждый шагъ и властвующей надо мной!

— Подсматривать! Властвовать! И это говоришь ты, послѣ того, какъ не побоялся и не постыдился дать въ соперницы своей матери какую-то жалкую ничтожную рабу! Не забывай, Агенобарбъ, что я дочь Германика, сколько бы ни былъ ты мало достоинъ быть его внукомъ. Презрѣнный трусъ! Отъ кого только могъ ты наслѣдовать женственную склонность къ изнѣженному образу жизни, мелочность и безхарактерность? Не отъ меня, безъ сомнѣнія, а также и не отъ отца твоего. Жестокій, онъ былъ, однакожъ, и мужественъ, и не устрашимъ, и я не думаю, чтобы онъ не погнушался быть отцомъ такого несчастнаго поэта и жалкаго пѣвца какъ ты.

Задѣтый за живое упреками матери и особенно ея глумленіемъ надъ его талантами, передъ которыми друзья его рабски преклонялись, Неронъ, въ свою очередь, вышелъ изъ себя.

— Какой бы я ни былъ, но тѣмъ не менѣе теперь я императоръ,—вскричалъ онъ;—и я посовѣтовалъ бы помнить тѣмъ, кому вѣдать это не мѣшаетъ, что бывали такіе примѣры, что если не матерямъ, то, по крайней мѣрѣ, женамъ и сестрамъ цезарей приходилось остывать отъ излишняго пыла своей ярости среди утесовъ прохладныхъ понтійскихъ или гиарскихъ береговъ.

— И ты осмѣливаешься, дерзкій, угрожать мнѣ!—воскликнула Агриппина,—мнѣ, твоей матери, которой ты обязанъ всѣмъ, начиная съ жизни и кончая тѣмъ, что ты теперь не бѣдный, ничтожный мальчишка, а властелинъ полуміра!

— Ты назвала сейчасъ меня актеромъ; но мнѣ кажется, что скорѣе же ты актриса, хотя и довольно второстепенная,—насмѣшливо усмѣхаясь, замѣтилъ Неронъ.

Агриппина вскочила.

— О, боги, если только они существуютъ, пусть услышатъ меня!—воздѣвъ къ небу руки, воскликнула она.—Имъ поручаю я воздать тебѣ сторицей за всѣ твои обиды мнѣ.

— Напрасны твои проклятія: призвать несчастія на мою голову они не въ силахъ; у меня есть противъ нихъ вѣрный отворотъ—чудесный талисманъ. Вотъ онъ, взгляни.

И Неронъ протянулъ къ ней крошечную деревянную куклу—icuncula puellaris—очень таинственно какъ-то разъ подаренную ему кѣмъ-то на улицѣ съ увѣреніемъ, что этотъ талисманъ не только убережетъ его отъ всякихъ бѣдъ и напастей, но и будетъ ему отворотнымъ средствомъ противъ дурного глаза. Суевѣрный императоръ вѣрилъ слѣпо въ чудесную силу этого амулета. Но Агриппина, взявъ талисманъ въ руки и еле удостоивъ его взглядомъ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ отбросила его далеко отъ себя.

Неронъ промолчалъ; но лицо его приняло при этомъ такой видъ, что даже сама Агриппина испугалась и, убоявшись, не зашла ли она ужъ слишкомъ далеко, поспѣшила замѣтить ему въ тонѣ болѣе примирительномъ!

— Зачѣмъ тебѣ этотъ амулетъ, если у тебя есть другой, лучше этого, который подаренъ тебѣ твоей матерью?

И говоря это она взглядомъ указала ему на золотой зміевидный браслетъ, который онъ съ дѣтства носилъ на правой рукѣ и въ которомъ была вдѣлана кожа змѣи. Объ этой змѣѣ сложилось множество легендъ и, между прочимъ, разсказывалось, будто ее застали ползающей вокругъ колыбели Нерона; другіе же къ этому добавляли, будто змѣя эта была воплощеннымъ добрымъ геніемъ Нерона, спасшимъ его своимъ появленіемъ у его колыбели отъ рукъ подосланныхъ Мессалиною убійцъ, бѣжавшихъ при видѣ змѣи. Но какъ бы то ни было, а дѣло въ томъ, что тогда же Агриппина велѣла оправить кожу этой змѣи въ золото и драго-

цѣнные каменья въ видѣ браслета, и позднѣе, надѣвая этотъ браслетъ на руку сына, просила его никогда съ нимъ не разставаться. И теперь, пока она смотрѣла такъ пристально на браслетъ, въ чувствахъ ея къ сыну произошла внезапная перемѣна. Не воскресилъ ли видъ этого браслета передъ ея духовнымъ взоромъ образъ златокудраго ребенка съ голубыми ясными глазами, ребенка, для котораго мать была все, который, какъ въ минуты дѣтскаго горя, такъ и въ минуты дѣтской радости, приходилъ лишь къ ней и, обвившись вокругъ ея шеи рученками и положивъ головку ей на плечи, довѣрчиво и сладко засыпалъ у нея на груди? А теперь этотъ самый ребенокъ—императоръ благодаря ея проискамъ и преступленіямъ—стоялъ передъ ней ненавидящій и ненавидимый съ злой усмѣшкой на губахъ, съ грозно нахмуреннымъ лицомъ. А между тѣмъ этотъ сынъ, не онъ ли былъ единственнымъ близкимъ ей существомъ! Отецъ ея былъ убитъ, мать тоже, братья также погибли насильственной смертью, сестры умерли въ позорномъ изгнаніи,—перваго ея мужа давно не было въ живыхъ, два другихъ умерли отравленные и притомъ ея же рукой; друзья и приверженцы были въ тяжелой ссылкѣ. Глубоко и широко зіяла вокругъ нея бездна ненависти и злобы—она это знала, какъ знала и то, что нѣтъ у нея во всемъ мірѣ ни одного искренно преданнаго ей человѣка, кромѣ только двухъ-трехъ ничтожныхъ вольноотпущенниковъ. Все яснѣе и яснѣе сознавая свое страшное одиночество среди этого многолюднаго дворца, она за послѣднее время начала, было, уже дѣлать нѣкоторыя попытки снискать себѣ если не привязанность такъ жестоко обиженныхъ ею Британника и Октавіи, то, хотя бы, ихъ прощеніе и нѣкоторое снисхожденіе. Въ ней проснулась жалость къ нимъ, обиженнымъ ею. Но, увы! ей скоро пришлось убѣдиться, что какъ для кроткой Октавіи, такъ и для незлобиваго Британника любить ее было свыше силъ. Привязанность сына—вотъ единственное, что ей оставалось, а между тѣмъ она видѣла, что и онъ все дальше и дальше сторонился отъ нея съ чувствомъ очень близкимъ къ отвращенію и ненависти.

Всѣ эти безотрадныя мысли вихремъ пронеслись въ умѣ несчастной жертвы своего честолюбія и, не находя силъ совладать съ припадкомъ отчаянія, она залилась горькими слезами.

— Прости мнѣ мою безумную вспышку, Неронъ,—рыдая проговорила она, протягивая съ мольбой къ сыну руки.—Прости, тебя проситъ твоя мать. Какъ у меня, такъ вѣдь и у тебя, нѣтъ въ мірѣ никого, кто бы стоялъ къ намъ ближе, чѣмъ стоимъ мы другъ къ другу. Прости и дай мнѣ еще разъ почувствовать, что я еще не совсѣмъ утратила любовь моего сына, для котораго жила, для котораго готова и умереть.

Но эти слова матери очень мало тронули Нерона.

— Странно! То ты проклинаешь меня, то умоляешь и плачешь,—холодно замѣтилъ онъ ей.—Ужъ не думаешь ли, что одинъ *только твой* амулетъ можетъ предохранить меня отъ бѣшеныхъ

порывовъ твоей ярости! Сейчасъ надругалась ты надъ подареннымъ мнѣ талисманомъ, а потому вотъ, смотри, какъ я дорожу твоимъ подаркомъ. Никогда въ жизни моей болѣе не надѣну я его.

И, снявъ съ руки браслетъ, онъ со злостью швырнулъ его со всего размаху на полъ.

— Вотъ онъ! Можешь взять его себѣ; онъ мнѣ больше не нуженъ,—и послѣ этого Неронъ вышелъ изъ залы, не сказавъ матери ни одного слова на прощаніе.

Агриппина въ первую минуту стояла, какъ окаменѣлая, и только ноздри ея широко раздувались, да въ глазахъ зажигался недобрый огонекъ. Слезъ же точно и не бывало.

— О, обиженный Британникъ, о, бѣдная Октавія! развѣ нѣтъ возможности поправить сдѣланнаго вамъ зла?—вполголоса проговорила она.—Нѣтъ! Мщеніе за смерть Клавдія было бы ихъ первымъ дѣломъ. Но вѣдь еще живы и Корнелій Сулла, и Рубеллій Плавтъ. Что мнѣ можетъ помѣшать, даже и теперь, смести съ моей дороги—хотя онъ мнѣ и сынъ—этого жалкаго гаера и пѣвца, а на его мѣсто возвести на престолъ цезарей,—того или другого изъ нихъ!

И, поднявъ съ полу браслетъ, она шопотомъ прибавила:

— Какъ онъ сказалъ. пусть такъ и будетъ; никогда не видать ему болѣе и не носить этого талисмана.

Неронъ, когда для него настала ужасный день его послѣднихъ счетовъ съ жизнью, тщетно старался найти этотъ амулетъ.

Глава XIV.

Римъ становился и пыленъ, и душенъ. Приближался сезонъ лихорадки. Утомленный придворными пирами и кутежами и не менѣе того своими безпрестанными пререканіями съ матерью и бурными сценами съ ней, Неронъ порывался на чистый воздухъ, на просторъ вольной загородной жизни, гдѣ бы онъ могъ, вдали отъ стѣснительнаго придворнаго этикета, отдаться всецѣло своимъ наклонностямъ къ эстетическимъ наслажденіямъ.

На этотъ разъ изъ всѣхъ своихъ роскошныхъ виллъ онъ выбралъ для лѣтней резиденціи виллу, недавно пріобрѣтенную имъ въ одномъ изъ наиболѣе дикихъ и мрачныхъ ущелій Симбруинскаго кряжа Аппенинскихъ горъ. Какъ сама мѣстность по живописности быстрыхъ горныхъ потоковъ, тѣнистыхъ рощъ, крутыхъ обрывистыхъ овраговъ, скалистыхъ склоновъ, такъ и зданіе виллы по легкости и изяществу своей архитектуры представляли нѣчто въ полномъ смыслѣ очаровательное. Стѣны виллы внутри были расписаны альфреско извѣстнѣйшими мастерами жанровой живописи; въ садахъ среди зелени богатой растительности бѣлѣли чудныя статуи, изваянныя рукой такихъ великихъ скульпторовъ, какъ Пракситель и Миронъ, лились фонтаны, журчали ручейки, шу-

мѣли водопады, виднѣлись таинственные гроты, красовались причудливые храмы.

Въ первый разъ отправлялся Неронъ провести лѣто среди волшебной обстановки этого восхитительнаго уединенія. Изъ Рима онъ двинулся сопровождаемый блестящей свитой и цѣлымъ полчищемъ рабовъ, изъ которыхъ на многихъ лежала обязанность подавать императору съ надлежащей бережностью его лиру, или какой другой музыкальный инструментъ.

Агриппина, снѣдаемая горемъ обманутыхъ надеждъ и жаждой мести, отказалась наотрѣзъ отъ приглашенія императора поѣхать съ нимъ въ его лѣтнюю резиденцію, какъ въ виду оскорбительной формы самаго приглашенія, такъ и нѣкоторыхъ опасеній съ ея стороны раздѣлить съ нимъ уединеніе, въ которомъ предвидѣла для себя лишь новыя причины къ неудовольствію и раздраженію. Вмѣсто этого она предпочла переѣхать на лѣто въ свою собственную великолѣпную виллу Бавли, въ Кампаніи, гдѣ за отсутствіемъ другого, болѣе серьезнаго дѣла, разсчитывала заняться продолженіемъ своихъ мемуаровъ, развлекаясь, въ часы досуга, кормленіемъ миногъ и долгоперовъ, прирученныхъ до того, что они являлись на ея зовъ и брали кормъ изъ ея рукъ.

Менѣе счастливая въ этомъ отношеніи, Октавія поневолѣ должна была сопровождать императора, своего мужа, который, при всемъ своемъ желаніи оставить ее въ Римѣ, рѣшилъ тѣмъ не менѣе, взять ее съ собой, чтобы не итти черезчуръ открыто противъ общественнаго мнѣнія, требовавшаго отъ него нѣкоторыхъ внѣшнихъ знаковъ уваженія къ женѣ, какъ къ императрицѣ и дочери Клавдія. Но кортежъ Октавіи не отличался ни блескомъ, ни многочисленностью, состоя исключительно изъ небольшой части полагавшихся ей шестисотъ рабовъ. И того малочисленнѣе была свита Британника, приглашеннаго только потому, что оставить его въ Римѣ на такое время года, когда Лабитинія требовала наибольшаго числа жертвъ, могло бы показаться въ высшей степени неблаговиднымъ; вдобавокъ же Неронъ чувствовалъ себя даже и спокойнѣе, зная, что онъ у него на глазахъ. Впрочемъ, Британникъ былъ совершенно счастливъ, такъ какъ съ нимъ былъ его другъ Титъ, отецъ котораго Веспасіанъ, а также и мать Флавія Домицилла получили приглашеніе провести нѣкоторое время въ гостяхъ у императора; зналъ онъ также, что и Пуденсъ въ качествѣ центуріона преторіанской гвардіи, и Эпиктетъ, какъ рабъ секретаря Нерона, должны были необходимо войти въ составъ почетнаго конвоя императора.

Неронъ, любившій, въ особенности въ первое время своего царствованія, окружать себя болѣе или менѣе образованными людьми, пригласилъ, кромѣ того, и Сенеку, Бурра и Лукіана, восходившую въ то время звѣзду въ мірѣ поэтовъ, сатирика Персія, сатиры котораго тогда еще хранились, на его счастіе, подъ замкомъ его письменнаго стола, и, кромѣ того, извѣстнаго натуралиста той эпохи Плинія Старшаго. Однако, какъ ни старался Неронъ увѣрить всѣхъ

въ своемъ пристрастіи къ литературѣ, трудно было не замѣтить, что настоящее удовольствіе онъ находилъ преимущественно или въ бесѣдахъ съ циничнымъ Петроніемъ, или въ привольныхъ разговорахъ съ изящнымъ ловеласомъ Отономъ. Никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемый, молодой императоръ въ волю упивался чашей наслажденія среди чудной обстановки своей роскошной виллы, имѣвшей къ тому же то преимущество, что, по счастливой случайности, она состояла изъ двухъ зданій, отдѣлявшихся мостомъ черезъ глубокій и широкій оврагъ, что представляло для Нерона возможность менѣе пріятныхъ ему гостей помѣстить въ виллѣ Касторъ, а между тѣмъ какъ самъ онъ съ избранными друзьями и пріятелями помѣстился въ виллѣ Полуксъ.

Обѣды и ужины по большей части подавались въ томъ и другомъ зданіи отдѣльно, и только изрѣдка удостоивалъ Неронъ приглашеніемъ къ своему столу всѣхъ своихъ гостей безъ исключенія. Императоръ вообще очень любилъ возможно болѣе разнообразить свои удовольствія и развлеченія. То онъ упражнялся въ плаваніи, то принимался удить рыбу, то по нѣскольку часовъ сряду занимался музыкой подъ руководствомъ извѣстнаго арфиста того времени Терпноса, или же бралъ уроки пѣнія у пѣвца Діодора, приложившаго не мало стараній, трудясь надъ развитіемъ и надлежащей постановкой того голоса, который уже было принято величать не иначе, какъ божественнымъ или небеснымъ.

Но мало-по-малу Неронъ и здѣсь сталъ тяготиться тѣмъ сравнительно небольшимъ декорумомъ, какой пока еще считалъ приличнымъ соблюдать въ своихъ кутежахъ въ виду присутствія нѣкоторыхъ гостей, болѣе солидныхъ, въ виллѣ Касторъ; хотя, они были ему отчасти и нужны, какъ слушатели, передъ которыми онъ могъ обнаруживать свои дивные таланты пѣвца и поэта. Но, однажды, во время одного изъ такихъ представленій, во время котораго исполненіе императора и какъ пѣвца, и какъ арфиста, и какъ декламатора стиховъ собственнаго произведенія, вызвало со стороны большинства слушателей шумныя рукоплесканія и восторженные крики одобренія, случилось, что Неронъ замѣтилъ какъ-то, что Веспасіанъ, пока небесный его голосъ выдѣлывалъ дивныя трели и рулады, сначала сталъ понемногу дремать, а затѣмъ, и совсѣмъ заснулъ, а потомъ—о ужасъ!—захрапѣлъ.

Взбѣшенный и уязвленный въ своемъ самолюбіи великаго артиста, императоръ рѣшился уже было отдать приказъ арестовать простодушнаго воина, какъ виновнаго въ оскорбленіи величества, но другъ его, изящный Петроній, передъ которымъ Неронъ не утерпѣлъ излить свое негодованіе, такъ отъ души посмѣялся забавному инциденту и такъ остроумно осмѣялъ неотесаннаго обълома, что постепенно умиротворилъ разгнѣваннаго императора.

— Итакъ мнѣ, какъ видно, придется сказать, повторяя Горація: «*solventur risu tabulae*».

— Конечно, это будетъ самое лучшее,—одобрилъ Петроній;— и прекрасно сдѣлалъ бы цезарь, еслибъ къ этому еще прибавилъ:

«*tu missus abibis*». И на самомъ дѣлѣ, что имъ здѣсь торчать, этимъ старымъ несноснымъ чудакамъ, и отчего бы цезарю не приказать имъ очистить виллу Касторъ? Отъ Плинія мы давно уже слышали все то, что намъ хотѣлось знать на счетъ миногъ и птицы фламинго; напыщенная рѣчь Сенеки уже порядочно-таки наскучила; надъ дѣвственной стыдливостью Персія мы уже успѣли вдоволь натѣшиться, а потому, что же мѣшаетъ попросить вѣжливо ихъ удалиться? Пусть лучше цезарь прикажетъ доставить сюда пантомима Алитура и актера Париса, да нѣсколько лишнихъ красавицъ-рабынь для большаго оживленія его роскошныхъ пировъ.

Совѣтъ Петронія пришелся по вкусу Нерону, и на слѣдующій же день гости, находившіеся въ виллѣ Касторъ, получили весьма недвусмысленный намекъ, что воины, отдавъ цезарю долгъ благоговѣйнаго почтенія, могутъ удалиться, куда кому изъ нихъ угодно. При этомъ, по случаю отъѣзда Веспасіана, а съ нимъ его жены и сына Тита, Британнику разрѣшено было отправиться вмѣстѣ съ ними, погостить нѣкоторое время въ скромной виллѣ Веспасіана.

— Тамъ въ средѣ этихъ неотесанныхъ рохлей, едва ли кто-нибудь станетъ вбивать ему въ голову какія-либо несбыточныя фантазіи,—замѣтилъ при этомъ Неронъ.—Пусть сидитъ себѣ на бобахъ да на свининѣ, можетъ быть и отупѣетъ и станетъ такимъ же вислоухимъ неряхой, какъ и его друзья.

Послѣ отъѣзда Сенеки и Бурра, передъ которыми Неронъ все еще продолжалъ сохранять пока нѣкотораго рода совѣстливость, пиры и кутежи въ виллѣ Полуксъ не замедлили принять характеръ настоящихъ оргій и вакханалій. Устраивались празднества и банкеты неслыханные, и по своей роскоши, и по причудливости всякихъ затѣй: не рѣдко въ садахъ при свѣтѣ факеловъ, на потѣху цезарю и его гостямъ, рѣзвилась толпа нимфъ и наядъ, плескаясь и ныряя съ веселымъ смѣхомъ въ водахъ искусственныхъ озеръ; между деревьевъ виднѣлись фавны и сатиры, съ дикими криками преслѣдуя рѣзвоногихъ гамадріадъ; изъ таинственныхъ гротовъ неслись звуки музыки, смѣшиваясь съ голосами хоровъ и услаждая слухъ все болѣе и болѣе хмѣлѣвшей компаніи, въ то время какъ Парисъ и Алитуръ, поочередно выбивались изъ силъ, чтобы доставить императору то своими грязными пантомимами, то танцами новое эстетическое наслажденіе. Но физическая сторона человѣка не можетъ безнаказанно брать верхъ надъ его духовной стороной: утомленіе, разочарованіе и, въ довершеніе, полное отвращеніе къ жизни—вотъ неизбѣжные результаты такого преобладанія матеріи надъ духомъ.

Впрочемъ, отъ времени до времени на императора нападала прихоть заняться литературой, и тогда устраивались чтенія, во время которыхъ читались стихи и всевозможные пасквили, между прочимъ, былъ какъ-то прочтенъ, какъ самая послѣдняя новость въ области такого рода литературы, довольно грязный и пошлый пасквиль на обоготвореніе покойнаго императора Клавдія, слушая

который Неронъ смѣялся до упаду, одинаково восхищенный и грубымъ издѣвательствомъ надъ своимъ предшественникомъ, и не менѣе грубой лестью самому себѣ. Но и среди всевозможныхъ утѣхъ, какія только въ силахъ былъ придумать умъ праздный и избалованный, скука не рѣдко томила какъ молодого амфитріона, такъ и его гостей. Однажды, подъ конецъ уже сезона, большинство гостей послѣ утра, проведеннаго въ чтеніи стиховъ Лукіана и самаго императора, постепенно разошлось, и въ залѣ съ Нерономъ остались только Петроній и Тигеллинъ, да еще актеръ Парисъ.

— Скажи мнѣ, Петроній,—обратился Неронъ къ своему фавориту,—какое твое мнѣніе о поэтическихъ произведеніяхъ Лукіана и Персія? Ты настоящій поэтъ, и не можешь ошибиться въ критикѣ.

— Лукіанъ, по моему, не столько поэтъ, сколько риторъ, а что касается Персія, то онъ прежде всего стоикъ и моралистъ,—сказалъ Петроній.—Впрочемъ, ни тотъ, ни другой не лишены нѣкоторыхъ достоинствъ, хотя у обоихъ нѣтъ искусства сказать что-либо просто, оба искусственны, напыщенны, ужасно монотонны и страдаютъ, въ большей или меньшей степени, отсутствіемъ всякой оригинальности.

— А твое мнѣніе о моихъ стихахъ? — не утерпѣлъ спросить императоръ, жаждавшій похвалы.

— Цезарь не можетъ не высказывать полнаго совершенства во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ—съ привычной загадочной улыбкой сказалъ Петроній и, отвѣсивъ Нерону низкій поклонъ, ушелъ.

— О,мой Парисъ!—обнявъ актера,воскликнулъ Неронъ,—только одинъ ты и твоя участь достойны зависти. Артистъ, великій артистъ, ты вызываешь по своему желанію въ зрителяхъ то слезы, то смѣхъ, всегда доставляя имъ своей дивной игрой вѣнецъ наслажденія, и очень часто, внимая шуму восторженныхъ рукоплесканій, какими привѣтствуютъ ужъ одно твое появленіе на сценѣ, я чувствую, какъ овладѣваетъ мной безумное желаніе помѣняться съ тобою ролями и, уступивъ тебѣ мое мѣсто на престолѣ, занять твое, на театральныхъ подмосткахъ.

— Цезарю благоугодно тѣшиться надъ бѣднымъ мимомъ, — смущенно проговорилъ Парисъ и поспѣшилъ прибавить:—если императору угодно, чтобы я позабавилъ его сегодня вечеромъ послѣ банкета, то пусть соблаговолитъ уволить меня теперь, чтобы дать мнѣ время подготовиться вмѣстѣ съ Алитуромъ къ предстоящему спектаклю.

Неронъ остался на единѣ съ Тигеллиномъ. Онъ зѣвнулъ лѣниво.

— О боги, какъ невыносимо скучна эта жизнь!—проговорилъ онъ.—Впрочемъ, не стоитъ думать объ этомъ, сегодня у насъ въ виду банкетъ съ новыми затѣями...

— Послѣ котораго, достаточно разгоряченные виномъ, мы еще должны будемъ отправиться бродить по саду, гдѣ въ по-

этичномъ полумракѣ таинственныхъ гротовъ и аллей цезаря ждетъ новаго рода развлеченіе, придуманное, чтобы позабавить его, изобрѣтательнымъ Петроніемъ и красавицей Криспиллой.

— Что такое?

— Пусть государь не требуетъ отъ меня, чтобы я удовлетворилъ въ данномъ случаѣ его любопытство: отъ сюрприза удовольствіе только выиграетъ.

— Хорошо, пусть будетъ по твоему. Но, знаешь, жизнь наша здѣсь быстро близится къ концу; а тамъ опять этотъ несносный Римъ, со своимъ сенатомъ, совѣтами и необходимостью болѣе или менѣе соблюдать нѣкоторое приличіе.

— Для цезаря такой необходимости не должно существовать. Онъ можетъ поступать, какъ ему угодно. Кто же осмѣлится требовать у него отчета въ его дѣйствіяхъ и поступкахъ?

— Да хоть бы та же Агриппина, моя матушка, если и никто другой.

— У цезаря можетъ быть только одна причина опасаться Агриппины.

— Какая?

— Агриппина, какъ я уже докладывалъ цезарю, за послѣднее время проявляетъ необыкновенную внимательность къ Британнику, сверхъ того, я имѣю нѣкоторыя основанія думать, что она затѣваетъ возвести на престолъ или Рубеллія Плавта, или Суллу. Не такъ она еще стара, чтобы не думать болѣе о замужествѣ; у этихъ же у обоихъ течетъ въ жилахъ императорская кровь.

— Рубеллій Плавтъ! — изумился Неронъ, — не можетъ быть: это мирный педантъ, и только. Что же касается Суллы, то этотъ ненасытный обжора не въ состояніи думать ни о чемъ, кромѣ своего обѣда.

— Это покажетъ намъ время,—сказалъ Тигеллинъ,—но тѣмъ не менѣе, пока живъ Британникъ...

— Договаривай.

— Пока живъ Британникъ, положеніе Нерона непрочно.

Неронъ ничего не отвѣтилъ, но глубоко задумался.

Насталъ вечеръ, и императорскій банкетъ, приготовленный на этотъ разъ среди зеленаго луга, окаймленнаго рядомъ деревьевъ, между которыми, журча и шумя, лились фонтаны, оказался и роскошнѣе, и великолѣпнѣе, чѣмъ когда-либо. Закончивъ трапезу обычными обильными возліяніями бахусу, гости съ хозяиномъ во главѣ отправились гулять по саду, гдѣ Неронъ вскорѣ увидѣлъ приготовленный для него сюрпризъ. Садъ былъ роскошно иллюминованъ лампами, висѣвшими гирляндами между деревьями; въ аллеяхъ и гротахъ гремѣла музыка, чередовавшаяся съ хорами, между тѣмъ, какъ въ бассейнахъ плескались наяды, а въ рощахъ юноши въ костюмахъ фавновъ и сатировъ съ факелами въ рукахъ, играли съ молодыми дѣвушками, изображавшими собой лѣсныхъ нимфъ; увидавъ императора и его гостей, вся эта рѣзвая молодежь бросилась имъ на встрѣчу и, вѣнчая ихъ цвѣтами, увлекла за собой: начались новыя пляски и игры, новое пиршество съ пѣніемъ и возгласами, которымъ, какъ бы смѣясь надъ тишиной ночи, вторило эхо.

Глава XV.

Послѣ отъѣзда болѣе почетныхъ гостей Нерона, въ томъ числѣ и Веспасіана съ женой, общество которой было для Октавіи, пренебрегаемой открыто мужемъ, большимъ утѣшеніемъ, юная императрица проводила большую часть своего времени въ совершенномъ одиночествѣ. Неронъ, который никогда не былъ влюбленъ въ Октавію и женился на ней только по наущенію и по приказанію Агриппины, старался всячески избѣгать жены и намѣренно выказывалъ по отношенію къ ней самое высокомѣрное презрѣніе, опасаясь какимъ-либо вниманіемъ къ ней дать поводъ думать, что онъ обязанъ престоломъ отчасти и своимъ брачнымъ узамъ съ дочерью Клавдія. Впрочемъ, и сама Октавія, зная по горькому опыту, какой лютый звѣрь скрывается подъ внѣшней привлекательностью молодого императора, не бывала никогда такъ счастлива, какъ въ то время, когда могла оставаться подальше отъ него. Неронъ замѣчалъ это и, привыкшій вокругъ себя видѣть лишь рабское поклоненіе и слышать одну только лесть, нерѣдко бѣсился въ душѣ, не встрѣчая въ тѣхъ, кто составлялъ его семейный кругъ, ни тѣни чего-либо подобнаго. Ему было непріятно сознавать, что люди, знавшіе его болѣе интимно, насквозь понимаютъ его настоящій характеръ. Съ откровенностью, доходившей почти до грубости, говорила ему бывало, въ лицо Агриппина, какой онъ человѣкъ, между тѣмъ какъ жена его съ видимымъ брезгливымъ отвращеніемъ сторонилась отъ него, точно боясь прикосновеніемъ къ нему осквернить себя. Все это вмѣстѣ, раздражая Нерона, еще болѣе усиливало его непріязненное чувство къ женѣ и, не имѣя въ своемъ загородномъ мѣстопребываніи никакихъ причинъ соблюдать по отношенію къ ней хотя бы даже нѣкоторую условную вѣжливость, онъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ переходилъ мостъ, отдѣлявшій занимаемую имъ виллу Полуксъ отъ виллы Касторъ, гдѣ со своимъ скромнымъ дворомъ помѣщалась императрица, чтобы сдѣлать ей формальный визитъ.

Оставаясь часто по цѣлымъ днямъ подъ-рядъ въ однообразномъ одиночествѣ, молодая женщина для развлеченія писала длинныя письма къ своему брату или же, позвавъ къ себѣ кого нибудь изъ прислужницъ, просила ее читать вслухъ. Добрая отъ природы Октавія, испытывая сама всю горечь оскорбленій, постоянно старалась быть кроткой и ласковой въ обращеніи съ рабами, которымъ никогда не приходилось терпѣть отъ нея тѣхъ жестокостей и того тиранства, какимъ за малѣйшую небрежность или неловкость часто подвергались несчастныя рабыни-прислуж-

ницы въ роскошныхъ будуарахъ женъ и дочерей богатыхъ патриціевъ. Благодаря этому императрица скоро снискала себѣ своимъ человѣчнымъ обхожденіемъ и любовь, и полное довѣріе очень многихъ изъ своихъ рабынь. Въ числѣ подобныхъ была и раба-христіанка Трифонія, которая въ своемъ довѣріи къ ней дошла даже до того, что рѣшилась признаться, что принадлежитъ къ числу исповѣдницъ новой вѣры. Отчасти уже нѣсколько знакомая черезъ Британника съ новымъ ученіемъ, которое интересовало ее сильнѣе, чѣмъ она смѣла вслухъ признаться себѣ, Октавія послѣ такого открытія нерѣдко вступала съ Трифоніей въ продолжительныя беседы, въ которыхъ Трифонія мало-по-малу посвящала императрицу въ религіозные догматы христіанской церкви. Дѣйствіе этихъ догматовъ было благотворно и отрадно вліяло на наболѣвшее сердце Октавіи, и особенно былъ утѣшителенъ догматъ христіанской вѣры о загробной жизни. Такого вѣрованія въ язычествѣ не существовало, и хотя Цицеронъ, въ своихъ «Тускуланскихъ разсужденіяхъ», кое-что и приводилъ въ доказательство истины ученія о безсмертіи души, однако не онъ ли самъ во многихъ изъ своихъ писемъ и рѣчей отзывался о такой доктринѣ не болѣе, какъ о простой, хотя и не лишенной пріятности, гипотезѣ, могущей служить небезъинтересной темой различныхъ толкованій и споровъ, но серьезно вѣрить въ которую нельзя; а для послѣдователей ученія Христа вѣра въ загробную жизнь напротивъ, была, однимъ изъ важнѣйшихъ догматовъ. Для нихъ Предвѣчный былъ, хотя и невидимый, вездѣсущъ, и безсмертіе души представлялось имъ не чѣмъ-то будущимъ, а скорѣе было извѣстнымъ состояніемъ, сознаваемымъ ими и какъ бы уже вкушаемымъ даже и по эту сторону могилы; все временное было въ ихъ глазахъ не болѣе, какъ призракомъ, и только Вѣчное дѣйствительностью.

А пока Октавія незамѣтно такимъ образомъ шла впередъ въ своемъ религіозномъ образованіи, Британникъ проводилъ мирно время, наслаждаясь тихой и вольной деревенской жизнью въ скромной усадьбѣ Веспасіана, представлявшей по своей простотѣ, пріятный контрастъ съ роскошью и великолѣпіемъ палатинскаго дворца. Тутъ, среди сельскаго приволья, окруженный простыми земледѣльцами-поселянами, немногимъ выше которыхъ, по простотѣ жизни, были и сами члены семьи Веспасіана, онъ могъ въ волю бродить, не думая ни о своемъ высокомъ санѣ, ни о какомъ-либо этикетѣ, по лѣсамъ и холмамъ, охотиться на звѣря или на птицу, или же удить рыбу. Кромѣ Тита неразлучными его спутниками были еще и два двоюродныхъ брата послѣдняго, Флавій Сабинъ и Флавій Климентъ, съ которыми Британникъ очень скоро подружился. Иногда къ нимъ присоединялся и младшій братъ Тита — Домиціанъ. Но къ нему Британникъ съ перваго же раза почувствовалъ сильную антипатію, замѣтивъ въ немъ и склонность къ льстивости, и признаки хитрости.

Самъ Веспасіанъ очень любилъ свой мирный сельскій уголокъ, гдѣ ему дышалось несравненно легче, чѣмъ въ пріемной залѣ у Нерона, и гдѣ онъ любилъ похвалиться образцовымъ порядкомъ своего хозяйства. Не стыдясь нисколько незнатности своего происхожденія, онъ любилъ разсказывать въ дружескомъ кружкѣ, какъ дѣдъ его простымъ земледѣльцемъ поселился во время междоусобицъ Марія и Суллы въ Реатѣ, гдѣ женился вскорѣ на простой дѣвушкѣ-сабинкѣ; всегда съ восторгомъ ставилъ въ образецъ старинныхъ римскихъ диктаторовъ въ родѣ Цинцинната или Фабриція, а равно и ихъ простой образъ жизни, и самъ никогда не упускалъ случая щегольнуть своими лошадьми и коровами, огородомъ и тучными нивами, и даже курятникомъ своей жены Домициллы. Ему было любо, что домъ его представлялъ полную чашу простыхъ деревенскихъ продуктовъ, и съ радушіемъ гостепріимнаго хозяина любилъ угощать гостей густымъ молокомъ, свѣжими яйцами, румяными лепешками, душистымъ медомъ и всякими плодами своего сада и овощами своего огорода, составлявшими обычныя кушанья въ его домѣ. Кто бы могъ тогда подумать, смотря на Веспасіана и его семью, состоявшую изъ жены, двухъ сыновей, дочери и двухъ племянниковъ, среди этой, болѣе чѣмъ скромной, обстановки, что видитъ передъ собой трехъ будущихъ римскихъ императоровъ и двухъ консуловъ, изъ которыхъ только одному была суждена мирная смерть; или что изъ этихъ пяти юношей — Тита, Британника, Домиціана, Климента и Сабина—четверымъ предстояло погибнуть жертвами насильственной смерти, а одному принять вѣнецъ мученичества? Но грядущее по волѣ всемилостиваго Провидѣнія, къ счастью для человѣка, сокрыто отъ него во мракѣ глубокой ночи.

Среди этой молодежи только одинъ Веспасіанъ былъ въ состояніи, по зрѣлости своихъ лѣтъ, оцѣнить вполнѣ счастье хоть на время удалиться отъ интригъ и крамолъ римской придворной жизни, клокотавшей, какъ взбаломученное море, и обдавшей всѣхъ и все своими грязными волнами. Онъ видѣлъ на своемъ вѣку, какъ переходили бразды правленія изъ рукъ сумасшедшаго Калигулы въ руки слабоумнаго Клавдія, и зналъ, что предшественникомъ этихъ двухъ императоровъ былъ Тиверій, а ихъ преемникомъ Неронъ. Не забывая предсказаній, предвѣщавшихъ ему блестящую судьбу, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не позволялъ себѣ мечтать, что взойдетъ на престолъ, и никогда не думалъ кончить свою жизнь основаніемъ, какъ оказалось, новой династіи. Напротивъ,—какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ своихъ сыновьяхъ, онъ всегда старался заглушить всякое суетное тщеславіе въ самомъ его зародышѣ. Такъ, замѣтивъ какъ-то, съ какимъ увлеченіемъ восхищалась его молодежь величіемъ всякихъ громкихъ подвиговъ, онъ поспѣшилъ остановить ихъ восторги.

— Остерегайтесь поддаваться честолюбивымъ желаніямъ, дѣти,— замѣтилъ онъ;—повѣрьте мнѣ, что ни титулъ императора, ни видъ вашего изображенія на монетахъ не могутъ доставить

вамъ большаго счастья, чѣмъ то, какимъ пользуетесь вы теперь, безмятежно проводя дни среди мирной деревенской жизни.

— Да, это совершенно вѣрно,—вздыхая, сказалъ Британникъ;—было же вѣдь когда-то и мое изображеніе выбито на монетахъ, а между тѣмъ, могу ли я сказать, что находилъ себя отъ этого счастливѣе?

— Во всякомъ случаѣ ты счастливъ ужъ никакъ не менѣе Нерона,—замѣтилъ ему Титъ,—и я готовъ держать пари, что всѣ его пиршества въ его роскошной виллѣ не въ состояніи доставить ему такого удовольствія, какое обѣщаетъ намъ дать наша завтрашняя охота на кабановъ.

— Возьми-ка лучше Гораціевы Еподы, Климентъ, а не то—Виргиліевы Георгики, и вслухъ почитай намъ ихъ, пока я займусь съ мальчиками изготовленіемъ снарядовъ для предстоящей облавы на дикаго звѣря.

Въ домѣ Веспасіана ложились обыкновенно довольно рано: онъ былъ человѣкъ тогда еще не богатый, и жечь безъ разсчета масло, которое въ то время было не дешево, было ему не по средствамъ. Но, прежде чѣмъ заснуть, молодые люди, бывало, часто подолгу между собой бесѣдовали, разсказывая другъ другу свои планы и мечты, обыкновенное дѣло между молодыми товарищами и друзьями. При этомъ они нерѣдко касались въ своихъ разговорахъ и христіанъ. Но Титъ такихъ разговоровъ не любилъ, увѣряя, что всѣ эти христіане не болѣе, какъ сумасбродные фанатики, о которыхъ и говорить не стоитъ. Всего же больше любилъ онъ говорить объ іудеяхъ: онъ былъ съ отцомъ въ Палестинѣ, гдѣ ему представился случай видѣть Агриппу, и гдѣ увлекся даже юношеской восторженной любовью къ красавицѣ Вереникѣ;—да еще объ ученіи стоиковъ, съ которымъ былъ отчасти знакомъ, благодаря частымъ бесѣдамъ съ Эпиктетомъ, причемъ не рѣдко горячился и выходилъ изъ себя, стараясь доказать что истинно мудрый человѣкъ съумѣетъ быть счастливымъ вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, хотя бы даже внутри фаларнскаго быка, въ отвѣтъ на что Британникъ, къ немалому негодованію своего друга, часто просилъ его отвѣтить ему, очень ли счастливъ бываетъ Музоній, когда у него болятъ зубы.

Но зато въ Климентѣ Британникъ скоро нашелъ не только внимательнаго слушателя его разговоровъ о христіанахъ, но еще человѣка, знавшаго о нихъ, какъ очень скоро обнаружилось, гораздо больше, чѣмъ онъ самъ зналъ.

— Ужъ не христіанинъ ли ты, Климентъ?—спросилъ его послѣ одного изъ такихъ разговоровъ Британникъ, выбравъ минуту, когда остался наединѣ съ новымъ своимъ другомъ.

— Нѣтъ; я еще пока не принялъ крещенія, - отвѣтилъ Климентъ,—настоящій же христіанинъ только тотъ, кто присоединенъ къ христовой церкви таинствомъ крещенія.

— Крещеніе!—А что такое крещеніе?

— Крещеніе—это очищеніе отъ грѣховъ съ помощью молитвы

и освященной воды,—объяснилъ Климентъ.—Насколько въ нашихъ римскихъ языческихъ обрядахъ все торжественно и сложно, настолько все это просто у христіанъ: вода служитъ у нихъ символомъ очищенія, хлѣбъ и вино — эти два предмета самой обыкновенной житейской надобности—символомъ воспоминанія о пострадавшемъ за человѣчество Христѣ.

— А старшины у этихъ христіанъ—пресвитеры, какъ они ихъ называютъ—такіе же, какъ наши жрецы?

— О, нѣтъ, вовсе не такіе,—сказалъ Климентъ.—Пресвитеры, люди простые и непорочные, скорѣе походятъ на лучшихъ изъ нашихъ философовъ, хотя своими познаніями, можетъ быть, и уступаютъ послѣднимъ.

Но въ это время въ комнату, гдѣ бесѣдовали друзья, вошелъ Домиціанъ, которому ни тотъ, ни другой изъ нихъ особенно не довѣрялъ—и оба поспѣшили прекратить этотъ разговоръ.

Въ такихъ занятіяхъ и бесѣдахъ незамѣтно проходило время, и скоро пришелъ конецъ мирнымъ и счастливымъ днямъ въ Реатѣ: ноябрь былъ уже въ концѣ, и надо было, покинувъ фалакринскія поля и лѣса, вернуться въ шумный и суетный Римъ.

Глава XVI.

Мы оставили Онезима въ его темной кельѣ, гдѣ, связанный по ногамъ и рукамъ, онъ ждалъ предстоявшаго ему наказанія. Здѣсь, наединѣ съ самимъ собой, онъ оглянулся невольно на свое прошлое, и ужаснулся, увидавъ, какъ онъ низко палъ, увлеченный своеволіемъ и малодушнымъ потворствомъ жаждѣ наслажденія, по скользкому пути порока и зла. Съ сожалѣніемъ вспомнилъ онъ теперь о счастливыхъ и мирныхъ дняхъ, проведенныхъ имъ въ домѣ Филемона, гдѣ на него смотрѣли скорѣе, какъ на родного брата, чѣмъ какъ на раба. Не поддайся онъ своей роковой жаждѣ удовольствій, по всей вѣроятности, онъ былъ бы теперь уже вольноотпущенникомъ и во всякомъ случаѣ могъ бы быть счастливъ той духовной независимостью, какую не разъ замѣчалъ въ тѣхъ, которыхъ ученіе Христа сдѣлало людьми истинно свободными, тогда какъ теперь онъ по своимъ поступкамъ стоялъ на равнѣ съ худшими изъ худшихъ.

Не сообщить Пуденсу о посягательствѣ Онезима Нирэй не могъ, и Пуденсъ не мало былъ огорченъ за несчастнаго юношу, котораго успѣлъ искренно полюбить и въ которомъ никогда не подозрѣвалъ ничего подобнаго. Но такую вину оставить безъ наказанія было бы несправедливо, и Онезима приговорили къ нѣсколькимъ ударамъ плетью и семидневному одиночному заключенію. Жестокимъ испытаніемъ были для юноши, при его пылкой и впечатлительной природѣ, какъ скука одиночнаго заключенія, такъ и

позоръ наказанія; но и то, и другое оказало на него самое благотворное дѣйствіе, заставивъ его одуматься и искренно пожелать вернуться на путь добра и правды. Въ продолженіе его заключенія Нирэй, а также и самъ Пуденсъ, не разъ навѣстили узника, стараясь участливымъ словомъ и вразумленіемъ пробудить въ немъ чистосердечное раскаяніе и спасти его путемъ этого отъ полнаго нравственнаго паденія. Но всего сильнѣе подѣйствовало на Онезима бодрящее слово кроткой Юніи, которая однажды, подойдя къ запертой его кельѣ, долго черезъ дверь бесѣдовала съ нимъ въ духѣ христіанскаго ученія и просила его не падать духомъ, а постараться хорошимъ поведеніемъ исправить прошлое.

Высидѣвъ опредѣленный срокъ заключенія, Онезимъ получилъ прощеніе и снова вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей въ домѣ Пуденса, но теперь уже съ болѣе твердымъ, какъ ему казалось, намѣреніемъ бороться мужественно съ искушеніемъ.

Тѣмъ временемъ Неронъ, по возвращеніи изъ виллы Полукстъ въ Римъ, замѣтно сталъ все тѣснѣе и тѣснѣе сближаться съ Отономъ, своимъ злымъ геніемъ. Напрасно пыталась Агриппина вразумить сына и заставить его не выходить изъ рамокъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ внѣшнихъ приличій, какія налагало на него его высокое положеніе императора; не менѣе были тщетны и всякія напоминанія какъ Сенеки, такъ и Бурра, въ томъ же смыслѣ. Неронъ выбралъ себѣ въ образцы Отона,—Отона, олицетворявшаго собой для одной половины римскаго населенія тотъ идеалъ, достичь котораго она сама сильно желала. Всѣ его низкіе инстинкты: наклонности къ дурнымъ шалостямъ и нѣгѣ, жажда причудливаго, чудовищнаго, невозможнаго, извращенныя и низкія чувства плохого актера, — все это крѣпло въ немъ и росло въ дружескомъ общеніи съ Отономъ. Къ крайнему несчастію страны, обоготворяемый царекъ этотъ вдобавокъ былъ полновластнымъ хозяиномъ и государственной казны, изъ которой, не смотря на существовавшее въ теоріи различіе между частными императорскими суммами и общественными деньгами, не стѣсняясь черпалъ, сколько, по его личному усмотрѣнію, было ему нужно, чѣмъ способствовалъ не мало истощенію какъ самой Италіи, такъ и подвластныхъ ей провинцій. Никогда цѣна, какой покупалась та или другая изъ его прихотей, не могла остановить его безумныхъ фантазій. Мальчишка, и надо добавить еще дрянной мальчишка, Неронъ былъ властелиномъ полу-міра и нерѣдко забавлялся такими пошлыми продѣлками, какъ, напримѣръ, находясь гдѣ-нибудь въ глубинѣ сцены, хваталъ актеровъ за уши, или бросалъ въ зрителей всякой дрянью.

Возвращеніе императора изъ загородной его виллы въ палатинскій дворецъ было вскорѣ отпраздновано, соотвѣтственнымъ радостному случаю торжествомъ,—пышнымъ пиромъ въ роскошномъ триклиніумѣ цезаря, — банкетомъ за которымъ новинкой было опрыскиваніе гостей во время ужина дорогими благоуханіями. Такое дорогое нововведеніе подало Отону мысль превзойти

въ роскоши своего друга, императора, и хотя и такъ уже былъ онъ по горло въ долгахъ, однако не прошло много времени, какъ онъ устроилъ у себя невиданный по своему великолѣпію ужинъ, на который пригласилъ и Нерона.

Здѣсь было всего только девять человѣкъ пировавшихъ, считая въ этомъ числѣ и самого хозяина дома: были Неронъ и законодатель моды Петроній; былъ жалкій паразитъ Тигеллинъ; актеръ Парисъ, приглашенный какъ ради своего остроумія, такъ и ради красоты; Ватиній, одинъ изъ забавнѣйшихъ шутовъ той эпохи, бывшій преторъ Клавдій Поллій, Педаній Секундъ, префектъ Рима, и Октавій Сагитта, народный трибунъ: этихъ троихъ очень любилъ Неронъ за ихъ кутежи и, вообще, распутный образъ жизни.

Въ роскошномъ триклиніумѣ, убранномъ по послѣдней модѣ и въ изобиліи уставленномъ, не смотря на зимнее время, розами и другими дорогими цвѣтами и растеніями, былъ сервированъ ужинъ, передъ изысканностью котораго блѣднѣлъ даже пресловутый банкетъ Трималціона. Каждое блюдо за этимъ ужиномъ представляло то или другое, самое изысканное и дорогое, гастрономическое лакомство: устрицы были изъ Ришбора, морская рыба изъ садковъ одного богатаго патриція, пожертвовавшаго ей на съѣденіе не однимъ, какъ разсказывали, рабомъ, имѣвшимъ несчастье вызвать его гнѣвъ; миноги привезены были изъ Тавроминій, сыры изъ Сарсины. Словомъ, тутъ было все,—даже мозги попугаевъ, и фламинго, и соловьиные языки, все, что только могло удовлетворить избалованному вкусу самаго прихотливаго и тонкаго гастронома. Не забыты были и горячіе съ пылу шампиньоны, которые отъ времени до времени подавались за ужиномъ гостямъ, и которые они глотали попеременно съ кусочками льду для облегченія пресыщеннаго желудка.

Но болѣе всего поразила гостей новая выдумка расточительности и нѣги, собственно путемъ которой Отонъ и хотѣлъ превзойти самого Нерона. Она заключалась въ томъ, что дѣвушки рабыни, прислуживавшія за ужиномъ, разували по временамъ гостей и погружали ихъ ноги въ золотые сосуды, наполненные дорогой восточной эссенціей; невиданная роскошь привела въ невыразимый восторгъ этихъ людей, утопавшихъ въ нѣгѣ и въ глазахъ которыхъ необузданное чревоугодіе и прихоть были единственнымъ, чѣмъ они могли приблизиться къ богамъ.

По окончаніи ужина веселой компаніей рѣшено было единогласно въ эту ночь познакомить Нерона съ развлеченіемъ новаго рода, и съ этой цѣлью его уговорили надѣть платье простого гражданина и послѣдовать примѣру нѣкоторыхъ сорванцовъ-буяновъ, имѣвшихъ обыкновеніе цѣлой ватагой бродить по ночамъ по улицамъ столицы и учинять всякія безобразія и безчинства. Такимъ образомъ вечеръ этотъ сдѣлался однимъ изъ достопамятныхъ вечеровъ властвованія Нерона, сдѣлавъ начало тѣмъ безобразнымъ ночнымъ похожденіямъ императора, которыя вызвали про-

тивъ него столько справедливаго негодованія и съ тѣмъ одновременно презрѣнія въ сердцахъ всѣхъ честныхъ римлянъ.

Но прежде, чѣмъ коснуться въ нашемъ разсказѣ ночныхъ приключеній Нерона, не мѣшаетъ вкратцѣ упомянуть о маленькомъ случаѣ, до ужина, по своимъ послѣдствіямъ имѣвшемъ весьма большое вліяніе на судьбу какъ нѣкоторыхъ, очень близкихъ къ Нерону лицъ, такъ и подвластныхъ имперіи народовъ. Въ этотъ вечеръ императоръ увидалъ впервые жену Отона—Поппею Сабину.

Любя очень искренно свою жену, Отонъ, однакожъ, не съумѣлъ воздержаться, чтобы не похвастаться передъ Нерономъ красотой Поппеи, которой очень гордился, какъ первой красавицей и одной изъ самыхъ гордыхъ женщинъ въ Римѣ; хотя, съ другой стороны, хорошо зная легко воспламеняющуюся натуру цезаря, а также и честолюбивыя мечты своей обворожительной супруги, онъ дѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы только устранить свиданіе между своей женой и Нерономъ, что до сихъ поръ ему дѣйствительно и удавалось. Но, наконецъ, Неронъ въ этотъ вечеръ, благодаря желанію самой Поппеи, увидалъ ее—и увидалъ въ полномъ блескѣ ея изумительныхъ чаръ.

Угадавъ причину, заставлявшую Отона такъ упорно лишать ее всякаго случая видѣть императора, Поппея, подъ вліяніемъ соблазнительной мечты покорить сердце Нерона и сдѣлаться императрицей, на этотъ разъ рѣшилась перехитрить мужа.

— Сегодня вечеромъ ты устраиваешь у себя ужинъ, мой милый Отонъ, — выбравъ удобную минуту, обратилась она къ мужу въ день пира;—ты пригласилъ императора, какъ я слышала, и намѣренъ затмить все, что видѣлъ до сихъ поръ Римъ по части великолѣпія, изящества и тонкой гастрономіи.

— Да, да, Поппея, все это совершенная правда, — небрежно проговорилъ Отонъ;—и хотя я и самъ по части пониманія всего прекраснаго считаюсь первымъ знатокомъ въ Римѣ, очень радъ послѣдовать совѣту и очаровательной Поппеи, такъ какъ увѣренъ, что мой пиръ отъ этого только выиграетъ.

— Все это прекрасно; но скажи, не слѣдовало ли бы твоей женѣ, которую тебѣ угодно величать красавицей, самой привѣтствовать властительнаго гостя у себя въ домѣ? Не окажется ли явнымъ невниманіемъ къ цезарю, если хозяйка дома не потрудится встрѣтить его на порогѣ. Неужели же ты полагаешь, что онъ останется доволенъ и тѣмъ, что «Ave, Caesar» прокричитъ ему въ своей позолоченной клѣткѣ твой попугай, котораго, по твоему приказанію, помѣстили надъ входомъ въ атріумъ.

— Моя Поппея обворожительно прекрасна, а Неронъ—Неронъ, —сказалъ Отонъ.—Развѣ только ты хочешь, ради удовольствія доставить близорукому юношѣ, претенденту, можетъ быть, на твое сердце, случай разсмотрѣть тебя поближе, поставивъ на карту драгоцѣнную жизнь послѣдняго отпрыска благородной фамиліи Сальвіевъ?

Сердито нахмуривъ свои хорошенькія тонкія брови, Поппея

капризно отвернулась отъ мужа и проговорила съ видомъ оскорбленной невинности:

— Я, кажется, до сихъ поръ еще не давала тебѣ повода ревновать меня и считаю потому себя въ правѣ требовать отъ тебя, чтобы ты не смѣлъ думать обо мнѣ, благородной матронѣ, всему Риму извѣстной своимъ благочестіемъ и строгой добродѣтелью, такъ же низко, какъ о какой-нибудь Юліи или Агрип..., то-есть, я хочу сказать Мессалинѣ.

— Оставь этотъ трагическій тонъ, моя прелестная Поппея; въ немъ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Сегодня у меня просто холостая пирушка, на которой присутствіе моей жены было бы совершенно излишне; но я обѣщаю доставить тебѣ случай, когда мы пригласимъ къ себѣ всю римскую знать, женъ и дочерей благороднѣйшихъ патриціевъ, сказать подъ ихъ охраной свое привѣтствіе Нерону. Сегодня же, чтобы собрать кружокъ гостей, пріятный для Нерона, я былъ вынужденъ пригласить такихъ лицъ, знакомить съ которыми мою Поппею я вовсе бы не желалъ; да вдобавокъ же и ты сама, я увѣренъ, не пожелала бы унизить себя разговоромъ съ какимъ-нибудь Ватиніемъ или Парисомъ, уже не говоря о какомъ-нибудь Тигеллинѣ, или развратникѣ Сагиттѣ.

— Да я и не нахожу для себя никакой надобности не только вступать въ разговоръ съ тѣмъ или другимъ изъ остальныхъ твоихъ гостей, но даже и видѣть ихъ,—сказала Поппея.—Но какъ твоя жена и хозяйка дома, я имѣю, кажется, право просить тебя, чтобы ты разрѣшилъ мнѣ, при приближеніи къ нашему дому золоченыхъ носилокъ съ ихъ пурпуровымъ шатромъ, выйти на нѣсколько минутъ въ вестибуль и сказать Нерону, что Поппея Сабина привѣтствуетъ у себя желаннымъ гостемъ друга своего мужа и властелина и благодаритъ императора за высокую честь, оказываемую ей и ея мужу его августѣйшимъ посѣщеніемъ ихъ скромнаго жилища.

— Ну очевидно съ тобой не сговориться; будь по твоему, Поппея,—махнувъ рукой и вздохнувъ, согласился Отонъ.—Знаетъ вѣдь превосходно моя Поппея, что отказать ей въ чемъ-либо у меня никогда не хватаетъ духу, и чѣмъ видѣть слезы въ этихъ очаровательныхъ глазкахъ, а на этихъ прелестныхъ губкахъ выраженіе гнѣва противъ твоего Отона, я, право, скорѣе готовъ совсѣмъ отмѣнить этотъ ужинъ.

Такимъ образомъ, когда къ Отону прибылъ императоръ, онъ былъ встрѣченъ Поппеей, съумѣвшей, какъ ни коротко было это свиданіе, явиться передъ цезаремъ во всей своей прелести обольстительной чародѣйки. Очарованный сколько ея красотой, столько же и плѣнительной скромностью, Неронъ, какъ околдованный, остановился передъ ней въ нѣмомъ восхищеніи и долго былъ не въ силахъ оторвать взора отъ робко-застѣнчиваго и одновременно съ тѣмъ какъ бы ласкающаго взгляда ея темно-голубыхъ очей. Но наконецъ онъ очнулся и, не сказавъ ни слова, какъ отума-

ненный, прошелъ въ триклиніумъ, гдѣ первое же слово, сказанное имъ своему амфитріону, такъ и рѣзнуло по сердцу послѣдняго какъ острымъ ножомъ.

— О, какъ безконечно ты счастливѣе меня, Отонъ,—сказалъ онъ ему.—Твоя жена,—обворожительнѣйшая женщина во всемъ Римѣ, въ то время какъ моя,—самая холодная и наименѣе привлекательная изъ всѣхъ женщинъ!

— Цезарь напрасно отзывается такъ неблагосклонно объ императрицѣ Октавіи, прекрасной въ такой же мѣрѣ, на сколько она великодушна и благородна,—проговорилъ Отонъ, стараясь скрыть подъ спокойнымъ тономъ рѣчи возникшій въ сердцѣ страхъ.

Долго еще не могъ придти въ себя Неронъ на столько, чтобы воздать должную дань удивленія великолѣпнѣйшему пиру своего царствованія, и только послѣ того, какъ онъ написалъ, потребовавъ свои досчечки, нѣсколько словъ Поппеѣ, немного повидимому, успокоился.

— Я благодарю твою прелестную жену за прекрасное угощеніе,—сказалъ онъ Отону, передавая досчечки своему вольноотпущеннику Дорифору, приказавъ ему вручить ихъ хозяйкѣ дома.

На самомъ дѣлѣ онъ просилъ Поппею выйти къ нему во время пира въ веридаріумъ, куда, выбравъ первую удобную минуту, и самъ скоро вышелъ подъ предлогомъ освѣжить голову. Какъ и при первомъ своемъ свиданіи съ Нерономъ, такъ и при встрѣчѣ съ нимъ въ веридаріумѣ, Поппея оказалась олицетвореніемъ женской скромности и застѣнчивости, и съ этой минуты Неронъ рѣшилъ такъ или иначе удалить съ своей дороги друга Отона.

Но свиданіе съ Поппеей было не единственнымъ приключеніемъ этого вечера, полнаго такими прискорбными послѣдствіями. По окончаніи пиршества Отонъ и его гости уговорили Нерона отправиться вмѣстѣ съ ними, въ костюмѣ простого гражданина и съ маской на лицѣ, буянить и безчинствовать на улицахъ Велабрума и Субуры.

Не совсѣмъ, однако, благополучно окончилась на этотъ разъ безумная затѣя полупьяной компаніи. Подходя къ Мильвіанскому мосту, буяны наткнулись на центуріона Пуденса, который шелъ имъ на встрѣчу въ сопровожденіи Онезима, несшаго фонарь, и Нирэя съ Юніей, слѣдовавшихъ за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи. Пропустивъ, не затронувъ, Пуденса, который показался при слабомъ свѣтѣ фонаря малымъ довольно здоровеннымъ, чтобы не безъ успѣха отразить нападеніе, буяны кинулись на Юнію.

— Къ чему это покрывало ночью, прелестная дѣва? - воскликнулъ Отонъ.—Дайте сюда фонарь, чтобы можно было лучше разсмотрѣть личико этой красавицы молодое, и миловидное, по всей вѣроятности.

И, говоря это, онъ, было, уже схватилъ полу длиннаго покрывала, чтобы сорвать его съ лица дѣвушки, какъ вдругъ Нирэй со всѣхъ силъ ударилъ его палкой по рукѣ. Въ это время въ

свою очередь, къ дѣвушкѣ приблизился императоръ и, смѣлый въ виду многочисленности своихъ товарищей, крайне безцеремонно схватилъ ее за плечо.

— Если молодыя дѣвушки-рабыни въ своей милой застѣнчивости такъ пугливы, то самое вѣрное средство приручить ихъ— это покачать на плащѣ, - сказалъ Неронъ.—Что скажете, друзья, на мое предложеніе? Это будетъ развлеченіе совсѣмъ новаго рода.

— Скоты!—закричалъ Пуденсъ,—скоты, а ужъ никакъ не римляне, кто бы вы тамъ ни были! Стыдитесь оскорблять скромную дѣвушку, будь она и раба. Отойдите, а не то берегитесь!

Но Неронъ, разгоряченный виномъ и подстрекаемый ни на шагъ не отходившими отъ него Сагиттой и Полліемъ, не прекращалъ попытокъ сорвать съ Юніи покрывало и оттащить ее отъ Нирэя, за руку котораго ухватилась молодая дѣвушка, какъ вдругъ былъ сбитъ съ ногъ толчкомъ мощной руки Пуденса и, упавъ, ударился лицомъ о стѣну. Но въ эту минуту съ лица Нерона свалилась маска, и Пуденсъ, узнавъ, къ великому ужасу, императора, понялъ всю опасность своего положенія. Оставалась одна надежда, что императоръ въ темнотѣ не узналъ его, а потому онъ поспѣшилъ нагнуться къ Онезиму и шепнуть на ухо скорѣе загасить фонарь, а если возможно, то и фонари противниковъ. Фригіецъ оказался на высотѣ порученія. Съ проворствомъ обезьяны набросился онъ сначала на Петронія и, неожиданно напавъ, вышибъ у него изъ рукъ фонарь, который при паденіи на каменную мостовую разбился и погасъ; затѣмъ, смѣло онъ ударилъ палкой по рукѣ несчастнаго Париса и этимъ заставилъ и его выронить фонарь. Послѣ этого, скрывъ собственный фонарь подъ полой своего плаща, онъ схватилъ Юнію за руку и, сказавъ Нирэю и Пуденсу, чтобы они не отставали отъ него, повелъ ихъ кратчайшей дорогой домой, между тѣмъ какъ буяны продолжали суетиться около Нерона, стараясь унять кровь, которая текла у него изъ носа и со лба.

Таково было не совсѣмъ удачное начало ночныхъ похожденій Нерона,—похожденій, составлявшихъ долгое время одно изъ любимѣйшихъ его развлеченій, и съ теченіемъ времени вызвавшихъ не мало зависти и злобы къ нему въ сердцахъ римлянъ.

Къ счастью, Неронъ не узналъ въ темнотѣ Пуденса, а тотъ, явившись на слѣдующее утро во дворецъ, несомнѣнно, остерегался поглядывать слишкомъ пристально на ссадину на лбу императора и на его подбитый глазъ.

Глава XVII.

Совсѣмъ иначе провелъ памятный и роковой вечеръ во время Отонова ужина юный Британникъ. Не имѣя среди обширнаго и многолюднаго дворца почти никого, кто бы былъ ему преданъ,

онъ нерѣдко оставался у себя въ полномъ одиночествѣ въ тѣхъ случаяхъ, если почему-либо не могъ быть въ обществѣ своихъ друзей, Тита, Эпиктета или Пуденса. Правда, изрѣдка навѣщалъ его Бурръ, и всегда былъ съ нимъ обходителенъ и ласковъ; но Бурру Британникъ не могъ простить его участія въ заговорѣ Агриппины; заходилъ иногда и Сенека, желавшій очевидно облегчить юношѣ его печальную участь, но Британникъ, видя въ немъ приверженца и наставника Нерона, не могъ побѣдить въ себѣ чувства недовѣрія къ этому человѣку и въ его участіи видѣлъ лишь одно притворство. Одно случайное открытіе усилило еще болѣе въ немъ такое непріязненное чувство къ Сенекѣ. Позванный Нерономъ въ достопамятный день Отонова ужина, Британникъ явился къ нему въ кабинетъ прежде, чѣмъ пришелъ туда самъ императоръ, и на столѣ увидалъ случайно экземпляръ пасквиля «Ludus de morte Claudii Caesaris», о существованіи котораго даже и не подозрѣвалъ. Заинтересованный, онъ взялъ свитокъ и сталъ его читать; но чѣмъ далѣе онъ углублялся въ чтеніе пошлаго памфлета, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе бушевали въ его душѣ гнѣвъ, злоба и безконечное негодованіе. Его отецъ былъ почтенъ торжественной погребальной церемоніей; декретомъ сената былъ причисленъ къ сонму олимпійскихъ боговъ; въ честь его былъ воздвигнутъ въ Римѣ великолѣпный храмъ, гдѣ особо назначенные жрецы и жрицы служили ему, воздавая божескія почести. Онъ понималъ, что, конечно, на все это можно было смотрѣть, не болѣе, какъ на условную формальность, но все-таки такое явное издѣвательство надъ религіозными понятіями римлянъ, такое наглое сопоставленіе Клавдія съ двумя извѣстными идіотами, такія насмѣшки надъ его забывчивостью и даже физическими недостатками, такое описаніе недоумѣнія олимпійскихъ боговъ, будто бы не смогшихъ при видѣ представшаго передъ ними Клавдія рѣшить вопроса, видятъ ли они передъ собой божество, или человѣка, или же морское чудище—все это ему казалось верхомъ лицемѣрія и гнусной подлости. Много ли прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ на его глазахъ римляне, раболѣпствуя передъ его покойнымъ отцомъ, были готовы цѣловать ему ноги, какъ самъ Сенека въ громкихъ напыщенныхъ фразахъ прославлялъ его, величая земнымъ божествомъ; теперь же, въ этомъ самомъ дворцѣ,- и гдѣ же? на столѣ его пріемнаго сына и преемника лежитъ гнусный пасквиль, полный чудовищнаго злословія! И кто же, какъ не тотъ же льстивый Сенека, авторъ памфлета, очевидно, написаннаго въ угоду новому цезарю?—подумалъ Британникъ, и озлобленіе противъ клеврета Агриппины и друга Нерона закипѣло въ немъ съ новой силой.

Неронъ, войдя въ комнату, увидалъ къ своему изумленію, всегда кроткаго и спокойнаго Британника задыхавшимся отъ негодованія и злобы, и, только замѣтивъ въ его рукахъ знакомый свитокъ, понялъ причину его гнѣва и поторопился вырвать пасквиль у него изъ рукъ. Ему было очень досадно, что этотъ памфлетъ попалъ на глаза Британнику. Но разъ бѣда такая случилась и ее поправить нельзя, то Неронъ счелъ за лучшее не придавать этому обстоятельству никакого серьезнаго значенія.

— Ага! ты тутъ успѣлъ, какъ я замѣчаю, прочесть эту глупую сатиру,—небрежно замѣтилъ онъ,—но напрасно волнуешься изъ-за такого пустяка. Этотъ вздоръ былъ написанъ просто ради смѣха.

— Ради смѣха!—воскликнулъ Британникъ, успокоившись отъ волненія настолько, что могъ говорить.—Пасквиль этотъ ни болѣе ни менѣе, какъ наглое надругательство и надъ религіей государства, и надъ величіемъ римскаго императора!

— Вздоръ!—сказалъ Неронъ и пожалъ плечами.—Вдобавокъ, если ужъ я не нахожу нужнымъ придавать такому вздору какое-либо значеніе, то тебѣ и подавно что до этого? Пока еще ты вѣдь не болѣе, какъ мальчишка. Предоставь судить объ этихъ вещахъ тѣмъ, кто ихъ понимаетъ и знаетъ лучше твоего.

— Долго ли еще будешь ты продолжать смотрѣть на меня, какъ на малаго ребенка?—спросилъ запальчиво Британникъ.—На дняхъ мнѣ исполнится пятнадцать лѣтъ, и я старше, чѣмъ былъ ты въ то время, какъ отецъ мой позволилъ тебѣ возложить на себя togam virilem.

— Да, это правда, но ты только забываешь, что между мной и тобой небольшая разница: я—Неронъ, а ты, ты—Британникъ. Я пока намѣренъ еще подождать съ возложеніемъ на тебя тоги зрѣлаго мужа; золотая булла и тога претекста тебѣ болѣе подходитъ.

Британникъ отвернулся, чтобы скрыть чувство, выказать которое передъ Нерономъ мѣшала ему гордость, и молча хотѣлъ было уже покинуть комнату, какъ его окликнулъ Неронъ.

— Слушай, Британникъ, ты меня не выводи изъ терпѣнія! Помни, что я императоръ. Въ то время, какъ на римскій престолъ вступилъ Тиберій, къ трону близко стоялъ одинъ молодой человѣкъ Агриппа Постумъ; когда же императоромъ былъ провозглашенъ Кай, тогда къ престолу близко оказался другой юноша — Тиберій Гемеллъ.

— Тиберія Гемелла Кай сдѣлалъ своимъ пріемнымъ сыномъ и далъ ему титулъ главы римскаго юношества,—замѣтилъ Британникъ. — Я же не видѣлъ отъ тебя ни того, ни другого.

— Не перебивай,—сказалъ Неронъ,—дай договорить. Скажика, не помнишь ли ты, что случилось съ этими двумя юношами, и какая была ихъ судьба?

Британнику была хорошо извѣстна печальная участь этихъ двухъ жертвъ придворныхъ интригъ и домогательствъ. Изгнанный, по наущенію Ливіи, Агриппа Постумъ, по ея же наущенію, былъ вскорѣ и умерщвленъ въ изгнаніи, а Тиберій Гемеллъ, принужденный силой, самъ долженъ былъ заколоть себя мечомъ, приставленнымъ къ его груди, что было сдѣлано, чтобы придать его смерти видъ самоубійства и благодаря этому избѣжать не-

удовольствія и ропота, какія могло бы возбудить открытое убійство несчастнаго.

Давъ Британнику время воскресить въ памяти всѣ подробности этихъ двухъ событій, Неронъ прибавилъ:

— А теперь, когда на престолъ вступилъ Неронъ, оказалось такъ, что и къ нему близко стоитъ молодой принцъ императорской крови, — Британникъ.

При этихъ знаменательныхъ словахъ юноша вздрогнулъ.

— Ты мнѣ грозишь убійствомъ?—спросилъ онъ.

Неронъ расхохотался.

— Какая мнѣ нужда грозить! — проговорилъ онъ.—Неужели тебѣ неизвѣстно, что, если я только захочу этого, мнѣ достаточно поднять палецъ—и тебя не будетъ въ живыхъ. Но не бойся: мнѣ этого пока еще не угодно.

Британикъ поблѣднѣлъ и измѣнился въ лицѣ. Онъ понималъ, что слова Нерона не пустое хвастовство. Сынъ убитой и всѣми презираемой матери и отца, отравленнаго и потомъ низко осмѣяннаго, могъ ли онъ надѣяться на участіе кого-либо изъ вліятельныхъ лицъ въ имперіи? Не все ли имъ равно, погибнетъ ли онъ, или нѣтъ, или какъ погибнетъ? И, подавивъ въ себѣ рыданія, Британникъ вышелъ молча изъ залы и пошелъ по длинному корридору къ апартаментамъ императрицы Октавіи, раздумывая, какого рода смертью суждено ему кончить свою жизнь; будетъ ли онъ изведенъ голодной смертью, какъ извели Друза Младшаго? или же его отравятъ, какъ отравили Друза Старшаго; или же просто убьютъ, какъ убили Агриппу Постума? Чѣмъ онъ лучше ихъ, кто подумаетъ заступиться за него или отомстить? Но, Боже Праведный,—если только таковъ дѣйствительно Богъ христіанъ—куда же дѣвались изъ этого міра и справедливость, и строгая добродѣтель, и правда? Что такое сдѣлалъ онъ, какое совершилъ злодѣяніе, чтобы его травили, какъ хищнаго звѣря—и травили чуть ли не съ малыхъ лѣтъ? Куда же дѣвались тѣ былые римляне, которые когда-то славились своимъ мужествомъ, своимъ великодушіемъ, доблестью, простотой. Изъ глубины какой мрачной бездны Ахеронта всплыла эта грязная тина разврата и нравственнаго тлѣнія, все осквернившая вокругъ грязными вожделѣніями и тлетворными вѣяніями? Со всѣхъ сторонъ видѣлъ юноша одинъ черствый эгоизмъ — упадокъ духа и тоску невѣрія — фатализмъ безнадежности. Казалось, тлетворная зараза, какъ нравственная, такъ и физическая? стала наслѣдственной въ императорахъ изъ дома Цезаря. Гдѣ могъ онъ надѣяться найти убѣжище; въ чемъ искать утѣшеніе? Вѣра въ боговъ погибла безвозвратно; стоики и ихъ ученіе не могли предложить ему ничего болѣе утѣшительнаго, какъ только одну сухую теорію и возможность самоубійства; но что же послѣ этого вся человѣческая жизнь, если нѣтъ у нея высшаго идеала, нѣтъ большей привилегіи, какъ возможность своего собственнаго насильственнаго уничтоженія?

Такія тяжелыя думы проходили одна за другой въ головѣ бѣднаго Британника, когда онъ, не торопясь, лѣнивымъ и тяжелымъ шагомъ, приближался къ той части дворца, которая была отведена императрицѣ Октавіи и ея штату. Была одна минута, когда у него мелькнула мысль, было, о возстаніи; но онъ тотчасъ же прогналъ ее отъ себя, какъ невозможную, несбыточную. А между тѣмъ, даже предчувствуя, что конецъ его не далекъ, сознавая, что его непричастность пороку не имѣетъ никакого значенія для тѣхъ боговъ, которымъ онъ съ дѣтства привыкъ молиться, понимая, что ему не по силамъ нести бремя жизни, для него понятной и тяжелой, несмотря на все это, онъ оставался, однакожъ, спокоенъ и не унывалъ, поддерживаемый духовно той искрой надежды, которую успѣло заронить въ его душу новое слово Благой Вѣсти.

Октавію Британникъ засталъ смотрящей съ грустной улыбкой на лежавшую у нея на ладони золотую ѳеосскую монету.

— Что ты такъ разсматриваешь эту монету? — спросилъ онъ сестру;—что интереснаго нашла ты въ ней?

Взгляни сюда, — сказала ему Октавія, указывая на надпись Θεαν 'Οκταβίαν — богиня Октавія. — При взглядѣ на эту монету мнѣ почему-то пришла мысль, что если и всѣ остальныя богини такъ же мало счастливы, какъ я, то ужъ не лучше ли быть простой смертной; не правда ли Британникъ?

Но Британникъ на это ничего не отвѣтилъ, а только улыбнулся. Онъ боялся начать говорить, зная, что можетъ увлечься и выдать все, что у него было на душѣ, и этимъ еще болѣе опечалить сестру.

— Что же ты ничего не скажешь мнѣ, Британникъ? — спросила его, наконецъ, Октавія. — Что съ тобой? Ты сегодня какъ то особенно молчаливъ и задумчивъ?

— Сказать тебѣ, что со мной, Октавія, я не могу, — отвѣтилъ Британникъ, и съ жаромъ прибавилъ: — Лучше скажи мнѣ, что думаешь ты, смотря на все, что происходитъ вокругъ насъ, смотря на тѣхъ людей, какими мы окружены? Неужели добродѣтель стала пустымъ словомъ? Было же вѣдь время, когда римляне ставили ее высоко и чтили, а теперь, кто думаетъ о ней, кто любитъ ее — развѣ только два-три философа, да еще, быть можетъ, эти...

— Не опасайся, Британникъ, говори смѣло, — замѣтила Октавія. — Агриппина смягчилась къ намъ; она уже не преслѣдуетъ насъ такъ жестоко, какъ преслѣдовала ранѣе, и больше не окружаетъ насъ своими шпіонами; всѣ мои рабы, большей частью, люди надежные и преданы мнѣ; кромѣ того между ними, какъ ты знаешь, есть не мало христіанъ.

— Ты почти угадала, Октавія, что хотѣлъ я сказать. Да, истинно добрыхъ людей и непорочныхъ можно найти въ наше время только между христіанами. Что же поддерживаетъ этихъ людей въ ихъ нравственной чистотѣ среди всего этого порока и разврата?

— Ихъ поддерживаетъ ихъ новая вѣра, Британникъ, — сказала Октавія и прибавила: — Какъ и на тебя, и на меня оказало очень глубокое впечатлѣніе все то, что говорила Помпонія о христіанствѣ; но всего болѣе поражаетъ меня, убѣждая въ истинѣ этого новаго ученія, то, что и Неронъ, и Агриппина, и Сенека, при всемъ своемъ богатствѣ, могуществѣ, при всѣхъ своихъ развлеченіямъ, постоянно снѣдаются скукой и чувствуютъ себя въ душѣ глубоко несчастными; между тѣмъ какъ христіане эти всѣми ненавидимые, презираемые и гонимые бѣдняки — своей судьбой довольны и счастливы.

Британникъ глубоко вздохнулъ.

— О, какъ бы мнѣ хотѣлось, Октавія, скорѣе вполнѣ познать это новое иноземное ученіе вѣры, — воскликнулъ онъ, — вѣры, дающей людямъ силу торжествовать надъ зломъ и порокомъ, быть счастливыми среди житейскихъ невзгодъ, которая создаетъ такихъ кроткихъ, безконечно добрыхъ, непорочныхъ женъ, какъ Помпонія или Клавдія, или такихъ юношей, какъ Флавій Климентъ.

— Мы можемъ, если желаешь, провести сегодняшній вечеръ у Помпоніи, — сказала Октавія. — Помпонія знаетъ, въ какомъ одиночествѣ я живу среди этого дворца и не однажды говорила мнѣ, что и она, и мужъ ея, оба они всегда будутъ рады видѣть меня у себя, если мнѣ только когда-нибудь вздумается запросто придти къ нимъ. Кстати же Неронъ сегодня ужинаетъ у Отона; и никто не можетъ ничего сказать, если я пойду съ тобой въ домъ такихъ уважаемыхъ людей, какъ Авлъ Плавтій и его жена.

Такимъ образомъ, въ то время какъ Неронъ пилъ и кутилъ, а въ довершеніе отправился и безобразничать на улицахъ Рима, оскорбляя и тревожа среди ночи мирныхъ жителей буйствомъ и безчинствомъ, Британникъ, допущенный въ первый разъ въ собраніе христіанъ, присутствовалъ при ихъ богослуженіи.

Не имѣя ни малѣйшаго притязанія слыть философомъ и республиканцемъ, завоеватель Британіи, Авлъ Плавтій все-таки очень строго соблюдалъ въ своемъ образѣ жизни старинную простоту нравовъ прежнихъ римлянъ, и домъ его со всей его нероскошной обстановкой представлялъ рѣзкую противоположность съ такими домами, какъ, напримѣръ, Отоновъ, вызывая у модныхъ франтовъ тогдашней новѣйшей школы не мало насмѣшекъ, какъ своей необычайной простотой, такъ и малочисленностью рабовъ, большая часть которыхъ были вдобавокъ люди солидные и уже пожилые, вовсе не походившіе на юныхъ рабовъ-пажей и рабынь-одалисокъ, являвшихся украшеніемъ и гордостью модныхъ богачей-аристократовъ.

И Помпонія, и ея мужъ очень обрадовались, узнавъ о намѣреніи императрицы провести у нихъ вечеръ вмѣстѣ съ братомъ, и по этому случаю пригласили къ себѣ на ужинъ Клавдію, дочь британскаго воеводы Карактака, которую очень любила Октавія, и друга Британника, Флавія Климента. Послѣ ужина Помпонія сообщила Британнику, что въ этотъ вечеръ въ одной изъ службъ,

принадлежавшихъ къ дому Плавтія, должно было собраться для братской трапезы и для молитвы нѣсколько христіанъ, и прибавила, что если онъ хочетъ присутствовать при ихъ богослуженіи, то можетъ, переодѣвшись такъ, чтобы его нельзя было узнать, отправиться въ собраніе въ сопровожденіи Климента и сотника Пуденса, который въ этотъ вечеръ командовалъ конвоемъ императрицы.

Сильно забилось сердце впечатлительнаго юноши, когда вступивъ въ просторную хижину, онъ очутился среди изряднаго числа послѣдователей ученія Христа, собравшихся въ это простое помѣщеніе для братскаго общенія и общей молитвы. Тутъ были и мужчины и женщины всѣхъ возрастовъ, изъ которыхъ большинство были, очевидно, люди бѣдные, изъ сословія рабовъ. По окончаніи общей трапезы братской любви — агапэ - состоявшей изъ хлѣба, рыбы и вина, и послѣ братскаго поцѣлуя, какимъ, поужинавъ, обмѣнялись другъ съ другомъ всѣ присутствовавшіе, молодые аколиты, сдвинувъ проворно столы къ сторонкѣ, разставили скамьи въ нѣсколько рядовъ передъ каѳедрой, которую занялъ пресвитеръ Линъ съ нѣсколькими старшинами и дьяконами. Богослуженіе началось съ общей молитвы, но далеко не такой, какую случалось не рѣдко слышать Британнику у язычниковъ въ ихъ храмахъ: христіане, молясь, казалось, изливали всю свою душу передъ Незримымъ и Безконечнымъ, съ слѣпой вѣрой въ милосердіе своего небеснаго Отца и въ Его всеобъемлющую любовь къ человѣку. Было очевидно, что для нихъ молитва являлась дѣйствительнымъ общеніемъ съ Творцомъ Вселенной—Богомъ любви и правды. По окончаніи молитвъ христіане стали пѣть хоромъ гимны, и звуки этого пѣнія показались восхищенному Британнику не столько земными, сколько отголосками изъ какого-то свѣтлаго, неизвѣстнаго міра. Закончивъ пѣніе хвалебнымъ гимномъ Спасителю и славословіемъ, всѣ члены собранія заняли мѣста на скамейкахъ, а пресвитеръ Линъ тѣмъ временемъ всталъ и сказалъ краткое слово поученія; онъ напомнилъ христіанамъ, что, призванные изъ тьмы къ свѣту, они обязаны ежеминутно помнить свое призваніе свято исполнять заповѣдь Христа, должны мужественно бороться съ соблазнами, любить своего ближняго, какъ самихъ себя; неусыпно печься о сохраненіи своей доброй нравственности среди окружающаго ихъ со всѣхъ сторонъ разврата, и, при всѣхъ обстоятельствахъ, стараться въ возможно большей мѣрѣ проявлять дары живущаго въ нихъ Духа—братскую любовь какъ къ другу, такъ и къ недругу, милосердіе, кротость, выносливость, противъ которыхъ безсильно всякое гоненіе; что они должны употреблять всѣ свои усилія, чтобы быть готовыми встрѣтить тотъ великій день, который придетъ, какъ тать ночной, и въ который ихъ единственнымъ спасеніемъ будетъ вѣра въ ихъ Искупителя и любовь къ нему. Кто же изъ васъ не любитъ Іисуса Христа...

— «Маран-аѳа!» [1])—какъ одинъ человѣкъ крикнуло въ отвѣтъ все собраніе.

Охваченный благоговѣйнымъ страхомъ и какимъ-то новымъ, никогда еще не извѣданнымъ имъ, чувствомъ, Британикъ находился какъ бы въ экстазѣ, не сознавая, ни гдѣ онъ, не что съ нимъ: неровное, учащенное дыханіе вздымало ему грудь, восторженный взглядъ былъ напряженно устремленъ въ одну точку, блаженная улыбка свѣтилась на его лицѣ, и вдругъ онъ сдѣлалъ усиліе, словно хотѣлъ что-то сказать, но тутъ же упалъ безъ чувствъ на руки не отходившему отъ него Пуденсу.

Было ли юношѣ видѣнье, слышалъ ли онъ голосъ съ неба—осталось тайной для всѣхъ.

Встревоженный Пуденсъ поспѣшилъ съ помощью Нирея вынести Британника изъ житницы на свѣжій воздухъ, и потомъ, давъ ему сперва придти въ чувство, оба проводили его въ домъ Плавтія, гдѣ его ожидала въ обществѣ Помпоніи его сестра. Замѣтивъ страшную блѣдность, покрывшую лицо брата, и странно блуждающій взглядъ его необычайно блестѣвшихъ глазъ, Октавія испугалась.

— Что съ тобой, Британникъ?—спросила она его.

— Ничего; я себя чувствую прекрасно; но я немножко усталъ и хотѣлъ бы поскорѣе остаться одинъ—вернемся домой, Октавія.

И, простившись съ Помпоніей, братъ и сестра въ сопровожденіи своей эскорты вернулись во дворецъ.

— О, Помпонія,—начала Клавдія, какъ только они удалились,—еслибъ только ты видѣла, въ какомъ онъ находился состояніи во время молитвы и рѣчи Лина; я увѣрена, что на него снизошелъ Духъ, и ему былъ данъ даръ языка[2]), и еслибъ не этотъ обморокъ, онъ навѣрно заговорилъ бы на незнакомомъ языкѣ.

Помпонія набожно склонила голову и сотворила въ душѣ горячую молитву.

Глава XVIII.

Послѣ достопамятной ночной прогулки по Риму, Неронъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней сохранилъ на лицѣ очень явные слѣды своего неудачнаго столкновенія съ Пуденсомъ,—слѣды, которые на слѣдующее же утро подали поводъ къ одной изъ тѣхъ бурныхъ сценъ, какими за послѣднее время всегда почти кончались его утреннія ежедневныя свиданія съ матерью.

Когда Неронъ, на слѣдующее утро, явился къ Агриппинѣ, она обратила прежде всего вниманіе на его подбитый глазъ и красный шрамъ на щекѣ, причина которыхъ, благодаря усердію ея вѣрныхъ шпіоновъ, была ужъ ей извѣстна.

[1]) См. Первое посл. къ Коринѳянамъ Ап. Павла, гл. XVI.

[2]) См. Первое посл. къ Коринѳянамъ Ап. Павла, гл. XIV.

— Какой воинственный видъ сегодня у цезаря,—съ нескрываемой насмѣшкой замѣтила она сыну, не давъ ему времени даже поздороваться съ ней,—словно у какого-то неуклюжаго гладіатора послѣ неудачнаго упражненія въ кулачномъ бою.

Неронъ насупился, однако промолчалъ. Агриппина же продолжала въ томъ же иронизирующемъ тонѣ:

— Надо полагать, что такія ночныя шатанія по улицамъ и драки съ разнымъ сбродомъ достойны римскаго императора не менѣе, чѣмъ его пѣніе и кривлянiе на театральныхъ подмосткахъ.

— Почему ты знаешь, бродилъ ли я по улицамъ?

— Кому же неизвѣстны такого рода доблестные подвиги твоего друга Отона, а также и прочихъ веселыхъ твоихъ пріятелей? И чѣмъ же объяснить этотъ подбитый глазъ и этотъ шрамъ?

— Лучше скажи, что тебѣ о каждомъ моемъ шагѣ докладываютъ твои шпіоны,—сердито проговорилъ Неронъ.

— А хотя бы и докладывали, что же изъ этого?—запальчиво возразила Агриппина.

— А то, что пора было бы понять, наконецъ, что я не мальчишка, а императоръ и намѣренъ имъ быть въ полномъ объемѣ этого слова, что не разъ уже и объяснялъ тебѣ,—отвѣчалъ Неронъ;—если же тебѣ будетъ не угодно понять это добромъ, то, клянусь всѣми богами, я заставлю силой тебя на дѣлѣ убѣдиться въ этомъ.

— Клянусь всѣми богами!—передразнила его Агриппина.— Несчастный! и ты не боишься ихъ гнѣва?

На лицѣ Нерона мелькнула саркастическая улыбка.

— Нисколько!—сказалъ онъ.—Что мнѣ боги и зачѣмъ буду я бояться ихъ, если самъ могу ихъ создавать?

Самолюбивая и гордая Агриппина была глубоко уязвлена какъ обращеніемъ съ ней сына, такъ и сознаніемъ собственнаго безсилія; однако отказаться отъ дальнѣйшей борьбы съ Нерономъ было выше ея силъ.

— Ты не боишься всесильныхъ боговъ, но зато передо мной ты еще будешь трепетать,—сказала она.—Не забывай, что сынъ Клавдія не ты, а Британникъ, который на-дняхъ вступитъ въ возрастъ зрѣлости; и если ужъ тебя я сумѣла сдѣлать императоромъ, то отчего бы съ моей помощью не вступить на престолъ и ему? Въ немъ Римъ и вся имперія будетъ, по крайней мѣрѣ, имѣть правителемъ мужчину, а не жалкаго фигляра и нѣженку.

Взбѣшенный такой угрозой, Неронъ вскочилъ и, съ поднятой рукой, подступилъ къ матери, какъ бы собираясь ударить ее.

Агриппина встала и, гордо закинувъ голову назадъ и гнѣвно сверкнувъ глазами, насмѣшливо спросила:

— Ужъ не хочешь ли ударить меня? Попробуй только, и кинжалъ этотъ, клянусь небомъ, пронзитъ тебѣ сердце.

Неронъ отскочилъ, при чемъ Агриппина, взглянувъ на него съ презрительною жалостью, выронила оружіе изъ рукъ.

— Изъ тебя могла бы выйти безподобная трагическая актриса,—съ горькой ироніей замѣтилъ ей Неронъ.

Злоба казалось, душила Агриппину.

— Еще одну надежду,—задыхавшимся голосомъ начала она, какъ только совладала съ собой на столько, что могла говорить,— одну еще надежду оставили мнѣ боги: Британникъ еще не умеръ, и ничто мнѣ не можетъ помѣшать пойти вмѣстѣ съ нимъ въ лагерь храбрыхъ преторіанцевъ; а тамъ мы ужъ посмотримъ, останется ли гвардія глуха къ просьбамъ и увѣщаніямъ дочери доблестнаго Германика, къ воззванію Бурра съ его искалѣченной въ бою рукой, къ убѣдительнымъ рѣчамъ краснорѣчиваго Сенеки?

— Надоѣли мнѣ ужасно всѣ эти глупыя угрозы,—съ видомъ глубокаго утомленія проговорилъ Неронъ и тотчасъ прибавилъ:— все-таки, я долженъ тебя предупредить, что когда-нибудь ты ими непремѣнно выведешь меня изъ терпѣнія. Ты помни, что у насъ есть такія лица, какъ доносчики, и такое нарушеніе закона, какъ оскорбленіе величества.

И съ этими словами императоръ ушелъ отъ матери, сильно разгнѣванный ея угрозами, хотя былъ и не особенно встревоженъ ими. Онъ такъ давно привыкъ смотрѣть на себя, какъ на существо, во всѣхъ отношеніяхъ стоявшее неизмѣримо выше добродушнаго и безотвѣтнаго Британника, что не допускалъ и мысли встрѣтить въ немъ въ какомъ-либо отношеніи опаснаго для себя соперника. Сама Агриппина своими внушеніями въ не малой мѣрѣ содѣйствовала развитію въ немъ такого сомнѣнія; къ тому же и самъ Британникъ никогда еще не подавалъ ему повода заподозрить его въ какихъ-либо честолюбивыхъ поползновеніяхъ. Все это было такъ; но тѣмъ не менѣе, ему были крайне непріятны эти постоянныя стращанія со стороны Агриппины сыномъ Клавдія и законными правами этого послѣдняго; а вдобавокъ и Тигеллинъ не упускалъ случая наговаривать ему, внушая, какимъ опаснымъ для него орудіемъ можетъ оказаться Британникъ въ рукахъ такой честолюбивой женщины, какъ Агриппина.

Спустя нѣсколько дней послѣ этой сцены съ матерью, Неронъ, убѣдясь, что лицо его приняло наконецъ, свой надлежащій видъ, рѣшилъ отпраздновать наступившій къ этому времени праздникъ Сатурналій и, по этому случаю, созвалъ къ себѣ многолюдное общество, на этотъ разъ преимущественно изъ одной молодежи. Въ числѣ гостей, приглашенныхъ на это празднество, были, между прочимъ, Нерва, въ то время еще молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ; Веспасіанъ съ двумя своими сыновьями Титомъ и Домиціаномъ; Пизонъ Лиціанъ, юноша очень строгихъ нравовъ и вовсе не походившій на Нероновыхъ любимцевъ. Гальба, человѣкъ уже среднихъ лѣтъ, и Вителлій, уже и тогда успѣвшій упрочить за собой, не смотря на сравнительно еще не старый возрастъ, репутацію великаго подлеца и не менѣе великаго обжоры.

Любопытный случай произошелъ передъ началомъ ужина. Среди толпы рабовъ, прислуживавшихъ въ триклиніумѣ, былъ одинъ рабъ-христіанинъ по имени Геродіонъ, въ высокой степени обладавшій даромъ ясновидѣнія. Когда гости находились почти уже въ полномъ сборѣ, къ Геродіону вдругъ обратился одинъ изъ его товарищей-рабовъ, по имени Апеллесъ, и, указывая ему на Нерву и на Гальбу, сообщилъ, что первому предсказалъ какой-то астрологъ, что онъ вступитъ на престолъ, а второму, когда онъ былъ еще ребенкомъ, императоръ Августъ, положивъ руку на голову, сказалъ однажды: «И тебѣ тоже, мое дитя, придется вкусить сладость быть императоромъ».

— Я не придаю никакого значенія гороскопамъ и вѣрить имъ не могу,—серьезно замѣтилъ ему Геродіонъ.

— Не вѣришь въ халдеевъ!—изумился Апеллесъ.—Ахъ, да, я было совсѣмъ и позабылъ, что ты изъ числа тѣхъ сумасбродовъ, что поклоняются... ну, не сердись; впрочемъ, не въ этомъ и дѣло. Но скажи мнѣ по совѣсти, неужели ты и въ самомъ дѣлѣ отвергаешь ту истину, что предсказанія нашихъ оракуловъ и авгуровъ, по большей части, оправдываются?

— Съ этимъ я не буду спорить,—отвѣтилъ Геродіонъ,—такъ какъ вѣрю что демонамъ дается иногда сила входить въ иныхъ людей, и тогда эти люди гадаютъ и предсказываютъ будущее. Однако, я все-таки думаю...—но здѣсь рѣчь его круто оборвалась, и въ нѣмомъ ужасѣ онъ вперилъ неподвижный взглядъ на группу собравшихся гостей.

— Что съ тобой, Геродіонъ? спросилъ его, наконецъ, Апеллесъ.

— Я знаю, ты мнѣ преданъ, Апеллесъ, любишь меня и не пожелаешь погубить меня, — шопотомъ проговорилъ Геродіонъ, — а потому знай, что пока я такъ смотрю на всѣхъ этихъ весело пирующихъ гостей, мнѣ представляется, будто я вижу ихъ какъ бы окутанными кровавой мглой.

— А еще что видишь? Говори; ты меня не опасайся: не выдамъ же я друга и добраго товарища, такъ заботливо ухаживавшаго за мной во все время моей прошлогодней болѣзни,—сказалъ заинтересованный Апеллесъ.

Но Геродіонъ ничего больше не сказалъ, лишь лицо его, по мѣрѣ того, какъ онъ все пристальнѣе вглядывался въ лица гостей, принимало выраженіе все болѣе и болѣе мрачное и тревожное. Но какова бы ни была картина, которая въ эту минуту пронеслась передъ духовнымъ ясновидѣвшимъ окомъ бѣднаго раба, а дѣло въ томъ, что тутъ, въ эту минуту, между собравшимися гостями было дѣйствительно восемь будущихъ римскихъ императоровъ: Гальба, Отонъ, Вителлій, Веспасіанъ, Титъ, Домиціанъ, Нерва, и Траянъ, въ то время еще ребенокъ, изъ которыхъ шестерымъ, равно какъ и Британнику, Пизону и самому амфитріону Нерону было суждено кончить насильственной смертью. Этотъ маленькій эпизодъ припомнилъ Апеллесъ много лѣтъ спустя, когда, въ свою очередь, позналъ истину христіанскаго ученія.

Пиръ былъ очень оживленъ и веселъ, хотя на этотъ разъ и не переходилъ въ виду присутствія юношей и даже дѣтей границъ благопристойности. Гости долго забавлялись различными играми и, наконецъ, предложили, путемъ вынутія жребія, избрать царя празднества. Жребій палъ на Нерона, и онъ восторженными криками веселой молодежи былъ провозглашенъ симпосіархомъ [1]).

— А теперь, всѣ вы обязаны безпрекословно повиноваться вашему симпосіарху,—сказалъ императоръ,—и поочередно исполнять мои приказанія каждому изъ васъ.

И, начавъ съ Отона, Неронъ приказалъ ему снять съ себя вѣнокъ и возложить, его на голову того, котораго любитъ больше всѣхъ. Вѣнокъ, понятно, былъ возложенъ на голову самого Нерона. Затѣмъ, императоръ, обратясь къ поэту Лукану, повелѣлъ ему въ продолженіе не болѣе одной минуты разсказать цѣлую законченную исторію, и находчивый Луканъ прочелъ по-гречески слѣдующія двѣ строки:

«А., поднимая найденное имъ на дорогѣ золото, позабылъ тутъ свою веревку
«Б., не находя своего золота, употребилъ въ дѣло найденную имъ веревку».

— Ну, а теперь твоя очередь, Петроній, и такъ какъ ты поэтъ, то тебѣ я намѣренъ дать задачу не легкую,—сказалъ Неронъ.— Пять минутъ и ни секунды болѣе я даю тебѣ на сочиненіе такого стиха, который можно было бы читать одинаково какъ справа налѣво, такъ и слѣва направо.

— Это невозможно, цезарь,—сказалъ Петроній.

— Все равно; я требую отъ тебя исполненія даже невозможнаго, въ противномъ случаѣ, ты у меня выпьешь въ видѣ штрафа, по меньшей мѣрѣ, девять кубковъ полныхъ чистаго фалернскаго вина.

Петроній покорился и, взявъ свои дощечки, менѣе чѣмъ черезъ пять минутъ прочелъ вслухъ слѣдующую строку:

«Roma tibi sutibito motibus ibit Amor».

— Въ этомъ стихѣ смысла мало, а еще менѣе правильности языка,—замѣтилъ Неронъ.—Но такъ и быть, я тебѣ прощаю и избавляю отъ штрафа за плохо исполненное приказаніе. Теперь ты, Сенецій, скажи намъ тотъ девизъ, въ которомъ всего вѣрнѣе сказался бы твой взглядъ на жизнь.

«Пѣшь, пей и веселись, прочее все вздоръ и суета»,—

не задумываясь, прочелъ Сенецій.

— Что бы сказалъ на это нашъ маленькій другъ, Эпиктетъ?— въ полъ-голоса при этомъ замѣтилъ Титъ, наклоняясь къ Британнику.

Такимъ образомъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ исполнились задачи, задававшіяся Нерономъ поочередно всѣмъ гостямъ, которые, между тѣмъ, ждали, не безъ любопытства что

[1]) Симпосіархъ—распорядитель пира.

именно прикажетъ императоръ Британнику; хотя самъ Британникъ, почти увѣренный, что приказаніе это будетъ такъ же шутливо, какъ и тѣ, съ которыми онъ обращался къ другимъ гостямъ, очень мало тревожился этимъ вопросомъ. Вотъ почему онъ былъ чрезвычайно озадаченъ и оскорбленъ какъ тономъ, такъ и самымъ приказаніемъ Нерона, который, обратясь къ нему, надменно проговорилъ:

— Ты же, Британникъ, встань и, выйдя на средину залы, спой намъ что-нибудь.

По залѣ пробѣжалъ глухой, еле слышный шопотъ неодобренія. Такое требованіе, чтобы принцъ крови разыгралъ изъ себя, въ присутствіи многочисленнаго собранія гостей и рабовъ, пѣвца, было не прилично и крайне оскорбительно для юноши. Британникъ вспыхнулъ и въ порывѣ негодованія уже хотѣлъ было отвѣтить императору отказомъ, но, къ его счастью, Титъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, успѣлъ его удержать, шепнувъ ему на ухо: «Лучше не возражай, а исполни поскорѣе его приказаніе, какъ бы ни было оно обидно для тебя, во избѣженіе худшаго».

Британникъ послѣдовалъ совѣту друга и вставъ, съ своего мѣста, вышелъ на средину триклиніума. Тутъ онъ обратился къ стоявшему немного поодаль арфисту Рериносу и, попросивъ его ударить въ струны, запѣлъ мягкимъ и благозвучнымъ голосомъ одну изъ патетическихъ пѣсней изъ «Андромахи» Еннія, стариннаго римскаго поэта, въ которой поэтъ описываетъ отчаяніе плѣнной Андромахи послѣ разрушенія Трои. «Я видѣла, — говоритъ безутѣшная вдова Гектора, — дворецъ Пріама, съ его величавыми колоннадами и портиками, въ огнѣ и дыму; видѣла самаго Пріама, изнемогающимъ подъ ударами дико торжествовавшаго врага; видѣла алтарь всесильнаго царя боговъ обагреннымъ потоками крови. — У кого искать мнѣ себѣ защиты? Куда бѣжать? Гдѣ, въ какой чужбинѣ будетъ мѣсто моего изгнанія? Жертвенники родного края разбиты въ дребезги и разметанны! Храмы моей отчизны стоятъ черные, обугленные; ихъ стѣны и колонны виднѣются спаленныя и свѣточи на алтаряхъ меркнутъ и гаснутъ въ яркомъ пламени и дымѣ».

Не вѣря своимъ ушамъ, слушалъ Неронъ стройное пѣніе Британника. Откуда этотъ серебристый, мягкій голосъ? откуда у него это умѣнье владѣть имъ? Но скоро изумленіе смѣнилось въ душѣ Нерона завистью къ красивому юношѣ, — завистью, которая затѣмъ уступала мѣсто и злобѣ, и ненависти, когда по окончаніи пѣнія раздался взрывъ восторженныхъ рукоплесканій гостей. Онъ съ удовольствіемъ ударилъ бы теперь Британника, убилъ бы его; съ удовольствіемъ разогналъ бы ударами бича дерзкихъ гостей, дерзнувшихъ рукоплескать ему.

— Глупая и очень скучная вещь, — не скрывая своего гнѣва, проговорилъ онъ лѣниво и зѣвнулъ;— и кто бы могъ ожидать услышать такую плаксивою дребедень въ день праздника веселыхъ Сатурналій!

И, говоря это, императоръ, поднявшись со своего ложа и махнувъ небрежно рукой, проговорилъ скучающимъ тономъ.

— Довольно! надоѣло! Гости могутъ уходить.

Гости поняли, что императоръ, чѣмъ то видимо недовольный, былъ сильно разгнѣванъ, и, перемигиваясь, осторожно пожимая плечами, чуть замѣтно поднимая брови въ недоумѣніи и какъ бы ежась боязливо, поспѣшили молча удалиться. Съ Нерономъ остался одинъ Тигеллинъ.

— Какого теперь мнѣнія цезарь о Британникѣ?— съ злородной усмѣшкой, спросилъ коварный интриганъ.

— Такого, что лебеди всего лучше поютъ передъ тѣмъ, какъ имъ умереть.

— Ага!— съ торжествомъ подумалъ про себя Тигелинъ убѣдившись наконецъ, что первый шагъ въ задуманномъ имъ переворотѣ, въ родѣ сеяновскаго, сдѣланъ.

А между тѣмъ Британникъ, покинувъ вмѣстѣ съ другими Нероновъ триклиніумъ, отправился прямо съ пира къ своей сестрѣ, которую нашелъ въ обществѣ рабы-христіанки Трифены. Императрица сидѣла за прялкой и прилежно работала, а Трифена читала ей вслухъ отдѣльные отрывки изъ одного письма св. Апостола Петра къ христіанамъ. «Наконецъ, будьте всѣ единомысленны»,— читала Трифена, когда въ комнату вошелъ Британникъ. Ласково улыбнувшись брату и приложивъ палецъ къ губамъ, Октавія знакомъ пригласила его сѣсть возлѣ себя и послушать чтеніе.

Трифена, между тѣмъ продолжала: «сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры; не воздавайте зломъ за зло, или ругательствомъ за ругательство; напротивъ, благословляйте, зная, что вы къ тому призваны, чтобы наслѣдовать благословеніе. Ибо кто любитъ жизнь и хочетъ видѣть добрые дни, тотъ удерживай языкъ свой отъ зла и уста свои отъ лукавыхъ рѣчей; уклоняйся отъ зла и дѣлай добро; ищи мира и стремись къ нему» [1]).

— Кто писалъ эти прекрасныя наставленія?— вполголоса спросилъ восхищенный Британникъ. — Не Хрисиппъ: это не его слогъ и языкъ не его времени. Ужъ не Корнутъ ли, или Музоній?

— Послушай дальше и, можетъ быть, ты самъ угадаешь, — съ улыбкой отвѣтила императрица и, обратясь къ молодой рабѣ, прибавила:

— Продолжай, Трифена.

Трифена продолжала:

«И кто сдѣлаетъ вамъ зло, если вы будете ревнителями добраго? Но если и страдаете за правду, то вы блаженны. А страха ихъ не бойтесь и не смущайтесь. Господа Бога святите въ сердцахъ своихъ» [2]).

---

[1]) См. Первое посланіе Ап. Петра, гл. III.

[2]) Тамъ же.

— Писалъ эти слова христіанинъ, — шопотомъ проговорилъ юноша, между тѣмъ какъ Трифена продолжала читать:

«Ибо если угодно волѣ Божіей, лучше пострадать за добрыя дѣла, нежели за злыя; потому что и Христосъ, чтобы провести насъ къ Богу, однажды пострадалъ за грѣхи наши, праведникъ за праведныхъ...» [1]).

— Благодарю, Трифена; довольно пока. Ступай теперь и отдохни; къ тому же я желаю поговорить съ братомъ наединѣ,— сказала Октавія, отпуская рабу.

— Это: пишетъ христіанинъ, несомнѣнно,— сказалъ Британникъ;— но кто именно, не знаешь ли?

— Трифена говорила мнѣ, что это отрывки изъ одного письма, писаннаго въ назиданіе христіанамъ, которые, какъ ты знаешь, всюду разсѣяны,— однимъ галилейскимъ рыбакомъ, Петромъ, который, какъ разсказывала она мнѣ, былъ однимъ изъ числа двѣнадцати учениковъ, сопровождавшихъ Христа въ его хожденіяхъ по Галилеѣ.

— Ни знаю и не понимаю я, Октавія, что такое происходитъ во мнѣ,— въ какомъ-то раздумьи проговорилъ Британникъ,— но мнѣ все кажется, будто меня зовутъ какія-то неземные голоса, и я чувствую, что меня влечетъ къ себѣ съ неотразимою силою этотъ Незримый Христосъ. Ужъ не предвѣщаетъ-ли это близкой моей смерти?

— Твоей смерти, Британникъ!— воскликнула въ ужасѣ Октавія и вся поблѣднѣла.— О, говори ты скорѣе эти зловѣщія слова!

— Перестань, Октавія: не придавай ты суевѣрнаго значенія глупымъ примѣтамъ; а лучше послушай, что случилось сегодня со мною на пиру.

— Сегодня! Что же такое особенное могло случиться съ тобой сегодня?— спросила изумленно Октавія.— Ты сейчасъ съ сатурналійскаго праздества. Но, можетъ быть, Неронъ на этомъ праздникѣ объявилъ тебѣ, что на-дняхъ онъ розрѣшитъ тебѣ смѣнить золотую баллу и прэтексту на togam verilem? Ну, что же, я увѣрена,— прибавила молодая женщина, не безъ гордости любуясь красотой брата,— что красная туника съ бѣлой тогой поверхъ очень пойдетъ къ тебѣ.

— Можетъ статься; но, слушая тебя, я почему-то вспомнилъ Гомера: «то смерть кровавая»,— говоритъ у него Александръ Великій про....

— Замолчи; откуда у тебя такія мрачныя мысли сегодня, Британникъ?— перебила его сестра и, откинувъ ему со лба золотистую прядь волосъ, ласково заглянула въ глаза.

Тогда Британникъ подробно разсказалъ сестрѣ выходку Нерона во время пира, и Октавія поняла все роковое значеніе случившагося.

— О, какъ жестоко несправедливы къ намъ боги! — въ от-

---

[1]) Тамъ же.

чаяніи воскликнула бѣдная Октавія.—Какое же особенное преступленіе совершили мы, за которое могли бы они такъ безпощадно карать насъ!

— Полно, Октавія, взывать къ лживымъ и бездушнымъ кумирамъ, вѣра въ которыхъ съ каждымъ днемъ становится въ моихъ глазахъ безсмысленнѣе,— строго остановилъ сестру Британникъ.— Впрочемъ, какіе бы они не были, эти боги, они воплощаютъ собою идею божества, а все то, на что есть воля божества, не можетъ не имѣть своей благой цѣли. Намъ же съ тобой, римлянамъ и потомкамъ цезаря, слѣдуетъ умѣть не блѣднѣть и не трепетать передъ борьбой съ житейскими бурями, хотя бы даже и не была дана намъ благодать того душевнаго міра, о которомъ говоритъ этотъ бѣдный рыбакъ, ученикъ Христа.

— Мать—опозорена и убита; отецъ былъ отравленъ; твоей жизни грозитъ опасность; на престолѣ сидитъ Неронъ... О, бѣдный мой Британикъ, за что, за какое преступленіе такое тяжкое наказаніе!

— Успокойся, Октавія; вспомни, что говорила намъ Помпонія; не однимъ преступникамъ ниспосылаются страданія; напротивъ, ими часто испытываются добрые и черезъ нихъ становятся лучше.

— Я не вынесу разлуки съ тобой, о, мой братъ, о, мой Британникъ,--съ рыданіями продолжала Октавія.—Ты у меня одинъ, и, кромѣ тебя, у меня никого нѣтъ. Что будетъ со мной, несчастной, если тебя не станетъ!

- Не плачь, сестра, и заранѣе не убивайся, —сказалъ Британникъ, и, поцѣловалъ сестру, прибавилъ: —А теперь мнѣ пора и удалиться; прощай, надѣюсь, однакожъ, не навсегда; хотя я и замѣчаю, что недоброе замышляетъ Неронъ. Не даромъ же удалилъ онъ моего друга Пуденса, назначивъ на его мѣсто какого-то центуріона, который, признаюсь, мнѣ вовсе не по душѣ. Впрочемъ, я не боюсь: есть что-то внутри меня—точно голосъ какой—что постоянно мнѣ твердитъ, что для меня лучше умереть, чѣмъ остаться жить.

Послѣ ухода Тигеллина, Неронъ, оставшись одинъ впервые, въ этотъ вечеръ понялъ, какъ близокъ онъ къ совершенію страшнаго преступленія, и при этомъ невольно содрогнулся. Врагъ одиночества Неронъ въ продолженіе цѣлаго дня, начиная съ той минуты, какъ просыпался и до поздней ночи, видѣлъ себя постоянно окруженнымъ или своими пріятелями, или толпой иныхъ льстецовъ, и лишь очень рѣдко оставался, какъ въ этотъ вечеръ, наединѣ со своими размышленіями, что, можетъ быть, и было одной изъ главныхъ причинъ, почему онъ такъ плохо зналъ самого себя. Но, когда онъ вспомнилъ, какой страшный ударъ былъ нанесенъ въ этотъ вечеръ пѣніемъ Британника его самолюбію великаго артиста, минутный ужасъ передъ задуманнымъ злодѣяніемъ быстро смѣнился въ немъ новымъ приливомъ зависти, смѣшанной съ ненавистью и злобой къ бѣдному юношѣ, и изъ устъ его уже вылетѣли грозныя слова «онъ умретъ», какъ вдругъ

взглядъ его совершенно случайно остановился на двухъ, давно ему знакомыхъ мраморныхъ бюстахъ, изъ которыхъ одинъ изображалъ Британника шестилѣтнимъ ребенкомъ, а другой былъ его собственный и относился къ тому счастливому періоду его отрочества, когда душа его еще пребывала въ блаженномъ невѣдѣніи порока и преступленія.

Онъ всталъ и, подойдя къ бюсту Британника, остановился передъ нимъ въ глубокомъ раздумьи. Давно ли дѣтьми играли они вмѣстѣ? Давно ли онъ смотрѣлъ на него какъ на товарища, котораго готовъ былъ даже полюбить за его кротость и постоянную готовность уступать ему? О, еслибъ не черные замыслы Агрипины со всѣми ихъ послѣдствіями! Еслибъ не ея теперешнія угрозы!—«Убей его!» твердили въ немъ злоба и зависть.—«Не обагряй своихъ рукъ въ крови невиннаго»,—молилъ другой голосъ;—«крови уже и такъ было пролито довольно: вспомни, какою смертью умеръ Клавдій; вспомни, кто былъ его убійца и для кого было совершено это преступленіе. Опасаться Британника нѣтъ основанія: онъ кротокъ и незлобивъ, и теперь еще не ушло время сдѣлать изъ него друга».

Неронъ вздохнулъ и задумался; но скоро, отвернувшись сердито отъ бюста Британника, онъ подошелъ къ своему собственному.

—Я былъ очень красивымъ ребенкомъ,—сказалъ онъ и, подойдя къ зеркалу, началъ пристально разглядывать свое лицо.—О, боги! Но какъ же и измѣнился я!—прошепталъ онъ и закрылъ лицо руками.

Горькое сожалѣніе, почти раскаяніе, на минуту проснулось въ душѣ Нерона. Покинутый имъ путь добра и славы показался ему въ эту минуту такимъ заманчиво-прекраснымъ; онъ какъ бы видѣлъ его передъ собой во всемъ обаяніи его тихо-ласкающаго свѣта, душевнаго мира и спокойствія, и съ горечью подумалъ объ потерянномъ. Но неужели же нѣтъ для него возврата? Неужели онъ больше не въ силахъ, порвавъ со своими пріятелями, удаливъ отъ себя Тигеллина и выбросивъ изъ головы всякіе преступные помыслы о любви Поппеи, вернуться къ октавіи, оставить всѣ кутежи и зажить строгой и простой жизнью настоящаго римлянина? Неужели ему суждено стать новымъ Тиберіемъ или Калигулой,—ему, еще такъ недавно приходившему въ ужасъ отъ необходимости подписать смертный приговоръ какому-то злодѣю—и оставить по себѣ на страницахъ исторіи память императора, ознаменовавшаго начало своего царствованія братоубійствомъ?

— О, горе мнѣ! Тиранъ и убійца, я лечу внизъ, лечу стремглавъ въ черную пропасть!—съ отчаяніемъ воскликнулъ несчастный юноша;—и нѣтъ у меня никого, кто бы протянулъ мнѣ руку, кто бы остановилъ меня на опасно скользкомъ скатѣ! Музоній? Карнутъ? но эти оба презираютъ меня давно. Сенека? но что мнѣ въ его словахъ, если я потерялъ всякую вѣру въ нихъ! Могъ бы этотъ самый Сенека преподать мнѣ совѣты другіе и наставленія

хотя бы тогда когда я такъ безумно былъ влюбленъ въ бѣдняжку Актэю!

И въ умѣ Нерона невольно промелькнуло сравненіе между его образомъ жизни и образомъ жизни благонравнаго и скромнаго Британника, и при такомъ сравненіи злоба и зависть къ брату снова заклокотали въ его полубольной душѣ.

— Нѣтъ; онъ долженъ умереть!—задыхающимся голосомъ какъ бы про себя, проговорилъ Неронъ.

Такимъ образомъ, загасивъ въ себѣ вспыхнувшую было искру минутнаго раскаянія, Неронъ, отвергнувъ доброе, избралъ себѣ злое, и врагъ души его широко распахнулъ передъ нимъ двери мрачной обители порока и злодѣяній, быстрые кони его страстей, помчавшись безъ удержа по роковому склону, скоро опрокинули безумнаго сѣдока, который, казалось, былъ одно время не прочь укоротить имъ повода и сдержать ихъ бѣшенный бѣгъ.

Глава XIX.

Около этого времени въ судьбѣ Онезима произошла довольно крупная перемѣна, которую вызвали слѣдующія обстоятельства.

Нерону были очень не посердцу дружескія отношенія, замѣчавшіяся имъ съ нѣкоторыхъ поръ между Британникомъ и центуріономъ дворцовой гвардіи Пуденсомъ, почему онъ и поспѣшилъ смѣстить этого послѣдняго съ занимаемой имъ при дворѣ должности, назначивъ его на очень, впрочемъ, почетный постъ въ самомъ лагерѣ преторіанцевъ. Вскорѣ послѣ своего удаленія изъ дворца, Пуденсу случилось какъ-то послать туда Онезима съ приказаніемъ взять изъ дежурной комнаты офицеровъ нѣкоторыя его книги и оружіе, которыя онъ по обыкновенію оставлялъ тамъ въ виду своихъ ежедневныхъ дежурствъ во дворцѣ.

Онезимъ отправился во дворецъ и тамъ, проходя въ сопровожденіи одного изъ императорскихъ рабовъ по длинному коридору, ведущему въ комнату отведенную для начальниковъ дворцовыхъ карауловъ, услыхалъ вдругъ за одной изъ дверей чей-то нѣжный голосъ, тихо напѣвавшій одну знакомую ему съ самаго дѣтства фригійскую народную пѣсню. Онъ пріостановился и потомъ, подъ впечатлѣніемъ минуты, подхватилъ знакомый напѣвъ. Тогда дверь слегка пріотворилась, и на порогѣ показалась красивая молодая дѣвушка, которая съ нескрываемымъ изумленіемъ спросила на фригійскомъ нарѣчіи, кто это пѣлъ?

Онезимъ слегка смутился, но отвѣтилъ, хотя и не безъ нѣкоторой робости, что пѣсня эта ему знакома съ тѣхъ поръ какъ онъ еще ребенкомъ слышалъ ее въ Тіатирѣ, сидя на колѣняхъ у своей матери.

— Тіатирѣ!—повторила черноокая красавица и задумалась; потомъ вскинувъ на него свои большіе черные глаза, она начала пристально вглядываться и, наконецъ, всплеснувъ руками, воскликнула:—Возможно ли, чтобъ это былъ Онезимъ!

— Отъ кого узнала госпожа мое имя?—изумился Онезимъ.

— Взгляни на меня хорошенько и, можетъ быть, ты припомнишь меня, хотя и прошло цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ съ того времени, какъ мы въ послѣдній разъ видѣлись съ тобой...

Онезимъ посмотрѣлъ на молодую дѣвушку и затѣмъ какъ-то боязливо проговорилъ:

— Что-то въ лицѣ госпожи напоминаетъ мнѣ дочь сестры моей матери маленькую Евнику, которая росла въ домѣ отца моего и..

Тсс!—остановила его молодая женщина и затѣмъ въ полголоса прибавила:—Подойди ко мнѣ поближе, Онезимъ.

Онезимъ приблизился къ ней.

— Да, дѣйствительно, я Евника,—сказала она;—хотя уже давно отвыкла откликаться на это имя. И я тоже послѣ разоренія нашей семьи была продана въ рабство одному купцу, у котораго черезъ нѣкоторое время меня перекупилъ одинъ изъ вольноотпущенниковъ императора Клавдія, для императрицы Мессалины, и вотъ онъ-то и приказалъ мнѣ перемѣнить мое настоящее имя на имя Актэи...

— Актэя!—съ невольнымъ изумленіемъ воскликнулъ Онезимъ;—ты, слѣдовательно...—началъ было онъ, но не договорилъ, замѣтивъ выступившую на лицѣ молодой женщины яркую краску.

Раба не можетъ не подчиняться волѣ своего господина,—смущенно проговорила она.—Впрочемъ, Неронъ любилъ меня искренно, и также любила и я его. Кромѣ того я была тогда очень молода и многаго не понимала. Теперь же это дѣло уже прошлое: Неронъ меня разлюбилъ; его сердце занято въ настоящее время другой. Но какая бы я ни была, никто не можетъ сказать про меня, чтобы я когда-либо пользовалась своимъ вліяніемъ кому бы то ни было во зло.

— Я тебя не упрекаю, Актэя: слишкомъ много нехорошихъ поступковъ было въ моей собственной жизни, — сказалъ Онезимъ.

— Приходи сюда часа черезъ два послѣ полудня,—сказала ему Актэя,—и тогда ты мнѣ разскажешь откровенно все, что было съ тобой, и мы подумаемъ, не смогу ли я чѣмъ-либо быть тебѣ полезной.

Такимъ образомъ, благодаря протекціи Актэи, которая не смотря на видимое охлажденіе къ ней Нерона, все еще занимала въ качествѣ особы, къ которой одно время пылалъ императоръ такой сильной любовью, довольно высокое положеніе среди дворцоваго персонала, Онезимъ перешелъ вскорѣ изъ числа домочадцевъ Пуденса въ число рабовъ императрицы Октавіи. Спустя немного времени послѣ такой перемѣны въ его положеніи, онъ былъ однажды вечеромъ призванъ къ Актэѣ.

— Послушай, Онезимъ,—начала молодая женщина,—я имѣю возможность, какъ ты уже и видѣлъ, оказывать тебѣ нѣкоторую протекцію, и всегда буду содѣйствовать, сколько могу твоему

возвышенію; но для этого ты долженъ сначала зарекомендовать себя съ самой хорошей стороны какъ человѣкъ вполнѣ надежный, и, сверхъ того, быть мнѣ преданъ. Скажи, могу ли я довѣриться тебѣ?

— Смѣло можешь, Актэа! Никогда я не выдамъ тебя.

— Я вѣрю тебѣ и потому открою тебѣ одну очень важную тайну. Ты уже имѣлъ, вѣроятно, случай видѣть Британника?

— Да, я его видѣлъ. Какой благородный и добрый юноша!

— А тѣмъ не менѣе его жизни, боюсь, грозитъ большая опасность,—сказала Актэя.—Мнѣ жаль его, очень жаль, и я готова, чуть ли не плакать всякій разъ какъ раздумаюсь о его горькой участи. При твоей настоящей должности при гардеробѣ императрицы Октавіи тебѣ нерѣдко будетъ представляться случай его видѣть. Я же часто видѣться съ тобой не могу; но, вотъ, даю тебѣ монету съ изображеніемъ Британника, и помни, что еслибы мнѣ случилось прислать тебѣ съ кѣмъ бы то ни было другую такую же монету, будто на ту или другую покупку, то это будетъ означать, что Британнику грозитъ несчастье, и тогда ты немедленно приходи ко мнѣ.

Онезимъ обѣщалъ. И, дѣйствительно, очень скоро оказалось, что необходимость въ неусыпной бдительности была болѣе чѣмъ когда-либо неотложно нужна, ибо Неронъ на другое же утро послѣ того дня, какъ онъ справлялъ у себя праздникъ сатурналій, съѣдаемый злой завистью, потребовалъ къ себѣ Юлія Полліо, новаго центуріона, назначеннаго на мѣсто Пуденса, чтобы дать ему порученіе къ Локустѣ.

— Мнѣ нуженъ какой-нибудь сильный ядъ,—сказалъ онъ ему;—Локуста подъ твоимъ надзоромъ. Пусть изготовитъ, а ты принеси его сюда.

Какъ бы ни казалось страннымъ такое быстрое превращеніе юноши, въ характерѣ котораго врожденной жестокости въ сущности не было и который не болѣе какъ два-три года назадъ былъ еще робкимъ, застѣнчивымъ отрокомъ, склоннымъ преимущественно къ искусству и удовольствіямъ, въ безсердечнаго убійцу и жестокаго деспота-самодура, все-таки такое превращеніе было лишь очень естественнымъ дѣйствіемъ безграничной власти на природу мелкую, низкую и малодушную. Вступивъ на престолъ, Неронъ очень скоро убѣдился, что въ его власти дѣлать все, что ему только вздумается и, привыкнувъ смотрѣть на себя не иначе, какъ на земное божество, котораго желанія и фантазіи должны быть выше всякихъ законовъ, началъ предаваться безъ удержа разврату и влеченію пылкихъ страстей.

Вѣрная своей профессіи, Локуста снабдила охотно Полліо требуемымъ ядомъ и теперь опять получила весьма щедрое вознагражденіе за свои добрыя услуги. Неронъ же, принявъ изъ рукъ Полліо пузырекъ съ ядомъ, въ этотъ же день рѣшилъ привести въ исполненіе замышленное имъ злодѣяніе и отравить Британника за полдневной его трапезой, при содѣйствіи одного изъ его

наставниковъ, человѣка, давно извѣстнаго своей способностью на всякія преступленія.

Но всѣ эти приготовленія не могли пройти незамѣченными среди дворца, наполненнаго всякого рода людомъ. Къ тому же и Актэя—принявшая добровольно на себя, какъ бы въ видѣ искупленія за то зло, какое неумышленно причинила она своей красотой кроткой Октавіи, задачу оберегать жизнь Британника—прилагала всевозможныя старанія, чтобы черезъ приставленныхъ къ ней рабовъ, большинство которыхъ втайнѣ исповѣдывало христіанство, разузнавать все, что такъ или иначе могло бы казаться подозрительнымъ по отношенію къ безопасности юноши. Такимъ образомъ черезъ своихъ рабовъ узнала она, что Неронъ рано утромъ потребовалъ къ себѣ центуріона, преторіанской гвардіи Полліо; что Полліо, послѣ этого своего свиданія наединѣ съ императоромъ, видѣлся съ Локустой, отъ которой прямо снова являлся къ императору; что императоръ, отпустивъ Полліо, призывалъ къ себѣ одного изъ наставниковъ Британника и что этотъ педагогъ, выходя отъ Нерона, имѣлъ въ рукѣ какую-то склянку; что, сверхъ того, имъ удалось подслушать, что отравить сына Клавдія рѣшено было не позже какъ въ этотъ же день за завтракомъ. Все это Актэя, не медля ни минуты, поспѣшила передать Онезиму, заклиная его найти средство или предупредить самаго Британника, или вообще такъ или иначе отвратить отъ него угрожавшую ему опасность.

Съ свойственнымъ ему увлеченіемъ смышленный и проворный фригіецъ принялся за дѣло и, разузнавъ предварительно на кухнѣ молодого принца, гдѣ давно уже успѣлъ войти въ самыя дружескія сношенія съ поварами, изъ чего будетъ состоять въ этотъ день завтракъ принца, пробѣгалъ все утро, тщетно ища встрѣчи съ Британникомъ, чтобы предупредить его, чтобы онъ не дотрогивался за завтракомъ до виноягодника, который должны были подать ему какъ особаго рода лакомство. А время летѣло, и до завтрака, къ которому долженъ былъ вернуться съ прогулки Британникъ, оставалось всего нѣсколько минутъ. Онезимъ былъ въ отчаяніи. Наконецъ, къ своему ужасу онъ увидалъ издали, какъ Британникъ прошелъ вмѣстѣ съ Титомъ прямо въ свой триклиніумъ. Что ему было дѣлать? Бѣжать за принцемъ въ его триклиніумъ онъ, какъ не его рабъ, не осмѣлился, а роковая минута, очевидно, приближалась: завтракъ былъ уже поданъ. Тогда Онезимъ, подойдя къ одному изъ дежурившихъ у дверей триклиніума рабовъ Британника, очень энергично приказалъ ему скорѣе идти и доложить Титу, что къ нему изъ преторіанскаго лагеря пришелъ по одному безотлагательному дѣлу, Пуденсъ и хочетъ немедленно видѣть его.

Черезъ минуту на порогѣ триклиніума показался Титъ, который, увидавъ Онезима, тотчасъ призналъ въ немъ юношу, когда-то вырученнаго имъ и Пуденсомъ изъ бѣды. Не медля ни минуты, фригіецъ отвелъ его торопливо въ сторону и тутъ шепнулъ ему

«Британнику грозитъ страшная опасность: не давайте ему дотрогиваться до поданной къ завтраку птицы. Теперь ничего не разспрашивайте, — прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Титъ собирается что-то спросить его, — а спишите скорѣе вернуться обратно въ триклиніумъ, если не желаете опоздать».

Титъ поспѣшилъ въ триклиніумъ; но, войдя туда, увидалъ къ своему ужасу, что Британникъ, во время его отлучки, успѣлъ уже приняться за лакомое блюдо.

— Стой!—крикнулъ онъ ему.—Дай же и мнѣ кусокъ этой вкусной дичи; я до нея большой охотникъ; она водится у насъ въ Ремтэ.

Британникъ передалъ ему блюдо и, смѣясь, замѣтилъ при этомъ:

— А какъ ты думаешь, какого былъ бы мнѣнія нашъ другъ Эпиктетъ о стоикѣ, любящемъ лакомства?

— Кушайте это приготовлено собственно для васъ, принцъ,— поспѣшилъ вмѣшаться педагогъ:—и меня очень удивляетъ такая безцеремонная жадность со стороны Тита.

Титъ покраснѣлъ; но тотчасъ же смекнулъ, что можетъ воспользоваться замѣчаніемъ педагога, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія съѣсть послѣ своей просьбы птицу, которая, какъ онъ сейчасъ узналъ, была отравлена смертельнымъ ядомъ.

— Послѣ такого замѣчанія твоего педагога,— сказалъ онъ,— я, разумѣется, не позволю себѣ даже и дотронуться до соблазнительнаго кушанья.

— Въ такомъ случаѣ скорѣе передайте же его обратно Британнику,—съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ сказалъ ему педагогъ.

— Нѣтъ, благодарю, не надо,—отказался самъ Британникъ;— съ меня будетъ и того, что я съѣлъ; да сегодня птица эта имѣетъ какой-то странный и даже очень непріятный вкусъ. Нѣсколько маслинъ и кусокъ хлѣба—вотъ мой любимый завтракъ.

— И отодвинувъ отъ себя тарелку, Британникъ всталъ изъ-за стола и какъ-то странно посмотрѣлъ на друга. Титъ опять покраснѣлъ.

— Ужъ не подозрѣваешь ли меня въ жадности и ты, Британникъ?—смущенно проговорилъ онъ.

— Ты что-то утаиваешь отъ меня, Титъ, — замѣтилъ ему на это Британникъ.

— Не спрашивай у меня,—мрачно отрѣзалъ Титъ. — Хорошо, если я успѣлъ захватить во-время; но успѣлъ ли я это сдѣлать — это еще вопросъ.

Британникъ промолчалъ. Въ него запало подозрѣніе, что какое-то покушеніе на его жизнь было сдѣлано, и онъ догадался, что если оно не удалось, то только благодаря другу. Скоро такое подозрѣніе перешло въ увѣренность, когда черезъ нѣсколько часовъ послѣ завтрака его схватили страшныя боли въ животѣ. Но, къ счастью, онъ только попробовалъ отравленное кушанье, и потому, послѣ перваго же пароксизма, въ продолженіе котораго ему на помощь явилась сама природа, почувствовалъ значительное облегченіе, вскорѣ послѣ чего онъ заснулъ.

Начинало уже вечерѣть, когда онъ проснулся. Возлѣ него сидѣли Октавія и Титъ.

— Гдѣ я, и что было со мной? — спросилъ онъ какъ бы въ забытьѣ. — Ахъ, да! Помню! — тяжело вздохнувъ прибавилъ онъ и, схвативъ руку Тита, крѣпко пожалъ ее.

Вскорѣ послѣ этого навѣстить больного явилась сама Агриппина. Она была необыкновенно блѣдна, и на глазахъ еще остались слѣды недавнихъ слезъ. Узнавъ о внезапномъ недомоганіи Британника, она тотчасъ угадала дѣйствительную причину болѣзни, такъ какъ и она съ своей стороны уже имѣла свѣдѣнія о визитѣ Полліо къ Локустѣ, причемъ въ ней даже возникло страшное подозрѣніе, ужъ не для нея ли обратились къ услугамъ этой ужасной женщины. Когда же оказалось, что ядъ былъ взятъ для Британника, такое открытіе поразило ее.

Она поняла, что отчасти сама, своими неосторожными угрозами, разожгла въ Неронѣ его враждебное и завистливое чувство къ Британнику, и что со смертію этого юноши она, для сколько-нибудь успѣшной борьбы съ сыномъ лишится послѣдняго орудія. Вотъ почему радость ея при извѣстіи, что Британнику стало лучше и что жизнь его теперь внѣ опасности, была на этотъ разъ непритворно-искренняя, и, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни эта властолюбивая и самонадѣянная женщина, почувствовала, смотря на блѣдное лицо больного юноши, жгучій укоръ нечистой совѣсти и упрекнула себя за то зло, какое причинило ему ея безмѣрное честолюбіе.

Вскорѣ послѣ прихода Агриппины и Неронъ въ свою очередь прислалъ своего вольноотпущенника, Клавдія Етруска, узнать о здоровье «возлюбленнаго брата». Услыхавъ такое лицемѣріе Британникъ пришелъ въ негодаваніе.

— Передай цезарю, — сказалъ онъ, — что на этотъ разъ его ядъ...

Но прежде чѣмъ имъ было выговорено послѣднее слово, Титъ быстрымъ движеніемъ руки зажалъ другу ротъ, между тѣмъ какъ Агриппина, превосходно знавшая, что цезарь потребуетъ отъ своего посланнаго точной передачи каждаго слова больного, обратилась къ посланному и сказала:

Передай императору, что его брату теперь лучше, но что голова его все еще не совсѣмъ свѣжа. А тебя, Клавдій Етрускъ,— прибавила она,—я прошу, какъ честнаго человѣка, какимъ я всегда знала тебя, не передавать Нерону о томъ, что сказалъ Британникъ въ бреду.

Етрускъ почтительно преклонилъ голову.

— Августа была всегда очень милостива ко мнѣ и можетъ быть увѣрена, что я ея желаніе исполню,—сказалъ онъ и удалился.

Между тѣмъ Неронъ, взволнованный и тревожимый призрач-

ными опасеніями, метался по залѣ, словно дикій звѣрь въ клѣткѣ. Мысль о заговорахъ и другихъ опасностяхъ не давала ему покоя Не далѣе какъ въ это самое утро, когда онъ проходилъ послѣ своего свиданія съ Полліо и съ педагогомъ Британника крытой галлереей, которой зданіе придворнаго театра соединялось съ дворцомъ, ему почему-то такъ и бросилось въ глаза черное пятно Калигуловой крови на стѣнѣ, причемъ ему показалось, будто кинжалъ убійцы уже коснулся его горла. Услыхавъ отъ Етруска, что возлѣ Британника Агриппина, онъ еще болѣе встревожился и заволновался: ужъ не затѣваетъ ли она за одно съ нимъ какой-либо заговоръ противъ него? не замышляетъ ли новыя преступленія? можетъ быть, даже его погибель? — и онъ рѣшился лично навѣстить больного.

Войдя въ спальню къ Британнику, Неронъ, не обративъ ни малѣйшаго вниманія ни на Октавію, ни на Тита, удостоилъ своимъ поклономъ лишь одну Агриппину, которая при его входѣ немедленно, однако, встала и удалилась, во избѣжаніе какой-либо новой тяжелой сцены при свидѣтеляхъ. Императоръ подошелъ къ больному и взялъ его за руку; но когда онъ почувствовалъ, какъ при этомъ содрогнулась холодная рука юноши, въ душѣ его закипѣла злоба. Британникъ лежалъ съ высоко приподнятою на подушкѣ головой; на блѣдныхъ щекахъ алѣлъ больной румянецъ, глаза горѣли необычайнымъ блескомъ и въ упоръ смотрѣли на Нерона. Неронъ не выдержалъ этого взгляда и, полуотвернувшись, пробормоталъ нѣсколько словъ сожалѣнія и участія.

Но Британникъ ничего на это не отвѣтилъ. Неронъ насупился.

— Не сердись на него, Неронъ, за его молчаніе, — сказала тогда Октавія,—онъ такъ еще слабъ, что не въ силахъ благодарить тебя за твое вниманіе къ нему.

— Твоего вмѣшательства я не просилъ,—замѣтилъ язвительно ей Неронъ.

— Я приношу тебѣ такую благодарность, какою обязанъ тебѣ.—слабымъ голосомъ проговорилъ больной, стараясь высвободить свою руку изъ руки Нерона.

Неронъ отошелъ отъ него.

— Я пришелъ справиться о твоемъ здоровьи,—сердито закричалъ онъ,—а ты,—вмѣсто благодарности за участіе—ты встрѣчаешь меня угрюмыми взглядами! Но я проучу тебя и дамъ тебѣ почувствовать, что я твой императоръ, а ты — ты мой подданный, если ужъ тебѣ такъ нежелательно смотрѣть на меня какъ на брата. Ты же, Октавія, а также и ты, Титъ, — можете удалиться.

— Нѣтъ, не оставляйте меня одного,—началъ просить бѣдный юноша, передъ которымъ блеснула ужасная мысль, что Неронъ, можетъ быть, задумалъ довершить въ эту же ночь начатое:—я еще очень слабъ, и мнѣ тяжело лежать тутъ, зная, что подлѣ меня нѣтъ близкаго человѣка.

Но на это Неронъ ничего не отвѣтилъ, и разгнѣванный молча

покинулъ спальню Британника, не отмѣнивъ, но и не повторивъ своего приказанія.

— Да хранятъ тебя молитвы всѣхъ добрыхъ,—сказала Октавія, наклоняясь къ брату и цѣлуя его нѣжно.—Остаться съ тобой я опасаюсь, какъ бы не вышло отъ этого хуже для тебя.

— Но я не оставлю его одного, императрица,—сказалъ Титъ,—и постараюсь сдѣлать для него все, что только въ моихъ силахъ.

И, проводивъ императрицу въ сосѣднюю комнату, гдѣ ея ждали женщины ея свиты, Титъ, подойдя къ одной изъ нихъ, попросилъ прислать скорѣе къ нему Онезима. Онезимъ тотчасъ явился, и Титъ, сунувъ ему въ руку крупную золотую монету, оставленную для него императрицей въ награду за сдѣланное имъ предостереженіе, передалъ ему свои опасенія и, разсказавъ обо всемъ случившемся, просилъ его быть на сторожѣ; а если можно, то и разузнать, не готовится ли что, хорошіе и потомъ черезъ часъ вернуться къ нему обратно. Отъ Тита Онезимъ побѣжалъ прямо къ Актэѣ, которой очень подробно передалъ все, что слышалъ отъ Тита. Актэя испугалась и, предчувствуя недоброе, бросилась сама наводить справки во дворцѣ, сказавъ Онезиму, чтобы онъ подождалъ и не уходилъ, пока она не вернется. И дѣйствительно она скоро вернулась и тогда сообщила ему, что Неронъ заперся въ своемъ кабинетѣ съ Тигеллиномъ и Дорифоромъ, и что въ виду этого можно опасаться, какъ бы въ эту же ночь не послѣдовало новое покушеніе на жизнь Британника.

Свѣдѣнія, сообщенныя Онезиму Актэей, были очень вѣрны. Неронъ, дѣйствительно, совѣщался въ эту минуту съ Тигеллиномъ, передъ которымъ ужеересталъ скрывать свое желаніе удалить брата съ дороги и которому разсказалъ очень откровенно о сдѣланной въ этотъ день неудачной попыткѣ отравить Британника.

— Но развѣ цезарю непремѣнно угодно, чтобы дѣло это совершилось такъ скоро?—спросилъ коварный интриганъ.

— Не слѣдуетъ терять времени, если желаемъ во время предупредить тотъ или другой адскій заговоръ,--сдвинувъ брови, мрачно проговорилъ Неронъ.

— Тогда можно сегодня ночью?

— Ну, хоть сегодня ночью,—согласился императоръ.—Но лишь помни, что при этомъ необходима глубокая тайна, во избѣжаніе всякихъ толковъ и возможнаго переполоха. Надо будетъ выдумать что-нибудь - понимаешь какое-нибудь объясненіе. Августа ничего не должна подозрѣвать; также и Октавія. Не должны подозрѣвать и приверженцы его, за исключеніемъ тѣхъ, конечно, на которыхъ можно положиться, зная, что они не станутъ болтать лишняго.

Изъ его окружающихъ почти всѣ люди давно подкуплены нами,—сказалъ Тигеллинъ;—и я надѣюсь, что цезарь останется мной доволенъ.

Въ эту ночь передъ дверью спальни молодого принца часового почему-то не поставили, и такая оплошность показалась Титу въ

высшей степени подозрительной. Когда же онъ вдобавокъ услыхалъ отъ Онезима то, что собщила этому послѣднему Актэа, то еще больше убѣдился, что что-то готовится на эту ночь, и потому объявивъ, что самъ ляжетъ въ спальнѣ Британника передъ самой дверью, чтобы никто безъ его вѣдома не смогъ проникнуть въ опочивальню юноши, велѣлъ Онезиму оставаться на сторожѣ гдѣ-нибудь за дверью и, въ случаѣ чего-нибудь, тотчасъ дать ему знать путемъ того или другого знака.

— Я залаю собакой, если будетъ что,—сказалъ Онезимъ,—во-первыхъ, я мастеръ лаять, а во-вторыхъ, увѣренъ, что этимъ всполошу среди ночной тишины сосѣднихъ собакъ, и какъ только онѣ залаютъ, я выскочу, словно встревоженный этимъ лаемъ.

Гордый сознаніемъ, что ему довѣрили оберегать жизнь потомка цезаря, Онезимъ поспѣшилъ надѣть на себя черный плащъ и, укутавшись въ него, спрятался въ темный уголокъ, гдѣ примостился подъ прикрытіемъ щита статуи одной Амазонки. Скоро во всемъ дворцѣ настала мертвая тишина, среди которой отчетливо слышались лишь мѣрные шаги часовыхъ, ходившихъ взадъ и впередъ по длинному коридору передъ входомъ въ спальню цезаря.

Но вотъ спустя часа два послѣ полуночи, Онезимъ вдругъ услыхалъ чьи-то осторожно приближавшіеся шаги. Затаивъ дыханіе, онъ насторожился и началъ прислушиваться, въ то же время осторожно выглядывая изъ-за угла. Съ фонаремъ, на половину скрытымъ подъ длиннымъ плащемъ, незнакомецъ, крадучись, приближался къ спальнѣ Британника, подойдя къ двери которой осторожно поставилъ фонарь на полъ и, вынувъ кинжалъ изъ-за пояса, уже взялся было за ручку двери, но вдругъ въ испугѣ отскочилъ, услыхавъ по близости короткій пронзительный лай. Замѣтивъ это, Онезимъ вторично залаялъ, и на этотъ разъ ему отвѣтилъ пронзительный лай собаченки одной изъ вольноотпущенницъ. Тутъ Онезимъ уже смѣло выскочилъ изъ своей засады и громко спросилъ: «Кто тамъ ходитъ?» Въ эту минуту дверь изъ спальни Британника отворилась, и на порогѣ показался Титъ съ оружіемъ въ рукѣ. Убійца испугался; бросилъ свой фонарь и убѣжалъ. Онезимъ не преслѣдовалъ несчастнаго раба, а поспѣшилъ удалиться къ себѣ, убѣжденный, что на эту ночь жизни Британника не грозитъ болѣе никакой опасности.

Глава XX.

Незамѣтно подошелъ и первый день новаго года, всегда справлявшійся въ Римѣ какъ одинъ изъ большихъ годовыхъ праздниковъ. Каждый по возможности старался провести этотъ день въ радости и весельи, строго избѣгая въ разговорѣ всякія слова, имѣвшія то, или другое дурное предзнаменованіе. Ссоры и тяжбы

на этотъ день прекращались; умолкала и клевета. Всюду горѣли потѣшные огни, поддерживавшіеся тѣмъ или другимъ ароматическимъ деревомъ и листьями душистаго шафрана. Народъ въ праздничной бѣлой одеждѣ длинной процессіей шелъ въ Капитолій. Въ этотъ день ликторы снабжались новыми пучками, связанными краснымъ ремнемъ—fasces; магистраты надѣвали новыя красныя тоги, а въ день этого новаго года впервые заняли свои курульныя кресла изъ слоновой кости. Юпитеру въ этотъ день приносились въ жертву клитумнскіе бѣлоснѣжные волы убранные вѣнками и гирляндами цвѣтовъ. Друзья обмѣнивались подарками, сопровождая ихъ добрыми пожеланіями. Такъ и Британникъ, который къ этому дню успѣлъ совсѣмъ оправиться, былъ поздравленъ съ наступленіемъ новаго года различными подарками отъ Октавіи, Тита, Пуденса, Агриппины, которая подарила ему роскошный двухъ-рожковый канделябръ, массивнаго серебра замѣчательно художественной работы, и даже отъ Эпиктета, принесшаго ему обычный въ этотъ день даръ—strenae, состоявшій изъ позолоченныхъ финиковъ и нѣкотораго количества меда въ сотахъ.

Но никогда еще не переживала Октавія, а также и Британникъ дней болѣе томительныхъ и тревожныхъ, чѣмъ, тѣ, которые послѣдовали за неудавшимися двумя покушеніями Нерона на жизнь юноши. Какъ Октавія, такъ и самъ Британникъ, оба глубоко были увѣрены въ томъ, что императоръ на этомъ не остановится, а непремѣнно сдѣлаетъ если не сегодня, то завтра новую попытку лишить его жизни, и юношѣ каждый разъ, какъ онъ принимался за ту или другую трапезу, или ложился спать, противъ его воли приходила въ голову мысль объ отравленіи и убійствѣ. Однако, не смотря на весь ужасъ своего положенія,—ужасъ, не вызвать котораго не могло въ юношѣ сознаніе, что надъ его головой ежечасно виситъ мечъ на самомъ тонкомъ волоскѣ,—Британникъ оставался бодръ и спокоенъ духомъ. Впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ собранія христіанъ, было все еще очень живо въ его памяти. Онъ не могъ забыть того блаженнаго состоянія безмятежнаго спокойствія, какое его душу охватило послѣ всего того, что онъ слышалъ и видѣлъ среди христіанскихъ богомольцевъ, и хотя въ немъ пока не было еще той сознательной покорности передъ волею Того, Кто есть высшее выраженіе милосердія, любви и всепрощенія,—той покорности, въ которой вѣрующій находитъ свою лучшую нравственную бодрость,—тѣмъ не менѣе такое воспоминаніе—это еще слабо имъ сознаваемое пробужденіе къ вѣрѣ въ истиннаго Бога—былъ тотъ единственный источникъ, который порождалъ въ немъ и душевное спокойствіе, и жажду скорѣе познать въ большей полнотѣ истины христіанскаго ученія.

Скоро наступилъ день январьскихъ идъ, праздновавшійся въ Римѣ и какъ посвященный Юпитеру, и какъ годовщина дня, въ который Октавіанъ былъ почтенъ титуломъ Августа. Въ этотъ день рано поутру Помпонія, принявъ всѣ мѣры необходимой предо-

сторожности, увѣдомила Октавію о назначенномъ на этотъ вечеръ собраніи христіанъ, и намекнула, что теперь можетъ быть осуществится наконецъ давнишнее желаніе Британника послушать слово человѣка, бывшаго очевидцемъ земной жизни Христа.

Такимъ образомъ Британникъ, переодѣвшись послѣ ужина въ домѣ Авла Плавтія, за которымъ присутствовала и Октавія, въ платье простаго раба, отправился въ сопровожденіи Флавія Климента и Пуденса по дорогѣ черезъ Велабрумъ и Фабриціевъ мостъ къ довольно отдаленнымъ отъ центра города песочнымъ копямъ, внутри одной изъ которыхъ должны были собраться послѣдователи ученія Христа. Въ собраніе Британникъ и его спутники пришли одними изъ послѣднихъ. Темнота, царившая на днѣ глубокой песчаной копи и лишь кое-гдѣ прерывавшаяся слабымъ мерцаніемъ факела или фонаря нѣкоторыхъ богомольцевъ; глубокая тишина; это усѣянное звѣздами ночное небо высоко надъ головами молившихся; это живо чувствовавшееся здѣсь состояніе напряженнаго ожиданія и благоговѣйно-набожное настроеніе всѣхъ собравшихся,—все это вмѣстѣ придавало картинѣ что-то необычайно торжественное. Но вотъ вступила въ собраніе небольшая группа пресвитеровъ съ Линомъ во главѣ, и глаза всѣхъ съ выраженіемъ восторженнаго благоговѣнія устремились на человѣка уже не молодого, шедшаго рядомъ съ Линомъ.

Онъ былъ въ костюмѣ жителей востока и отличался необыкновеннымъ благородствомъ осанки. Его овальное лицо и тонкія правильныя черты предстовляли настоящій типъ мужской восточной красоты; но всего прекраснѣе были его удивительно кроткія и вдумчивые глаза, въ которыхъ, казалось, свѣтился какой-то внутренній не отъ міра сего огонь, обладавшій даромъ зажигать въ сердцахъ тѣхъ, на кого устремлялся взоръ этого человѣка, такую же беззавѣтную любовь къ Богу и къ ближнему, какою пламенѣло его собственное сердце.

Какъ только онъ подошелъ вмѣстѣ съ Линомъ и другими пресвитерами къ столу, все собраніе, какъ одинъ человѣкъ, встало и пало передъ нимъ ницъ. Но онъ строго сдвинулъ брови приказалъ имъ встать.

— Встаньте, братья и друзья!—сказалъ онъ имъ.—Къ чему такое поклоненіе мнѣ! Не такой же ли я человѣкъ грѣшный и обуреваемый страстями, какъ и вы? Я знаю,, вы считаете такое поклоненіе подобающимъ тому, кто былъ любимымъ ученикомъ Іисуса, какъ бы ни былъ онъ мало достоинъ такого счастія. Но вы не знаете развѣ, что каждый истинно богоугодный между вами человѣкъ стоитъ теперь черезъ ниспосланнаго въ васъ Духа Святаго ближе къ Нему, чѣмъ могли стоять мы въ дни Его земной жизни? Развѣ братъ нашъ во Христѣ, Павелъ, въ своихъ поученіяхъ, не внушалъ вамъ, что тѣла ваши суть храмы Духа Святаго, Который живетъ въ каждомъ изъ васъ, если только вы не развращенны?

Послѣ этихъ словъ апостола пресвитеръ Линъ всталъ и обратился къ собранію со слѣдующими словами:

— Сперва приклонимте колѣни, братья мои во Христѣ, и молитвою возблагодаримъ Господа, ниспославшаго вамъ благодать видѣть и слышать одного изъ учениковъ Сына Его возлюбленнаго, а затѣмъ воспоемъ хвалебный гимнъ во славу Его.

По окончаніи молитвъ и гимна одинъ изъ членовъ собранія, а именно рабъ Пуденса, Нирей, всталъ и не безъ нѣкоторой робости приговорилъ:

— О, Іоаннъ изъ Виѳсаиды, дай намъ послушать теперь изъ устъ твоихъ о томъ чудесномъ воскресеніи изъ мертвыхъ, свидѣтелемъ котораго быть ты удостоился.

И Іоаннъ, вставъ, приступилъ къ тому повѣствованію, которое спустя много лѣтъ увѣковѣчилъ на страницахъ своего евангелія.

Онъ разсказалъ имъ, что возвѣстила ему Марія Магдалина въ это первое пасхальное радостное утро, и какъ, услыхавъ такую вѣсть, онъ побѣжалъ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ ко гробу, не зная еще изъ Писанія, что Ему надлежало воскреснуть изъ мертвыхъ. Разсказалъ о представшихъ Маріи у гроба двухъ ангелахъ, и какъ въ саду явился ей самъ Іисусъ и говорилъ съ нею; какъ въ этотъ же день Онъ явился среди собравшихся десяти учениковъ и съ словами: «миръ вамъ!» показалъ имъ руки и ноги и ребра свои; и какъ, явясь вторично по истеченіи восьми дней среди ихъ, убѣдилъ Ѳому, не повѣрившаго словамъ видѣвшихъ Его, сказавъ ему: «не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ». Наконецъ, онъ разсказалъ, какъ и въ третій разъ явился Іисусъ ученикамъ Своимъ при морѣ Тиверіадскомъ, а равно и о послѣднемъ Его завѣтѣ Симону Петру, а въ заключеніе поправилъ пронесшееся между братіями неправильное толкованіе словъ, сказанныхъ Іисусомъ про него самого,—словъ, ложно понятыхъ какъ обѣщаніе, что онъ не умретъ,—объяснивъ имъ, что Іисусъ не сказалъ, что онъ не умретъ, но: «Если Я хочу, чтобы онъ пребылъ пока пріиду; что тебѣ до того?» [1])

Тутъ Гермасъ, одинъ изъ рабовъ претора Педанія Секунда, всталъ и обратился къ Іоанну съ вопросомъ:

— Что хотѣлъ сказать Христосъ словами: «чтобы онъ пребылъ пока я пріиду?» Когда же надлежитъ наступить дню Его пришествія?

— И мы тоже предлагали Ему этотъ вопросъ передъ Его смертью,—отвѣчалъ Іоаннъ;—и хотя Онъ и говорилъ о различныхъ знаменіяхъ этого времени, однакожъ при этомъ прибавилъ: «О днѣ же томъ и часѣ никто не знаетъ, ни ангелы небесные, а только Отецъ Мой одинъ».

— А теперь нѣтъ развѣ такихъ знаменій, которыя бы указывали на приближеніе этого времени?—спросилъ Линъ.

---

[1]) Еванг. отъ Іоанна. Гл. XXI, 23.

— Много есть такого, по чему можно думать, что пришествіе Господа нашего близко, — проговорилъ Іоаннъ; — и очень часто слышу я внутри себя голосъ, говорящій: «Горе вамъ, живущимъ на землѣ!» Время великаго смятенія, о коемъ говорилъ намъ Учитель, близится; и приближается тотъ день, когда объявится антихристъ, и Господь покажетъ число своихъ избранныхъ.

— О, братъ мой во Христѣ, ночь надвигается, и пора намъ расходиться,—сказалъ тутъ Линъ.—Но ранѣе чѣмъ насъ оставить, скажи намъ слово увѣщанія, наставь и научи, какъ намъ поступать, чтобы спастись отъ козней этого вражьяго поколѣнія.

И апостолъ, воздѣвъ руки къ небу, проговорилъ убѣдительнымъ голосомъ любви и просьбы, причемъ въ кроткомъ взглядѣ его свѣтился огонь священнаго восторга, слѣдующія слова:

«Возлюбленные! Будемъ любить другъ друга... Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ. Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся не совершенъ въ любви» [1]).

Послѣ этого краткаго наставленія апостолъ произнесъ слова благословенія, въ отвѣтъ на которыя въ собраніи шумною волною пронеслось сперва слово Аминь, а вслѣдъ за нимъ и торжественное Маран-аѳа, и спустя нѣсколько минутъ богомольцы начали понемногу расходиться.

Желая остаться незамѣченными, Британникъ и его два спутника рѣшили, прежде чѣмъ уйти, дождаться, чтобы мелькавшіе огоньки факеловъ и фонарей богомольцевъ исчезли изъ вида, и такимъ образомъ оставались въ копи послѣдними вмѣстѣ съ небольшою группою дьяконовъ и пресвитеровъ, окружавшихъ апостола Іоанна. Юноша глубоко былъ потрясенъ какъ словомъ, такъ и взглядомъ любимаго ученика Христа и, не въ силахъ оторвать своего взгляда отъ кроткаго лица апостола, онъ шепнулъ на ухо Пуденсу просьбу не уходить ранѣе, чѣмъ не пройдутъ мимо нихъ апостолъ съ пресвитерами.

Каково же было радостное смятеніе, охватившее его душу, когда Іоаннъ мимоходомъ остановился передъ нимъ и, устремивъ на него свой чудный, кротко-вдумчивый взглядъ и ласково положивъ руку ему на плечо и обращаясь къ нему и стоявшему рядомъ съ нимъ Флавію Клименту:

— Вѣрите ли вы въ Господа Іисуса Христа, дѣти мои?

Смущенные, юноши безмолвствовали; но, наконецъ, Британникъ, преисполненный сладкаго упованія и безграничнаго довѣрія, чистосердечно отвѣтилъ:

— Не знаю, мой отецъ. Все, что я здѣсь слышалъ, кажется мнѣ неземной пѣсней. Слова твои наполнили мое сердце священнымъ трепетомъ; духъ мой окрыленъ ими. Но знаю я еще такъ мало — и такъ чудно и непонятно кажется мнѣ все это.

---

[1]) Перв. посл. ап. Іоанна. Гл. IV.

— Иди съ миромъ, сынъ мой,—сказалъ апостолъ.—Твое простое одѣяніе не скрыло отъ меня, кто ты: я знаю тебя. Но не смущайся: знать этого никто другой не будетъ. Въ твою юную душу запало доброе сѣмя; но произростетъ оно, разцвѣтетъ и принесетъ тебѣ плоды не здѣсь, а въ жизни иной. Не водой только можетъ креститься человѣкъ: есть еще и другое крещеніе—крещеніе кровью. И вотъ тебѣ мой завѣтъ: будь твердъ духомъ, и Онъ умиротворитъ твое сердце. Свое упованіе ты возложи на Господа.

И слегка коснувшись правой рукой головы юноши, онъ благословилъ его.

— А для меня, мой отецъ, развѣ нѣтъ у тебя ни одного слова?—проговорилъ тогда опечаленный Климентъ.

Ласково погладивъ своей лѣвой рукой темнокудрую голову юноши, апостолъ кротко сказалъ ему:

— Тебѣ я повторю слова, сказанныя Господомъ нашимъ Іисусомъ другому: «Истинно говорю тебѣ: когда ты былъ молодъ, то перепоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ; а когда состарѣешься, то прострешь руки твои, и другой перепояшетъ тебя, и поведетъ, куда не хочешь» [1]). Твоя земная жизнь будетъ продолжена, и ты многаго достигнешь. Но сердце твое будетъ тянуть тебя къ Господу, и черезъ много лѣтъ и ты тоже будешь свидѣтельствовать о Немъ. Одинъ изъ васъ не увидитъ меня болѣе. Но да будетъ на обоихъ васъ благословеніе Господа Бога нашего.

И, сказавъ это, апостолъ удалился и скоро въ темнотѣ скрылся изъ глазъ юношей. Но долго еще звучалъ въ ихъ сердцахъ кроткій голосъ, долго еще видѣли они передъ собой этотъ взглядъ, вдохновенный и полный любви.

Храня глубокое молчаніе, спѣшили они втроемъ къ дому Плавтія, гдѣ, въ ожиданіи возвращенія Британника, оставалась Октавія со своею охраною, которая и проводила брата и сестру обратно во дворецъ, гдѣ еще долго послѣ ихъ возвращенія раздавались и хохотъ, и крики пировавшихъ съ императоромъ веселыхъ гостей.

ГЛАВА XXI.

Неронъ сильно былъ раздраженъ неудачею какъ перваго, такъ и второго своего посягательства на жизнь брата; но съ другой стороны такая два раза подъ-рядъ повторившаяся незадача сильно смутила его, показавшись ему чрезвычайно знаменительною. Легкомысленной и пустой, онъ едва ли когда останавливался передъ мыслью о святости закона нравственности; но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко былъ не свободенъ отъ всевозможныхъ

---

[1]). Еванг. отъ Іоанна, Гл. XXI, 28.

суевѣрныхъ понятій. Не придавая никакого серьезнаго значенія вѣрѣ въ боговъ, онъ вѣрилъ болѣе или менѣе слѣпо и безусловно всякимъ примѣтамъ и предзнаменованіямъ, въ виду чего послѣ этихъ двухъ неудавшихся покушеній въ немъ одно время замѣтны были нѣкоторыя колебанія относительно намѣренія совершить это первое свое вопіющее злодѣяніе.

Но долго продолжаться его нерѣшительность не могла. Время быстро приближалось къ пятнадцатой годовщинѣ дня рожденія Британника, и съ злобной завистью, къ которой примѣшивалась доля и затаеннаго страха, замѣчалъ Неронъ, какъ съ каждымъ днемъ мужая и развиваясь, стройный юноша, становился все красивѣе и привлекательнѣе.

Но главнымъ подстрекателемъ Нерона въ этомъ дѣлѣ былъ, какъ и раньше, все тотъ же злой его геній Софоній Тигеллинъ, непрестанно старавшійся внушить императору, жестокому нестолько по своей натурѣ, сколько вслѣдствіе чудовищнаго господства въ немъ порочныхъ наклонностей, какъ необходимо для его безопасности и для спокойствія всей имперіи привести скорѣе въ исполненіе задуманное злодѣяніе.

Незадолго до 7-го февраля, дня празднованія въ тогдашнемъ Римѣ памяти усопшихъ, Неронъ, сидя у себя въ кабинетѣ, составлялъ вмѣстѣ съ Тегиллиномъ планъ пира, имѣющаго быть у него въ этотъ день.

— Въ день февральскихъ идъ цезарю опять предстоитъ устроить у себя второй пиръ,— замѣтилъ какъ бы между прочимъ Тегеллинъ.

— Почему такъ?

— А потому, что въ этотъ день Британнику исполнится пятнадцать лѣтъ, и позволительно предполагать, что въ этотъ день цезарю благоугодно будетъ дозволить ему надѣть togam virilem,

— Постоянно у тебя на языкѣ имя этого несноснаго Британника,—сердито проговорилъ Неронъ;—имя это мнѣ ненавистно, такъ же, какъ и онъ самъ.

— А мнѣ, напротивъ, кажется, будто цезарь очень любитъ его,—возразилъ Тегеллинъ;—да и какъ цезарю не любить человѣка, будущаго его преемника.

— Моего преемника!—не безъ нѣкотораго изумленія повторилъ Неронъ и сильно нахмурился.—Объясни, что ты хочешь этимъ сказать.

— Слова эти были сказаны мной не съ злымъ намѣреніемъ,— смиренно проговорилъ Тигеллинъ,—и да проститъ мнѣ мой императоръ преданность честнаго воина и вѣрнаго друга. Но развѣ и самъ цезарь не замѣчаетъ, какимъ красивымъ, рослымъ малымъ становится Британникъ? Надѣяться чтобы императрица Октавія подарила цезаря наслѣдникомъ престола, едва ли возможно; и такъ, кому же, какъ не Британнику, быть преемникомъ нашего дорогаго императора?

Неронъ всталъ и, видимо волнуясь, началъ ходить взадъ и

впередъ по комнатѣ, что всегда было вѣрнымъ признакомъ поднимавшейся въ немъ бури; а Тегеллинъ, съ умысломъ помолчавъ немного, чтобы дать словамъ своимъ время подѣйствовать должнымъ образомъ, продолжалъ свои внушенія:

— Вдобавокъ и планы Августы, съ которой цезарь въ настоящее время въ столь непріязненныхъ отношеніяхъ довольно ясны, и ихъ цѣль угадать не трудно.

Императоръ начиналъ шагать по комнатѣ съ постепенно все сильнѣе и сильнѣе возраставшимъ неистовствомъ; но Тегеллинъ не унимался, и все продолжалъ разжигать своими словами и намеками пылъ его гнѣва.

— Неужели цезарь можетъ ласкать себя увѣренностью,—говорилъ коварный пройдоха,—что всѣ преторіанцы безусловно преданы ему? Мнѣ самому не разъ приходилось подслушивать ихъ толки, и сужденія о Британникѣ; ужъ первый Пуденсъ, этотъ всеобщій любимецъ преторіанскаго лагеря, обожаетъ Британника и глубоко ему преданъ. А при такихъ условіяхъ развѣ можетъ цезарь быть увѣренъ, что побѣда въ случаѣ междоусобной войны останется за нимъ?

Неронъ все продолжалъ молчать.

— И почему бы цезарю не устранить возможность такой домашней распри? Риму претитъ при одной уже мысли о возможности новыхъ междоусобицъ; и всѣ были бы очень довольны, еслибъ цезарь рѣшился наконецъ устранить съ дороги своего брата. Два раза уже было сдѣлано покушеніе, но ни разу не удалось, къ сожалѣнію...

— Хорошо!—проговорилъ наконецъ Неронъ внѣ себя отъ злобы и страха;—въ день февральскихъ идъ это дѣло будетъ совершено. Пусть сейчасъ же явится къ мнѣ Юлій Полліонъ.

Тигелинъ былъ великій мастеръ ловить благопріятный моментъ а потому не успѣлъ еще гнѣвъ Нерона сколько-нибудь охладиться, какъ въ кабинетъ уже вошелъ Юлій Полліонъ.

— Сію минуту приведи ко мнѣ сюда Локусту,—послѣдовало категорическое приказаніе разгнѣваннаго императора.

Трибунъ поспѣшилъ исполнить данное ему приказаніе, и когда, спустя нѣсколько минутъ, въ кабинетъ Нерона, съ льстивой улыбкой на тонкихъ губахъ, вошла Локуста, сопровождаемая Полліономъ, хитрые зеленые глаза этой злой женщины свѣтились еще большимъ злорадствомъ, чѣмъ обыкновенно.

Но Неронъ встрѣтилъ ее, какъ и трибуна, взрывомъ бѣшенаго гнѣва.

— Вы оба обманули меня!—закричалъ онъ.—Оба вы измѣнники. Принимая всѣ мѣры къ огражденію себя самихъ, вы меня предоставляете самымъ худшимъ опасностямъ. Вѣдь я же повелѣлъ тогда снабдить меня ядомъ вѣрнымъ и смертельнымъ.

— Мы хотѣли по возможности отвратить подозрѣніе въ отравленіи, императоръ,—проговорила шипя Локуста, своимъ змѣинымъ

голосомъ. — Императору, конечно, извѣстенъ Юліановъ законъ противъ убійцъ и отравителей..

Взбѣшенный окончательно такимъ напоминаніемъ, Неронъ вышелъ изъ себя и, какъ мальчишка въ припадкѣ капризнаго своеволія, не постыдился ударить Локусту по лицу.

— Какъ ты смѣешь говорить мнѣ о какихъ бы то ни было законахъ,—горячился онъ;—ужъ не думаешь ли ты, что я ихъ боюсь! Принеси мнѣ яду, да смотри такого, который бы подѣйствовалъ мгновенно, а не то завтра же тебя казнятъ въ силу старыхъ обвинительныхъ приговоровъ противъ тебя.

Локуста инстинктивно отступила отъ Нерона подальше, подаривъ его при этомъ такимъ ядовитымъ взглядомъ, словно желала прежде всего отравить его самаго. Но она знала и съ кѣмъ имѣла дѣло, и какъ щедро будутъ оплачены ея услуги, потому, затаивъ въ себѣ злобу, ограничилась тѣмъ, что робко замѣтила Нерону:

— Британникъ—юноша здоровый и сильный, и такая задача не легкая. Все-таки желаніе цезаря будетъ въ точности исполнено. У меня есть здѣсь, при мнѣ, одинъ ядъ, который, быть можетъ, окажется годнымъ...

— Испытывай его на моихъ же глазахъ на какомъ нибудь животномъ,—сказалъ Неронъ.

— Тогда пусть потрудится трибунъ приказать, чтобы принесли сюда молодаго козленка,—сказала Локуста.

Черезъ нѣсколько времени рабъ притащилъ въ кабинетъ императора молодаго рѣзваго козленка, и Локуста, накапавъ двѣ-три капли яду на ломтикъ хлѣба, смоченный молокомъ, протянула его бѣдному животному. Оно проглотивъ его, очень скоро прекратило свои веселые прыжки и, свалившись съ ногъ, начало корчится въ страшныхъ мукахъ.

— А теперь нужно дать яду время произвѣсти свое окончательное дѣйствіе,—сказала она;—но я увѣрена, что если императору благоугодно будетъ опять призвать меня черезъ часъ, то я найду бѣдняжку ужъ безъ малѣйшихъ признаковъ жизни.

Однако, когда черезъ часъ Локуста вторично явилась по приказанію императора къ нему въ кабинетъ, то увидала, что козленокъ все еще дышалъ, и что Неронъ находился въ новомъ припадкѣ гнѣва.

— Ты, кажется, вздумала надо мной издѣваться, несчастная! — закричалъ онъ. — Прибавь бѣлены, цикуты или другой какой адской дряни въ твое проклятое снадобье. Надо, чтобы оно было сильнѣе.

Прибавивъ еще чего-то въ свое зелье, Локуста опять обратилась къ Полліону съ просьбой велѣть принести ей для опыта какое-нибудь животное. Теперь былъ принесенъ поросенокъ и Локуста, слегка окрапивъ приготовленнымъ ею ядомъ листочекъ латука, ввела такимъ образомъ отраву во внутрь животнаго, которое черезъ нѣсколько минутъ издохло въ страшныхъ спазмахъ и конвульсіяхъ.

— Хорошо!—одобрилъ Неронъ и, швырнувъ мерзкой женщинѣ кошелекъ съ золотомъ, прибавилъ: — Если все случится такъ, какъ я того желаю, ты получишь за свои труды щедрое вознагражденіе. Но помни, что если ты хоть полу-словомъ заикнешься объ этомъ дѣлѣ кому бы то ни было, то немедленно же издохнешь подъ ударами плетей.

Отпустивъ отъ себя Локусту и Полліона, Неронъ сейчасъ же велѣлъ позвать вѣрнаго своего наперсника Тигеллина.

— Я рѣшилъ покончить съ Британникомъ, — объявилъ онъ ему.

— Этимъ только пріобрѣтетъ цезарь полное право на титулъ отца своего отечества, который однажды былъ уже отвергнутъ имъ съ токою безпремѣрною скромностью, — отвѣчалъ лукавый царедворецъ. — Восемьдесять лѣтъ тому назадъ императоръ Августъ получилъ этотъ титулъ въ февральскія ноны; моему же цезарю присудитъ сенатъ его невѣрное вскорѣ послѣ февральскихъ идъ.

— Но какъ мы приведемъ это въ исполненіе? — мрачно спросилъ Неронъ. — Признаюсь тебѣ, такая мѣра, при всей своей необходимости, меня пугаетъ и страшитъ.

— Но чего же боится цезарь?

— Голоса народа; его сила способна пошатнуть и сокрушить власть величайшихъ властителей міра.

— Но какимъ образомъ можетъ узнать народъ?

— Какъ у меня, такъ и у Агриппины и у Британника есть свой praegustator. Если же при этомъ умретъ и этотъ несчастный, то всякій вѣдь пойметъ, въ чемъ тутъ дѣло.

— Но если я не ошибаюсь должность praegusatort'а Британника исполняетъ...

— Вольноотпущенникъ Синеросъ,

— Навѣрное состоящій давно ужъ на жалованьи у императора?

Неронъ мотнулъ утвердительно головой.

— Въ такомъ случаѣ, пусть представитъ цезарь это дѣло мнѣ, — сказалъ Тегеллинъ, — а самъ изгонитъ изъ головы всякія дальнѣйшія заботы на этотъ счетъ. Лишь только я получу его приказаніе дѣйствовать, онъ можетъ смотрѣть на все это, какъ на сдѣланное.

— На этотъ счетъ никакихъ приказаній я на даю, — сказалъ Неронъ; — но вонъ тамъ лежитъ ядъ Локусты.

Поощренная успѣхомъ, какимъ уже дважды увѣнчались ея старанія спасти Британника отъ висѣвшей надъ нимъ опасности, Актэя еще ревностнѣе принялась исполнять то, въ чемъ видѣла свою миссію и способъ нѣсколько заслужить прощеніе Октавіи за свою невольную вину предъ ней, и старалась всячески разузнавать все, что такъ или иначе могло имѣть какое либо отношеніе къ судьбѣ бѣднаго юноши. Такъ и въ этотъ день, подгля-

дѣвъ, что изъ кабинета императора вынесли трупъ мертваго козленка, она скоро узнала черезъ Тигеллина, что Неронъ забавлялся въ это утро опытами надъ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ ядовъ. Такое обстоятельство показалось ей нѣсколько подозрительнымъ, и не теряя ни минуты, вручила она одному изъ своихъ рабовъ монету съ изображеніемъ Британника, приказавъ ему передать ее Онезиму. Онезимъ тотчасъ явился къ ней. Тогда Актэя, узнавъ тѣмъ временемъ, что Тигеллинъ заперся съ кѣмъ-то въ отведенной ему во дворцѣ комнатѣ, которая по счастливой случайности, оказалась рядомъ съ ея помѣщеніемъ, помѣстила фригійца въ комнату, смежную съ комнатой Тигеллина, приказавъ ему приложить ухо къ стѣнѣ и постараться подслушать разговоръ. И, дѣйствительно, Онезиму удалось подслушать кое-какіе отрывки бесѣды, изъ которыхъ юркій фригіецъ заключилъ, что черезъ недѣлю будетъ новое покушеніе на жизнь Британника. Услыхавъ это, Актэя пришла въ ужасъ и приказала Онезиму поспѣшить немедленно къ Титу и, сообщивъ ему все подслушанное, вмѣстѣ съ нимъ приложить всевозможныя старанія, чтобы изобрѣсти какое-нибудь средство уберечь Британника отъ коварныхъ казней его недоброжелателей.

Но, къ сожалѣнію, на этотъ разъ Онезимъ, вслѣдствіе прискорбнаго стеченія нѣсколькихъ обстоятельствъ, вызванныхъ преимущественно его невоздержностью и всегдашней страстью къ развлеченіямъ, былъ поставленъ въ невозможность исполнить приказаніе Актэи. Переведенный изъ дома Пуденса, гдѣ онъ нерѣдко имѣлъ случай видѣться съ дочерью Нирея, Юніей, которая своимъ благотворнымъ вліяніемъ на него, быть можетъ, и могла бы лишній разъ остановить его отъ пагубныхъ увлеченій, въ многочисленную фамилію рабовъ палатинскаго дворца, онъ со свойственной ему безхарактерностью очень скоро всецѣло погрязъ въ разгульномъ образѣ жизни, проводя всѣ свои досужныя часы — а ихъ, къ сожалѣнію, было у него много — въ обществѣ веселыхъ товарищей въ томъ или другомъ изъ притоновъ Субуры за виномъ и азартной игрой, или же въ циркѣ, гдѣ съ восхищеніемъ любовался кровавыми зрѣлищами гладіаторскихъ игръ.

Такого рода образъ жизни и былъ главной причиной, почему Онезимъ какъ разъ въ такое время, когда ему поручено было слѣдить зорко за всѣмъ, завязалъ въ пьяномъ видѣ драку со своими собутыльниками, вскорѣ послѣ которой, возвратясь во дворецъ, попался разбитый, окровавленный и совершенно пьяный на глаза Нерону. Не зная ни его имени, ни кто онъ, разгнѣванный императоръ приказалъ немедленно убрать его и отвести къ главному надсмотрщику надъ дворцовыми рабами Калликлэсу, съ приказаніемъ подвергнуть его строгому наказанію.

Плачевный этотъ инцидентъ былъ деликатно утаенъ отъ Актэи ея рабами, которые любили ее и были ей очень преданы; и такимъ образомъ, пока она полагалась на него, разсчитывая на его юркость и смышленость въ дѣлѣ предупрежденія Тита и Британника о новой опасности, грозившей послѣднему, бѣдный Онезимъ, избитый, больной и пристыженный, закованный въ тяжелыя цѣпи, сидѣлъ въ строгомъ заключеніи съ другими, въ чемъ либо провинившимися цезарскими рабами.

ГЛАВА XXII.

Наступили февральскія иды, а съ ними и пятнадцатая годовщина дня рожденія Британника. Неронъ по этому случаю устроилъ у себя великолѣпный пиръ, отличавшійся необычайною торжественностью и верхомъ царской роскоши. Принять участіе въ блестящемъ празднествѣ приглашены были всѣ важнѣйшіе сенаторы имперіи со своими женами и многіе другіе сановники, представители древнѣйшихъ римскихъ фамилій, многимъ изъ которыхъ суждено было впослѣдствіи облечься въ императорскую порфиру. Большая часть мужчинъ была въ бѣлыхъ тогахъ, изъ-подъ которыхъ лишь у очень немногихъ не выглядывала либо широкая пурпуровая кайма сенаторской туники, или, по меньшей мѣрѣ, узкая пурпуровая полоса, какой обшивалась туника римскихъ всадниковъ. Кромѣ такого различія въ оторочкѣ туники, отличительнымъ знакомъ сенаторскаго достоинства былъ серебряный или слоновой кости полумѣсяцъ на башмакахъ; а всадники, въ отличіе своего званія, имѣли право на ношеніе золотыхъ перстней. Самъ же хозяинъ принималъ на этотъ разъ своихъ гостей въ богатомъ ярко-красномъ плащѣ — paludamentum — отороченномъ взамѣнъ каймы золотыми, вышитыми въ нѣсколько рядовъ звѣздами. На Агриппинѣ была дорогая фіолетоваго цвѣта стола, унизанная сверху до низу рядами крупнаго жемчуга, среди котораго, переливаясь чудными цвѣтами, сверкали яхонты, изумруды и нѣжный опалъ; поверхъ же столы живописными складками была драпирована палла — нѣчто вродѣ женской тоги — такого же фіолетоваго цвѣта. Не менѣе роскошенъ и богатъ былъ нарядъ какъ самой императрицы Октавіи, такъ и многихъ другихъ дамъ.

Вступивъ изъ пріемной залы въ обширный триклиніумъ, гости чуть не остолбенѣли при видѣ волшебной роскоши и великолѣпія какъ самой обстановки триклиніума, такъ и убранства столовъ. Вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ, почти безъ промежутковъ, стояли ряды статуй, изображавшихъ красивыхъ юношей, въ рукахъ которыхъ были золотыя курильницы, наполнявшія воздухъ тонкимъ благоуханіемъ ароматическаго масла. Съ потолка, украшеннаго художественными лѣпными украшеніями и покрытаго густой позолотой, висѣло на золотыхъ цѣпяхъ множество зажженныхъ лампъ, люстръ и канделябръ, которые освѣщали триклиніумъ со всей его обстановкой пріятнымъ мягкимъ свѣтомъ. На столахъ блестѣло золото и серебро приборовъ и драгоцѣнные камни, вдѣ-

ланные въ дорогіе мирринскіе кубки и сосуды. Передъ приборомъ императора красовался великолѣпный подсвѣчникъ массивнаго золота въ видѣ дерева, въ листвѣ котораго было прикрѣплено къ вѣтвямъ, изображая собой золотыя яблоки, множество маленькихъ шарообразныхъ лампочекъ. Высокіе золотые сосуды со снѣгомъ, перемѣшаннымъ съ кусками льда, въ которыхъ холодились вина изъ лучшихъ фалернскихъ и сетинскихъ виноградниковъ, были увиты плющемъ и розами; и даже самый полъ, усѣянный окрашенными сурикомъ тончайшими опилками, и тотъ благоухалъ, распространяя запахъ шафрана и фіалковаго корня. Подъ столами были кучки вербы и златоцвѣта, — растеній, которымъ приписывалось свойство возбуждать въ пирующихъ хорошее настроеніе духа и веселье. Передъ началомъ ужина одинъ изъ гостей, Вителлій, любуясь дорогими винами и лакомыми явствами, какими заставлены были столы въ день этого знаменитаго пира, сказалъ при этомъ:

— Еслибъ, предположимъ, Юпитеръ и Неронъ въ одинъ и тотъ же день пригласили меня къ себѣ на ужинъ, то, право, я, не задумываясь, оказалъ бы предпочтеніе Нерону.

Но прежде, чѣмъ гости приступили къ трапезѣ, въ триклиніумъ былъ внесенъ нѣсколькими отроками, одѣтыми въ бѣлоснѣжную виссонную одежду, ящикъ съ Ларами.[1]) Открывъ кивотъ съ изображеніями этихъ боговъ домашняго очага и помѣстивъ его на столъ, отроки начали обносить вокругъ него чашу съ виномъ и при этомъ трижды возглашали: «Да будутъ къ намъ милостивы боги!»

Британникъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми болѣе юными представителями той или другой родовитой фамиліи, помѣщался за особымъ столомъ, и притомъ не возлежалъ, а сидѣлъ, что со временъ Августа было въ обычаѣ для очень молодыхъ людей. Никакихъ особыхъ подозрѣній относительно предстоящаго пира у юноши въ этотъ день небыло, и въ выраженіи его лица не замѣчалось ни малѣйшей тѣни какой-либо тревоги. Напротивъ, онъ казался сегодня очень веселъ и счастливъ, и въ красивыхъ глазахъ его болѣе чѣмъ когда-либо ясно свѣтилось отраженіе того кроткаго свѣта и того блаженнаго спокойствія, какими съ нѣкотораго времени такъ полна была его душа. Его оживленный веселый разговоръ съ товарищами и сверстниками прерывался часто взрывами веселаго молодаго смѣха, и весь онъ, казалось, преисполненъ былъ какой-то необыкновенно свѣтлой радости — какъ бы блаженствомъ сладкаго воспитанія.

А между тѣмъ пока Британникъ каждымъ своимъ взглядомъ, каждою улыбкой своего кроткаго лица обнаруживалъ, такимъ образомъ, то спокойное и радостное настроеніе духа, какое всегда является вырыженіемъ душевнаго мира, хозяинъ пирасидѣлъ, напротивъ, мрачный и угрюмый. Да и могъ ли этотъ человѣкъ быть

1) Лары (lares) — боги покровители домовъ у древнихъ Римлянъ.

счастливъ? Возлѣ него съ одной стороны возлежала его мать, когда-то такъ страстно любившая его, но теперь преисполненная лишь непримиримой ненависти къ нему и страшнаго озлобленія. Съ другой стороны — его жена — женщина молодая, красивая и добродѣтельная, но равнодушная къ нему и холодная какъ ледъ. Онъ могъ купить продажную любовь безчисленнаго множества женщинъ, но пріобрѣсти за деньги любовь чистую и безкорыстную было выше его власти. На жертвенникѣ его домашнихъ боговъ пылало пламя раздора и вражды, и его собственное сердце непепелилъ огонь такихъ преступныхъ тайнъ, дѣлиться которыми онъ могъ лишь съ худшими и презрѣннѣйшими изъ людей.

Въ числѣ гостей, приглашенныхъ на это празднество, находился и царь Иродъ Агриппа II, недавно прибывшій по одному дѣлу изъ Палестины въ Римъ. Занимать этого гостя, которому было отведено одно изъ наиболѣе почтенныхъ мѣстъ за высокимъ императорскимъ столомъ, Неронъ поручилъ брату Сенеки, Галліону, съ которымъ въ настоящую минуту Агриппа и велъ очень оживленный разговоръ на греческомъ языкѣ, причемъ, въ качествѣ чужеземца, предлагалъ своему собесѣднику много различныхъ вопросовъ относительно собравшагося тутъ общества. Возлежа за ужиномъ рядомъ. оба они, вели изъ осторожности, бесѣду вполголоса.

Чтобы обезпечить тому дѣлу, по которому они прибылъ въ Римъ, болѣе вѣрный успѣхъ, Агриппа не лишнимъ, счелъ воспользоваться этимъ ужиномъ въ палатинскомъ дворцѣ какъ удобнымъ случаемъ ознакомиться нѣсколько покороче съ нѣкоторыми изъ вліятельнѣйшихъ представителей высшаго римскаго общества, въ виду чего и старался теперь въ разговорѣ съ Галліономъ узнать имена, а также и характеръ, и общественное положеніе нѣкоторыхъ гостей.

— Кто эта почетная на видъ матрона? — указывая на Домицію Лепиду, спросилъ Аргиппа, очевидно пораженный ея чудовищно-высокой и очень претенціозной прической.

— Эта — тетка императора, — отвѣчалъ Галліонъ. — Раньше она ни во что, бывало, его не ставила; но какъ только онъ сдѣлался императоромъ, готова, мнѣ кажется, боготворить не только его, но и самую землю, по который онъ ходитъ.

— А вонъ та особа, что не далеко отъ нея, въ зеленой столѣ и съ золотой пудрой на волосахъ?

— То Юнія Силана — по виду самый преданный и самый сердечный другъ Аргиппины, но на дѣлѣ и въ душѣ злѣйшій ея врагъ. Но обрати вниманіе на особу, что возлежитъ рядомъ съ нею, и замѣть, какъ выкрышены искусно ея сѣдые волосы и какъ свѣжъ искуственный румянецъ на ея отвислыхъ щекахъ. Это Элія Кателла. и кто бы повѣрилъ, что эта престарѣлая матрона, которой

немногимъ менѣе восмидесяти лѣтъ, все еще безъ ума любитъ танцовать?

— О, tempora! О, mores! сказалъ бы Цицеронъ, — проговорилъ Агриппа и тотчасъ прибавилъ: — но укажи мнѣ, наконецъ, на добродѣтельную и честную женщину; неужели же ихъ такъ мало здѣсь?

Но безъ лукавой улыбки Галліонъ указалъ на прекрасную Беренику, сестру Агриппы, пріѣхавшую въ Римъ вмѣстѣ съ братомъ, и которая, не смотря на свои двадцать шесть лѣтъ, была все еще очаровательно хороша.

Агриппа слегка покраснѣлъ и прикусилъ языкъ; но Галліонъ, съ свойственной ему тонкой деликатностью, сдѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ смущенія собесѣдника и очень серьезно прибавилъ:

— Есть, несомнѣнно, женщины истинно-добродѣтельныя; но, увы! ихъ немного. Братъ мой, Сенека, тотъ ужъ слишкомъ нелестнаго мнѣнія о всѣхъ женщинахъ вообще, хотя съ его стороны, долженъ я замѣтить, такой пессимистическій взглядъ на нихъ является по меньшей мѣрѣ неблагодарностью. Во-первыхъ, мать наша, Гельвеція, была женщина примѣрнаго поведенія, во всѣхъ отношеніяхъ, а во-вторыхъ, и его собственная жена, Паулина—вонъ та, что возлежитъ съ края—одна изъ тѣхъ рѣдкихъ въ наше время римскихъ матронъ, которыя заслуживаютъ высшую похвалу, какую можно только воздать женщинѣ: «Она сидѣла дома: она пряла шерсть». Впрочемъ, въ наши дни такая похвала устарѣла и перестала быть похвалой.

— Ну, а кромѣ жены твоего брата, развѣ здѣсь нѣтъ еще другихъ добродѣтельныхъ и непорочныхъ женъ.

— Вотъ первая,- сказалъ Галліонъ, почтительно преклоняя голову въ ту сторону, гдѣ возлежала императрица Октавія;—а вотъ и вторая,—прибавилъ онъ, указывая на молодую женщину въ скромной бѣлой столѣ, поверхъ которой была накинута свѣтло-голубая палла. То была Анистія, жена Вера и дочь Рубеллія Плавта, женщина, извѣстная какъ своею набожностью, такъ и своею строгою добродѣтелью.

— А кто тотъ почтенный и красивый старикъ вонъ тамъ, за вторымъ столомъ?

— Къ сожалѣнію, этотъ почтенный и красивый старикъ—имя его Домицій Аферъ—не болѣе какъ красивый и почтенный старый плутъ и негодяй,—сказалъ Галліонъ.—Онъ былъ въ свое время однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ римскихъ ораторовъ; но подлыми доносами опозорилъ себя совсѣмъ и въ конецъ погубилъ свою репутацію, такъ что теперь, когда онъ начинаетъ ораторствовать, всякій сколько-нибудь порядочный человѣкъ спѣшитъ отвернуться отъ него.

— А молодой человѣкъ, что рядомъ съ нимъ?

— Право, я начинаю думать, что ты очень тонкій физіономистъ, царь, и, вѣроятно, желаешь не безъ умысла узнать характеристику лишь самыхъ худшихъ изъ здѣсь присутствующихъ.

Молодой человѣкъ этотъ—Аквилій Регулъ—тоже извѣстный своими гнусными доносами; а вотъ тамъ—немного подальше—другой блестящій ораторъ, Марцеллъ, который ничего такъ горячо не ненавидитъ какъ добродѣтель и правду.

— А теперь, если только тебѣ мое любопытство не наскучило, познакомь меня слегка съ тѣми изъ гостей, что за третьимъ столомъ, гдѣ я начну мои вопросы вонъ съ того краснорожаго толстяка, что глотаетъ съ такой изумительной жадностью всякія разставленныя на столѣ гастрономическія лакомства?

— Это извѣстный Вителлій; впрочемъ, эту извѣстность онъ пріобрѣлъ себѣ исключительно однимъ обжорствомъ. Его отецъ догадался включить въ число своихъ Ларъ золотыя статуи двухъ сильныхъ временщиковъ—вольноотпущенниковъ Нарцисса и Палласа—за такой подвигъ высокой гражданской доблести удостоился чести имѣть свое изображеніе на рострѣ. Тогда сынъ его—другъ нашъ Вителлій—записался, въ угоду Кайю, въ колесничные наѣздники; позднѣе, въ угоду Клавдію, сдѣлался игрокомъ, а теперь снискалъ себѣ милость Нерона своими восторгами передъ его божественнымъ голосомъ. Не большею чистоплотностью отличается его образъ дѣйствій и въ качествѣ частнаго лица и семьянина. Былъ у него сынъ отъ первой жены, Петроніанъ, которому мать, умирая, завѣщала все свое громадное состояніе. Этого сына Вителій отравилъ, заставивъ выпить чашу съ ядомъ, будто бы для него приготовленную, какъ онъ увѣряетъ, самимъ юношею.

— Чѣмъ больше я тебя слушаю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что правъ былъ греческій мудрецъ, утверждавшій, что наибольшій контигентъ рода человѣческаго составляютъ подлецы и негодяи,—проговорилъ вздыхая Агриппа.

— Въ этомъ, несомнѣнно, есть своя доля правды,—согласился Галліонъ;—впрочемъ, иногда, хотя и рѣдко, встрѣчаются, однако, и люди честные—какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ. Возьмемъ, напримѣръ, Бурра—этотъ человѣкъ, безспорно, честенъ въ полномъ значеніи слова; честенъ по своему и Феній Руфъ; но честность его скорѣе отрицательная. Строго-честными взглядами на вещи отличается и Тразэй, хотя въ наши дни даже и ему, хочешь не хочешь, приходится подчасъ притворяться; безусловно честны и правдивы и друзья его Гельвидъ Прискъ, Соранъ, Арулэнъ Рустикъ. Таковъ вонъ и тотъ убѣленный сѣдиной старецъ Луцій Сатурнинъ, которому, по какой-то необъяснимой случайности, удалось, не смотря на его честность и порядочность, дожить до преклоннаго девяносто трехъ-лѣтняго возраста, не извѣдавъ ни прелести ссылки, ни сладости насильственной смерти.

— Еще одинъ и послѣдній вопросъ,—сказалъ Агриппа,—скажи, кто тотъ мужъ, съ которымъ такъ горячо о чемъ-то бесѣдуетъ Домицій Аферъ?

— Имя этого не лишеннаго гражданской доблести мужа—Фабрицій Вэйентъ; вотъ онъ-то и есть настоящій авторъ «Codicilli»—

этаго сборника болѣе или менѣе удачныхъ и злыхъ пасквилей на нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ и...

Но тутъ рѣчь Галліона круто оборвалась, прерванная раздирающимъ крикомъ, пронесшимся вдругъ съ одного конца триклиніума до другого.

Гости вздрогнули, точно надъ головами ихъ неожиданно разразился ударъ грома.

Что же такое случилось?

Британникъ, какъ мы уже сказали, былъ въ этотъ день совершенно спокоенъ за свою жизнь, такъ какъ былъ въ полной увѣренности, что Неронъ никогда не рѣшится учинить покушеніе на его жизнь у себя на пиру, среди многолюднаго собранія гостей. Кромѣ того на этомъ пиру безотлучно находился при немъ его praegustator, обстоятельство, казавшееся ему уже само по себѣ достаточнымъ ручательствомъ безопасности, такъ какъ двѣ одновременныя смерти непремѣнно должны были бы возбудить подозрѣніе относительно ихъ причины и привести такимъ образомъ къ обнаруженію совершившагося преступленія.

А между тѣмъ именно эти два обстоятельства и показались хитрому Тигеллину болѣе всего способнымъ отвратить всякія подозрѣнія отъ Нерона, въ виду этого онъ и рѣшилъ, что привести въ исполненіе змдуманное злодѣяніе всего удобней будетъ во время пира.

Уговорить грека Синероса, человѣка, давно уже утратившаго честь и совѣсть и давно извѣстнаго своею постоянною готовностью изъ-за денегъ пойти на любое преступленіе, было для Тигеллина не трудно. И вотъ за ужиномъ Синеросъ, наливъ въ кубокъ фалернскаго вина пополамъ съ водой и отвѣдавъ отъ него подалъ его Британнику. Но вино было умышленно разбавлено горячей водой до такой степени, что Британникъ, отхлебнувъ немножко, былъ принужденъ возвратить кубокъ Синеросу съ приказаніемъ прибавить въ него холодной воды. Синеросъ исполнилъ приказаніе; но влилъ холодную воду изъ особаго небольшаго сосуда, въ которомъ къ водѣ заранѣе былъ примѣшанъ тотъ смертельный ядъ, который Локуста дала Нерону.

Принявъ вторично изъ рукъ Синероса кубокъ, Брнтанникъ очень спокойно поднесъ его къ губамъ и, отпивъ изъ него больше половины, поставилъ на столъ. Не болѣе какъ черезъ какихъ-нибудь двѣ-три минуты кубокъ со стола взялъ Титъ и уже началъ было пить, какъ вдругъ, съ удивленіемъ взглянувъ на друга, который съ дико-блуждавшимъ взглядомъ схватилъ порывисто его въ эту минуту за руку, испустилъ тотъ страшный крикъ, что привелъ въ такое смятеніе всѣхъ трехъ сотъ гостей, и, выронивъ мирринскій сосудъ изъ рукъ, разбилъ его въ дребезги о мраморный съ мозаикой полъ.

Между тѣмъ гости, нѣсколько придя въ себя отъ перваго испуга и устремивъ взоръ въ ту сторону, гдѣ за особымъ столомъ помѣщался Британникъ со своими товарищами и сверстни-

ками, съ ужасомъ увидали, что сынъ Клавдія, поддерживаемый Климентомъ, лежитъ блѣдный и съ искаженнымъ отъ боли лицомъ въ припадкѣ страшныхъ конвульсій. При видѣ этого очень многіе изъ гостей, повскочивъ со своихъ ложъ, начали поскорѣе убѣгать кто куда, и вскорѣ въ триклиніумѣ остались лишь тѣ изъ нихъ, которые были ближе знакомы съ тайнами придворной жизни римскихъ цезарей; но даже и эти, очевидно напуганные такимъ инцидентомъ, впеpивъ боязливый взглядъ въ Нерона, стояли неподвижно, словно мраморныя статуи.

Что же до Нерона, то можно сказать, что въ эту минуту, оставаясь на высотѣ своего положенія, онъ дѣйствительно художественно разъигралъ роль закоснѣлаго злодѣя, выказавъ такое невозмутимое хладнокровіе, какое едва ли можно было ожидать въ такомъ юномъ убійцѣ.

Правда, онъ былъ очень близорукъ; но вѣдь такое обстоятельство не могло помѣшать ему сразу догадаться, что именно случилось. Тѣмъ не менѣе, онъ приставилъ къ глазу свой изумрудный монокль и, слегка приставъ, упираясь локтемъ въ подушки, протянулъ небрежно среди гробоваго молчанія:

— А-га! я понимаю теперь въ чемъ тутъ дѣло. Братъ мой, Британникъ, съ дѣтства подверженъ — бѣдный мальчикъ—этимъ эпилептическимъ припадкамъ. Но это вѣдь не опасно: припадокъ скоро пройдетъ, и тогда онъ очнется. А потому не волнуйтесь, друзья мои, и продолжайте пировать. Пусть не прерываетъ это маленькое приключеніе нашего веселаго ужина.

Не вѣря своимъ ушамъ, Агриппина слушала Нерона, какъ громомъ пораженная его наглою ложью. Она знала, какъ знали и очень многіе изъ гостей, что никакими эпилептическими припадками никогда отъ роду Британникъ не страдалъ. Дѣло было очевидно и несомнѣнно: Неронъ отравилъ брата. О, боги тартара!— въ душѣ ужасалась несчастная мать;—возможно ли, чтобы этотъ, еще не вышедшій изъ юношескихъ лѣтъ сынъ ея, котораго, казалось ей, она еще вчера невиннымъ розовымъ младенцемъ такъ горячо цѣловала и миловала, рѣшился совершить такое страшное злодѣяніе? И паническій страхъ передъ юнымъ извергомъ охватилъ съ ногъ до головы неустрашимую и гордую Агриппину. Она вся дрожала и должна была призвать на помощь всю силу своей крѣпкой воли, чтобы не упасть отъ нравственнаго потрясенія. Лицо ея то покрывалось смертельной блѣдностью, то на немъ выступали багровыя пятна, и тѣ, которые не безъ умысла такъ зорко наблюдали за ней, не могли не замѣтить, до чего была она взволнована и какъ дрожала ея рука, когда, схвативъ со стола кубокъ съ виномъ, она его поднесла къ губамъ.

— По меньшей мѣрѣ въ этомъ дѣлѣ она такъ же мало виновна, какъ сама Октавія,—шепотомъ замѣтилъ Сенека на ухо Бурру.— Но, боги милостивые! гдѣ же будетъ этому конецъ?

Октавія въ первую минуту, казалось, онѣмѣла отъ ужаса: широко раскрывъ глаза, она вперила полубезумный неподвижный

взглядъ на брата и долго, безъ словъ, безъ слезъ и безъ рыданій вглядывалась, не мигая, въ его помертвѣлое лицо. Но, наконецъ, изъ груди ея, измученной и больной, вырвался слабый, чуть слышный стонъ, и, закативъ глаза и опрокинувъ голову, она безсильно упала на подушку своего ложа, гдѣ теперь лежала, ничего не видя, ничего не слыша и не сознавая ничего, что дѣлалось вокругъ нея.

А между тѣмъ Неронъ не желалъ, очевидно, прерывать своего пира. Но была ли возможность вернуть нарушенное веселье? Стереотипная улыбка на лицѣ Сенеки походила въ эту минуту не столько на улыбку, сколько на какую-то гримасу тупаго, боязливаго отчаянія. Лицо Тразея омрачилось и было чернѣе громовой тучи. Климентъ, склонивъ уныло голову и опустивъ руки, сидѣлъ за столомъ и громко всхлипывалъ заодно съ нѣкоторыми другими сверстниками Британника; а Титъ, который уже начиналъ чувствовать нѣкоторые симптомы дѣйствія яда, къ счастью, проглоченнаго имъ лишь въ самомъ незначительномъ количествѣ, положивъ обѣ руки на столъ и опустивъ на нихъ голову, безутѣшно рыдалъ.

Такимъ образомъ, Неронъ послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ оживить свой пиръ и развеселить гостей, вынужденъ былъ отпустить ихъ, что онъ и сдѣлалъ, замѣтивъ имъ, что хотя припадокъ падучей болѣзни вообще и считается дурнымъ предзнаменованіемъ, все-таки онъ вполнѣ увѣренъ, что возлюбленному его брату очень скоро будетъ лучше: но видя, какъ глубоко огорчены его друзья, онъ не желаетъ стѣснять ихъ... И гости, собравшіеся въ радости, разошлись въ унынiи и глубокомъ смятенiи.

Глава XXIII.

Дѣйствіе яда было мгновенно, хотя жизнь въ продолженіи нѣкотораго времени еще и боролась со смертью въ молодомъ организмѣ юноши. Перенесенный изъ триклиніума императора въ свою собственную опочивальню, онъ лежалъ, порою вздрагивая, въ полусознательномъ состояніи, и грудь его высоко вздымало неровное дыханіе. Пробравшись украдкой въ опочивальню молодого принца, Актэя стояла на колѣняхъ возлѣ его изголовья и горько плакала, дѣлая всевозможныя усилія вернуть его къ жизни или, по меньшей мѣрѣ, облегчить его страданія. Она терла ему ладони, стараясь въ своихъ рукахъ согрѣть холодѣвшія его руки; смачивая его пылавшую голову холодной водой. Но—увы!—поздно уже было надѣяться остановить быстро угасавшую жизнь; Британникъ ея не узналъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ опочивальню, урвавшись съ пира, прибѣжалъ весь въ слезахъ Титъ и засталъ подлѣ Британника Эпиктета, который, склонивъ голову къ ногамъ молодого принца, безутѣшно плакалъ. «Онъ еще живъ»,—поднявъ голову, проговорилъ сквозь слезы отрокъ, отвѣчая на нѣмой во-

просъ Тита. Сѣвъ возлѣ друга, Титъ схватилъ его за руку и началъ громко звать его по имени, и только слабое, чуть замѣтное пожатіе руки умирающаго показывало, что сознаніе вернулось и онъ узналъ товарища. А между тѣмъ одинъ изъ тѣхъ рабовъ Британника, которые втайнѣ исповѣдали ученіе Христа, успѣлъ тайкомъ провести въ опочивальню сына Клавдія старшаго пресвитера римскихъ христіанъ Лина, и Линъ, наклонясь надъ юношей, окропилъ его чело водой, послѣ чего, воздѣвъ глаза къ небу, благословилъ его крестомъ и прочелъ надъ нимъ краткую молитву. Никто изъ присутствовавшихъ не понялъ значинія ни этой воды, ни словъ пресвитера; понялъ лишь одинъ Британникъ, и свѣтлая улыбка, какъ послѣдній отблескъ солнечнаго заката, на мгновеніе озарилъ его страдальческое лицо: онъ сознавалъ, что вода Св. Крещенія пріобщила его къ Христовой церкви.

Но то былъ и послѣдній проблескъ сознанія умиравшаго, и когда Октавія, тотчасъ же послѣ ужина и еще въ томъ самомъ богатомъ нарядѣ, въ какомъ была на пиру, кинулась было къ брату въ опочивальню, она уже не застала его въ живыхъ. Все было кончено: передъ покойникомъ уже дымился ѳиміамъ и траурный кипарисъ передъ входомъ въ палатинскія пропилеи уже возвѣщалъ, что домъ цезаря посѣтила смерть. Холодный и блѣдный, юноша покоился на своемъ ложѣ съ неподвижностью изваянной изъ мрамора статуи. Какъ безумная, бросилась Октавія къ трупу брата и, сорвавъ съ себя цвѣты и другія украшенія, крѣпко обняла его, приникнувъ головой къ быстро холодѣвшей его груди, и, заливаясь слезами, безутѣшно рыдала, рыдала безъ конца. Мать, отецъ, ея первая любовь — юный благородный Силанъ—а теперь и онъ, этотъ обожаемый братъ, этотъ послѣдній потомокъ мужескаго пола древняго рода Клавдіевъ, — словомъ, всѣ кому она когда-либо была мила и дорога, всѣ ушли, покинувъ ее одну въ ея кругломъ сиротствѣ!

Погребальный обрядъ по велѣнію цезаря долженъ былъ совершиться въ ту же ночь, и такая поспѣшность, а также и упущеніе нѣкоторыхъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ обрядностей, не могли не показаться многимъ въ высшей степени подозрительными.

Одѣтое въ роскошное платье и съ обычнымъ оболомъ для Харона во рту подъ языкомъ, тѣло усопшаго было перенесено на носилкахъ изъ опочивальни въ атріумъ, [1]) гдѣ его поставили ногами къ выходу. Вскорѣ пришелъ сюда Титъ съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ лилій, который возложилъ на голову усопшему другу и, съ трудомъ проговоривъ сквозь слезы и рыданія: «Прощай, прощай на вѣки!», покинулъ атріумъ, склонивъ печально голову на грудь.

Лишь на одну короткую минуту рѣшился Неронъ придти взглянуть на дѣло своихъ рукъ. Онъ явился въ атріумъ къ тѣлу по-

[1]) Центральная комната—мѣсто домашняго очага, гдѣ собирались всѣ члены семьи. *Прим. перев.*

койнаго брата въ своемъ ярко-красномъ плащѣ съ золотыми звѣздами на бордюрѣ, съ глазами, опухшими отъ чрезмѣрныхъ возліяній, со сбитымъ на сторону вѣнкомъ изъ розъ на растрепанной головѣ и въ сопровожденіи неизмѣнныхъ своихъ друзей Тигеллина и Сенеція.

— Онъ скончался, вѣроятно, въ припадкѣ, въ безсознательномъ состояніи,—не то вопросительно, не то утвердительно проговорилъ онъ, мимоходомъ взглянувъ на одного изъ бывшихъ здѣсь рабовъ.

— Жизнь покинула принца черезъ часъ послѣ того, какъ его унесли съ пира,—доложилъ рабъ.

Однако, при первомъ же взглядѣ на покойника Неронъ видимо встревожился, чѣмъ- то обезпокоенный и смущенный и, украдкой указывая на лицо Британника, что-то вполголоса замѣтилъ Тигеллину:

— Пустяки: только помазать мѣломъ и все будетъ приведено въ надлежащій видъ,—поспѣшилъ успокоить императора Тигеллинъ и тутъ же на ухо шепотомъ отдалъ одному изъ довѣренныхъ своихъ рабовъ какое-то приказаніе, послѣ чего, обратясь къ находившимся при покойникѣ, объявилъ громко:—Удалитесь: императору угодно проститься съ братомъ безъ постороннихъ свидѣтелей.

Рабъ Тигеллина поспѣшилъ принести кусокъ мѣла и Неронъ этимъ мѣломъ собственноручно забѣлилъ уже успѣвшія показаться на лицѣ усопшаго синебагровыя пятна, свидѣтельствовавшія о ядовитости данной ему отравы.

— Зачѣмъ цезарю напрасно разстраивать себя долгимъ пребываніемъ въ мѣстѣ, омраченномъ присутствіемъ мертвеца, — съ притворнымъ участіемъ замѣтилъ Сенецій;—лучше ему вернуться обратно въ свой триклиніумъ, и тамъ дозволитъ намъ утопить наше горе въ новыхъ возліяніяхъ богу Бахусу.

Неронъ удалился; но не успѣлъ еще онъ выйти со своею компаніей за дверь, какъ въ атріумѣ среди мертвой тишины уже раздался гулъ хохота и чьихъ-то насмѣшливыхъ голосовъ.

Носильщики уже были готовы поднять носилки, чтобы двинуться съ ними къ мѣсту погребенія, когда въ атріумъ, для послѣдняго прощанія съ усопшимъ, пришла Агриппина. Непритворно искренно было въ ту минуту горе этой властолюбивой женщины; но это горе имѣло чисто эгоистичный характеръ. Плача надъ трупомъ такъ жестоко обиженнаго ею Британника, она плакала не столько объ немъ, сколько объ утратѣ—сопряженной для нея съ его смертью—своей послѣдней надежды обуздать Нерона и вновь захватить въ свои руки власть, а отчасти плакала и вслѣдствіе невольно возникшихъ въ ней въ виду такого злодѣянія новыхъ опасеній за свою собственную жизнь, съ невыразимою горечью сознавая, что въ своемъ безпристрастіи боги уже готовятъ и для нея ту же отравленную чашу.

Похоронный обрядъ надъ сыномъ императора Клавдія, исполненный не только съ позорной торопливостью, но и съ не менѣе позорной скудостью, отличался полнымъ отсутствіемъ всѣхъ тѣхъ принадлежностей пышной погребальной процессіи, какими сопровождались обыкновенно похороны не только членовъ императорской семьи, но и всякаго сколько-нибудь знатнаго и богатаго римлянина. Не было ни глашатаевъ, ни флейтщиковъ, ни трубачей; не было ни ликторовъ въ траурномъ облаченіи, ни наемныхъ женщинъ-плакальщицъ—praeficae; ни похоронныхъ пѣсенъ—nenia—по усопшемъ. Но за то, съ другой стороны къ счастію, отсутствовали и обычные при торжественныхъ похоронныхъ процессіяхъ и маски предковъ, и буфоны, и архимиды.

Согласно обычаю римлянъ того времени, покойника понесли къ мѣсту погребенія на носилкахъ и съ непокрытой головой. Ночь была бурная и ненастная, дождь лилъ какъ изъ ведра, и скоро тѣ немногіе, провожавшіе бренные останки Британника до костра, не могли не замѣтить при свѣтѣ своихъ фонарей тѣхъ пятенъ, которыя, смытыя дождемъ отъ покрывавшаго ихъ мѣла, чернѣли на блѣдномъ лицѣ юноши, и, замѣтивъ ихъ, они молча указывали на нихъ другъ другу...

Послѣ нѣкоторыхъ, на-скоро исполненныхъ, обрядовъ, тѣло было положено на невысокій костеръ. При этомъ присутствовали друзья покойнаго Юлій Денсъ, Титъ, Флавій, Климентъ и Пуденсъ. Неронъ не счелъ нужнымъ похороны брата почтить своимъ присутствіемъ. Отвернувъ лицо, Пуденсъ поднесъ факелъ къ костру. Но дрова отъ дождя были мокрые, и долго костеръ не загорался. Тогда его полили смолой и масломъ, и постепенно яркое пламя охватило костеръ. Когда дрова вмѣстѣ съ трупомъ сгорѣли до тла, пепелъ былъ собранъ и, по обычаю, залитъ виномъ; и эта небольшая горсть бѣлой золы въ серебряной урнѣ, вмѣстѣ съ грустнымъ воспоминаніемъ, сохранившимся въ тѣхъ многихъ сердцахъ, которыя любили его, представляла все, что осталось на землѣ отъ предательски отравленнаго сына римскаго императора.

Но, когда отдававшіе послѣдній долгъ праху Британника удалились съ мѣста сожженія трупа, изъ окрестныхъ рощъ, осторожно оглядываясь, вышли люди, которые, подойдя къ тому мѣсту, гдѣ только что пылалъ костеръ, преклонили набожно колѣни и, сотворивъ горячую молитву, вполголоса пропѣли заупокойный стихъ. Въ числѣ этихъ людей былъ и тотъ, чья рука съ благословеніемъ коснулась головы юноши и чье пророческое слово предсказало ему ожидавшую его судьбу.

Какъ для Помпоніи Грецины и ея мужа, такъ и для Тита, Пуденса и Клавдіи, Епиктета и, можетъ быть, для двухъ-трехъ преданныхъ рабовъ, послѣ смерти Британика въ мірѣ стало одной чистой и доброй душой меньше. Но гдѣ имѣются тѣ слова, которыя могли бы изобразить ту безразсвѣтную тьму, тотъ мертвящій холодъ и ту пустоту, которые внесла въ сердце одинокой и забытой Октавіи смерть горячо любимаго брата—ея единственнаго друга на землѣ; и еслибъ не утѣшенія Помпоніи и рабы-христі-

анки Трифэны, то врядъ ли бѣдная женщина нашла бы въ себѣ настолько нравственныхъ силъ, чтобы пережить такое страшное горе. Но Помпонія не покидала императрицы, непрестанно стараясь вдохнуть въ нее ту бодрость, какую дать человѣку можетъ лишь твердая вѣра во всеобъемлющую любовь Незримаго. Такъ, получивъ вскорѣ послѣ Британника письмо изъ Эфеса, въ которомъ писавшій къ ней другъ передавалъ ей слова проповѣдывавшаго въ то время въ Ефесѣ апостола Павла, Помпонія поспѣшила съ этимъ письмомъ къ Октавіи. Дѣйствіе этого письма на удрученную тяжелой скорбью императрицу, было благотворно и въ особенности отрадными показались ей слѣдующія, глубоко запавшія въ ея измученную душу утѣшительныя слова апостола: «Сѣется въ тлѣніи; возстаетъ въ нетлѣніи; сѣется въ уничтоженіи, возстаетъ въ славѣ; сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ, сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное» *).

Глава XXIV.

Пораженные трагизмомъ внезапной и быстрой кончины юнаго Британника во время пира отъ руки и на глазахъ непримиримаго врага, очень многіе искренне сожалѣли юношу, такъ преждевременно угасшаго на зарѣ жизни; но было очень мало такихъ, которые были бы въ состояніи среди того языческаго міра понять ту великую истину, что въ жалости нуждался не тотъ юноша, который разстался съ этой жизнью, а тотъ, кѣмъ такъ безжалостно была пресѣчена эта молодая жизнь—его убійца.

Въ продолженіе первыхъ двухъ-трехъ дней Неронъ, казалось, былъ отчасти какъ бы будто встревоженъ тѣмъ, что было имъ совершенно; или, по крайней мѣрѣ, онъ боялся какъ бы тѣнь убитаго имъ Британника, преслѣдуя его, не лишила его спокойствія. Вотъ отчего онъ очень старательно избѣгалъ смотрѣть на Октавію и каждый разъ при случайной встрѣчѣ съ нею спѣшилъ отвернуться; видимо трусилъ оставаться въ комнатѣ одинъ, вздрагивалъ и начиналъ трепетать при малѣйшемъ неожиданномъ шорохѣ. Но не въ этомъ его страхѣ должна была сказаться карающая для него рука Всевышняго Правосудія. Приговоръ надъ нимъ уже былъ произнесенъ; но казнь пока отсрочена. Страшнѣйшее же возмездіе за совершенное однажды злодѣяніе заключалось въ предоставленной ему возможности безпрепятственно совершать одно за другимъ цѣлый рядъ злыхъ преступныхъ дѣлъ справедливо заслужившихъ ему передъ безпристрастнымъ судомъ исторіи названіе «омерзенія и позора рода человѣческаго.»

*) Перв. посл. къ коринѳянамъ ап. Павла. Гл. XV, 42 43, 44.

Впрочемъ, такому быстрому развитію ожесточенія въ юношѣ, какъ и его закоснѣлости въ порокахъ въ значительный мѣрѣ способствовали и малодушное потворство, и низкая лесть ближайшихъ совѣтниковъ его и руководителей.

О смерти Британника надлежало объявить сенату, и Нерону при этомъ пришлось пролить двѣ три крокодиловы слезы. Въ рѣчи императора слышалась рука опытнаго стилиста, и никто изъ слышавшихъ ее не сомнѣвался, что былъ Сенека настоящимъ авторомъ краснорѣчиваго паѳоса съ какимъ Неронъ объяснилъ передъ отцами-сенаторами, что поспѣшность погребенія незабвеннаго брата, Британника, была вызвана исключительно только добрымъ желаніемъ по священному обычаю предковъ, сколько возможно сократить глубокую скорбь народа по случаю такой тяжелой и неожиданной утраты.

— Не менѣе тяжела и прискорбна и для меня такая потеря,— продолжалъ ораторствовать Неронъ, повторяя на память заученную рѣчь: — я лишился единственнаго брата и вѣрнаго, надежнаго помощника. Съ сего времени я возлагаю всѣ мои надежды на васъ, отцы-сенаторы, и на ваши мудрые совѣты, увѣренный, что только въ вашей преданности и въ любви ко мнѣ народа найду я вѣрнѣйшую и лучшую мою опору.

Британникъ оставилъ послѣ себя довольно значительное состояніе, заключавшееся въ деньгахъ, домахъ и нѣсколькихъ богатыхъ виллахъ, унаслѣдованныхъ имъ отъ отца и матери. Всѣ эти дома и виллы Неронъ, тогда еще не успѣвшій въ конецъ истощить своими колоссальными затѣями и безумными фантазіями богатства, считавшагося не безъ основанія неисчерпаемымъ, поспѣшилъ раздарить нѣкоторымъ наиболѣе вліятельнымъ сановникамъ; въ томъ числѣ и Сенекѣ подарилъ онъ богатую виллу, а Бурру домъ въ самомъ Римѣ. Императоръ, очевидно, предпологалъ этими щедрыми дарами наложить нѣкоторымъ образомъ молчаніе на нихъ, и Бурръ, равно какъ и Сенека, принимая эти дары, были со своей стороны порядочно смущены опасеніями, ужъ не куплены ли они цѣною невинной крови. Но особенно сильно былъ смущенъ богатымъ подаркомъ Нерона Сенека: этотъ философъ зналъ, какого рода были слухи, не со вчерашняго дня ходившіе втихомолку какъ о немъ самомъ, такъ и о его алчности, и при этомъ вполнѣ сознавалъ, что ему, не разъ писавшему въ качествѣ стоика громкія фразы въ прославленіе гражданскаго мужества и простоты нравовъ, менѣе чѣмъ кому-либо было къ лицу такъ малодушно поддаваться искушеніямъ корыстолюбія и принимать даръ, который какъ бы дѣлалъ его до нѣкоторой степени причастнымъ дѣлу отравленія Британника.

Нельзя, однакожъ, сказать, что вѣсть о смерти Британника— отравленнаго, о чемъ болѣе или менѣе догадывались всѣ, братомъ — вообще произвела особенно удручающее и горестное впечатлѣніе на значительную часть римскаго общества. Преданія и воспоминанія о тѣхъ ужасахъ, какими сопровождались прежнія

римскія междоусобныя войны, были еще свѣжи въ памяти многихъ, и эти многіе, зная, какъ рѣдко уживаются въ мирѣ и согласіи принцы-соперники, скорѣе даже обрадовались поступку, такъ удачно разсѣявшему тотъ страшный кошмаръ внутреннихъ смутъ и безурядицъ, какія предусматривались ими въ недалекомъ будущемъ.

Ударъ, поразившій Британника, былъ въ тоже время если не прямымъ, то, по крайней мѣрѣ, косвеннымъ пораженіемъ и всѣхъ властолюбивыхъ мечтаній Агриппины, и бурное клокотаніе темныхъ необузданныхъ силъ, поднятое убійствомъ пасынка, не скоро прекратилось въ мятежной и надменной душѣ этой женщины. Октавія, та уже знала въ настоящее время, гдѣ ей было искать тотъ источникъ утѣшенія своей скорби, въ которомъ могла она надѣяться найти утоленіе печали и душевный миръ. Но не такъ было съ Агриппиной, и Неронъ напрасно разчитывалъ задобрить свою мать и купить ея молчаніе богатыми приношеніями. Дары сына съ обиднымъ презрѣніемъ холодно были отвергнуты неукротимой Агриппиной, не хотѣвшей примириться съ мыслію, что и для нея наступаетъ минута сознаться въ полномъ пораженіи и побѣдѣ надъ собою — кого же? — презрѣннаго, малодушнаго труса, мальчишки, на котораго она такъ неосторожно возлагала всѣ свои честолюбивыя надежды.

Нѣтъ, безъ борьбы, безъ отчаянной борьбы не откажется она отъ надежды снова захватить въ свои руки власть — эту цѣль, къ которой всю свою жизнь стремилась и которую сама своими собственными руками такъ безумно и опрометчиво пошатнула. Въ ея распоряженіи были неисчерпаемыя богатства; у нея были друзья какъ въ войскѣ, такъ и среди римской аристократіи. Октавія, такъ явно пренебрегаемая мужемъ, могла бы сдѣлаться въ ея рукахъ прекраснымъ рычагомъ ея политическихъ замысловъ, и вскорѣ Агриппина начала проявлять къ молодой императрицѣ небывалую нѣжность, осыпая ее вниманіемъ и ласками и стараясь всевозможно утѣшить ее; начала привѣтливѣе и ласковѣе чѣмъ когда-либо улыбаться каждому трибуну и центуріону преторіанской гвардіи и явно заискивать расположенія нѣкоторыхъ старыхъ аристократическихъ фамилій.

Но всѣ ея усилія и попытки вернуть утраченный авторитетъ должны были потерпѣть крушеніе, разбиваясь, будто пѣна морская, о твердыя скалы Неронова самодержавія и злобную беззастѣнчивость его любимцевъ и друзей. Подстрекаемый Отономъ и Тигеллиномъ, Неронъ наносилъ гордости и достоинству своей матери ударъ за ударомъ, лишая ее одного за другимъ тѣхъ знаковъ почета, какими она пользовалась до сего времени и какъ вдова одного цезаря и какъ мать другого. Такъ однажды Агриппина замѣтила отсутствіе постоянно сопровождавшихъ ея носилки двухъ ликторовъ, и въ отвѣтъ на свой вопросъ о причинѣ такого отсутствія услыхала, что должность такихъ ликторовъ, въ силу приказа императора, упразднена. Вскорѣ отняли у нея почетную

стражу изъ римскихъ легіонаріевъ и германскихъ наемниковъ, до сихъ поръ всегда стоявшую у входа въ ея апартаменты; а, наконецъ, въ заключеніе, она получила отъ Нерона приказаніе немедленно покинуть дворецъ и переселиться въ домъ своей бабушки, Антоніи. Трудно передать тѣ чувства, какія бушевали въ озлобленной душѣ Агриппины, когда по волѣ родного сына она, какъ изгнанница, покидала роскошныя палаты римскихъ цезарей — эти нѣмыя свидѣтельницы ея величія и позора, чтобы зажить, переселясь въ скромный частный домъ, жизнью простого частнаго лица. Слезъ у нея не было: сердце ея окаменѣло въ злобномъ отчаяніи: она черезъ-чуръ хорошо понимала, что отнынѣ изчезаетъ для нея навсегда всякая надежда возстановить свое владычество надъ сердцемъ сына.

Съ этихъ поръ Неронъ лишь очень рѣдко посѣщалъ свою мать; но, даже и тогда, онъ являлся къ ней скорѣе въ качествѣ оффиціальнаго лица, нежели сына, — всегда окруженный толпой центуріоновъ и многочисленной свитой, и, послѣ короткаго холоднаго свиданія, едва обмѣнявшись натянутымъ привѣтствіемъ, всегда очень спѣшилъ удалиться.

Теперь Агриппинѣ пришлось въ свою очередь испытать измѣнчивость земного счастья и убѣдиться, что многоцвѣтный мыльный пузырь, за которымъ она такъ страстно всю жизнь свою гонялась, лопнулъ и погибъ для нея безвозвратно. Никогда еще не чувствовала она такъ живо всей глубины своего несчастья. Гнѣвъ сына черной тѣнью легъ на все ея существованіе и, отнявъ у нея все, что было ей дорого, далъ ей понять, что она, въ чью честь выбивались монеты и медали, отъ имени которой издавались декреты и эдикты, подъ чьимъ покровительствомъ основывались богатыя колоніи, чье благосклонное расположеніе заискивали цари и правители, — вдругъ стала никѣмъ и ничѣмъ. Даже и такое ничтожество, какъ какая-нибудь Кальвія Криспинилла, и та имѣла больше вѣса и вліянія, чѣмъ какія остались у нея. Дѣйствительно, домъ Антоніи, съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался мѣстожительствомъ опальной вдовствующей императрицы, очень тщательно и явно обѣгался всѣми тѣми, кто желалъ сохранить или заслужить милость императора. Никто не посѣщалъ Агриппину, ни въ комъ не видѣла она ни соболѣзнованія, ни желанія утѣшить ее, никто не старался разсѣять ее въ ея томительномъ одиночествѣ. Правда, исключеніями являлись двѣ-три матроны; но этихъ Агриппина знала слишкомъ хорошо, чтобы повѣрить ихъ притворному участію къ себѣ. Въ числѣ такихъ особъ была и Юнія Силана, нѣкогда первый другъ Агриппины. Но затѣмъ дружба эта Юніи къ Агриппинѣ, вслѣдствіе стараній послѣдней разстроить бракъ, одно время предполагавшійся между богатой Юніей Силаной и Секстіемъ Африканомъ, превратилась въ непримиримую вражду, и хотя Юнія никогда не переставала, говоря о ней, называть ее «своей сладчайшей и дражайшей Агриппиной», однако въ душѣ она всегда клялась примѣрно отомстить ей.

Теперь же, когда наконецъ, настала наиболѣе удобная минута для такой мести, Юнія очень усердно занялась изобрѣтеніемъ наилучшаго способа привести ее въ исполненіе.

Но, признавъ безполезнымъ пускать въ ходъ противъ Агриппины старыя обвиненія въ родѣ того, что она продолжаетъ оплакивать смерть Британника или разглашаетъ недостойное обращеніе цезаря съ Октавіей, она придумала новое обвиненіе, много болѣе опаснаго свойства, будто Агриппина задумала вступить въ бракъ съ Рубелліемъ Плавтомъ, который какъ и Неронъ, приходился по матери праправнукомъ причисленному къ сонму боговъ императору Августу, и при его содѣйствіи низвергнуть Нерона съ престола. Такой вымыселъ Силана сообщила въ видѣ факта двумъ своимъ кліентамъ, внушивъ имъ при этомъ передать эту новость Атимету, вольноотпущеннику тетки Нерона, Домиціи, и близкому другу актера Париса, его бывшаго товарища по рабству. И въ самомъ дѣлѣ, Атиметъ не замедлилъ пойти съ этими интересными вѣстями къ своему другу и тутъ же уговорилъ его немедленно отправиться къ императору и открыть ему якобы замышлявшійся противъ него заговоръ.

Не смотря на поздній часъ, Парисъ, имѣвшій во всякое время, благодаря дружбѣ къ нему Нерона, свободный доступъ во дворецъ, поспѣшилъ въ этотъ же вечеръ къ императору, котораго засталъ въ кругу обычныхъ гостей, и былъ привѣтствованъ какъ самимъ Нерономъ, такъ и его друзьями, уже замѣтно разгоряченными застольными возліяніями, шумными криками радости.

— Вотъ отлично поступилъ, что пришелъ,—воскликнулъ Неронъ;—одного тебя и недоставало намъ для полнаго веселья. Подойди сюда поближе и ранѣе всего осуши этотъ кубокъ наилучшаго фалернскаго вина,а потомъ ты насъ потѣшишь какимъ-либо лицедѣйствіемъ, достойнымъ таланта такого великаго артиста, какъ ты. Но что вижу я! Ты Парисъ ли это? Что значитъ эта плачевная физіономія и эта темная одежда въ безпорядкѣ? Говори, что случилось?

— Страшное, ужасное дѣло,—заливаясь слезами, проговорилъ искусный гистріонъ.—Разрѣшитъ ли цезарь открыть ему...

— Говори смѣлѣе, ничего не бойся,—сказалъ Неронъ, приподнимаясь на локтѣ изъ полулежачаго своего положенія. - Ужъ не возстаніе ли легіоновъ? Не бунтъ ли въ преторіанскомъ лагерѣ?

— Ни того, ни другого пока еще не случилось,—сказалъ Парисъ.—Но Августа—мать нашего обожаемаго цезаря...

— Продолжай же! Говори скорѣе! Что ты медлишь!—встрепенулся Неронъ и, замѣтивъ нерѣшительность своего любимца, нетерпѣливо прикрикнулъ на него.

И ловкій фигляръ со слезами на глазахъ сталъ повѣствовать, порой прерывая свою рѣчь притворными рыданіями и недомолвками, таинственную исторію вымышленнаго заговора. Такъ неожиданно напуганный Неронъ пришелъ въ совершенное изступленіе и, вскочивъ со своего ложа,сталъ въ ярости шагать взадъ и впередъ по триклиніуму и рвать на себѣ волосы.

— Агриппина завтра же будетъ предана смерти,—бѣсновался онъ,—а также и этотъ несчастный Рубеллій Плавтъ. Скорѣе подать мнѣ мои дощечки. Сейчасъ послать кому слѣдуетъ приказъ о немедленномъ арестѣ злоумышленниковъ. Послать за Бурромъ— впрочемъ, нѣтъ: Бурръ креатура моей матери, ей обязанъ онъ своимъ возвышеніемъ и своею должностью префекта преторіанскаго лагеря. Отнынѣ должность эта будетъ ввѣрена Туску. Бурръ же будетъ преданъ казни. А теперь позвать ко мнѣ Сенеку, да скорѣе: мѣшкать нельзя ни одной минуты.

И, не смотря на довольно поздній часъ ночи одинъ изъ дежурныхъ центуріоновъ былъ моментально посланъ во главѣ небольшого отряда дворцовой стражи въ палаццо Сенеки, котораго приходъ центуріона засталъ за чтеніемъ вслухъ женѣ своей, Паулинѣ, и другу, Фабію Рустику, Платоновой «Республики».

Когда вошедшій рабъ доложилъ Сенекѣ, что къ нему изъ дворца явилось нѣсколько преторіанцевъ съ приказаніемъ отъ имени императора явиться ему во дворецъ, лицо Паулины, какъ и Фабія Рустика, покрылось смертной блѣдностью, да и самъ Сенека, не смотря на усилія овладѣть собою и скрыть охватившій его трепетъ, замѣтно дрожалъ всѣми членами. Приказавъ рабу пригласить центуріона въ кабинетъ, онъ самъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу этому послѣднему и, послѣ перваго же привѣтствія, спросилъ его, напрасно силясь придать голосу равнодушно спокойный тонъ, не знаетъ ли онъ, по какому случаю императору угодно было потребовать его къ себѣ въ этотъ поздній часъ ночи. Но на это центуріонъ отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ, хотя прибавилъ тутъ же, что императоръ на сколько ему было извѣстно, находится въ очень встревоженномъ состояніи духа; и Сенека, надѣвъ свою тогу, поспѣшилъ во дворецъ. Какъ только онъ вступилъ въ триклиніумъ, Неронъ тотчасъ же сообщилъ ему, услышанное имъ отъ Париса. Сенека не совсѣмъ вѣрилъ въ дѣйствительность существованія такого заговора; но такъ какъ съ другой стороны онъ хорошо зналъ, что времена и въ самомъ дѣлѣ были тѣкія, что ни за что ручаться нельзя было, то онъ постарался уговорить императора прежде всего послать за Бурромъ, отвѣчая ему своею жизнью за вѣрность и преданность этого послѣдняго. Черезъ нѣсколько времени явился и Бурръ и въ свою очередь выслушалъ очень внимательно разсказъ о вымышленномъ Юнией Силаной заговорѣ.

— Предавать казни кого бы то ни было, не предоставивъ обвиненному права защиты и оправданія—дѣло вообще очень серьезное,—проговорилъ Бурръ съ присущей ему прямотой; - казнить же безъ суда августѣйшую особу и, вдобавокъ, родную мать цезаря—дѣло такое, что требуетъ и того болѣе строгаго и всесторонняго обсужденія.

— Но подумай хорошенько: вѣдь въ жилахъ Рубелія Плавта

течетъ кровь цезарей, а моя мать одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя способны ни передъ чѣмъ не остановиться ради достиженія власти.

— Думать мнѣ нечего, - отрѣзалъ очень откровенно Бурръ;— мое мнѣніе сложилось, и измѣнять его я не буду.

Неронъ сердито насупилъ брови, но Бурръ не унимался и продолжалъ все въ томъ же строго наставительномъ тонѣ:

— Ни прямыхъ уликъ, ни настоящихъ обвинителей на лицо не имѣется. Цезарь дѣлаетъ свои заключенія со словъ одного Париса, вольноотпущенника фамиліи, враждебной Агриппинѣ, и притомъ выслушавъ разсказъ объ этомъ заговорѣ въ этотъ поздній часъ ночи, среди пьяной пирушки. Играть жизнью и судьбой даже простого гражданина такъ опромечтиво нельзя, а тѣмъ болѣе драгоцѣнною жизнью императрицы.

Охлажденный нѣсколько тѣмъ спокойнымъ и внушительнымъ тономъ, какимъ Бурръ высказывалъ свои соображенія и замѣчанія, Неронъ молчалъ, хотя и продолжалъ угрюмо хмуриться. Но Бурръ, несомнѣнно не былъ расположенъ къ уступкамъ.

— Пусть Цезарь уполномочитъ насъ подвергнуть Августу строгому и обстоятельному допросу, и если при этомъ дѣйствительно обнаружится ея виновность въ столь черномъ замыслѣ — возставать противъ присужденія смертной казни мы тогда не будемъ.

А между тѣмъ императоръ, страхъ котораго къ этому времени успѣлъ замѣтно уменьшиться, уже видимо начиналъ тяготиться этими разговорами и, на-скоро отдавъ приказаніе немедленно оцѣпить домъ, гдѣ жила Агриппина, отрядомъ легіонаріевъ, поспѣшилъ отпустить своихъ двухъ совѣтниковъ. На слѣдующій день, рано по утру, Сенека и Бурръ вмѣстѣ съ нѣсколькими наиболѣе довѣренными отпущенниками Нерона, которые въ качествѣ шпіоновъ должны были слѣдить за каждымъ словомъ и жестомъ какъ обоихъ совѣтниковъ императора, такъ и его матери, явились къ Агриппинѣ и, передавъ всѣ пункты сдѣланнаго на нее доноса, строгимъ тономъ слѣдователей потребовали отъ нея объясненія.

Но Агриппина, несмотря ни на нечаянность такого оскорбительнаго посѣщенія, ни на чувство глубокаго униженія, какое охватило ее при видѣ окружавшихъ ея домъ солдатъ, ни на минуту не смутилась духомъ и, какъ всегда, гордая и неустрашимая, предстала передъ своими нежданными судьями съ спокойно презрительнымъ видомъ женщины, не только напрасно оскорбляемой, но и проникнутой глубокимъ сознаніемъ полной неуязвимости въ данномъ случаѣ. Какъ Бурръ, такъ и Сенека при ея появленіи почтительно поднялись съ мѣстъ, между тѣмъ какъ вольноотпущенники низко склонили передъ ней головы. Но послѣднихъ Агриппина не удостоила даже мимолетнымъ взглядомъ и, опускаясь въ богатое парадное кресло съ позолотой и инкрустаціей, слегка кивнула головой въ сторону философа и префекта, приглашая ихъ сѣсть.

— Настоящая аудіенція, повидимому, сулитъ быть весьма серьезнаго и торжественнаго характера, — начала Агриппина съ нѣсколько презрительной усмѣшкой; — самъ вѣдь императоръ, какъ мнѣ уже доложили, прислалъ сюда какъ васъ, такъ и этихъ господъ—и небрежно надменнымъ жестомъ она указала на вольноотпущенниковъ — для какихъ-то переговоровъ со мной. Что же желаетъ отъ меня Неронъ?

— Августа совсѣмъ права: дѣйствительно, мы явились сюда по дѣлу величайшей важности, - очень сурово сказалъ Бурръ; — мать цезаря обвиняется ни болѣе ни менѣе, какъ въ государственной измѣнѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это мнѣ нравится: меня обвиняютъ, да еще въ государственной измѣнѣ!

— Да, обвиняютъ, - все тѣмъ же строго внушительнымъ тономъ продолжалъ Бурръ;—обвиняютъ въ попыткахъ собрать себѣ среди римскихъ легіонаріевъ партію вѣрныхъ приверженцевъ съ тою цѣлью, чтобы при ихъ содѣйствіи возвести на императорскій престолъ Рубеллія Плавта и потомъ вступить съ нимъ въ бракъ.

— Бѣдный Рубеллій Плавтъ! Видно, онъ остался все той же «золотой овцой», какой былъ у брата моего Кайя.

— Шутки здѣсь неумѣстны, Августа, — сурово замѣтилъ Бурръ;—императоръ очень серьезно встревоженъ такимъ доносомъ и очень разгнѣванъ.

— Но чѣмъ же другимъ могу отвѣтить на такое смѣшное и нелѣпое обвиненіе?

— Августѣ слѣдовало бы держать себя нѣсколько осмотрительнѣе,—началъ очень мягко въ свою очередь Сенека.—Эти частыя совѣщанія съ людьми своей партіи, это явное заискиваніе расположенія нѣкоторыхъ вліятельныхъ сенаторовъ, это любезное заигрываніе съ трибунами и центуріонами преторіанскихъ когортъ, эти постоянныя сѣтованія о судьбѣ дѣтей Клавдія все это вмѣстѣ взятое не могло не возбудить наконецъ довольно серьезныхъ подозрѣній относительно намѣреній Августы.

Убійственно презрительнымъ взглядомъ смѣрила Агриппина съ головы до ногъ Сенеку, и бѣдный философъ, не выдержавъ этого гнѣвно сверкавшаго взгляда гордой Агриппины, невольно сробѣлъ и, очевидно смущенный, опустилъ глаза.

— Такъ вотъ какова благодарность философа?—съ невыразимымъ презрѣніемъ кинула она ему въ лицо этотъ упрекъ.—Вѣроятно, Сенека забылъ, что только благодаря моему милостивому расположенію къ нему, удалось ему выбраться изъ нездороваго климата Корсики—мѣста его ссылки, гдѣ, по всей вѣроятности, давно бы уже онъ погибъ въ неизвѣстности. Да и тебѣ, Бурръ, тоже не мѣшало бы получше помнить, кому обязанъ ты своимъ теперешнимъ высокимъ положеніемъ.

— Мы только исполнители воли приславшаго насъ императора,—уже болѣе мягко замѣтилъ Бурръ.

— А кто же такіе мои обвинители?—спросила, помолчавъ, Агриппина.

— Доносъ этотъ вчера былъ сдѣланъ императору вечеромъ Парисомъ,—отвѣчалъ Бурръ.

— Парисомъ!—воскликнула съ негодованіемъ Агриппина.— Да вѣдь Парисъ не болѣе какъ жалкій фигляръ, гистріонъ, презрѣнный гаеръ,—словомъ, нѣчто до такой степени низкое и гнусное, что уже одно упоминаніе его имени возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе. Но продолжайте.

— Парисъ донесъ со словъ Атимэта, вольноотпущенника Домиціи и...

— Такъ вотъ оно что! измышленіе это ведетъ свое начало отъ Домиціи и ея фаворита раба!—съ злобнымъ негодованіемъ проговорила Агриппина.—О немъ я, разумѣется, даже и говорить не желаю: на то онъ и рабъ, чтобы быть способнымъ на подкупъ и на всякую другую подлость. Но она, Домиція—въ то время какъ я здѣсь хлопотала то объ усыновленіи Нерона, то о его возвышеніи въ достоинство римскаго консула, не жалѣя никакихъ усилій, лишь бы проложить ему дорогу къ престолу—скажите, гдѣ была она и что дѣлала? Прохлаждалась нѣгою въ Баіахъ со своими комедіандами и плясунами, да откармливала рыбъ въ своихъ прудахъ. А теперь, когда мой Неронъ императоръ, ей хотѣлось бы завладѣть его сердцемъ, отнять его у меня, и съ этой цѣлью придумываетъ она вмѣстѣ съ пантомимомъ и плясуномъ своимъ всю эту недостойную комедію. И въ этомъ-то заключается все обвиненіе противъ меня?

— Итурій и Кальвизій, отпущенники Юніи Силаны, были первые, возбудившіе противъ Августы обвиненіе въ столь преступномъ злоумышленіи.

— Итурій и Кальвизій—два развратника и мота, подонки общества, которымъ прежде всего нужно поправить свои денежныя обстоятельства, въ виду чего они, вѣроятно, и взялись за прибыльное ремесло доносчиковъ. Впрочемъ, сами по себѣ они оба не болѣе какъ пѣшки. Но кто подвинулъ ихъ на такое дѣло?

— Юнія Силана.

— А-га! Силана. Теперь мнѣ ясна съ начала и до конца вся эта низкая интрига. Силана—эта невѣрная жена, этотъ фальшивый другъ и злая женщина—доступны ли ея пониманія священныя материнскія чувства? Она воображаетъ, должно быть, что отдѣлаться отъ дѣтей для матери такъ же легко, какъ преступной женѣ замѣнить одного беззаконнаго фаворита другимъ. И вотъ потому только, что нашлось два продажныхъ и въ конецъ раззорившихся негодяя, которые готовы въ угоду старой бабѣ и за деньги клятвой подтвердить любое показаніе,—вы рѣшаетесь меня обвинить въ мнимомъ покушеніи сдѣлаться дѣтоубійцей, а Нерона вы готовы сдѣлать палачемъ своей матери! Стыдно вамъ, ближайшимъ совѣтникамъ императора и его руководителямъ, браться за ту низкую роль, какую разыгрываете въ настоящую минуту. Вмѣсто того, чтобы приложить, помня полученныя отъ меня благодѣянія, всѣ свои старанія, чтобы заставить Нерона устыдиться той непростительно-легкомысленной довѣрчивости, съ какой онъ позволилъ себѣ отнестись къ этой гнусной комедіи, вымышленной съ злопамятной старой бабой во главѣ шайкой пантомимовъ и мерзавцевъ,—вы поощрили его въ желаніи подвергнуть меня—его родную мать—униженію такого оскорбительнаго для меня допроса. Такъ вотъ кто мои грозные обличители! Но скажите мнѣ, гдѣ свидѣтели, имѣющіе возможность уличить меня въ какихъ-либо попыткахъ склонить къ противозаконнымъ дѣйствіямъ преторіанскія когорты, въ какихъ-либо интригахъ внутри имперіи, или въ подкупѣ того или другаго изъ императорскихъ рабовъ или отпущенниковъ? Мнѣ колютъ глаза тѣмъ, что будто я оплакиваю смерть Британника: но сами подумайте, чья участь была бы плачевнѣе моей, еслибъ императоромъ былъ родной сынъ Клавдія и Мессалины? и не первымъ ли дѣломъ его царствованія было бы мщеніе врагу своей матери и своему собственному? А что до Рубеллія Плавта, то сами вы должны понимать, что человѣкъ этотъ, даже сдѣлавшись императоромъ, врядъ ли смогъ бы защитить меня и спасти отъ такихъ обвиненій, которыя—увы!—были бы въ состояніи уличить меня—не въ простой неосторожной вольности выраженій материнскаго негодованія, или даже излишней можетъ, нѣжности,—но въ такихъ преступленіяхъ, въ которыхъ оправдать меня можетъ лишь тотъ сынъ, ради котораго были они совершены.

И крѣпкая всегда духомъ Агриппина, охваченная теперь волною самыхъ разнородныхъ чувствъ, была одну минуту не въ силахъ превозмочь бушевавшую въ ея сердцѣ горечь обманутыхъ надеждъ, и, склонивъ голову, тихо заплакала. Но не долго длилась такая слабость, и скоро, побѣдивъ себя, она снова гордо подняла голову и, не безъ презрѣнія отклонивъ отъ себя неудачныя попытки не мало пристыженныхъ ея словами судей утѣшить ее и успокоить, сухо сказала:

— А теперь довольно! Вы можете удалиться. Никакихъ дальнѣйшихъ разговоровъ со мной по этому поводу быть не можетъ. Но я требую, и требую въ силу моего права лживо оклеветанной—если ужъ не по священному праву матери—немедленнаго свиданія съ цезаремъ.

Смущенные, Сенека и Бурръ возвратились во дворецъ и, подъ впечатлѣніемъ какъ смѣлой рѣчи Агриппины, такъ и ея неприступно гордаго вида, объявили Нерону, что признаютъ Августу совершенно невинной въ взведенномъ на нее обвиненіи въ измѣнѣ, и Неронъ, успокоенный въ своихъ худшихъ опасеніяхъ, поспѣшилъ къ матери. Агриппина приняла его съ большимъ достоинствомъ и ни однимъ словомъ не упомянула ему ни о своей невинности, ни о томъ что была бы въ правѣ ожидать отъ него иного рода признательности, а лишь просила его примѣрно наказать дерзкихъ обличенныхъ во лжи доносчиковъ и щедрыхъ наградъ для своихъ вѣрныхъ друзей. Захваченный врасплохъ, Неронъ, остывъ отъ вспышки ярости, вызванной страхомъ лишиться пре-

стола и даже, можетъ быть, жизни, былъ не въ силахъ противиться просьбамъ матери и скоро исполнилъ ихъ. Силена была приговорена къ ссылкѣ за предѣлы Италіи; Итурій и Кальвизій были высланы изъ Рима; Атимэтъ казненъ, и только одному Парису, какъ незамѣнимому товарищу всѣхъ Нероновыхъ кутежей, удалось избѣгнуть наказанія.

Но то была послѣдняя минутная вспышка быстро гаснувшаго могущества Агриппины,—вспышка, не замедлившая, тѣмъ не менѣе при всей своей мимолетности, привлечь въ уединеніе вдовствующей императрицы нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ, — двухъ-трехъ сенаторовъ, поспѣшившихъ явиться къ ней засвидѣтельствовать свое почтеніе и выразить ей приличное случаю соболѣзнованіе и нѣсколькихъ дамъ изъ числа римскихъ аристократокъ. Въ это же время посѣтила ее и одна благородная римская матрона, почти никогда не являвшаяся къ ней на поклонъ во дни ея величія и могущества. Это была жена покорителя Британіи, Авла Плавтія, Помпонія Грэцина. Въ день памятнаго допроса, придя подъ вечеръ навѣстить императрицу, Помпонія застала ее въ слезахъ и необычайномъ упадкѣ духа, вызванномъ, конечно, реакціею неизбѣжною послѣ бурныхъ утреннихъ ощущеній, этого дня. Въ полномъ изнеможеніи лежала она на своемъ ложѣ и горько плакала; исчезла гордая, властолюбивая и неукротимая въ своемъ честолюбіи императрица и осталось лишь слабая женщина, измученная горемъ и поздними сожалѣніями. Она знала, что жизнь ея, вопреки этому минутному торжеству надъ врагами, окончательно разбита во всемъ томъ, что было дорого ея властолюбивой душѣ, что составляло цѣль всѣхъ ея стремленій и поступковъ. Даже надежда на лучшіе дни совершенно покинула ее; и ея неразлучными спутниками становились съ этихъ поръ лишь униженія, угрызенія совѣсти и мучительно горькія воспоминанія ею самою погубленнаго блестящаго прошлаго. Вокругъ нея не было ни искренно преданныхъ друзей, ни щебетанія невинныхъ дѣтей, которыя бы искали у нея ласки, не было ни брата, ни сестры, ни взрослой дочери, въ участи которыхъ она могла бы надѣяться найти успокоеніе. Все измѣнило ей, все покинуло, и даже тѣ, которые не такъ давно еще были осыпаемы ея благодѣяніями и щедрыми милостями, или не имѣли къ ней ни малѣйшей признательности, или боялись выказывать эту признательность, или же считали, что своими преступленіями она утратила на нее всякое право. Всѣми покинутая, никѣмъ не любимая, не имѣя своего собственнаго семейнаго очага, она лежала здѣсь одинокая, словно выброшенный волной на негостепріимный берегъ обломокъ разбитаго корабля, и плакала и рыдала, какъ безпомощное дитя. О, еслибъ не эти страшныя преступленія—не эти кровавыя дѣла—еслибъ она только могла чувствовать себя такою же непорочною, какою была ея мать! Но — увы! — ей не дана была возможность оглянуться на такое прошлое, которое бы не было омрачено цѣлымъ рядомъ коварныхъ интригъ и злодѣяній, среди которыхъ

тамъ и сямъ грозно чернѣли кровавыя пятна, смыть которыя уже ничѣмъ нельзя было. Теперь для нея настала минута страшнаго возмездія—возмездія, въ которое она не вѣрила, надъ которымъ такъ дерзко глумилась, но которое однако же кралось по ея пятамъ, кралось неслышною поступью, шагъ за шагомъ, но кралось неотступно и теперь разомъ повергло ее въ прахъ однимъ ударомъ, отъ котораго оправиться она уже не могла.

Пока Агриппина лежала такъ, съ ужасомъ припоминая свое прошлое, и какъ въ разгоряченномъ ея воображеніи одинъ за другимъ мелькали среди надвигавшихся сумерекъ грозныя тѣни загубленныхъ ею, въ опочивальню къ ней осторожно вошла вѣрная ея прислужница, Ацерронія, и доложила о приходѣ посѣтительницы.

— Я вѣдь уже говорила тебѣ, что никого видѣть сегодня я не желаю,—устало замѣтила ей Агриппина.—Я истомлена, измучена; мнѣ хотѣлось бы заснуть и все забыть.

— Но посѣтительница эта—Помпонія Грэцина; и она сама замѣтила въ отвѣтъ на отказъ привратника принять ее, что ее Августа, можетъ быть, приметъ и просила доложить.

— И, она не ошиблась: да, ее я приму съ удовольствіемъ. Она не похожа на остальныхъ: ни лести, ни фальши въ ней и тѣни нѣтъ, и я убѣждена, что ея присутствіе успокоитъ меня.

Помпонія вошла и, при видѣ убитой горемъ женщины, въ изнеможеніи лежавшей съ красными и опухшими отъ слезъ глазами, лишь съ трудомъ повѣрила своимъ глазамъ, что то была такъ еще недавно величественная и гордая своимъ могуществомъ Агриппина. Не въ силахъ побороть порыва охватившей ее глубокой жалости, Помпонія преклонила колѣни предъ ложемъ несчастной женщины, которая, привставъ, крѣпко поцѣловала ее и потомъ, склонивъ голову къ ней на плечо, залилась горькими, неудержимыми слезами.

— Августѣ не мѣшало бы успокоиться послѣ всѣхъ этихъ тяжелыхъ испытаній, — начала уговаривать ее Помпонія.—Сегодня мнѣ хотѣлось поздравить ее съ побѣдой надъ гнусной клеветой враговъ; а я ее застаю въ слезахъ и горѣ и боюсь, что посѣщеніе мое не кстати.

— Нѣтъ, Помпонія, вы всегда желанная гостья у меня, а ужъ въ особенности въ настоящую тяжелую минуту,—сквозь слезы проговорила Агриппина.—Вы меня не искали въ дни моего величія и могущества, и лишь тѣ, кто искренно хочетъ мнѣ добра, можетъ желать меня видѣть теперь, когда я въ опалѣ, и когда такъ близокъ часъ моего безвозвратнаго паденія.

— О, нѣтъ, Августа, часъ этотъ, будемъ уповать, пробьетъ еще не скоро. Заговоръ противъ васъ потерпѣлъ позорное пораженіе, и, какъ знать, впереди, можетъ быть, васъ ждетъ еще много счастливыхъ дней.

— Нѣтъ, Помпонія, счастіе не въ судьбѣ Агриппины. Счастіе—пустая мечта: я его не знавала даже и во время моего величія и

могущества, а потому могу ли надѣяться найти его теперь, когда все измѣнило мнѣ, когда я всѣми покинута, когда не боятся подвергать меня столь оскорбительнымъ униженіямъ? Кого же, впрочемъ, изъ насъ можно назвать счастливымъ? Всѣ мы не болѣе какъ рабы и игралища въ рукахъ грознаго рока—слѣпого, безжалостнаго и непоборимаго. Скажи по правдѣ, ты счастлива?

— Да, Августа, очень счастлива, хотя врядъ ли въ томъ смыслѣ, какъ вы понимаете счастье. Какъ всѣмъ намъ, жизнь и мнѣ дала познать изрядное число горькихъ и тяжелыхъ испытаній. Взгляните на эти темныя одежды—онѣ говорятъ вамъ о тяжелой утратѣ незабвеннаго друга, котораго я любила больше себя; да и въ настоящемъ—развѣ не достаточно горя? Развѣ всечасно не виситъ надо мной бѣда, грозящая изгнаніемъ, а, быть можетъ, и смертью; со всѣхъ сторонъ окружаютъ насъ ужасы страшныхъ опасеній, и настроеніе цѣлаго общества говоритъ о неизбѣжности той или иной катастрофы; не смотря однако все это, я чувствую себя счастливою по своему...

— О, еслибъ ты могла открыть мнѣ хотя бы крошечный уголокъ твоего секрета быть счастливой воскликнула Агриппина.—Я чувствую, что ты говоришь правду, что это не обманъ, не пустыя, громко-раздутыя разглагольствованія нашихъ стоиковъ.

Помпонія была въ нерѣшительности. Могла ли она такъ сразу повѣдать этой женщинѣ, сроднившейся чуть ли не съ дѣтства со зломъ и всяческими преступленіями, о Христѣ, о Его ученіи и о Его чудесномъ воскресеніи изъ мертвыхъ? Могла ли надѣяться пробудить въ ней какое-либо другое чувство, кромѣ презрѣнія, разсказомъ объ искупительныхъ страданіяхъ Бога-человѣка на крестѣ—этомъ орудіи позорнѣйшей казни худшихъ злодѣевъ у римлянъ?

— Когда-нибудь, можетъ быть, наступитъ тотъ день, когда я буду имѣть право вполнѣ открыть Августѣ этотъ секретъ—сказала она.—Не лично мнѣ принадлежитъ онъ, и рано или поздно сдѣлается достояніемъ всей вселенной. Но постичь его нельзя, нельзя и пойти къ нему безъ сердечнаго смиренія, безъ раскаянія въ совершенномъ злѣ, безъ любви къ нравственной чистотѣ, а тѣмъ менѣе безъ любви къ Тому, Кто выше всякой людской добродѣтели, и безъ молитвы въ душевномъ умиленіи.

— Твои слова чудны и непонятны для меня, Помпонія—привставъ, проговорила изумленная Агриппина.—Какъ же говорятъ намъ авторы греческихъ трагедій, что кровь, пролитая разъ, пролита навсегда, и смыть ее нельзя ничѣмъ? Развѣ имѣется возможность искупить сдѣланное зло—загладить совершенное преступленіе?

— Да, Августа, такая возможность существуетъ,—какъ-то вдумчиво проговорила Помпонія, которой при этомъ невольно припомнились слова апостола Петра изъ Вѳсаиды: «Искуплены вы отъ суетной жизни, преданной вамъ отъ отцовъ, но драгоцѣнною

кровью Христа, какъ непорочнаго и чистаго агнца» [1]), которыя всей душой она желала бы имѣть возможность повѣдать въ эту минуту Агриппинѣ. Но она знала, что Агриппинѣ слова эти пока еще могли показаться только безсмысленными, и промолчала.

— Правда, мнѣ удавалось слышать по этому поводу о существованіи различныхъ искупительныхъ мистерій и, между прочимъ, о приношеніи въ жертву тельца,—продолжала между тѣмъ Агриппина.—Но можно ли вѣрить, чтобы послѣдовала какая-либо польза отъ того, что я лягу на землю такъ, чтобы на меня капала кровь принесеннаго въ умилостивительную жертву богамъ тельца?

— Несомнѣнно, нѣтъ,—очень рѣшительно поддержала ея сомнѣніе Помпонія.—Ничего такого не требуетъ отъ насъ истинный Богъ, какъ не требуетъ и никакихъ суевѣрныхъ обрядностей. Сердце непорочное и любящее правду вотъ все, что требуетъ отъ насъ Всевышній. Почему бы Августѣ не искать успокоенія въ молитвѣ къ Нему, - этому Богу? Читала же, конечно, она Гомера и знаетъ, что говоритъ онъ объ Атэ—этомъ грозномъ фатумѣ—и о Литаяхъ—молитвахъ, что неотступно сопровождаютъ ее.

— Атэ! Мнѣ ли не знать этаго грознаго, безпощаднаго божества?—простонала Агриппина:—уже не однажды видѣла я предъ собой его безжалостное окаменѣлое лицо, не разъ слышала его зловѣщій голосъ среди палатинскихъ пировъ... Но Литаи—молитвы—ихъ я не знаю. Послушай, Помпонія,—прибавила она послѣ минутнаго молчанія,—ты сказала мнѣ много правды; всего все-таки ты не открыла мнѣ.

— На все свое время, Августа,—проговорила Помпонія, вставая, чтобы уйти;—и очень можетъ быть, если только Августа захочетъ вдуматься въ то, о чемъ мы говорили сегодня, что скоро наступитъ день, когда она всей душой пожелаетъ узнать больше. Прости! Августѣ нужны и отдыхъ, и покой; а я, быть можетъ, ее утомила...

— Нѣтъ, Помпонія, ты чистосердечна въ своемъ участіи ко мнѣ, и я вѣрю тебѣ, и слова твои упали на мою измученную душу, какъ мягкіе, прохладные хлопья снѣга. Но скажи, эти Литаи, о которыхъ говоритъ Гомеръ, не могутъ ли онѣ умилостивить карающее божество по просьбѣ не самого виноватаго, а посторонняго лица?

— Да, могутъ.

— Если такъ, то я тебя прошу молить за меня ихъ заступничества передъ грозной Атэ, чтобы отвратила эта богиня свой гнѣвъ отъ той, которая тебѣ одной согласна признаться, что она самая несчастная и жалкая въ мірѣ женщина.

— Да ниспошлется Августѣ душевный міръ и просвѣтленіе свыше,—тихо, еле слышно, проговорила благородная римлянка, между тѣмъ какъ Агриппина, крѣпко обнявъ ее, еще разъ поцѣловала на прощанье.

---

1) Первое собр. посл. св. ап. Петра. Гл. I, 18 и 19.

Глава XXV.

Мы оставили Онезима—заключеннаго, по распоряженію главнаго надзирателя надъ императорскимъ сословіемъ рабовъ, въ одинъ изъ подземныхъ казематовъ палатинскаго дворца—больнымъ и физически отъ ударовъ кнута и плетей, и нравственно отъ стыда и негодованія. Проклиная свою безразсудную неосторожность и крайне негодуя за нее на себя, онъ чувствовалъ, однакожъ, очень мало раскаянія въ своихъ пагубныхъ увлеченіяхъ и проступкахъ, и главнымъ источникомъ его досады и самобичеванія являлось скорѣе крушеніе всѣхъ его надеждъ на возвышеніе, чѣмъ та нравственная несостоятельность, которая привела его къ такой прискорбный для него утратѣ. Никакія вѣсти о томъ, что дѣлалось внѣ стѣнъ тюрьмы, до него, конечно, не доходили, и онъ узналъ о судьбѣ Британника лишь гораздо позднѣе того, какъ опять очутился на волѣ. Но и въ самой тюрьмѣ поведеніе его было далеко не изъ примѣрныхъ, отличаясь непокорностью, строптивостью и упрямымъ своеволіемъ, впрочемъ, можетъ быть, отчасти и вызванными дурнымъ и безсердечнымъ обращеніемъ грубаго тюремщика-раба, очень не взлюбившаго его какъ принадлежавшаго, по своей должности при гардеробѣ императрицы, къ числу рабовъ высшей категоріи, и находившаго особое наслажденіе подвергать его ежеминутно жестокимъ побоямъ и другимъ униженіямъ. Такъ въ оскорбленіяхъ и побояхъ проходили томительно долгіе дни, казавшіеся бѣдному, впечатлительному юношѣ безконечными въ своемъ утомительномъ однообразіи и гнетущей скукѣ одиночества, которую бѣдняга иногда пытался разсѣять, царапая гвоздемъ различныя глупыя надписи на стѣнѣ.

Однажды, пока онъ такимъ образомъ развлекался отъ бездѣлья и сопряженной съ нимъ удручающей скуки, въ его камеру неслышно вошелъ тюремщикъ и, заставъ его за этимъ запрещеннымъ времяпрепровожденіемъ, не замедлилъ огрѣть его здоровымъ ударомъ бича, замѣтивъ при этомъ:

— Наконецъ-то дождался я, что меня избавятъ отъ такого молодца. Хвала Анубису и всѣмъ подземнымъ богамъ, тебя сегодня же отправятъ за городъ въ ergastulum.

— Кто отсылаетъ меня туда?—весь поблѣднѣвъ и вздрогнувъ, спросилъ Онезимъ замѣтно упавшимъ голосомъ.

— А тебѣ какое дѣло?—огрызнулся тюремщикъ и еще разъ полоснулъ его своимъ арапникомъ. —Что, не нравится? Небось, скажешь, больно? Ахъ ты, нѣженка проклятый! Поглядимъ, какъ-то ты запляшешь, какъ начнутъ тебѣ отбивать по спинѣ дробь воловьими ремнями съ острыми крючками на концахъ.

Тюремщикъ сказалъ правду. Въ тотъ же вечеръ на Онезима надѣли кандалы и вмѣстѣ съ другими, приговоренными къ заключенію въ острогъ, погнали за городъ.

Зрѣлище партіи рабовъ, препровождавшихся въ цѣпяхъ въ одну

изъ загородныхъ рабскихъ тюремъ, имѣвшихся чуть ли не при каждой виллѣ богатаго римлянина, было въ Римѣ явленіемъ слишкомъ обычнымъ, чтобы возбудить любопытство; тѣмъ не менѣе для Онезима было крайне тяжело и непріятно видѣть себя предметомъ глазѣнія и зубоскальства нѣкоторыхъ прохожихъ, и невольный трепетъ охватывалъ его при мысли о возможности встрѣчи съ кѣмъ-либо изъ прежнихъ друзей. Но особенно боялся онъ, какъ бы не увидали его въ этомъ жалкомъ и позорномъ видѣ Пуденсъ, Титъ, Актэя, или Нирей и дочь его Юнія. Однако, на свое счастье, никого изъ нихъ Онезимъ не встрѣтилъ и былъ въ тотъ же вечеръ благополучно водворенъ въ новое свое мѣстожительство въ невольничьемъ острогѣ при императорской виллѣ подъ городомъ Антіею, мѣстомъ рожденія Нерона.

Настоящимъ земнымъ адомъ была эта невольничья тюрьма, представлявшая сбродъ худшихъ и окончательно развращенныхъ нравственно представителей рода человѣческаго, обезчеловѣченныхъ и доведенныхъ до крайнихъ предѣловъ озлобленія и ожесточенія безнадежностью своего тяжелаго положенія. Обращеніе съ заключенными здѣсь несчастными рабами, если чѣмъ и отличалось отъ обращенія съ вьючными животными, то развѣ только своей несравненно большей жестокостью и полнѣйшимъ отсутствіемъ всякихъ признаковъ какого бы то ни было добраго участія. Голодъ и всякаго рода пытки были единственными дисциплинарными мѣрами; одѣвали заключенныхъ плохо, кормили и того хуже, а о какомъ-либо уходѣ за заболѣвавшими даже и рѣчи не было, и зараженный міазмами воздухъ и невозможная грязь были тѣми постоянными условіями, въ какихъ эти несчастные изо дня въ день влачили здѣсь свое жалкое существованіе. Понятно послѣ этого, что рабъ, побывавъ въ этомъ вертепѣ всякихъ пороковъ и безъисходнаго отчаянія, проникался жгучимъ, сознаніемъ, что онъ не человѣкъ и что лишенъ даже простыхъ человѣческихъ правъ.

Ругань, безпрестанныя проклятія, весь день не смолкавшій лязгъ цѣпей, крики и взвизгиванія пытаемыхъ, вопли и стоны бичуемыхъ, грязныя шутки, циничный, грубый хохотъ, слезы и рыданія, отупѣвшія отъ отчаянія лица, безсердечныя и жестокія отношенія другъ къ другу, язвы всевозможныхъ недруговъ, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ—все это Онезиму привелось здѣсь слышать, видѣть, наблюдать и испытать.

Приглядѣвшись къ своимъ новымъ сотоварищамъ-рабамъ, Онезимъ очень скоро убѣдился, что во всей этой многолюдной толпѣ былъ только одинъ человѣкъ, дружба съ которымъ была бы для него дѣйствительно отрадна, и въ которомъ онъ могъ надѣяться встрѣтить нѣкоторое участіе къ себѣ. То былъ еще не старый человѣкъ, очень симпатичной наружности, съ удивительно добрымъ и кроткимъ взглядомъ, всегда очень терпѣливо и безъ всякаго ропота переносившій муки своего ужаснаго положенія. Звали его Гермасомъ. Какъ и Онезимъ Гермасъ, казалось, находилъ свое единственное утѣшеніе въ этомъ острогѣ, лишь въ строго-добро-

совѣстномъ исполненіи тѣхъ работъ, которыя задавалъ ему ергастулярій—надсмотрщикъ за заключенными, и чѣмъ ближе Онезимъ присматривался къ его образу дѣйствій, тѣмъ больше убѣждался что этого человѣка не преступленіе привело сюда, а скорѣе тотъ или другой капризъ взбалмошнаго хозяина или хозяйки, и что онъ христіанинъ.

Такое предположеніе молодого фригійца вскорѣ обратилось въ немъ въ полную увѣренность, благодаря одному, совершенно незначительному, случаю. Однажды, производя рядомъ съ Гермасомъ землекопную работу, Онезимъ замѣтилъ, что у него изъ за пазухи что-то выпало, причемъ Гермасъ, оглядываясь боязливо, быстро наклонился и, схвативъ оброненное имъ, поспѣшно спряталъ на грудь за тунику. Но какъ ни быстро было движеніе Гермаса, зоркій глазъ фригійца успѣлъ, однако, разглядѣть, что оброненное имъ была крошечная стеклянная рыбка съ надписью: *„да спасешь ты меня“*, какія въ ту эпоху христіане нерѣдко носили при себѣ и какія въ новѣйшія времена были найдены въ очень многихъ древнихъ катакомбахъ. Обрадованный своимъ открытіемъ, Онезимъ въ первую же удобную минуту, которую вскорѣ выбралъ, когда остальные рабы, опереженные имъ и Гермасомъ въ работѣ, поотстали отъ нихъ, взглянулъ мелькомъ на товарища и быстро шепнулъ ему: Ἰχθυς — (рыба)?

«Ἰχθύδιον»—(маленькая рыба)—немедленно послѣдовалъ отвѣтъ Гермаса, которымъ этотъ послѣдній хотѣлъ дать понять товарищу, что онъ не болѣе какъ слабый и недостойный христіанинъ.

— А ты? — прибавилъ онъ спустя минуту. — Развѣ ты одинъ изъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ?

Онезимъ грустно покачалъ отрицательно головой.

— Впрочемъ, было время, — сказалъ онъ, — когда я имъ былъ; или покрайней мѣрѣ могъ бы сдѣлаться.

— Не отступникъ же ты, несчастный?

— Не спрашивай лучше меня, — проговорилъ Онезимъ; — я человѣкъ погибшій.

— Для того и приходилъ Добрый Пастырь, чтобы спасти погибшихъ и заблудившихся вернуть на истинный путь.

— Не стоитъ толковать обо мнѣ, — возразилъ Онезимъ; — разскажи лучше, какъ попалъ ты сюда. По всему замѣтно, что ты не преступникъ и не злодѣй, какъ всѣ они здѣсь...

— Перестань; не говори о нихъ съ такимъ озлобленіемъ. — Чѣмъ они хуже тѣхъ грѣшниковъ и блудницъ, за которыхъ принялъ страданія нашъ Христосъ?

Однако, Онезиму, очевидно, въ эту минуту не нравился такой разговоръ, и онъ спросилъ, оставивъ безъ отвѣта слова товарища:

— Развѣ и ты тоже изъ числа цезаревыхъ рабовъ? Но какимъ же образомъ случилось, что я до сихъ поръ ни разу не встрѣчался съ тобой?

Нѣтъ; я принадлежу къ фамиліи рабовъ Педанія Секунда, городского префекта. Но такъ какъ у него при его виллѣ нѣтъ

рабской тюрьмы, и такъ какъ онъ въ большой милости у Нерона, то ему ничего не стоило выхлопотать у императорскаго домоправителя разрѣшеніе помѣстить меня сюда.

— Да; но за что?

— За мой отказъ исполнить одно его приказаніе, исполнить которое запрещала мнѣ моя совѣсть. За такое непослушаніе онъ наказывалъ меня сперва и бичомъ, и плетью; не разъ подвергалъ пыткамъ и даже грозилъ бросить въ свои садки на съѣденіе рыбамъ; но когда онъ убѣдился, что я остаюсь все также твердъ въ моемъ отказѣ, тогда онъ рѣшился отправить меня сюда.

— А развѣ и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакой возможности убѣжать изъ этой ужасной тюрьмы?

— Думаю, что ты и самъ успѣлъ убѣдиться въ безполезности и тщетности всякой попытки такого рода. Зданіе ергастулума на половину находится подъ землею; узкія окна помѣщаются высоко надъ нашей головой; малѣйшій шорохъ разбудилъ бы сторожей, да и сами наши товарищи по заключенію, въ надеждѣ заслужить милость и облегченіе своей участи, врядъ ли замедлили бы поднять тревогу.

— А подкупить кого слѣдуетъ развѣ нельзя?

— Этого я ужъ не знаю; впрочемъ, что касается меня, то я не сталъ бы этого дѣлать, даже еслибы у меня были деньги.

— Почему такъ?

— А потому, что я такого мнѣнія, что Христосъ своими страданіями хотѣлъ научить насъ безропотно покоряться и терпѣливо переносить все, что ниспосылается свыше. Голодъ ли ниспосылаетъ Онъ на меня — я стараюсь перенести его безъ ропота; низвергаетъ ли меня съ высоты — я мирюсь съ своимъ паденіемъ, увѣренный, что Онъ же, когда сочтетъ во благо для меня, и подниметъ меня; а также и здѣсь въ тюрьмѣ, куда привела меня Его же святая воля, я твердо надѣюсь, что Онъ не оставитъ меня Своей милостью и скоро вырветъ отсюда.

И въ самомъ дѣлѣ, слова Гермаса вскорѣ оправдались. Заключеніе его въ острогъ длилось сравнительно не долго. Педаній Секундъ, знавшій давно его за раба честнаго и вполнѣ надежнаго, поостывъ отъ гнѣва, поспѣшилъ вытребовать его къ себѣ обратно и, по его возвращеніи, вернулъ ему прежнюю его должность.

А бѣдный Онезимъ все еще не переставалъ лелѣять сладкую мечту о побѣгѣ и, убѣдившись, наконецъ, въ невозможности придумать другого способа для осуществленія задуманнаго, рѣшился испытать дѣйствіе подкупа. Очень дорожа золотой монетой, подаренной ему Октавіей, онъ не истратилъ ее и даже ухитрился, хотя и не безъ труда, скрыть ее, зашивъ въ рубецъ своей туники, отъ глазъ тюремнаго надзирателя, и теперь, давно замѣтивъ нѣкоторое расположеніе къ себѣ въ одномъ изъ помощниковъ главнаго тюремнаго начальника, при первомъ же удобномъ случаѣ предложилъ ему подарить золотой въ обмѣнъ на клятвенное

съ его стороны обѣщаніе представить ему какую-либо возможность бѣжать изъ острога.

При такомъ неожиданномъ предложеніи молодого заключеннаго. Кротонъ — такъ звали тюремщика — въ первую минуту словно испугался и, сурово взглянувъ на него, молча отошелъ. Но немного спустя возвращаясь назадъ съ обхода, онъ самъ подошелъ къ нему и, толкнувъ его въ спину, шепотомъ проговорилъ:

— Ты не ошибся: мнѣ дѣйствительно жаль тебя. Ты не такой, какъ всѣ эти буяны и скоты. Побѣги совершались и прежде, и всегда будутъ совершаться: большой бѣды отъ этого ни для кого нѣтъ. Господа же много распрашивать на этотъ счетъ не очень-то любятъ.

— Я вѣрю твоему слову, — сказалъ Онезимъ и, вытащивъ изъ за туники свой золотой сунулъ украдкой его тюремщику въ руку.

Спустя дня два послѣ этого, Кротонъ, войдя по обыкновенію въ камеру заключеныхъ, чтобы, пересчитавъ, отправить ихъ на дневную работу, какъ бы случайно задержалъ Онезима послѣднимъ въ камерѣ и тутъ на-скоро шепнулъ ему:

— Сегодня ночью не спи! Оба часовыхъ, что находятся у дверей, будутъ пьяны. Вскорѣ послѣ полуночи ты затѣй драку; самъ же при этомъ старайся держаться какъ можно ближе къ дверямъ, и когда часовые откроютъ ихъ, чтобы узнать причину криковъ и шума, то ты какъ-нибудь ухитрись проскользнуть незамѣтнымъ образомъ за дверь. Ручаться тебѣ, что такой планъ непремѣнно удастся, я не могу; но это единственный способъ, какой могу тебѣ предложить.

Онезимъ указалъ ему взглядомъ, полнымъ отчаянія, на кандалы, сковавшіе ему ноги.

— Если заключенный ведетъ себя хорошо и не буянитъ, ихъ иногда на ночь снимаютъ и твои сегодня вечеромъ снимутъ; но кандаламъ на рукахъ придется остаться: эти на ночь никогда не снимаются.

Онезимъ въ точности исполнилъ планъ, сообщенный ему сострадательнымъ Кротономъ, и среди ночи, когда все кругомъ было уже погружено въ сонную тишину и мракъ поднялъ, вдругъ такой крикъ и гвалтъ, словно оборонялся противъ чьего-то неожиданнаго нападенія. Разбуженные этимъ шумомъ, заключенные его сотоварищи рабы повскакали съ нарь, хорошенько не понимая впросонкахъ, что такое творится вокругъ нихъ. Тутъ Онезимъ, пользуясь ихъ полусоннымъ состояніемъ, принялся толкать ихъ, неистово размахивая руками и сыпля ударами на право и на лѣво, пока не взбудоражилъ всей компаніи. Раздались крики изступленія, ругань, проклятія, возгласы паническаго страха, и среди этой безпорядочной толкотни и бѣготни то туда, то сюда въ темнотѣ, Онезимъ, пробравшись къ самой двери, притаился здѣсь. Когда же дверь отворилась и на порогѣ показались пьяные и полусонные сторожа, ловкій фригіецъ, выбивъ быстрымъ движеніемъ

фонарь изъ рукъ одного, незамѣченный проскользнулъ за дверь и изчезъ. Благополучно миновавъ привратника, стоявшаго у воротъ, онъ какъ стрѣла пустился бѣжать по дорогѣ въ Антіумъ. Однако, не добѣжавъ до самого города, онъ остановился и спрятался въ рощѣ. Отдохнувъ немножко, онъ сообразилъ, что находившіяся вблизи глубокія песчаныя копи, вѣроятно, служатъ по ночамъ сборнымъ пунктомъ для христіанъ, и началъ прислушиваться. Дѣйствительно, соображеніе догадливаго фригійца оказалось вѣрнымъ, и вскорѣ до его напряженнаго слуха начали доноситься изъ глубины одной изъ копей звуки голосовъ. Тутъ Онезимъ, выйдя изъ рощи, притаился у самаго входа въ эту копь въ ожиданіи, чтобы богомольцы разошлись. Онъ зналъ, что послѣднимъ изъ такихъ собраній обыкновенно уходилъ самъ пресвитеръ, и, дождавшись его, осторожно окликнулъ.

Пресвитеръ встрепенулся и спросилъ:

— Кто тамъ?

Тогда Онезимъ выступилъ впередъ и, протягивая къ нему руки. сказалъ

— Именемъ Христа молю тебя, помоги мнѣ снять эти кандалы.

— Слова твои выдаютъ послѣдователя ученія Христа, — проговорилъ пресвитеръ; — но, съ другой стороны, эти кандалы на твоихъ рукахъ говорятъ мнѣ, что ты, несомнѣнно, бѣглый рабъ и преступникъ вдобавокъ.

— Да, я великій грѣшникъ, — отвѣчалъ Онезимъ; — но преступленія не совершалъ.

— Ты молишь именемъ Христа, и потому отказать тебѣ я не въ правѣ; однако и подвергать моихъ братьевъ по вѣрѣ какой-либо опасности я также не долженъ. Спрячься опять. Я же пришлю къ тебѣ сына моего, Стефана, и онъ распилитъ тебѣ оковы. Но послѣ этого ты удались отсюда, и да проститъ тебѣ Христосъ всѣ твои прегрѣшенія и заблужденія.

Спустя нѣкоторое время къ Онезиму въ рощу пришелъ молодой человѣкъ и, ничего не сказавъ, принялся распиливать ему наручники. Освободивъ отъ цѣпей руки фригійца, онъ сказалъ ему:

— Да будетъ съ тобою миръ! Смотри: уже начинаетъ свѣтать, и народъ скоро проснется. Оставаться здѣсь для тебя не безопасно. Но и укрыть тебя у себя мы не имѣемъ права. Самое лучшее для тебя спуститься въ копь и оставаться тамъ до наступленія ночи. Пищу тебѣ сюда принесутъ.

Онезимъ послушался этого совѣта и до ночи укрылся въ глубинѣ песчаной копи; съ наступленіемъ же темноты, осторожно покинувъ свое убѣжище, онъ двинулся по направленію къ Гаіэтѣ — городу, лежавшему на растояніи приблизительно двадцати миль отъ Антіума.

Но, хотя онъ и вырвался на волю, положеніе его все-таки оставалось еще очень долго весьма не утѣшительнымъ и печальнымъ. Куда бы онъ ни приходилъ, прося или ночлега, или подаянія для дневнаго пропитанія, чтобы не умереть съ голода,

на него всюду смотрѣли съ недовѣрчивою подозрительностью и спѣшили спровадить. Укрывательство бѣглаго раба было воспрещено закономъ, и всякое уклоненіе отъ такого закона подвергало виновнаго очень строгому наказанію; вотъ почему народъ вообще относился очень недружелюбно и безучастно къ такого рода бѣглецамъ. А между тѣмъ въ немъ все заставляло предполагать именно такого бѣглеца. Его одежда была обыкновенною одеждою рабовъ, да и на рукахъ его виднѣлись къ тому же рубцы, натертые недавно снятыми наручнями. Въ виду своего бѣдственнаго положенія, Онезимъ охотно принялся бы въ настоящее время за работу, чтобы только кое-какъ прокормить себя, но достать занятіе было не легко, почти невозможно: рынки были завалены предложеніемъ рабочихъ рукъ, но спросъ на нихъ былъ крайне ограниченъ. Представители того стараго поколѣнія честныхъ римскихъ фермеровъ, которые воздѣлывали сады и пахали нивы своими руками съ помощью сыновей и нѣсколькихъ вольнонаемныхъ работниковъ, совсѣмъ почти сошли со сцены; и въ настоящее время поля и пашни обрабатывались исключительно руками закованныхъ въ цѣпи рабовъ, которые часто не знали другого мѣста жительства какъ тотъ или другой ергастулумъ. Правда, безумная роскошь, царившая среди высшей богатой знати, окружала себя толпами ненужныхъ и до мозга костей нравственно развращенныхъ служителей; но этихъ послѣднихъ пріобрѣтали по большей части на томъ или другомъ чужеземномъ невольничьемъ рынкѣ. Къ тому же, надо замѣтить, что на раба, уже побывавшаго въ чьей-либо многочисленной фамиліи рабовъ и почему-либо отпущеннаго хозяиномъ, смотрѣли не иначе, какъ на ветерана, закаленнаго во всевозможныхъ порокахъ; иначе какой же владѣлецъ согласился бы разстаться съ нимъ? Рабъ честный и хорошій, на преданность и благонадежность котораго могъ положиться хозяинъ, былъ явленіемъ слишкомъ рѣдкимъ, и потому имъ дорожили, какъ сокровищемъ неоцѣнимымъ. Итакъ, могъ ли Онезимъ при всѣхъ этихъ условіяхъ сколько-нибудь основательно разсчитывать на то, что на долю его опять выпадетъ счастье быть принятымъ въ фамилію рабовъ того или другого хорошаго и добраго господина? И теперь, непрестанно вспоминая свою прежнюю жизнь какъ въ домѣ Филемона, такъ и у Пуденса, свои блестящія мечты о повышеніи, когда перешелъ онъ въ число дворцовыхъ рабовъ, словомъ, все то, чего навсегда лишился по своей малодушной слабости передъ различными мірскими соблазнами, онъ нерѣдко ложился на дорогѣ и принимался горько плакать и рыдать: жизнь его была погублена, и въ будущемъ предстояло одно лишь горе, позоръ и нужда, голодъ и лохмотья.

Долго длились его скитанія изъ одного города въ другой, изъ села въ село, и въ продолженіи этихъ скитаній, сопряженныхъ съ разнаго рода бѣдствіями, бѣднягѣ пришлось испытать много горя, пролить не одну жгучую слезу и быть не разъ очевидцемъ всякаго рода ужасовъ и злодѣяній, порождавшихся среди темнаго

невѣжества народныхъ массъ безразсвѣтнымъ мракомъ язычества въ соединеніи съ грубостью нравовъ.

Голодный и усталый добрался онъ до богатой Помпеи, гдѣ легко могъ, бродя безъ дѣла по ея улицамъ, на досугѣ наблюдать тотъ чудовищный развратъ, до какого дошла наиболѣе богатая и изнѣженная часть населенія этого прелестнаго города, утопавшаго въ роскошной южной зелени садовъ и пріютившагося съ лазурью своихъ голубыхъ небесъ и съ прозрачной синевой своего сверкающаго моря въ тѣни стараго ворчуна Везувія. Но при видѣ этой роскоши, этого безпробуднаго розгула страстей, Онезимомъ овладѣлъ невольный страхъ за себя и, опасаясь сдѣлаться жертвой новыхъ пагубныхъ искушеній, онъ бѣжалъ, бѣжалъ безъ оглядки изъ этого вертепа разврата и пороковъ, хотя и успѣлъ убѣдиться, что здѣсь, среди богатаго населенія, ему всего скорѣе могъ бы представиться или случай поправить свое положеніе, или, по крайней мѣрѣ, возможность быть сытому. Покинувъ Помпею, онъ повернулъ назадъ и постепенно, переходя опять изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, приблизился къ сосѣднимъ съ Римомъ Байямъ, гдѣ, остановившись на время, попробовалъ-было заняться, для сниканія себѣ средствъ къ пропитанію, продажей очень употребительнаго въ тѣ времена въ народѣ прохладительнаго напитка—*posca*, состоявшаго изъ смѣси воды съ дешевымъ мѣстнымъ виномъ. И, дѣйствительно, ему какъ будто и повезло на первыхъ порахъ въ этомъ дѣлѣ: недостатка въ покупателяхъ у него не было, и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ его похожденіяхъ, красивое, симпатичное лицо молодого фригійца сослужило ему добрую услугу, привлекая къ нему какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, которые конечно предпочитали купить себѣ кружку *posca* у веселаго и красиваго юноши, чѣмъ у тѣхъ сумрачныхъ бродягъ іудеевъ, которые иногда занимались такой торговлей. Тутъ Онезиму вздохнулось нѣсколько полегче, и онъ уже начиналъ-было убаюкивать себя пріятной надеждой, что можетъ быть настали лучшія для него времена, и онъ проживетъ кое-какъ, не терпя ни особыхъ лишеній, ни нужды. Но, къ сожалѣнію, онъ поступилъ при этомъ очень опрометчиво, во-первыхъ, выбравъ для сколько-нибудь продолжительнаго пребыванія мѣстность настолько близкую къ Риму, а во-вторыхъ, и тѣмъ, что не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы остаться неузнаннымъ.

Такимъ образомъ вскорѣ случилось, что, пока онъ однажды очень спокойно выкликалъ съ разными веселыми шутками и прибаутками—продаваемый напитокъ, на него вдругъ обратилъ вниманіе главный управляющій нероновой виллы подъ Байями, нѣкто Дама, который, не рѣдко являясь въ палатинскій дворецъ съ отчетами и докладами, не разъ встрѣчалъ здѣсь Онезима и изъ своихъ бесѣдъ съ Каликлэсомъ хорошо зналъ какъ о пьяной выходкѣ Онезима, такъ и о его перемѣщеніи въ *ergastulum* и о его побѣгѣ оттуда. Взглянувъ на Онезима еще разъ и попристальнѣе, онъ убѣдился, что не ошибся; тѣмъ не менѣе, для большей вѣр-

ности вытащилъ изъ кармана дощечку, на которой прочелъ: «Бѣжалъ молодой рабъ 15 лѣтъ; наружность красивая; волосы темные, вьющіеся; имя ему Онезимъ. Кто его доставитъ, или укажетъ мѣсто его пребыванія, получитъ въ награду тысячу сестерцій».

Удостовѣрившись окончательно въ вѣрности своей догадки, Дама, чтобы вѣрнѣе овладѣть своей добычей, сперва отошелъ отъ него немного въ сторону, затѣмъ, обойдя кругомъ, подошелъ къ нему сзади и, хлопнувъ его по плечу, весело окликнулъ:

— Эй, Онезимъ!

— Да, я самый! – слегка вздрогнувъ, отозвался захваченный врасплохъ фригіецъ.

— Ну, да, я такъ и зналъ, что это ты, – проговорилъ съ недоброй усмѣшкой Дама и крѣпко ухватилъ его за плечо. – Идемъ со мной, мой удалой бѣглецъ. Цезарю не желательно терять такихъ красивыхъ молодцовъ; да и мнѣ совсѣмъ будетъ не лишнее получить за тебя тысячу сестерцій.

Напрасно дѣлалъ Онезимъ всевозможные попытки вырваться и удрать: пальцы Дамы, вцѣпившись въ него, какъ желѣзныя клещи, держали его крѣпко. Пришлось покориться.

— Освободить его! Освободить! — загалдѣла-было собравшаяся толпа зѣвакъ, пользуясь тѣмъ, что по близости не было видно ни полицейскихъ, ни солдатъ. Однако Дама съумѣлъ однимъ словомъ прекратить такой протестъ:

— Развѣ вы не знаете, кто я? И кто изъ васъ дерзнетъ воспротивиться аресту бѣглеца изъ цезаревой фамиліи рабовъ?

Устрашенная именемъ цезаря толпа, мгновенно прекративъ свои крики, поспѣшила разойтись, и Дама тотчасъ же послалъ одного изъ сопровождавшихъ его рабовъ на Неронову виллу подъ самыми Байями съ приказаніемъ принести оттуда кандалы. Такимъ образомъ Онезимъ черезъ нѣсколько минутъ снова увидалъ себя въ цѣпяхъ, но съ тою только разницей, что на этотъ разъ у него въ перспективѣ было наказаніе несравненно болѣе страшное, нежели всѣ тѣ, черезъ которыя онъ уже прошелъ.

На слѣдующій день рано утромъ его препроводили въ Римъ, куда онъ прибылъ въ тотъ же день и гдѣ въ первые минуты подумывалъ-было найти какое-нибудь средство сообщить о своемъ горестномъ положеніи Актэѣ въ той надеждѣ, что ея заступничество приведетъ къ смягченію предстоявшаго ему наказанія. Однако онъ убѣдился вскорѣ, что для него, при окружавшихъ его условіяхъ, всякое сообщеніе съ кѣмъ бы то ни было, было не болѣе какъ пустой, неосуществимою мечтою. И онъ былъ правъ какъ оказалось; не далѣе какъ на слѣдующее же утро послѣ его прибытія въ Римъ, ему была наложена на затылокъ обычная въ такихъ случаяхъ *furca* — толстая вила, сколоченная изъ двухъ кусковъ дерева въ видѣ буквы V, и съ этимъ орудіемъ пытки на затылкѣ и съ привязанными къ его концамъ руками его повели къ эсквилину—мѣсту казни, гдѣ предполагалось или распять его

на крестѣ, или забить бичами до смерти, и затѣмъ бросить его тѣло на съѣденіе хищнымъ птицамъ.

Оцѣпенѣніе, въ какомъ находился несчастный фригіецъ отъ ужаса и страха передъ предстоявшей ему казнью, отнимало у него всякую способность къ молитвѣ; тѣмъ болѣе, что въ эту минуту онъ яснѣе чѣмъ когда-бы то ни было сознавалъ себя богоотступникомъ, и весь дрожалъ при мысли о томъ безъисходномъ мракѣ и тѣхъ нескончаемыхъ мукахъ, которыя на вѣки станутъ его удѣломъ по снятіи его со креста.

Но часъ его пока еще не пробилъ.

Сопровождаемый солдатами, ликторами и толпой придворныхъ рабовъ, которые должны были присутствовать при казни, Онезимъ съ трудомъ подвигался подъ тяжестью вилы, какъ вдругъ на повоpотѣ въ одну изъ улицъ, ведшихъ къ эсквилину, печальную процессію увидалъ шедшій на встрѣчу ей юноша. То былъ Титъ, замѣтно похудѣвшій и поблѣднѣвшій послѣ болѣзни, перенесенной имъ вслѣдствіе глотка того самаго яда, который навѣки унесъ Британника. Титъ при первомъ же взглядѣ на преступника узналъ въ немъ Онезима и, какъ вкопанный, остановился. Но вдругъ, ударивъ себя по лбу, онъ круто повернулъ назадъ и бросился бѣжать, завернувъ въ одинъ изъ ближайшихъ переулковъ. Въ умѣ его блеснула мысль о возможности найти въ эту минуту средство спасти несчастнаго: онъ зналъ, что какъ разъ въ это время была нѣкоторая вѣроятность встрѣтить въ одной изъ сосѣднихъ улицъ старшую весталку Лэлію — добросердечную и красивую молодую римлянку, которую онъ хорошо зналъ и которая сама къ нему была очень дружески расположена. Титъ не ошибся въ своемъ предположеніи. Черезъ нѣсколько минутъ онъ, дѣйствительно, встрѣтилъ весталку, шедшую въ сопровожденіи присвоеннаго ея сану ликтора, и, подойдя къ ней, самымъ непринужденнымъ образомъ, весело смѣясь, сказалъ послѣ перваго же привѣтствія:

— Есть у меня большая просьба до благородной Лэліи: сейчасъ видѣлъ я тутъ по близости, какъ разъ противъ Юліева форума, у одного книгопродавца прелестный экземпляръ Виргиліевыхъ Эклогъ и даже съ портретомъ ихъ автора. А такъ какъ благородный другъ мой, Лэлія, обѣщала давно мнѣ подарокъ ко дню моего рожденія и даже позволила мнѣ самому выбрать этотъ подарокъ, то я и осмѣлился попросить ее пойти теперь же вмѣстѣ со мною и купить для меня эту книгу. Кстати, вѣдь, сегодня день моего рожденія.

— Съ величайшей радостью, — согласилась ничего не подозрѣвавшая весталка. — Ты благонравный и честный мальчикъ, и потому я всегда бываю очень рада, когда мнѣ представляетъ возможность доставить тебѣ какое-либо удовольствіе.

— Благодарю, дорогая Лэлія, — сказалъ Титъ и поспѣшилъ прибавить: — но не пройдемъ ли мы этимъ переулкомъ, какъ кратчайшею дорогою?

И, взявъ весталку за руку, онъ повелъ ее, приказавъ ликтору

слѣдовать за собою, по той улицѣ, гдѣ, долженъ былъ ему, какъ онъ это зналъ, встрѣтиться вторично Онезимъ съ его печальнымъ конвоемъ.

Увидавъ приближавшую къ нимъ процессію, онъ обратился къ весталкѣ и самымъ невиннымъ тономъ замѣтилъ ей.

— О какъ бы хотѣлось, Лэлія, имѣетъ привиллегію, дарованную вамъ, весталкамъ, спасать жизнь этимъ несчастнымъ! Взгляни: вотъ ведутъ какого-то несчастнаго раба, вѣроятно, на распятіе, а не то на избіеніе до смерти ударами кнута. Добрая Лэлія не сжалится ли надъ нимъ и не спасетъ ли бѣднягу въ силу даннаго ей священнаго права?

— Ты шутишь, Титъ! Бѣглаго раба! Подумай! — воскликнула изумленная Лэлія. — Нѣтъ, мы пользуемся своимъ правомъ для спасенія лишь благородныхъ римлянъ или по крайней мѣрѣ отпущенниковъ.

— Но развѣ рабъ не такой же человѣкъ какъ и всѣ мы? — спросилъ Титъ.—По крайней мѣрѣ Музоній и Сенека учатъ насъ, что это такъ. Взгляни, Лэлія, какъ еще молодъ и какъ красивъ собою этотъ несчастный. Вдобавокъ у него и видъ не раба, и я почти увѣренъ, что никакого особеннаго преступленія не совершилъ этотъ бѣдный юноша.

Лэлія взглянула на блѣдное лицо страдальца, и невольная жалось тронула ея сердце.

—Остановитесь!—приказала она солдатамъ и ликторамъ, почтительно склонившимъ при ея появленіи свои fasces.—Въ силу данной моему священному сану привиллегіи повелѣваю вамъ пощадить жизнь вашему арестанту.

— Но онъ бѣглый изъ цезаревой фамиліи рабовъ и указомъ самого императора осужденъ на смерть чрезъ бичеваніе кнутомъ,— выступая впередъ, проговорилъ Калликлэсъ.

— Кто дерзнетъ не повиноваться приказанію старшей весталки?—строго сверкнувъ очами, сказала Лэлія. — Даже самъ императоръ побоялся бы оскорбить величіе Весты и священнаго ея огня оспариваніемъ привиллегіи, съ незапамятныхъ временъ присвоенной старшей жрицѣ этой богини. Снимите сейчасъ съ него вилу.

Устрашенные повелительнымъ тономъ старшей весталки ликторы поспѣшили повиноваться и, отвязавъ Онезиму руки, сняли съ него тяжелую вилу. Что будетъ съ нимъ дальше—этого бѣдняга пока еще не зналъ; но за то онъ зналъ, что по крайней мѣрѣ на этотъ разъ жизнь будетъ ему пощажена.

Благодарю, добросердечнѣшая изъ весталокъ, — сказалъ Титъ, почтительно дотрогиваясь губами до края ея пурпуровой одежды, но ничѣмъ не обнаруживая своей тайны, что знаетъ Онезима.— Да вознаградитъ Веста безмятежный сонъ Лэліи сладчайшими сновидѣніями! Да благословитъ ее Опиконсивія.

— Опиконсивія! - повторила весталка, съ трудомъ удерживаясь, чтобы не разсмѣяться. — Ты кажется, надо мной смѣешься, Титъ. Что можешь ты знать объ Опиконсивіи!

— Очень немного, развѣ только то, что есть какая-то связь между ею и весталкам‹и›, и если только это такъ, то я увѣренъ, что Лэлія одна изъ первыхъ ея любимицъ.

А молодой фригіецъ, съ присущей ему догадливостью, держалъ себя, строго сображаясь съ поведеніемъ Тита. Такое право весталокъ при случайной встрѣчѣ съ отправляемымъ на смертную казнь преступникомъ, освобождать его отъ казни, пользовалось всеобщей извѣстностью, хотя къ дѣлу примѣнялось лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ весталки вообще не имѣли обыкновенія часто показываться на улицахъ. Но для того, чтобы такое право сохраняло свою силу, необходимо было, чтобы встрѣча весталки съ преступникомъ была непрѣменно случайная. Впрочемъ, и сама Лэлія врядъ ли осталось бы довольна, еслибъ какънибудь узнала, что сдѣлалась нѣкоторымъ образомъ жертвою обмана, хотя и довольно невиннаго, со стороны юнаго своего друга. Вотъ почему Титъ, добившись цѣли, принялся всячески торопить Лэлію къ книгопродавцу, у котораго добродушная Лэлія въ невинности души купила ему въ подарокъ не только Эклоги Виргилія, но еще и томикъ, крайно изящно переплетенный, Сенекиныхъ трактатовъ, чѣмъ нѣсколько даже и смутила юношу.

Объ этомъ поступкѣ Тита никто ничего не зналъ, и лишь у однаго Пуденса, слушавшаго его разсказъ объ этомъ маленькомъ инцидентѣ, появились нѣкоторыя подозрѣнія касательно того, какимъ собственно образомъ произошла эта счастливая всрѣча весталки съ Онезимомъ, такъ какъ глаза юноши что-то ужъ очень плутовски смѣялись, пока онъ ему разсказывалъ съ такимъ, повидимому, чистосердечіемъ и так откровенно этотъ интересный эпизодъ.

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Лахезисъ наматываетъ нитку.

Глава I.

Съ каждымъ годомъ царствованія Нерона, какъ характеръ его, такъ и всѣ его поступки принимали колоритъ все болѣе и болѣе мрачный: съ каждымъ годомъ крѣпло въ немъ сознаніе своего безграничнаго самовластія. Ни противиться его воли, ни оспаривать ее никто даже и не думалъ, и всякое желаніе цезаря, какъ бы оно ни было безумно, чудовищно и позорно, приводилось мгновенно въ исполненіе. Дворъ его кишѣлъ образцами низкихъ и льстивыхъ царедворцевъ, и не проходило ни дня, ни часа, чтобы Неронъ не слышалъ вокругъ себя восторженныхъ похвалъ своему уму, своимъ талантамъ, своей красотѣ. «Развѣ еще не знаетъ цезарь, что невозможнаго для него не существуетъ?» — говорили ему эти льстецы, если ему иногда случалось проявлять нѣкоторое колебаніе передъ тѣмъ или другимъ злодѣяніемъ или какимъ-либо неслыханнымъ кутежомъ.

А между тѣмъ почти одни и тѣ же явленія повторялись изо дня въ день среди утопавшаго въ развратѣ и все болѣе и болѣе трепетавшаго римскаго общества. Сегодня съ безконечными восторгами разсказывалось въ различныхъ римскихъ кружкахъ о самоубійствѣ того или другого изъ богатыхъ патриціевъ, лишившаго себя жизни единственно лишь потому, что жизнь эта, опостылѣвъ ему своею безсодержательностью, стала ему въ тягость;—завтра весь Римъ толковалъ о преданіи суду губернатора той или другой провинціи, слишкомъ ужъ обогатившаго себя наглымъ грабежомъ ввѣреннаго его управленію края; или втихомолку восхищался цѣлымъ рядомъ остроумныхъ пасквилей,—приписывавшихся или Созіану, либо Фабрицію Вейенту,—полныхъ злыхъ намековъ, направленныхъ или противъ самаго императора, или же противъ кого-нибудь изъ наиболѣе выдававшихся сенаторовъ.

Очень краснорѣчивымъ комментаріемъ того, какого рода было настроеніе духа, господствовавшее въ ту злополучную эпоху среди римскаго общества, можетъ служить ужъ одинъ тотъ прискорбный фактъ, что всѣ лучшіе мыслители того времени, какъ и вообще всѣ передовые въ умственномъ отношеніи люди видѣли въ самоубійствѣ единственный способъ отстоять свою независимость и въ этомъ видѣли драгоцѣннѣйшую изъ всѣхъ привилегій дарованныхъ человѣку. Хладнокровно и весело положить собственноручно конецъ своей жизни считалось лучшимъ доказательствомъ мужества и геройства. Такъ Сенека съ восторгомъ повѣствуетъ о смерти Кана, спокойно лишившаго себя жизни по приказанію императора. Канъ игралъ въ шашки, когда съ этимъ приказаніемъ явился къ нему центуріонъ; доигравъ партію и аккуратно сосчитавъ свои шашки, онъ замѣтилъ съ улыбкой своему партнеру: «Смотри, не вздумай послѣ того, какъ меня не станетъ, хвастаться, что партію ты выигралъ. Будь свидѣтелемъ, центуріонъ, что одной шашкой у меня больше». Потомъ, замѣтивъ печальное выраженіе на лицѣ своихъ друзей, онъ обратился къ нимъ со словами: «Не печальтесь, друзья мои. Подумайте, черезъ минуту рѣшенъ наконецъ будетъ для меня вопросъ, безсмертны ли наши души, или же и для нихъ нѣтъ безсмертія, о чемъ и сообщу вамъ, если только мнѣ будетъ дана возможность вернуться къ вамъ».

Всѣ письма Сенеки за то время, а также и большая часть его послѣднихъ сочиненій, насквозь проникнуты мыслью о смерти, въ виду чего позволительно предположеніе, что если онъ и выносилъ свою жизнь, то только благодаря поддерживавшему его сознанію, что въ его власти положить конецъ этой жизни, если выносить ее дольше станетъ ему не подъ силу. «Вѣдь умереть—часто говорилъ онъ—въ сущности ничто иное, какъ только не быть».

Не менѣе были безотрадны взгляды на жизнь, господствовавшіе и среди того кружка золотой молодежи, какой окружалъ себя Неронъ. Словомъ, во всѣхъ сферахъ римскаго образованнаго общества чувствовалось полнѣйшее отсутствіе какой-либо твердой почвы подъ ногами и всѣ болѣе или менѣе ясно сознавали, что подъ ихъ зеленѣющими и цвѣтущими виноградниками тлѣетъ готовый ежеминутно вспыхнуть огонь вулкана. Семейная жизнь, простая бесѣда друзей, собраніе пріятелей и добрыхъ знакомыхъ, скромныя пирушки и пышные банкеты, литература и философія, богатство и самая добродѣтель—словомъ все было сопряжено съ опасностью и грозило лишеніемъ жизни; а если что и могло служить нѣкоторымъ огражденіемъ отъ такой опасности, то единственно только умѣніе молча терпѣть, стараясь при этомъ не занимать по возможности никакихъ особенно выдающихся должностей, не проявлять никакихъ особыхъ дарованій и тщательно избѣгать какъ въ общественныхъ мѣстахъ, такъ даже и у себя дома, всякихъ такихъ разговоровъ, къ которымъ бы не примѣшивалась значительная доля похвалъ и льстивыхъ выраженій по адресу императора.

Отъ времени до времени прорывались тѣ или другіе прискорбные инциденты, которые, точно горная смола, всплывающая съ глубины Мертваго моря на его поверхность, краснорѣчиво гово-

рили о глубокихъ и гнойныхъ язвахъ, прикрытыхъ лишь тонкой оболочкой внѣшней цивилизаціи. Къ числу подобныхъ инцидентовъ можно по справедливости отнести, напримѣръ, печальную участь, постигшую народнаго трибуна и одного изъ товарищей Нерона по кутежамъ, Октавія Сагитту, сосланнаго за убійство одной благородной римской матроны, безсовѣстно долгое время кокетничавшей съ нимъ; а также и грубую и непристойную выходку въ присутствіи всего сената одного престарѣлаго, извѣстнаго всему Риму доносчика противъ Сенеки. Однако Неронъ на все это смотрѣлъ очень равнодушно и совершенно безучастно, такъ какъ мало-по-малу все болѣе и болѣе подпадалъ подъ роковое вліяніе очаровательной жены своего ближайшаго друга Отона, Поппеи, которая даже въ большей степени, чѣмъ извергъ Тигеллинъ, содѣйствовала быстрому развитію наиболѣе злыхъ и дурныхъ сторонъ натуры молодого императора.

Богато надѣленная и красотой и умомъ и всякими дарами, за исключеніемъ дара быть добродѣтельной, Поппея съ первой же минуты приковала къ себѣ прихотливое воображеніе легкомысленнаго и впечатлительнаго Нерона и была увѣрена, какъ въ своей побѣдѣ надъ нимъ, такъ и въ томъ, что отнынѣ титулъ Августы со всѣмъ его почетомъ и блескомъ для нея не болѣе какъ вопросъ времени. Но, конечно, для достиженія такой высоты надо было преодолѣть сначала кое-какія стоявшія ей поперекъ дороги преграды. Во-первыхъ, ея мужъ, изящный Отонъ, все еще любилъ ее до безумія; а во-вторыхъ, и самъ Неронъ все еще преклонялся передъ Отономъ, какъ передъ лучшимъ образцомъ свѣтскаго лоска и изящества, и былъ далекъ отъ всякаго помысла отдѣлаться отъ неизмѣннаго товарища всѣхъ своихъ пировъ и кутежей, а тѣмъ менѣе отдѣлаться отъ него путемъ смертной казни. Вдобавокъ императоръ все еще дорожилъ и общественнымъ мнѣніемъ на столько, чтобы не рѣшиться идти противъ него очень явно, открыто отнявъ Поппею у мужа, чтобы замѣстить ею всѣми глубоко уважаемую за доброту и цѣломудріе Октавію—эту любимицу войска какъ родную племянницу незабвеннаго Германика.

Но всѣ эти препятствія Поппея твердо положила себѣ одолѣть, и съ этой цѣлью неустанно подстрекала влюбленнаго въ нея императора на различныя кровавыя злодѣянія, опозорившія его имя. Такимъ образомъ путемъ двухъ убійствъ и расторженія двухъ браковъ дѣйствительно ей удалось проложить себѣ дорогу къ тому жалкому престолу, изъ-за котораго уже пролито было столько крови и совершено столько длиннымъ рядомъ прошедшихъ черныхъ дѣлъ.

Первымъ мужемъ Поппеи былъ нѣкій Креспинъ, отъ котораго у нея былъ сынъ. Позднѣе она вышла замужъ за блестящаго Отона, считавшагося не безъ основанія однимъ изъ изящнѣйшихъ представителей римской богатой молодежи; но при этомъ выборѣ Поппея уже съ самаго начала руководствовалась честолюбивымъ замысломъ пробить себѣ дорогу къ сферѣ болѣе возвышенной и со временемъ сдѣлаться императрицей, для чего и приложила всѣ

свои старанія очаровать Нерона и плѣнить его своей красотой.

Честолюбивая, красивая, разсчетливая и умная, она съ искусствомъ опытной кокетки давала замѣтить императору, что сама не равнодушна къ его красотѣ, но попутно держалась съ нимъ со всею скромностью и неприступностью строго добродѣтельной римской матроны. Стараясь для своей цѣли разжечь страсть Нерона къ себѣ до крайнихъ предѣловъ, она прибѣгала ко всевозможнымъ хитрымъ уловкамъ: то восторгаясь въ его присутствіи изяществомъ манеръ, щедростью и артистическими вкусами своего мужа и говоря о его пламенной любви къ себѣ; то дразнила молодого императора, издѣваясь надъ его привязанностью къ простой вольноотпущенницѣ Актэи, и при томъ никогда не упускала случая вооружить его всячески противъ его матери, очень хорошо понимая, что пока жива будетъ вдовствующая императрица, ей не добиться ни удаленія Октавіи, ни возможности занять ея мѣсто на престолѣ. Замѣтивъ въ Неронѣ нѣкоторые остатки его прежней боязни передъ матерью, Поппея не то шутя, не то серьезно, очень часто говорила ему въ тѣ минуты, когда цезарь казался болѣе обыкновеннаго очарованнымъ ея красотой: «Какой же ты цезарь, если въ тебѣ нѣтъ независимости даже простого гражданина! Нѣтъ, нашъ цезарь все еще школьникъ на помочахъ у своей матери».

Въ это послѣднее время Неронъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ видѣлся со своею матерью. Агриппина проводила большую часть времени то на той, то на другой изъ многочисленныхъ своихъ загородныхъ виллъ и лишь изрѣдка наѣзжала, и то на самое короткое время, въ отведенный ей въ Римѣ домъ Антоніи. Однако Неронъ, не смотря на упорно носившіеся въ римскомъ обществѣ слухи, будто Агриппина, отказавшись наконецъ отъ всякой политической роли въ государствѣ, предалась всецѣло сельскимъ развлеченіямъ, усердно занимаясь своими роскошными садами, забавляясь своими говорящими скворцами и кормленіемъ ручныхъ миногъ, а также удѣляя ежедневно нѣсколько часовъ на составленіе своихъ мемуаровъ, — Неронъ плохо вѣрилъ въ такую метаморфозу, а былъ, наоборотъ, убѣжденъ, что мать его, которой въ то время было не болѣе 45 лѣтъ, продолжала попрежнему лелѣять тѣ или иныя честолюбивые замыслы и съ свойственнымъ ей умѣньемъ терпѣливо выжидать минуты, была только на сторожѣ, чтобы уловить первый благопріятный случай осуществить то, что въ продолженіе всей ея жизни составляло главную цѣль всѣхъ ея стремленій и домогательствъ. Трусливый по натурѣ, онъ съ трепетомъ уже рисовалъ въ своемъ воображеніи различныя козни, изъ которыхъ одна была чернѣе и коварнѣе другой, представляя себѣ Агриппину въ сообщенничествѣ или съ Суллой, либо съ Рубелліемъ Плавтомъ, и не безъ страха смотрѣлъ довольно часто повторявшіяся въ то время свиданія вдовствующей императрицы съ Октавіей.

Такимъ образомъ наущенія и подстрекательства хитрой и почти не менѣе Агриппины честолюбивой Поппеи нашли себѣ въ сердцѣ Нерона очень благопріятную почву. И дѣйствительно, цезарь вскорѣ проникся мыслью, что мать его, кромѣ всякихъ другихъ опасеній какія внушало ему ея безмѣрное властолюбіе, являлась единственнымъ въ настоящую минуту препятствіемъ, стоявшимъ ему поперекъ дороги къ достиженію того, что ему представлялось въ то время верхомъ счастія и блаженства.

Все это вмѣстѣ взятое, ежеминутно раздражая Нерона, усиливало его враждебныя чувства къ матери, которая, въ свою очередь понимая, что ладить ей съ умной и честолюбивой Поппеей будетъ не такъ легко, какъ съ тихой и безотвѣтной Актэей, знала, что борьба съ красотой и вліяніемъ этой женщины будетъ для нея борьбою не на жизнь, а на смерть. Впрочемъ Агриппина къ этому времени уже успѣла до нѣкоторой степени примириться съ мыслью, что рано или поздно, ей не миновать той или другой насильственной кончины; императоръ очень явно и безъ всякой брезгливости прибѣгалъ ко всевозможнымъ недостойнымъ средствамъ унизить свою мать, показать ей ея ничтожество, дать ей понять всю глубину ея паденія и вообще отнять у нея все, что было ей дорого въ жизни.

Однажды уже была сдѣлана попытка отравить ее: то было въ домѣ Отона на одномъ изъ его пировъ. Но Агриппина была себѣ на умѣ и всегда старалась быть очень осторожною въ такихъ случаяхъ, и покушеніе не удалось. Однакожъ съ этой минуты мысль, что Агриппина—проницательная и сама очень опытная въ подобныхъ дѣлахъ - угадала злой умыселъ и теперь только ждетъ благопріятной минуты, чтобы, какъ тигрица, набросится на сына со всей силой затаенной ярости и уничтожить его, неотступно преслѣдовала императора болѣе чѣмъ когда-либо. Къ тому же и Тигеллинъ, преслѣдуя свои особыя личныя цѣли, не дремалъ и съ своей стороны всячески старался разжечь злобу цезаря противъ матери. Онъ совѣтовалъ Нерону для его сближенія съ Поппеей ранѣе всего устранить съ дороги мужа этой послѣдней, Отона, а затѣмъ смертью Агриппины проложить себѣ путь къ браку съ околдовавшей его восхитительной чародѣйкой, доказывая цезарю, что на Октавію, лишенную поддержки и совѣтовъ Агриппины, врядъ ли можно смотрѣть какъ на препятствіе сколько нибудь серьезное.

Неронъ не замедлилъ воспользоваться совѣтомъ своего фаворита относительно мужа Поппеи, и Отонъ вскорѣ былъ отосланъ въ далекую Лузитанію въ качествѣ правителя этого края. Нѣтъ, думаемъ, нужды говорить, что Поппея за мужемъ не послѣдовала, а осталась въ Римѣ. Удаленный же противъ своей воли, Отонъ сохранилъ свою любовь къ женѣ до послѣдняго конца и впослѣдствіи, ставъ императоромъ, ознаменовалъ свое кратковременное царствованіе, между прочимъ, курьезнымъ указомъ сенату почтить память этой

женщины сооруженіемъ въ честь ея статуи; но видѣть ее еще разъ живой ему не привелось.

Присутствуя какъ-то разъ при представленіи морского сраженія, для котораго арена цирка была превращена въ глубокое озеро, Неронъ пришелъ въ неописуемый восторгъ при видѣ одной новинки, придуманной какимъ-то кораблестроителемъ Арунтіемъ Стеллой для забавы зрителей и заключавшейся въ томъ, что одна изъ участвовавшихъ въ морскомъ маневрѣ триремъ внезапно раздвинулась на части и затѣмъ, потопивъ большую часть своего экипажа, снова сложилось въ такое же судно, какимъ была.

При этомъ Тигеллинъ, сидѣвшій возлѣ императора, коварно замѣтилъ ему:

— Предательская стихія—вода; и какихъ только случайностей не происходитъ на морѣ.

— А какъ ты думаешь, гдѣ мнѣ найти такого мастера, который бы взялся соорудить для меня такую же трирему?—спросилъ цезарь, пропустивъ мимо ушей полное глубокаго значенія замѣчаніе фаворита.

— Все это можетъ лучше всякаго другого устроить бывшій наставникъ цезаря, Аницетъ. Въ настоящее время онъ командуетъ эскадрою, стоящей у Мизенскаго мыса. Несомнѣнно, Стелла не откажетъ ему въ своихъ услугахъ и соорудитъ ему такую же интересную трирему, такъ что недѣли черезъ двѣ или три цезарь будетъ имѣть возможность послать ее въ подарокъ, но, конечно, предварительно приказавъ убрать ее съ царскимъ великолѣпіемъ и всевозможной роскошью, въ подарокъ императрицѣ Агриппинѣ...

— Да; но какъ — подъ какимъ предлогомъ заманить ее на бортъ?

— Сдѣлать это будетъ не трудно. Августа находится въ настоящее время въ Антіумѣ, гдѣ, должно быть, пробудетъ еще довольно долго. Цезарь переѣдетъ на свою виллу въ Байяхъ. Вскорѣ долженъ будетъ наступить праздникъ Минервы, и по этому случаю императоръ можетъ выразить желаніе примириться съ матерью и, пригласивъ ее прибыть къ нему въ Баіи, предоставить къ ея услугамъ вновь сооруженную галеру.

Представленіе морского сраженія между тѣмъ шло своимъ порядкомъ; но Неронъ послѣ этого разговора съ Тигеллиномъ уже не слѣдилъ съ прежнимъ вниманіемъ за происходившемъ на аренѣ, а былъ, казалось, весь погруженъ въ свои мрачныя думы. И, дѣйствительно, не веселаго свойства должны были быть думы, поглощавшія въ эту минуту молодого императора: врагъ всякихъ стѣсненій и вообще всего, что могло такъ или иначе наложить нѣкоторую узду на буйный произволъ его страстей, Неронъ не безъ горечи размышлялъ о тѣхъ незавидныхъ условіяхъ, въ какихъ видѣлъ онъ себя: съ одной стороны была его мать — женщина властолюбивая, озлобленная теперь противъ него, мстительная и пока еще, не смотря на все свое паденіе, не совсѣмъ лишенная всякой власти надъ нимъ и всякаго авторитета; съ другой—была

Поппея, сводившая его съ ума, дразнившая своею любовью, непрестанно коловшая ему глаза зависимостью его отъ матери, и при этомъ не упускавшая случая подстрекнуть его на матереубійство, а позади обѣихъ этихъ женщинъ грознымъ призракомъ выступала, стоя на стражѣ, томя его и терзая, нечистая совѣсть...

Глава II.

Прелестнымъ уголкомъ земнаго шара были Баіи въ весну 59 года по Р. Х. Мягкость благорастворённаго воздуха, чистое голубое небо, сверкающее на солнцѣ море съ его живописными берегами и высокими скалами, отражавшимися въ гладкой поверхности прозрачныхъ водъ небольшого залива, зеленѣющія окрестности и покрытыя лѣсомъ высоты — все это вмѣстѣ придавало этой мѣстности видъ какого-то волшебнаго края. Марій, Помпей и Юлій Цезарь имѣли здѣсь свои роскошные загородные дворцы и вскорѣ съ ихъ легкой руки вся эта побережная линія до Путеоли превратилась въ сплошной рядъ загородныхъ виллъ и роскошныхъ садовъ—лѣтнихъ резиденцій какъ римскихъ императоровъ, такъ и нѣкоторыхъ богатыхъ римскихъ патриціевъ. Всюду здѣсь виднѣлись величавые храмы, грандіозные амфитеатры, бани, великолѣпные дворцы—и все это какъ бы утопало среди роскошной зелени садовъ и рощъ. Обогнувъ Мизенскій мысъ, путникъ встрѣчалъ на своемъ пути прежде всего самый городъ Баіи, послѣ котораго, миновавъ болѣе скромные и уединенные Баулы, достигалъ живописныхъ озеръ Лукринскаго и Авернскаго, изъ которыхъ первое было соединено съ моремъ каналомъ, а второе защищено искусственной колоссальной плотиной. Немного дальше за этими озерами лежали Путеолы съ ихъ грандіознымъ храмомъ Серапису и колоссальнымъ амфитеатромъ, развалины которыхъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о бывшемъ значеніи этого когда-то богатаго приморскаго города на берегахъ Кампаніи.

Приближавшійся въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, праздникъ въ честь Минервы, начинавшійся 19-го марта и продолжавшійся въ теченіе пяти дней, на которые ученики обыкновенно распускались изъ школъ и уѣзжали каждый въ свою семью, придавалъ теперь этой мѣстности особое оживленіе вмѣстѣ съ праздничнымъ видомъ. Въ театрахъ и циркахъ шли усердныя приготовленія къ предстоявшимъ состязаніямъ и представленіямъ; актеры и гладіаторы старательно готовились каждый къ своимъ ролямъ, ораторы и риторы заготовляли свои рѣчи, стихокропатели слагали свои стихи; въ домахъ происходили обычныя приготовленія къ празднику; народъ суетился, проявляя совершенно особаго рода праздничную дѣятельность, всюду замѣчались та суматоха

и бѣготня, что предшествуютъ обыкновенно тому или иному большому народному празднеству.

Къ этому времени Неронъ успѣлъ окончательно свыкнуться съ мыслью избавиться путемъ насильственной смерти отъ докучливаго попечительства и стѣснительнаго для него авторитета матери. Пятилѣтнее полновластное и безконтрольное управленіе обширнымъ государствомъ, вмѣстѣ съ рабской угодливостью какъ ближайшихъ окружавшихъ его людей, такъ и большинства его совѣтниковъ и самаго сената, внушивъ ему изрядную вѣру въ безграничность своей власти и своего могущества, сдѣлало его очень неразборчивымъ на всякаго рода преступленія. Къ Поппеѣ онъ продолжалъ пылать все той же безумной страстью, соотвѣтственно которой крѣпла и росла его ненависть къ матери, какъ къ главному препятствію на пути осуществленія его пламеннаго желанія соединиться съ этой женщиной узами брака. Въ довершеніе же и Поппея съумѣла съ своей стороны такъ искусно подѣйствовать на трусливую натуру цезаря своими наговорами и увѣреніями, будто Агриппина ждетъ только благопріятной минуты, чтобы привести въ исполненіе тотъ или другой новый черный замыселъ противъ него, что Неронъ трепеща за свою драгоцѣнную жизнь, рѣшился немедленно привести въ исполненіе совѣтъ коварнаго Тигеллина и придать этимъ своему неслыханному злодѣянію видъ простой несчастной случайности на морѣ.

Съ этой цѣлью онъ началъ громко поговаривать о своемъ страстномъ желаніи примириться съ матерью и прекратить прискорбную размолвку. «Долгъ дѣтей — говорилъ онъ — переносить покорно и терпѣливо гнѣвъ родителей—хотя бы даже и не всегда справедливый; и я, какъ добрый и любящій сынъ, обязанъ сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы умиротворить раздраженіе моей матери и успокоить ее. Моя душа давно жаждетъ мира съ ней, и я готовъ многимъ поступиться, только бы возстановить мои прежнія дружескія отношенія съ ней». Искусный актеръ по самой своей природѣ, онъ съ неподражаемой искренностью выражалъ не разъ такія чувства въ присутствіи различныхъ лицъ, стараясь всегда при этомъ высказывать ихъ преимущественно тѣмъ, которые, какъ онъ зналъ, непремѣнно передадутъ его слова самой Агриппинѣ. Такъ Октавія одна изъ первыхъ сообщила Агриппинѣ свое предположеніе, которое основывала, разумѣется, на словахъ самого императора, что въ чувствахъ этого послѣдняго совершается очевидно переворотъ къ лучшему и оченъ возможно, что не далекъ тотъ день, когда Неронъ совершенно неожиданно возвратитъ ей прежнее ея положеніе со всѣми его аттрибутами и почетомъ. Такіе отрадные слухи не могли не заронить въ душу всѣми покинутой императрицы-матери искры обольстительной надежды вернуть утраченное, и эта искра на время освѣтила закатъ ея жизни, точно мимолетный лучъ солнца, неожиданно выглянувшій изъ-за черныхъ грозовыхъ тучъ, что такъ давно скоплялись надъ ея головой. Недовольная и почти всѣми оставлен-

ная, полная горечи и негодованія противъ неблагодарности сына, Агриппина однако отнеслась съ полнымъ довѣріемъ къ отрадному для нея извѣстію, обѣщавшему ей въ ближайшемъ будущемъ возвратъ и прежняго ея величія и прежняго его авторитета надъ сыномъ. Она находилась въ то время въ своей приморской виллѣ близъ Антіума, въ той самой виллѣ, гдѣ родился ея Неронъ, и гдѣ каждая комната, каждый уголокъ были для нея полны свѣтлыхъ воспоминаній его младенчества и первыхъ годовъ дѣтства. То была одна изъ самыхъ роскошныхъ ея виллъ, гдѣ среди массы художественныхъ произведеній были и такіе первокласные шедевры Аполлонъ Бельведерскій и умирающій гладіаторъ. Но созерцаніе окружавшаго ее великолѣпія, а также и видъ этихъ дивныхъ образцовъ скульптуры, доставляли Агриппинѣ, больной духомъ и сердцемъ, очень мало утѣшенія; и гораздо чаще она находила нѣкоторое себѣ успокоеніе — если только вообще находила его — въ кормленіи своихъ пятнистыхъ, ручныхъ миногъ, на ея зовъ выходившихъ изъ воды и бравшихъ кормъ изъ ея рукъ, или забавляясь прирученными птицами, которыя порхали вокругъ нея и съ веселымъ щебетаніемъ и чириканіемъ безбоязненно садились къ ней на плечи, голову и руки.

18-го марта, то есть наканунѣ дня, съ котораго начиналось пятидневное празднество въ честь Минервы, Агриппина получила отъ сына самое почтительное и ласковое письмо, въ которомъ цезарь приглашалъ ее на праздники къ себѣ въ Баіи, обѣщая полное примиреніе и забвеніе всѣхъ тяжелыхъ недоразумѣній. «Представь себѣ—между прочимъ писалъ ей Неронъ—что я еще разъ сталъ малымъ школьникомъ и что ты, любящая и заботливая моя мать, привѣтствуешь меня, пріѣхавшаго къ тебѣ изъ школы на праздники». Могла ли Агриппина, читая эти милыя строки, не поддаться сладкой надеждѣ, что наконецъ-то наступаетъ для нея заря болѣе свѣтлыхъ и счастливыхъ дней?

Веселая и сіяющая, какой едва ли кто видѣлъ ее со дня убійства Клавдія, Агриппина отправилась на слѣдующее утро черезъ садъ къ небольшой гавани, гдѣ стояла на якорѣ ея собственная яхта, на которой она нерѣдко совершила небольшія плаванія по окрестностямъ.

Никогда еще природа не казалась Агриппинѣ до такой степени восхитительною, какъ въ это яркое солнечное весеннее утро, пока она плавно неслась на своей либурнской яхтѣ по сверкавшимъ на солнцѣ волнамъ, вздымавшимся и слегка пѣнившимся подъ мѣрными ударами ея нарядныхъ гребцовъ. Но, обогнувъ Мизенскій мысъ, гребцы увидали шедшую вдали имъ на встрѣчу императорскую трирему, на которой Неронъ вышелъ въ море на встрѣчу матери. Когда оба корабля поравнялись, цезарь, перейдя на бортъ яхты, подошелъ къ матери и, почтительно поздоровавшись съ нею, нѣжно обнялъ ее и потомъ вмѣстѣ съ ней отправился въ Баулы—приморскую виллу Агриппины, лежавшую между Мизенскимъ мысомъ и Байскимъ озеромъ. Тутъ, послѣ завтрака, императоръ ненадолго простился съ матерью, при чемъ, взявъ съ нея слово, что къ вечеру она непремѣнно прибудетъ въ его загородный дворецъ въ Баіяхъ, сказалъ: «А вонъ тамъ у пристани, смотри, стоитъ нарочно для тебя снаряженное и убранное судно, чтобы ты могла явиться ко мнѣ въ Баіи съ подобающею матери цезаря торжественностью».

И, говоря это, Неронъ указалъ Агриппинѣ на великолѣпно убранное судно, стоявшее вмѣстѣ съ другими у берега и рѣзко отличавшееся отъ нихъ своимъ нарядным видомъ. Агриппина была въ восторгѣ какъ отъ нѣжной внимательности сына, такъ и отъ его великолѣпнаго подарка. Великолѣпіе и пышная роскошь нравились Агриппинѣ какъ сами по себѣ, такъ и по тому впечатлѣнію, какое они обыкновенно производятъ на народныя массы, а потому перспектива совершить свой переѣздъ въ Баіи на богато разукрашенной нарядными павильонами, флагами и позолотой яхтѣ была ей какъ нельзя болѣе пріятна. Кромѣ того такая неожиданная внимательность императора послѣ всѣхъ тѣхъ оскорбительныхъ униженій, какимъ чуть ли не ежедневно подвергалъ онъ ее за послѣднее время, показалось ей въ эту минуту благимъ предзнаменованіемъ, и она предалась сладкой мечтѣ, что Неронъ, наконецъ сознавъ свою вину передъ матерью, возвратитъ ей ея прежнія права вмѣстѣ съ отнятыми у нея эскортой преторіанцевъ и отрядомъ германскихъ тѣлохранителей.

Вполнѣ удовлетворенная въ своемъ тщеславіи, а также отчасти и въ своихъ материнскихъ чувствахъ лестнымъ пріемомъ, оказаннымъ ей цезаремъ, Агриппина была готова немедленно же послѣдовать на своей новой яхтѣ за императоромъ въ Баіи; но пока она послѣ короткаго отдыха облекалась въ Баулахъ въ самые дорогіе свои наряды и уборы, ей пришли доложить, что ея собственная яхта, на которой она прибыла изъ Антіума въ Баулы, потерпѣла сильное поврежденіе, такъ какъ одно изъ судовъ во время морской гонки, происходившей въ присутствіи самого императора, по неосторожности гребцовъ врѣзалось носомъ въ ея корму и пробило ее.

Несчастная мать и не подозрѣвала, конечно, что несчастный случай съ яхтой былъ не простою случайностію, а произошелъ по заранѣе придуманному плану и что главной причиной, побудившей Нерона выйти на встрѣчу матери, было желаніе придать поврежденію ея яхты видъ простой, и въ тоже время очень правдоподобной, случайности. Но тѣмъ не менѣе Агриппина послѣ такого несчастнаго случая съ ея яхтой вдругъ почувствовала какое-то безотчетное отвращеніе къ необходимости вступить на бортъ новаго судна. Глухіе, неясные намеки окружавшихъ ее лицъ на какую-то опасность, собственное предчувствіе какой-то грядущей бѣды и наконецъ отвѣты спрошеннаго ею астролога, высказавшаго предположеніе о возможности неожиданной бури и совѣтовавшаго совершить переѣздъ изъ Баулъ въ Баіи сухимъ путемъ—все это вмѣстѣ повергало ее минутами въ такой ужасъ, что она

вся холодѣла и забывала передъ страшной неизвѣстностью и свою недавнюю радость и только-что проснувшіяся было свѣтлыя надежды. Напрасно она старалась разсѣять свои опасенія, объясняя себѣ всю ихъ неосновательность: недобрыя предчувствія говорили громче всякихъ доводовъ и, заглушая голосъ разума, продолжали тревожить ее, такъ что въ послѣднюю минуту, уже передъ самымъ отъѣздомъ, она приказала подать себѣ носилки и отправилась въ Баіи сухимъ путемъ.

Въ Баіяхъ Неронъ встрѣтилъ свою мать не только съ величайшимъ почетомъ, но и съ лаской и восторгомъ любящаго сына, и все время, съ первой минуты какъ Агриппина сошла съ носилокъ и до послѣдней, когда она уже простилась съ нимъ, чтобы возвратиться къ себѣ въ Антіумъ, почти неотлучно находился при ней, окружая ее самой нѣжной заботливостью и внимательной предупредительностью и постоянно уступая ей первое почетное мѣсто. Казалось, будто императоръ въ продолженіе всего этого вечера не могъ ни достаточно наглядѣться на свою мать, ни достаточно наговориться съ ней и находился все время въ самомъ веселомъ и благодушномъ настроеніи духа. Съ шаловливой радостью, точно настоящій школьникъ, онъ то принимался ее цѣловать, то смѣялся съ ней, обнималъ ее и, наконецъ, самъ повелъ ее въ роскошный триклиніумъ, окна котораго выходили на бухту и гдѣ, прежде чѣмъ возлечь за ужинъ, онъ вмѣстѣ съ нею полюбовался чудной панорамой тихаго голубого моря съ его живописными берегами. За ужинымъ онъ то и дѣло, шутилъ съ ней, увѣрялъ, будто самъ поймалъ, забросивъ удочку черезъ окно въ море, поданную къ столу рыбу, угощалъ разнаго рода лакомствами и самыми изысканными винами. По временамъ же онъ заводилъ съ ней и серьезныя разговоры о различныхъ государственныхъ дѣлахъ, просилъ ея совѣтовъ и, съ благоговѣніемъ ловя каждое ея слово, почтительно выслушивалъ каждое ея замѣчаніе. Словомъ, разыгрывая эту безчеловѣчную комедію, Неронъ проявилъ все мастерство великаго актера и своими неотступными притворными ласками и нѣжною почтительностью постепенно совсѣмъ усыпилъ проснувшіяся-было въ Баулахъ, послѣ поврежденія ея либурнской яхты, подозрѣнія Агриппины. Развѣ не естественно было желаніе сына примириться съ когда-то столь горячо любимою матерью, которой онъ былъ обязанъ не только жизнью, но и своимъ настоящимъ положеніемъ римскаго императора? Развѣ могла Агриппина допустить мысль, чтобы вся эта почти дѣтская радость Нерона при видѣ ея у себя въ домѣ, вся его нѣжная предупредительность къ ней, всѣ его заботы о ней—все это было тоже одно притворство, одно лишь умѣнье, доведенное до виртуозности, входить въ ту или другую принятую на себя роль?

Въ такой задушевной бесѣдѣ незамѣтно летѣли часы, пока наконецъ наступила ночь, а съ нею и минута разставанья. Не смотря на все свое легкомысліе, на всю свою нравственную испорченность, Неронъ въ эту страшную минуту и самъ невольно со-

дрогнулся при мысли, что видитъ передъ собой въ послѣдній разъ живою свою мать, обреченную по его волѣ на скорую насильственную смерть, и тутъ въ первый, можетъ быть, разъ сознаіъ онъ въ душѣ, сколь многимъ былъ обязанъ своей матери, какая бы она и ни была въ другихъ отношеніяхъ. Крѣпко обнявъ ее, онъ началъ покрывать ей руки, шею и глаза горячими поцѣлуями, причемъ въ глубинѣ его души дѣйствительно шевельнулось что-то очень похожее на желаніе, чтобы это притворное примиреніе было дѣйствительнымъ примиреніемъ, и въ эту минуту онъ очень вѣроятно даже и пожалѣлъ, что вообще когда-либо задумалъ столь безчеловѣчное злодѣяніе.

— Прощай, дорогая матушка,—повторилъ онъ не разъ чуть ли не съ рыданіями,—прощай и смотри, береги свое здоровье для меня,—и наконецъ, передавъ Агриппину на руки Аницету, онъ поспѣшилъ удалиться въ свою опочивальню.

Склонивъ почтительно голову, начальникъ эскадры, бывшій нѣкогда простымъ рабомъ, подалъ руку императрицѣ и бережно провелъ ее по устланному пурпуровою тканью трапу на бортъ рокового корабля, гдѣ близъ кормы подъ роскошнымъ павильономъ, разукрашеннымъ золотой бахромой и золотыми кистями, было приготовлено для Агриппины великолѣпное ложе, на которое несчастная мать, полная самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее, съ удовольствіемъ прилегла теперь, чтобы отдохнуть послѣ всѣхъ тревогъ, опасеній, и неожиданныхъ радостей, какими подарилъ ее этотъ день.

Немногочисленная вообще свита императрицы-матери на этотъ разъ состояла всего изъ двухъ неразлучныхъ спутниковъ всѣхъ ея переѣздовъ—Креперея и прислужницы Ацерроніи. Ночь была тихая и звѣздная—одна изъ тѣхъ чудныхъ весеннихъ ночей, какія бываютъ лишь на берегахъ благословенной Италіи. Усѣянная миріадами звѣздъ темная синева небеснаго свода какъ въ зеркалѣ отражалась въ гладкой поверхности моря, и лишь возлѣ корабля, слегка пѣнясь, вздымались подъ мѣрными ударами гребцовъ широкія волны, которымъ отражавшіеся въ нихъ милліоны звѣздъ придавали видъ растопленнаго золота. Съ береговъ доносилось сладкое благоуханіе садовъ и деревъ въ полномъ цвѣту, и эта тишина, и чарующая прелесть теплой весенней ночи, казалось, словно скрѣпляли своимъ умиротворяющимъ вліяніемъ только-что совершившееся примиреніе двухъ родныхъ сердецъ, питавшихъ столь долгое время другъ противъ друга лишь злобныя и горькія чувства недовольства и вражды.

Сидя у ногъ императрицы, вѣрная Ацерронія занимала ее бесѣдою, припоминая ей то ту, то другую подробность счастливаго дня и громко высказывая самыя блестящія предположенія относительно ближайшаго будущаго.

— Теперь,—говорила Ацерронія,—послѣ такого открытаго и явнаго примиренія съ цезаремъ, Августа снова вступитъ въ свои права императрицы и матери, вернется въ палатинскій дворецъ

цезарей, который еще разъ будетъ служить ей главной резиденціею, и на улицахъ Рима ее снова будутъ видѣть не иначе какъ въ сопровожденіи блестящей эскорты преторіанцевъ и отряда тѣлохранителей-германцевъ. Никогда еще императоръ не показывалъ столько нѣжной и почтительной сыновней любви къ Августѣ; въ продолженіе всего вечера онъ ни на шагъ не отходилъ отъ нея, а при прощаніи желалъ, казалось, расцѣловать ей не только руки и глаза, но самую душу ея.

Нѣсколько поодаль отъ Агриппины и ея неизмѣнной наперсницы стоялъ, прислонясь къ столбу павильона, Креперей и лишь отъ времени до времени вставлялъ ту или другую короткую фразу въ подтвержденіе справедливости предположеній и соображеній Ацерроніи. Но вотъ съ носовой части корабля, гдѣ помѣстился Аницетъ, раздался совершенно неожиданно пронзительный свистокъ, тотчасъ за которымъ послѣдовалъ страшный трескъ и нарядный павильонъ надъ головой Агриппины, съ умысломъ отягощенный нѣкоторымъ количествомъ свинца, всей своей тяжестью обрушился на головы ничего не подозрѣвавшихъ жертвъ неслыханнаго злодѣянія. Несчастный Креперей, стоявшій, какъ уже сказано ранѣе, нѣсколько съ боку подъ балдахиномъ, былъ всего менѣе защищенъ противъ такого неожиданнаго удара сверху и былъ тутъ же на мѣстѣ убитъ на повалъ; тогда какъ сама Агриппина, какъ и прислужница ея Ацерронія, болѣе счастливыя въ этомъ случаѣ, избѣжали вѣрной смерти, лишь благодаря тому обстоятельству, что спинка ложа, на которомъ полулежа, покоилась императрица, оказалась, противъ всякаго ожиданія злоумышленниковъ, настолько прочно и крѣпко сколоченною, что могла выдержать первый напоръ рухнувшаго павильона. Впрочемъ такое счастливое обстоятельство ничуть не спасло ни Агриппины, ни ея спутницы отъ дальнѣйшей грозившей имъ бѣды: напротивъ, теперь опасность грозила имъ съ двухъ сторонъ: со стороны моря и со стороны злыхъ недоброжелателей. Ошеломленныя паденіемъ обрушившагося на нихъ навѣса, обѣ онѣ еще не успѣли вполнѣ прійти въ себя отъ первой минуты испуга, какъ уже вокругъ нихъ со всѣхъ сторонъ раздались неистовые крики, ругательства, противорѣчившія одно другому распоряженія старшихъ офицеровъ и суетливо безпорядочная бѣготня гребцовъ. Обезумѣвъ отъ эгоистичнаго страха лишиться жизни и погибнуть или подъ тяжестью рухнувшаго павильона, или въ волнахъ, Ацерронія, какъ только ей удалось выкарабкаться изъ-подъ обломковъ, принялась звать гребцовъ на помощь, крича изо всѣхъ силъ: «Я императрица, спасите мать цезаря». Но дорого поплатилась несчастная за свой обманъ: при этихъ словахъ на нее мгновенно набросились со всѣхъ сторонъ гребцы, кто съ весломъ, кто съ багромъ, и скоро мнимая мать цезаря бездыханнымъ трупомъ пошла ко дну. Опытная въ дѣлахъ преступныхъ заговоровъ, Агриппина въ виду этого убійства мигомъ сообразила, что весь этотъ несчастный случай былъ не болѣе и не менѣе какъ ловко придуманнымъ посягательствомъ собственно на ея жизнь, и, пользуясь общей суматохой и темнотой, поспѣшила незамѣтно спуститься въ море. Хорошій и безстрашный пловецъ, она поплыла по направленію къ недалекому берегу и только тутъ впервые замѣтила, почувствовавъ сильную боль въ плечѣ, что ранена или при паденіи павильона, или же ударомъ весла одного изъ участниковъ въ заговорѣ. Но не смотря на это, она продолжала плыть и, не взирая на боль, напрягала всѣ свои силы, лишь бы добраться до берега.

Случилось, что въ этотъ самый вечеръ центуріонъ Пуденсъ, находившійся въ качествѣ начальника одной изъ тѣхъ преторіанскихъ когортъ, которыя состояли въ конвоѣ Нерона, въ Баіяхъ, вздумалъ устроить прогулку по заливу при лунномъ свѣтѣ, на которую пригласилъ своего друга Тита, а также и невѣсту свою Клавдію вмѣстѣ съ ея отцомъ Карактакомъ. Пока веселая молодая компанія мирно каталась по заливу, любуясь красотой лунной ночи, мимо нея быстро пронеслась нарядно разукрашенная яхта, которая должна была доставить Агриппину обратно въ ея виллу подъ Антіумомъ. Но вотъ Пуденсъ, пока онъ слѣдилъ глазами за удалявшимся кораблемъ, вдругъ услыхалъ какой-то необычайный на немъ трескъ и шумъ, сопровождавшійся отчаянными криками и стонами. Сообразивъ, что на императорской яхтѣ произошелъ несчастный случай, онъ принялся изо всѣхъ силъ грести, спѣша къ ней на помощь; но при этомъ вскорѣ замѣтивъ на морѣ какого-то пловца, съ видимымъ усиліемъ боровшагося съ теченіемъ, онъ направилъ свою лодку на встрѣчу плывшему, что въ свою очередь сдѣлали и какіе-то простые рыбаки, вышедшіе въ море на свой промыселъ. Къ изнемогавшей отъ усталости и боли въ плечѣ императрицѣ первою подошла лодка Пуденса, который, поровнявшись съ нею, протянулъ руку, чтобы помочь ей войти въ лодку, причемъ Агриппина, при свѣтѣ поднятаго Титомъ факела, узнала въ одномъ изъ нихъ хорошо извѣстнаго ей центуріона дворцовой преторіанской гвардіи, а въ другомъ бывшаго друга и товарища Британника. Точно также и Титъ при свѣтѣ того же факела успѣлъ разглядѣть черты императрицы.

— О боги милостивые!—воскликнулъ въ ужасѣ юноша,—вѣдь это императрица Агриппина.

— Тише! Не упоминайте моего имени,—замѣтно ослабѣвшимъ голосомъ проговорила Агриппина и, войдя въ лодку, въ изнеможеніи опустилась на скамью.

Рукавъ ея былъ весь въ крови. Пуденсъ вмѣстѣ съ Титомъ уложили бережно императрицу на скамьѣ, а Клавдія, послѣ этого помѣстившись возлѣ нея, очень усердно принялась унимать кровь, сочившуюся изъ довольно глубокой раны на плечѣ. Агриппина вполголоса высказала желаніе, чтобы ее доставили къ пристани ея виллы въ Баулахъ на Лукринскомъ озерѣ. Когда же лодка причалила къ берегу, Титъ обратился къ Агриппинѣ съ предложеніемъ сбѣгать къ ней въ домъ, чтобы позвать ея ра-

бовъ и велѣть принести носилки; однако императрица убѣдительно попросила его не дѣлать этого, а лучше постараться внести ее во дворецъ, какъ-нибудь другимъ способомъ. Тогда Титъ вмѣстѣ съ Пуденсомъ, устроивъ общими усиліями наскоро нѣчто въ родѣ носилокъ изъ скамьи и досокъ сопровождавшей ихъ рыбачьей лодки, уложили на нихъ несчастную императрицу и въ такомъ скромномъ видѣ внесли въ залу ея роскошнаго загороднаго дворца, гдѣ этотъ печальный и убогій кортэжъ встрѣтила въ дверяхъ толпа изумленно-недоумѣвавшихъ рабовъ.

Тѣмъ временемъ слухъ о несчастномъ случаѣ, погубившемъ новую императорскую яхту, успѣлъ съ быстротою молніи распространиться вдоль обоихъ побережьевъ, запруженныхъ по случаю праздника толпами гулявшаго народа. Что значила такая повидимому безпричинная катастрофа? Ночь была тиха, безъ малѣйшаго вѣтерка, и ничто даже и не рябило гладкой какъ зеркало поверхности моря; подводныхъ скалъ въ этой части залива тоже не было, какъ не было и никакого столкновенія съ какимъ-либо другимъ судномъ. Какимъ же образомъ наконецъ могло случиться такое несчастье? Народъ начиналъ замѣтно волноваться и цѣлыми гурьбами валилъ изъ различныхъ побережныхъ виллъ къ берегу; со всѣхъ сторонъ слышались тревожные вопросы, которымъ конца не было и въ отвѣтъ на которые высказывались всевозможныя предположенія одно другого гадательнѣе и невѣроятнѣе. Множество мерцавшихъ вдоль обоихъ береговъ факеловъ образовало огненный потокъ, который разливался въ различныя стороны, смотря по тому, куда направлялась все болѣе и болѣе волновавшаяся толпа. Среди этого всеобщаго смятенія, нестройныхъ возгласовъ и сбивчивыхъ, громко передававшихся слуховъ, на морѣ недалеко отъ берега вдругъ показалась отчалившая отъ пристани Агриппиновой виллы и шедшая теперь по направленію къ Баіямъ лодка центуріона Пуденса. Народъ немедленно окружилъ ее; со всѣхъ сторонъ посыпались нетерпѣливые и безтолковые вопросы, въ отвѣтъ на которые Пуденсъ, и Титъ поспѣшили сообщить вкратцѣ толпѣ любопытныхъ, что яхта Августы дѣйствительно потерпѣла неизвѣстно какимъ образомъ крушеніе, но что императрица благополучно отдѣлалась однимъ испугомъ и въ настоящее время находится внѣ опасности у себя въ своей виллѣ.

Больная и тѣломъ и душою, Агриппина дѣйствительно лежала въ своей опочивальнѣ, гдѣ безпокойно металась на своемъ ложѣ, вздрагивала и стонала, но не столько, вѣроятно, отъ физической боли, сколько отъ нравственныхъ невыносимо тяжелыхъ мукъ. Увы!—все теперь было ясно для нея—ясно до очевидности. Теперь она постигла настоящій смыслъ и настоящую цѣль нѣжно-покорнаго посланія сына, которымъ онъ пригласилъ ее пріѣхать изъ Антіума въ Баіи,—ей стали понятны и любезная встрѣча близъ Мизенскаго мыса, и его почти ребячья веселость, и дѣтскія ласки, и поврежденіе ея собственной яхты, и настоя-

тельное требованіе цезаря принять отъ него въ подарокъ богато разукрашенную новую яхту и на ней совершить свой переѣздъ изъ Бауль въ Баіи. Итакъ, всѣ эти любезности, ласки и заботы о ней, вся эта нѣжная почтительность—все это было лишь одно коварное лицемѣріе, одно притворство, подъ которыми скрывался безчеловѣчный умыселъ предать ее насильственной смерти.

Мечтать о мщеніи при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась Агриппина въ то время, было бы съ ея стороны верхомъ неблагоразумія. Больная, всѣми давно покинутая, а теперь и окончательно пришибленная нравственно послѣднимъ явнымъ покушеніемъ сына на ея жизнь, эта несчастная, когда-то столь безстрашная и энергичная женщина чувствовала себя въ эту минуту совсѣмъ разбитою и безпомощною. Куда дѣвались и ея прежняя, былая энергичная рѣшимость и ея неустрашимость? Объятая ужасомъ, она вся дрожала, невольно трепеща за свою жизнь въ сознаніи своего одиночества и своей покинутости. И въ самомъ дѣлѣ, могла ли она сколько-нибудь основательно разсчитывать на чье-либо заступничество? Не чернь же, питавшая къ ней столько ненависти и злобы, поднимется въ ея защиту; а также не патриціи, и не сенаторы—давно успѣвшіе погрязнуть въ омутѣ низкаго и себялюбиваго раболѣпства передъ цезаремъ и утопавшіе въ изнѣженной роскоши—чтобы мужественно и безбоязненно сказать доброе слово въ ея пользу! Оставался только одинъ чуть замѣтно мерцавшій лучъ нѣкоторой очень слабой надежды: можетъ быть ея сынъ, почувствовавъ къ ней въ самую послѣднюю минуту нѣкоторую жалость, раскаялся въ задуманномъ. Вѣдь ласки его при прощаніи были, казалось, насквозь пропитаны сердечностью и искренностью. Не одумается ли несчастный, когда узнаетъ, что сама судьба на этотъ разъ спасла его отъ страшнаго злодѣянія? И Агриппина, которая вообще и раньше не любила прямыхъ путей, рѣшила, что съ ея стороны будетъ всего политичнѣе прибѣгнуть къ маленькой хитрости и сдѣлать видъ полнѣйшаго невѣдѣнія относительно такъ хитро придуманной, но все-таки не удавшейся попытки погубить ее, и, рѣшивъ дѣйствовать такимъ образомъ, велѣла немедленно позвать къ себѣ одного изъ наиболѣе довѣренныхъ своихъ вольноотпущенниковъ, Люція Агерина, которому приказала отправиться не медля ни минуты въ Баіи къ императору, чтобы скорѣе успокоить его извѣстіемъ, что мать его, благодаря покровительству безсмертныхъ боговъ, счастливо избѣжала опасности угрожавшей ей гибелью.

— Кромѣ того, ты отъ моего имени передашь цезарю;—отпуская Агерина, сказала Агриппина въ заключеніе,—чтобы онъ не особенно тревожился обо мнѣ и отложилъ бы весьма вѣроятное и совершенно естественное намѣреніе навѣстить меня до другого раза, такъ какъ въ настоящее время и при моемъ теперешнемъ состояніи отдыхъ и абсолютное спокойствіе мнѣ всего нужнѣе.

Все это время Неронъ, страшно волнуясь и тревожась въ мучительномъ спокойствіи за исходъ своего преступнаго замысла,

ждалъ съ нетерпѣніемъ появленія Аницета съ желаннымъ извѣстіемъ, которое должно было окончательно развязать ему руки и освободить его изъ подъ гнета стѣснительнаго авторитета матери. Но при этомъ онъ ни на одну минуту не остановился передъ мыслью о чудовищности совершаемаго имъ преступленія, а тревожился исключительно только желаніемъ скорѣе избавиться отъ человѣка, передъ которымъ продолжалъ по временамъ испытывать припадки дѣтскаго страха и который своимъ авторитетомъ въ нѣкоторой степени продолжалъ сдерживать бѣшено мчавшихся коней его безумныхъ страстей.

Томимый мучительною неизвѣстностью, Неронъ былъ не въ состояніи ни предаваться обычнымъ своимъ развлеченіямъ, ни искать себѣ успокоенія во снѣ и, метаясь безпокойно по своей опочивальнѣ, изрѣдка перекидывался словомъ съ Тигеллиномъ, который одинъ былъ съ нимъ въ эти страшныя минуты, и осушалъ одинъ бокалъ за другимъ. А между тѣмъ часы проходили; нетерпѣніе императора росло съ каждой новой минутой, а вѣстей съ мѣста предполагавшейся катастрофы все не было. Неужели же успѣхъ не увѣнчаетъ такъ хитро придуманнаго покушенія? А разъ оно удастся—скрыть его будетъ не трудно: какъ волны, такъ и мертвые не говорятъ и тайны не выдадутъ. Всѣ видѣли, какъ былъ онъ сегодня почтителенъ, нѣженъ и ласковъ съ матерью, съ какою сердечностью прощался съ нею. Теперь же, когда все уже совершилось, вѣроятно, ему остается съумѣть должнымъ образомъ проявить свое горе, оплакать всенародно столь тяжелую въ его молодые годы утрату нѣжной матери и опытной руководительницы, такъ неожиданно у него похищенной предательствомъ безжалостныхъ волнъ и вѣтровъ, и затѣмъ воздвигнуть въ память незабвенной матери величественные храмы и пышные алтари, которые будутъ свидѣтельствовать о его почтительныхъ и нѣжныхъ сыновнихъ чувствахъ.

Однакожъ почему это вообще нѣтъ оттуда никакихъ вѣстей? Прошло вѣдь уже часа три, если не болѣе, съ минуты отплытія корабля изъ Байй. Ужъ и въ самомъ дѣлѣ не случилось ли что-либо непредвидѣнное? И тревожимый страшнымъ сомнѣніемъ, Неронъ выбѣжалъ на балконъ, откуда былъ видѣнъ заливъ съ его живописными берегами. Да, дѣйствительно, случилось, вѣроятно, что-то неладное. Куда такими толпами бѣжалъ народъ? Что значили эти крики, эта суетливая бѣготня, это мерцаніе факеловъ то въ одномъ направленіи, то въ другомъ.

Въ эту минуту въ опочивальню Нерона вошелъ одинъ изъ его рабовъ и доложилъ ему о прибытіи центуріона Пуденса, явившагося, въ сопровожденіи Тита Флавія, къ цезарю по какому-то дѣлу. При этомъ послѣднемъ имени Неронъ, сердито сдвинувъ брови, невольно вздрогнулъ: оно напомнило ему ночь умерщвленія Британника.

— Что имъ надо?—угрюмо спросилъ онъ.

— Они пришли съ важными вѣстями, сообщить которыя могутъ только одному цезарю.

— Хорошо; приведи ихъ сюда; но, смотри, чтобы стража стояла тутъ же за дверями подъ рукою.

Представъ передъ императоромъ, Пуденсъ и Титъ очень подробно сообщили ему, отвѣчая на его тревожные разспросы, обо всемъ случившемся. Щедро наградивъ какъ Пуденса, такъ и Тита дорогими подарками, Неронъ поспѣшилъ отпустить ихъ, и только оба скрылись за дверью, несчастный матереубійца, блѣдный какъ мертвецъ, опустился въ изнеможеніи, весь дрожа отъ страха, на ближайшее ложе, съ котораго уставился помутившимися отъ испуга глазами на соучастника неудавшагося злодѣянія.

— Теперь я человѣкъ погибшій,—глухо проговорилъ онъ.— Августа ранена, все поняла и знаетъ.

Опасаясь, какъ бы императоръ не лишился чувствъ отъ страха, Тигеллинъ принялся спрыскивать ему лицо и смачивать виски холодною водою.

— Что-то теперь она предприметъ противъ меня?—боязливо оглядываясь и понизивъ голосъ до чуть слышнаго шопота, дрожащими устами лепеталъ Неронъ.—Подошлетъ ли сюда цѣлую толпу вооруженныхъ рабовъ своихъ, чтобы умертвить меня? Или же вооружитъ противъ меня преторіанскія когорты? А не то явится, можетъ быть, въ Римъ, чтобы обвинить меня передъ сенатомъ и народомъ въ покушеніи сдѣлаться матереубійцею!

Тигеллинъ безмолвствовалъ: онъ и самъ начиналъ опасаться, какъ бы дѣло не приняло и въ самомъ дѣлѣ очень серьезнаго и вовсе неожиданнаго оборота, и не зналъ, ни что посовѣтовать дрожавшему отъ страха императору, ни чѣмъ успокоить его.

Наконецъ самъ Неронъ надумался послать за своими неизмѣнными въ сколько-нибудь затруднительныхъ минутахъ совѣтниками—за Сенекою и Бурромъ, которые оба находились въ то время, вслѣдствіе приглашенія цезаря, въ его виллѣ въ Байяхъ. Разбуженные среди поздней ночи, они по первому зову императора поспѣшили явиться къ нему на совѣщаніе. Неронъ съ трепетомъ сообщилъ имъ, что новая яхта, на которой Августа отплыла изъ Байй, чтобы вернуться въ свою виллу близь Антіума, совершенно неожиданнымъ образомъ потерпѣла крушеніе,—«и хотя моя мать—прибавилъ онъ—счастливо избѣжала опасности, отдѣлавшись всего только легкою раною на плечѣ, тѣмъ не менѣе она навѣрное заподозритъ въ этомъ несчастномъ случаѣ какое-нибудь покушеніе съ моей стороны на ея жизнь и въ своей злобѣ приметъ, конечно, всевозможныя мѣры, чтобы отомстить мнѣ. Посовѣтуйте, какъ мнѣ поступить, чтобы уклониться отъ ея грозной мести?»

Словно оглушенные громовымъ ударомъ, стояли Бурръ и Сенека и молчали, не зная, что имъ отвѣтить. Какъ тотъ, такъ и другой очевидно были непричастны этому новому и, быть можетъ, наиболѣе ужасному злодѣянію юнаго императора. Очень можетъ быть впрочемъ, что кое-какіе слухи—темные и сбивчивые—о ка-

комъ-то вновь затѣваемомъ преступленіи и доходили до нихъ; но знать что-либо вѣрное и опредѣленное относительно готовившагося совершиться злодѣянія они врядъ ли могли, такъ какъ Аницетъ, а также и главный иниціаторъ этого доблестнаго подвига, Тигеллинъ, дѣйствовали въ этомъ случаѣ настолько осмотрительно, что если и выдали кому-либо тайну своего коварнаго злоумышленія, то развѣ только нѣкоторымъ избраннымъ единомышленникамъ своимъ, въ родѣ Поппеи. Тѣмъ не менѣе оба они, и Бурръ и Сенека, сразу сообразили въ чемъ была самая суть дѣла и содрогнулись отъ ужаса, страха и отвращенія. Честный и прямой по природѣ Бурръ съ сожалѣніемъ вспомнилъ при этомъ болѣе счастливое время своей молодости, когда добродѣтели дышалось сравнительно легче, когда нравственная атмосфера была насыщена не въ такой степени тлетворными міазмами, и невольно онъ проклялъ въ душѣ тотъ злополучный день, въ который, увлеченный честолюбивыми мечтами, онъ рѣшился примкнуть къ числу сторонниковъ Нерона.

Не менѣе тяжелаго свойства были думы, роившіяся въ эту минуту и въ головѣ слабодушнаго Сенеки, котораго къ тому же изрядно жалило и язвило горькое сознаніе, что онъ — философъ-стоикъ, авторъ столь многихъ произведеній, въ которыхъ такъ краснорѣчиво проповѣдывалъ высоко-парящія истины, и вообще одинъ изъ передовыхъ мыслителей своего времени - дошелъ до такой степени нравственнаго паденія. Возможно ли,—думалъ онъ, съ невольнымъ ужасомъ глядя на юнаго изверга,—чтобы этотъ закоснѣлый, безсердечный злодѣй былъ тотъ самый робкій и застѣнчивый отрокъ, который былъ порученъ ему какъ воспитателю и наставнику не болѣе пяти-шести лѣтъ тому назадъ? Возможно ли было когда-нибудь допустить мысль, чтобы онъ могъ въ такое короткое время дойти въ нагломъ безстыдствѣ своемъ до того, чтобы обратиться къ нему — своему воспитателю — съ просьбою дать ему совѣтъ относительно наиудобнѣйшаго способа довершить начатое имъ матереубійство? О боги! на край какой ужасной бездны привели его уклончивые пути себялюбиваго тщеславія и малодушной алчности!

Долго длилось тяжелое молчаніе. Наконецъ еще разъ поддаваясь демону компромиссовъ и подъ вліяніемъ страха, навѣяннаго на него мыслью, что Агриппина, выступивъ обвинительницею сына въ покушеніи на ея жизнь, дѣйствительно можетъ быть врагомъ на столько сильнымъ для цезаря, что ему не сдобровать, Сенека прервалъ это молчаливое совѣщаніе, и то не словами, а лишь выразительнымъ взглядомъ, брошеннымъ на Бурра: - взглядомъ этимъ онъ какъ будто спрашивалъ послѣдняго не будетъ-ли безопаснѣе рѣшиться разомъ покончить съ врагами императора.

Но Бурръ, тотчасъ угадавшій мысль своего коллеги, напрямикъ объявилъ, что такое дѣло немыслимо: преторіанцы никогда не согласятся поднять руки противъ родной дочери Германика, и довольно рѣзко прибавилъ:

— Пусть Аницетъ, который взялся совершить этотъ доблестный подвигъ, и доканчиваетъ его.

Въ эту самую минуту въ опочивальню цезаря вошелъ самъ Аницетъ, послѣ неудачнаго результата затѣяннаго дѣла поспѣшившій вернуться на маленькой гребной лодкѣ къ императору въ Баіи. Злобно сжавъ кулаки, съ гнѣвно сверкавшимъ взоромъ, подошелъ къ нему Неронъ и тутъ же шепнулъ ему на ухо, что онъ своею жизнью поплатится за свою неловкость и неумѣнье.

— Пусть цезарь успокоится,—также шопотомъ отвѣтилъ ему Аницетъ;—желаніе его будетъ въ точности исполнено; я жду лишь его уполномочія, чтобы приступить къ довершенію начатаго. Если же Сенека и Бурръ настолько малодушны и трусливы, что не въ состояніи отважиться на это дѣло ради безопасности своего императора, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы и у Аницета не нашлось для этого храбрости.

— Благодарю за твое усердіе, Аницетъ,—сказалъ Неронъ, быстро переходя отъ страха къ порыву плохо скрываемой радости.— Только съ этой минуты чувствую я себя—впервые съ тѣхъ поръ какъ вступилъ на престолъ—въ полной безопасности и начинаю сознавать, что дѣйствительно я императоръ въ полномъ значеніи слова. И этимъ я обязанъ—кому же?—простому вольноотпущеннику!

И, грозно сверкнувъ глазами, онъ строгимъ взоромъ окинулъ своихъ ближайшихъ двухъ совѣтниковъ, милостиво протягивая въ то же время руку Аницету.

Бурръ, при видѣ злого взгляда этихъ кровью налитыхъ глазъ, пожалѣлъ еще разъ въ душѣ, что не остался вѣренъ Британнику, между тѣмъ какъ Сенека, тяжело вздохнувъ, сказалъ себѣ въ успокоеніе совѣсти:

— Дѣлать нечего: кто желаетъ быть другомъ самовластнаго и злого деспота долженъ умѣть не только сквозь пальцы смотрѣть на всевозможныя преступленія и злодѣянія, но и принимать въ нихъ участіе спокойно и безъ малѣйшихъ признаковъ колебанія.

Пока Аницетъ излагалъ императору торопливо и вкратцѣ тѣ мѣры, какія предполагаетъ принять, чтобы съ успѣхомъ довершить неудавшееся съ перваго раза, Нерону было доложено о прибытіи вольноотпущенника Агерина, присланнаго съ словеснымъ порученіемъ отъ Августы къ цезарю. При этомъ извѣстіи Неронъ на минуту призадумался и потомъ шепнулъ что-то на ухо Аницету, который съ восторгомъ отвѣтилъ ему:

— Да, да,—это геніальная выдумка!

Послѣ чего императоръ безъ всякаго затрудненія приказалъ допустить къ себѣ посланнаго отъ Агриппины.

Какъ Сенека, такъ и Бурръ были въ одинаковой степени поражены изумленіемъ при видѣ той глупой и наглой комедіи, которая разыгралась при этомъ въ опочивальнѣ цезаря. Пока Агеринъ передавалъ полученное имъ порученіе, Неронъ, приблизясь

къ нему, обронилъ очень ловко свой мечъ къ его ногамъ. Мечъ громко звякнулъ, упавъ на мраморный полъ, и въ ту же минуту императоръ за одно съ Аницетомъ воскликнулъ:

— Убійство! Измѣна! Человѣкъ этотъ подосланъ Агриппиною, чтобы умертвить меня.

Всполошенная этимъ крикомъ стража, стоявшая за дверью, немедленно вбѣжала въ опочивальню, и несчастный Агеринъ былъ арестованъ какъ бы за посягательство на драгоцѣнную жизнь императора. Вся эта недостойная комедія была придумана Нерономъ съ тою цѣлью, чтобы пустить въ ходъ молву, что Агеринъ былъ подосланъ Агриппиною съ преступнымъ порученіемъ убить его: такая молва должна была въ значительной степени облегчить ему возможность убійства и самую смерть императрицы-матери приписать самоубійству, объяснивъ, что если она поспѣшила наложить на себя руки, то, разумѣется, сдѣлала это единственно во избѣжаніе предстоявшаго ей позора предстать передъ судомъ сената и народа въ качествѣ обвиняемой въ посягательствѣ на жизнь родного сына.

По окончаніи этой, придуманной экспромтомъ интермедіи, Аницетъ, усердный исполнитель воли цезаря, поспѣшилъ, захвативъ съ собою небольшой отрядъ вооруженныхъ людей, отправиться въ Баулы. Приблизясь къ виллѣ вдовствующей императрицы, онъ увидалъ вокругъ нея толпу любопытныхъ, которые однако-жъ при видѣ хорошо вооруженнаго отряда солдатъ поспѣшили разбѣжаться. Оцѣпивъ виллу надежною стражею, самъ Аницетъ въ сопровожденіи двухъ сильныхъ и здоровенныхъ моряковъ, Геркулейя и Обарита, сломавъ дверь, вступилъ во внутрь дворца, гдѣ, перевязавъ всѣхъ попавшихся ему на глаза рабовъ, вскорѣ проложилъ себѣ дорогу къ опочивальнѣ императрицы. Въ томительномъ безпокойствѣ ждала тѣмъ временемъ Агриппина, отдыхая въ слабо освѣщенной комнатѣ, возвращенія своего посланнаго, а съ нимъ и вѣстей отъ сына. Но Агерина все еще не было; какъ вдругъ Агриппина, которая при малѣйшемъ шорохѣ начинала чутко прислушиваться, услыхала странный шумъ, топотъ и даже какъ будто какой-то переполохъ сперва въ атріумѣ, а затѣмъ вскорѣ и въ сосѣднихъ залахъ. При этомъ шумѣ она вся содрогнулась; сердце почуяло бѣду, и когда единственная бывшая въ эту минуту при ней прислужница встала, чтобы пойти узнать, что такое случилось, императрица, тяжело вздохнувъ, слабымъ голосомъ замѣтила ей: «И ты тоже покидаешь меня». Но едва успѣла несчастная проговорить эти слова, какъ въ дверяхъ съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ и въ сопровожденіи своихъ двухъ клевретовъ показался Аницетъ. При видѣ наглаго отпущенника, уже давно ненавистнаго ей врага, несчастная дочь Германика на минуту воспрянула духомъ, и еще разъ—и въ послѣдній—проснулись въ ней и былая ея гордость, и всегдашняя неустрашимость.

— Если ты присланъ ко мнѣ императоромъ, чтобы узнать о

моемъ здоровьѣ,—сказала она, презрительнымъ взглядомъ смѣривъ Аницета съ головы до ногъ,—то передай моему сыну, что мнѣ лучше. Если же ты явился сюда съ злымъ намѣреніемъ совершить преступленіе, то знай, что я не повѣрю никогда, чтобы на это имѣлъ ты согласіе и уполномочіе цезаря.

— Вотъ въ доказательство печать цезаря, что имъ именно уполномоченъ я на то дѣло, для котораго явился сюда,—сказалъ Аницетъ и показалъ Агриппинѣ Нероновъ перстень.

Послѣ этого убійцы окружили ложе, на которомъ покоилась императрица, и одинъ изъ нихъ ударилъ ее палкою по головѣ, а Аницетъ уже замахнулся-было на нее мечомъ, мѣтя ей прямо въ грудь; но въ эту минуту Агриппина встала и, выпрямившись во весь ростъ, сказала ему:

— Нѣтъ, не въ сердце; всади свой мечъ въ мою утробу: чудовище вѣдь выносила она.

Послѣдовало еще нѣсколько ударовъ, и Агриппины не стало.

Таковъ былъ ужасный конецъ ужасной жизни, полной честолюбивыхъ вожделѣній и кровавыхъ стяжаній,—конецъ существованія, давно уже омраченнаго грознымъ призракомъ Немезиды и отравленнаго сознаніемъ, что путемъ убійства Клавдія Агриппина достигла только того, что возложила императорскую діадему на голову своего собственнаго будущаго убійцы.

Немедленно извѣщенный о кончинѣ матери Неронъ въ ту же минуту поспѣшилъ подъ строжайшимъ инкогнито самъ въ Баулы, чтобы удостовѣриться лично въ ея смерти. Войдя въ опочивальню матери, онъ дрожащими руками приподнялъ край покрывала, которымъ былъ покрытъ трупъ, и долго, не отрывая глазъ, любовался красотою усопшей. Матереубійца, онъ остался однако все тѣмъ же эстетикомъ.

— Не зналъ я,—сказалъ онъ,—что была у меня такая красавица мать,—и блѣдный, какъ мертвецъ, торопливыми шагами покинулъ опочивальню убитой имъ матери.

Въ ту же ночь и безо всякой помпы трупъ Агриппины былъ сожженъ на скромномъ кострѣ, и пепелъ, собранный въ простую глиняную урну, былъ зарытъ близъ мизенской дороги, недалеко отъ того мѣста, гдѣ высоко надъ заливомъ красовалась старинная вилла, принадлежавшая когда-то Юлію Цезарю, и никто, пока былъ живъ Неронъ, не осмѣлился устроить даже простой могильной насыпи надъ останками его матери. Но все таки еще и понынѣ не поросло травою забвенія то мѣсто, гдѣ хранилась урна съ пепломъ Агриппины, и любой тамошній простолюдинъ укажетъ вамъ могилу Агриппины. Кромѣ того, сохранилось преданіе, будто одинъ изъ ея вольноотпущенниковъ, по имени Мнестеръ, не желая переживать госпожу, которая—какія бы ни были ея преступленія—была постоянно къ нему снисходительна и милостива,

закололся надъ ея трупомъ на кострѣ, раньше чѣмъ успѣли его зажечь.

Глава III.

Убійство матери, перейдя изъ замысла въ фактъ, не могло не произвести нѣкотораго нравственнаго сотрясенія даже и въ такомъ человѣкѣ, какимъ былъ Неронъ, и возвратясь изъ Баулъ къ себѣ въ Баіи, онъ—какъ передаютъ—провелъ весь остатокъ роковой этой ночи въ мучительномъ безпокойствѣ, преслѣдуемый неотступно то образомъ только-что видѣннаго имъ блѣднаго, безжизненнаго лица, съ кровавыми подтеками, убитой матери, то страхомъ передъ обличеніемъ въ матереубійствѣ. Ни на минуту не находя себѣ покоя, онъ то ложился, уходилъ весь въ себя, угрюмо молчалъ и, закрывъ глаза, старался, казалось, найти забвеніе во снѣ; то вдругъ вскакивалъ и съ широко вытаращенными глазами начиналъ метаться, какъ безумный, то опять садился и, дрожа всѣмъ тѣломъ, закрывалъ лицо руками и при этомъ стоналъ, стоналъ мучительно и безъ конца. Такое тревожное состояніе императора съ приближеніемъ разсвѣта замѣтно усиливалось: онъ боялся, какъ бы наступающій день не принесъ собою обличенія преступленія и казни матереубійцѣ. Однакожъ всѣ эти мучительныя волненія, вызванныя опасеніями за послѣдствія своего злодѣянія,—но которыя онъ чуть было не принялъ за угрызенія совѣсти,—въ немъ исчезли безслѣдно, когда съ наступленіемъ утра къ нему явились съ радостными лицами, и имѣя Бурра во главѣ, военные трибуны и центуріоны преторіанскихъ когортъ, чтобы повергнуть къ его стопамъ свои вѣрноподданническія поздравленія съ счастливымъ избавленіемъ отъ будто бы грозившей ему опасности стать жертвою преступнаго посягательства матери на его драгоцѣнную жизнь. Еще болѣе успокоился Неронъ отъ своего страха, когда вскорѣ послѣ того узналъ, что въ Римѣ народъ толпится въ храмахъ, воздавая благодарственныя молитвы богамъ за спасеніе жизни своего императора, и что ближайшіе города Кампаніи, а также и отдаленныя провинціи его имперіи шлютъ къ нему свои посольства съ изъявленіемъ всеобщей радости по случаю столь счастливаго событія.

Но, къ сожалѣнію, мѣстностямъ не дана способность видоизмѣняться съ тою быстротою, съ какою мѣняется выраженіе лица у нѣкоторыхъ людей, и изъ оконъ и садовъ нероновой виллы въ Баіяхъ все постарому открывался видъ на море съ его восхитительными берегами—на то самое море, которое онъ едва было не осквернилъ чудовищнымъ злодѣяніемъ, и на ту самую береговую полосу, которую онъ обагрилъ кровью своей матери. Невыносимъ и ужасенъ былъ для него теперь этотъ очаровательный видъ, и покинувъ вскорѣ Баіи, гдѣ все—и плескъ моря, и говоръ его синихъ волнъ, и шелестъ листвы, и завываніе вѣтра—казалось, повторяло ему о содѣянномъ по его волѣ убійствѣ родной матери, онъ поспѣшилъ въ Неаполь.

И вотъ отсюда онъ отправилъ къ сенату свое знаменитое посланіе, риторическія тонкости котораго, и благозвучіе громкихъ фразъ обличали—увы!—тонкій умъ и привычную руку Сенеки. «До сихъ поръ еще—значилось въ этомъ посланіи—не могу я свыкнуться съ мыслью—и не радуюсь ей—о моемъ чудесномъ избавленіи отъ грозившей мнѣ опасности». Затѣмъ, не входя ни въ какія ни подробности, ни доказательства мнимаго посягательства Агриппины на жизнь сына, посланіе всетаки говоритъ о немъ какъ о чемъ-то положительномъ и несомнѣнномъ, и смерть императрицы прямо приписывалась самоубійству. Сверхъ того, въ этомъ же посланіи и приводился не безъ оттѣнка гнуснаго злорадства длинный списокъ всѣхъ преступныхъ дѣяній честолюбивой дочери Германика, — припоминались ея коварныя черныя козни, безграничное властолюбіе ея, мстительность и злоба; ей же и ея непомѣрному властолюбію приписывались и всѣ тѣ темныя дѣла и жестокости, какими омрачено было правленіе Клавдія, и въ заключеніе ко всему этому прямо высказывалось то мнѣніе, что въ неожиданной смерти Агриппины должно видѣть знакъ особаго благоволенія безсмертныхъ боговъ къ римскому народу и подвластнымъ ему провинціямъ. Такова была послѣдняя тризна, справленная Нерономъ въ память своей матери.

Сенатъ изрядно потѣшался въ душѣ надъ нелѣпостью посланія, говорившаго о крушеніи Агриппиновой яхты какъ о простой несчастной случайности и желавшаго видимо внушить вѣру въ тотъ невѣроятный фактъ, будто женщина, только-что успѣвшая спастись вплавь отъ вѣрной смерти, именно эту минуту выбираетъ, чтобы подослать убійцъ къ родному сыну, окруженному къ тому же толпою царедворцевъ и своими вѣрными преторіанскими когортами,—все-таки этотъ сенатъ въ своемъ позорномъ увлеченіи низкою угодливостью передъ цезаремъ опредѣлилъ праздновать радостный день избавленія императора отъ неожиданной опасности ежегодными народными играми, день же рожденія Агриппины отнесли къ числу злосчастныхъ дней имперіи; кромѣ того, рѣшено было воздвигнуть императору статую и поставить его изображеніе, рядомъ съ статуей богини Минервы, въ залѣ засѣданія отцовъ-сенаторовъ. Изъ всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ сенаторовъ только одинъ имѣлъ настолько нравственнаго мужества, чтобы возстать противъ такихъ позорныхъ постановленій: Тразей Пэтъ, мужъ честный и неподкупный. Полный справедливаго негодованія, онъ молча всталъ со своего мѣста и также молча покинулъ курію, вызвавъ этимъ краснорѣчивымъ, хотя и безмолвнымъ протестомъ краску стыдливаго смущенія на лицѣ порядочнаго числа изъ тѣхъ, что малодушно побоялись послѣдовать его примѣру.

Однако, не смотря на всѣ такія демонстраціи, со дня убійства Агриппины прошло шесть слишкомъ мѣсяцевъ прежде чѣмъ Неронъ наконецъ рѣшился возвратиться въ свою столицу и стать лицомъ къ лицу съ ея народонаселеніемъ. Въ это время замѣчены были нѣкоторыя тревожныя явленія: такъ, однажды во время благодарственныхъ возношеній богамъ, предписанныхъ особымъ декретомъ сената, произошло солнечное затмѣніе; въ другой разъ четырнадцать кварталовъ столицы сдѣлались жертвами огня вслѣдствіе ударившей въ нихъ молніи; въ народѣ наконецъ, ходилъ слухъ о какой-то женщинѣ, будто бы разрѣшившейся отъ бремени змѣемъ. Все это вмѣстѣ не рѣдко повергало императора въ мрачное раздумье или же вызывало въ немъ припадки унынія, страха, отчаянія и ужаса, такъ что порою на него находили такія минуты, когда ему казалось, что онъ былъ бы счастливъ, еслибъ имѣлъ возможность купить цѣною всей своей обширной имперіи возможность вернуться хотя бы на одинъ только день къ тому блаженному времени, когда были ему еще чужды и пороки и преступленія.

Но низкіе угодники, которыми полонъ былъ дворецъ цезаря, старались всячески разсѣять его опасенія, увѣряя его съ наглостью привычныхъ льстецовъ, что тревожиться ему нѣтъ ни малѣйшаго основанія и что онъ можетъ смѣло полагаться на любовь и вѣрноподданническія чувства къ нему какъ сената, такъ и самаго народа.

«Цезарь самъ убѣдится — внушали ему — насколько популярность его возрасла въ Римѣ».

И дѣйствительно льстивыя предвѣщанія этихъ людей сбылись въ такой степени, что и самъ Неронъ былъ отчасти пораженъ какъ торжественностью пріема, устроеннаго по случаю его въѣзда въ столицу, такъ и громкимъ ликованіемъ и криками восторга высыпавшаго ему на встрѣчу народа. У городскихъ воротъ его встрѣтили съ народными трибунами во главѣ толпы римскихъ гражданъ и сенаторы въ парадномъ облаченіи; женщины и дѣти густыми рядами стояли вдоль улицъ Рима въ ожиданіи проѣзда императора, и на протяженіи всего пути возвышались помосты, устроенные въ видѣ амфитеатра, которые были заняты безчисленною толпою зрителей. Словомъ, Римъ встрѣтилъ Нерона, обагрившаго свои руки кровью родной матери, совершенно такъ, какъ имѣлъ обыкновеніе встрѣчать того или иного изъ своихъ храбрыхъ полководцевъ, удостоившихся торжественнаго тріумфа въ награду за блестящіе военные подвиги, и, гордый своимъ успѣхомъ, Неронъ, проѣзжая мимо рядовъ ликовавшаго народа, благосклонно улыбался рабски покорной толпѣ, которая вслѣдъ за торжественною процессіею хлынула къ Капитолію, по ступенямъ котораго смѣло поднялся императоръ въ сопровожденіи своей блестящей свиты и заключилъ здѣсь свой тріумфъ обычайною благодарностью всесильному Юпитеру.

Но — увы! — успокоенный относительно своего страха передъ

судомъ общественнаго мнѣнія, Неронъ все еще однакожъ не могъ найти себѣ внутренняго душевнаго спокойствія, и грозная тѣнь убитой матери, попрежнему неотступно преслѣдуя его, не давала ему покоя и отравляла ему самое существованіе. Напрасно прибѣгалъ онъ, чтобы прогнать отъ себя страшное видѣніе, къ различнымъ заклинаніямъ и старымъ искупительнымъ обрядамъ. Такъ въ ночь на 13-е мая, два мѣсяца спустя послѣ смерти Агриппины, онъ рѣшился, по совѣту нѣкоторыхъ суевѣрныхъ друзей своихъ, совершить старый нелѣпый обрядъ, для умилостивленія Лемуровъ — то-есть злыхъ духовъ умершихъ злыхъ людей. Съ этой цѣлью въ самую полночь, среди мертвой тишины, вышелъ онъ босикомъ въ атріумъ и здѣсь, весь дрожа отъ страха, трижды умылъ себѣ руки въ фонтанѣ, послѣ чего, набравъ въ ротъ девять черныхъ бобовъ, началъ кидать ихъ одинъ за другимъ назадъ черезъ плечо и, не озираясь, каждый разъ при этомъ: приговаривалъ «Да будутъ бобы эти искупленіемъ мнѣ и моимъ». Возвратясь къ себѣ въ опочивальню, Неронъ и тутъ погрузилъ еще разъ руки въ воду; не смотря на это, не успѣлъ онъ обернуться, какъ опять ему почудилось словно что-то бѣлое и туманное мелькнуло передъ его взоромъ, и страшно вытаращивъ глаза, онъ вперилъ неподвижный, испуганный взглядъ въ погруженную во мракъ часть комнаты. Заклинаніе несомнѣнно не подѣйствовало: грозная тѣнь матери все стояла передъ его глазами. Раздался раздирающій крикъ, и Неронъ безъ чувствъ упалъ на руки своимъ фаворитамъ, ожидавшимъ у дверей сосѣдней залы результата умилостивительнаго ритуала и на этотъ крикъ кинувшимся на помощь къ императору.

Глава IV.

Хотя заступничество старшей весталки вмѣстѣ съ невинною хитростью Тита и спасло Онезима отъ смертной казни, положеніе его тѣмъ не менѣе оставалось и послѣ этого далеко не завиднымъ. Правда, и по отношенію къ нему были въ строгой точности исполнены всѣ тѣ формальности, какія на такіе случаи предписывались закономъ имперіи: съ рукъ и ногъ были сняты съ соблюденіемъ извѣстной церемоніи кандалы и цѣпи и затѣмъ выброшены въ бассейнъ среди impluvium'а, какъ болѣе не подлежавшія употребленію. Однако не смотря на сравнительную свободу, какая послѣ этого была предоставлена ему, бѣдняга не могъ не чувствовать, что клеймо позора тяготѣетъ надъ нимъ и что всѣ болѣе или менѣе стараются избѣгать его общества.

Однажды, уже послѣ того какъ ему такъ посчастливилось избѣгнуть казни, онъ наткнулся случайно въ одномъ изъ корридоровъ палатинскаго дворца на самаго императора. Пораженн-

ный красотою молодого фригійца, Неронъ остановился и подозвалъ его къ себѣ; но когда онъ при этомъ узналъ въ немъ, припомнивъ его черты, раба, находившагося когда-то въ числѣ рабовъ императрицы Октавіи, имъ вдругъ овладѣло какое-то непреодолимое чувство досады и отвращенія къ молодому человѣку и, велѣвъ позвать къ себѣ Каликлэса, старшаго надзирателя императорскихъ рабовъ, онъ ему приказалъ немедленно удалить этого негоднаго фригійца изъ стѣнъ палатинскаго дворца.

— Повелитъ ли цезарь снова заключить его въ дворцовую тюрьму или же еще разъ отослать въ антіумскій невольничій острогъ? — освѣдомился Каликлэсъ.

— Нѣтъ; дѣлать ни того, ни другого не надо, -отвѣтилъ Неронъ. — Лучше всего подари ты его отъ моего имени римскому претору Педанію Секунду: онъ вскорѣ собирается устроить вслѣдствіе даннаго имъ обѣта торжественное представленіе съ травлею звѣрей и гладіаторскими состязаніями, такъ что молодецъ этотъ, очень быть можетъ, и пригодится ему для арены.

Узнавъ о распоряженіи императора, бѣдный Онезимъ сильно упалъ духомъ. Но всякая попытка сопротивленія воли цезаря была бы болѣе чѣмъ безполезною: это Онезимъ зналъ и покорился. Тѣмъ не менѣе прежде чѣмъ его взяли, чтобы отвести къ его новому господину, онъ улучилъ удобную минуту и незамѣтно прокрался къ дверямъ апартаментовъ Актэи, которой и сообщилъ второпяхъ о предстоявшей ему горькой участи сдѣлатся гладіаторомъ и что для этого его должны были немедленно же отдать подъ начало жестокаго Рутула, главнаго учителя въ гладіаторской школѣ Педанія Секунда.

Здѣсь подъ строгой до жестокости дисциплиной Рутула и среди его учениковъ Онезиму пришлось испытать участь, можетъ быть, еще болѣе тяжелую, чѣмъ была та, какую онъ уже испыталъ въ императорской невольничьей тюрьмѣ подъ Антіумомъ, изъ которой бѣжалъ. Теперь еще разъ увидалъ онъ себя товарищемъ и однокашникомъ худшихъ отбросковъ общества — негодяевъ, преступниковъ и злодѣевъ различныхъ племенъ и странъ. Утомительно тяжелыя ежедневныя гладіаторскія упражненія, сопровождавшіяся постоянно руганью и бранью, а часто и тяжелыми побоями и ударами кнута, скудная и грубая до отвращенія пища, циничные разговоры товарищей и ихъ разсказы о различныхъ звѣрскихъ преступленіяхъ—вотъ что единственное видѣлъ онъ и слышалъ вокругъ себя въ этой новой обстановкѣ. Но на его счастье онъ и здѣсь въ этой толпѣ закоснѣлыхъ злодѣевъ встрѣтилъ одного молодого человѣка—по происхожденію британца, плѣнникомъ привезеннаго вмѣстѣ съ своимъ вождемъ Карактакомъ въ Римъ, чтобы своею мужественною красотою и исполинскимъ ростомъ украсить тріумфъ императора Клавдія и Авла Плавта, покорителя Британіи—которому, какъ и ему самому, не мало претилъ грубый цинизмъ его товарищей по заключенію и съ которымъ онъ вскорѣ очень подружился. Гланидонъ—такъ звали этого

британца—принадлежалъ къ числу тѣхъ гладіаторовъ, что были извѣстны подъ общимъ названіемъ самнитовъ и которые выступали въ бой не иначе какъ въ тяжеломъ вооруженіи, тогда какъ Онезима послѣ нѣсколькихъ испытаній рѣшено было зачислить въ разрядъ retiari'й, т. е. гладіаторовъ, выходившихъ на арену безъ всякаго оборонительнаго оружія, а вооруженныхъ лишь сѣтью, которою они опутывали своихъ противниковъ, и трезубцемъ, которымъ прокалывали тѣхъ, что попадались имъ въ сѣти.

Большинство ихъ товарищей-гладіаторовъ разсказывало обыкновенно съ большимъ восторгомъ какъ о самихъ играхъ и гладіаторскихъ состязаніяхъ на глазахъ многотысячной толпы зрителей, такъ и о тѣхъ шумныхъ рукоплесканіяхъ, богатыхъ подаркахъ и благосклонныхъ улыбкахъ молодыхъ и красивыхъ римлянокъ, что выпадали на долю тѣмъ изъ нихъ, которые выходили побѣдителями изъ кровавой схватки. Онезимъ, слушая такія восторженныя рѣчи нѣкоторыхъ товарищей о предстоявшемъ боѣ, какъ-то обратился къ Гланидону и замѣтилъ ему вполголоса:

— Да, все это прекрасно, но бѣдняги напрасно ничего не говорятъ ни о томъ паническомъ страхѣ, часто отнимающемъ у нихъ всякое мужество передъ боемъ, ни о тѣхъ издѣвательствахъ и презрительномъ хохотѣ, какими встрѣчаютъ зрители пораженіе побѣжденныхъ, ни о тѣхъ жестокихъ ударахъ бичемъ, которыми заставляютъ ихъ снова вступать въ бой и продолжать его до послѣдняго издыханія. Впрочемъ думаю, что говорить все это тебѣ, Гланидонъ, совершенно излишне: ты и самъ навѣрное знаешь всѣ тѣ ужасы, что совершаются среди залитой кровью арены,— и знаешь даже лучше, чѣмъ знаю я.

— Свиньи они, эти римляне! Изнѣженныя и кровожадныя свиньи—вотъ все, что я могу про нихъ сказать!—съ злобнымъ негодованіемъ воскликнулъ Гланидонъ.—Я не спорю: и у насъ приносились друидами жестокія кровавыя жертвы богамъ; но смертью друиды не забавлялись и не играли, точно игрушкою, какъ это дѣлается здѣсь среди этихъ изнѣженныхъ и безсердечныхъ развратниковъ. О, еслибъ мнѣ дана была возможность стать опять—хотя бы на одинъ только часъ — подъ знамена храбраго Карадока—повѣрь мнѣ, что живымъ я бы уже не ушелъ съ поля брани.

— Развѣ ты не боишься смерти?

— Что мнѣ бояться смерти? Что дастъ мнѣ моя теперешняя жизнь, съ чѣмъ мнѣ больно было бы разстаться? Любимая мною дѣвушка далеко отсюда, такъ же далеко, какъ далеки мои родныя силуріанскія горы, и я знаю, что никогда больше не видать мнѣ ни ея голубыхъ очей, ни моихъ зелеными лѣсами покрытыхъ холмовъ: если не сегодня, то завтра вѣдь зарѣжутъ меня здѣсь какъ безсловесную тварь на потѣху этимъ разжирѣвшимъ свиньямъ. Нѣтъ, Онезимъ, смерти я не боюсь, но мнѣ тяжело, мнѣ больно и горько думать, что именно такой безславной смертью суждено мнѣ закончить свое существованіе.

— А скажи мнѣ, Гланидонъ, имѣли ли ваши друиды какое-либо представленіе о загробной жизни, или же они думали что со смертью все кончается для человѣка?

Гланидонъ не безъ изумленія вскинулъ на Онезима своими ясными голубыми глазами.

— Не знаю навѣрное; но полагаю, что вѣры въ жизнь послѣ смерти у нихъ не было,—медленно и какъ бы въ раздумьи проговорилъ онъ. — Вообще наши друиды окружали себя какою-то особенною таинственностью. Но вотъ. .

И не досказавъ начатаго, британецъ наклонился къ полу и началъ на немъ медленно чертить—къ изумленію Онезима—контуръ дельфина. Тогда фригіецъ, не говоря ни слова со своей стороны нарисовалъ на пескѣ изображеніе рыбы. При видѣ этой эмблемы британецъ стремительно вскочилъ и, схвативъ Онезима за руку, съ жаромъ спросилъ его:

— Неужели и ты христіанинъ? Но тогда что же могло привести тебя сюда?

— То же самое могъ бы я спросить и тебя, — возразилъ ему Онезимъ, печально склонивъ голову на грудь.

— Правда твоя, — согласился британецъ. — Не думай однако, чтобы меня привело сюда какое-либо преступленіе. Нѣтъ, моимъ пребываніемъ въ этой школѣ я обязанъ горячности моего нрава. Вотъ почему и вода святого крещенія до сихъ поръ не коснулась меня: мой наставникъ требовалъ, чтобы я, прежде чѣмъ быть пріобщеннымъ къ церкви Христовой, научился смирять порывы не въ мѣру пылкихъ страстей.

— А кто былъ твой учитель?

— Убѣленный сѣдинами старецъ по имени Іосифъ. Онъ прибылъ въ Римъ изъ Іерусалима, гдѣ былъ тайнымъ ученикомъ Христа еще во время земной Его жизни и гдѣ, послѣ того, какъ Христосъ былъ снятъ со креста, онъ похоронилъ Его въ своей пещерѣ. А ты, Онезимъ, кто такой?

— Обо мнѣ говорить не стоитъ. Я несчастный жалкій отступникъ и если попалъ сюда, то лишь по своей собственной винѣ. Лучше и не спрашивай меня о моемъ прошломъ. Я человѣкъ безвозвратно погибшій.

— Но скажи мнѣ, можетъ ли быть, чтобы ты серьезно боялся смерти? Неужели въ твоей душѣ не осталось ничего изъ того, чему учили тебя, когда знакомили съ истинами христіанской вѣры?

Но Онезимъ ничего на это не отвѣтилъ, а только ниже склонилъ голову и еще печальнѣе и безотраднѣе стало у него на душѣ.

Послѣ этого разговора дружба между ними съ каждымъ днемъ все крѣпла и росла, и чѣмъ дружнѣе становились они, тѣмъ сильнѣе смущала и мучила обоихъ ужасная мысль, что имъ, можетъ быть суждено по волѣ ли злого рока, въ силу ли простого каприза претора, стать другъ противъ друга съ обнаженными мечами. Страшно было думать, что тотъ или другой, можетъ быть, будетъ вынужденъ сдѣлаться убійцею друга и всадить ему или ножъ или мечъ въ горло или сердце.

— Представь себѣ, Онезимъ, что завтра насъ поставятъ съ тобою въ амфитеатрѣ борцами другъ противъ друга?—не выдержавъ наконецъ, спросилъ Гланидонъ Онезима наканунѣ дня, назначеннаго для состязанія.

— Что же съ этимъ дѣлать: придется драться.

— Который-же изъ насъ останется побѣдителемъ въ такомъ случаѣ, какъ ты полагаешь?—съ печальною улыбкою продолжалъ британецъ.

— Конечно, побѣдишь ты,—безучастно отвѣтилъ фригіецъ;—ты гораздо сильнѣе меня, да и ростомъ значительно выше.

— Правда; но зато вѣдь ты имѣешь надо мною то преимущество, что движенія твои много быстрѣе моихъ; къ тому же ты чрезвычайно ловокъ и увертливъ. Ты себѣ представить не можешь, сколько ненависти внушаетъ мнѣ твоя проклятая сѣть. Бьюсь объ закладъ, что быть мнѣ запутаннымъ въ нее.

— Нѣтъ, врядъ ли это случится; а еслибъ даже и случилось, то до этого ты навѣрное успѣешь проявить столько храбрости и исполинской силы, что публика конечно единодушно выразитъ желаніе, чтобы тебя пощадили и не убивали. Такого красавца—здоровеннаго и рослаго, всѣ пожалѣютъ. Другое дѣло я: жалкій, тщедушный фригіецъ, могу ли я разсчитывать на благосклонное расположеніе этихъ ярыхъ поклонниковъ физической силы и красоты. Помяни мое слово, что твой мечъ обагрится завтра моею кровью.

— Нѣтъ, этого никогда не будетъ!—воскликнулъ Гланидонъ.—Конечно, вступить въ состязаніе съ тобою—если ужъ велятъ—я вступлю. Но чтобы я убилъ друга — хладнокровно и не имѣя ни малѣйшей злобы противъ него—нѣтъ, этому не бывать.

— Да ты пойми, что ты будешь вынужденъ сдѣлать это, тѣмъ болѣе, что мы retiarii выходимъ на арену съ лицомъ непокрытымъ и безъ латъ, что позволяетъ зрителямъ слѣдить за выраженіемъ предсмертныхъ мукъ на лицѣ несчастнаго умирающаго гладіатора и за судорожнымъ трепетаніемъ его мускуловъ, въ чемъ очень многіе находятъ—какъ находилъ, говорятъ, и самъ божественный Клавдій—особаго рода наслажденіе.

— Не лучше ли намъ предположить, что мы оба выйдемъ побѣдителями изъ кроваваго состязанія и покинемъ арену не только цѣлыми и невредимыми, но еще и съ подарками и наградами?

— Нѣтъ; предполагать это врядъ ли возможно: вѣдь говорятъ, что завтрашній бой будетъ боемъ sine missione и слѣдовательно всѣ мы должны убивать и быть убитыми.

— Бросимъ лучше этотъ разговоръ. Онъ нагонитъ на насъ только тоску и уныніе, и мы чего добраго оба утратимъ и смѣлость и мужество. Что будетъ—то и будетъ.

— Да, все въ рукахъ Бога, если только есть правда въ томъ, чему когда-то меня учили.

И друзья, положивъ голову каждый на свою подушку, постарались скорѣе заснуть. Но ранѣе чѣмъ благодѣтельный сонъ смежилъ ихъ вѣки, изъ груди обоихъ вырвалось не то глухое проклятіе, не то отчаянный вопль.

На слѣдующій день утро было ясное и безоблачное. Еще задолго до разсвѣта народъ толпами началъ валить къ амфитеатру, заранѣе спѣша занять лучшія мѣста. Тогдашній префектъ Рима Педаній Секундъ былъ извѣстный богачъ, человѣкъ съ большимъ вкусомъ и къ тому же одинъ изъ фаворитовъ Нерона, на основаніи чего позволительно было надѣяться, что и самъ императоръ осчастливитъ игры присутствіемъ своей обожаемой особы.

Часовъ около одиннадцати, чтобы защитить зрителей отъ палящихъ лучей солнца, надъ амфитеатромъ раскинули громадный навѣсъ весь разукрашенный множествомъ разноцвѣтныхъ флаговъ съ золотыми кистями и шнурами. Къ этому времени весь обширный амфитеатръ, исключая мѣстъ, предназначавшихся для особенно почетныхъ и высокопоставленныхъ особъ, былъ уже биткомъ набитъ толпою зрителей въ нарядныхъ праздничныхъ одеждахъ, и все это волновалось—шумѣло и галдѣло—въ нетерпѣливомъ ожиданіи излюбленнаго зрѣлища. Но наконецъ послышались въ толпѣ, тѣснившейся около главнаго входа въ циркъ, восторженные привѣтственные крики, возвѣстившіе о прибытіи хозяина игръ—римскаго префекта. Сопровождаемый цѣлой свитою своихъ кліентовъ и подчиненныхъ, Педаній Секундъ два раза обошелъ вокругъ арены и затѣмъ прошелъ въ почетные ряды для немногихъ избранныхъ гостей, гдѣ лишь успѣлъ занять мѣсто, какъ амфитеатръ огласился громкимъ взрывомъ рукоплесканій, и въ императорскую ложу съ блестящею свитою царедворцевъ вступилъ Неронъ. Долго не смолкали шумныя привѣтствія и рукоплесканія, какими публика встрѣтила появленіе цезаря, нѣсколько разъ вставшаго въ отвѣтъ на такой восторженный привѣтъ со своего мѣста и, подойдя къ краю ложи, онъ благосклонно кланялся, улыбаясь и прижимая руку къ сердцу.

Тѣмъ временемъ Педаній, вставъ со своего мѣста и подойдя къ барьеру, отдѣлявшему арену отъ той части публики, которая помѣщалась въ нижнихъ рядахъ амфитеатра, выкинулъ на середину усыпанной мелкимъ бѣлымъ пескомъ арены кусокъ яркокрасной ткани: это послужило сигналомъ для начала представленія.

Спектакль начался съ различныхъ представленій довольно безвреднаго и невиннаго свойства. Сперва вывели на аренѣ нѣсколько дрессированныхъ бизоновъ; вслѣдъ за ними большого пятнистаго тигра на длинной цѣпи, сдѣланной изъ цвѣтовъ. Затѣмъ по аренѣ промчались одна за другой четыре красивыя колесницы, въ первую изъ которыхъ были впряжены рѣзвые леопарды въ нарядной шелковой сбруѣ, во вторую быстроногіе олени съ золотыми удилами, въ третью косматые зубры, а въ четвертую четыре верблюда. Послѣ этой процессіи колесницъ на арену пред-

сталъ массивный слонъ и, повинуясь приказанію своего черномазаго вожака, исполнилъ нѣсколько танцевъ. Наконецъ на показъ публикѣ былъ выведенъ большой ручной левъ, который началъ свои представленія съ того, что долго забавлялся, играя съ кроликомъ, а затѣмъ дозволилъ милостиво своему вожаку вложить сперва руку, а потомъ и голову себѣ въ пасть. Но въ эту минуту совсѣмъ неожиданно разыгралась не вошедшая въ программу спектакля кровавая сцена. Пока левъ выказывалъ такимъ образомъ необычайную кротость нрава, одинъ изъ одѣтыхъ купидонами отроковъ, ровняя арену и посыпая ее мѣстами свѣжимъ пескомъ, имѣлъ неосторожность задѣть своими граблями могучаго царя лѣсовъ. При этомъ прикосновеніи желѣзныхъ зубцовъ левъ, раздраженный вѣроятно криками шумной толпы, а быть можетъ и рычаніемъ и ревомъ различныхъ звѣрей въ vivarium'ѣ, ощетинился и, прыгнувъ на мальчика, однимъ ударомъ своей лапы уложилъ несчастнаго на мѣстѣ, и затѣмъ бросился на другого. Однако льва вскорѣ укротили и увели съ арены; но кровавый инцидентъ успѣлъ пробудить кровожадность зрителей, и они потребовали громкими криками, чтобы Педаній приказалъ начинать venatio, охоту, состоявшую преимущественно въ травлѣ звѣрей—дикихъ и ручныхъ—а иногда и людей и завершавшуюся въ большинствѣ случаевъ настоящею рѣзнею.

Такою кровавою рѣзнею на потѣху зрителей и на этотъ разъ закончилась жестокая и безсмысленная травля различныхъ звѣрей одного противъ другого и даже противъ нѣкоторыхъ несчастныхъ преступниковъ, а съ нею и первая часть спектакля, послѣ чего былъ сдѣланъ короткій перерывъ. Все это время Онезимъ и Гландонъ въ ожиданіи своей очереди оставались вмѣстѣ съ другими гладіаторами въ особомъ помѣщеніи, откуда, невидимые публикѣ, могли видѣть представленіе. Во время перерыва навѣсъ былъ смоченъ ароматическою влагою для освѣженія воздуха; всѣ проходы между рядами политы водою, и публику щедро угощали различными плодами и прохладительнымъ питьемъ.

Послѣ перерыва въ амфитеатрѣ пронесся таинственный трубный звукъ; двери главнаго входа широко распахнулись, и цѣлый отрядъ гладіаторовъ, выступивъ на середину арены, двинулся мѣрнымъ и ровнымъ шагомъ по направленію къ той части амфитеатра, гдѣ на возвышеніи были устроены мѣста для самого императора, и для нѣкоторыхъ особъ его свиты. Въ эту минуту преторъ еще разъ кинулъ на середину арены кусокъ красной ткани, и сгруппировавшіеся передъ ложею цезаря гладіаторы, воздѣвъ къ нему правую руку, всѣ одновременно проговорили ему свой знаменитый привѣтъ: «Ave, Caesar! Morituri te salutamus!»—въ отвѣтъ на который Неронъ лишь небрежно кивнулъ головой, даже не прервавъ оживленной бесѣды съ Петроніемъ.

Состязанія гладіаторовъ начались притворною борьбою тупымъ оружіемъ; однако такая игра публикѣ очень скоро надоѣла, и она потребовала серьезной, не шуточной борьбы. Долго длилась кро-

вавая убійственная потѣха; давно уже бѣлый песокъ, толстымъ слоемъ покрывавшій арену, превратился въ краснобурую липкую грязь, дымившуюся отъ новыхъ и новыхъ потоковъ теплой только-что пролитой крови; съ арены то и дѣло удаляли, подхвативъ крюками, трупы убитыхъ, ряды борцовъ все болѣе и болѣе рѣдѣли. А между тѣмъ, толпа все еще не до сыта наглядѣлась на это безчеловѣчное избіеніе, на эти лица, искаженныя судорогами предсмертныхъ страданій, на эти зіяющія раны и, точно все болѣе и болѣе пьянѣя при видѣ этой теплой крови, упорно требовала продолженія жестокой игры. До сихъ поръ Онезимъ и Гланидонъ, стараясь всячески держаться какъ можно дальше другъ отъ друга, очень удачно избѣгали вступать въ борьбу другъ съ другомъ. По окончаніи одной изъ крупныхъ схватокъ, въ которой борцами были съ одной стороны двѣнадцать гладіаторовъ-самнитовъ—въ томъ числѣ и Гланидонъ—въ своихъ шлемахъ, латахъ, со щитомъ и мечемъ, а съ другой такое же число retiarі'й, среди которыхъ былъ и Онезимъ, восемь гладіаторовъ, между которыми были и британецъ и фригіецъ, съ успѣхомъ поборовъ соперниковъ, отошли къ барьеру въ полной увѣренности, что ихъ провозгласятъ побѣдителями и, наградивъ обычными знаками отличія и подарками, торжественно выведутъ изъ амфитеатра чрезъ ворота побѣдителей.

Но не того, какъ видно, желали зрители, громко потребовавшіе продолженія состязанія между оставшимися въ живыхъ четырьмя самнитами и четырьмя retiarі'ями. Насквозь проникнутый презрѣніемъ и брезгливымъ отвращеніемъ къ этой толпѣ сытыхъ, довольныхъ и бездушныхъ людей, громко галдѣвшихъ и нагло потѣшавшихъ себя страданіями и смертью себѣ подобныхъ. Гланидонъ при этомъ требованіи повернулся круто спиною къ публикѣ и отказался наотрѣзъ отъ дальнѣйшаго боя. Въ рядахъ зрителей раздались неистовые крики негодованія и угрозы. «Убить его!—кричала толпа;—забить до смерти плетьми и бичами! Сжечь труса на кострѣ, если ужъ онъ такъ боится желѣзнаго меча!»

Но Гланидонъ точно окаменѣлый, стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ въ какомъ-то столбнякѣ: мысли его витали гдѣ-то далеко отъ этой кровавой арены, отъ этого ненавистнаго ему амфитеатра, и, чередуясь, проносились передъ его умственнымъ взоромъ знакомыя дорогія ему лица и картины милыя его сердцу; и видѣлись ему зеленые холмы, поля и быстрые ручьи и рѣки родного края, родная семья—сестры, братья, мирный домашній очагъ и нѣжный взглядъ его синеокой красавицы-невѣсты. Но вотъ съ плетями, бичами и кнутами подбѣжали къ нему палачи, посыпались удары, и Гланидонъ встрепенулся отъ страшной острой боли. Не взвидѣвъ свѣта, онъ съ дикимъ крикомъ раненаго звѣря накинулся на мучителей: повалилъ сначала одного, потомъ другого, ринулся дальше и бѣжалъ, пока не остановился передъ возвышеніемъ на которомъ возсѣдалъ императоръ; тутъ, съ угрозою

поднявъ къ цезарю свои мощные кулаки, онъ разразился громкими проклятіями противъ него.

— Будь ты проклятъ, извергъ, убійца родной матери, ужасъ и позоръ рода человѣческаго!—кричалъ онъ въ изступленіи.—Но будь увѣренъ, что отъ справедливой кары тебѣ не уйти: она близка, она ждетъ тебя и скоро настигнетъ, и смерть твоя, мучитель, будетъ и позорнѣе, и ужаснѣе моей.

Охваченный суевѣрнымъ страхомъ, Неронъ весь задрожалъ и, боязливо поводя испуганно вытаращенными глазами, сжался и весь какъ-то ушелъ въ свое кресло, а тѣмъ временемъ любимый отрокъ его, торопливо началъ спрыскивать ему лицо и голову душистою водою.

Обнаживъ мечи, преторіанцы кинулись было къ злодѣю, такъ дерзновенно осмѣлившему произнести неслыханную хулу противъ ихъ земного божества, но Гланидонъ уже успѣлъ броситься между гладіаторовъ, гдѣ съ дикими криками, скорѣе походившими на рычанія разъяреннаго звѣря, чѣмъ на человѣческіе звуки, началъ, не разбирая, рубить мечомъ и направо и налѣво, пока не свалился опутанный сѣтью одного изъ retiarі'евъ, который, даже не дождавшись обычнаго сигнала со стороны зрителей, всадилъ ему въ грудь свой острый трезубецъ. Послѣ этого свалка продолжалась ужъ не долго: самниты не замедлили одержать верхъ надъ бросателями сѣтей, которые всѣ до послѣдняго были тяжело ранены и не въ силахъ продолжать состязаніе сложили свое оружіе. Не сдѣлалъ этого только одинъ Онезимъ. Преклонивъ колѣни, они подняли указательный палецъ кверху, прося зрителей о пощадѣ, и публика, довольная ихъ ловкостью и проворствомъ въ борьбѣ, уже было замахала платками, дѣлая обычный знакъ большимъ пальцемъ, чтобы жизнь retiarі'евъ была пощажена; такой-же знакъ сдѣлали и Октавія и Актэа, которыя обѣ не могли не узнать въ одномъ изъ гладіаторовъ retiarі'евъ Онезима. Но, къ несчастію для бѣднаго Онезима, узналъ его также точно и Неронъ. Взволнованный и растроенный проклятіями Гланидона, онъ былъ золъ до нельзя и, молча приложивъ къ своей груди большой палецъ, подалъ этимъ обычный сигналъ къ избіенію до смерти всѣхъ безъ исключенія борцовъ. Бой возобновился, посыпались новые удары; началась новая свалка, новое преслѣдованіе. Носясь стрѣлою по аренѣ съ своею сѣтью и трезубцемъ, Онезимъ проявлялъ чудеса ловкости и проворства, искусно опутывая своею сѣтью одного гладіатора за другимъ. Но вдругъ онъ остановился и всталъ какъ вкопанный, склонивъ голову на грудь: онъ увидалъ неубранное еще тѣло Гланидона; при видѣ друга—избитаго, окровавленнаго и бездыханнаго—сердце его сжалось, слезы ручьемъ брызнули изъ глазъ, и съ омерзеніемъ швырнувъ далеко отъ себя и сѣть, и трезубецъ, и кинжалъ, онъ отошелъ къ барьеру, и, прислонившись къ нему спиною, скрестилъ руки на груди. Толпа загалдѣла; восторженные крики одобренія уступили мѣсто громкимъ выраженіямъ негодованія, и въ эту самую

минуту одинъ изъ гладіаторовъ въ тяжеломъ вооруженіи и съ мечомъ въ рукѣ накинулся на несчастнаго фригійца. Угрюмый и неподвижный Онезимъ не сталъ обороняться и, пронзенный мечомъ противника, свалился замертво среди кровавой арены.

Глава V

За нѣсколько времени до описанной нами въ предъидущей главѣ сцены, въ скромномъ домѣ центуріона Пуденса произошло одно очень радостное событіе. Получивъ значительное повышеніе по службѣ, Пуденсъ наконецъ рѣшился просить руки Клавдіи, дочери плѣннаго короля Британіи Карадока. Карадокъ далъ свое согласіе, и свадьбу справили съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ римскихъ брачныхъ обрядовъ. Въ день брака Клавдію облачили въ длинную бѣлую тунику, отороченную красною каймою, и опоясали широкимъ расшитымъ шелками поясомъ; на ноги ей надѣли сандаліи яркожелтаго цвѣта и такого же цвѣта была фата, покрывавшая ея голову, станъ и плечи; длинные и шелковистые волосы ея были надлежащимъ образомъ раздѣлены на нѣсколько прядей остріемъ копья. Въ вестибулѣ отцовскаго дома, въ ожиданіи появленіи невѣсты изъ своей уборной, весело болтали между собою и шутили трое юношей, выбранныхъ въ провожатые Клавдіи при переходѣ ея изъ дома отца въ домъ мужа; одинъ изъ этихъ юношей былъ сынъ Веспасіана Титъ, другой—его ближній родственникъ Флавій Климентъ, третій—сынъ Помпоніи Авлъ Плавтій. Впереди же невѣсты, открывая собою свадебную процесію, долженъ былъ идти отрокъ, которымъ въ данномъ случаѣ избранъ былъ сынъ Сенеки, Маркъ. Согласно римскому свадебному обычаю, невѣста, отправляясь въ домъ мужа, должна была имѣть въ рукахъ веретено, прялку, и кудель, какъ эмблемы женскаго трудолюбія и домовитости. У дверей дома Карадока выхода невѣсты ожидала цѣлая толпа друзей, изъ которыхъ пятеро присоединились къ процесіи съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ, а всѣ остальные съ смолистыми сосновыми факелами. Съ веселымъ пѣніемъ и музыкою двинулась процессія къ дому Пуденса, подойдя къ дверямъ котораго новобрачная должна была по обычаю смазать дверной косякъ волчьимъ жиромъ и обмотать шерстью, послѣ чего дружки со стороны жениха подняли ее на руки и перенесли черезъ порогъ, чтобы не могла она ни оступиться, ни споткнуться, такъ какъ и то и другое было бы сочтено одинаково дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ атріумѣ своего дома Пуденсъ привѣтствовалъ молодою жену огнемъ и водою—эмблемами очищенія, и Клавдія, прикоснувшись рукою сначала къ водѣ, а затѣмъ и къ огню, произнесла обы ный брачный обѣтъ: «Гдѣ ты Гай, тамъ я Гайя»—послѣ чего она сѣла на покрытое овчиною кресло, и Пуденсъ поднесъ и вручилъ ей ключи своего дома. Послѣ всѣхъ этихъ обрядностей, гостей пригласили раздѣлить съ молодыми новобрачными ихъ ужинъ, на который, по желанію обоихъ супруговъ, были приглашены и рабы и всѣ домочадцы Пуденса.

Но для Нирея и его дочери Юніи молодые супруги готовили такую радость, о какой никогда даже не мечтали ни отецъ, ни дочь. Недѣли двѣ послѣ свадьбы Пуденсъ съ улыбкою сказалъ въ одно прекрасное утро Нирею, чтобы онъ послѣдовалъ за нимъ вмѣстѣ со своею дочерью къ горододскому претору. Такое приказаніе могло означать лишь желаніе отпустить старика на волю; это сразу понялъ Нирей, и изъ глазъ его брызнули слезы глубокой благодарности. Формальность, соблюдавшаяся при отпущеніи рабовъ, была въ Римѣ очень не сложнаго характера и исполнялось чрезвычайно быстро и бойко. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Выслушавъ заявленіе Пуденса о его желаніи отпустить на волю Нирея и дочь этого послѣдняго Юнію въ награду за ихъ усердную и многолѣтнюю службу и неизмѣнную преданность ему, преторъ приказалъ своему ликтору совершить обычное при этомъ прикосновеніе прутомъ къ головѣ отпускавшихся на волю рабовъ и затѣмъ объявилъ ихъ людьми свободными, насколько то согласно было съ правомъ римскаго гражданства. По возвращеніи новыхъ вольноотпущенниковъ домой всѣ остальные рабы Пуденса встрѣтили своихъ бывшихъ товарищей по рабству громкими выраженіями непритворной радости—рукоплесканіями, поздравленіями и добрыми пожеланіями—при чемъ на нихъ со всѣхъ сторонъ сыпали разнаго рода сластями, а въ заключеніе день этотъ былъ отпразднованъ скромнымъ пиромъ въ честь новыхъ гражданъ.

Нирей хотѣлъ было остаться попрежнему въ самомъ домѣ Пуденса и служить ему въ качествѣ вольноотпущенника; однако Пуденсъ нашелъ за лучшее дать ему теперь совершенно отдѣльное помѣщеніе и для этого поселилъ его въ отдѣльномъ домикѣ по близости отъ себя. Однажды подъ вечеръ, пока Нирей сидѣлъ у себя въ новомъ домѣ одинъ со своею дочерью, въ дверь ихъ кто-то слегка постучался. Юнія встала и, отворивъ дверь, очутилась лицомъ къ лицу съ хорошенькою дѣвочкою лѣтъ пятнадцати—рабою въ домѣ Педанія Секунда. Юнія знала эту молодую дѣвушку, къ которой къ тому же питала большую жалость, такъ какъ знала, что бѣдняжка съ дѣтства одержима падучею болѣзнью—недугомъ, внушавшимъ въ ту эпоху суевѣрный страхъ, и противъ котораго существовала—по тогдашнимъ понятіямъ—лишь одно вѣрное цѣлебное средство, заключавшееся въ томъ, что больной долженъ былъ выпить нѣкоторое количество теплой человѣческой крови изъ свѣжей раны. Люди, одержимые этимъ недугомъ, всѣми обѣгались, какъ приносившіе будто-бы съ собою горе и разнаго рода несчастія; присутствіе ихъ въ домѣ считалось сущимъ бѣдствіемъ, какъ самое дурное предзнаменованіе, и случалось нерѣдко, что несчастныхъ больныхъ этимъ недугомъ, во избѣжаніе горя и различныхъ бѣдъ, вычеркивали тѣмъ или инымъ способомъ изъ числа живыхъ. Миловидное личико, а также и необыкновенная кротость нрава до сихъ поръ уберегли бѣдную Сиру отъ такой жестокой участи; тѣмъ не менѣе съ тѣхъ поръ

какъ она узнала о выше упомянутомъ цѣлебномъ средствѣ противъ своего ужаснаго недуга, ею овладѣло страстное желаніе какъ можно скорѣе встрѣтить случай воспользоваться имъ. Этимъ объяснялись и частыя ея посѣщенія цирка, гдѣ бѣдняжка подолгу иногда простаивала около двери, черезъ которую confector*) уносилъ раненыхъ и убитыхъ съ арены амфитеатра въ spoliarium**) такими частыми появленіями около однихъ и тѣхъ же воротъ Сира скоро обратила на себя вниманіе молодого Флегона, исполнявшаго ужасную должность confectora и плѣнила его своею необычайною миловидностью.

Скоро молодые люди горячо полюбили другъ друга. Но, когда Флегонъ узналъ, что любимая имъ дѣвушка подвержена припадкамъ эпилепсіи, онъ объявилъ ей очень рѣшительно, что о бракѣ между ними и рѣчи быть не можетъ прежде, чѣмъ она не будетъ избавлена отъ рокового недуга, и самъ уговорилъ ее придти въ этотъ вечеръ по окончаніи игръ въ циркъ къ нему въ spoliarium, чтобы испробовать единственное средство обѣщавшее ей исцѣленіе.

Но Сира побоялась идти почти ночью одна по глухимъ улицамъ отдаленнаго квартала и пришла попросить Юнію пойти вмѣстѣ съ нею. Зная о любви Сиры къ Флегону, но ничего не подозрѣвая о настоящемъ намѣреніи, побуждавшемъ молодою дѣвушку идти въ этотъ вечеръ въ spoliarium, Юнія согласилась исполнить ея просьбу и пойти вмѣстѣ съ нею. Когда молодыя дѣвушки приблизились къ воротамъ spoliarium'a, Сира подала условный знакъ, и Флегонъ отворилъ дверь и впустилъ ее. Юнія же до ея возвращенія осталась у входа.

Черезъ нѣсколько минутъ Сира вернулась къ ней очень взволнованная и сказала:

— Наконецъ-то удалось мнѣ это сдѣлать!..

— Что такое—спросила Юнія.

— Я проглотила нѣсколько капель крови изъ свѣжей раны, и теперь исцѣлена.

— О, какой ужасъ!—воскликнула съ невольнымъ содроганіемъ Юнія, только теперь понявшая настоящую цѣль прихода Сиры въ spoliarium.

— Да, правда, средство это ужасное, — согласилась Сира: — но оно было единственное, къ которому оставалось мнѣ прибѣгнуть. Всѣ остальныя были мной давно испытаны: я ѣла и чеснокъ, и галбанъ, и чемерицу, и даже ласточекъ; но—увы!—ничего не помогло. Но теперь — послѣ этого вѣрнаго средства — я навсегда избавлена отъ ужаснаго недуга. Но знаешь, Юнія, пока онъ лежалъ тамъ...

— Кто—онъ?

*) Конфекторомъ назывался уносившій трупы и добивавшій не совсѣмъ убитыхъ.

**) Spoliarium—мѣсто, куда сваливались трупы убитыхъ и часто тутъ же зарывались.

— Да вотъ молодой гладіаторъ съ сѣтью, что въ циркѣ проявилъ сегодня столько ловкости и проворства, а въ концѣ концевъ былъ крюкомъ удаленъ съ арены какъ мертвый,—знаешь, жизнь еще не совсѣмъ покинула его. Приложивъ руку къ его сердцу, я почувствовала чуть-чуть слышное біеніе и...

— Но кто же онъ такой?

— Какъ кто? Ты не можешь не знать его — вѣдь одно время онъ былъ рабомъ въ вашей фамиліи—помнишь молодого фригійца?

— Онезима!—воскликнула Юнія.

— Да, такъ, кажется, звали его. А развѣ ты не знала, что сегодня этотъ фригіецъ въ первый разъ участвовалъ въ гладіаторскихъ играхъ въ качествѣ бросателя сѣти?

— Нѣтъ, не знала,—чуть слышно проговорила Юнія.—Подобныхъ зрѣлищъ ни я, ни отецъ мой никогда не посѣщаемъ. Онезима же я давно потеряла изъ виду и думала, что онъ или совсѣмъ покинулъ Римъ, или умеръ, можетъ быть. Послушай, Сира; исполни мою просьбу, спаси ты его.

— Флегонъ будетъ очень радъ это сдѣлать, если только возможно будетъ сдѣлать это въ тайнѣ отъ всѣхъ. Обязанность наносить окончательный смертельный ударъ тѣмъ изъ несчастныхъ гладіаторовъ, въ которыхъ сохранились еще кое-какіе признаки жизни, добивать полумертвыхъ — ему ненавистна; но онъ рабъ и не можетъ не исполнять того, что приказываютъ ему, и еслибъ когда-нибудь узнали, что онъ пощадилъ жизнь хотя бы только одному изъ этихъ несчастныхъ, то, конечно, не избѣжать и ему самому самыхъ страшныхъ пытокъ или даже смерти на крестѣ.

Послѣ этого Юнія рѣшилась сама войти въ spolirium и упросить Флегона пощадить жизнь молодого фригійца и позволить ей черезъ нѣсколько времени придти сюда вторично, чтобы увезти съ собою несчастнаго. Тронутый неотступными просьбами молодой дѣвушки, ея горемъ и слезами, Флегонъ рѣшился исполнить то, о чемъ она такъ горячо умоляла его, и перенесъ полумертваго Онезима на свою собственную кровать; онъ омылъ ему его раны, перевязалъ нѣкоторыя и затѣмъ попытался разжать ему ротъ, чтобы влить нѣсколько капель вина. А въ это время Юнія вмѣстѣ съ Сирою торопливо бѣжали по дорогѣ къ дому, гдѣ жилъ Линъ. Придя къ своему пастырю, дочь Нирея чистосердечно разсказала ему все, и добрый старикъ съ радостью согласился помочь ей въ человѣколюбивомъ дѣлѣ спасенія жизни ближняго. Не теряя ни минуты, взялъ онъ своего мула и послѣдовалъ за молодою дѣвушкою въ spoliarium, у воротъ котораго встрѣтилъ ихъ Флегонъ.

Подъ прикрытіемъ ночи и со всевозможными мѣрами предосторожности былъ все еще безчувственный Онезимъ — вынесенъ изъ spoliarium'a и положенъ на спину мула, и Линъ отправился съ нимъ къ себѣ домой, сказавъ Юніи, что пріютитъ несчастнаго на эту ночь у себя.

Возвратясь послѣ этого домой, Юнія очень подробно сообщила отцу о всемъ случившемся. Нирей призадумался: особенно нѣжныхъ чувствъ онъ никогда къ Онезиму не питалъ, и теперь видимо происходила въ немъ борьба между чувствомъ христіанскаго долга къ ближнему и давно вкоренившемся въ него недовѣріемъ къ молодому фригійцу. Однако скоро Юнія положила конецъ этимъ колебаніямъ отца, напомнивъ ему еще недавно читанныя ими въ письмѣ къ коринфскимъ христіанамъ слова Павла изъ Тарса: «Любовь долго терпитъ, милосердствуетъ... не раздражается, не мыслитъ зла... всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ» [1]).

Итакъ рѣшено было на слѣдующій день вечеромъ, когда уже стемнѣетъ, перевезти несчастнаго страдальца изъ дома Лина, для большей безопасности, на небольшую загородную ферму Пуденса близь Арція. Пуденсъ, которому Нирей обо всемъ доложилъ, согласился очень охотно дать у себя на дачѣ убѣжище и пріютъ несчастному Онезиму.

Втеченіе многихъ дней и цѣлыхъ недѣль висѣла жизнь Онезима на самомъ тонкомъ волоскѣ; однакожъ молодость и природная крѣпость организма въ концѣ концовъ осилили физическій недугъ, и бѣдняга постепенно началъ поправляться и вернулись къ нему снова и силы и здоровье.

Глава VI.

Какое-то особенно возбужденное и тревожное состояніе замѣчалось среди народонаселенія Рима на его людныхъ улицахъ и площадяхъ. Совершилось неслыханное дотого убійство: жертвою его была не болѣе и не менѣе какъ важная особа самого городскаго префекта Педанія Секунда, а его убійцею былъ одинъ изъ его же собственныхъ рабовъ. Это являлось злобою дня и было темою безконечныхъ толковъ и сужденій какъ въ роскошныхъ палатахъ богатыхъ патриціевъ, такъ и въ плебейскихъ тавернахъ Велабрума и Субуры; рядили и судили о немъ и военные и гражданскіе трибуны на форумѣ, и торговые люди въ своихъ рядахъ, и жрецы въ храмахъ.

Окруженные группою царедворцевъ Тигеллинъ и Петроній мирно бесѣдовали, стоя подъ портикомъ храма Кастора, когда явился къ нимъ одинъ изъ городскихъ трибуновъ съ ужаснымъ извѣстіемъ.

— Возможно ли, чтобы собственный рабъ его былъ его убійцею?—тономъ неподдѣльнаго ужаса воскликнулъ Тигеллинъ.

— Да, это фактъ несомнѣнный: убійца былъ схваченъ — и чуть ли не на самомъ мѣстѣ преступленія — съ окровавленными

---

[1]) Первое посл. коринѳянамъ св. ап. Павла Гл. XIII.

руками и съ кинжаломъ, покрытымъ свѣжею кровью. Имя его Вибій, и отъ своего преступленія онъ не отпирается.

— Чѣмъ же объясняютъ такое ужасное злодѣяніе?

— Кто говоритъ, будто префектъ обманулъ его, обѣщавъ отпустить на волю за извѣстную сумму, а между тѣмъ когда бѣдняга послѣ многолѣтнихъ сбереженій, ради которыхъ во всемъ себѣ отказывалъ и во всемъ себя урѣзывалъ, принесъ ему деньги, то Педаній отказался отъ своего слова.

Слушатели лишь небрежно пожали плечами.

— Велика важность! Префектъ, видно, раздумалъ, вотъ и все.

— Другіе же говорятъ,—продолжалъ трибунъ, явившійся доложить объ этомъ происшествіи,—будто Вибій убилъ префекта изъ ревности къ общему ихъ фавориту.

— А какъ велико число рабовъ Педанія?—полюбопытствовалъ Петроній.

— Четыреста.

— Только-то!—замѣтилъ Тигеллинъ.—Жаль, что такъ мало. Всѣ они, отъ перваго и до послѣдняго будутъ отъ малаго и до стараго преданы смертной казни. Намъ же остается возблагодарить безсмертныхъ боговъ за то, что есть у насъ на подобные случаи такое благодѣтельное указаніе временъ божественнаго Августа, въ силу котораго всѣ рабы, живущіе подъ одною кровлею съ преступникомъ, подлежатъ равному съ нимъ наказанію.

Въ это время къ группѣ, собравшейся у храма Кастора, присоединился Сенека, по опечаленному и встревоженному лицу котораго не трудно было догадаться, что извѣстіе объ убійствѣ Педанія дошло и до него.

— Скажи намъ, Сенека,—обратился къ нему Луканъ,—какъ думаешь ты, слѣдуетъ ли, или нѣтъ приводить въ исполненіе столь суровое узаконеніе, и возможно ли допустить, чтобы всѣ четыреста рабовъ Педанія были казнены смертью?

— Кто же можетъ предлагать такую жестокую несправедливость?—съ негодованіемъ воскликнула философъ.—Кто же рѣшится избить толпу людей, изъ которыхъ триста девяносто девять по всей вѣроятности совсѣмъ невинны въ этомъ преступленіи? Такое поголовное избіеніе виновнаго за одно съ невиновными, молодыхъ и старыхъ, не можетъ не оскорблять и не возмущать даже простого человѣческаго чувства.

— Все это прекрасно, но все-таки страшно даже и подумать, что самъ префектъ могъ сдѣлаться жертвою убійства, и гдѣ же?—въ стѣнахъ собственнаго дома и отъ руки собственнаго раба!—замѣтилъ кто-то изъ присутствовавшихъ.

— Правда, отъ руки своего раба; не должно однако забывать, что несчастный рабъ этотъ — какъ говоритъ городская молва — былъ доведенъ до такого преступленія вопіющею къ нему несправедливостью своего господина.

— Несправедливостью!—съ непритворнымъ изумленіемъ повторилъ Вестинъ.—Это мнѣ нравится! Словно можетъ существовать

какая-либо несправедливость по отношенію къ рабу. Наши рабы —наша собственность, наша вещь—мы ими владѣемъ безусловно и безотвѣтственно—и никакихъ правъ имѣть они не могутъ.

— Развѣ не такіе же люди наши рабы, какъ и мы сами?— возразилъ Сенека.—Не такая же ли кровь течетъ и въ ихъ жилахъ? Развѣ нѣтъ у раба чувствъ, страстей?

— Несомнѣнно, страсти у него есть и при томъ страсти весьма непохвальныя, какъ видно, — прозубоскалилъ молодой Ведій Полліо.

— Ну, въ этомъ отношеніи наши рабы врядъ ли являютъ собою единичное исключеніе,—замѣтилъ Сенека, взглянувъ многозначительно на молодого человѣка.

Намекъ былъ ясенъ для присутствовавшихъ: въ дни Августа одинъ изъ предковъ молодого человѣка, Ведій Полліо, приказалъ бросить въ рыбный садокъ на съѣденіе откармливаемымъ морскимъ миногамъ одного изъ своихъ безчисленныхъ рабовъ лишь за то, что бѣдняга имѣлъ неосторожность упасть и при этомъ выронить изъ рукъ хрустальный сосудъ, который разбился. Увѣдомленный о такой жестокости Полліо, Августъ, который въ этотъ самый день долженъ былъ обѣдать у него, вознегодовалъ до того, что приказалъ тотчасъ же вытащить несчастнаго изъ садка и, кромѣ того, перебить въ домѣ Полліо всѣ хрустальныя вазы, кубки и другіе сосуды.

— Нашъ милый другъ Сенека, вѣроятно, поторопится взять назадъ свои слова, если я позволю себѣ выразить сочувствіе къ его мнѣнію,—проговорилъ изящный Петроній;—тѣмъ не менѣе я не могу не сказать что это такъ. Для меня нѣтъ ничего отвратительнѣе какъ всѣ эти ужасные аттрибуты рабства, и я рѣшительно не въ силахъ переступить порога такого дома, гдѣ слуху моему грозятъ бряцаніе цѣпей, крики, вопли и стоны этихъ несчастныхъ, словно въ какомъ-нибудь эргастулумѣ.

— Петроній у насъ извѣстный образецъ мягкосердечія и добродушія,—замѣтилъ Кассій Лонгинъ;—но что до меня то, признаюсь, мнѣ остается только пожалѣть объ участи Рима, если суждено этимъ сентиментальнымъ, изнѣженнымъ взглядамъ на вещи стать преобладающими въ немъ.

— Въ этомъ я вполнѣ согласенъ съ Лонгиномъ,—поддержалъ его Варръ.—Не напрасно же существуетъ поговорка: сколько рабовъ—столько враговъ, и мы, патриціи, проводимъ всю нашу жизнь словно въ какой-то осажденной крѣпости. Если же сенатъ и теперь—въ виду такого потрясающаго злодѣянія—не найдетъ нужнымъ принять надлежащихъ мѣръ къ пресѣченію дальнѣйшаго чудовищнаго зла, я первый покину Римъ и эмигрирую.

— Но кто же виноватъ, если рабы наши обращаются въ нашихъ враговъ?—спросилъ Сенека.—Мои, напримѣръ, не только не враги мнѣ, а напротивъ, очень преданы мнѣ—по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ—и любятъ меня, и я убѣжденъ, что между ними нашелся бы не одинъ, который согласился бы охотно сложить свою голову за меня. Но сами мы, избалованные услугами толпы безотвѣтныхъ рабовъ, всечасно готовыхъ безпрекословно исполнять каждое наше приказаніе, часто становимся рабами своихъ собственныхъ прихотей и страстей.

— Такія разсужденія безспорно очень хороши, но только въ теоріи; на дѣлѣ же они могутъ лишь намъ повредить и даже погубить насъ,—глубокомысленно замѣтилъ Сцевинъ.—Неужели же можно требовать отъ насъ, чтобы мы снизошли до того, чтобы тратить свое время на снисканіе милостиваго къ себѣ расположенія нашей толпы рабовъ? Нѣтъ, мой режимъ съ ними главнымъ образомъ въ бичѣ, кандалахъ и пыткахъ. А вотъ и ты, Пудентъ, мой задумчивый новобрачный старшій центуріонъ! Ты пришелъ кстати: для тебя готовится дѣло.

— Нѣтъ, отъ такого дѣла я отказываюсь рѣшительно и предпочту покинуть службу въ рядахъ римскаго войска, чѣмъ вести свой легіонъ на позорное дѣло избіенія толпы невинныхъ и обезоруженныхъ.

— Что-то скажетъ намъ на это нашъ юный другъ Титъ?—обратился съ улыбкой Петроній къ сыну Веспасіана.

— Право, не знаю, Петроній, что мнѣ сказать,—отвѣтилъ ему Титъ;—у насъ рабовъ очень немного, и всѣ они—сколько ихъ есть—любятъ насъ и преданы намъ. Я не забуду никогда, съ какою любовью, точно братья родные, ухаживали они за мною во все время моей болѣзни.

— Оно и понятно: подобное къ подобному льнетъ,—шепнулъ Тигеллинъ на ухо своему сосѣду Вестину;—вѣдь и самъ онъ полурабъ по происхожденію.

— Интересно было бы знать, какое твое происхожденіе,—грубо отрѣзалъ ему Вестинъ, ненавидѣвшій Тигеллина.

Молва о присужденіи къ смертной казни всѣхъ безъ исключенія рабовъ убитаго Педанія произвела сильный переполохъ въ низшихъ классахъ римскаго народонаселенія, среди которыхъ было достаточно такихъ, которые сами были когда-то рабами, а еще больше такихъ, которые находились въ хорошихъ и самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ очень многими изъ городскихъ рабовъ, которые въ сущности составляли главную массу римскаго народонаселенія, многимъ превышая своею численностью людей свободныхъ. Начались народныя сборища и сходки, и волненіе плебеевъ, усиливаясь съ каждымъ днемъ, грозило уже перейти въ открытое возстаніе. Домъ убитаго Педанія съ заключенными въ немъ рабами пришлось оцѣпить крѣпкою стражею и созвать второпяхъ сенатъ для окончательнаго обсужденія этого вопроса и его рѣшенія. При этомъ нѣкоторые слишкомъ ревностные поборники суроваго и давно устарѣлаго узаконенія,—ратуя о точномъ исполненіи буквы закона,—хотѣли было распространить приговоръ о смертной казни даже и на тѣхъ изъ вольноотпущенниковъ Педанія, которые жили подъ одною кровлею съ его убійцею. Тѣмъ не менѣе на такое предложеніе строгихъ сенаторовъ самъ цезарь замѣтилъ, что если въ дан-

номъ случаѣ съ одной стороны не желательно ни малѣйшаго послабленія стариннаго суроваго постановленія, то съ другой также мало желательно и ненужное усугубленіе строгости, и предложеніе осталось безъ послѣдствій.

А въ это время Онезимъ, къ которому вмѣстѣ съ физическими силами вернулось и сознаніе какъ его нравственнаго паденія, такъ и безвыходности того ужаснаго положенія, въ какомъ онъ находился и какъ бѣглый рабъ, и какъ гладіаторъ, оставшійся въ живыхъ наперекоръ волѣ цезаря, рѣшился покинуть мирный уголокъ близъ Арціи, гдѣ его пріютилъ Пуденсъ, чтобы безъ всякой опредѣленной цѣли опять пробраться въ Римъ. Здѣсь первое, что онъ услыхалъ, бродя по площадямъ и улицамъ, были толки въ народѣ о назначенной на завтра казни рабовъ убитаго префекта.

И въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующее утро, еще задолго до разсвѣта, вдоль всего пути, по которому должна была пройти осужденная на смерть толпа рабовъ, начиная отъ дома Педанія и до отдаленнѣйшей части Есквилина, гдѣ должна была совершиться эта рѣзня, густыми рядами были разставлены войска въ полномъ вооруженіи. Скованные попарно и подъ конвоемъ многочисленнаго отряда солдатъ, конныхъ и пѣшихъ, несчастныя жертвы были выведены изъ дома Педанія и двинулись, оглашая воздухъ изступленными криками и воплями отчаянія, къ мѣсту казни. Вслѣдъ за ними густою толпою хлынулъ народъ и до конца проводилъ печальную процессію, вторя воплямъ и рыданіямъ осужденныхъ, ломая себѣ руки въ отчаяніи и громко взывая къ справедливости нѣмыхъ и лживыхъ боговъ. Легіонъ преторіанцевъ, замыкавшій собою это шествіе, также какъ и разставленные вдоль улицъ гладіаторы сурово отгоняли все болѣе и болѣе наплывавшее стеченіе народа. Вслѣдъ за этой толпой къ мѣсту казни что-то съ непреодолимою силою влекло одинокаго и бездомнаго Онезима. Но вотъ процессія остановилась; длинными и плотными рядами были разставлены несчастныя жертвы на широкой площади и началось поголовное избіеніе. Опасаясь народнаго возстанія палачи съ невѣроятною быстротою приводили въ исполненіе ужасный приговоръ, и одинъ за другимъ, оглашая воздухъ раздирающими криками и предсмертными стонами, падали среди цѣлыхъ лужъ крови съ перерѣзаннымъ горломъ или пронзенные кинжаломъ въ сердце старики и старухи, мужчины въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, красивыя молодыя женщины, юноши, отроки и даже маленькія дѣти. Картина была въ полномъ смыслѣ потрясающая; но было и много трогательнаго и возвышеннаго въ ней. Въ числѣ этихъ рабовъ было много и такихъ, которые втайнѣ исповѣдывали христіанство, и этимъ ихъ вѣра въ Искупителя и въ Его безконечное милосердіе придавали силы встрѣтить смерть не только спокойно, но даже съ радостью, какъ мученичество, обѣщавшее имъ награду въ лучшемъ мірѣ. Флегонъ и бѣдняжка Сира были также въ числѣ казненныхъ и въ тупомъ отчаяніи схвативъ другъ друга за руку, съ нѣмою

покорностью приняли ужасную смерть, какъ избавленіе отъ не менѣе ужасной жизни.

Напрасны были и брань, и крики, и страшныя проклятія, которыми въ своемъ иступленіи во всеуслышаніе осыпала толпа зрителей этой чудовищной казни и войско, и сенатъ, и покойнаго Педанія, и даже самого цезаря. Менѣе чѣмъ черезъ часъ времени кровавая расправа была совершена; послѣ чего еще теплыя тѣла трехъ сотъ девяносто девяти невинныхъ жертвъ нечеловѣчной жестокости были второпяхъ зарыты въ глубокія ямы Есквилина, и пескомъ и отрубями засыпаны кровавые слѣды этого ужаснаго избіенія.

Потрясенный до глубины души кровавымъ зрѣлищемъ, Онезимъ поспѣшилъ покинуть ужасное мѣсто и отправился на форумъ, гдѣ, примостившись на ступенькахъ Юліевой базилики, долго сидѣлъ какъ пришибленный, не видя и не слыша ничего. А между тѣмъ уличная римская жизнь текла обычнымъ порядкомъ и съ обычными повседневными явленіями.

Но вдругъ прикосновеніе чьей-то руки къ плечу и полушопотомъ произнесенное имя его заставили Онезима вздрогнуть: быстро поднявъ голову, онъ испуганно вскочилъ было, съ цѣлью бѣжать, но увидавъ передъ собою добродушно улыбавшееся ему лицо Тита, успокоился.

— Что случилось съ тобою, бѣдный мой Онезимъ?—съ ласковымъ участіемъ спросилъ его Титъ.—Гдѣ ты пропадалъ все это время? Отчего ты такъ худъ и блѣденъ? Разскажи мнѣ все: и гдѣ былъ, и что было съ тобою, и что привело тебя сегодня сюда?

Онезимъ въ короткихъ словахъ разсказалъ Титу, какъ онъ имѣлъ несчастіе—уже послѣ того какъ былъ спасенъ, благодаря заступничеству старшей весталки, отъ смертной казни—попасть на глаза императору, вслѣдствіе чего былъ по его приказанію подаренъ Педанію, приказавшему отдать его для обученія въ школу гладіаторовъ; какъ онъ затѣмъ выступилъ борцомъ въ циркѣ и какъ съ арены попалъ полумертвымъ въ *spoliarium*, откуда—какъ онъ впослѣдствіи узналъ—его взялъ по просьбѣ Нирея Пуденсъ и пріютилъ на своей загородной фермѣ близъ Арціи.

— Что же ты намѣренъ дѣлать теперь?—выслушавъ его разсказъ, спросилъ Титъ.

— Остается одно: либо жить подаяніемъ, либо голодать и умереть,—отвѣтилъ Онезимъ.

— Слушай, Онезимъ,—началъ Титъ послѣ непродолжительнаго раздумья: — только сейчасъ узналъ я, что Пуденсу въ скоромъ времени дадутъ, по всей вѣроятности, другое назначеніе; предполагается послать его въ Британнію съ отрядомъ войскъ на помощь Светонію Павлину; а съ нимъ, конечно, отправляюсь туда и я. Старикъ Карадокъ и Клавдія, конечно, тоже уѣдутъ вмѣстѣ съ нимъ. Очень жаль, что ты не догадался явиться къ Пуденсу и поблагодарить его за все, что онъ сдѣлалъ для тебя; мнѣ кажется, сдѣлать это было твоимъ прямымъ долгомъ. Впрочемъ, Пу-

денсъ человѣкъ очень добрый и вовсе не злопамятный, а потому я почти увѣренъ, что, если я попрошу его за тебя, то онъ позволитъ отправиться тебѣ вмѣстѣ со всѣми нами въ Британнію.

Возможность уѣхать изъ Рима въ первую минуту очень было улыбнулась Онезиму. Но онъ вспомнилъ Юнію, и поторопился спросить, будетъ ли Нирей сопровождать Пуденса въ Британію.

— На врядъ ли, — отвѣтилъ ему Титъ. — Нирей теперь человѣкъ свободный и воленъ, конечно, ѣхать куда ему будетъ угодно; но онъ старъ и пускаться въ такой далекій путь ему едва ли подъ силу.

Тутъ Онезимъ очень чистосердечно признался Титу въ своей любви къ дочери Нирея, Юніи — любви давно уже запавшей въ его душу, и высказалъ ему свою надежду сдѣлаться со временемъ — не смотря на все — достойнымъ мужемъ любимой дѣвушки.

— Въ память той услуги, какую оказалъ ты однажды моему незабвенному другу Британнику, котораго я такъ горячо любилъ и буду любить до послѣдняго моего издыханія, я готовъ помочь тебѣ и постараюсь всячески облегчить твою участь; и, если ужъ тебѣ такъ трудно разстаться съ Римомъ, то я постараюсь помѣстить тебя въ домѣ либо Флавія Сабина, либо Помпоніи Грэцины, жены Авла Плавтія—какъ у одного, такъ и у другой тебѣ будетъ безусловно хорошо, такъ какъ оба они какъ по своей добротѣ, такъ и по честности взглядовъ принадлежатъ къ рѣдкимъ въ Римѣ людямъ. Я увѣренъ, что въ нихъ ты встрѣтишь доброе участіе и услышишь отъ нихъ лишь одни хорошія и полезныя наставленія. Правда, и Актэя, какъ видно, принимаетъ въ тебѣ горячее участіе, она вѣдь не разъ наводила о тебѣ справки; но для тебя будетъ полезнѣе — а вмѣстѣ съ тѣмъ и безопаснѣе — держаться подальше отъ палатинскаго дворца. И такъ, пойдемъ же со мною; я отведу тебя прямо къ Помпоніи, и тамъ я съ нею поговорю, какъ лучше поступить, чтобы спасти тебя.

И Титъ въ сопровожденіи Онезима отправился по дорогѣ къ воротамъ, выходившимъ на Аппіеву дорогу.

Глава VII.

Подходя къ воротамъ, Титъ и Онезимъ увидали еще издали многочисленную толпу простого народа, который тѣснился около отряда солдатъ, служившихъ конвоемъ небольшому числу арестантовъ. Впереди отряда шелъ молодой центуріонъ въ блестящихъ латахъ и очень молодцоватый на видъ; арестанты же были по обыкновенію въ кандалахъ и, сверхъ того, привязаны каждый изъ нихъ въ отдѣльности длинною цѣпью къ одному изъ солдатъ. Впрочемъ, зрѣлище было одно изъ самыхъ обыкновенныхъ и врядъ

ли привлекло бы оно такую толпу, еслибъ въ числѣ арестантовъ не было человѣка, возбуждавшаго особый интересъ въ этой толпѣ, состоявшей преимущественно изъ людей простого класса—рабовъ, ремесленниковъ и бѣдныхъ чужеземцевъ. Подойдя ближе, Титъ узналъ въ сотникѣ одного своего стараго друга.

— А, Юлій, ты ли это?—воскликнулъ молодой человѣкъ, обрадованный этою встрѣчею. — Наконецъ-то ты вернулся! Воображаю, какъ много интереснаго разскажешь ты намъ какъ о самой Кесеріи, такъ и объ этихъ безпокойныхъ бунтовщикахъ—іудеяхъ. Приходи къ намъ сегодня же къ ужину. Согласенъ?

— Очень радъ!—отвѣчалъ Юлій, принимая приглашеніе: - для меня будетъ истиннымъ наслажденіемъ отдохнуть въ домѣ твоего добраго отца, за мирной бесѣдой въ простомъ семейномъ кружкѣ, послѣ всѣхъ этихъ утомительныхъ переходовъ, а еще болѣе отъ тѣхъ треволненій, какія намъ пришлось испытать во время нашаго плаванія на Адрамитскомъ кораблѣ и особенно вскорѣ послѣ нашего отплытія отъ небольшого острова Клавды. Вотъ когда натерпѣлись мы страха! Однако теперь мнѣ некогда стоять здѣсь и болтать съ тобою; я долженъ поторопиться скорѣе сдать на руки преторіанскому префекту мою партію узниковъ.

— А кто они такіе?

— Простые обыкновенные арестанты, за исключеніемъ, впрочемъ, одного изъ нихъ,—отвѣчалъ Юлій. - Этотъ дѣйствительно человѣкъ замѣчательный какъ по необыкновенному широкому уму, такъ и по своему мужеству и своей неустрашимости. а къ тому же онъ отличается и необычайною оригинальностью, а между тѣмъ онъ не болѣе какъ іудей-фанатикъ - ревностный поборникъ новой секты людей, именующихъ себя христіанами.

— Который это?

И Юлій указалъ Титу на узника, привязаннаго цѣпью къ одному изъ передовыхъ солдатъ. Густая толпа окружала его и съ религіознымъ благоговѣніемъ взирала на него и ловила каждое его слово. Онъ былъ человѣкъ очень уже немолодой, сѣдой и слегка согбенный, роста невысокаго, худощавый съ впалыми щеками, очень выразительнымъ и умнымъ лицомъ и красными воспаленными глазами. Но что-то совсѣмъ особенное въ чудномъ взглядѣ этихъ больныхъ глазъ приковывало къ нему взоры всѣхъ и дивнымъ свѣтомъ озаряло и грѣло тѣхъ, на кого падалъ этотъ лучезарный взглядъ.

Долго, и не отрывая глазъ, на него смотрѣлъ Титъ, и чѣмъ больше вглядывался онъ въ это старческое выразительное лицо, свѣтившееся кроткимъ неземнымъ свѣтомъ, тѣмъ задумчивѣе и сосредоточнѣе становилось выраженіе его молодого лица.

— Да, твоя правда, есть что-то особенное въ этомъ человѣкѣ— но что?—проговорилъ онъ наконецъ въ глубокомъ раздумьи.—Кто онъ? Какое его происхожденіе?

— Имя его Павелъ, родомъ онъ изъ Тарса Киликійскаго: те-

перь же онъ — какъ замѣтно по многому — одинъ изъ главныхъ вождей среди этихъ христіанъ.

Все это время Онезимъ стоялъ нѣсколько поодаль и, погруженный въ свои размышленія, не обращалъ никакого вниманія ни на толпу, тѣснившуюся вокругъ узниковъ, ни на разговоръ Тита съ Юліемъ. Но услыхавъ только-что произнесенное имя, онъ быстро поднялъ голову и началъ всматриваться въ эту толпу людей, среди которой увидалъ порядочное число знакомыхъ ему лицъ. Тутъ былъ и Нирей съ Юніей, была и Трифена, и Трифоза, и Геродіонъ изъ цезаревой фамиліи рабовъ; были и пресвитеръ Линъ, и Клэтъ, и Урбанъ, и Цельсъ, и Клавдія, жена одного изъ вольноотпущенниковъ Нарциса, и Андроникъ, и Александръ, и Руфъ, сыновья Симона Коринфянина, который несъ крестъ за Іисусомъ, и много другихъ.

Онезимъ съ перваго же взгляда разглядѣлъ всѣхъ этихъ болѣе или менѣе знакомыхъ ему людей. Но не на нихъ остановился его взоръ, въ которомъ, казалось, сосредоточилось въ эту минуту все его существо, вся его душа: онъ впивался жадно глазами въ того, котораго звали Апостоломъ Павломъ.

Вотъ тотъ, чье слово съ такимъ набожнымъ благоговеніемъ, съ такимъ душевнымъ трепетомъ онъ когда-то слушалъ! Никакой особой перемѣны въ апостолѣ не произошло; лишь лицо немного осунулось и волосы стали теперь совсѣмъ уже бѣлые, но онъ все такой же—все тотъ же его чудный взглядъ, какимъ видѣлъ онъ его въ Ефесѣ, когда добрый Филемонъ взялъ его съ собою, съ цѣлью доставить ему случай послушать слово благовѣстителя. И цѣлая волна тяжелыхъ воспоминаній нахлынула на бѣднаго Онезима, и одна за другой пронеслись передъ его умственнымъ взоромъ пестрыя неприглядныя картины буйства и разгула страстей, грязныя таверны—притоны пьянства и разврата,—невольничій острогъ съ его цѣпями, кандалами, плетьми и бичами, гладіаторская школа, циничные разговоры, грубое издѣвательство и наконецъ среди кровью залитой арены трупъ друга... И думалось ему, что онъ счастливъ былъ бы, еслибъ имѣлъ возможность провалиться въ эту минуту сквозь землю. Стыдъ и раскаяніе охватили его, и онъ уже готовъ былъ, выступивъ впередъ, броситься къ ногамъ апостола и громко покаяться ему во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ. Но въ эту минуту раздалась команда сотника: «Впередъ!» — и отрядъ съ арестантами, сопровождаемый толпою народа, двинулся дальше. Онезимъ быстро спрятался за близьлежавшую груду камней и лишь уже послѣ того, какъ солдаты, узники и народъ скрылись изъ виду, пустился бѣжать, спѣша догнать Тита.

Титъ казался задумчивъ, сосредоточенъ и всю дорогу молчалъ, и только уже подходя къ дому Авла Плавтія спросилъ Онезима:

— Видѣлъ ты того узника, Онезимъ!

— Видѣлъ, и не въ первый разъ: еще въ дѣтствѣ моемъ пришлось мнѣ видѣть его въ Ефесѣ.

— Да, это настоящій человѣкъ,—проговорилъ Титъ:—даромъ что онъ іудеянинъ, даромъ что ростомъ онъ не высокъ, нестроенъ и некрасивъ, и тѣмъ не менѣе въ самомъ безобразіи его почему-то больше красоты, больше прекраснаго, чѣмъ въ красотѣ какого-нибудь Париса или Тигеллина.

— А надо послушать, какъ онъ говоритъ!—сказалъ Онезимъ.

Титъ въ недоумѣніи пожалъ плечами.

— И при этомъ христіанинъ! — проговорилъ онъ, — Поклонникъ простого іудеянина, позорно распятаго Пилатомъ на крестѣ! Вѣроятно есть же въ нихъ, въ этихъ христіанахъ, что-нибудь такое особенное, что остается непостижимымъ для меня, что недоступно моему пониманію. Къ нимъ льнулъ, видя въ нихъ что-то необыкновенное высокое, и мой милый Британникъ; да и Помпонія, эта славная, добрая и правдивая женщина, исповѣдуетъ въ тайнѣ—какъ мнѣ думается—христіанство. Еще какъ-то недавно замѣтила она мнѣ, что всѣ гоненія на христіанъ приносятъ въ концѣ концовъ только одно несчастіе самимъ гонителямъ. Вотъ и Пилатъ—какъ она мнѣ разсказывала—плохо кончилъ.

— Что же такое случилось съ нимъ?—спросилъ Онезимъ.

— Говорятъ, будто призракъ распятаго Христа ни минуты не давалъ ему покоя. Его жена, Клавдія Прокула, приняла христіанство. Его сослали въ Гельвецію, гдѣ онъ завершилъ свою жизнь самоубійствомъ, и съ тѣхъ поръ тѣнь его—какъ гласитъ народная молва - каждую ночь является тамъ на одной голой скалѣ и все третъ и моетъ себѣ руки. Впрочемъ, можетъ быть, все это одинъ лишь вздоръ. А вотъ и домъ Помпоніи.

Очень радушно, по своему обыкновенію, встрѣтила Помпонія юнаго друга своего Тита; она охотно согласилась исполнить его просьбу и въ этотъ же день включила несчастнаго и безпріютнаго Онезима въ число своихъ домочадцевъ. Такимъ образомъ молодой фригіецъ, спасенный еще разъ отъ нищеты и голода, провелъ эту ночь подъ кровлею новаго господина.

Тѣмъ временемъ сотникъ Юлій, продолжая свой путь, лежавшій отъ одного конца Рима до другого, прибылъ благополучно наконецъ со своею партіей арестантовъ въ ту часть преторіанскаго лагеря, гдѣ помѣщалась квартира Бурра. Сдавъ преторіанскому префекту на руки узника Павла, потребовавшаго въ Кессаріи суда у цезаря, Юлій заодно вручилъ Бурру и нѣсколько писемъ отъ Феликса, Фесты и Агриппы. Прочитавъ эти посланія, Бурръ замѣтилъ:

— Узникъ этотъ, какъ кажется, принадлежитъ къ не совсѣмъ обыкновенной категоріи арестантовъ; его обвиняютъ іудеи въ богохульствѣ и, сверхъ того, въ томъ, будто онъ сѣетъ смуты въ подвластномъ Риму народѣ; а между тѣмъ, ни уликъ противъ него, ни доказательствъ въ подтвержденіе справедливости такого обвиненія они при этомъ не представили.

— Около Мальты были мы настигнуты страшною бурею, и

если спаслись отъ полнаго крушенія и гибели, то только благодаря мужеству и мудрымъ совѣтамъ этого замѣчательнаго человѣка,—отвѣтилъ на это сотникъ Юлій.—Но есть слухъ, будто корабль, вышедшій изъ Кессаріи вслѣдъ за нами со множествомъ іудеевъ, погибъ совсѣмъ и пошелъ ко дну, и очень возможно, что въ лицѣ этихъ іудеевъ пошли ко дну нѣкоторые изъ обвинителей Павла.

— Тогда можно навѣрно сказать, что дѣло его еще не скоро будетъ разбираться. Но какъ бы то ни было, а будемъ надѣяться, что если онъ дѣйствительно невиненъ, то невинность его будетъ доказана, и судъ цезаря оправдаетъ его.

— За его невинность я готовъ поручиться,—съ жаромъ вступился Юлій за узника;—и невзирая на то, что онъ ярый поборникъ христіанскаго ученія, его смѣло можно причислить къ тѣмъ людямъ, что за свои высокія добродѣтели угодны безмертнымъ богамъ.

— Надо будетъ принять мѣры, чтобы облегчить ему — насколько то возможно и сообразно съ нашими узаконеніями—время его заточенія.

И, призвавъ къ себѣ одного изъ преторіанцевъ, Бурръ приказалъ ему распорядиться, чтобы узнику Павлу предоставлены были нѣкоторыя льготы и чтобы ему дозволено было имѣть свое особое помѣщеніе въ городѣ, гдѣ не возбранялось бы ему — но, разумѣется, подъ надзоромъ безотлучнаго стража — принимать всѣхъ пожелавшихъ бы видѣть его и свободно съ нимъ бесѣдовать.

Такимъ образомъ въ эту ночь сбылась давнишняя завѣтная мечта Апостола Павла изъ Тарса: онъ легъ спать въ Римѣ.

Въ этотъ же вечеръ въ домѣ Веспасіана за скромнымъ ужиномъ, на который были приглашены на этотъ разъ Авлъ Плавтій съ своею женою Помпоніею, Сенека, а также Клавдія съ своимъ мужемъ Пуденсомъ, и братъ Веспасіана Флавій Сабинъ, только что получившій назначеніе на постъ городского префекта взамѣнъ убитаго Педанія, сотникъ Юлій, прибывшій не далѣе какъ въ этотъ самый день изъ Кессаріи, сообщилъ очень много интереснаго какъ о самихъ іудеяхъ, такъ и о возникшей среди нихъ новой сектѣ христіанъ, и между прочимъ разсказалъ, что почти передъ самымъ его отбытіемъ изъ Кессаріи ему пришлось быть очевидцемъ жестокой расправы іудеевъ-фанатиковъ съ однимъ изъ поборниковъ христіанства.

— Назначенный Агриппою первосвященникъ Ананій, — разсказывалъ онъ, — сынъ того самаго первосвященника, передъ судилищемъ котораго былъ судимъ Христосъ, приказалъ старшинѣ тамошнихъ христіанъ Якову, брату ихъ Христа, предстать передъ синедріономъ, и когда онъ явился, то велѣлъ побить его до смерти камнями. Но народъ, который до обожанія почти любилъ этого Якова, прозваннаго имъ «Праведнымъ», намѣреваясь выручить его изъ бѣды, предложилъ ему вопросъ: «Какого онъ

мнѣнія о Христѣ?» на что Яковъ неустрашимо отвѣтилъ: «Онъ Богъ». Услыхавъ это, фанатики-іудеи въ своемъ остервененіи сбросили его съ высоты кровли своего храма. Однако и послѣ такого паденія Яковъ остался живъ и сохранилъ еще на столько физическихъ и духовныхъ силъ, что былъ въ состояніи, поднявшись на колѣни, молиться за своихъ убійцъ. Колѣнопреклонный въ своемъ бѣломъ, обрызганномъ кровью одѣяніи среди двора храма и молящійся за своихъ жестокихъ враговъ, онъ являлъ собою зрѣлище по истинѣ изумительное и трогательное, такъ что одинъ изъ его гонителей уже замолвилъ-было доброе слово за него, какъ вдругъ какой-то изступленный фанатикъ ударилъ его дубиной по головѣ и раскроилъ ему черепъ.

— О это ужасно!—тихо молвила Помпонія и, вся проникнутая священнымъ трепетомъ, въ горячей нѣмой молитвѣ вознеслась душою къ престолу Бога Правды и Любви.

Глава VIII.

Вскорѣ послѣ прибытія Апостола Павла въ Римъ преторіанскій префектъ Бурръ занемогъ воспаленіемъ горла и, проболѣвъ нѣкоторое время, скончался. Во все время его болѣзни Неронъ, давно уже тяготившійся тѣмъ нѣмымъ порицаніемъ, которое нерѣдко видѣлъ онъ во взорахъ бывшаго своего воспитателя и руководителя, не могъ скрыть злой радости, охватившей его въ виду возможности близкой смерти префекта. Давно утративъ всякое вліяніе на цезаря, - не смотря на тѣ тяжелые компромиссы, въ какіе входилъ онъ иногда со своею совѣстью, чтобы сколько-нибудь сохранить для общаго блага свой зыбкій авторитетъ на главу имперіи,—Бурръ все-таки продолжалъ ужъ однимъ своимъ присутствіемъ стѣснять Нерона, который видѣлъ въ немъ какъ бы воплощеніе укоровъ собственной совѣсти, какъ бы неподкупнаго, хотя и безмолвнаго судью-карателя всѣмъ своимъ поступкамъ и дѣйствіямъ, и одно уже сознаніе, что Бурръ—честный и прямой солдатъ въ душѣ—не можетъ не осуждать его образа дѣйствій и какъ императора, и какъ частнаго лица, стѣсняло Нерона и было ему до крайней степени надоѣдливо. А между тѣмъ открыто отдѣлаться отъ Бурра, давнишняго любимца среди преторіанскихъ когортъ, было и не совсѣмъ удобно и небезопасно. Болѣзнь префекта явилась кстати: ею можно было воспользоваться какъ удобнымъ прикрытіемъ для новаго злодѣянія: на этотъ счетъ намеки Тигеллина—этого злого генія Нерона—были очень прозрачны и убѣдительны и вскорѣ привели къ тому, что Неронъ рѣшился послать сказать своему бывшему совѣтчику, что шлетъ ему лѣкарство изготовленное подъ непосредственнымъ наблюденіемъ собственнаго лейбъ-медика. Этимъ цѣлебнымъ сред-

ствомъ оказался ядъ. Больной догадался въ чемъ дѣло, но поздно: ядъ уже успѣлъ произвести свое дѣйствіе, и когда Неронъ вскорѣ затѣмъ самъ пришелъ навѣстить его, онъ съ нескрываемымъ отвращеніемъ отвернулся отъ него и на всѣ его притворно-участливые разспросы о его здоровьи лишь разъ отвѣтилъ: «мнѣ хорошо». То были его послѣднія слова. Въ Буррѣ Римъ потерялъ одного изъ тѣхъ немногихъ честныхъ и добродѣтельныхъ государственныхъ мужей, какими пока еще могла похвалиться римская имперія.

Для замѣщенія же вакантнаго поста префекта преторіанскаго лагеря Неронъ повелѣлъ эдиктомъ должность военнаго префекта раздѣлить между двумя лицами - Феніемъ Руфомъ и Софоніемъ Тигеллиномъ. Первый изъ нихъ былъ человѣкъ очень уважаемый, стяжавшій себѣ большую популярность тою добросовѣстностью и щедростью, съ какими онъ во время голода исполнялъ свои обязанности коммисара народнаго продовольствія, и Неронъ надѣялся такимъ назначеніемъ заглушить до нѣкоторой степени то неудовольствіе въ народѣ и тотъ его ропотъ, какіе должно было неминуемо возбудить въ немъ назначеніе на важный и почетный постъ префекта преторіанскихъ когортъ такого человѣка, какимъ былъ всѣмъ ненавистный Тигеллинъ. Но разумѣется, что изъ этихъ двухъ вновь созданныхъ префектовъ главнымъ и полновластнымъ былъ наперсникъ и другъ Нерона, соучастникъ и сподвижникъ всѣхъ темныхъ дѣяній цезаря. Печальная и незавидная извѣстность этого низкаго временщика восходила еще ко днямъ его первой юности: и тогда уже юношей похвалялся онъ съ наглымъ и безпримѣрнымъ безстыдствомъ цѣлымъ рядомъ подвиговъ, изъ которыхъ одинъ былъ безславнѣе и позорнѣе другого; теперь же, потворствуя всѣмъ порочнымъ наклонностямъ молодого императора, втягивая его все глубже и глубже въ омутъ разврата, разжигая въ немъ всѣ злыя его страсти, онъ этимъ путемъ разсчитывалъ проложить самому себѣ дорогу къ римскому престолу.

Послѣ устраненія, съ помощью Локусты, несчастнаго юнаго Британника съ дороги, въ живыхъ еще оставалось два человѣка, могшіе оказаться конкуррентами очень опасными въ дѣлѣ достиженія того, что являлось главною цѣлью всѣхъ черныхъ интригъ и козней всесильнаго фаворита То были Фавстъ Корнелій Сулла, послѣдній отпрыскъ этого знаменитаго рода, и Рубеллій Плавтъ, послѣдній прямой потомокъ Тиберія. Какъ тотъ, такъ и другой давно уже находились въ немилости и, удаленные изъ Рима, жили какъ бы въ почетной ссылкѣ, первый въ Нарбонской Галліи, второй въ Азіи, и Тигеллину весьма не трудно было увѣрить Нерона подозрительнаго, какъ всѣ вообще трусливые люди, что Сулла, равно какъ и Плавтъ, подъ притворною личиною лѣни индиферентизма къ государственнымъ дѣламъ, только и дѣлаютъ, что замышляютъ козни и сѣютъ смуты среди войскъ тѣхъ отдаленныхъ провинцій. Первою жертвою наговоровъ всесильнаго временщика палъ Сулла; подосланные къ нему въ Массилію подъ строжайшимъ секретомъ убійцы ворвались къ нему вечеромъ, въ то время какъ онъ возлежалъ за ужиномъ, и тутъ же, покончивъ съ нимъ, сняли ему голову съ плечъ. По обычаю тѣхъ грубыхъ варварскихъ временъ голова убитаго Суллы была представлена Нерону, и видъ этой головы—какъ передаетъ лѣтописецъ—доставилъ цезарю случай отъ души посмѣяться, тѣшась надъ некрасивымъ и обрюзглымъ лицомъ Суллы.

Окончательная расправа съ Рубелліемъ обѣщала вначалѣ болѣе хлопотъ и затрудненій. Въ жилахъ Плавта текла кровь цезарей, и къ тому же онъ и самъ по себѣ, независимо отъ своего происхожденія, пользовался и любовью и уваженіемъ своихъ согражданъ и какъ философъ-стоикъ, и какъ человѣкъ съ большимъ достоинствомъ, и какъ примѣрный семьянинъ. И дѣйствительно, нѣкоторые его друзья, остававшіеся въ Римѣ, узнавъ о висѣвшей надъ нимъ опасности лишиться жизни, поспѣшили послать къ нему въ Азію гонца, и этому гонцу благополучно удалось и опередить нероновыхъ посланныхъ и во время предупредить Рубеллія. Съ этимъ гонцомъ отецъ его жены, Антистій Ветъ, прислалъ ему письмо, въ которомъ очень настоятельно упрашивалъ его отнюдь не сдаваться, объясняя, что посланный императоромъ на этотъ подвигъ военный отрядъ состоитъ лишь изъ шестидесяти человѣкъ, а скорѣе обратиться за помощью къ начальнику тамошнихъ легіоновъ Корбулону, располагавшему въ Азіи большими военными силами и къ тому же сильному привязанностью и преданностью этихъ войскъ, питавшихъ къ нему горячую любовь за его всегдашнюю готовность ратовать въ защиту всѣхъ угнетенныхъ и гонимыхъ. Но такое извѣстіе до того сразило Рубеллія и какъ бы пришибло его, что онъ не въ силахъ былъ стряхнуть съ себя овладѣвшей имъ апатіи и никакихъ мѣръ къ огражденію себя отъ убійцъ не принялъ. Убійцы, явившіеся къ нему въ домъ въ числѣ трехъ, застигли эту новую жертву честолюбивыхъ плановъ Тигеллина за гимнастическими упражненіями, такъ что ихъ ударамъ Плавтъ могъ противопоставить лишь обнаженное свое тѣло. И его голова также не миновала рукъ Нерона и тоже возбудила въ немъ лишь одно неприличное глумленіе и недостойныя насмѣшки.

Но весьма близко къ Нерону стояло въ этотъ періодъ его царствованія еще и другое лицо, вліяніе котораго отразилось на немъ и на его образѣ дѣйствій, можетъ быть, даже сильнѣе, чѣмъ вліяніе всѣхъ другихъ его фаворитовъ. Этимъ лицомъ была Поппея Сабина. Неронъ безумною страстью пылалъ къ Поппеѣ и былъ рабомъ этой страсти. Холодная, умная и разсчетливая Поппея умѣла тонкимъ женскимъ кокетствомъ постоянно поддерживать въ немъ эти пылкія чувства къ себѣ, и любовью Нерона играла, какъ игрушкою. Къ этому времени она успѣла уже до того упрочить свою власть надъ нимъ, что дала ему свое согласіе на удаленіе Отона въ далекую Лузитанію, а сама, не колеблясь, заняла

апартаменты въ палатинскомъ дворцѣ. Но рѣшаясь на такой смѣлый и очень недвусмысленный шагъ, она вовсе не имѣла въ виду занять при дворцѣ Нерона то положеніе, какимъ когда-то довольствовалась смиренная Актэя, такъ искренно и беззавѣтно полюбившая на свое горе юношу Нерона. Нѣтъ, Поппея мѣтила выше и твердо рѣшила добиться въ этомъ дворцѣ званія императрицы и всѣхъ почестей, сопряженныхъ съ этимъ званіемъ. Но для осуществленія такой честолюбивой мечты нужно было сперва удалить съ дороги—правда, всего только одно, но за то очень серьезное препятствіе—Октавію.

Давно уже несчастная дочь Клавдія была не болѣе какъ нулемъ во дворцѣ своихъ отцовъ и дѣдовъ и давно уже чувствовала она къ своему мужу одно только непреодолимое отвращеніе. Ее не огорчали ни его измѣны, ни его явное пренебреженіе ею; напротивъ, чѣмъ холоднѣе и равнодушнѣе былъ къ ней Неронъ, тѣмъ легче и свободнѣе дышалось бѣдной Октавіи.

Но какъ бы то ни было, а по своему положенію она все же оставалась императрицею, и Неронъ волею-неволею принужденъ былъ изъ страха передъ общественнымъ мнѣніемъ соблюдать нѣкоторыя приличія и оффиціально выказывать нѣкоторые знаки уваженія дочери божественнаго Клавдія и внукѣ незабвеннаго Германника.

Однако, Поппея, несмотря на это, въ душѣ была твердо убѣждена, что добьется удаленія Октавіи подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ и сумѣетъ своими наговорами запугать трусливаго Нерона до того, что онъ рѣшится на формальный разводъ съ нелюбимою женою.

— Ты все говоришь, что любишь меня такъ беззавѣтно и горячо, златокудрый мой Неронъ; но скажи, правда ли это?—поднявъ на Нерона томный свой взоръ, спросила его однажды Поппея, пока онъ со всѣмъ упоеніемъ страстно влюбленнаго человѣка цѣловалъ ей руки и вдыхалъ ароматъ ея шелковистыхъ кудрей, золотой волной покрывавшихъ ей плечи, руки и спину.

— Какъ можешь ты сомнѣваться въ моей любви къ тебѣ, Поппея?—страстно сжимая ея руки, отвѣчалъ Неронъ.—Я не только люблю тебя, я обожаю тебя, боготворю тебя...

— Не одни ли это лишь слова, Неронъ?—вздохнувъ, тихо проговорила Поппея и въ голосѣ ея послышались слезы.—Говорить все можно; но, скажи, чѣмъ на дѣлѣ доказалъ ты мнѣ свою любовь? А между тѣмъ, отчасти не мнѣ ли обязанъ ты, что избавился наконецъ отъ помочей, на какихъ водила тебя Агриппина, и сдѣлался настоящимъ императоромъ? Ты же что сдѣлалъ для меня? Разлучилъ меня съ мужемъ, съ милымъ, добрымъ и великодушнымъ моимъ Отономъ...

Неронъ нахмурилъ сердито брови; между тѣмъ какъ Поппея, не обращая вниманія на гнѣвъ цезаря, продолжала:

— Его ты сослалъ въ далекую Лузитанію, а меня уговорилъ поселиться въ этомъ скучномъ дворцѣ, обѣщая, что я буду твоей

женою и императрицею. А я все-таки и до сихъ поръ ни то, ни другое. Ужъ не лучше ли будетъ для тебя, если ты вернешься къ своей блѣдной Октавіи; можетъ быть, она тебѣ милѣе, чѣмъ я...

— Я ненавижу ее,—глухо проговорилъ Неронъ.

— Точно также и она, кромѣ ненависти, ничего къ тебѣ не чувствуетъ, тогда какъ я, твоя Поппея, готова цѣловать слѣды твоихъ ногъ. Однако, не смотря на всю мою любовь къ тебѣ, я никогда не соглашусь остаться здѣсь и быть не болѣе какъ простою забавою для тебя. Ужъ лучше уѣду я къ Отону: онъ меня любитъ и умѣетъ меня цѣнить, тогда какъ ты...

Неронъ вскочилъ, взбѣшенный ея словами. Тогда Поппея, перемѣнивъ тонъ, подозвала его къ себѣ и, усадивъ рядомъ съ собою, стала ласково уговаривать его.

— Ты разсуди самъ, Неронъ, и подумай: домъ твой пустъ, дѣтей у тебя нѣтъ, и нѣтъ сына, которому ты могъ бы передать свою имперію. У меня же, ты знаешь, есть сынъ; и если ты желаешь имѣть около себя семью—дѣтей—то тебѣ слѣдуетъ развестись съ Октавіею, тогда ты будешь свободенъ и можешь жениться...

— Но въ чемъ обвинить ее? въ чемъ найти предлогъ къ разводу?—проговорилъ мрачно Неронъ;—ты знаешь, что даже и мои собственные вольноотпущенники—и тѣ стоятъ за нее горою. За нее стоитъ и Дорифоръ, и старикъ Палласъ...

— Вотъ сказалъ: Дорифоръ и Палласъ!—съ усмѣшкою язвительнаго презрѣнія повторила Поппея.—Одинъ—изнѣженный баловень-фаворитъ, другой—изъ ума выжившій скряга. Стоитъ ли цезарю говорить о такихъ ничтожествахъ! Какъ надоѣдливыхъ мухъ, отгони отъ себя обоихъ—отрави ихъ—вотъ и все. Повѣрь мнѣ, что исчезновеніе Дорифора пройдетъ совершенно незамѣченнымъ; а что касается Палласа, то богатство этого человѣка на столько велико, что конфисковать его имущество въ свою пользу будетъ не безполезно для тебя.

— Да, сдѣлать это, пожалуй, можно будетъ,—согласился Неронъ;—кстати же этотъ Дорифоръ порядочно-таки опротивѣлъ мнѣ, а Палласъ пожилъ и такъ достаточно: надо знать и мѣру. Но разводъ съ Октавіею дѣло серьезное и требуетъ мотива и основанія: Октавія, какъ дочь Клавдія и внука Германика, сильна любовью къ ней народа вообще, а преторіанскихъ легіоновъ и въ особенности.

— Цезарь долженъ имѣть мужество быть цезаремъ въ полномъ смыслѣ слова,—замѣтила Поппея.

— Да, въ своей частной жизни цезарь, конечно, воленъ дѣлать что ему угодно,—отвѣтилъ ей Неронъ;—но горе цезарю, если онъ позволитъ себѣ какимъ-либо гласнымъ дѣломъ поколебать престижъ своего величія въ глазахъ народа.

Говоря это, Неронъ сказалъ великую истину, и Поппея поняла это; но, съ другой стороны, она также знала и то, что молодой императоръ еще не вполнѣ измѣрилъ всей глубины того

холопства, до какого дошелъ въ своей низости передъ цезаремъ какъ сенатъ, такъ и самый народъ римскій. Не раболѣпнымъ ли молчаніемъ былъ обойденъ всѣмъ извѣстный фактъ отравленія Британника? Не торжественными ли оваціями былъ встрѣченъ Римомъ Неронъ-матереубійца? Не вычеркнулъ ли сенатъ изъ списка своихъ членовъ Суллу и Плавта какъ умершихъ, сдѣлавъ видъ, словно ничего не знаетъ, какого рода смерть постигла обоихъ?

Итакъ, Поппея продолжала попрежнему настаивать и, пуская въ ходъ то слезы, то ласки, то угрозы, наконецъ восторжествовала, одержавъ верхъ надъ колебаніями цезаря: подъ предлогомъ безплодія Октавіи Неронъ формально развелся съ нею, послѣ чего, удаливъ дочь Клавдія изъ палатинскаго дворца, объявилъ эдиктомъ Поппею своею законною супругою и императрицею. Однако Поппея на этомъ не успокоилась; ей казалось мало одного удаленія соперницы; она задумала очернить ее, и вскорѣ по ея желанію и благодаря ея интригамъ выросла черная, чудовищная клевета, дерзко обвинившая кроткую и беззащитную Октавію. Начался процессъ, возмутительный какъ по самому существу измышленнаго преступленія, такъ и по своимъ деталямъ; привлеченные къ допросу рабы и ближайшія прислужницы бѣдной Октавіи были подвергнуты мучительнымъ истязаніямъ. Но большинство изъ нихъ уже исповѣдывало втайнѣ христіанство и имѣло мужество до конца твердо стоять за правду, неустрашимо свидѣтельствуя даже и подъ пыткою о невинности и цѣломудріи обвиняемой. Не смотря на это, судъ — пристрастный изъ холопской угодливости передъ всесильною Поппеею—рѣшилъ признать Октавію виновною, и воспослѣдовавшимъ цезарскимъ эдиктомъ повелѣно было, изгнавъ мнимую преступницу изъ Рима, поселить ее въ Кампаніи и держать тамъ подъ военною стражею.

Но прежде, чѣмъ покинуть по приказанію Нерона Римъ и своихъ немногихъ друзей, Октавія имѣла утѣшеніе нѣсколько разъ видѣться съ горячо ее любившею Помпоніею, и свиданія эти привели къ тому, что дочь Клавдія уѣхала изъ Рима обращенною и вѣрующею христіанкою.

Придя однажды къ Октавіи, вскорѣ послѣ того какъ послѣдовало обнародованіе эдикта объ ея изгнаніи, она застала ее кротко ухаживающею съ заботливостью сестры какъ за Трифеною, больною отъ вывиховъ и растяженія жилъ, причиненныхъ пытками, такъ и за другими своими рабами еще не успѣвшими оправиться отъ послѣдствій тяжелыхъ истязаній. Тронутая такимъ зрѣлищемъ, Помпонія рѣшилась намекнуть Октавіи въ разговорѣ, содержаніемъ котораго были исключительно христіанскія добродѣтели и вообще христіане и та покорность, съ какою ихъ вѣра помогала имъ переносить различныя испытанія, что она поступила бы хорошо, еслибъ для излѣченія ранъ своихъ избитыхъ и искалѣченныхъ домочадцевъ пригласила къ себѣ находившагося въ то время въ Римѣ врача Луку, друга и единомышленника Павла Тарсянина.

— А скажи мнѣ, Помпонія,—обратилась къ ней Октавія при этомъ,—что побудило Павла увѣровать въ Христа? Трифена только что передъ твоимъ приходомъ мнѣ разсказывала, какого жестокаго гонителя имѣли въ немъ христіане до его обращенія.

— На пути къ Дамаску, куда онъ отправлялся для истребленія тамошнихъ христіанъ, онъ имѣлъ небесное видѣніе и съ этого времени сталъ ревностнымъ борцомъ за ту самую вѣру, которую съ такимъ ожесточеніемъ прежде преслѣдовалъ.

Октавія въ этотъ же день послѣдовала совѣту Помпоніи и пригласила къ себѣ Луку который вскорѣ доказалъ какъ ей самой, такъ и всѣмъ тѣмъ изъ ея домочадцевъ, которые втайнѣ были уже посвящены въ нѣкоторые догматы христіанской вѣры, свое умѣніе врачевать не одни только физическіе недуги, но и душевные.

Лука былъ родомъ изъ Азіи. Человѣкъ далеко еще не старый въ то время и къ тому же хорошо образованный, онъ во всемъ проявлялъ привычку вращаться среди избраннаго интеллигентнаго класса людей. И дѣйствительно, въ качествѣ хорошаго врача онъ имѣлъ случай познакомиться съ Ѳеофиломъ Антіохійскимъ и бывалъ не рѣдко на дружеской ногѣ съ многими знаменитыми и передовыми людьми своей эпохи. Онъ и самъ былъ не чуждъ литературѣ и во время заточенія Павла въ Кессаріи посвятилъ порядочно времени на собираніе тѣхъ фактовъ, которые вскорѣ должны были занять мѣсто на страницахъ «прекраснѣйшей въ мірѣ книги». Съ нѣкоторыми отрывками изъ этихъ не совсѣмъ еще оконченныхъ воспоминаній изъ земной жизни Христа онъ познакомилъ какъ Октавію, такъ и тѣхъ изъ ея окружающихъ, что вѣрили во Христа. Эти чтенія и частыя бесѣды съ евангелистомъ, его наставленія и глубокою вѣрою проникнутое слово, все это вмѣстѣ наконецъ убѣдило Октавію; она прозрѣла, увѣровала въ великую Истину, и въ одно прекрасное утро, на разсвѣтѣ дня, была пріобщена въ присутствіи евангелиста Луки, Помпоніи и Трифены, но подъ строжайшимъ секретомъ, къ христіанской церкви посредствомъ таинства св. крещенія, которое совершилъ надъ ней старшій пресвитеръ римскихъ христіанъ, Линъ.

Душевный миръ, котораго нарушить уже ничто не могло до самаго конца ея жизни, сталъ съ тѣхъ поръ неразлучнымъ спутникомъ гонимой дочери Клавдія, и постепенно сдѣлалось доступно ея пониманію, почему Помпонія, не взирая на перенесенныя ею тяжелыя утраты и не менѣе тяжелыя нравственныя испытанія, была въ душѣ и счастливѣе и довольнѣе многихъ римскихъ матронъ, окруженныхъ роскошью и всевозможными мірскими благами.

Уже передъ самымъ отъѣздомъ Октавіи изъ Рима, Помпонія обратилась къ ней съ просьбою включить въ число своихъ домочадцевъ несчастнаго Онезима, ибо для молодого фригійца — объяснила она—было бы во многихъ отношеніяхъ гораздо лучше и безопаснѣе свое мѣстожительство имѣть не въ самомъ Римѣ. Окта-

вія дала на это свое согласіе, и, когда вскорѣ послѣ ея отъѣзда Помпонія прислала къ ней съ письмомъ Онезима, то оставила его у себя въ должности чтеца.

Но только-что Октавія покинула Римъ, какъ Неронъ—въ виду крайне явныхъ признаковъ общественнаго негодованія, вызваннаго очевидно жалостью къ дочери Клавдія—уже струсилъ, самъ испугавшись послѣдствій своего поступка. Народъ роп͡талъ, очень ясно высказывая свое неудовольствіе по поводу такого удаленія; шумныя рукоплесканія и восторженные крики, какими всегда до сихъ поръ привѣтствовалось появленіе цезаря въ циркѣ или на улицѣ, теперь смѣнились гробовымъ молчаніемъ и суровыми взглядами. Трусливый по природѣ Неронъ уже рисовалъ себѣ въ своемъ пылкомъ воображеніи всѣ ужасы народнаго возстанія и, зная, какъ сильна въ своихъ необузданныхъ порывахъ буйная чернь, поспѣшилъ издать эдиктъ, въ силу котораго Октавія должна была немедленно вернуться въ Римъ и опять вступить въ свои права.

Когда приказъ этотъ былъ обнародованъ, жители Рима обезумѣли отъ радости и густыми толпами устремились прежде всего къ Капитолію, чтобы возблагодарить боговъ. Всѣ очень любили кроткую и безобидную Октавію, и радостное извѣстіе о ея возвращеніи, точно хмѣль, ударило всѣмъ въ голову; толпа опьянѣла отъ радости и народная демонстрація подъ конецъ приняла характеръ довольно буйный. Всюду появились изображенія Октавіи; толпа съ тріумфомъ носила ихъ на плечахъ по улицамъ Рима; ставила въ храмы и на площадяхъ; убирала цвѣтами, а изображенія Поппеи, всюду, гдѣ они только попадались на глаза толпѣ, опрокидывались и попирались ногами. Наконецъ чернь хлынула ко дворцу и обступила его. Но хотя такой взрывъ народныхъ чувствъ и не представлялъ ни малѣйшей опасности для особы цезаря, который, напротивъ, въ этотъ день былъ, вѣроятно, и популярнѣе и любезнѣе своему народу, чѣмъ когда-либо, все-таки Тигеллинъ въ избыткѣ усердія счелъ нужнымъ двинуть противъ этой безумно ликовавшей толпы цѣлые легіоны вооруженныхъ преторіанцевъ, которые по его приказанію принялись рубить и направо и налѣво. Такимъ образомъ толпа постепенно разбѣжалась во всѣ стороны, волна народной радости улеглась, и къ вечеру Римъ принялъ свой обычной видъ, и статуи Поппеи попрежнему красовались съ высоты своихъ пьедесталовъ.

А между тѣмъ Поппея, внѣ себя отъ безсильной злобы и ненависти къ Октавіи, лишь только улеглось народное волненіе, вбѣжала въ кабинетъ Нерона и вся въ слезахъ, съ распущенными волосами, бросилась къ его ногамъ, прося его защитить ее и спасти.

— Ты видишь теперь,—говорила она,—до чего ты довелъ меня—до какого позора, до какой опасности—и всѣмъ этимъ я обязана Октавіи и ея многочисленной челяди, дерзко именующей себя римскимъ народомъ! Но не на одну меня — повѣрь мнѣ — была направлена вся эта непристойная демонстрація, и тебѣ особенно

грозитъ бѣдою такое необузданное безчинство. Какъ знать, что было бы въ эту минуту съ тобою, еслибъ нашелся вождь, который сталъ бы во главѣ этого сброда! А я—чѣмъ могла я вызвать противъ себя такую ненависть, столько озлобленія? Не тѣмъ же ужъ, что лелѣяла гордую мечту подарить цезарю сына и прямого наслѣдника, римлянамъ—будущаго императора. Мужайся, Неронъ! Энергичнымъ дѣйствіемъ поспѣши разъ навсегда прекратить подобныя безобразія, если не желаешь, чтобы народъ открыто возсталъ противъ тебя и, избравъ Октавіи другого мужа, провозгласилъ его цезаремъ вмѣсто тебя.

Неронъ, который вообще очень легко поддавался чувству страха, испугался словъ Поппеи и велѣлъ немедленно позвать Тигеллина.

— Надо будетъ избавиться отъ Октавіи, во что бы то ни стало, префектъ,—обратился къ нему императоръ прямо и безъ всякихъ обиняковъ.—Ея популярность можетъ оказаться опасною.

— Локуста все еще подъ арестомъ въ дворцовомъ казематѣ,—поспѣшилъ предложить Тигеллинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, только не это,—топнувъ сердито ногою, воскликнулъ Неронъ;—довольно призраковъ убитыхъ, они и такъ не даютъ мнѣ покоя...

Тигеллинъ молчалъ.

— Придумай же что-нибудь,—прикрикнулъ нетерпѣливо на него императоръ.—Надоумь хоть ты, Поппея, этого дурака.

— Надо возбудить противъ нея обвиненіе въ томъ или другомъ злодѣяніи,—посовѣтовала Поппея;—скажи, что противъ нея имѣются прямыя улики въ томъ, что она умертвила своего собственнаго ребенка.

— Кто же повѣритъ такой баснѣ? Къ тому же мой недавній разводъ съ нею былъ мотивированъ ея безплодіемъ.

— Это ничего не значитъ. Все равно всегда найдутся люди, которые своими показаніями и свидѣтельствомъ подтвердятъ и это обвиненіе.

— Гнусные подлецы!—съ непритворнымъ отвращеніемъ воскликнулъ Неронъ. — Да и какъ взводить на несчастную такую страшную, черную клевету! Ты сама знаешь, Поппея, что она чиста и невинна—невиннѣе тебя въ десять разъ.

— Не тебѣ во всякомъ случаѣ бросать въ меня грязью, Неронъ,—молвила Поппея и заплакала. — Если я измѣнила моему Отону, то лишь изъ любви къ тебѣ. Нѣтъ, оставь меня, не подходи ко мнѣ,—закричала она капризно на было приблизившагося къ ней Нерона.— Для меня будетъ гораздо лучше вернуться къ Отону, такъ жестоко оскорбленному мною. Онъ всегда горячо любилъ меня и, разумѣется, проститъ,—и съ этими словами она встала и направилась-было къ дверямъ.

Но Неронъ поспѣшилъ загородить ей дорогу и принялся упрашивать ее переложить гнѣвъ на милость.

— Прости меня, Поппея. Ты видишь, въ какомъ я отчаяніи.

Я самый несчастный человѣкъ въ мірѣ, и я имѣю въ тебѣ единственное существо, которое любитъ меня.

— Какъ мнѣ не любить моего златокудраго Нерона?—съ притворными слезами проговорила Поппея, проводя рукою по волосамъ Нерона.—Кто можетъ устоять передъ обаяніемъ чарующей прелести его лица, передъ звуками его божественнаго голоса?

Ласки Поппеи восторжествовали, и Неронъ, успокоенный и счастливый, обратилъ вопросительный взглядъ на Тигеллина.

— Способъ придуманъ, — отвѣтилъ Тигеллинъ;—надо будетъ обратиться за содѣйствіемъ къ Аницету.

Нерона при этомъ имени невольно покоробило, и онъ поморщился. Аницетъ занималъ попрежнему постъ начальника Мизенской эскадры; но со времени его дѣятельнаго участія въ убіеніи Агриппины Неронъ никогда не могъ видѣть этого человѣка безъ того, чтобы не всталъ передъ нимъ грозный призракъ убитой матери, и потому онъ всегда старался держать его по возможности дальше отъ своего двора. Однако въ эту минуту, желая прежде всего положить конецъ пререканіямъ Поппеи и сдѣлать ей пріятное, онъ согласился прибѣгнуть еще разъ къ его услугамъ. Переговоры съ Аницетомъ длились не долго; ему предложено было крупное вознагражденіе, если онъ докажетъ на судѣ, что Октавія пыталась черезъ него привлечь на свою сторону всѣ морскія силы имперіи съ цѣлью вызвать возстаніе для низверженія цезаря, на что Аницетъ поспѣшилъ отвѣтить выраженіемъ полной готовности служить цезарю языкомъ такъ же, какъ раньше служилъ ему рукою; и такимъ образомъ все это сплетеніе гнусной и завѣдомой лжи и нелѣпыхъ измышленій имѣло въ результатѣ осужденіе Октавіи за мнимое преступленіе на безсрочное заточеніе на островѣ Пандатаріи, уже давно заслужившемъ себѣ печальную извѣстность, какъ мѣсто ссылки нѣсколькихъ знаменитыхъ жертвъ гнѣва и немилости римскихъ цезарей.

Глава IX.

Вскорѣ наступилъ и день отправленія осужденной Октавіи на скалистый островъ Пандатарію, одинъ изъ тѣхъ уединенныхъ островковъ Тирренскаго моря, которые такъ часто служили мѣстомъ ссылки — а иногда и могилою — тѣмъ или другимъ изъ именитыхъ изгнанниковъ временъ имперіи. По этому случаю въ Остіи въ этотъ день замѣчалось необычайное стеченіе народа:—то была толпа исключительно простыхъ людей, желавшихъ еще разъ взглянуть на горемычную дочь Клавдія, эту беззащитную жертву интригъ и злобы Поппеи. Въ толпѣ этой было порядочное число и христіанъ. По случайному совпаденію изъ Остіи въ этотъ же день долженъ былъ отплыть корабль, на которомъ отправлялся, подъ видомъ ссылки за свое соучастіе въ мнимомъ преступленіи, Аницетъ въ Сардинію, гдѣ съ тѣхъ поръ и жилъ безвыѣздно до самой смерти. Уже подъ самый вечеръ показались на дорогѣ изъ Кампаніи къ Остіи скромныя носилки изгнанницы, которую конвоировалъ многочисленный отрядъ преторіанцевъ съ обнаженными мечами до самой пристани, гдѣ ее ждала готовая къ отплытію трирема, которая должна была навсегда увезти злополучную Октавію съ береговъ родного края. Вслѣдъ за носилками ѣхали въ простой телѣгѣ тѣ немногіе изъ ея домочадцевъ, которымъ разрѣшено было послѣдовать за ней въ изгнаніе. При появленіи носилокъ въ толпѣ послышались громкія выраженія неудовольствія; поднялся ропотъ; суровыя сердца римлянъ дрогнули невольно отъ жалости при видѣ этого молодого существа—безобиднаго и кроткаго—безжалостно обреченнаго въ угоду Поппеи на скуку, одиночество и томленіе тяжкаго изгнанія, и чѣмъ ближе къ пристани подходили носилки, окруженныя со всѣхъ сторонъ военною стражею, тѣмъ чаще и неудержимѣе становились взрывы громкаго негодованія толпы противъ безсердечныхъ гонителей.

Менѣе бурнаго характера были выраженія жалости и сочувствія со стороны христіанъ, собравшихся сюда, чтобы проводить Октавію. Горячею молитвою призывая на голову бѣдной молодой женщины божье благословеніе и божью милость, они напутствовали ее нѣмыми молитвами о ея благоденствіи и усыпали путь ея цвѣтами. Проходя вслѣдъ за носилками Октавіи по трапу на бортъ триремы, Онезимъ, мимоходомъ взглянувъ на столпившійся на берегу народъ, увидѣлъ среди толпы Нирея, а рядомъ съ нимъ и Юнію. Да, то была она, та блѣдная и грустно задумчивая молодая женщина, что вглядывалась такъ пристально въ него, пока онъ разсѣянно смотрѣлъ, облокотившись о бортъ корабля, на тѣснившуюся на берегу толпу, между тѣмъ какъ въ головѣ его одна другой свѣтлѣе роились думы, навѣянныя надеждою, что, быть можетъ, еще настанетъ для него тотъ счастливый день, когда, искупивъ страданіемъ свой позоръ и новою жизнью стеревъ слѣды преступнаго прошлаго, пойдетъ онъ рука объ руку съ нею дальше по жизненному пути.

Въ числѣ христіанъ, собравшихся проводить Октавію, мѣшаясь съ толпою, стояли и пресвитеръ Линъ и Лука Антіохійскій. Горячо принимая къ сердцу страданія и слезы всѣхъ вообще братьевъ по человѣчеству, оба были проникнуты глубокою жалостью къ печальной участи молодой страдалицы и пришли напутствовать своею молитвою какъ ее, такъ и тѣхъ которые отправлялись вмѣстѣ съ нею въ заточеніе. Къ тому же апостолъ Павелъ, знавшій конечно черезъ Луку и Лина о пріобщеніи Октавіи къ Христовой церкви, написалъ ей своею рукою нѣсколько строкъ, которыя Линъ въ суматохѣ отправленія успѣлъ незамѣтно передать одному христіанину изъ числа тѣхъ рабовъ, которые сопровождали развѣнчанную императрицу въ ея изгнаніе; между тѣмъ

какъ Лука, улучивъ удобную минуту, подошелъ къ Трифенѣ и отъ себя вручилъ ей для передачи Октавіи нѣсколько выписокъ изъ матеріала собраннаго имъ для своего Евангелія.

Отправляясь къ мѣсту своего новаго затворничества, Октавія не обольщала себя никакими надеждами относительно возможности улучшенія своего тяжелаго положенія. Съ дѣтства не избалованная счастіемъ, она насчитывала до сихъ поръ въ своей грустной одинокой жизни очень немного свѣтлыхъ и счастливыхъ минутъ, а еще менѣе такихъ минутъ обѣщало ей будущее. Но она была молода — ей было въ то время не полныхъ двадцать лѣтъ — и молодость громко заявляла о своихъ правахъ: ей хотѣлось жить, а между тѣмъ одно уже имя Пандатаріи, говоря ей о скукѣ, о томленіи, о мукахъ злой неволи, невольно приводило ей на память горькую участь и обѣихъ Юлій — и Старшей, и Младшей — и Агриппины Старшей, всѣмъ тремъ которымъ пришлось каждой въ свое время познать на этомъ островѣ тоску и муки заточенія.

Все было уже готово къ отплытію: трапъ снятъ, поднятъ якорь, заработали веслами гребцы и тихо поплыла трирема, провожаемая глазами собравшейся толпы, не спускавшей опечаленнаго взгляда съ ея бѣлѣвшихъ парусовъ, пока не скрылись они за чертою горизонта.

И потянулся для Октавіи рядъ тяжелыхъ и мучительныхъ дней, втеченіе которыхъ она должна была всечасно быть готова стать лицомъ къ лицу съ неизбѣжнымъ концомъ. Еще передъ своимъ отъѣздомъ на островъ, Октавія послала Нерону письмо; однакожъ на свое посланіе отвѣта она не получила, и понимала, что такое молчаніе императора почти равносильно приговору къ смерти. А между тѣмъ все это время она чувствовала себя не только совершенно спокойною, но даже довольною и болѣе веселою, чѣмъ когдо-либо, такъ что стража, приставленная къ ней, не могла достаточно надивиться, недоумѣвая, откуда брались у бѣдной затворницы и то непостижимое спокойствіе, и та неизмѣнная кротость и покорность, и то удивительное благодушіе, съ какими она переносила свое несчастіе. Крутые, обрывистые берега, море и отсутствіе какой-либо постоянной стоянки судовъ — все это вмѣстѣ не допускало мысли о возможности совершить бѣгство, и потому Октавіи была предоставлена нѣкоторая свобода: ей разрѣшалось по желанію бродить по острову, забавляться собираніемъ медузъ, раковинъ и морскихъ водорослей, любоваться морскими чайками, взбираться на высоту скалистыхъ утесовъ, откуда она любила смотрѣть на закатъ солнца и вдыхать прохладный морской воздухъ, и всѣ эти незатѣйливыя удовольствія ея новой жизни имѣли для нея такую прелесть своимъ умиротворяющимъ вліяніемъ, что она — еслибъ только смилостивился къ ней Неронъ — согласилась бы охотно остаться здѣсь на всю жизнь и проводить свое время въ чтеніи, размышленіяхъ и дѣлахъ христіанскаго милосердія, поддерживаемая вѣрою въ

болѣе свѣтлое будущее, если ужъ не здѣсь, на землѣ, то тамъ на небесахъ.

Какое-то еще небывалое и ей самой непонятное чувство овладѣло Октавіею, когда, прибывъ въ скромный небольшой деревянный домикъ, который долженъ былъ служить ей отнынѣ помѣщеніемъ, она открыла присланныя ей Павломъ восковыя дощечки и прочла первыя строки, которыми апостолъ посылалъ Октавіи императрицѣ и возлюбленной сестрѣ во Христѣ миръ и благодать отъ Бога. И чѣмъ внимательнѣе читала она тѣ немногія строки, которыя собственноручно начерталъ своимъ стилетомъ апостолъ-узникъ, тѣмъ живѣе сознавала, съ какою необычною силою въ ея душѣ отзывается каждое его слово. Радуясь за нее, апостолъ благодарилъ Бога, призвавшаго ее изъ мрака язычества къ дивному свѣту Его ученія, и говорилъ ей, что такая небесная благодать превыше всѣхъ царствъ земныхъ. Онъ утѣшалъ ее въ ея горѣ тѣмъ утѣшеніемъ, какое черпалъ самъ въ любви къ Богу; говорилъ, что она сопричастница страданіямъ Христа и что страданія, претерпѣваемыя на землѣ, не заслуживаютъ сравненія съ тѣмъ свѣтомъ, который озаритъ насъ. Онъ увѣщевалъ ее имѣть передъ глазами не видимое, а невидимое, такъ какъ видимое временно, тогда какъ невидимое вѣчно.

Утративъ для насъ новизну, такія слова слишкомъ часто, къ сожалѣнію, выслушиваются нами съ холоднымъ равнодушіемъ привычки. Но для Октавіи, также какъ и для всѣхъ тѣхъ, кто впервые учился въ ту эпоху безвѣрія и отчаянія понимать ихъ смыслъ и глубокое значеніе, они казались начерченными огненными буквами. Новое вино небеснаго вертограда произвело на нихъ какъ бы дивное охмѣленіе, и то, въ чемъ язычники видѣли полубезумный фанатизмъ или тупое упрямство, было въ дѣйствительности лишь бодростью непоколебимо твердаго убѣжденія. Октавіи были не незнакомы парадоксы стоиковъ; но они казались ей чѣмъ-то вымышленнымъ; въ нихъ чувствовалась фальшь и они походили на неудачную попытку скрасить неприглядность этой жизни; въ словахъ же Павла-узника и многихъ другихъ бѣдныхъ гонимыхъ христіанъ звучала искренность, убѣжденность. Ихъ доктрины не заучивались: ими жили, ихъ вносили въ самую жизнь. За непреложную истинность ихъ говорили люди не только непорочные, но даже святые — люди новые, до сего времени неизвѣстные міру и не имѣвшіе своего прототипа даже въ баснословномъ золотомъ вѣкѣ. Къ тому же ученіе это являлось какъ бы откровеніемъ новаго права не только общаго, но и личнаго, и въ тѣхъ, кому дана была благодать воспринять это ученіе, «Самъ Духъ свидѣтельствовалъ ихъ духу, что они дѣти Божіи.»

— Рѣдкій день проходилъ, чтобы Октавія не заставляла Онезима — какъ читавшаго бойко по-гречески — читать вслухъ себѣ и двумъ-тремъ своимъ прислужницамъ-христіанкамъ изъ того или другого изъ тѣхъ свитковъ, что прислалъ ей Лука, какъ свой прощальный даръ. Въ выпискахъ этихъ, между прочимъ, была

и притча о Блудномъ Сынѣ, чтеніе которой произвело на Онезима такое впечатлѣніе, будто онъ услыхалъ гласъ божій, призывавшій его изъ чужбины домой на родину. Слезы подступили къ его горлу и съ трудомъ дочитавъ до стиха:

«Встану, пойду къ отцу моему и скажу ему: отче! я согрѣшилъ противъ неба и передъ тобою...» [1]) онъ опустилъ свитокъ и зарыдалъ.

Другой изъ отрывковъ состоялъ изъ разсказа евангелиста о «Нагорной проповѣди», и чѣмъ больше вникала Октавія въ утѣшительный смыслъ божественныхъ словъ этой проповѣди, тѣмъ глубже проникалась убѣжденіемъ, что всѣ ея несчастія и печали были для нея невидимою, но истинною благодатью, и что, живя въ пресыщеніи среди роскоши и изобилія всевозможныхъ земныхъ благъ, никогда бы она не могла имѣть своей доли въ томъ царствіи, гдѣ заповѣди не обременяютъ, но даютъ блаженство.

Не менѣе глубокое впечатлѣніе произвелъ на нихъ разсказъ Луки о послѣднихъ минутахъ земной жизни Искупителя и о его явленіи на пути къ Эммаусу двумъ своимъ ученикамъ, объ одномъ изъ которыхъ сложилось среди тогдашнихъ христіанъ мнѣніе, что это былъ самъ Лука. Слушая эти вдохновенныя свыше воспоминанія о Богѣ-Человѣкѣ, Октавія чувствовала какъ мало-по-малу покидалъ ее прежній ея страхъ передъ смертію, и что если самый переходъ изъ этой жизни къ другой не вполнѣ еще утратилъ въ ея глазахъ свою ужасающую сторону, то во всякомъ случаѣ смерть утратила для нея свое жало, небытіе свою побѣду.

Однажды, то было 9-го іюня, они увлеклись чтеніемъ этихъ изумительныхъ разсказовъ и читали дольше обыкновеннаго. На дворѣ уже стемнѣло, и Трифена засвѣтила лампаду. Никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на показавшійся вдали красный парусъ; никто не замѣтилъ, какъ съ корабля высадился на берегъ отрядъ прибывшихъ изъ Рима легіонаріевъ. Но всѣ они вздрогнули, услыхавъ поднявшуюся вдругъ ужъ у самыхъ воротъ дома необычайную суматоху, сопровождавшуюся говоромъ многихъ голосовъ, топаніемъ ногъ, бряцаніемъ оружія и суровыми окликами начальства, — такъ какъ сразу поняли, что значитъ зловѣщій этотъ шумъ. Невольный страхъ овладѣлъ ими. Въ эту минуту отрядъ вступилъ во дворъ, и начальникъ легіонаріевъ громовымъ голосомъ возвѣстилъ: «указъ отъ императора». Едва сознавая, что дѣлаютъ, Онезимъ, вмѣстѣ съ другимъ бывшимъ тутъ рабомъ христіаниномъ Гермасомъ, бросились къ дверямъ чтобы загородить собою входъ, между тѣмъ какъ Трифена и двѣ другія прислужницы обступили Октавію. Но вотъ за дверью раздались шаги, и съ бранью и проклятіями посыпались въ нее удары одинъ за другимъ; черезъ минуту дверь уступила напору. Инстинктивно бросились-было и Онезимъ и Гермасъ поперекъ дороги входившимъ; но первый же изъ легіонаріевъ ударомъ меча повалилъ

---

1) Еванг. отъ Луки. Гл. V, 18.

Гермаса, въ то время какъ самъ центуріонъ быстро справился съ Онезимомъ, отбросивъ его далеко въ сторону сильнымъ толчкомъ. Затѣмъ приблизясь къ полубезчувственной Октавіи, исполнители воли цезаря силою оторвали отъ нея прислужницъ, крѣпко обхватившихъ свою госпожу, и связавъ несчастной молодой женщинѣ руки и ноги, приступили къ открытію жилъ. Но безчувственное состояніе, въ какомъ была Октавія, препятствовало свободному и быстрому изліянію крови. Тогда, чтобы устроить дѣло, ее погрузили въ нагрѣтую до точки кипѣнія ванну и такимъ образомъ съ помощью удушливыхъ горячихъ паровъ прекратили навсегда біеніе молодого сердца, но уже много испытаннаго горемъ, и черезъ нѣсколько дней Поппея имѣла удовольствіе вдоволь насладиться видомъ отрубленной отъ туловища головы своей соперницы, доставленной по ея желанію въ Римъ.

И это новое злодѣяніе Неронъ счелъ своимъ долгомъ ознаменовать воздаяніемъ вошедшихъ у него въ обыкновеніе при такихъ случаяхъ горячихъ благодареній богамъ, а сенатъ въ своемъ позорномъ холопствѣ передъ цезаремъ, почтивъ боговъ различными богатыми приношеніями, поспѣшилъ повергнуть къ его августѣйшимъ стопамъ свои вѣрноподданническія поздравленія, по случаю его счастливаго избавленія отъ коварныхъ козней озлобленной Октавіи.

Глава X.

Былъ одинъ крошечный уголокъ въ Римѣ, въ которомъ среди всей этой суеты и всѣхъ этихъ волненій римской жизни царили миръ и тишина,—счастіе среди всѣхъ этихъ бѣдствій, хотя уголокъ этотъ, казалось, и былъ послѣднимъ мѣстомъ, гдѣ, по мнѣнію любого римлянина, могло пріютиться счастіе. То была узкая и невзрачная келья, служившая мѣстомъ заточенія Павлу Тарсянину.

Пока префектомъ преторіанскаго лагеря былъ Бурръ, участь узника, по возможности, облегчалась нѣкоторыми, ненарушавшими строгости римской дисциплины, льготами. Такимъ образомъ ему было разрѣшено нанять себѣ отдѣльное отъ прочихъ заключенныхъ помѣщеніе въ самомъ городѣ, гдѣ ему дозволялось безпрепятственно видѣться съ своими друзьями и единомышленниками и принимать отъ нихъ тѣ или иныя дружескія услуги. Но, разумѣется, при этомъ ему приходилось подчиняться тяжелому условію своего положенія узника и всегда оставаться привязаннымъ цѣпью къ рукѣ того или другого изъ наряжавшихся къ нему въ стражи легіонаріевъ. Понятно, что такая должность, превращая на извѣстное время и самого сторожа въ узника, была вообще преторіанцамъ ненавистна, а если узникъ былъ къ тому же іудей, то и въ особенности. Вотъ почему извѣстіе, что сот-

никъ Юлій, доставивъ новаго узника іудея, сдалъ его на руки преторіанскому префекту, возбудило среди преторіанцевъ не мало неудовольствія и воркотни.

Однакожъ вскорѣ первые же легіонаріи, отбывшіе свое дежурство, сидя на одной цѣпи съ новымъ узникомъ, значительно успокоили своихъ сослуживцевъ похвальными отзывами о немъ и сообщили, что, хотя новый арестантъ не только іудей, но къ тому же еще и христіанинъ, однако, онъ до такой степени кротокъ, обходителенъ, разговорчивъ и до того внимателенъ къ своему стражу, что сидѣть съ нимъ и бесѣдовать—истинное наслажденіе. Проявляя живѣйшій интересъ ко всему, что дѣлалось внѣ стѣнъ его тюрьмы, онъ выслушивалъ съ величайшимъ вниманіемъ разсказы своихъ сторожей о римской жизни, о дневныхъ приключеніяхъ и о событіяхъ дня, о сенаторскихъ дебатахъ и объ указахъ императора, о ходѣ военныхъ походовъ и о домашнемъ бытѣ римскихъ цезарей. Къ этому еще прибавляли, что онъ человѣкъ крайне добрый и замѣчательно благородной души, и скоро очень многіе изъ сотниковъ должны были невольно обратить вниманіе на замѣтный подъемъ нравственности въ тѣхъ изъ своихъ легіонаріевъ, которымъ чаще случалось имѣть общеніе съ узникомъ. Римскіе іудеи, какъ по всему было замѣтно, относились къ Павлу не только съ явнымъ недоброжелательствомъ, но еще и съ глубокою ненавистью какъ къ отступнику; христіане изъ іудеевъ тѣ даже не проявляли—по крайней мѣрѣ, большинство ихъ—никакого участія къ нему и лишь изрѣдка навѣщали его. Но зато съ нимъ безотлучно находились христіане другихъ національностей, и эти его друзья и сподвижники, въ особенности же скромный и привѣтливый Тимоѳей, не только поддерживали, но еще и усиливали какъ своимъ обращеніемъ, такъ и своими рѣчами благопріятное впечатлѣніе произведенное самимъ узникомъ.

По чувству справедливости Павлу слѣдовало бы доставить возможность предстать передъ судомъ цезаря, по возможности скорѣе, въ силу того обстоятельства, что его еще раньше продержали въ Кесаріи цѣлыхъ два года въ заточеніи по обвиненію, лишенному всякаго основанія. Но при кораблекрушеніи нѣкоторая часть высланныхъ Фестомъ и Феликсомъ документовъ по этому дѣлу погибла; а когда были получены новые, Неронъ, по свойственной ему лѣни къ дѣламъ, началъ съ мѣсяцъ на мѣсяцъ откладывать разбирательство дѣла апостола Павла. Такимъ образомъ Павелъ, оставаясь долгое время узникомъ въ Римѣ, явился въ продолженіе своего заключенія миссіонеромъ новаго ученія для многихъ преторіанцевъ. Впрочемъ, время его заключенія проходило далеко не въ постоянномъ одиночествѣ, и самое заключеніе значительно облегчалось частыми посѣщеніями какъ пресвитера Лина, такъ и многихъ другихъ римскихъ христіанъ. Лука тоже бывалъ почти ежедневно его посѣтителемъ; онъ совѣтовался съ нимъ по поводу каждой подробности своего безсмертнаго творенія и въ качествѣ врача слѣдилъ очень внимательно за состояніемъ

здоровья своего друга и сподвижника. Кромѣ того, Павелъ очень прилежно переписывался со многими вновь обращенными членами основанныхъ имъ христіанскихъ братствъ. Тимоѳей, это Павлово дитя сердца, постоянно окружалъ его самыми нѣжными заботами, проявляя къ нему истинную сыновнюю любовь. Посѣтилъ его въ его заключеніи въ Римѣ и Маркъ, родственникъ его перваго сподвижника и товарища Варнавы, и принесъ ему извѣстія изъ Іерусалима, сообщилъ многое какъ о дѣяніяхъ апостола Петра, такъ и о своихъ собственныхъ хожденіяхъ по разнымъ странамъ. Присутствуя по своей обязанности при бесѣдахъ Павла съ его единомышленниками, прислушиваясь къ тому, что читалъ ему вслухъ нерѣдко евангелистъ Лука изъ своего евангелія, также какъ и къ тѣмъ наставленіямъ и увѣщаніямъ, которыя Павелъ диктовалъ въ своихъ посланіяхъ къ новообращеннымъ, очень многіе изъ легіонаріевъ прониклись глубокимъ удивленіемъ къ тому міру совсѣмъ для нихъ новыхъ мыслей и убѣжденій, какой такимъ образомъ открылся передъ ними. Нѣкоторые же пошли дальше и, увѣровавъ въ великія истины новаго ученія, пріобщились крещеніемъ къ христовой церкви и на убогую келью затворника-іудея смотрѣли, какъ на преддверіе Божіей обители. Особенно же ревностнымъ прозелитомъ Павла проявилъ себя одинъ ветеранъ военной службы, преторіанецъ Цельсъ, дорожившій до того каждымъ словомъ апостола, что готовъ былъ отбывать за всѣхъ своихъ товарищей дежурство при немъ.

Какъ-то во время дежурства Цельса къ апостолу пришла въ сопровожденіи прислужницы одна римская матрона, лицо которой было покрыто густымъ покрываломъ. Эта женщина казалась очень взволнованною; она переводила съ трудомъ дыханіе; слезы мѣшали ей говорить и, опустившись на стулъ, она приподняла край покрывала. Увидавъ ея лицо, Цельсъ поспѣшилъ встать: онъ узналъ въ ней жену Авла Плавтія.

— Благородная Помпонія можетъ смѣло говорить безъ всякихъ опасеній, — сказалъ онъ, преклонивъ почтительно голову;—если же мое присутствіе ее стѣсняетъ, то я могу перейти на время въ сосѣднюю комнату.

Поблагодаривъ старика, Помпонія обратилась къ апостолу и открылась ему, что она уже давно христіанка и не разъ перечитывала многія его письма къ христіанамъ, что и побудило ее придти теперь къ нему въ ея страшномъ горѣ. У нея былъ только одинъ сынъ — прекрасный, добронравный юноша — радость и утѣшеніе ея домашняго очага. Но Неронъ не взлюбилъ ея мужа съ того самаго дня, какъ Агриппина въ минуту раздраженія замѣтила ему, что онъ дождется, что войско предпочтетъ храбраго завоевателя Британіи жалкому пѣвцу и гистріону, — тогда онъ рѣшилъ, что дастъ почувствовать и ей, и ея мужу, и бѣдному юношѣ всю силу своей ужасной злобы. И вотъ на-дняхъ онъ приказалъ привести юнаго Авла къ себѣ во дворецъ, и самымъ жестокимъ, звѣрскимъ образомъ надругался надъ нимъ, послѣ чего

велѣлъ убить его, сопровождая это звѣрское приказаніе циничной насмѣшкой по адресу покойной своей матери. Объ этомъ злодѣяніи императора узналъ весь Римъ и только съ усмѣшкою пожалъ плечами; узналъ и сенатъ и ни на минуту не прекратилъ своего холопскаго низкопоклонства передъ извергомъ; узнало и войско, и ни одинъ мечъ не былъ обнаженъ противъ убійцы; узнали и философы, и поэты и ни у одного изъ нихъ не хватило мужества позорнымъ словомъ заклеймить поступокъ злодѣя.

Сердце бѣдной матери обливалось кровью. Безумное отчаяніе овладѣло ею. Неужели Христосъ въ своей надзвѣздной обители остается холоднымъ зрителемъ такихъ вопіющихъ дѣлъ? И не прямой ли долгъ христіанъ содѣйствовать избавленію рода человѣческаго отъ такого чудовища? Не обязана ли она, какъ мать и какъ христіанка, подвинуть Авла своими мольбами и слезами на такой подвигъ?

Трудная задача лежала передъ апостоломъ: надо было утишить горе несчастной матери, удалить отъ нея всякую мысль о мщеніи и укрѣпить вѣру, смущенную тяжелымъ недоумѣніемъ, и Павелъ, преклонивъ голову, сотворилъ въ душѣ горячую молитву, прося Господа умудрить его.

И вразумленный свыше, онъ успокоилъ Помпонію, разсѣявъ ея опасенія, что сынъ ея, какъ не воспріявшій крещенія, будетъ осужденъ на гибель, и объяснилъ ей, что въ смерти сына, почившаго вѣчнымъ сномъ ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ искуситься на поприщѣ пороковъ и зла, ей слѣдуетъ видѣть, напротивъ, великую милость Небеснаго Отца, Котораго пути неисповѣдимы и Который, можетъ быть, послалъ такую преждевременную кончину юношѣ только для того, чтобы спасти его отъ водоворота и пучины зла, разврата и искушеній вѣка. Затѣмъ, взявъ изъ рукъ Луки свитокъ, онъ прочелъ вслухъ слѣдующія слова: «И будете ненавидимы всѣми за имя Мое; но и волосъ съ головы вашей не пропадетъ; терпѣніемъ вашимъ спасайте души ваши» [1]).

— Горе мнѣ, несчастной! — воскликнула въ своемъ отчаяніи Помпонія; — могу ли я вѣрить въ обѣщаніе, что ни единый волосъ съ головы нашей не пропадетъ, если чувствую, что самое сердце мое готово разорваться на части отъ боли.

Однако, апостолъ вразумилъ бѣдную женщину, объяснивъ ей, что не о земномъ говорилъ Господь, когда далъ такое обѣщаніе: и что, напротивъ, Онъ предупредилъ насъ, что горе, невзгоды и всякія бѣдствія будутъ неизбѣжнымъ нашимъ удѣломъ въ этомъ мірѣ. Затѣмъ онъ сталъ уговаривать Помпонію выкинуть изъ головы всякую мысль о мести и всякое желаніе сдѣлаться орудіемъ ускоренія минуты грядущей кары тирана. «Представь его гнѣву Всевышняго. «*У меня отмщеніе и воздаяніе*» [2]), говоритъ Господь.

Укрѣпленная бесѣдою съ апостоломъ, въ своей еще молодой,

---

[1]) Еванг. отъ Луки. Гл. XXI, 17, 18, 19.

[2]) Второзаконіе. Гл. XXXII, 35.

не окрѣпшей вѣрѣ во Христа, Помпонія постепенно перешла отъ отчаянія къ свѣтлой надеждѣ, и если она все еще не могла перестать оплакивать свою тяжелую утрату, то теперь эти слезы были только естественнымъ выраженіемъ материнскаго чувства, вызваннаго смертью сына. Возвратясь къ себѣ домой, Помпонія, въ свою очередь, своими внушеніями помогла мужу не падать духомъ, а мужественно перенести тяжелое испытаніе, и даже уговорила его замѣнить избранную имъ для надгробнаго памятника сына надпись: «Я Авлъ, сынъ Авла Плавтія, взываю противъ боговъ, такъ несправедливо отнявшихъ у меня жизнь на зарѣ юныхъ дней моихъ», — словами: «Почій съ миромъ».

— А къ этому, если хочешь, прибавь стихъ Еврепида:

« Кто скажетъ, не жизнь ли есть смерть, а смерть — жизнь?».

Помпонія была лишь одной изъ многихъ и многихъ, которыхъ изъ тюрьмы своей утѣшилъ апостолъ Павелъ, ободрилъ словомъ, наставилъ и укрѣпилъ въ новой вѣрѣ, и это сознаніе, что и самое заключеніе его служитъ дѣлу распространенія ученія Христа, помалу все болѣе и болѣе проникая черезъ него не только въ ряды избраннаго войска цезаря, но и въ самый дворецъ его, было однимъ изъ источниковъ того радостнаго настроенія духа, какимъ проникнуто его посланіе изъ Рима къ его возлюбленнымъ филиппійцамъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ посѣщенія Помпоніи къ Павлу въ келью вошелъ нерѣшительнымъ шагомъ и съ смущенно опущеннымъ взоромъ молодой человѣкъ. Съ свойственною ему привѣтливостью встрѣтилъ его Павелъ и усадилъ возлѣ себя.

— Ты не узнаешь меня? — спросилъ его робко посѣтитель.

— Нѣтъ, не узнаю, — вглядываясь въ гостя, отвѣтилъ апостолъ; — а между тѣмъ мнѣ кажется, словно лицо твое мнѣ знакомо; но гдѣ видѣлъ я тебя — не помню. Не Евтихъ ли ты изъ Трои?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ молодой человѣкъ и, взглянувъ боязливо на преторіанца, прибавилъ шопотомъ, — о и я христіанинъ или — вѣрнѣе сказать — былъ имъ когда-то.

— Не бойся; говори смѣло при мнѣ, — замѣтилъ Цельсъ, — я тоже братъ твой во Христѣ.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ незачѣмъ скрываться — сказалъ молодой человѣкъ, снимая съ головы плащъ, прикрывавшій его кудрявые черные волосы и часть лица; — и теперь ты, конечно, узнаешь меня. Ты видѣлъ меня въ Ефесѣ, гдѣ своимъ словомъ поучалъ меня, пришедшаго въ этотъ городъ съ моимъ господиномъ Филимономъ изъ Колосъ.

— Онезимъ — воскликнулъ Апостолъ. — Привѣтствую тебя, сынъ мой, желаннымъ гостемъ у себя, хотя и слышалъ я отъ многихъ и не разъ прискорбныя вещи о тебѣ и твоемъ поведеніи.

— Увы! были эти слухи обо мнѣ правдивы, — воскликнулъ Онезимъ и, преклонивъ колѣни передъ старцемъ, припалъ губами къ

его рукѣ.—Выслушай исповѣдь мою, о мой отецъ; дай мнѣ принести чистосердечное покаяніе во всѣхъ злыхъ дѣлахъ, совершенныхъ мною. Началъ я свой длинный рядъ преступныхъ дѣлъ кражею денегъ у Филимона, и, укравъ ихъ, бѣжалъ отъ него; предался разврату и, спустившись до послѣдней ступени нравственнаго паденія, кончилъ тѣмъ, что отрекся отъ истинной вѣры. Скажи мнѣ, можетъ ли такой великій грѣшникъ, какимъ сдѣлался я, надѣяться получить милость и прощеніе?

— Сынъ мой, Богъ даруетъ прощеніе всѣмъ, кто обращается къ нему съ раскаяніемъ и молитвой и старается заслужить это прощеніе,—отвѣтилъ кротко ему апостолъ.

— Но ты не знаешь еще всей глубины моего паденія, отецъ мой. Убѣжавъ отъ Филимона, я вторично сдѣлался воромъ; пьянствовалъ и развратничалъ съ такими же, какъ я, пьяницами и развратниками; былъ нечестивъ съ нечестивыми, предавался порокамъ съ порочными; обманывалъ довѣріе ближняго къ себѣ; сидѣлъ въ невольничьемъ острогѣ, былъ и въ школѣ гладіаторовъ, выступалъ борцомъ на аренѣ амфитеатра и два раза замышлялъ убійство. Могу ли я послѣ всего этого надѣяться, что Богъ проститъ меня?

— Конечно, прегрѣшенія твои велики и тяжки, сынъ мой,—сказалъ Павелъ;—но развѣ не такими же недостойными прощенія грѣшниками были многіе изъ тѣхъ, которые именемъ Господа нашего Іисуса и Духа Святаго были одинаково прощены, омыты и оправданы?

— Но тѣ, можетъ быть не были отступниками, не отрекались отъ истиннаго Бога?—возразилъ Онезимъ.

— Онезимъ, Онезимъ, не слыхалъ ты развѣ никогда, что Христосъ Богъ нашъ велѣлъ намъ прощать нашимъ братьямъ не «до семи, но до семижды семидесяти разъ?»[1]). Неужели же будетъ Онъ къ намъ въ меньшей степени милостивъ, чѣмъ требуетъ, чтобы были мы по отношенію къ ближнему? Говорю тебѣ, упованіе свое полагай на безконечное Его милосердіе. Къ Нему приходили и слѣпой, и прокаженный, и мытарь, и разслабленный, и та, изъ которой были изгнаны семь бѣсовъ, и всѣ они получили исцѣленіе—были прощены. Ступай же къ Нему и ты, и какъ прокаженный, какъ одержимый злымъ бѣсомъ, если уже иначе ты не можешь, моли Его, и Онъ исцѣлитъ тебя—проститъ. Но скажи мнѣ, самъ ты искалъ ли Его до сихъ поръ?

— Нѣтъ, отецъ, я не дерзалъ,—тихо проговорилъ фригіецъ,—со дня, какъ совершилъ я кражу и бѣжалъ въ сознаніи, что я воръ, мной овладѣло сомнѣніе, достоинъ ли я общенія съ Богомъ и пожелаетъ ли Онъ внять молитвѣ такого, какъ я. Черная туча безразсвѣтнаго отчаянія скрыла ликъ Господній отъ грѣшныхъ глазъ моихъ. Да, я чувствую, что Богъ отвергнулъ меня отъ себя!—воскликнулъ Онезимъ, въ порывѣ горькаго отчаянія ломая

[1]) Еванг. отъ Матѳея. Гл. XVIII, 22.

себѣ руки.—Путь мой одинъ съ путемъ нечестивыхъ, которыхъ злобу и скверность я позналъ и возненавидѣлъ, и отвращенія къ этому пути полна душа моя. Только недавно, какихъ-нибудь недѣли двѣ тому назадъ, мелькнула передо мной надежда на возможность новой жизнью смыть прежніе грѣхи.

— Что заронило въ твою душу такую надежду? — спросилъ Павелъ.

— Притча Христа о блудномъ сынѣ,—отвѣтилъ Онезимъ,—ее Лука Антіохійскій, котораго вижу здѣсь съ тобою, подарилъ вмѣстѣ съ другими отдѣльными эпизодами изъ своего евангелія несчастной императрицѣ почти въ самую минуту ея отплытія на островъ Пандатарію, куда я сопровождалъ ее въ числѣ ея рабовъ и гдѣ вслухъ ежедневно читалъ ей то одинъ, то другой изъ этихъ отрывковъ.

— Послушай, братъ мой Онезимъ,—обратился къ нему Лука,—если ты хочешь, то я могу привести тебѣ много и другихъ утѣшительныхъ изреченій Господа нашего Іисуса. Не Онъ ли въ Своей благости сказалъ намъ: «Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ»[1]), а ты знаешь ли, что ни единое Его слово не прейдетъ?

— Эти самыя слова спасли и меня,—вмѣшался вдругъ преторіанецъ Цельсъ.—Я былъ когда-то такимъ же великимъ грѣшникомъ, какъ и всѣ мои товарищи-легіонаріи, и не было, кажется, того злодѣянія, передъ которымъ я остановился бы. Достаточно сказать, что моя рука не дрогнула даже и тогда, когда по приказанію начальства я рѣзалъ и рубилъ несчастныхъ рабовъ Педанія Секунда. Но при всемъ этомъ я чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ, и эта жизнь пустая, позорная со всѣми ея злыми дѣлами, буйствомъ и развратомъ, опостылѣвъ мнѣ, стала до того противна, что я рѣшился навсегда прекратить ее, и какъ-то разъ, проходя Сублиціевымъ мостомъ, занесъ уже, было, ногу черезъ перила, какъ вдругъ меня схватила за плечо сильная рука какого-то человѣка въ одеждѣ раба. Взбѣшенный, я схватился за свой ножъ и съ проклятіемъ спросилъ дерзкаго раба, неужели онъ такъ мало дорожитъ своей жизнью, что осмѣливается вмѣшиваться въ дѣла римскаго преторіанскаго легіонарія, на что онъ кротко отвѣтилъ, смотря смѣло и прямо въ глаза: «Я безоруженъ и убить меня будетъ для тебя не трудно, если ты этого захочешь; но я не отойду отъ тебя, пока не сдѣлаю всего, что только могу, чтобы удержать тебя отъ самоубійства».—Жизнь моя принадлежитъ мнѣ, и я воленъ дѣлать съ нею, что угодно, отвѣтилъ я ему.—«Нѣтъ, не тебѣ принадлежитъ твоя жизнь, а Богу, который ее далъ тебѣ и послалъ тебя сюда на землю, и покидать ввѣреннаго тебѣ поста ты не имѣешь права». Человѣкъ этотъ былъ Нирей, рабъ Пуденса, а теперь его вольноотпущенникъ. Оттащивъ меня отъ моста онъ шелъ долго рядомъ со мною и дорогою мы много бесѣдовали другъ съ другомъ;

[1]) Еванг. отъ Матѳея Гл. XI, 28.

онъ разсказалъ о Христѣ и Его обѣщаніи не отвергать никого, кто съ молитвою обратится къ Нему, хотя бы онъ былъ и самый отчаянный грѣшникъ. Эта бесѣда съНиреемъ послужила мнѣ во спасеніе. Пока я былъ язычникомъ, мнѣ были знакомы и позоръ, и преступленія, но я никогда не зналъ, что и то и другое можно смыть.

Свиданія и частыя бесѣды съ апостоломъ Павломъ вскорѣ довершили то нравственное возрожденіе, которое давно готовилось въ душѣ молодого фригійца, и которому притча о блудномъ сынѣ дала рѣшительный толчокъ. Награжденный Октавіей еще за нѣкоторое время до ея смерти и свободой, и щедрыми дарами наравнѣ съ другими ея рабами, раздѣлившими съ ней ссылку, Онезимъ возвратился съ острова Пандатаріи въ Римъ сравнительно богатымъ человѣкомъ, такъ что имѣлъ возможность прожить безбѣдно нѣкоторое время. Въ Римѣ онъ нанялъ себѣ скромное помѣщеніе недалеко отъ Павла и, допущенный по просьбѣ апостола въ собранія христіанъ, началъ мало-по-малу оживать духомъ. Онъ ревностно служилъ Павлу всѣмъ, чѣмъ могъ, часто навѣщалъ его и всячески старался быть ему полезенъ, и услуги фригійца, равно какъ и бесѣды съ нимъ, были для старца не малой отрадой въ его заточеніи, тѣмъ болѣе, что Тимоѳея въ это время уже не было: Павелъ послалъ его въ Ефесъ.

Но когда Онезимъ, послѣ того, какъ онъ подробно сообщилъ Павлу, при какихъ условіяхъ совершилось его бѣгство изъ дома Филемонъ, однажды попросилъ у апостола совѣта: какую ему избрать дѣятельность на будущее время, и Павелъ отвѣтилъ, то отвѣтъ этотъ сильно озадачилъ его и смутилъ. Съ свойственнымъ его лѣтамъ легкомысліемъ молодой фригіецъ совсѣмъ упустилъ, было, изъ виду то обстоятельство, что, оставаясь юридически рабомъ Филемона, онъ не могъ получить свободу чрезъ рукоположеніе другого лица, почему и освободительный актъ, совершенный въ его пользу Октавіей въ невѣдѣніи, что онъ чужая собственность, не имѣлъ никакой законной силы, и потому не мудрено, что Онезимъ остолбенѣлъ отъ изумленія, услыхавъ изъ устъ Павла, что онъ не вольноотпущенникъ, а по-прежнему рабъ Филемона и что его прямой долгъ, вернувшись къ Филемону, возвратить ему украденное имъ и покорно подчиниться тому наказанію, какому Филемонъ сосчетъ нужнымъ подвергнуть его. Такой приговоръ апостола былъ для Онезима жестокимъ ударомъ, такъ какъ лишалъ его надежды дождаться когда-либо того счастливаго дня, въ который осуществилась бы его завѣтная мечта вступить въ бракъ съ дочерью Нирея; тѣмъ не менѣе у него хватило силы одолѣть ту внутреннюю борьбу, какая невольно при этомъ завязалась въ его душѣ между сознаніемъ долга и желаніемъ личнаго счастья, и, покорно склонивъ голову, онъ тихо проговорилъ:

— Если таковъ мой долгъ, отецъ мой, я готовъ его исполнить.

— Да, Онезимъ, сынъ мой, вернуться къ Филемону, съ повинной головой, прямой твой долгъ, и будь увѣренъ, что исполнивъ то, что велитъ тебѣ чувство долга, ты найдешь и свое счастье. Филемона я знаю хорошо и люблю его; точно также знаю я и люблю и жену его Апфію и сына Архипа; и я увѣренъ, что если я напишу къ Филемону и замолвлю въ моемъ письмѣ доброе слово за тебя, онъ не только проститъ тебя, но и отпуститъ на волю, въ особенности, если узнаетъ, что ты мнѣ нуженъ. Но еслибъ даже Филемонъ и не счелъ почему-нибудь возможнымъ освободить тебя изъ рабства, то, оставаясь твоимъ господиномъ, онъ все же тебѣ братъ возлюбленный во Христѣ.

Посланіе къ Филемону было написано и Онезимъ отправился съ нимъ къ своему старому господину. Съ нимъ вмѣстѣ уѣхалъ изъ Рима одинъ изъ сотрудниковъ Павла, Тихикъ изъ Ефеса, которому апостолъ поручилъ посѣтить съ циркулярнымъ отъ него письмомъ нѣкоторыя христіанскія братства и доставить по назначенію его посланіе къ колоссянамъ. Прощаніе съ Павломъ было самое задушевное и трогательное, такъ какъ, уѣзжая, ни Онезимъ, ни Тихикъ еще не знали, каковъ будетъ исходъ разбирательства дѣла Павла и суждено ли имъ еще разъ свидѣться на землѣ съ горячо любимымъ старцемъ. Со слезами обнялъ Павелъ Онезима.

Никакого особаго къ себѣ интереса не возбудило дѣло Павла среди римскаго общества, которое отнеслось къ нему болѣе чѣмъ индиферентно. Слушалось оно въ присутствіи императора, забавлявшагося очень усердно во время разбирательства сочиненіемъ какой-то грязной сатиры, съ содержаніемъ которой онъ знакомилъ то того, то другого изъ своихъ ближайшихъ фаворитовъ, передавая имъ время отъ времени отдѣльные изъ нея отрывки. Обвиненіе, въ подтвержденіе котораго не представлено было никакихъ вѣскихъ доказательствъ, было признано неосновательнымъ въ виду показаній многихъ свидѣтелей, говорившихъ въ пользу обвиняемаго, его невинности и заслугъ. Къ тому же за Павла говорило порядочное число и письменныхъ показаній весьма высокопоставленныхъ лицъ, скрѣпленныхъ подписью царя Агриппы II и сестры его, прекрасной Вереники. Такимъ образомъ разбирательство Павлова дѣла въ присутствіи цезаря кончилось оправданіемъ обвиняемаго, который вскорѣ затѣмъ уѣхалъ въ сопровожденіи многихъ своихъ друзей и единомышленниковъ въ Остію, чтобы оттуда отплыть въ Ефесъ. Пробывъ нѣкоторое время въ городѣ Артемиды, Павелъ отправился оттуда въ Колоссы, съ намѣреніемъ посѣтить Филемона, и первый, кѣмъ былъ онъ привѣтствованъ съ счастливою улыбкою на устахъ въ домѣ добродушнаго колоссянина, былъ Онезимъ. Прочитавъ посланіе апостола, Филемонъ призвалъ къ себѣ бѣглеца и, обнявъ, отъ души простилъ ему его проступокъ, послѣ чего строго наказалъ всѣмъ своимъ рабамъ прошлаго не поминать. Тотчасъ освобождать его изъ рабства Филемонъ счелъ, однако, не совсѣмъ удобнымъ; но, теперь, въ честь посѣщенія Павла, онъ отпустилъ его вмѣстѣ съ многими другими изъ своихъ рабовъ-христіанъ на волю и благо-

словилъ молодого фригійца посвятить себя всецѣло служенію апостолу, съ которымъ Онезимъ вскорѣ послѣ этого и отправился въ Критъ.

Глава XI.

Труднѣе съ каждымъ днемъ становилось для Нерона, давно уже познавшаго пресыщеніе во всевозможнымъ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ, но все еще снѣдаемаго неутолимою жаждою сильныхъ ощущеній придумать что-либо такое, что возбуждающимъ образъ подѣйствовало бы на притупленный нервъ его капризныхъ прихотей. Но въ 64 году по Р. Х., новое еще неизвѣданное имъ сильное чувство, поглотивъ его всего, оживило холодную мертвенность жизни, отравленной удовлетвореніемъ каждаго желанія, каждой мимолетной фантазіи. Поппея родила Нерону дочь, и радости и восторгамъ счастливаго отца не было ни мѣры, ни границъ. Къ тому же рожденіемъ ребенка въ значительной степени упрочивалось и самое его положеніе какъ императора. Мѣстомъ, гдѣ произошло это радостное событіе, была загородная вилла Нерона подъ Анціумомъ, — мѣсто рожденія самого цезаря. Новорожденная въ первый день своей жизни была провозглашена Августою, и тѣмъ же высокимъ званіемъ была почтена, по случаю рожденія дочери, и сама Поппея. Торжество этой женщины было полное: она достигла своего апогея, и вліяніе ея надъ цезаремъ было сильнѣе и могущественнѣе, чѣмъ когда нибудь: Сенатъ, когда извѣстіе это было получено въ Римѣ, постановилъ ознаменовать рожденіе малютки торжественными воздаяніями благодарности богамъ, обогатить различные храмы дорогими приношеніями и воздвигнуть новый храмъ богинѣ Плодородія; кромѣ того, положено было устроить цѣлый рядъ великолѣпныхъ зрѣлищъ и народныхъ увеселеній, чтобы и народъ сдѣлать участникомъ въ семейной радости цезаря, а въ честь новорожденной Клавдіи-Августы выбить медали и монеты. Послѣ этого сенатъ въ полномъ своемъ составѣ, въ которомъ замѣчалось лишь отсутствіе прямолинейнаго Бета Тразеи, отправился безконечно длинною вереницею въ Анціумъ, чтобы повергнуть свои поздравленія, вмѣстѣ съ добрыми пожеланіями новорожденной, къ стопамъ цезаря и счастливой Поппеи.

Однако радостное настроеніе цезаря, во время котораго въ немъ замѣчалось даже какъ бы нѣкоторое благодушіе, продолжалось къ сожалѣнію недолго; не прошло четырехъ мѣсяцевъ со дня рожденія малютки, какъ уже ея не стало, и смерть дочери повергла Нерона въ печаль, столь же необузданную въ своихъ проявленіяхъ, какою была и его радость. Мрачное отчаяніе, которое по временамъ смѣняли лишь старые его приступы страха, овладѣло всецѣло имъ. Онъ видѣлъ въ рожденіи ребенка доказа-

тельство того, что боги отвратили отъ него, наконецъ, свой гнѣвъ, различныя знаменія котораго уже не разъ повергали его въ суевѣрный страхъ и ужасъ. Такое выраженіе несомнѣнной немилости къ нему боговъ Неронъ не могъ не усмотрѣть какъ въ пожарѣ, отъ удара молніи, превратившемъ въ груду черныхъ обгорѣлыхъ камней великолѣпное зданіе, сооруженное имъ для обученія гимнастическимъ упражненіямъ юныхъ атлетовъ для недавно учрежденныхъ нероніановскихъ игръ, такъ и въ необычайно сильномъ землетрясеніи, отъ котораго чувствительно пострадали цѣлыя кварталы въ красивой Помпеѣ и Геркуланумѣ. Со смерти же малютки Клавдіи и эти припадки невольнаго страха передъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ такихъ событій, повторяясь съ новою силою, лишь усугубляли угнетенное и мрачное настроенія духа цезаря. Римъ трепеталъ, ожидая ряда новыхъ казней. Однако на этотъ разъ мысли Нерона приняли, къ счастію, иное направленіе. Въ немъ съ новою силою проснулся артистъ, и онъ задумалъ совершить артистическое путешествіе по Греціи и по востоку, гдѣ намѣревался дать цѣлый рядъ представленій, выступивъ на театральныхъ помостахъ пѣвцомъ и импровизаторомъ. О такой его волѣ было уже обнародовано особымъ эдиктомъ, — уже кончены были всѣ приготовленія къ отъѣзду, какъ вдругъ Неронъ почему-то отложилъ задуманную поѣздку и остался въ Римѣ.

Но цезарь постарому все скучалъ и былъ мраченъ, Тщетно изощрялъ Тигеллинъ всѣ силы свего воображенія, придумывая для развлеченія императора различныя празднества, одно другого чудовищнѣе по той беззастѣнчивости, съ какой проявлялась тутъ развращенность римскихъ нравовъ, — устраивая еще доселѣ небывалыя публичныя оргіи буйныя вакханаліи, превзошедшія все, чѣмъ до сихъ поръ могъ похвалиться и утонченный развратъ римскаго общества, и его грубый цинизмъ: не покидала императора тоска и всюду гнались за нимъ и хандра, и скука пресыщенія. А между тѣмъ натура его — страстная и капризная — продолжала требовать новыхъ и все болѣе сильныхъ ощущеній, въ чаду которыхъ онъ могъ бы на время забыть снѣдавшую его тоску.

— Неужели же ты не можешь придумать, Тигеллинъ, нѣчто такое, что избавило бы меня отъ этой мертвящей тоски? — однажды обратился онъ не безъ оттѣнка нѣкоторый досады къ своему вѣрному наперснику. — Право, я въ состояній наложить на себя руки просто отъ одной скуки. Тиберій тотъ отъ скуки бѣжалъ на Капри, но жизнь на этой голой скалѣ врядъ ли будетъ мнѣ по вкусу.

— Не желаетъ ли цезарь, чтобы я распорядился объ устройствѣ новаго пиршества въ родѣ того, что было на прудѣ Агриппины, съ аксессуарами того же жанра?

— Нѣтъ, это было недурно разъ, — лѣниво протянулъ Неронъ, — но знаешь, вещи повторяясь надоѣдаютъ. Великимъ мас-

теромъ на забавныя выдумки былъ когда-то Петроній; но силы его изобрѣтательности давно уже исчерпаны.

— Напрасно цезарь отложилъ свое намѣреніе совершить артистическое путешествіе: оно разсѣяло бы скуку моего императора.

— Нѣтъ, врядъ ли. Впрочемъ, если я и отложилъ эту поѣздку, то во всякомъ случаѣ ненадолго. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что я теперь пропадаю со скуки—умираю отъ неудовлетворенной жажды сильнаго ощущенія, такого ощущенія, которое бы охватило меня всего. Жизнь наша вѣдь только и сносна, когда вся она концентрируется въ томъ или другомъ животрепещущемъ чувствѣ.

— Не животрепещущее ли ощущеніе возбудило въ цезарѣ зрѣлище ходившаго, по натянутому на страшной высотѣ, канату слона съ всадникомъ Юліемъ Друзомъ на спинѣ?

— Повторяю, то было недурно одинъ разъ; но во второй такое зрѣлище показалось бы только пошлымъ и приторнымъ.

— Не повторить ли представленія пожара дома Афранія съ дозволеніемъ актерамъ грабить и расхищать имущество дома, объятаго со всѣхъ сторонъ пламенемъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ сцена была забавная и стоила того, чтобы на нее посмотрѣть, — проговорилъ Неронъ. — Она навела меня на иную мысль для поэмы «Взятіе Трои»,—глядя на эту картину разгара людской алчности и другихъ страстей среди моря огня, я понялъ, какъ много моя поэма выиграла бы, еслибъ я имѣлъ передъ глазами настоящій пожаръ многолюднаго города, изъ котораго могъ бы почерпнуть нѣкоторыя детали.

— Однакожъ позволительно думать, что цезарю едва ли было бы пріятно видѣть Римъ объятымъ всепожирающимъ пламенемъ?

— Почему же нѣтъ? Для того, чтобы видѣть картину пожара Рима, стоило бы пожить. Счастливецъ былъ Пріамъ! Ему пришлось быть очевидцемъ Трои, объятой пламенемъ, а мнѣ лишь дано только вообразить себѣ ту картину и описать ее.

— Но Римъ — не Троя; между нами есть маленькая разница,— замѣтилъ Тигеллинъ.

— Римъ! не навижу я его! — воскликнулъ сердито императоръ.—Противенъ онъ мнѣ своими грязными, кривыми и узкими улицами, и мнѣ бы хотѣлось видѣть въ моей резиденціи просторныя площади, широкія правильныя улицы, сады и монументальныя постройки, какъ было въ Ѳивахъ, напримѣръ, а также въ Мемфисѣ, Вавилонѣ. То были дѣйствительно города, и въ этомъ отношеніи я не могу не позавидовать и Нину, и Сарданапалу, у которыхъ были резиденціи достойныя ихъ.

Этотъ разговоръ цезаря съ Тигеллиномъ происходилъ въ одной изъ грандіозныхъ залъ того колоссальнаго зданія среди другихъ дворцовыхъ построекъ Палатинскаго холма, которое было небезъизвѣстно веселой римской молодежи подъ названіемъ «Domus transitoria», подъ которое Неронъ занялъ не болѣе и не менѣе, какъ все пространство между Палатинскимъ и Эсквилинскимъ холмами.

— Смѣю думать, что и цезарю нельзя пожаловаться на тѣсноту въ этомъ дворцѣ,—съ улыбкою замѣтилъ Тигеллинъ.

— Тѣсноты конечно особой нѣтъ; но все же было бы пріятнѣе не имѣть по сосѣдству всѣхъ этихъ частныхъ построекъ, и я не безъ удовольствія увидалъ бы ихъ снесенными отсюда: по крайней мѣрѣ былъ бы тутъ просторъ и было бы чѣмъ дышать.

— Цезарь, разумѣется, изволитъ шутить.

— Нѣтъ, я говорю очень серьезно,—какъ-то нетерпѣливо проговорилъ Неронъ.

Тигеллинъ пожалъ плечами какъ бы въ недоумѣніи и затѣмъ прочиталъ стихъ Еврипида:

«Послѣ смерти моей хотя бы весь міръ потонулъ въ пламени».

— Зачѣмъ послѣ смерти: лучше же пусть, пока я живъ, погрузится онъ въ море дыма и огня,—возразилъ Неронъ.—Все же это будетъ веселѣе, чѣмъ пропадать съ тоски за неимѣніемъ какого-либо развлеченія.

Говоря это, Неронъ не придавалъ своимъ словамъ серьезнаго значенія. Страдая вслѣдствіе необузданности въ своихъ желаніяхъ и страстяхъ тѣмъ особаго рода зараженіемъ крови, что такъ часто доводило восточныхъ деспотовъ до буйнаго безумія, онъ бывалъ склоненъ украшать иногда свою рѣчь гиперболами создававшимися въ его извращенномъ воображеніи и различными уродливыми фантасмагоріями и не разъ позволялъ своей фантазіи громко разыгрываться на эту тему безъ всякаго серьезнаго намѣренія обратить Римъ въ груду пепла. Но легкомысленными рѣчами онъ вскорѣ заставилъ своего злого генія Тигеллина задуматься надъ возможностью пожара Рима гораздо серьезнѣе, чѣмъ объ этомъ думалъ онъ самъ, и, когда вскорѣ послѣ вышеприведеннаго разговора Неронъ собрался уѣхать на нѣкоторое время изъ Рима въ свой загородный дворецъ подъ Анціумомъ, Тигеллинъ въ самую минуту его отъѣзда далъ ему понять намеками, что онъ можетъ разсчитывать получить вскорѣ въ своемъ анціумскомъ уединеніи одно изъ самыхъ потрясающихъ извѣстій, такъ какъ онъ готовитъ для него нѣчто изумительное.

И дѣйствительно, грандіозность и ужасъ готовившагося для Нерона зрѣлища превзошли даже и его ожиданія.

Въ Анціумъ Неронъ отбылъ 17-го іюля, а черезъ два дня послѣ его отъѣзда Римъ тонулъ въ морѣ огня и клубахъ чернаго дыма. Было замѣчено, что этотъ знаменитый пожаръ, столь богатый прискорбными послѣдствіями не только для бѣднѣйшихъ классовъ римскаго народонаселенія, но и для самого императора, вспыхнулъ какъ разъ съ самую годовщину того дня, въ который четыре съ половиною вѣка раньше Римъ былъ преданъ галлами огню и мечу. Пожаръ начался по сосѣдству съ циркомъ, откуда, найдя себѣ обильную пищу въ окружавшихъ этотъ ко-

лоссъ харчевняхъ, лавкахъ и складахъ различныхъ легковоспламеняющихся матеріаловъ, быстро распространился и, раздуваемый вѣтромъ, ринулся, было, къ Палатинскому холму. Но здѣсь, на минуту остановленный крутизной его ската и циклопскими дворцовыми постройками, огненный потокъ обратился назадъ и, раздѣляясь на два рукава, съ двухъ сторонъ обогнулъ холмъ у его подошвы; опустошилъ своими огненными языками Велабрумъ и форумъ, послѣ чего перебрался на Авентинъ и въ бурномъ разливѣ своихъ всепожиравшихъ волнъ, то вздымаясь на высоты, то снова опускаясь въ низкія части семихолмнаго города, мало по малу захватывалъ все большее и большее пространство. Но съ особенною силою свирѣпствовала разъяренная стихія въ грязныхъ, узкихъ и густо заселенныхъ бѣднымъ людомъ улицахъ Субуры, гдѣ, разрушая съ трескомъ неприглядные притоны дешеваго разврата, очищала воздухъ отъ накопившихся здѣсь вѣками міазмовъ. Цѣлыхъ шесть дней и шесть ночей пламенѣлъ вѣчный городъ; картина была по истинѣ грандіозная, но и потрясающая, и не найдется тѣхъ словъ, которыя могли бы передать тотъ ужасъ, какой невольно охватывалъ зрителей при видѣ отдѣльныхъ сценъ пожара, превратившаго въ огненную гіену разрушенія и воплей, грабежа и отчаянія тотъ городъ, который обогатился длиннымъ и почти безпрерывнымъ рядомъ побѣдъ, завоеваній и захватовъ въ продолженіе безъ малаго восьми столѣтій.

Но что значитъ ужасъ постороннихъ зрителей, при извѣстіи о пожарѣ толпами сбѣжавшихся со всѣхъ окрестностей, въ сравненіи съ тѣми страданіями, съ тѣми воплями и отчаяніемъ, съ тѣми предсмертными муками, какія происходили чуть ли не передъ каждымъ домомъ пылавшаго города?

Тревожное безпокойство, овладѣвшее римскимъ населеніемъ при видѣ быстрыхъ успѣховъ пожара, скоро приняло характеръ паническаго страха, и среди этого всеобщаго смятенія и недоумѣнія все чаще и настойчивѣе повторялись въ толпѣ глухіе толки о какихъ-то злонамѣренныхъ людяхъ, которые не только бросали зажженными факелами въ дома патриціевъ, но къ тому же еще всячески старались препятствовать тушенію огня. Къ довершенію бѣдствія пожаръ открывалъ широкій просторъ людской алчности, и безнаказанный дерзкій грабежъ и расхищеніе было въ полномъ разгарѣ, причемъ грабители, отбивая у огня добычу въ свою пользу, часто не щадили жизни тѣхъ, которые обнаруживали поползновеніе отстоять свое имущество. Очень многіе, растерявшись окончательно, стояли неподвижные, словно пораженные столбнякомъ, передъ горѣвшимъ имуществомъ, пока сами не задыхались отъ дыма и смрада или не сгорали; другіе же, при видѣ своего разоренія, обѣщавшаго имъ впереди одну лишь нищету, или же доведенныя до отчаянія гибелью близкихъ и дорогихъ имъ людей, сами бросались въ огонь. Плачъ и стоны, проклятія и ругань, крики дѣтей и раздирающіе вопли не-

счастныхъ матерей, рвавшихъ въ отчаяніи на себѣ волосы въ виду невозможности спасти своихъ погибавшихъ въ огнѣ малютокъ,—все это сливалось въ одинъ страшный общій гулъ, безпрерывно наполнявшій собою въ продолженіи этихъ шести страшныхъ дней улицы Рима, которыя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе запружались грудами развалинъ и полуобугленными трупами.

При первомъ извѣстіи о пожарѣ, Неронъ, узнавъ при этомъ, что огонь грозитъ опасностью и его собственному дому, а также и всѣмъ дворцовымъ зданіямъ, поспѣшилъ покинуть свою излюбленную загородную виллу и возвратиться въ Римъ. Въ первую минуту страшная картина объятаго пламенемъ города, произвела казалось на него сильное потрясеніе даже въ смыслѣ громадности такого бѣдствія для народонаселенія: и, взойдя на высоту такъ называвшейся Меценатовой башни, устроенной при одномъ изъ его многочисленныхъ увеселительныхъ павильоновъ, онъ въ какомъ-то трепетномъ оцѣпененіи, впрочемъ, не лишенномъ, своего рода пріятности, остановился передъ грандіозною картиною. Но скоро подъ впечатлѣніемъ минуты, въ немъ заговорилъ художникъ и поэтъ, и, окруженный толпою своихъ паразитовъ, онъ принялся громко восхищаться грандіозною красотою и потрясающимъ эффектомъ происходившаго передъ его глазами зрѣлища, причемъ уподоблялъ пылавшій Римъ то юной дѣвственницѣ, на которую со всѣхъ сторонъ набрасываются огненные тигры, то мощному гладіатору въ борьбѣ съ разъяренными львами. Въ душѣ артистъ, онъ весь отдался эгоистическому восторгу передъ изумительною красотою картины, любуясь которой невольно возсоздавалъ въ своемъ воображеніи описанный имъ въ поэмѣ «Гибель Трои» пожаръ Пріамова града.

Проводя иногда по цѣлымъ часамъ подъ рядъ какъ въ продолженіе дня, такъ и ночью, въ созерцаніи пожара Рима, Неронъ весь сосредоточивался въ своихъ чувствахъ эстетика, ни на мгновенье не позволяя своимъ мыслямъ останавливаться на тѣхъ ужасахъ и страданіяхъ какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ, какія сама собою предполагала картина такого пожара, и только тогда, когда Сенека выразилъ ему свои опасенія, какъ бы страшное народное бѣдствіе не имѣло въ результатѣ взрыва народной ярости и открытаго возстанія, цезарь встрепенулся и приказалъ открыть лишеннымъ крова бѣднѣйшимъ жителямъ Рима убѣжище на Марсовомъ полѣ и въ прилегавшихъ къ нему монументальныхъ постройкахъ Агриппы—его баняхъ, портикахъ, храмѣ Нептуна и садахъ. Но, отдавъ такое распоряженіе, Неронъ успокоился и опять отдался всецѣло своимъ поэтическимъ вдохновеніямъ, навѣяннымъ на него величественнымъ зрѣлищемъ пожара. Свои восторги и созерцанія цезарь заключилъ тѣмъ, что, облачившись въ сирмосъ трагика и взявъ въ руки арфу, выступилъ пѣвцомъ и на подмосткахъ дворцоваго театра пропѣлъ своимъ божественнымъ голосомъ въ присутствіи избраннаго круга своихъ

фаворитовъ и съ обычною своею манерностью нѣсколько плохихъ бездарныхъ импровизацій на тему «Пожаръ Иліона».

Но эти высоко-эстетическія ощущенія притупились; созерцаніе все одной и той же картины надоѣло цезарю, и когда пожаръ, прекращенный на седьмой день, вспыхнулъ вторично и въ продолженіе трехъ дней опять сильно свирѣпствовалъ мѣстами, императоръ выказалъ явное неудовольствіе по этому поводу и приказалъ, для болѣе быстраго пересѣченія дальнѣйшаго развитія пожара, приступить немедленно къ ломкѣ и уничтоженію множества различныхъ построекъ на Эсквилинѣ. Такое распоряженіе возбудило среди римскаго населенія очень много различныхъ толковъ, и въ городѣ упорнѣе чѣмъ когда-либо начала распространятся молва, будто Неронъ имѣетъ намѣреніе перестроить Римъ совершенно на новый ладъ и, украсивъ его роскошными дворцами, садами, обширными площадями и великолѣпными памятниками, переименовать въ Неронію. Но такіе слухи только усиливали въ народѣ глухой ропотъ противъ Нерона. Могъ ли новый Римъ, какимъ бы ни явился онъ великолѣпнымъ, какъ бы правильны и широки не были его вновь проложенныя улицы, замѣнить народу его старый милый городъ, покоившійся на своихъ семи холмахъ среди славныхъ памятниковъ прошлаго?

Имя Нерона, сопровождаемое проклятіями, если не всегда громкими, то всегда по крайней мѣрѣ очень искренними, были у всѣхъ на языкѣ, и, весь поглощенный новою затѣею о перестройкѣ Рима, императоръ, прохаживаясь въ сопровожденіи своихъ ликторовъ по улицамъ и площадямъ своей столицы, не могъ не замѣтить и тѣхъ угрюмыхъ взглядовъ полныхъ ненависти и омерзенія, какими смотрѣлъ изподлобья на него народъ, и тѣхъ нелестныхъ надписей по его адресу, какими ежедневно покрывались почернѣвшія стѣны уцѣлѣвшихъ отъ пожара зданій. Его эдиктъ, которымъ было обнародовано, что цезарь желаетъ принять на свой счетъ всѣ расходы по погребенію жертвъ пожара, также какъ и по очищенію улицъ отъ грудъ обломковъ и мусора, былъ истолкованъ лишь желаніемъ присвоить себѣ тѣ или другіе цѣнные или художественные предметы, можетъ быть, случайно, уцѣлѣвшіе отъ пожара, которые могли оказаться подъ грудами развалинъ. Всѣ эти несомнѣнные признаки народнаго неудовольствія и непріязненныхъ къ нему отношеній плебеевъ понудили, наконецъ, Нерона прибѣгнуть, изъ опасенія, чтобы негодованіе черни не разразилось какою-либо вспышкою, къ нѣкоторымъ благодѣтельнымъ мѣрамъ, клонившимся къ тому, чтобы облегчить нужды бѣднѣйшимъ классамъ народонаселенія. Такимъ образомъ онъ приказалъ открыть свободный доступъ въ свои обширные сады обездоленнымъ бѣднякамъ, не имѣвшимъ къ своимъ услугамъ богатыхъ загородныхъ виллъ, гдѣ бы они могли, подобно богатымъ патриціямъ, найти себѣ пріютъ и убѣжище послѣ пожара. Кромѣ того, по его приказанію было выстроено множество временныхъ помѣщеній для черни; были приняты должныя мѣры къ ускоренію под-

воза необходимыхъ жизненныхъ припасовъ изъ Остіи и другихъ ближайшихъ мѣстностей, и цѣна на хлѣбъ понижена до крайнихъ предѣловъ возможности. Но и всѣхъ этихъ благихъ мѣръ и благодѣтельныхъ распоряженій цезаря было недостаточно для того, чтобы примирить съ нимъ народныя массы. Въ силахъ ли онъ былъ возвратить этимъ толпамъ въ конецъ разоренныхъ людей все утраченное ими — воскресить ихъ погибшихъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ, женъ, дѣтей,—воздать имъ ихъ разнесенный домашній очагъ, ихъ незатѣйливое, съ трудомъ и любовью пріобрѣтенное имущество? Усиленію народнаго негодованія порядочно способствовалъ и слухъ, въ началѣ ходившій втихомолку и смутно, но малу-по-малу пріобрѣвшій всеобщую гласность, что Неронъ—пока народъ его сотнями погибалъ въ огнѣ, дыму и подъ развалинами пылавшаго города — забавлялся пѣніемъ, игрою на арфѣ и поэтическими импровизаціями. Съ каждымъ днемъ озлобленіе плебеевъ росло, презрѣніемъ и ненавистью были полны всѣ сердца, и Неронъ начиналъ уже трепетать, боясь, какъ бы не пришлось ему дорого поплатиться за свое увлеченіе неумѣстными восторгами.

Глава XII.

Новый страхъ и днемъ и ночью теперь преслѣдовалъ несчастнаго Нерона. Удовольствіе видѣть грандіозную картину Рима, тонувшаго въ морѣ огня, и почерпнуть изъ этого зрѣлища тѣ черты реализма, которыми онъ могъ придать своей поэмѣ «Взятіе Трои» большую законченность, куплено было бы слишкомъ дорогою цѣною, еслибъ повлекло за собою лишеніе трона, а быть можетъ, и самой даже жизни. А между тѣмъ не было никакой возможности ни ошибиться относительно непріязненнаго настроенія народа, ни заглушить его зловѣщаго ропота и озлобленія. Тигеллинъ и тотъ уже начиналъ высказывать нѣкоторыя сомнѣнія относительно прочности вѣрноподданническихъ чувствъ какъ самихъ преторіанцевъ, такъ и германцевъ и другихъ наемныхъ войскъ, такъ какъ въ рядахъ и тѣхъ, и другихъ съ каждымъ днемъ замѣчалась все большая склонность сочувствовать пролетаріату въ его озлобленіи противъ цезаря.

Поппея и Тигеллинъ были единственными, отъ которыхъ Неронъ не имѣлъ никакихъ тайнъ и съ которыми бывалъ вполнѣ откровененъ. Но какъ ни старались они своими совѣтами разсѣять его опасенія, тѣмъ не менѣе ни тотъ, ни другая не въ силахъ были придумать до сихъ поръ ничего такого, что помогло бы трусливому императору воспрянуть духомъ. Было очевидно, что на этотъ разъ даже и сенатъ за одно съ народомъ считалъ его виновникомъ пожара. А между тѣмъ трудно было—поч-

ти невозможно—уличить перваго пустившаго въ ходъ среди народа тѣ слухи, благодаря которымъ странное поведеніе и занятія цезаря въ страшные дни народнаго бѣдствія сдѣлались общею темою городскихъ толковъ и пересудовъ; и Нерону оставалось только одно средство отвратить отъ себя грозныя послѣдствія народнаго озлобленія; надо было отвести отъ себя подозрѣнія народныхъ массъ, направивъ ихъ для этого въ другую сторону. Но гдѣ найти того или тѣхъ, на кого можно было бы съ нѣкоторою правдоподобностью взвалить подобное обвиненіе.

Однажды, пока Неронъ съ Тигеллиномъ и Поппеею обсуждали этотъ вопросъ, съ каждымъ днемъ все настойчивѣе требовавшій скораго рѣшенія, императору было доложено, что пантомимъ Алитуръ, любимецъ Нерона и іудей по происхожденію, проситъ цезаря принять его, также какъ и одного первосвященника садуккея и раввина и выслушать ихъ просьбу.

— Очень охотно я готовъ принять Алитура,—сказалъ на это Неронъ;—но, что касается до его соотечественниковъ, то я вовсе не желаю ихъ видѣть.

— Прошу тебя, цезарь, принять ихъ и выслушать,—обратилась къ Нерону Поппея, которая въ тайнѣ была ревностною сторонницею іудаизма.—Они стоятъ этого. Я ихъ знаю, такъ какъ оба были мнѣ представлены во время моего пребыванія въ Путеоли. Вдобавокъ, оба они люди очень вліятельные въ Іерусалимѣ, а цезарю хорошо извѣстно, что предсказанія астрологовъ давно сулятъ ему корону царства Іерусалимскаго.

Неронъ уступилъ просьбамъ Поппеи, и спустя немного Алитуръ въ сопровожденіи первосвященника и раввина предсталъ передъ императоромъ. Алитуръ былъ въ обыкновенной одеждѣ богатаго римлянина, но оба спутника его были въ восточныхъ костюмахъ и въ богатыхъ шелковыхъ чалмахъ.

Первосвященникъ былъ далеко уже не молодой человѣкъ и отличался необыкновенно внушительнымъ видомъ, чему порядочно способствовали и строгія черты его лица и длинная бѣлая борода; раввинъ же, былъ напротивъ человѣкъ лѣтъ не болѣе тридцати и замѣчательно красивый.

— Добро пожаловать, Алитуръ,—привѣтствовала любезно Поппея любимца императора, и, затѣмъ, обратясь къ Нерону и указывая ему на іудеевъ, сказала ему:—этотъ старецъ, убѣленный сѣдинами,—и есть всѣми уважаемый первосвященникъ-садуккей Измаильбенъ-Фаби, а другой—это Іосифъ Іерусалимскій, сынъ священника Матѳея, и самъ священникъ, раввинъ и воинъ.

Отвѣсивъ предъ императоромъ низкій, чуть-ли не земной, поклонъ, оба іудея приложились поочередно губами къ рукѣ, которую протянулъ имъ Неронъ. Онъ довольно сухо спросилъ ихъ, по какому именно дѣлу желали они его видѣть.

— Намъ такъ и не удалось исполнить,—началъ первосвященникъ,—одну половину возложеннаго на насъ порученія.—Насъ послали въ Римъ, поручивъ намъ обжаловать передъ судомъ цезаря дѣло Павла Тарсянина, главнаго вожака галилеянъ, за тѣ смуты, какія сѣялъ онъ безпрестанно среди жителей Іерусалима, дабы побудить ихъ къ возстанію; но, цезарь, пока буря задержала насъ далеко отъ мѣста нашего назначенія, по своей добротѣ и безконечной милости оправдалъ преступника. Другая же половина нашего порученія состоитъ въ томъ, чтобы повергнуть къ августѣйшимъ стопамъ императора просьбу садуккеевъ объ освобожденіи нѣкоторыхъ нашихъ священниковъ, содержащихся въ Римѣ въ заточеніи на основаніи совершенно пустяшныхъ обвиненій прокуратора Феста.

— И я, въ свою очередь, прошу цезаря исполнить просьбу первосвященника и велѣть освободить его единовѣрцевъ,—сказала Поппея.—Я слышала уже не разъ о различныхъ угнетеніяхъ мирнаго и безобиднаго народа со стороны нашихъ іудейскихъ прокураторовъ.

— Но, вѣдь, послѣдній прокураторъ былъ человѣкъ твоего выбора, Поппея,—замѣтилъ Неронъ,—ты, я думаю, сама знаешь, что если Гессій Флоръ получилъ назначеніе на эту почетную должность, то лишь благодаря твоей давнишней дружбѣ съ его женою Клеопатрою.

— И я не сомнѣваюсь, что Флоръ окажется и добрѣе, и умнѣе своихъ предшественниковъ, которые лишь и умѣли навлекать на Римъ гнѣвъ іудейскаго Бога.

— Моисея?—спросилъ Неронъ.

— Цезарь ошибается,—возразилъ первосвященникъ;—Моисей былъ лишь великимъ законодателемъ, которому безспорно дана была мудрость превыше всякой людской мудрости; но смертному человѣку мы не поклоняемся. Нашъ Богъ—Творецъ неба и земли.

— И вы думаете, что этотъ вашъ богъ на столько могущественъ, что гнѣвъ его можетъ быть опасенъ Риму?—спросилъ Неронъ.

— Нашъ Богъ караетъ всѣхъ тѣхъ, кто позволяетъ себѣ оскорблять его величіе,—проговорилъ строгимъ тономъ молодой раввинъ,—но онъ милостивъ съ тѣмъ, кто чтитъ его законы и велѣнія. Цезарь ученъ и знаетъ, разумѣется, что Помпей, дерзко ворвавшись въ святое святыхъ нашего храма, могъ убѣдиться своими глазами, что не изображенію осла,—какъ лживо разсказывали про насъ многіе,—поклоняемся мы; но, за дерзкое вторженіе въ наше святилище, Помпей былъ увлеченъ вскорѣ послѣ этого въ пучину тѣхъ различныхъ бѣдствій, которыя выкинули его обезглавленнымъ трупомъ на берегъ Александріи; позорно былъ выгнанъ изъ нашего святилища явленіемъ сонма ангеловъ казнохранитель Селевка, Геліодоръ, а Александру Великому—за то, что онъ выказалъ должное уваженіе къ нашему первосвященнику—Господь послалъ силу одержать множество побѣдъ, одолѣть сопротивленіе многихъ чужеземныхъ народовъ и покорить ихъ своей власти.

— Слова раввина справедливы,—поддержалъ первосвященникъ

своего соотечественника.—И я, въ свою очередь, позволю себѣ напомнить цезарю, что когда императоръ Кай вздумалъ осквернить храмъ нашъ, поставивъ въ него свое изображеніе, нашъ Богъ поразилъ его безуміемъ, и не прошло года, какъ кинжалъ убійцы пронзилъ ему сердце.

Очень суевѣрный въ иныя минуты, Неронъ съ жадностію прислушивался къ словамъ іудеевъ.

— До сихъ поръ я всегда думалъ объ іудеяхъ, что они—за исключеніемъ самихъ себя, разумѣется—ненавидятъ весь родъ людской.

— Нѣтъ, никакой ненависти ни къ одному народу мы не питаемъ,—возразилъ первосвященникъ;—іудеи напротивъ, всегда возносятъ Богу молитвы за всѣ семьдесятъ народовъ вселенной и каждый день приносятъ жертвы за ихъ благоденствіе; и не будь нашихъ молитвъ и нашихъ жертвъ, давно погибли бы всѣ народы.

— Внемли, о цезарь, словамъ первосвященника и прикажи скорѣе освободить заключенныхъ служителей іудейскаго Бога,—обратилась къ Нерону Поппея.

— Просьба Поппеи будетъ исполнена,—отвѣчалъ ей императоръ.—Но, скажите мнѣ по правдѣ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ іудеямъ,—не очень ли своеволенъ и мятеженъ вашъ народъ?

— Цезарь напрасно думаетъ такъ о насъ,—сказалъ Измаилъ;—мы народъ миролюбивый и смирный, пока не обижаютъ насъ; и ничего такъ не желаемъ всѣ мы, какъ имѣть возможность мирно сидѣть у себя,—каждый въ своемъ виноградникѣ подъ тѣнью своей смоковницы. Въ нашемъ же храмѣ мы усердно приносимъ жертвы за благоденствіе императора.

— Цезарь не долженъ смѣшивать насъ съ христіанами,—замѣтилъ Іосифъ.—Подобно грекамъ, римляне еще не сумѣли научиться отличать однихъ отъ другихъ и всѣ преступныя дѣйствія христіанъ часто приписываютъ намъ.

— Да кто же они такіе, какъ не іудеи, эти христіане?—спросилъ Неронъ.—До меня, конечно, доходили слухи о нихъ, какъ о злодѣяхъ, тѣмъ не менѣе, я всегда думалъ при этомъ, что они не болѣе, какъ іудейскіе сектанты.

— Боже избави!—съ жаромъ воскликнулъ старецъ.—Ихъ Богъ—обманщикъ и злодѣй, распятый на крестѣ. Правда, въ числѣ послѣдователей ученія этого безбожника находятся люди,—признаюсь съ ужасомъ и омерзеніемъ,—нашего племени; но большинство ихъ—язычники.

— Однако, изгналъ же императоръ Клавдій іудеевъ изъ Рима изъ за ихъ безпокойнаго нрава и страсти бунтовать?

— Это бунтовали не іудеи, цезарь, а, только подъ ихъ именемъ, тѣ же христіане,—народъ безпокойный и непокорный. Тридцать лѣтъ тому назадъ, при Понтіи Пилатѣ былъ распятъ на крестѣ, какъ злодѣй и богохульникъ, ихъ Христосъ, а въ

настоящее время Павелъ изъ Тарса, ихъ главный руководитель и наставникъ.

— Павелъ!—какъ бы что-то припоминая, повторилъ Неронъ.—Не тотъ ли это, котораго, помнится мнѣ, судили какъ-то недавно и оправдали? А, между тѣмъ, на видъ онъ, мнѣ кажется, очень безобидный человѣкъ; и, при этомъ замѣчательно краснорѣчивый, сколько я помню. Къ тому же и Агриппа, и Вереника, и Фестъ, и даже самъ Феликсъ прислали самые лестные о немъ отзывы.

— Всѣ эти люди заклятые недруги садуккеевъ и только вводятъ цезаря въ заблужденіе,—возразилъ первосвященникъ.—Этотъ самый Павелъ—мало того, что онъ постоянно смущаетъ народъ, проповѣдуя противъ нашего священнаго закона,—еще запрещаетъ платить должную подать цезарю и учитъ—поклоняться, какъ царю распятому Іисусу.

— Много нехорошаго объ этихъ христіанахъ слышать случалось не разъ и мнѣ,—поддержала іудея Поппея.—Вотъ они-то и есть настоящіе ненавистники рода человѣческаго, а вовсе не іудеи.

— Если такъ, мнѣ только остается пожалѣть, что этого Павла судъ, оправдавъ, освободилъ,—проговорилъ уже нѣсколько скучающимъ тономъ Неронъ и, потомъ, обратясь къ Тигеллину, приказалъ ему распорядиться, чтобы заключенные въ тюрьмѣ садуккеи въ этотъ же день были бы выпущены изъ-подъ ареста.

Услыхавъ это милостивое приказаніе, и первосвященникъ, и раввинъ низко поклонились императору и, высказавъ ему свою благодарность, удалились.

Лишь только іудеи вмѣстѣ съ Алитуромъ скрылись за дверью, какъ Тигеллинъ, вскочивъ стремительно съ своего мѣста, съ восторгомъ воскликнулъ:

— Іудеи эти подали мнѣ одну блестящую, счастливую мысль! Удивляюсь, лишь, какъ это я самъ до сихъ поръ не додумался до этого!

— Что такое?—спросила Поппея.

— Христіане—вотъ, на кого удобнѣе всего взвалить обвиненіе въ поджогѣ Рима; и съ этой минуты цезарь можетъ смѣло успокоиться, отбросивъ всякія опасенія: милостивые къ намъ боги сами указали намъ на жертву, и въ народѣ прекратятся теперь и ропотъ, и неудовольствіе.

— Безподобная мысль!—одобрилъ Неронъ, но тотчасъ же прибавилъ:—но, гдѣ найти человѣка, который могъ бы сообщить намъ нѣкоторыя необходимыя для этого подробности какъ о нравахъ, такъ и о дѣяніяхъ этихъ самыхъ христіанъ?

— Такія свѣдѣнія можетъ намъ сообщить Алитуръ: онъ, какъ актеръ, вращается постоянно между разнаго рода людьми,—сказала Поппея.

Едва успѣвшій покинуть дворецъ, Алитуръ немедленно былъ потребованъ обратно къ цезарю и, отвѣчая на вопросъ, что знаетъ онъ о христіанахъ, не задумываясь, повторилъ всѣ, бывшія въ

ту эпоху въ большомъ ходу, гнусныя клеветы о поклоненіяхъ христіанъ ослу, объ убіеніи младенцевъ, чудовищныхъ оргіяхъ и вакханаліяхъ, и непримиримой ненависти къ людямъ; — клеветы, не разъ слышанныя имъ въ различныхъ слояхъ римскаго общества.

— Но, можетъ быть, у нихъ есть друзья и доброжелатели среди плебеевъ,—освѣдомился Тигеллинъ.

— Наврядъ-ли,—отвѣтилъ Алитуръ.—Народъ ихъ ненавидитъ, видя въ нихъ заклятыхъ враговъ всякихъ увеселительныхъ зрѣлищъ, удовольствій и, особенно, игръ гладіаторскихъ. Вдобавокъ, они успѣли въ порядочной степени возстановить противъ себя народъ тѣмъ нескрываемымъ отвращеніемъ, съ какимъ отворачиваются, проходя мимо нашихъ храмовъ; да и, вообще, своею угрюмостью и рѣзкою грубостью они составили давно себѣ репутацію людей, способныхъ на всяческія преступленія.

— Избавиться отъ такихъ ненавистниковъ людей и боговъ было бы очень недурно, замѣтилъ Тигеллинъ и, обратясь къ Алитуру, предложилъ ему слѣдующій вопросъ: А какъ ты полагаешь, мой другъ, Алитуръ, ужъ не они ли настоящіе виновники послѣдняго пожара?

— Это болѣе чѣмъ вѣроятно, — отвѣтилъ Алитуръ; — мнѣ не разъ разсказывали, будто въ своихъ собраніяхъ часто они толкуютъ о томъ, что весь міръ будетъ преданъ огню.

— Не лишено, мнѣ кажется, нѣкоторой знаменательности и то странное обстоятельство, что наименѣе пострадавшею отъ огня частью города какъ разъ оказалась зарѣчная, гдѣ живетъ большинство ихъ.

— Прекрасно! Все это указываетъ намъ, что подозрѣнія римлянъ въ поджогѣ Рима должны быть направлены въ эту сторону.— сказалъ Неронъ. — Но какъ ихъ уличить? Гдѣ найти показанія противъ нихъ? Свидѣтелей?

— Это сдѣлать трудно, цезарь. Они собираются украдкою въ самыхъ потаенныхъ мѣстахъ и, къ тому же, всегда принимаютъ всевозможныя мѣры къ огражденію себя отъ опасности быть накрытыми.

— Однако, нельзя ли будетъ тебѣ, Алитуръ, какъ-нибудь проникнуть въ ихъ собраніе и тамъ постараться подкупить нѣсколько человѣкъ?

— Я готовъ попытаться, если такова воля моего цезаря, — отвѣтилъ Алитуръ,—и, конечно, приложу всѣ усилія, чтобы сдѣлать ему угодное.

— Да, оборудуй это дѣло, Алитуръ, и щедрый даръ будетъ тебѣ наградою за твое усердіе, — сказалъ Неронъ. — Ты знаешь, арфисту Менекрату я подарилъ цѣлое состояніе сенатора, гладіатора Специлла наградилъ роскошнымъ помѣстьемъ одного консула, подарилъ домъ въ Римѣ и загородную виллу ростовщику Панеросу, слѣдовательно, тебѣ должно быть не безъизвѣстно, какъ щедро награждаетъ цезарь тѣхъ, кто усердно ему служитъ.

Послѣ рѣчи Лина, къ собранію обратился другой изъ пресвитеровъ, по имени Клэтъ, и сказалъ слѣдующее: «Сейчасъ предупредилъ васъ нашъ наставникъ и отецъ Линъ, что дни тяжелые близятся. И, въ самомъ дѣлѣ, уже начинаютъ ходить темные слухи, будто недавній страшный пожаръ—дѣло нашихъ рукъ. Кто могъ распустить такую клевету—этого нельзя знать; но, всѣмъ вамъ, братья мои, хорошо извѣстно, что всѣ мы скорѣе бы рѣшились принять муки самой лютой смерти, чѣмъ пойти на такое чудовищное злодѣяніе. Но, мало поможетъ намъ передъ судилищемъ язычниковъ наша невинность, и не тронутся жалостью къ намъ сердца нашихъ недруговъ въ этомъ Вавилонѣ. Со всѣмъ тѣмъ мы не убоимся, хотя бы и цѣлыя тьмы ненавистниковъ ополчились на насъ: мы твердо вѣруемъ и уповаемъ, что Тотъ, Кто послалъ Своего ангела къ ввергнутымъ въ разожженную печь тремъ отрокамъ, Кто спасъ Даніила отъ пасти львовъ и Іону во чревѣ кита, Тотъ не покинетъ и насъ. Возблагодаримъ Бога, который помогъ благовѣстителю нашему Павлу выйти изъ заточенія и уѣхать, не подозрѣвая грядущихъ на насъ гоненій и нашихъ скорбей, вѣдь иначе онъ не покинулъ бы насъ въ тяжелую годину бѣдствій. Въ эту же минуту на пути къ намъ находится тотъ ученикъ, котораго любилъ Христосъ, и этотъ возлюбленный словомъ своимъ ободритъ насъ и будетъ намъ вѣрной опорой».

Послѣ рѣчи Клэта, Линъ, воздѣвъ руки къ небу, благословилъ свою паству во имя Отца и Сына и Духа Святаго, и богомольцы, кто по парно, кто втроемъ, а кто по одиночкѣ, начали, постепенно, расходиться тѣми же потаенными тропинками и темными закоулками, какими пришли.

Предшествуемый Филетомъ, Алитуръ возвращался домой, чувствуя, какъ горѣло въ немъ сердце. Онъ явился въ собраніе христіанъ съ злымъ намѣреніемъ предать ихъ, въ угоду ихъ гонителямъ, казнямъ и лютымъ пыткамъ; уходя же отъ нихъ, былъ весь охваченъ какимъ-то, невѣдомымъ для него, чувствомъ благоговѣйнаго умиленія передъ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ среди нихъ. О, какъ были лжи вы тѣ гнусные вымыслы о нихъ, которымъ онъ легкомысленно придавалъ столько вѣры! Эти люди, которыхъ клеймили безстыдными клеветами, въ ненависти къ которымъ сходились люди самыхъ противоположныхъ убѣжденій и правилъ, патрицій съ плебеями, о которыхъ послѣдніе отброски форума говорили не иначе, какъ о каннибалахъ, отъ явленныхъ злодѣяхъ и чудовищахъ всякаго разврата,—эти люди были чисты, непорочны, были праведниками. И, какими безсодержательными, искусственными и несостоятельными показались Алитуру доктрины и теоріи различныхъ философскихъ школъ, въ сравненіи съ простотою, ясностью и полнотою того ученія, которое проповѣдывали эти, лишенныя даже покровительства закона, отверженцы общества. Даровитый актеръ, красавецъ и всеобщій любимецъ римской публики, Алитуръ бывалъ нерѣдко приглаша-

емъ въ дома тѣхъ и другихъ богатыхъ патриціевъ, гдѣ не могъ не сколько замѣтить пустоты, томительной скуки и духовной неудовлетворенности прикрывали собой роскошь и блескъ богатой обстановки. Да, и самъ онъ, развѣ не постигъ давно всей суеты той опьяняющей славы, которая гремѣла въ восторженныхъ рукоплесканіяхъ безчисленныхъ поклонниковъ его таланта? Увлеченный въ водоворотъ свѣтскихъ удовольствій и порока съ юныхъ лѣтъ, Алитуръ, однако, сознавалъ порою всю страшную пустоту своей жизни и тяжелымъ бременемъ казалась ему подчасъ самая жизнь, за предѣлами которой видѣлъ онъ одинъ лишь могильный мракъ. Но, въ этотъ вечеръ идеалъ нравственной чистоты предсталъ передъ его духовнымъ окомъ въ новомъ свѣтѣ, въ какомъ-то неземномъ сіяніи, и жгучее раскаяніе охватило всего его.

Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ онъ ожидалъ наступленія дня слѣдующаго собранія христіанъ, но, уже не съ тою цѣлью, чтобы пріобрѣсти противъ нихъ такія показанія и улики, которыя могли бы послужить поводомъ къ различнымъ гоненіямъ на нихъ, а, скорѣе съ тою цѣлью, чтобы пріобрѣсти возможность быть имъ полезнымъ и сдѣлать все, что только было въ его власти, для избавленія ихъ отъ грозившей имъ бѣды. Сверхъ того, душа его жаждала услышать еще разъ кроткія слова любви и утѣшенія, увидать того, котораго Клэтъ назвалъ любимымъ ученикомъ Христа, узнать побольше о Томъ, Кому съ такимъ набожнымъ энтузіазмомъ поклонялись эти новые люди, постичь, въ чемъ заключался источникъ зажженной Имъ надежды,—того душевнаго мира и той праведности, которые Онъ сдѣлалъ доступными не для однихъ только умственно развитыхъ людей, но и для всякаго бѣдняка, для каждаго раба, для послѣдняго изъ отверженныхъ.

Находясь всецѣло подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онъ вынесъ изъ общества христіанъ, Алитуръ съ ненавистью смотрѣлъ всѣ эти дни на свою дѣятельность пантомима, и, эта обязанность, въ качествѣ законтрованнаго актера ежедневно выставлять свою особу, красоту и пластичность позъ и движеній на показъ толпѣ, была для него отвращеніемъ и пыткою. Возвратясь въ одинъ изъ такихъ дней домой, усталый физически, но, еще болѣе, нравственно разбитый, онъ въ отчаяніи повалился на свое ложе и, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, горько заплакалъ. Но, какъ разъ въ это время къ нему вошелъ слуга и доложилъ, что его требуетъ къ себѣ цезарь, и бѣдный Алитуръ, волею-неволею, долженъ былъ встать, облачиться въ придворный костюмъ и, принявъ свой обычный, безпечно — веселый видъ, явиться къ императору. Когда онъ вошелъ въ кабинетъ Нерона, этотъ послѣдній, съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ сталъ засыпать его вопросами относительно дѣла, затѣяннаго имъ противъ христіанъ, и, спросилъ, между прочимъ, удалось

ли ему, наконецъ, проникнуть въ потаенные притоны ихъ сходокъ и собрать противъ нихъ какія-либо улики.

— Нѣтъ, цезарь, уликъ противъ нихъ я, пока еще, никакихъ собрать не могъ,—отвѣтилъ Алитуръ;—и, хотя, мнѣ и удалось дня три тому назадъ побывать въ ихъ собраніи, тѣмъ не менѣе, тамъ я не слыхалъ и не замѣтилъ ничего такого, въ чемъ можно было бы усмотрѣть, хотя бы малѣйшую тѣнь чего-либо противозаконнаго, и я склоненъ думать, что все, что случалось мнѣ про нихъ слышать и что я со словъ другихъ такъ легкомысленно передавалъ цезарю,—однѣ лишь глупыя выдумки народа и чистѣйшая клевета.

— Они хитры, Алитуръ мой, эти христіане,—замѣтилъ Неронъ своему любимцу.—Поппея слышала про нихъ самые дурные отзывы. Но, какъ непосвященный въ ихъ гнусныя тайны, ты, разумѣется, не могъ сразу разглядѣть ихъ и понять, что они за люди въ въ дѣйствительности.

— Да и какое намъ, въ сущности, дѣло, кто они?—вмѣшался Тигеллинъ,—Для насъ важно имѣть на лицо какихъ-либо злодѣевъ, на которыхъ можно-бы было указать, какъ на поджигателей Рима, а для этого что же для насъ можетъ быть болѣе подходящимъ чѣмъ эта угрюмая, человѣконенавистная и тьмою порожденная секта, какъ гнойная язва, противная народу? Во всякомъ случаѣ, истребленіе этихъ людей было бы немаловажною заслугою въ глазахъ всего римскаго общества.

— Бѣдняги!—съ тяжелымъ вздохомъ проговорилъ Алитуръ.—Право, мнѣ какъ-то жаль причинять имъ еще болѣе зла, чѣмъ я уже причинилъ своею необдуманностью.. Все-таки, я приложу всѣ свои усилія, чтобы разузнать о нихъ подробнѣе, и, можетъ быть, въ скоромъ времени буду въ состояніи сообщить цезарю нужныя ему свѣдѣнія.

— Нашъ несравненный Алитуръ начинаетъ, какъ кажется, слегка вилять,—осторожно замѣтилъ Тигеллинъ императору, какъ только ушелъ пантомимъ.—Не надо забывать, что по своему происхожденію онъ все же іудей, а теперь въ довершеніе, видимо, проникнутъ малодушною жадностью къ этимъ людямъ.

— Поппея, увѣряла, однакожъ, будто іудеи питаютъ къ христіанамъ еще болѣе ненависти, чѣмъ мы,—возразилъ Неронъ.

— Однако, корень той и другой ереси одинъ и тотъ же, въ этомъ цезарь можетъ быть вполнѣ увѣренъ.—Впрочемъ я попытаюсь самъ развѣдать, гдѣ находятся притоны тайныхъ сходокъ этихъ христіанъ, такъ какъ, не могу скрыть отъ цезаря, что необходимость успокоить народъ съ каждымъ днемъ становится настоятельнѣе.

Глава XIII.

Дня черезъ два за Алитуромъ опять зашелъ Филетъ, чтобы служить ему еще разъ проводникомъ въ собраніе христіанъ и, при этомъ, сообщилъ пантомиму, что христіане, узнавъ, что имъ грозитъ близкая опасность, рѣшили собраться на этотъ разъ въ другой копи близъ Апіевой дороги, тѣмъ болѣе, что собранію богомольцевъ, въ виду пріѣзда въ Римъ Іоанна, одного изъ двѣнадцати учениковъ самаго Христа, предстояло быть многочисленнѣе обыкновеннаго. Зная по опыту, что Филетъ—одинъ изъ тѣхъ людей, которые всегда и при всякихъ обстоятельствахъ готовы за деньги продать свою честь и совѣсть, продать и недруга, и друга, старался избѣгать по возможности всякихъ съ нимъ разговоровъ на счетъ христіанъ, но въ душѣ далъ себѣ слово приложить всѣ старанія, чтобы какъ-нибудь, незамѣтнымъ образомъ, предупредить христіанъ о готовившихся противъ нихъ козняхъ, успѣху которыхъ, въ своемъ полномъ невѣдѣніи что это за люди, онъ самъ вызвался способствовать.

Богослуженіе состояло изъ такихъ же молитвъ и гимновъ, и было совершено, въ томъ же порядкѣ, приблизительно, какъ и въ тотъ вечеръ, когда Алитуръ впервые посѣтилъ собраніе христіанскаго братства. Небольшое разстояніе отдѣляло теперь Алитура отъ группы пресвитеровъ, среди которыхъ находился Іоаннъ. Съ глубокимъ благоговѣніемъ и, какъ будто, съ нѣкоторымъ даже страхомъ взирали на апостола окружавшіе его братья христіане. Іоаннъ казался грустенъ и задумчивъ; и было что-то строгое въ сосредоточенномъ выраженіи его красивыхъ, безконечно добрыхъ глазъ, пока онъ смотрѣлъ съ такою любовью на собравшуюся здѣсь братію. И, не мудрено: въ этотъ день Іоанну пришлось, проходя по обгорѣлымъ улицамъ Рима, видѣть не одну картину крушенія—груды развалинъ, черные отъ копоти и дыма остатки тамъ и тутъ торчавшихъ стѣнъ; слышать плачъ и скорбныя жалобы цѣлыхъ сотенъ бѣдняковъ, кое-какъ ютившихся въ убогихъ временныхъ лачугахъ, на-скоро сколоченныхъ на Марсовомъ полѣ; а, пока онъ стоялъ въ глубокомъ раздумьи и полный страданія къ несчастнымъ передъ одной изъ полу-обгорѣлыхъ колоннъ на Авентинѣ, мимо него на серебряныхъ носилкахъ пронесли Нерона, который, небрежно развалясь на пурпуровыхъ подушкахъ, смѣялся безпечно, потѣшаясь грязными остротами и циничными шутками сопровождавшихъ его льстецовъ и фаворитовъ. Жгучимъ негодованіемъ къ безсердечному деспоту воспылала душа кроткаго Іоанна, и теперь, обратясь къ собранію съ рѣчью, онъ говорилъ вдохновеннымъ, образнымъ и мощнымъ языкомъ библейскихъ пророковъ. Алегорію—впослѣдствіи увѣковѣченною имъ въ его откровеніи—говорилъ онъ о звѣрѣ, выходившемъ изъ глубины морской съ богохульнымъ именемъ на головѣ; люди поклонялись этому звѣрю и говорили: «Кто подобенъ звѣрю сему? и кто можетъ сразиться съ нимъ?» Въ живыхъ краскахъ описалъ онъ горе и скорбь народа; говорилъ и о той войнѣ, какую дано будетъ вести этому звѣрю со святыми, и о томъ, что онъ побѣдитъ ихъ, а также и о возмездіи, что воспослѣдуетъ, и о безумной ярости народовъ противъ Того, Который есть, былъ и всегда будетъ.

Голосъ апостола замолкъ. Священный трепетъ охватилъ слушателей; и, вдругъ, всѣ эти люди, павъ ницъ, зарыдали какъ одинъ человѣкъ. Зарыдалъ и Алитуръ. Тогда Іоаннъ, полный сострадания еще разъ обратился къ нимъ съ рѣчью: «Не кручиньтесь такъ, дѣти мои возлюбленныя,—сказалъ онъ,—и не расходитесь по домамъ съ сердцемъ, полнымъ скорби и печали. Я предвижу, что для многихъ изъ васъ уже готовится вѣнецъ мученій, суждено вамъ принять кому истязанія и пытки, кому лютую смерть. Избавленіе стало невозможнымъ: между нами есть предатель. Есть здѣсь еще и другой человѣкъ, хотя, и не предатель, но имѣвшій намѣреніе стать намъ открытымъ врагомъ». При этихъ словахъ апостола сердце Алитура замерло. — «Но, — продолжалъ Іоаннъ, Божья благодать коснулась грѣшника, и онъ раскаялся, и, хотя не скоро, но будетъ спасенъ. А теперь, дѣти мои, совершите ваши обычныя приношенія Господу и въ пользу неимущей братьи, ибо между вами изрядное есть число такихъ, которыхъ жены вскорѣ будутъ вдовами и дѣти сиротами, и какъ тѣхъ, такъ и другихъ братство должно будетъ взять на свое попеченіе. Но, говорю всѣмъ вамъ, какъ сказалъ нашъ Господь въ ту ночь, когда былъ преданъ: «Да не смущается сердце ваше»,—и да будетъ новая заповѣдь Его «любите другъ друга» прощальнымъ словомъ моимъ къ вамъ».

Послѣ сбора, во время котораго богомольцы пѣли хоромъ священный гимнъ, между тѣмъ какъ дьяконы обходили ихъ ряды, принимая посильную лепту каждаго, Линъ обратился къ своей паствѣ со словами: «Возлюбленные братья мои, времена настали тяжелыя для насъ и знать, гдѣ и когда разразится надъ нами гроза, мы не можемъ. Но, если будетъ на то воля Божья, то черезъ три дня и опять здѣсь же мы снова соберемся для духовнаго общенія и еще разъ послушаемъ слово нашего благовѣстителя».

Принявъ благословеніе, собраніе стало расходиться; снова словно таинственныя привидѣнія, скрылись богомольцы, сливаясь одинъ за другимъ съ ночною темнотою.

Не уходилъ одинъ Алитуръ. Отпустивъ Филета подъ предлогомъ, что для нихъ будетъ безопаснѣе, если они пойдутъ двумя различными дорогами, онъ остался около самой копи въ ожиданіи выхода пресвитеровъ, которые должны были сопровождать Іоанна до дома пресвитера Лина.

— Выслушай меня, учитель,—подойдя къ апостолу, проговорилъ онъ на іудейскомъ нарѣчіи, своемъ родномъ языкѣ, еще не совсѣмъ позабытомъ имъ среди язычниковъ;—я долженъ сообщить тебѣ одно важное дѣло. Имя мое...

— Я знаю, мой сынъ, кто ты,—прервалъ его Іоаннъ на томъ

же діалектѣ.—Дитя Авраама по своему рожденью, ты исчадіе сатаны по образу жизни. Да, плачь, дитя мое, ибо безчисленны грѣхи твои; но и возрадуйся, ибо, какъ головня, ты будешь вырванъ изъ пламени.

— Не имѣлъ я понятія до сихъ поръ о настоящемъ ученіи христіанъ, благовѣститель,—проговорилъ съ трепетомъ Алитуръ,—и никогда еще не слыхалъ я имени Христа иначе, какъ съ изумленіемъ. Но отнынѣ, убѣжденный въ истинѣ Его святаго ученія, я прозрѣлъ и понялъ, что въ немъ сосудъ новой жизни—въ немъ обновленіе обветшавшаго міра. Слѣпой въ моемъ невѣдѣніи, что за люди христіане, я самъ по легкомыслію вызвался способствовать тѣмъ кознямъ, которыя готовятъ имъ ихъ враги. Но теперь я готовъ сдѣлать все, что только могу, чтобы спасти ихъ; ты же въ твоей премудрости руководи мною и научи.

— Да простится тебѣ грѣхъ, совершенный по невѣдѣнію, сынъ мой; но спасти насъ ты не можешь: это свыше твоихъ силъ. Тѣмъ не менѣе приложи ревностное усердіе на это, и да будетъ Господь тебѣ помощникомъ.

— Благослови меня, отецъ; такъ какъ болитъ душа моя, изнывая отъ печали.

— Да будетъ съ тобою миръ и благодадать Господа нашего Іисуса Христа. Онъ не отвергнетъ отъ Себя грѣшника, раскаявшагося и возненавидѣвшаго свой грѣхъ.

На слѣдующій день, рано утромъ, Алитуръ поспѣшилъ во дворецъ, чтобы получить аудіенцію у императора. Неронъ который въ то время бывалъ всегда очень радъ видѣть своего любимаго пантомима, принялъ его очень благосклонно. Но не веселъ, противъ своего обыкновенія, былъ на этотъ разъ красавецъ Алитуръ, который, войдя въ кабинетъ, со слезами повергся къ ногамъ цезаря.

— Что случилось съ моимъ веселымъ пантомимомъ? — спросилъ его Неронъ. — О комъ эти слезы? Уже не опять ли что-нибудь на счетъ этихъ несносныхъ христіанъ?

— Пощади ихъ, цезарь! умоляю тебя, пощади! Я убѣдился, что они невинны какъ агнцы, и что нѣтъ у моего императора подданныхъ болѣе добродѣтельныхъ.

— Добродѣтельныхъ!—засмѣялся Неронъ,—вздоръ одинъ, милый Алитуръ, или же одно лицемѣріе эта многопрославляемая добродѣтель. Мнѣ въ жизни искусство нужно, нужны удовольствія и наслажденія, а этимъ глупымъ фанатикамъ хотѣлось бы задушить всякое веселье въ жизни, вычеркнуть изъ нея всякое наслажденіе—стереть съ лица земли культъ Венеры и веселаго Вакха.

— Не захочетъ же однако, мой возлюбленный цезарь предать пыткамъ и смерти людей невинныхъ?

— Какъ это невинныхъ?! — воскликнулъ Неронъ. — Всѣ они, отъ перваго и до послѣдняго, — или заговорщики, или колдуны, или убійцы и всѣ безъ исключенія ненавистники общества и его благосостоянія.

— Всѣ эти слухи о нихъ—одна чистѣйшая клевета, цезарь!—въ отчаяніи воскликнулъ Алитуръ.—Я и самъ раздѣлялъ такое общераспространенное мнѣніе о нихъ,—вѣрилъ безстыднымъ, ни на чемъ не основаннымъ выдумкамъ; но я видѣлъ теперь ихъ, слышалъ ихъ ученіе и убѣдился, что все это одна безумная болтовня невѣжественныхъ массъ.

— Но, во всякомъ случаѣ, они фанатики — люди угрюмые и упрямые—и вмѣстѣ съ тайною ересью своей являютъ собою одну изъ самыхъ больныхъ и нечистыхъ язвъ современнаго общества. Въ виду этого бросимъ этотъ разговоръ. И почему это вдругъ вздумалось моему веселому красавцу Алитуру стать такимъ ревностнымъ и горячимъ заступникомъ этихъ презрѣнныхъ поклонниковъ какого-то несчастнаго плута, распятаго на крестѣ по приказанію Пилата? Какое можетъ быть дѣло жрецу искусства и общему любимцу всего Рима какъ до гнусной ереси этихъ людей, такъ и до ихъ участи? Вдобавокъ ты самъ знаешь, Алитуръ, что успокоить враждебное настроеніе ко мнѣ плебеевъ крайне необходимо; а чѣмъ, скажи, могу я достичь это лучше, какъ не предоставивъ черни какихъ-либо жертвъ на растерзаніе?

— Цезарю было бы не особенно трудно найти настоящихъ виновниковъ пожара,—они стоятъ, можетъ быть, гораздо ближе къ императору, чѣмъ эти бѣдные христіане.

— Берегись, какъ бы не услыхалъ тебя Тигеллинъ: вѣдь, будетъ плохо, тебѣ не сдобровать; придется, пожалуй, познакомиться съ tunicae molestae и оставить послѣ себя слѣды горячей смолы на аренѣ амфитеатра. Выкинь-ка лучше дурь изъ головы. А теперь мы прекратимъ этотъ разговоръ: онъ не веселъ, твои представленія забавнѣе.

Въ это время въ кабинетъ цезаря вошла Поппея, и Алитуръ поспѣшилъ удалиться. Проходя корридоромъ, онъ въ отчаяніи повторялъ, ломая себѣ руки: «Поздно! поздно!»—и поклялся никогда болѣе ни словомъ, ни дѣломъ не вредить христіанамъ, предоставивъ врагамъ ихъ дѣйствовать безъ его помощи и содѣйствія.

Но—увы!—ни въ дальнѣйшихъ сообщеніяхъ, ни въ услугахъ Алитура Тигеллинъ болѣе не нуждался. Провѣдавъ чрезъ своихъ шпіоновъ—а ихъ было у него пропасть—о сборномъ пунктѣ и днѣ ближайшаго собранія, онъ со всѣхъ сторонъ раскинулъ свои коварныя сѣти. Ничего этого не подозрѣвалъ Алитуръ, и въ назначенный день и часъ явился въ собраніе, но на сей разъ уже одинъ, безъ Филэта... Богослуженіе кончилось, и апостолъ Іоаннъ обратился къ братьямъ съ рѣчью; но не успѣлъ онъ окончить своего увѣщетельнаго слова, какъ вдругъ толпа юношей и отроковъ, стоявшихъ на стражѣ у входа въ подземелье, растерянная вбѣжала въ собраніе съ крикомъ: «Спасайтесь, братья, преторіанцы идутъ!» и принялась торопливо тушить лампы. Но едва только успѣли юноши

предостеречь братью, какъ слѣдомъ за ними въ ряды богомольцевъ уже ворвалась цѣлая ватага легіонеровъ съ обнаженными мечами. Мигомъ погасли факелы и всѣ лампады, и многіе изъ братьевъ, ища спасенія, укрылись въ темнотѣ въ различныхъ подземныхъ развѣтвленіяхъ песчаной копи,—то было первое начало катакомбъ. Въ темнотѣ и общей свалкѣ сбито было съ ногъ нѣсколько человѣкъ христіанъ, однакожъ, при этомъ кровопролитія никакого не было. Вступивъ въ собраніе, сотникъ, предводительствовавшей отрядомъ преторіанцевъ, направился прямо къ тому мѣсту, гдѣ стояла группа пресвитеровъ и, арестовавъ Лина, усѣлся на епископское мѣсто; въ то время какъ одинъ изъ десятниковъ уже схватилъ-было за плечо апостола. Увидавъ это, Алитуръ, подчиняясь невольному движенію, ринулся впередъ; но пока онъ пробирался чрезъ толпу богомольцевъ и легіонеровъ, спѣша на помощь къ Іоанну, одинъ исполинскаго роста могильщикъ, на которомъ была обязанность высѣкать могилы для почившихъ братьевъ, успѣлъ уже схватить десятника за руку и отстранить отъ Іоанна; тѣмъ временемъ пресвитеръ Клэтъ быстро взялъ апостола за руку и увлекъ за собою по одному изъ извилистыхъ подземныхъ проходовъ, которымъ они и вышли изъ копи вмѣстѣ съ послѣдовавшими за ними Алитуромъ. Здѣсь, укрывшись втроемъ въ одномъ изъ ближайшихъ виноградниковъ, они долго ждали, раньше чѣмъ отрядъ преторіанцевъ, покинувъ копь съ захваченною имъ толпою христіанъ, не скрылся въ ночной темнотѣ.

— Куда намъ идти теперь и гдѣ найти безопасное для тебя убѣжище, отецъ!—воскликнулъ Клэтъ.—Предложить тебѣ пріютъ у себя я—увы!—не могу: вольноотпущенникъ сенатора Нервы я поэтому живу въ его домѣ, гдѣ жизнь твоя будетъ въ большей опасности, чѣмъ гдѣ-либо.

— Пойдемъ со мною, о, отецъ мой, и я укрою тебя въ моемъ домѣ,—обратился Алитуръ къ Іоанну.—Я еще не христіанинъ, а лишь жалкій и презрѣнный гистріонъ. Но довѣрься мнѣ и повѣрь, что въ моемъ домѣ твоя жизнь будетъ въ большей безопасности, чѣмъ во всякомъ другомъ домѣ въ Римѣ. Оставайся у меня и будь моимъ гостемъ желаннымъ, пока не представится тебѣ возможность уѣхать обратно въ Кессарію.

— Я вѣрю тебѣ, сынъ мой, и не колеблясь довѣряюсь тебѣ; веди же меня въ свой домъ,—сказалъ апостолъ.

И сынъ Заведеевъ провелъ эту ночь подъ кровомъ римскаго пантомима Алитура. Но сонъ въ эту ночь ни на минуту не смежилъ вѣкъ кроткаго и любвеобильнаго Іоанна; всю ночь простоялъ онъ на колѣняхъ, принося пламенную молитву за братьевъ: наступило время великихъ смятеній и началось первое гоненіе на христіанъ.

Глава XIV.

Почти двѣ тысячи арестованныхъ христіанъ—мужчины, женщины и даже дѣти—были размѣщены немедленно въ различныхъ правительственныхъ тюрьмахъ, вскорѣ послѣ чего, вмѣсто всякихъ допросовъ, ихъ подвергли цѣлому ряду мучительныхъ пытокъ и истязаній, при которыхъ присутствовалъ неизмѣнно, съ нескрываемымъ злорадствомъ глумясь всячески надъ несчастными и ихъ страданіями, самъ Тигеллинъ. А между тѣмъ, на слѣдующій-же день послѣ ареста, императоромъ былъ обнародованъ эдиктъ, гласившій, что христіане, какъ уличенные виновники пожара Рима, будутъ преданы примѣрной казни. При этомъ Неронъ, обвиняя послѣдователей ученія Христова въ явномъ покушеніи на общественное благосостояніе, охарактеризовалъ ихъ, какъ тайныхъ враговъ римскаго общества и ненавистниковъ всѣхъ римскихъ боговъ и религіозныхъ обрядовъ римскаго народа, присовокупляя въ заключеніе, что священная обязанность всячески содѣйствовать истребленію этой зловредной секты лежитъ не только на немъ, какъ на вождѣ своего народа, но и на каждомъ изъ его благонамѣренныхъ подданныхъ. Впечатлѣніе, произведенное въ народѣ этимъ эдиктомъ цезаря, было довольно благопріятно въ томъ смыслѣ, что свое озлобленіе противъ цезаря плебеи не замѣдлили перенести на мнимыхъ виновниковъ пожара.

Пресвитеръ Линъ, въ качествѣ старшины римскихъ христіанъ былъ подвергнутъ истязаніямъ въ числѣ первыхъ. Но старецъ, давно уже убѣленный сѣдиной, остался непоколебимо твердъ въ своей вѣрѣ во Христа и, принимая муки различныхъ пытокъ, одна другой безчеловѣчнѣе, все время съ негодованіемъ отвергалъ, какъ грязныя клеветы, взводившіяся на христіанъ, такъ и всякое ихъ сообщничество съ поджигателями Рима, кто бы они ни были. За-мертво унесенный изъ залы пытокъ обратно въ тюрьму, Линъ вскорѣ затѣмъ былъ взятъ оттуда, благодаря подкупу сторожей, женою Авла Плавтія, Помпоніею Грэциною, которая, пріютивъ старца въ своемъ домѣ, долгое время ухаживала за нимъ, лѣча раны, переломы и вывихи членовъ, съ заботливостью сестры милосердія. Но впослѣдствіи Помпонія, съ соблюденіемъ величайшей тайны, перевезла Лина для большей безопасности на одну изъ загородныхъ виллъ своего мужа, гдѣ, искалѣченный навсегда и совершенно разбитый адскими пытками жестокаго Тигеллина, Линъ скончался, какъ и многіе изъ его единовѣрцевъ и сотрудниковъ, мученикомъ Неронова гоненія на христіанъ.

Къ величайшей досадѣ Тигеллина, который присутствуя на этихъ пыткахъ, то краснѣлъ, то блѣднѣлъ отъ злобы, и другія жертвы его коварства выказали не меньше мужества и стойкости; только отъ очень не многихъ, и то исключительно отъ неофи-

товъ и оглашенныхъ, злодѣю удалось исторгнуть пытками кое-какія ничтожныя показанія и имена нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые по различнымъ причинамъ могли исповѣдывать христіанство только въ тайнѣ. Въ числѣ таковыхъ между прочимъ были названы нѣкоторые вольноотпущенники и рабы изъ рода цезаревыхъ рабовъ, а также и изъ домочадцевъ Авла Плавтія; нѣсколько человѣкъ преторіанцевъ, сотникъ Пуденсъ, Андронникъ и Юнія, сродники Павла Тарсянина, Прискиллы и Акилы, пресвитеръ Клэтъ.

Но какъ ни были ничтожны всѣ эти показанія, тѣмъ не менѣе для нещекотливаго въ дѣлахъ чести и совѣсти Тигеллина этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы на основаніи ихъ придумать цѣлый планъ заговора, приписать его христіанамъ, распорядиться о поголовномъ арестѣ ихъ всѣхъ безъ исключенія, объявить каждаго изъ нихъ злоумышленникомъ и государственнымъ измѣнникомъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ такой мѣры явилось переполненіе невинными людьми всѣхъ римскихъ тюрьмъ, гдѣ, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, грязи, неимовѣрной скученности арестантовъ и невообразимо скверной пищи, дававшейся заключеннымъ, скоро появилась тифозная эпидемія, которая, свирѣпствуя съ страшною силою, сопровождались громаднымъ процентомъ смертности.

Въ виду такого обстоятельства, Тигеллинъ принялся настоятельнѣе прежняго совѣтовать Нерону разомъ покончить съ христіанами, предавъ ихъ казни цѣлымъ гуртомъ.

— Римъ и такъ переполненъ народомъ,—уговаривалъ онъ императора,—и содержа на своемъ иждивеніи не одну тысячу пострадавшихъ отъ пожара бѣдняковъ, цезарь въ этомъ числѣ даетъ пріютъ и пищу многимъ сотнямъ христіанъ. Почему-бы цезарю сразу не избавить общество отъ этихъ, всѣми признанныхъ, злодѣевъ—отъ этой гнилой язвы? Люди эти отворачиваются брезгливо отъ нашихъ храмовъ, гнушаются культомъ нашихъ боговъ, и за это ненавидитъ ихъ народъ. Одно уже задержаніе ихъ произвело замѣчательно благопріятную перемѣну въ настроеніи черни, прекративъ массу неудобныхъ и нежелательныхъ толковъ и слуховъ. А въ настоящее время императору слѣдуетъ немедленно издать еще другой эдиктъ и обнародовать о присужденіи злодѣевъ къ смертной казни, имѣющей воспослѣдовать лишь только рѣшенъ будетъ вопросъ, какого рода должна быть эта казнь.

— Ихъ главныхъ вождей я намѣренъ предать какому-нибудь особому, необычайному, наказанію и притомъ первыми,—проговорилъ императоръ.—съ остальными же мы успѣемъ раздѣлаться какъ-нибудь потомъ.

— Ихъ старшина, по имени Линъ, не болѣе какъ простой ремесленникъ, котораго они величаютъ своимъ епископомъ, уже заарестованъ,—сообщилъ Нерону Тигеллинъ,—и наравнѣ съ другими своими единомышленниками былъ подвергнутъ пыткѣ, а въ

настоящее время онъ умираетъ, какъ было мнѣ доложено. Впрочемъ, я надѣюсь въ скоромъ времени нанести этимъ еретикамъ еще болѣе тяжелый и чувствительный ударъ захватомъ одного или двухъ изъ тѣхъ двѣнадцати, которые слывутъ у нихъ апостолами, такъ какъ знаю черезъ своихъ вѣрныхъ агентовъ, что одинъ изъ нихъ по имени Іоаннъ, уже съ нѣкоторыхъ поръ обрѣтается въ Римѣ, между тѣмъ какъ другой, по имени Петръ, находится теперь еще въ дорогѣ на пути къ намъ. Оба они были неразлучными товарищами того распятаго Христа, котораго люди эти признаютъ за бога. Правда, Іоанна за послѣднее время мы потеряли изъ виду; но это ничего ровно не значитъ: не пройдетъ много времени, какъ и онъ и Петръ будутъ въ нашихъ рукахъ.

Тяжелымъ ударомъ для юной церкви римскихъ христіанъ было жестокое гоненіе, воздвигнутое противъ нихъ, чтобы отвести глаза народу и его справедливое—и болѣе чѣмъ понятное озлобленіе противъ поджигателей Рима—перенести съ настоящихъ виновниковъ бѣдствія на людей совершенно невинныхъ въ этомъ смыслѣ. Остававшимся еще пока на свободѣ братьямъ приходилось соблюдать крайнюю осторожность и собираться для молитвы и духовнаго общенія не иначе какъ съ соблюденіемъ самой глубокой и строгой тайны. Очень ревностнаго и полезнаго помощника пріобрѣли они себѣ въ это тяжелое для нихъ время въ лицѣ Алитура. Фаворитъ Нерона, Алитуръ былъ понятно, человѣкъ очень не бѣдный и, имѣлъ между прочимъ подъ самымъ Римомъ, но нѣсколько въ сторону отъ большой проѣзжей дороги Via Salaria, обширную виллу съ садами, виноградниками, рощами, и тѣнистымъ паркомъ, куда на другой же день послѣ ареста христіанъ онъ и поспѣшилъ, для большой безопасности, увезти апостола Іоанна, и гдѣ, поучаемый частыми бесѣдами съ кроткимъ евангелистомъ, вскорѣ самъ увѣровалъ въ истину новаго ученія и примкнулъ къ числу его послѣдователей.

Удѣляя щедрую лепту изъ пріобрѣтенныхъ талантомъ и красотою огромныхъ своихъ богатствъ на облегченіе нуждъ страждущей братіи, Алитуръ предоставлялъ большею частью эти деньги въ полное распоряженіе Іоанна, который, неуклонный въ исполненіи одной изъ важнѣйшихъ обязанностей христіанина, посѣщалъ ежедневно своихъ братьевъ въ ихъ тяжеломъ заточеніи и тамъ поручалъ раздачу приносимыхъ имъ денегъ, которыми, кромѣ Алитура, снабжала его въ порядочномъ количествѣ и Помпонія Грэцина, содержавшимся въ заключеніи пресвитерамъ и дьяконамъ. Такое ежедневное посѣщеніе братьевъ-узниковъ было сопряжено, какъ хорошо зналъ апостолъ, съ значительною для него опасностью въ свою очередь лишиться свободы. Въ виду этого онъ предупредилъ Алитура, что если онъ когда-нибудь не вернется къ вечеру на виллу, то изъ этого будетъ слѣдовать, что онъ на-

ходится въ заточеніи. И дѣйствительно, шпіоны и развѣдчики Тигеллина не замедлили признать въ этомъ усердномъ посѣтителѣ заключенныхъ христіанъ того, кого такъ старательно розыскивали, и тутъ же, въ одной изъ тюремъ, арестовали его. Но за отсутствіемъ свободнаго помѣщенія въ другихъ римскихъ тюрьмахъ апостола Іоанна заключили подъ сырые своды высѣченной въ скалѣ Мамертинской темницы.

Здѣсь, во все время его заточенія, апостола навѣщала постоянно жена Авла Плавтія, давно въ тайнѣ воспріявшая св. крещеніе и съ перваго же дня арестовъ христіанъ обходившая, свято исполняя долгъ христіанскаго милосердія, различныя тюрьмы и казематы, въ которыхъ содержались ея новые единовѣрцы. Помпоніи былъ чуждъ всякій страхъ за себя лично, и если она доселѣ не рѣшалась открыто исповѣдывать свою вѣру во Христа, то дѣлала это единственно изъ нежеланія навлечь этимъ гоненія не только на себя, но и на мужа. Но теперь, въ виду всѣхъ арестовъ, пытокъ, безчеловѣчныхъ истязаній и предстоящихъ казней своихъ братьевъ во Христѣ, она рѣшилась, въ случаѣ ее арестуютъ за горячее участіе къ страдальцамъ, не колеблясь объявить, что и она христіанка. Возмутительное убійство ея сына, юнаго Авла, возбудивъ общее негодованіе среди людей, которые сохранили еще нѣкоторое благородство души, наполнило сердца ихъ непритворной жалостью къ бѣдной матери; и одинъ за другимъ они поспѣшили выразить ей свое соболѣзнованіе и горячее участіе; Помпонія была увѣрена. что эти люди во всякое время будутъ готовы принять ея сторону и по возможности защитить ее; что же касается простыхъ бѣдныхъ людей, то эти давно уже чуть ли не молились на нее за ея безконечную доброту къ нимъ, теплое участіе и постоянную готовность помочь имъ щедрыми подаяніями.

Какъ-то во время посѣщенія одной изъ главныхъ тюремъ. Помпонія встрѣтилась тутъ съ Тигеллиномъ, который совершалъ въ сопровожденіи многочисленнаго отряда преторіанцевъ свой ежедневный обходъ арестантовъ, при чемъ съ нескрываемымъ злорадствомъ наслаждался зрѣлищемъ страданій своихъ жертвъ. Увидавъ жену Авла Плавтія, онъ отвѣсилъ ей преувеличенно низкій поклонъ съ явною насмѣшкою, на что Помпонія отвѣтила лишь чуть замѣтнымъ движеніемъ головы и поспѣшила пройти дальше. Но Тигеллинъ остановилъ ее, замѣтивъ:

— Посѣщать грязныя тюрьмы прекрасная Помпонія не гнушается;—но подарить чуднымъ взглядомъ своихъ плѣнительныхъ глазъ бѣднаго, презираемаго ею, префекта преторіанскихъ когортъ она находитъ, какъ видно, ниже своего достоинства.

— Помпонія не привыкла къ льстивымъ рѣчамъ и пустому фразерству,— отвѣтила ему строго римлянка.—Презрѣнія къ префекту она не питаетъ; но при этомъ не скроетъ отъ него, если ему угодно будетъ выслушать ея искреннее мнѣніе, что между его подчиненными найдется достаточно простыхъ рядовыхъ, которыхъ уважаетъ она гораздо больше, чѣмъ уважаетъ его.

Тигеллинъ поблѣднѣвъ отъ злости, вскинулъ на Помпонію взглядъ, полный ядовитой ненависти.

— Какъ бы не пришлось надменной супругѣ Авла Плавтія самой переселиться въ ту или другую изъ тюремъ. Не даромъ же, надо думать, ходятъ слухи, что она такая же христіанка, какъ и тѣ, которыхъ навѣщаетъ такъ усердно, и, слѣдовательно, заслуживаетъ одинаковой съ ними участи.

— Такой участи, какъ ихъ, я заслуживаю такъ же мало, какъ и они,—отвѣтила Помпонія; – и кто же можетъ знать лучше самого Тигеллина, что эти люди совершенно невиновны въ томъ, въ чемъ ихъ обвиняютъ и за что такъ жестоко истязаютъ. Но какъ бы то ни было, все же жизнь этихъ людей, такихъ же какъ и моя, въ рукахъ не префекта, а Того, Кто даровалъ намъ эту жизнь,—и съ этими словами Помпонія прошла дальше, даже не взглянувъ на Тигеллина.

Въ надеждѣ добиться нѣкотораго смягченія участи приговоренныхъ къ смертной казни христіанъ, Помпонія рѣшилась сдѣлать двѣ-три попытки заинтересовать въ ихъ пользу нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ, близко стоявшихъ къ императору, и для этого обратилась прежде всего къ Сенекѣ, какъ къ старинному другу своего мужа. Но—увы!—полнѣйшій индиферентизмъ къ участи христіанъ—вотъ все, чѣмъ встрѣтилъ просьбы Сенека, очень рѣшительно отклонивъ отъ себя всякое ходатайство за нихъ передъ императоромъ. Къ тому же философъ находился и самъ въ очень угнетенномъ состояніи духа.

— Повѣрь мнѣ, дорогая Помпонія, что, еслибъ я даже и согласился—изъ желанія сдѣлать тебѣ пріятное—просить за нихъ Нерона, все равно моя просьба ни къ чему бы не привела. Я и самъ волочу остатокъ дней моихъ съ Дамокловымъ мечемъ всегда надъ моею головою, и если я еще живъ и говорю съ тобою въ эту минуту, то это благодаря лишь тому обстоятельству, что Клеонику, моему вольноотпущеннику, котораго на это дѣло подкупилъ Неронъ, не удалось до сихъ поръ отравить меня, потому что кромѣ плодовъ прямо съ дерева, я ни чего не ѣмъ, и, кромѣ воды ключевой, ничего другого не пью. И такъ, изъ этого ты можешь заключить, что, не взирая на громадныя богатства, не взирая на высокое положеніе, назвать себя человѣкомъ счастливымъ я не могу, и увѣряю тебя, что на меня находятъ нерѣдко такія минуты, въ которыя я готовъ согласиться, что мы—люди и въ самомъ дѣлѣ не болѣе какъ жалкія игралища боговъ, какіе бы они тамъ ни были.

— Бѣдный другъ Сенека! Мнѣ жаль тебя,—проговорила Помпонія.—Въ безвѣріе и мрачную безнадежность впалъ ты! И все это потому, что обветшалъ, переживъ свое время, культъ боговъ лживыхъ, кумировъ бездушныхъ, глупыхъ и ребяческихъ миѳовъ. Но пойдемъ со мною по тюрьмамъ: взгляни тамъ на бѣдныхъ

христіанъ, и ты увидишь людей искалѣченныхъ и изломанныхъ жестокими пытками, больныхъ, голодныхъ, закованныхъ въ цѣпи и обреченныхъ даже на ту или иную лютую казнь—и все же счастливыхъ. Ты бы послушалъ, что говоритъ въ различныхъ своихъ посланіяхъ къ отдѣльнымъ лицамъ, а также и къ цѣльнымъ общинамъ, одинъ изъ апостоловъ христіанъ—Павелъ изъ Тарсы, и тогда, можетъ быть...

— Да мнѣ и самому давно уже хотѣлось покороче познакомиться съ воззрѣніями этого Павла и тѣмъ ученіемъ, что проповѣдуетъ онъ, но ты знаешь сама...

— Ничего; я принесу тебѣ, Сенека, нѣсколько списковъ съ его писемъ, въ которыхъ ты найдешь нѣчто лучшее, чѣмъ одна лишь красота языка. Но скажи мнѣ, неужели въ своемъ презрѣніи къ новымъ людямъ откажешь ты даже и въ простой матеріальной помощи тѣмъ, которымъ ихъ религіозныя вѣрованія помогаютъ не только писать и мыслить высоко, но и вести образъ жизни сообразный тому, что проповѣдуютъ они и пишутъ?

Сенека глубоко вздохнулъ.—Давно прошло время моего вліянія на императора, и миновало безвозвратно,—проговорилъ онъ,—а потому сдѣлать что-либо для смягченія того наказанія, къ какому присуждены христіане, я рѣшительно не въ силахъ. Но я богатъ—и охотно дамъ тебѣ для облегченія нуждъ этихъ несчастныхъ золота; можетъ быть оно будетъ полезно и въ томъ смыслѣ, что поможетъ тебѣ посредствомъ подкупа устроить бѣгство тѣмъ или другимъ изъ нихъ. Вотъ все что я въ силахъ для нихъ сдѣлать...

Послѣ такого неудачнаго обращенія къ всесильному когда-то Сенекѣ, Помпонія рѣшилась просить за христіанъ Поппею, съ которой ранѣе, когда Поппея была еще женою Креспина, находилась въ дружескихъ отношеніяхъ. Обратиться съ просьбою къ самому императору она боялась, сознавая себя не въ силахъ превозмочь того отвращенія и того ужаса, какіе со дня убійства ея дорогого Авла въ ней возбуждалъ ужъ одинъ видъ этого человѣка, и потому опасалась, какъ бы при видѣ его не вырвалось у нея чего-нибудь такого, что могло бы повредить дѣлу такъ близко лежавшему ей къ сердцу.

Явясь къ Поппеѣ, Помпонія къ своему изумленію застала ее въ слезахъ. Однако гордая красавица приняла кроткую жену Авла Плавтія, которую знала давно какъ одну изъ самыхъ добродѣтельныхъ женщинъ своего времени, очень благосклонно.

— Будь желанной гостьей у меня, Помпонія—ласково привѣтствовала она вошедшую;—не часто ты балуешь своими посѣщеніями бѣдную свою императрицу. Быть жрицею Весты и находиться постоянно лишь въ атмосферѣ святости и строгой добродѣтели—вотъ твое настоящее назначеніе. Но вѣдь и у насъ, грѣшныхъ, бываютъ свои печали и тяжелыя минуты, когда мы нуждаемся какъ и вообще всѣ въ добромъ словѣ искренняго участія. Сейчасъ ты застала и меня въ слезахъ: я думала о моемъ сынѣ, о моемъ бѣдномъ Руфѣ; этотъ мальчикъ для меня дороже всего на свѣтѣ; а между тѣмъ Неронъ, ненавидящій его, запрещаетъ мнѣ видѣться съ нимъ.

—Не сочувствовать въ этомъ императрицѣ я не могу, — съ трудомъ подавивъ подступившее къ горлу рыданіе, проговорила Помпонія.—Мой сынъ, мой бѣдный Авлъ, былъ однихъ лѣтъ съ Руфомъ и былъ такой же мужественный, красивый и добрый юноша, какимъ знаю я сына императрицы, и...

— Оставь, Помпонія, замолчи, умоляю тебя, — прервала ее Поппея, отворачиваясь отъ нея, чтобы скрыть противъ ея воли выступившую на лицѣ краску стыда за поступокъ мужа.—Сынъ твой чѣмъ то вызвалъ гнѣвъ Нерона и за это поплатился жизнью.

— Чѣмъ могъ навлечь на себя гнѣвъ императора невинный отрокъ? Ему ли было думать объ измѣнахъ, замышлять преступныя козни? Но не съ тѣмъ плакать о моей утратѣ или говорить о моемъ личномъ горѣ, я пришла къ императрицѣ.

— Я просила тогда Нерона пощадить твоего сына, Помпонія, и, обнявъ его колѣни, молила не убивать бѣднаго мальчика. Но—увы!—Неронъ остался глухъ къ моимъ мольбамъ, и,—повѣришь ли ты мнѣ, Помпонія;если я признаюсь тебѣ, что на меня—императрицу, жену цезаря—нерѣдко нападаетъ страхъ и опасенія, какъ бы и надъ моимъ Руфомъ не было бы учинено не сегодня-завтра какое-либо злодѣяніе.

— Да хранитъ юношу Всевышній, — проговорила Помпонія. Если императрица желаетъ, я могу взять Руфа къ себѣ въ домъ. Мужъ мой вообще любитъ молодежь; Руфа же, какъ сверстника бѣднаго Авла, мы оба будемъ любить еще горячѣе, и тогда черезъ меня императрица будетъ имѣть возможность сообщаться съ сыномъ.

— Благодарю тебя, Помпонія, за твое предложеніе; ничего лучшаго не могла бы я пожелать для счастія Руфа. Но скажи мнѣ теперь, что привело тебя сюда, въ этотъ ненавистный тебѣ дворецъ?

— Поппея, я пришла въ надеждѣ заронить въ душу императрицы искру жалости къ невиннымъ людямъ — къ христіанамъ. Отцами, матерями, братьями, сестрами, женами, мужьями и даже дѣтьми этихъ людей переполнены всѣ римскія тюрьмы. Ихъ обвиняютъ, но обвиняютъ лживо, въ поджогѣ Рима и другихъ вымышленныхъ злодѣяніяхъ. Я не хочу допустить, чтобы Поппея не желала воспользоваться своимъ вліяніемъ на цезаря для спасенія людей невинныхъ. Да проститъ мнѣ императрица мою откровенность—но она вѣдь знаетъ, что льстить я не умѣю—если я скажу ей, что этимъ добрымъ дѣломъ она искупитъ многое, и многое простится ей...

Ты заблуждаешься, Помпонія, по добротѣ твоего сердца, относительно настоящаго характера этихъ людей,—угрюмыхъ и необщительныхъ,—возразила Поппея.—Совсѣмъ другіе доходили до меня отзывы о нихъ и, судя по этимъ отзывамъ, я должна

сказать, что они вполнѣ заслуживаютъ ту участь, на какую обречены.

— Императрица предубѣждена противъ нихъ и судитъ о нихъ на основаніи ложныхъ и злыхъ наговоровъ ихъ непримиримыхъ враговъ іудеевъ,—сказала Помпонія.—Но я знаю этихъ людей очень близко и могу смѣло сказать императрицѣ, что, если есть еще въ этомъ погрязнувшемъ въ беззаконіи и развратѣ городѣ небольшая горсть честныхъ и праведныхъ людей, то горсть эту составляютъ исключительно одни христіане.

— Я знаю, ты лгать не станешь, Помпонія, и, вѣря тебѣ, я, пожалуй, была бы не прочь исполнить, въ память старой дружбы, твою просьбу; но я увѣрена, что всѣ мои слова въ защиту христіанъ будутъ напрасны. Неронъ уже не тотъ влюбленный въ меня, готовый исполнить малѣйшую мою прихоть, какимъ былъ раньше, и вліяніе мое на него, съ тѣхъ поръ какъ не стало нашей крошки Клавдіи, перестало быть всесильнымъ. Но, конечно, подвинуть на злое дѣло я еще могу—для этого надо не много; но на доброе нѣтъ; и заставить его отказаться отъ задуманнаго имъ вмѣстѣ съ неразлучнымъ его Тигеллиномъ злодѣянія—свыше моихъ слабыхъ силъ. О, какъ тяжело, Помпонія, сознавать и видѣть, какъ постепенно рушится, распадаясь въ прахъ, зданіе, сооруженное подъ напоромъ честолюбивыхъ вожделѣній и жажды властвовать, и вѣрь мнѣ, Помпонія, что въ настоящее время бѣдная Поппея нуждается въ вѣрномъ, искреннемъ другѣ болѣе, чѣмъ въ чемъ-либо иномъ.

Молча поцѣловала Помпонія императрицу и, простившись съ нею, удалилась.

Глава XV.

Не смотря на тяжелыя притѣсненія и постоянную опасность подвергнуться аресту, оставшіеся пока на свободѣ христіане, не желая лишиться того утѣшенія, какимъ были для нихъ общая молитва и духовное общеніе съ ихъ пастырями, продолжали собираться, хотя, конечно, еще съ большими противъ прежняго предосторожностями. Не иначе какъ подъ покровомъ глубокой, темной ночи, и украдкою незамѣтно, сходились богомольцы, и въ это время сборнымъ пунктомъ ихъ собраній бывалъ чаще всего одинъ отдаленный виноградникъ, принадлежавшій къ виллѣ Алитура. Среди всѣхъ этихъ гоненій, притѣсненій и душевной скорби о несчастной обреченной на казнь братіи—большимъ утѣшеніемъ было для римскихъ христіанъ пребываніе между ними недавно прибывшаго въ Римъ апостола Петра изъ Виѳсаиды. Краткія, но практическія наставленія «Кормчаго Галилейскаго озера», на лицѣ котораго, казалось, какъ бы сохранилось отраженіе геннисаретскихъ солнечныхъ лучей и дивнаго сіянія Гермона, какъ

и бодрящее его слово, проникнутое горячею вѣрою, были для нихъ надежною опорою, источникомъ чистѣйшей радости. Когда въ Коринѳѣ дошло до него извѣстіе о воздвигнутомъ противъ его братьевъ гоненіи,—сказалъ онъ имъ,—онъ нарочно ускорилъ свой пріѣздъ въ Римъ; и теперь вопрошаетъ ихъ: съ подобающею-ли христіанину покорностью несутъ они свои страданія? И не страдаютъ ли они за имя Христово? А потому, не блаженны ли они и не должны ли прославлять Бога, пославшаго имъ такую участь? Не предварялъ ли объ этомъ Христосъ, когда сказалъ: «и будете ненавидимы всѣми за имя мое; претерпѣвшій же до конца спасется»? Берегитесь, наставлялъ онъ ихъ, беззаконными поступками подавать врагу поводъ обвинять васъ и злословить, «ибо такова воля Божья, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи, всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите. Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ его»[1]).

По прибытіи своемъ въ Римъ, апостолъ Петръ, большинство друзей котораго, какъ и родственники, принадлежали къ числу іудейскихъ христіанъ, поселился съ своею женою Плавтиллою и дочерью Петрониллою въ домѣ одной вдовы іудеянки, по имени Миріамъ, жившей въ Трастеверѣ — части города, лежащей по ту сторону Тибра. Еслибъ апостолъ не выходилъ изъ этой, сравнительно уединенной и мало посѣщавшейся, части столицы, то еще могла бы существовать кое-какая надежда, что шпіоны Тигеллина не такъ легко разыщутъ мѣсто его жительства. Но при живомъ, дѣятельномъ и энергичномъ характерѣ Петра всякое бездѣйствіе было немыслимо, да и въ ушахъ его звучали немолчно, доносясь съ галилейскихъ цвѣтущихъ полей, слова: «ибо алкалъ я, и вы дали мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили меня; былъ странникомъ, и вы приняли меня; былъ нагъ, и вы одѣли меня; былъ боленъ, и вы посѣтили меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко мнѣ»[2]). И Петръ, еще не отдохнувъ съ дороги, отправился, взявъ себѣ въ путеводители сына Миріамы, юношу Назарія, обходить различныя тюрьмы Рима, и весь этотъ день провелъ онъ, навѣщая страждущихъ братьевъ своихъ, а къ вечеру шпіонамъ Тигеллина сдѣлалось уже извѣстно, въ какой части столицы апостолъ нанялъ себѣ помѣщеніе. Свѣдѣнія же о томъ, кто былъ Петръ и какое было его высокое значеніе въ глазахъ послѣдователей новаго ученія, доставилъ Тигеллину—по словамъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ преданій — Симонъ Волхвъ, справедливо прозванный отцомъ всѣхъ ересей, который своими обманами успѣлъ стяжать себѣ громадное богатство, сильное вліяніе и чуть ли не божескія

[1]) Первое соборное посл. ап. Петра. Гл. II.
[2]) Еванг. отъ Матѳея. Гл. XXV, 35, 36.

почести не только у самаритянъ, но и среди многихъ другихъ племенъ и народовъ.

Какъ-то въ домѣ сыновей Симона Коринфянина, того самаго, котораго заставили нести крестъ за Христомъ на Голгоѳу, Руфа и Александра, собралось для Господней вечери нѣсколько человѣкъ христіанъ изъ іудеевъ. Въ числѣ ихъ былъ и апостолъ Петръ. Собраніе это было накрыто эмиссарами Тигеллина, причемъ арестовано было порядочное число христіанъ, которыхъ увели въ заточеніе. Однакожъ Руфъ успѣлъ при первомъ же переполохѣ вывести апостола черезъ заднюю дверь изъ своего дома, послѣ чего поспѣшилъ вмѣстѣ съ нимъ къ дому Миріамы. На полъ-дорогѣ имъ повстрѣчался сынъ вдовы, Назарій, спѣшившій къ нимъ, чтобы предупредить апостола, что домъ его матери оцѣпленъ легіонаріями, и что она сама арестована; но что Плавтилла и Петронилла успѣли спастись, укрывшись въ домѣ самаритянина Ѳаллы. Встревоженные страшными опасеніями за жизнь своего благовѣстителя, христіане со слезами умоляли его немедленно же покинуть Римъ, не дожидаясь, чтобы бѣгство перестало быть возможнымъ для него, и Петръ, внявъ ихъ доводамъ и мольбамъ, къ которымъ жена его и дочь присоединили и свои, на слѣдующее же утро съ разсвѣтомъ вышелъ въ сопровожденіи юноши Назарія за черту города. Но, пройдя по Аппіевой дорогѣ приблизительно мили двѣ, внезапно, какъ бы изумленный, или чѣмъ испуганный, остановился; и здѣсь — какъ разсказывалъ потомъ Назарій — весь осѣненный какимъ-то неземнымъ сіяніемъ сталъ на колѣни и, простирая руки кверху, произносилъ слова, послѣ чего обратился къ юношѣ и со слезами на глазахъ, но съ радостною улыбкою сказалъ ему: «Надо намъ вернуться, дитя мое: на это есть воля Христа»,—и больше ничего не сказалъ. Но дня черезъ два онъ разсказалъ апостолу Іоанну, своему товарищу по заключенію, что ему было видѣніе Христа, шедшаго въ Римъ и несшаго свой крестъ.—Куда идешь, Господи?— вопросилъ онъ.—«Иду въ Римъ, чтобы еще разъ быть распятымъ», — отвѣтилъ ему Христосъ.—Иду съ тобою, Господи,—сказалъ апостолъ,—чтобы вмѣстѣ съ Тобою быть распятымъ. Тутъ, кротко улыбнувшись ему, видѣніе изчезло.

Такимъ образомъ, вернувшись, обратно въ домъ Ѳаллы вмѣстѣ съ Назаріемъ, апостолъ Петръ на другой же день еще разъ отправился было обходить тюрьмы, съ цѣлью навѣстить заключенныхъ своихъ единовѣрцевъ и за одно съ этимъ постараться разузнать объ участи матери Назарія, Миріамы. Но только что онъ вошелъ въ первый казематъ, какъ немедленно же былъ арестованъ. Отсюда его тотчасъ же препроводили подъ мрачные своды мамертинской темницы, гдѣ на него надѣли цѣпи и приковали къ полу рядомъ съ апостоломъ Іоанномъ. Горячимъ поцѣлуемъ привѣтствовали другъ друга братья-апостолы, когда-то соученики Христа, а теперь и товарищи по заточенію, и полилась между ними рѣчь, полная чудныхъ воспоминаній о дорогомъ, свѣтломъ

прошломъ. И вспоминали они то солнечные лѣтніе дни, когда веселыми безпечными дѣтьми играли на песчаныхъ серебристыхъ отмеляхъ Веѳсаидскаго озера, то свои рыбачьи лодки и сѣти съ богатымъ уловомъ рыбы въ тѣ годы, когда вмѣстѣ внимали Богу-Слову; то вспоминали живописный Капернаумъ съ его мраморною синагогою, бѣлѣвшею своимъ отраженіемъ въ золотисто-багряной отъ солнечнаго заката зыби Капернаумскаго моря, и зеленѣющія очертанія холмовъ и дальнихъ горъ. Вспоминали и о томъ времени, когда вмѣстѣ съ Андреемъ и Наѳанаиломъ ходили смотрѣть Пророка пустыни, и, такимъ образомъ, не смотря на сырость и мракъ своей темницы, на скудную пищу, состоявшую изъ куска хлѣба и кружки воды, на убогое одѣяніе, не защищавшее отъ холода усталые члены этихъ двухъ неутомимыхъ поборниковъ новаго ученія, изъ которыхъ старшему было уже семьдесятъ слишкомъ лѣтъ, да и для младшаго давно миновала пора молодости,—не смотря на кандалы, цѣпи, холодъ и голодъ,—съ вѣроятною перспективою принять, если не сегодня, то завтра ту или другую мучительную смерть, эти передовые борцы за новую вѣру, эти первые піонеры въ дѣлѣ распространенія того ученія, которое привѣтствовалъ міръ проклятіями, въ своей бѣшеной ярости столь безумными,—эти люди, говоримъ мы, были счастливы своимъ упованіемъ на Бога, своею глубокою вѣрою въ Него, и ничто не было въ силахъ лишить ихъ благодати душевнаго мира.

Въ эту же ночь приставленный къ апостоламъ стражъ Мартиніанъ объявилъ имъ, что на утро слѣдующаго дня ждетъ ихъ казнь. При этомъ оба апостола просили его сказать имъ, какого рода смертью предстоитъ имъ умереть. Но Мартиніанъ, умиленный ихъ удивительною кротостью, а также и бесѣдою, внимая которой былъ почти готовъ самъ сдѣлаться христіаниномъ, наотрѣзъ отказался отвѣчать на этотъ вопросъ апостоловъ, очевидно, изъ жалости къ нимъ.

— Я зналъ, что казни мнѣ не миновать, братъ мой,—обратился апостолъ Петръ къ Іоанну;—сколько разъ слышался мнѣ въ моихъ сновидѣніяхъ гласъ, повторявшій: «Истинно, истинно говорю тебѣ: когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ; а когда состарѣешься, то прострешь руки твои, и другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь» [1]). Впрочемъ, эта неизвѣстность, какою собственно смертью предстоитъ мнѣ прославить Господа моего, ничуть не смущаетъ меня. Но тебѣ, братъ мой, дни твоего земнаго странствованія будутъ еще продолжены.

— Скрыто для меня во мракѣ неизвѣстности, какимъ образомъ могло бы это случиться,—въ тихомъ раздумьи проговорилъ Іоаннъ.—Но не смерть ли есть для насъ эта жизнь? Не говорилъ

---

[1]) Еванг. отъ Іоанна. Гл. XXI, 18.

ли Онъ намъ: тотъ кто со Мною—близокъ къ источнику свѣта; кто далекъ отъ Меня—далекъ отъ царствія небеснаго.

Стражъ Мартиніанъ сказалъ правду, предупредивъ апостоловъ о близкой казни. Вообще, съ казнями христіанъ надлежало торопиться: у Нерона на шеѣ лежала важная забота приступить скорѣе къ затѣянной имъ перестройкѣ своей резиденціи, и болѣе всего своего «Золотого Дворца», а между тѣмъ вернуть себѣ утраченную имъ со времени пожара популярность, столь ему необходимую при такихъ предпріятіяхъ, онъ могъ не иначе, какъ усыпивъ закланіемъ невинныхъ жертвъ небезопасное для него народное подозрѣніе.

Но самая адская черта начинавшагося избіенія невинныхъ состояла въ томъ, что страданія избиваемыхъ, ихъ стоны, муки и послѣднія предсмертныя содроганія, предполагалось превратить въ потѣшное зрѣлище для увеселенія народа. Торжественная минута смерти каждаго изъ этихъ несчастныхъ обреченныхъ на казнь христіанъ такимъ образомъ, должна была служить поводомъ къ взрывамъ грубаго хохота и другимъ выраженіямъ шумнаго веселья. Однако надо было торопиться и какъ можно скорѣе приводить въ исполненіе всѣ тѣ измышленія жестокости, надъ которыми такъ старательно работалъ умъ Тигеллина, ибо съ каждымъ днемъ ускользало изъ его рукъ и рукъ Нерона, уходя чрезъ узкія ворота смерти, все большее и большее число намѣченныхъ къ закланію жертвъ, одна за другою быстро похищавшихся свирѣпствовавшею въ тюрьмахъ тифозною эпидеміею. Вотъ почему на слѣдующій же день послѣ ареста апостола Петра было обнародовано, что изъ двухъ старшинъ христіанской секты, называемыхъ апостолами, одинъ будетъ распятъ на крестѣ, но головою внизъ, и что казнь эта совершится на Ватиканскомъ холмѣ въ зданіи цирка, вблизи того мѣста, гдѣ возвышается обелискъ, а другой будетъ ввергнутъ въ котелъ съ кипящимъ масломъ на Via Latina.

На утро день занялся жаркій и душный; близость грозы чувствовалась въ полнѣйшемъ безвѣтріи раскаленнаго воздуха. Краснымъ огненнымъ шаромъ восходило солнце по затянутому паромъ, точно дымкою, небосклону. Выведенные изъ темницы апостолы, прежде чѣмъ разлучиться въ этой жизни навсегда, заключили другъ друга въ крѣпкое прощальное объятіе и, напомнивъ другъ другу съ свѣтлою улыбкою на лицѣ прощальныя слова Христа, двинулись спокойно, въ сопровожденіи отряда солдатъ, каждый своей дорогой по направленію къ мѣсту, назначенному для казни.

По дорогѣ къ цирку, который помѣщался на Ватиканскомъ холмѣ, Петру привелось еще разъ свидѣться съ своею женою, тоже ведомою куда-то на казнь. Спокойно и безъ всякихъ признаковъ какого-либо страха обмѣнялись они нѣсколькими словами.

— Будь тверда и не падай духомъ, вѣрная моя спутница на

земномъ поприщѣ,—сказалъ ей апостолъ Петръ.—Тотъ, Кто поднялъ въ Капернаумѣ съ одра болѣзни твою мать, не покинетъ и тебя. Радуюсь, что и ты тоже возвращаешься домой.

Прощай, но не надолго,—твердымъ голосомъ отвѣтила ему Плавтилла.—Страха во мнѣ нѣтъ, я вѣдь знаю, что еще одинъ короткій часъ и я, и ты,—мы будемъ съ Нимъ.

Бросивъ на жену еще одинъ долгій прощальный взглядъ, Петръ проговорилъ на іудейскомъ нарѣчіи: «Если я пойду и долиною смертной тѣни, не убоюсь зла, потому что со мною Ты; Твой жезлъ и Твой посохъ—они успокаиваютъ меня» [1]).

И, уведенные въ двѣ различныя стороны, оба вскорѣ исчезли изъ глазъ другъ друга.

Услыхавъ, какимъ способомъ предстояло ему быть распятому на крестѣ, Петръ только улыбнулся: онъ зналъ, что распятый головою внизъ, онъ очень скоро долженъ будетъ перейти изъ безчувственнаго состоянія къ полному омертвенію, тогда какъ при болѣе обыкновенномъ способѣ распинанія муки предсмертной агоніи обыкновенно продолжались весьма долго—до двухъ, а иногда даже до трехъ дней.

Казнь апостола, по желанію Нерона, должна была совершиться въ его присутствіи, и Петръ, увидавъ императора, пока приготовляли крестъ, поднялъ къ нему правую руку, устремивъ на него долгій и пронзительный взглядъ, передъ которымъ Неронъ невольно сробѣлъ, затрепеталъ и весь какъ-то съежился.

Апостолъ ничего при этомъ не сказалъ; но одинъ изъ находившихся въ толпѣ христіанъ, будучи не въ силахъ сдержать порыва негодованія, крикнулъ громко, обращаясь къ императору:

— Не ликуй, убійца праведныхъ, пройдетъ еще немного времени, и въ свою очередь ты будешь призванъ къ суду безпристрастному и нелицепріятному Всевышняго Бога.

— Распять его!—въ бѣшенствѣ заоралъ блѣдный отъ суевѣрнаго страха Неронъ;—скорѣе заткнуть ему его проклятую глотку—злочастную вѣщунью.

Но говорившій уже успѣлъ исчезнуть, скрывшись въ тѣсныхъ рядахъ многолюдной толпы зрителей.

Пригвоздивъ апостола къ кресту, палачи водрузили крестъ основаніемъ вверхъ при громкомъ взрывѣ хохота толпы грубыхъ язычниковъ, при чемъ апостолъ проговорилъ: «Радуюсь, что распяли вы меня такимъ образомъ, Христа ради, ибо умереть отъ одинаковой казни съ тою, какую принялъ Онъ, я мню себя недостойнымъ». То были послѣднія слова великаго апостола.

Тѣмъ временемъ молодой дьяконъ Климентъ, находившійся вмѣстѣ съ многими христіанами въ толпѣ зрителей, обратясь къ нѣкоторымъ близъ стоявшимъ своимъ единовѣрцамъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ и на греческомъ языкѣ: «Да, братья, я вижу его на крестѣ, но не внизъ головою, а вверхъ, и розами

[1]) Псаломъ XXII. Псалтирь.

и лиліями вѣнчають его ангелы, и Господь влагаетъ ему въ руки книгу, изъ которой онъ читаетъ».

По совершеніи казни нѣкто Маркелъ, бывшій когда-то ученикомъ Симона Волхва, но впослѣдствіи обращенный апостоломъ Петромъ на путь истиннаго христова ученія, и Климентъ упросили палача отдать имъ за щедрое денежное вознагражденіе бренные останки дорогого благовѣстителя и похоронили ихъ у подошвы Ватиканскаго холма.

Отсюда останки апостола были перенесены въ свое время въ тотъ изумительный храмъ, не имѣющій себѣ равнаго, гдѣ вмѣщавшая ихъ гробница, опоясанная рядомъ неугасимо теплящихся лампадъ, посѣщается изъ вѣка въ вѣкъ сотнями тысячъ паломниковъ.

Не такъ быстро добрались до мѣста назначенія отрядъ солдатъ и толпа зрителей, сопровождавшіе апостола Іоанна на казнь. Удушливая жара знойнаго августовскаго дня, большая людность тѣхъ частей города, черезъ которыя приходилось проходить этой процессіи, какъ и сама сопровождавшая эту процессію толпа, многимъ превосходившая своею численностью ту, что провожала апостола Петра, благодаря всему этому въ значительной степени замедлялось шествіе. Окруженный со всѣхъ сторонъ легіонерами, съ непокрытой головой и съ связанными за спиною руками, апостолъ шелъ твердою и мѣрною поступью, слегка откинувъ голову назадъ и кроткимъ, спокойнымъ взоромъ озирая по временамъ тѣснившуюся вокругъ него толпу, невольно присмирѣвшую и даже какъ бы робѣвшую передъ этимъ невозмутимымъ спокойствіемъ и этою изумительною кротостью. Тѣмъ же твердымъ и спокойнымъ шагомъ, какимъ прошелъ онъ весь путь къ мучительной смерти, поднялся Іоаннъ по ступенямъ эшафота къ пылавшему костру, надъ которымъ въ прикрѣпленномъ цѣпями огромномъ желѣзномъ котлѣ, шипя, клокотало кипѣвшее масло, и, повернувшись лицомъ къ толпѣ, еще разъ окинулъ ее кроткимъ взглядомъ своихъ красивыхъ вдумчивыхъ глазъ, послѣ чего спокойно началъ уже разоблачаться. Но въ эту самую минуту сверкнула молнія, и съ трескомъ пронесся надъ головами первый оглушительный раскатъ грома. Съ утра скоплявшіяся тучи разразились страшною грозою. Одна за другой засверкали молніи, гремѣли громовые раскаты, поднялся вихрь и, вздымая песокъ, клубами крутилъ его вверхъ, наполняя воздухъ пылью и мглою. Въ рядахъ зрителей поднялись пронзительные крики испуганныхъ женщинъ, плачъ дѣтей; мужчинъ охватилъ суевѣрный ужасъ передъ явленіемъ, вообще внушавшимъ въ тѣ времена изрядный страхъ невѣжественнымъ народнымъ массамъ, и мало по малу все и всѣ замерли подъ давленіемъ какого-то тяжелаго предчувствія. Но вдругъ среди воцарившагося общаго безмолвія послышался шопотъ нѣсколькихъ сдавленныхъ страхомъ голосовъ, повторявшихъ: «Маран-аѳа! Маран-аѳа!» при чемъ въ толпѣ тамъ и сямъ раздались восклицанія: «Онъ волхвъ, колдунъ! Долой костеръ!

Казнить его не надо; боги за него, и гнѣвъ ихъ разразился надъ нами!» Въ эту минуту опять сверкнула молнія и, озаривъ на мгновеніе своимъ холоднымъ, бѣлесоватымъ свѣтомъ трепетавшую толпу, ударила въ костеръ. Стоявшіе на эшафотѣ легіонаріи, ихъ начальникъ и сами палачи, объятые страхомъ, поспѣшили спуститься внизъ, а тѣмъ временемъ Алитуръ, получившій, въ качествѣ любимца императора, разрѣшеніе занять мѣсто на ряду съ нѣкоторыми другими болѣе почетными лицами на самомъ эшафотѣ, пользуясь удобной минутой, приблизился съ апостолу и шепнулъ ему: «Скорѣе убѣгай и спасайся. Въ толпѣ много христіанъ: они укроютъ тебя и не выдадутъ».

— Благодарю тебя, сынъ мой, – отвѣтилъ ему апостолъ.—Но бѣжать отъ сюда я не имѣю права, пока не увижу, что есть на то воля моего Господа.

Еще ярче сверкнула молнія, широкимъ зигзагомъ прорѣзавъ сизо-черныя тучи, еще сильнѣе грянулъ громъ, еще оглушительнѣе былъ его раскатъ, и раздались среди толпы неистовые крики язычниковъ: «Уходи, уходи скорѣе! онъ колдунъ или богъ, и всѣхъ насъ спалятъ его громы!» и, заколыхавшись, толпа ударилась въ бѣгство, разбѣгаясь куда попало. Не въ силахъ превозмочь охватившаго и ихъ паническаго страха, ринулись вслѣдъ за толпою и легіонеры; за ними послѣдовали и палачи, и на мѣстѣ казни остался лишь апостолъ съ Алитуромъ; но только что успѣли они спуститься съ эшафота, какъ молнія ударила въ котелъ, сорвала его съ цѣпей, и широкимъ яркимъ пламенемъ запылалъ костеръ, залитый масломъ.

Увѣдомленный къ вечеру, когда гроза уже прошла и небо совсѣмъ прояснилось, о случившимся, Неронъ былъ въ свою очередь охваченъ немалымъ суевѣрнымъ страхомъ передъ такимъ событіемъ, и страхъ этотъ принялъ еще болѣе грандіозные размѣры въ душѣ трусливаго императора при извѣстіи, что Іоаннъ съ мѣста казни возвратился добровольнымъ узникомъ обратно подъ своды мамертинской темницы. Такою изумительною самоувѣренностью и неустрашимостью апостола было усилено въ Неронѣ впечатлѣніе, что Іоаннъ обладаетъ силами сверхъестественными, и онъ поспѣшилъ сослать его на островъ Патмосъ.

Совершившимся мученичествомъ апостола Петра и предполагавшимся къ совершенію мученичествомъ апостола Іоанна было положено начало тому длинному ряду весьма разнообразныхъ по формѣ, хотя и не по степени жестокости, казней и истязаній надъ римскими христіанами, который былъ придуманъ въ сотрудничествѣ съ Нерономъ Тигеллиномъ, жестокій умъ котораго успѣлъ давно уже изощриться до высокой степени виртуозности на поприщѣ всевозможныхъ злодѣяній. Завершился же этотъ рядъ кровавыхъ дѣлъ знаменитыми свѣточами Нерона.

Но слухи о воздвигнутомъ гоненіи противъ христіанъ до апостола Павла дошли не раньше, чѣмъ онъ прибылъ съ своимъ новымъ спутникомъ Онезимомъ, замѣнившимъ ему въ этомъ от-

ношеніи оставленнаго имъ въ Ефесѣ Тимоѳея, въ Коринѳъ. Первымъ движеніемъ Павла при такомъ извѣстіи было намѣреніе немедленно поспѣшить въ Римъ. Однако, убѣдившись доводами Тита Коринѳскаго,—своего сотрудника въ дѣлѣ распространенія ученія Христа,—что присутствіе его, въ виду той вѣроятности, что гоненія на христіанъ не ограничутся однимъ Римомъ, а станутъ несомнѣнно повсемѣстными, гораздо нужнѣе какъ въ Критѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ гдѣ непосредственно имъ самимъ были основаны братства христіанъ, онъ отказался, хотя и очень неохотно, отъ желанія поѣхать на помощь къ страждущей римской братіи и началъ готовиться къ отплытію въ Критъ. Но раньше чѣмъ онъ покинулъ Коринѳъ, Онезимъ, тревожимый опасеніями за участь дочери Нирея, упросилъ апостола отправить его въ Римъ съ посланіемъ къ тамошнимъ христіанамъ, и, получивъ на это разрѣшеніе Павла, поспѣшилъ отплыть съ первымъ же кораблемъ къ берегамъ Италіи. Въ самый же Римъ онъ прибылъ какъ разъ въ день той грозы, что была свидѣтельницею распятія Св. Петра и чудеснаго избавленія отъ казни любимаго ученика Христа.

Великъ былъ его ужасъ, когда онъ увидѣлъ Римъ въ развалинахъ—съ грудами мусора и обгорѣлыхъ камней среди улицъ, съ лишь немногими кое-гдѣ уцѣлѣвшими отъ пожара и уродливо торчавшими тамъ и сямъ черными отъ дыма и копоти остатками стѣнъ; но еще болѣе ужаснулся онъ, убѣдившись, что слово христіанинъ получило теперь въ глазахъ народа значеніе равносильное со словами поджигатель и злодѣй. Побывавъ въ двухъ-трехъ домахъ, гдѣ, какъ онъ помнилъ, жили раньше нѣкоторые изъ знакомыхъ ему христіанъ, и узнавъ, что эти люди давно куда-то исчезли, онъ отправился въ домъ Авла Плавтія въ надеждѣ собрать тутъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Но не болѣе утѣшительными для него оказались вѣсти, сообщенныя ему и здѣсь: за исключеніемъ двухъ-трехъ человѣкъ, всѣ рабы Плавтія изъ числа тѣхъ, что исповѣдывали, хотя большею частію и въ тайнѣ, христіанство, были заарестованы и находились въ различныхъ тюрьмахъ; сама же Помпонія, заразившись свирѣпствовавшимъ среди узниковъ тифомъ, лежала въ эту минуту больная при смерти.

Пренебрегая опасностью попасть въ свою очередь какъ христіанинъ въ заточеніе, Онезимъ началъ прилежно обходить тюрьмы и посѣщать своихъ братьевъ по вѣрѣ, при чемъ не замедлилъ отыскать и Нирея. Старикъ исхудалъ, былъ блѣденъ, тѣломъ слабъ и боленъ, но духомъ бодръ и несокрушимъ. Отъ него Онезимъ наконецъ узналъ и узналъ къ величайшему своему успокоенію,—что Юнія, какъ только начались эти жестокія преслѣдованія христіанъ, была имъ немедленно отправлена на жительство въ небольшой загородный домъ Пуденса, близъ Арсіи. Пуденсъ, уѣзжая въ Британію и какъ бы предчувствуя близость дней, несчастныхъ для христіанъ, предоставилъ этотъ домъ какъ убѣжище болѣе безопасное, чѣмъ его домъ, бывшій въ самомъ

Римѣ, въ распоряженіе своимъ домочадцамъ, исповѣдовавшимъ христіанство. Послѣ этого Онезимъ на другой же день отправился навѣстить Юнію и, передавъ молодой дѣвушкѣ заочное благословеніе старика отца, сообщилъ ей, что Нирей, наравнѣ съ другими христіанами, обреченъ на смертную казнь; но, что онъ проситъ ее ни подъ какимъ предлогомъ не пріѣзжать въ Римъ, ибо сдѣлать что-либо для избавленія его отъ той участи, которая ждетъ его, она никоимъ образомъ не можетъ и только напрасно подвергнетъ опасности собственную жизнь. Сверхъ того, Нирей прислалъ своей дочери съ Онезимомъ нѣсколько строкъ, которыми вкратцѣ сообщилъ ей, что Онезимъ теперь уже не тотъ легкомысленный и многогрѣшный юноша, какимъ былъ раньше; но обращенный апостоломъ Павломъ на путь истиннаго ученія, сподобился Божьей благодати и чудеснаго просвѣтленія, и съ тѣхъ поръ посвятилъ себя ревностному служенію апостолу Павлу; что поэтому онъ въ настоящее время ничего не имѣлъ бы противъ, еслибъ Юнія, любя молодаго человѣка по прежнему, пожелала съ нимъ обручиться.

На слѣдующее утро Онезимъ уже былъ въ Римѣ, гдѣ сталъ изо всѣхъ силъ хлопотать и стараться, ища средства, случая и вообще какой-либо возможности спасти жизнь отцу своей нарѣченной невѣсты.

Съ этого самаго дня началась та продолжительная, ежедневная рѣзня христіанъ подъ различными формами и при разнообразныхъ обстановкахъ, которой суждено было стать кровавою купелью вновь народившейся церкви. Но, истощивъ всевозможные способы истязанія и до пресыщенія насытивъ свое зрѣніе различными представленіями, главный интересъ которыхъ составляли страданія бѣдныхъ христіанъ, предававшихся при этомъ то отдѣльно, то цѣлыми группами, либо на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, либо распятію, сжиганію или обливанію горячей смолой, Неронъ, наконецъ, пресытился этими зрѣлищами. А, между тѣмъ, въ тюрьмахъ оставалось все еще порядочное количество обреченныхъ на казнь невинныхъ послѣдователей новой вѣры. Тутъ въ головѣ Нерона созрѣла по истинѣ геніальная по своей неслыханной жестокости мысль, и, приказавъ открыть для народа входъ въ роскошные сады, спускавшіеся по склону Ватиканскаго холма вплоть до Тибра, онъ повелѣлъ устроить въ нихъ небывалую иллюминацію, освѣтивъ ихъ тѣнистыя аллеи, рощи, циркъ, павильоны и гроты живыми факелами, которыми служить должны были мученики-христіане, облеченные въ осмоленный и пропитанный масломъ хитонъ.

Приказаніе цезаря немедленно было приведено въ исполненіе. Въ ватиканскихъ садахъ на другое же утро закипѣла работа: водружались на небольшомъ растояніи одинъ отъ другого высокіе шесты съ привязанными къ нимъ, съ помощью толстыхъ ремней, христіанами, а около каждаго шеста, начиная съ земли и, приблизительно, до пояса будущаго мученика, наваливали груды со-

ломы, хвороста и стружекъ; такія же приготовленія шли и въ помѣщавшемся въ саду роскошномъ мраморномъ циркѣ, на серединѣ котораго возвышался тотъ самый, вывезенный изъ Геліополя, обелискъ, который теперь стоитъ на площади св. Петра.

Весь этотъ день, съ самаго утра, Онезимъ, переодѣтый въ костюмъ простого раба, не отходилъ ни на шагъ отъ этихъ садовъ, пока наконецъ, не добился, благодаря своему знакомству съ однимъ изъ бывшихъ тутъ преторіанцевъ, тоже принадлежавшимъ втайнѣ къ числу послѣдователей ученія Христа, что его впустили въ самый садъ. Тутъ онъ старательно принялся, съ своей стороны, за работу и, пособляя рабочимъ, подавая имъ то котлы съ горячею смолою, то охапки соломы или хвороста, не пропускалъ ни одной удобной минуты, чтобы незамѣтнымъ образомъ не шепнуть то тому, то другому изъ привязанныхъ къ шестамъ страдальцамъ, какое-нибудь изъ тѣхъ бодрящихъ и утѣшительныхъ словъ, которыя столько разъ слышалъ изъ устъ апостола Павла. Наконецъ, уже подъ вечеръ онъ набрелъ на то мѣсто, въ самомъ концѣ сада, гдѣ возвышался шестъ съ привязаннымъ къ нему Ниреемъ, Погруженный въ молитву, Нирей, уже совсѣмъ отрѣшившійся отъ всего мірскаго, не замѣтилъ его и невольно вздрогнулъ, услыхавъ голосъ, шепнувшій ему о возможности спасенія.

— Нѣтъ, это немыслимо,—отвѣтилъ онъ ему;—къ тому же я готовъ раздѣлить участь моихъ братьевъ по вѣрѣ и буду радъ удостоиться наравнѣ съ ними пальмы мученичества.

— Не говори такъ, отецъ,—возразилъ ему Онезимъ;—подумай о Юніи и будь готовъ бѣжать при первой же удобной минутѣ.

И, сказавъ это, Онезимъ поспѣшилъ, чтобы не возбудить какихъ-либо подозрѣній, отойти подальше отъ шеста. Но, дождавшись вечера, когда народъ началъ толпами валить въ сады, и когда ему на потѣху уже начала съ нѣкоторыхъ концовъ вспыхивать эта чудовищная иллюминація, онъ еще разъ осторожно пробрался въ уединенную и пока еще не освѣщенную аллею, гдѣ, подойдя къ Нирею,—проворно разрѣзалъ ремни, которыми старикъ былъ привязанъ къ шесту, и помогъ ему спуститься на землю, послѣ чего, схвативъ его за руку, потащилъ за собою къ стѣнѣ сада; перебравшись черезъ нее, оба скрылись скоро во мракѣ подземнаго хода въ одинъ изъ близъ находившихся колумбаріевъ.

А между тѣмъ, въ нероновыхъ ватиканскихъ садахъ со всѣхъ сторонъ зажигались шесты и, вспыхивая яркимъ пламенемъ, образовали чудные свѣточи; вопли и стоны предсмертныхъ мукъ заглушались взрывами дикаго хохота, громкими пѣснями въ честь бога Вакха и звуками веселой музыки. И плывя, спокойно въ небесной синевѣ, луна серебрила роскошную зелень близъ садовъ, и тихо мерцая, миріады звѣздъ кротко взирали на адскую вакханалію. Когда же муки страдальцевъ и безумное ликованіе дико бѣсновавшейся толпы достигли крайнихъ предѣловъ, тогда по аллеямъ сада, при восторженныхъ кликахъ народа, въ роскошной колесницѣ, запряженной чудными конями, лихо колесничнымъ

наѣздникомъ пронесся самъ императоръ. И катаясь то по широкимъ аллеямъ своихъ роскошныхъ садовъ, то по аренѣ амфитеатра, онъ любовался чуднымъ зрѣлищемъ, пока не загасъ послѣдній свѣточъ и народъ сталъ расходиться.

Случилось, что на этомъ своеобразномъ народномъ гуляньи въ числѣ многихъ другихъ римскихъ отцовъ, не имѣвшихъ ничего противъ того, чтобы такое чудовищное зрѣлище видѣли ихъ дѣти, былъ и нѣкій римскій всадникъ, по имени Корнелій Тацитъ, съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ, умненькимъ ребенкомъ лѣтъ восьми. Смотря задумчиво на бѣдныхъ страдальцевъ, ребенокъ невольно почувствовалъ къ нимъ жалость и, обратясь къ отцу, спросилъ его, дѣйствительно ли виновны эти христіане въ поджогѣ Рима.

— Очень можетъ быть, что и нѣтъ,—спокойно отвѣтилъ ребенку его отецъ.

— Но, тогда, зачѣмъ же сжигаютъ ихъ живыми?—спросилъ ребенокъ.

— А потому, что все равно, люди эти не болѣе, какъ отъявленные злодѣи,—объяснилъ Тацитъ старшій,—и при этомъ злые ненавистники всякаго общества. Есть у нихъ много общихъ чертъ съ іудеями, и было бы очень не дурно истребить и стереть съ лица земли какъ тѣхъ, такъ и другихъ проклятыхъ суевѣровъ.

Тридцать слишкомъ лѣтъ позднѣе Тацитъ младшій, ставъ уже великимъ историографомъ, упомянулъ о такомъ воззрѣніи на христіанъ. Не меньшее впечатлѣніе, вѣроятно, произвелъ на ребенка подслушанный имъ въ тотъ же памятный вечеръ разговоръ между отцомъ его и однимъ изъ его пріятелей: «Надо правду сказать, люди эти умѣютъ умирать ничуть не хуже и съ не меньшею стойкостью, чѣмъ наши многопрославляемые за свое мужество стоики, передъ которыми мы всѣ такъ глубоко благоговѣемъ»,—сказалъ пріятель, на что Тацитъ старшій, не желая допускать возможности такой аналогіи, поспѣшилъ ему замѣтить: «Ты напрасно такъ полагаешь: у христіанъ презрѣніе къ смерти не болѣе, какъ привычка къ ней, либо безуміе, или же простое упрямство».

Зрителемъ этой чудовищной оргіи былъ, по приказанію Нерона, и Сенека, который всего болѣе пораженъ былъ такимъ несокрушимымъ мужествомъ и такимъ непостижимымъ геройствомъ въ простыхъ рабахъ, слабыхъ женщинахъ, и даже отрокахъ—въ подонкахъ римскаго населенія; философъ долго ломалъ себѣ голову, напрасно силясь разрѣшить себѣ эту мудреную загадку.

Нѣмой свидѣтель ужасовъ этой страшной ночи, теперь давно уже посвященный памяти «неизвѣстныхъ мучениковъ», обелискъ и по нынѣ, высясь въ прозрачномъ воздухѣ вверхъ, гласитъ своею надписью: „Christus regnat: fugitae partes adversae“.

А на томъ мѣстѣ, гдѣ въ невообразимыхъ мученіяхъ испустили духъ эти безъимянные герои—эти безъимянные полу-боги—сооруженъ грандіозный соборъ во славу того самого Христа, ради имени котораго приняли они страданія и смерть, и вокругъ ку-

пола этого собора исполинскими буквами начертано имя того апостола, который палъ первою жертвою ярости дикаго звѣря: «И Я говорю тебѣ: ты Петръ, и на семъ Камнѣ Я создамъ церковь Мою».

Глава XVI.

Прекратиться вдругъ и разомъ гоненіе, воздвигнутое на христіанъ, не могло, и нѣтъ-нѣтъ вспыхивало оно снова то въ томъ то въ другомъ концѣ обширной имперіи. Но такіе казни, появлявшіяся временами послѣ той повальной рѣзни какой до пресыщенія насытилъ свое зрѣніе Неронъ, уже не могли имѣть для него никакого особаго интереса, и, преждевременно отжившій тридцатилѣтній старикъ старался теперь себя занять заботами о перестройкѣ и объ украшеніи своей столицы, особенно своего собственнаго колоссальнаго зданія, извѣстнаго подъ названіемъ «Золотого Дворца», подъ различныя пристройки котораго захватилъ послѣ пожара не малое пространство городской земли. Превосходя своею баснословною роскошью и великолѣпіемъ все, что видѣлъ до сихъ поръ свѣтъ по этой части, дворецъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ могъ служить лучшимъ образчикомъ испорченности вкуса той эпохи. Одно только уродливо-причудливое и не въ мѣру колоссальное могло еще сколь-нибудь удовлетворить больное воображеніе и извращенные вкусы Нерона. У воротъ въ атріумъ возвышалась чудовищно-колоссальная статуя самаго императора, имѣвшая въ вышину 120 футовъ, базисъ которой можно видѣть еще и теперь, а въ вестибулѣ красовался не меньшихъ размѣровъ портретъ его, писанный на холстѣ, впослѣдствіи погибшій отъ удара молніи. Широкая и безконечно длинная галлерея съ тройнымъ рядомъ высокихъ мраморныхъ колоннъ, пространства между которыми были уставлены статуями и экзотическими растеніями, вела изъ вестибула въ цѣлый рядъ пышныхъ залъ, украшенныхъ мозаикою, позолотою и безчисленнымъ множествомъ различныхъ статуй изъ бронзы, алебастра, серебра, золота и мрамора всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Ванны и басейны снабжались водами, проведенными изъ моря, рѣки Альбула и ключа Aqua Virgo, и внутри были выложены дорогимъ лазурикомъ. Въ одномъ изъ безчисленныхъ триклиніумовъ сводчатый потолокъ, въ видѣ небеснаго свода, вращаясь, изображалъ теченіе небесныхъ свѣтилъ; въ другомъ потолокъ былъ устроенъ такимъ образомъ, что была возможность черезъ него сыпать на пировавшихъ внизу гостей цвѣты или же пульверизировать ихъ тою или иною ароматическою эссенціею. Не менѣе вычурною роскошью отличались какъ опочивальня и кабинетъ самого цезаря, такъ и аппартаменты, а также окружавшіе этотъ дворецъ обширные сады. Здѣсь, среди роскошной зелени, были и фантастическіе храмы, и павильоны, и садки съ различными рыбами, и громадные пруды, и широкіе луга, на которыхъ паслись овцы выкрашенныя въ голубой и розовый цвѣта, и, наконецъ, богатый экземплярами разнаго рода звѣрей звѣринецъ; въ этомъ послѣднемъ, между прочимъ, было одно чудовище, которому кормомъ служило—какъ ходили слухи—исключительно одно мясо и притомъ человѣческое. Что же касается той дворцовой конюшни, въ которой помѣщался любимый конь Нерона Астурко, а также конюшенъ тѣхъ коней, на которыхъ императоръ появлялся иногда на аренѣ цирка въ качествѣ наѣздника на колесницахъ, то зданія эти — по сложившимуся общему мнѣнію — многимъ превосходили своимъ великолѣпіемъ дома менѣе богатыхъ сенаторовъ.

Но эта безумная роскошь, какою окружилъ себя императоръ очень скоро прискучила ему—какъ пріѣдалось и все вообще—и кромѣ того обратилась для него въ источникъ раздраженія и досады, ибо потраченныя на нее колоссальныя суммы въ такой степени истощили казну, что ему пришлось — не безъ опасности для своего престижа — пріостановить выдачу жалованья преторіанцамъ. Къ этому еще присоединились физическіе недуги, вызванные прежде времени родомъ жизни, и сильное нервное растройство, и Неронъ, чуть ли не ежедневно страдая пораждавшимися въ больномъ умѣ галлюцинаціями, говорилъ нерѣдко своимъ друзьямъ съ свойственной ему наклонностью къ театральности, что всѣ фуріи тартара ополчились противъ него и преслѣдуютъ его.

Какъ разъ въ это время на императора обрушился всею своею тяжестью Пизоновъ заговоръ, доказавшей ему краснорѣчиво, сколько горючаго матеріала — презрѣнія и ненависти накопилось противъ него въ сердцахъ римлянъ и какъ мало, въ сущности, удалось ему, не смотря ни на старанія отвести отъ себя подозрѣніе въ поджогѣ своей столицы, ни на обновленный видъ возникшаго изъ пепла Рима, возвратить себѣ утраченное имъ довѣріе народа.

Глава знаменитаго рода Калькурніевъ, связанный родствомъ съ многими знатными римскими фамиліями и, вдобавокъ, блестящій и краснорѣчивый ораторъ, Кай Пизонъ, если и не былъ самъ настоящимъ зачинщикомъ задуманнаго переворота, то, во всякомъ случаѣ, былъ его знаменемъ, такъ какъ являлся точкою соединенія недовольныхъ. Не иниціаторъ этого предпріятія, онъ былъ, однакожъ, втянутъ въ него какъ человѣкъ, давно уже успѣвшій снискать себѣ большую популярность среди римлянъ своею щедростью, привѣтливостью обхожденія, мужественною красотою и постоянною готовностью дѣйствовать словомъ и дѣломъ въ защиту притѣсненныхъ гражданъ, и былъ втянутъ въ это дѣло военнымъ трибуномъ Субріемъ Флавомъ и центуріономъ преторіанской гвардіи Сульпиціемъ Аспромъ. Старшій префектъ преторіанскихъ когортъ Феній Руфъ, давно уже негодуя на рядъ безконечныхъ происковъ и придирокъ со стороны своего товарищао по должности Тигеллина, одобрилъ планъ заговора; Сенека, и

своему обыкновенію, не высказывался ясно ни въ ту, ни въ другую сторону; но племянникъ его, поэтъ Луканъ, тотъ очень рѣшительно примкнулъ къ числу заговорщиковъ, возмущенный разнаго рода вопіющими несправедливостями къ нему со стороны Нерона—императора, но еще болѣе Нерона-поэта, и изъ всѣхъ соучастниковъ задуманнаго предпріятія, можетъ быть, одинъ только Плавтій Латеранъ вступилъ въ число заговорщиковъ, не руководясь при этомъ никакими корыстными видами или личными расчетами. Горячій патріотъ и въ полномъ смыслѣ благонамѣренный, Латеранъ, какъ истый римлянинъ, не могъ не краснѣть, сознавая себя подданнымъ жалкаго гистріона и развратника, унижавшаго на каждомъ шагу достоинство цезаря, и если онъ принялъ сторону противниковъ Нерона, то единственно чтобы послужить дѣлу общественнаго блага. Но главный контингентъ единомышленниковъ Пизона составляли люди вообще очень мало надежные, въ родѣ того, какими были, напримѣръ, Флавій Сцевинъ, погрязшій не менѣе самаго Нерона въ порокѣ; Квинтіанъ, запятнавшій себя такою же порочною жизнью, какою запятналъ себя Неронъ; Сенецій, подобно Нерону, изнѣженный; затѣмъ нѣкій Антоній Наталисъ, съ самаго начала, какъ видно, замыслившій измѣну товарищамъ, хотя и былъ другомъ, довѣреннымъ Пизона, и Эпихарисъ, молодая вольноотпущенница довольно легкомысленнаго поведенія, которая, впрочемъ, не только проявила — какъ оказалось на дѣлѣ — и большую рѣшимость, и болѣе энергичную предпріимчивость, нежели всѣ другіе соучастники заговора, но даже до конца твердо выдержала свою роль.

Когда планъ заговора былъ уже окончательно составленъ, причемъ рѣшено было однимъ смѣлымъ ударомъ покончить съ Нерономъ, дѣло по оплошности Сцевина было неожиданно обнаружено, послѣ чего нѣкоторые изъ заговорщиковъ, испугавшись пытокъ, сами обратились въ доносчиковъ. Наканунѣ дня, назначеннаго для нанесенія смертельнаго удара цезарю, избранный на это дѣло Сцевинъ возвратясь домой вечеромъ, счелъ за нужное сдѣлать нѣкоторыя распоряженія и, между прочимъ, вынувъ старый, но надежный клинокъ, велѣлъ отточить его къ слѣдующему дню. Сверхъ того, онъ написалъ въ этотъ вечеръ свое завѣщаніе и сдѣлалъ свободными нѣкоторыхъ своихъ рабовъ. Однако, одному изъ этихъ вновь освобожденныхъ одной свободы показалось мало и, сообразивъ по озабоченному виду своего господина, а также и по сдѣланнымъ имъ распоряженіямъ, что затѣвается что-то весьма серьезное, онъ на другое же утро чуть свѣтъ отправился въ тотъ загородный дворецъ, въ которымъ цезарь жилъ, и тамъ, вызвавъ главнаго домоправителя Эпафродита, добился того, что этотъ послѣдній представилъ его самому императору, которому онъ и сообщилъ свои догадки и подозрѣнія и, какъ бы въ подтвержденіе ихъ справедливости, показалъ похищенный имъ кинжалъ.

Напуганный страшно такимъ доносомъ, Неронъ приказалъ

немедленно привести къ себѣ Сцевина, который, съ своей стороны, устрашенный невеселою перспективою пройти черезъ цѣлый рядъ мучительныхъ пытокъ, поторопился сознаться во всемъ, и при этомъ назвалъ имена всѣхъ заговорщиковъ. Пизонъ получилъ приказаніе немедленно умереть и открылъ себѣ жилы; но, къ сожалѣнію, при этомъ онъ послалъ къ императору, испугавшись малодушно смерти, письмо, полное самой низкой и грубой лести. Однако, этимъ онъ не спасъ себя. Плавтій Латеранъ былъ позорно казненъ черезъ обезглавленіе; также точно и префектъ преторіанскихъ когортъ Феній Руфъ.

Присутствуя при допросѣ всѣхъ заговорщиковъ, Неронъ, между прочимъ, обратился къ одному изъ главныхъ, Субрію Флаву, съ вопросомъ, что могло побудить его нарушить данную имъ клятву въ вѣрности цезарю?

— Ненависть,—отвѣтилъ Флавъ.—Пока цезарь оставался достойнымъ любви, у него не было подданнаго болѣе вѣрнаго, чѣмъ я. Началась же моя ненависть къ нему съ того времени какъ онъ показалъ себя убійцею своей матери, убійцею жены своей, наѣздникомъ, комедіантомъ и, наконецъ, поджигателемъ.

Жестокимъ ударомъ была для Нерона эта откровенная рѣчь Флава. Онъ былъ привыченъ къ преступленію, но не къ тому, чтобы его укоряли имъ, бросали бы ему въ глаза обвиненіе въ преступныхъ дѣйствіяхъ, и очень равнодушно и спокойно относясь къ своимъ преступнымъ поступкамъ, онъ, однакожъ, невольно гнушался названія преступника,— и Субрій Флавъ былъ тутъ же приговоренъ къ смертной казни.

Пользуясь неудавшимся заговоромъ Пизона, какъ случаемъ, очень удобнымъ избавиться отъ нѣкоторыхъ лицъ, которыя по той или другой причинѣ были ему въ тягость или стѣсняли его, Неронъ, кромѣ заговорщиковъ, осудилъ на казнь или на ссылку очень многихъ людей, совершенно непричастныхъ заговору. Такъ, Вестинъ, принадлежавшій нѣкогда къ кружку самыхъ интимныхъ друзей Нерона, былъ схваченъ совершенно неожиданно во время пира и, ложно обвиненный въ соучастіи въ заговорѣ, тутъ же удушенъ парами горячей ванны; Руфій Креспинъ былъ сосланъ за то, что когда-то былъ мужемъ Поппеи; Вигиній—за то, что обладалъ даромъ краснорѣчія и былъ хорошимъ наставникомъ юношества; Музоній за то, что былъ настоящимъ стоикомъ. Не избѣжалъ этой участи и Петроній, этотъ баловень и любимецъ Нерона до сближенія этого послѣдняго съ Тигеллиномъ. Но, рядомъ съ Тигеллиномъ Петронію, этому изящному аристократу и джентльмену, не смотря на его цинизмъ и нѣкоторую распущенность, мѣста быть не могло; и Тигеллинъ, сознавая его превосходство надъ собою въ этомъ отношеніи и все еще боясь его вліянія на императора, давно уже рѣшилъ погубить его. Теперь же, запугавъ одного изъ рабовъ Петронія, онъ заставилъ несчастнаго выступить противъ своего господина съ ложнымъ обвиненіемъ въ участіи въ заговорѣ Пизона. Узнавъ объ этомъ Петроній, во из-

бѣжаніе томленія неизвѣстности, добровольно самъ открылъ себѣ жилы. Смерть въ его глазахъ была не болѣе, какъ такою же глупою шуткою, какъ и жизнь и, встрѣтивъ ее совершенно спокойно, онъ умеръ тѣмъ же искреннимъ, безпечнымъ малымъ, какимъ былъ всю свою жизнь.

Открывъ себѣ жилы, онъ преспокойно, пока исходилъ кровью, бесѣдовалъ съ друзьями, но не о предметахъ важныхъ, а просто о произведеніяхъ легкой беллетристики, и если при этомъ его что нибудь особенно заинтересовывало, то приказывалъ перевязывать себѣ жилы, чтобы отстановить изліяніе крови. Свое прощальное завѣщаніе, въ которое вмѣсто лживой лести по адресу Нерона и Тигеллина, онъ помѣстилъ безпощадно злую сатиру, яркими красками характеризовавшую темныя дѣянія Нерона, онъ отослалъ, запечатавъ своею печатью, къ самому императору, послѣ чего уничтожилъ свою печать и разбилъ вдребезги одинъ чрезвычайно цѣнный мирринскій сосудъ, пріобрѣтенный имъ за большія деньги, лишь бы только онъ не достался послѣ его смерти Нерону. Прочитавъ прощальное слово Петронія, Неронъ смутился замѣтно и долго думалъ, соображая, кто бы могъ сообщить Петронію такія подробности изъ его жизни, которыя онъ постоянно такъ усердно старался скрыть, но которыя теперь легко могли сдѣлаться достояніемъ каждаго, пока не пришелъ къ тому заключенію, что узнать объ этомъ Петроній могъ только черезъ Силію, жену одного изъ сенаторовъ, и сослалъ ее по подозрѣнію въ выдачѣ тайны, которой она была свидѣтельницею и участницею. Въ это время и по этому же поводу былъ имъ сосланъ преторъ Минуцій Термъ и подвергнутъ жестокой пыткѣ одинъ изъ его вольноотпущенниковъ за распространеніе подобнаго же рода слуховъ о Тигеллинѣ.

Глава XVII.

Одною изъ наиболѣе крупныхъ жертвъ гнѣва и злобы Нерона противъ соучастниковъ заговора Пизона должно безспорно считать роднаго племянника Сенеки, поэта Лукана, не съумѣвшаго, къ сожалѣнію, сохранить своего мужества до конца и въ минуту слабости сробѣвшаго малодушно въ виду смерти и утратившаго тѣ благородныя чувства, которымъ онъ до сихъ поръ оставался вѣренъ. Любимецъ и баловень судьбы, чуть ли не съ малыхъ лѣтъ, Луканъ уже отрокомъ пріобрѣлъ себѣ столь громкую извѣстность своею необычайною даровитостью, что Неронъ, всегда любившій окружать себя всякаго рода талантами, поспѣшилъ отозвать юношу изъ Аѳинъ, раньше чѣмъ онъ успѣлъ тамъ окончить курсъ наукъ, и приблизилъ его къ себѣ. Послѣ этого Луканъ въ продолженіи двухъ-трехъ лѣтъ лѣтъ оставался въ числѣ самыхъ близкихъ друзей Нерона и за это время успѣлъ себѣ завоевать среди высшаго римскаго общества положеніе любимаго поэта и писателя своего времени. Еще до достиженія имъ законнаго установленнаго совершеннолѣтія онъ былъ назначенъ авгуромъ и квесторомъ, и его появленіе въ этомъ послѣднемъ санѣ на устраиваемыхъ имъ общественныхъ играхъ и состязаніяхъ публика привѣтствовала взрывами рукоплесканій, не менѣе единодушными и восторженными, чѣмъ были тѣ, какими въ дни Августа встрѣчали Виргилія. Трудно было бы вообразить себѣ высоту болѣе головокружительную для пылкаго и даровитаго юноши, въ которомъ клокотала къ тому же горячая кровь испанца. Однакожъ, Луканъ, къ чести его, отдавая неизбѣжную дань молодости и пылкости своего темперамента, оставался даже и въ минуты наиболѣе прискорбныхъ увлеченій и слабостей неизмѣнно вѣренъ своему убѣжденію, что независимость, прямота и честность незамѣнимы ничѣмъ.

Но постепенно дружба Нерона къ Лукану, въ виду блестящаго успѣха молодаго поэта и его все болѣе и болѣе возраставшей популярности, начала замѣтно охлаждаться, и скоро императоръ, завидуя превосходству его поэтическаго дарованія надъ его собственными жалкими стихотворными произведеніями, сталъ все чаще и яснѣе выказывать это свое чувство и не только безъ всякаго стѣсненія, но еще и самымъ оскорбительнымъ для поэта образомъ. Наконецъ, зависть цезаря-поэта къ поэту Лукану дошла до того, что Луканъ получилъ запрещеніе не только издавать свои произведенія, но даже путемъ чтенія знакомить съ ними своихъ друзей и добрыхъ знакомымъ. Въ виду такой вопіющей несправедливости къ нему со стороны императора и оскорбленій, наносимыхъ при всякомъ случаѣ имъ его авторскому самолюбію, озлобленный противъ цезаря, Луканъ удалился и, замкнувшись въ строгомъ уединеніи, весь отдался семейной жизни. Но какъ только возникъ среди недовольныхъ умыселъ произвести переворотъ, Луканъ, примкнувъ къ числу заговорщиковъ, сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ сторонниковъ этого предпріятія. Но, увы! когда заговоръ былъ открытъ, когда онъ увидѣлъ малодушный страхъ своихъ обличенныхъ соумышленниковъ, когда, стоя за его плечами, палачъ указалъ ему на страшныя орудія ожидавшей его—въ случаѣ нежеланія открыть нити заговора и сообщить имена его сообщниковъ—пытки, бѣдному Лукану въ эту минуту измѣнило его обычное мужество, и онъ выдалъ все и всѣхъ. Жизни однако не спасло ему такое позорное, хотя и минутное малодушіе, и, получивъ императорскій указъ, поэтъ открылъ себѣ жилы, послѣ чего для ускоренія минуты смерти вступилъ въ горячую ванную.

Отецъ Лукана, Мела, родной братъ Сенеки, въ свою очередь обвиненный на основаніи завѣдомо ложнаго доноса въ участіи въ заговорѣ Пизона, былъ, подобно сыну, принужденъ, покоря-

ясь волѣ цезаря, наложить на себя руки; но проявилъ, къ сожалѣнію, передъ смертью тоже изрядно низкой трусости.

Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ царствованія Нерона улицы Рима, что ни день, то были безмолвными свидѣтельницами пышной погребальной процессіи то того, то другого или изъ дѣйствительныхъ, или изъ мнимыхъ участниковъ пизонова заговора, и рѣдкое семейство въ городѣ не оплакивало въ тайнѣ утрату какого-нибудь близкаго родственника. А между тѣмъ, эти самые люди, лишившись кто отца, кто брата, кто добраго друга, затаивъ въ душѣ печаль и ненависть, старались наперерывъ другъ передъ другомъ показать видъ, будто радуются торжеству цезаря, такъ счастливо избѣгнувшаго черныхъ козней своихъ злоумышленниковъ. На алтаряхъ дымъ благодарственнаго ѳиміама возносился къ богамъ, и дома убирались розами и лаврами.

Но изъ всѣхъ показаній различныхъ доносчиковъ самымъ пріятнымъ для Нерона безспорно было показаніе Наталиса противъ Сенеки, такъ такъ дало ему, наконецъ, поводъ къ обвиненію въ уголовномъ преступленіи человѣка, давно уже ставшаго предметомъ его ненависти, и такъ какъ сбыть съ рукъ его дѣлались уже не однажды различнаго рода попытки. Впрочемъ, все показаніе Наталиса противъ бывшаго воспитателя цезаря состояло лишь въ томъ, что Наталисъ, посланный Пизономъ къ находившемуся въ то время въ Кампаніи Сенекѣ съ порученіемъ спросить его, что побуждаетъ его сторониться отъ стараго друга и тѣмъ самымъ допускать разрывъ ихъ давнишней дружбы?—принесъ отъ Сенеки слѣдующій отвѣтъ: «частыя свиданія между ними имѣютъ для обоихъ ихъ свою неудобную сторону; а между тѣмъ, для него обусловливается безопасностью Пизона дальнѣйшее благополучіе его жизни».

Но и этого показанія для Нерона было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы на основаніи его признать Сенеку виновнымъ, наравнѣ съ прочими заговорщиками, въ преступномъ замыслѣ устроить государственный переворотъ; немедленно же былъ имъ посланъ къ Сенекѣ преторіанскій трибунъ Сильванъ съ приказаніемъ потребовать отъ него объясненій и признанія своей вины. Явившись въ домъ философа, трибунъ засталъ его спокойно сидящимъ со своей женой и двумя пріятелями за ужиномъ. Появленіе трибуна, очевидно, не смутило ни чуть Сенеку, и на его запросъ онъ повторилъ показаніе Наталиса почти въ тѣхъ же словахъ, за исключеніемъ послѣдней фразы, отъ которой очень рѣшительно отрекся, замѣтивъ при этомъ, что у него не могло быть никакихъ причинъ ставить свое счастье въ зависимость отъ успѣха дѣла частнаго лица и этимъ самымъ подвергать свою собственную безопасность порядочному риску.

— Къ тому же,—прибавилъ онъ,—въ словахъ этихъ слышится лесть; я же ничьимъ льстецомъ не былъ никогда, и знать этого никто не можетъ лучше самого цезаря, который гораздо чаще получалъ отъ меня доказательства моей смѣлости, чѣмъ доказательства моего раболѣпія.

Когда Сильванъ возвратился къ Нерону съ этимъ отвѣтомъ отъ Сенеки, онъ засталъ его въ обществѣ Поппеи и Тигеллина—обстоятельство, не сулившее ничего отраднаго для участи бѣднаго философа.

— Однакожъ, надѣюсь, что имъ приняты надлежащія мѣры къ прекращенію своего существованія?—спросилъ Неронъ, выслушавъ донесеніе Сильвана.

— Нѣтъ, цезарь,—отвѣтилъ трибунъ.—Ни смущенія, ни страха Сенека не выказалъ, и ничего въ его словахъ не могло дать мнѣ повода къ предположенію, что онъ помышляетъ о близкой смерти.

— Въ такомъ случаѣ, сейчасъ же вернись къ нему и объяви ему мою волю, чтобы онъ немедленно же умеръ.

Выслушавъ приказаніе цезаря, Сенека очень спокойно обратился къ одному изъ своихъ рабовъ, приказавъ ему приготовить все необходимое для открытія жилъ, и затѣмъ прибавилъ:

— А пока подай мнѣ мое завѣщаніе: я хочу кое-что прибавить къ нему, дабы всѣ друзья мои получили послѣ моей смерти каждый свою долю въ пріобрѣтенномъ мною состояніи.

— Дозволить этого я не могу,—замѣтилъ посланный отъ Нерона:—исполненіе воли цезаря не допускаетъ ни минуты промедленія.

— Хорошо,—сказалъ Сенека;—воля цезаря будетъ исполнена въ точности,—и затѣмъ, обращаясь къ друзьямъ, которые при видѣ такого рѣдкаго благодушія, не могли удержаться отъ слезъ, не безъ неудовольствія замѣтилъ имъ:—къ чему же слезы, друзья? Тому ли училъ я васъ? Гдѣ же ваша твердость? Куда дѣвалась ваша философія? И кто же изъ насъ не ждалъ изо дня въ день, съ часу на часъ этой минуты? Не врасплохъ же застигла она насъ; и чего же другого могли мы ожидать отъ Нерона? Ставъ убійцею брата, родной матери, жены, онъ долженъ былъ неизбѣжно придти и къ тому, чтобы сдѣлаться рано или поздно убійцею и своего руководителя, когда-то ближайшаго совѣтника и воспитателя.

Послѣ этого Сенека, перемѣнивъ тотъ нѣсколько суровый тонъ, какимъ говорилъ съ друзьями, на болѣе мягкій и нѣжный, началъ уговаривать свою жену постараться умѣрить сколь возможно свою печаль и не предаваться чувству малодушнаго отчаянія, а скорѣе стараться найти себѣ утѣшеніе въ воспоминаніяхъ о томъ, кто всегда стремился служить ей вѣрной опорой и никогда не позволилъ себѣ уклоняться отъ прямого пути добра и правды.

— Я рѣшилась умереть вмѣстѣ съ тобой,—тихо проговорила сквозь слезы кроткая Паулина,—пусть и мнѣ откроютъ жилы.

— Не стану отговаривать тебя отъ такого намѣренія,—отвѣчалъ ей Сенека;—и если таково твое желаніе, то умремъ вмѣстѣ.

И Сенекѣ одновременно съ его женой были порѣзаны жилы на рукахъ. Но такъ какъ старческая кровь Сенеки текла очень мед-

ленно, то онъ попросилъ врача перерѣзать ему жилы и на ногахъ, послѣ чего, чтобы не смутить жену своими страданіями и самому не смутиться видомъ ея предсмертныхъ мукъ, онъ распорядился, чтобы ее перенесли въ сосѣднюю комнату. Однако, заботы его о послѣднихъ минутахъ жизни жены оказались напрасны: Неронъ, узнавъ, что и Паулина приготовилась разстаться съ жизнью, воспретилъ ей умирать; въ виду такого запрета Паулинѣ поспѣшили перевязать порѣзы на рукахъ и, такимъ образомъ, противъ ея желанія, сохранили ей жизнь. Сенека, между тѣмъ, продолжалъ лишь медленно изнемогать и гаснуть, такъ что утомленный долгой борьбой, происходившей въ немъ между приступами смерти и послѣдними вспышками жизни, онъ, наконецъ, попросилъ, все время не отходившаго отъ него врача дать ему пріемъ цикуты Ядъ однакожъ не подѣйствовалъ; тогда Сенека, въ надеждѣ ускорить изліяніе крови, сперва вошелъ въ холодную ванну, а вслѣдъ затѣмъ въ горячую и, вступая въ эту послѣднюю, нечаянно плеснулъ водой и брызнулъ ею въ стоявшихъ возлѣ него рабовъ, причемъ проговорилъ: «Брызги эти—мое благодарственное возліяніе въ честь Юпитера-Освободителя». Слова эти были его послѣдними. Такъ кончилъ свою жизнь не только одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, но и одинъ изъ того небольшого числа наиболѣе добродѣтельныхъ, которыми могло еще похвалиться современное ему римское общество; хотя память Сенеки безспорно и не совсѣмъ чиста отъ упрека въ излишней уступчивости то своей молодости, то духу времени, воздерживаться отъ которой конечно, было бы, согласнѣе съ строгой нравственностью, все-таки нельзя не сказать въ его извиненіе, что онъ никогда не переставалъ ратовать противъ упадка нравственности и, заботясь постоянно о повышеніи ея уровня, съумѣлъ до самаго конца сохранить среди растлѣнія общества свою глубокую вѣру въ добро и въ высокое назначеніе человѣка.

Глава XVIII.

Въ одной изъ очаровательнѣйшихъ залъ «Золотого Дворца», окруженная всѣмъ, что могутъ придумать комфортъ и роскошь, сидѣла Поппея съ печалью на сердцѣ, и разсѣять ее не могли ни блестящее ея положеніе въ настоящемъ, ни какія-либо воспоминанія прошлаго, ни какая-либо свѣтлая надежда на будущее. Какъ на Агриппинѣ, какъ на Сенекѣ, какъ на Неронѣ, такъ и на Поппеѣ тяготѣло проклятіе, заключавшееся въ «*исполненіи всѣхъ ея желаній*», и всего, что она желала имѣть въ этомъ мірѣ—она уже достигла и ничего большаго не оставалось для достиженія. Тяготѣніе почестей, бремя богатствъ, возбужденіе и чадъ свѣтскихъ удовольствій—все это было уже испытано ею и переиспытано—и въ душѣ остались отъ всего этого только горечь и утомленіе.

Она была императрицей съ высокимъ титуломъ Августы, была матерью ребенка, которому въ имперіи воздавали божескія почести, воздвигали алтари; ея улыбка была залогомъ счастья и благополучія, суровый взглядъ ея грозилъ ссылкою и даже смертью, а между тѣмъ всѣ эти высокія преимущества вмѣстѣ съ великолѣпіемъ ея «Золотого Дворца», съ его безчисленными драгоцѣнностями, были не въ силахъ наполнить пустоту сердца, въ холодномъ отчаяніи застывшаго отъ избытка всего того, чего желало это сердце, къ чему оно стремилось. Былъ ли возлѣ нея кто-нибудь, кто любилъ бы ее глубоко и искренно, или кого она могла бы сама любить всѣмъ сердцемъ?

И приходило невольно Поппеѣ на память и мирное веселое дѣтство въ домѣ добрыхъ и всѣми уважаемыхъ родителей, и нѣжныя заботы о ней ея кроткой матери, и то обожаніе, какимъ она окружена была на расцвѣтѣ своей юной красоты; вспомнила она и молодого, статнаго Руфа Криспина, своего перваго мужа, такъ беззавѣтно любившаго ее, котораго она и въ свою очередь тоже любила, и малютку-сына, которымъ подарила его. Теперь этотъ малютка-сынъ давно уже успѣлъ вырасти въ краснаго мужественнаго юношу, и бѣдная Поппея слушала не безъ гордости передававшіеся ей иногда разсказы о его храбрости, добротѣ и пылкомъ умѣ. А между тѣмъ, печальная участь, недавно постигшая, по волѣ Нерона, какъ этого бѣднаго мальчика, такъ и ея перваго мужа, являлась въ настоящее время однимъ изъ главныхъ источниковъ ея горькихъ слезъ. Обвиненный въ участіи въ заговорѣ Пизона и сосланный въ Сардинію, Криспинъ получилъ тамъ извѣстіе о волѣ императора, выразившаго желаніе, чтобы онъ прекратилъ дни своего существованія самоубійствомъ. О, какой роковой оказалась для бѣднаго Криспина ея мимолетная любовь къ нему! Она испортила ему карьеру, лишила семейнаго очага, сократила ему жизнь! Но чѣмъ передъ Нерономъ виноватъ былъ ея бѣдный Руфъ? Однакожъ и его не пощадилъ гнѣвъ цезаря; не далѣе какъ два дня тому назадъ узнала она, что Неронъ, разсердясь на мальчика за то, что онъ позволилъ себѣ, играя какъ-то съ сверстниками, провозгласить себя императоромъ, велѣлъ своимъ рабамъ утопить его, и покорные рабы цезаря столкнули бѣднаго, ничего неподозрѣвавшаго, юношу въ море, когда онъ сидѣлъ на скалѣ и спокойно удилъ рыбу! Могла ли Поппея послѣ этого не плакать и не убиваться, сидя съ глазу на глазъ съ своей печалью въ одной изъ роскошнѣйшихъ залъ своего «Золотого Дворца»?

Не могла Поппея не помянуть добромъ и Оттона. Онъ оставался, по крайней мѣрѣ, неизмѣнно вѣренъ своей страстной привязанности къ ней. Очарованная блестящимъ и очень изящнымъ аристократомъ, но еще болѣе побуждаемая честолюбивыми мотивами, Поппея рѣшилась, расторгнувъ брачныя узы, связавшія ее съ Криспиномъ, чтобы стать женою ближайшаго фаворита и довѣреннаго Нерона; и съ невыразимою горечью теперь въ душѣ вопро-

шала себя, не счастливѣе въ стократъ была бы она въ настоящую минуту, еслибъ не увѣнчались успѣхомъ ея старанія плѣнить своей красотой этого самаго Нерона, еслибъ она осталась вѣрна Оттону, а еще лучше—добродѣтельной женой перваго своего мужа?

Что же до ея чувствъ къ Нерону, то она не могла скрыть отъ себя, что, кромѣ глубокаго отвращенія, она уже давно перестала чувствовать что-нибудь иное къ этому человѣку. Да и могла ли она, заглянувъ поглубже въ его душу, не проникнуться чувствомъ брезгливаго презрѣнія къ женственной, трусливой, и малодушной природѣ этого человѣка, къ этой жалкой ходячей пародіи на мужчину,—къ этому изнѣженому пѣвцу-дилетанту, плохому поэту и артисту,—существу, сотканному съ головы до ногъ изъ мелочнаго, но колоссальнаго самолюбія, мстительности и кровожадности—къ этому, въ довершеніе пассивному загребателю жара въ рукахъ Тигеллина? Къ тому же она успѣла убѣдиться въ полнѣйшей невозможности прочно и навсегда закрѣпить за собою любовь Нерона. Уже и теперь, тяготясь ея обществомъ, не рѣдко императоръ предпочиталъ ему льстивую угодливость и рабское поклоненіе своихъ безчисленныхъ паразитовъ и любимцевъ. А между тѣмъ, Поппея не могла не сознавать, что вся ея сила и все ея могущество обусловливаются исключительно одной слѣпой привязанностью къ ней цезаря и что для нея потеря его любви равносильна гибели. Вотъ и теперь прошло уже сколько дней, какъ императоръ едва заглядываетъ въ ея аппартаменты, еле говоритъ съ нею и представляетъ ее скукѣ томительнаго одиночества, чтобы въ кругу своихъ пріятелей пировать и предаваться разгулу. Но ужъ нѣтъ ли у нея какой-либо соперницы, посланной ей богами, чтобы воздать за зло, причиненное ею Октавіи? При этой мысли въ душѣ Поппеи закипѣла безсильная злоба, и, рѣшивъ, что дождется сегодня возвращенія мужа, она перешла изъ своихъ аппартаментовъ въ опочивальню цезаря.

Долго ждала Поппея возвращенія мужа, и лишь послѣ полуночи услыхала, наконецъ приближавшіеся шаги часовыхъ и рабовъ, провожавшихъ Нерона въ его опочивальню.

— Ты здѣсь? зачѣмъ?—съ небрежнымъ равнодушіемъ кинулъ ей мимоходомъ цезарь послѣ того, какъ отослалъ своихъ рабовъ и часовыхъ.

Поппея взглянула на Нерона съ нескрываемымъ отвращеніемъ. Онъ былъ въ костюмѣ колесничныхъ наѣздниковъ партіи зеленыхъ, и по его воспаленнымъ припухшимъ глазамъ, а также и по разгоряченному лицу видно было, что голова его была далеко не свободна отъ винныхъ паровъ и что онъ только-что покинулъ одну изъ тѣхъ попоекъ, какими имѣлъ обыкновеніе завершать свои наѣздническія представленія на ристалищѣ ипподрома. Раздраженная долгимъ ожиданіемъ, Поппея, при видѣ цезаря въ такомъ неприличномъ его сану положеніи, не могла сдержать охватившаго ее порыва негодованія и, съ презрѣніемъ кинувъ

ему въ лицо обидное слово «скоморохъ», начала осыпать его самыми горькими упреками.

— И не стыдно цезарю дружить съ грубыми гладіаторами, съ низкими льстецами, съ развратными любимцами, въ обществѣ презрѣнныхъ конюховъ и грязныхъ низкопоклонниковъ, забывая свое высокое положеніе императора.

Неожиданное роспеканіе жены показалось Нерону неистерпимымъ оскорбленіемъ, при которомъ онъ въ первую минуту только изумленно уставился глазами въ говорившую, но потомъ, не помня себя отъ ярости, кинулся, пошатываясь, къ бѣдной Поппеи и, забывъ, въ какомъ она находилась положеніи, нанесъ ей ударъ ногою, которая, словно на грѣхъ, была вооружена шпорою. Поппея вскрикнула отъ боли и, пошатнувшись, упала на полъ безъ чувствъ. При видѣ этого блѣднаго помертвѣлаго лица, этихъ золотистыхъ кудрей, роскошною волною разметавшихся на полу, этихъ неподвижныхъ членовъ, Неронъ мигомъ отрезвился. Неужели я убилъ ее?—въ ужасѣ спросилъ онъ себя: какъ ни взбѣшенъ былъ онъ ея упреками, однакожъ убить ее у него не было ни намѣренія, ни желанія, и по своему онъ все еще ее любилъ. Торопливо кликнувъ своихъ рабовъ, онъ приказалъ имъ скорѣе призвать прислужницъ Поппеи, которыя тотчасъ прибѣжали на его зовъ и унесли на рукахъ въ аппартаменты императрицу, все еще не приходившую въ себя.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней томилась бѣдная Поппея въ страшныхъ мукахъ, послѣ которыхъ наступила для нея не выздоровленіе, а послѣдній конецъ: къ физическимъ страданіямъ присоединился сильный нравственный упадокъ, полнѣйшая апатія, и больная, кромѣ своихъ прислужницъ и лечившаго ее врача, не желала никого видѣть. Напрасно присылалъ къ ней Неронъ своихъ гонцовъ, тщетно клялся ей въ своихъ письмахъ, что никакой мысли не только убивать ее, но даже причинить ей боль у него не было, тщетно просилъ ее, какъ милости, дать ему дозволеніе навѣстить ее. Поппея ко всѣмъ его мольбамъ оставалась глуха, и велѣла только передать ему, что если онъ въ самомъ дѣлѣ не желаетъ ея смерти, то отложитъ свое посѣщеніе до ея выздоровленія.

Единственно, кого Поппея пожелала видѣть почти уже передъ самымъ концомъ и за кѣмъ послала гонца, была жена Авла Плавтія, Помпонія Грэцина.

Получивъ приглашеніе императрицы пріѣхать немедленно въ «Золотой Дворецъ», Помпонія, которая находилась въ то время въ своемъ загородномъ домѣ близъ Тибура, гдѣ начинала постепенно поправляться послѣ вынесенной ею тяжкой болѣзни, не медля ни минуты, отправилась на носилкахъ во дворецъ, гдѣ была проведена прямо въ аппартаменты Поппеи. Нерона, на ея счастіе, во дворцѣ въ этотъ день не было: онъ съ самаго утра отправился на музыкальное состязаніе, имѣвшее быть въ этотъ день на сценѣ одного изъ общественныхъ театровъ, на которомъ онъ

самъ долженъ былъ выступить въ числѣ соискателей наградъ въ качествѣ китареда и оратора. Желая предупредить такое позорное появленіе цезаря на театральныхъ подмосткахъ, сенатъ поспѣшилъ-было еще до состязанія присудить Нерону вѣнки побѣдителя, какъ краснорѣчивѣйшему оратору и талантливѣйшему пѣвцу. Однако, самолюбіе артиста въ Неронѣ не захотѣло довольствоваться такою кажущеюся побѣдою, и, съ притворною скромностью отказавшись отъ присужденной ему награды, онъ объявилъ, что приметъ ее не иначе, какъ послѣ состязанія и по добросовѣстному приговору его судей. Театръ былъ переполненъ зрителями; давка при входѣ была страшная: каждый спѣшилъ занять себѣ мѣсто для интереснаго зрѣлища. И вотъ, въ назначеный часъ Неронъ съ лирою въ рукѣ появился на сценѣ; строго соблюдая всѣ пріемы настоящихъ пѣвцовъ, онъ одну за другой выполнилъ свои партіи, послѣ чего, прижимая руку съ сердцу, опустился на одно колѣно, съ видомъ непритворной робости ожидая себѣ приговора зрителей. Во время этого спектакля добрякъ Веспасіанъ вторично навлекъ на себя гнѣвъ цезаря-артиста, захрапѣвъ на всю залу, какъ это уже раньше случилось съ нимъ на одномъ изъ музыкально - литературныхъ вечеровъ на виллѣ Касторъ. Заслышавъ этотъ дерзкій храпъ, одинъ изъ вольноотпущенниковъ Нерона, нѣкій Фэбъ, подойдя къ Веспасіану, очень мало смыслившему, на свое горе, во всякой музыкѣ вообще, принялся грубо расталкивать спавшаго, тряся его за плечи и осыпая бранью. За такую невинную оплошность бѣдный Веспасіанъ чуть-было однакожъ не поплатился жизнью, и, еслибъ не заступничество за него нѣкоторыхъ вліятельныхъ людей, Неронъ, конечно, не преминулъ бы въ своемъ гнѣвѣ оскорбленнаго артиста осудить старика на смерть. Всетаки Веспасіану при этомъ было строжайшимъ образомъ воспрещено появляться когда-либо при дворѣ императора и, сверхъ того, внушено, что чѣмъ рѣже, вообще, будетъ онъ попадаться на глаза, тѣмъ безопаснѣе будетъ для него.—«Что же дѣлать теперь?—растерянно спросилъ онъ того же Фэба, послѣ того какъ вышелъ изъ кабинета цезаря;—и куда же мнѣ себя дѣвать?»—«Abi Morboniam! (Убирайся ко псамъ!)»—дерзко отвѣтилъ ему отпущенникъ. Когда же, нѣсколько лѣтъ спустя, этотъ самый Фэбъ, въ день воцаренія Веспасіана, бросился къ его ногамъ, моля простить ему его дерзость, благодушный императоръ ограничился только тѣмъ, что отвѣтилъ ему: «Abi Morboinam!

Пока Неронъ потѣшался такимъ образомъ, являясь передъ народомъ гистріономъ и жалкимъ скоморохомъ, Помпонія сидѣла у изголовья быстро умиравшей Поппеи и старалась всячески вдохнуть въ нее вѣру въ то загробное будущее, въ которое сама такъ твердо вѣрила.

— Ты, очевидно, не считаешь мое выздоровленіе дѣломъ возможнымъ, не такъ ли, Помпонія?—проговорила слабымъ голосомъ Поппея, замѣтивъ сострадательный взглядъ Помпоніи. Скажи мнѣ

всю правду, не убаюкивай меня, какъ это дѣлаютъ всѣ окружающіе меня, пустыми и обманчивыми надеждами, которымъ я сама не вѣрю и...

— Да; не скрою отъ Августы, что ея состояніе внушаетъ мнѣ мысль о близкомъ концѣ ея земного существованія.

— Не величай меня Августою,—замѣтила нетерпѣливо Поппея.—Мнѣ бы хотѣлось забыть самое существованіе этого титула, принесшаго мнѣ столько разочарованія, столько горя! И почему безжалостные боги не дали мнѣ умереть въ дѣтствѣ, или же когда я была женою моего перваго мужа. Тогда, умирая, я видѣла бы вокругъ себя искреннія слезы, видѣла бы непритворно печальныя лица, тогда какъ теперь...

— Вернуть прошлаго намъ не дано, Поппея, и, отходя, оно отходитъ отъ насъ навсегда и безвозвратно.

— Да, твоя правда, возврата ему нѣтъ,—проговорила Поппея,—и измѣнить его нельзя; а между тѣмъ, изъ этого прошлаго смотрятъ на меня съ такимъ укоромъ и первый мужъ мой, и бѣдный утопленный мой Руфъ, и, особенно, печальное лицо мною погублѐнной кроткой Октавіи.—И холодная дрожь пробѣжала по всему тѣлу больной.—Нѣтъ минуты, чтобы не стояло передъ моими глазами это блѣдное, безжизненное лицо, какимъ видѣла я его, когда мнѣ принесли ея голову, и еслибъ...

— Не сокрушайся, Поппея, объ Октавіи,—прервала ее Помпонія.—Октавія, какъ мнѣ говорили, простила, умирая, всѣмъ своимъ врагамъ и скончалась примиренная со всѣми и со всѣмъ.

— Но въ чемъ, гдѣ могла она найти такой душевный миръ?—спросила Поппея.—Вѣдь жемчужину эту не найдешь, думается мнѣ, ни въ одномъ океанѣ въ мірѣ?

— Въ здѣшнемъ—нѣтъ; но въ небесномъ океанѣ—да.

— Но гдѣ же оно—это небо? Мы знаемъ только одну земную жизнь, а эта жизнь дала мнѣ все, что только можетъ она дать человѣку, но счастія при этомъ дала такъ мало, что сама стала мнѣ и въ тягость, и противна, а, между тѣмъ, и смерть мнѣ страшна...

— Послушай, Поппея; скрывать отъ тебя долѣе и въ эту минуту, что я христіанка, я не считаю нужнымъ, и потому скажу тебѣ, что намъ, христіанамъ, Евангеліе говоритъ: «кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее» *). Теперь для тебя уже поздно мечтать объ обновленіи земной жизни, растраченной въ мірской суетѣ;—но спасти себя, спасти свою душу, на это время еще имѣется. Богъ христіанъ есть Богъ любви и безконечнаго милосердія, и мы вѣримъ, что Сынъ Божій, Христосъ, умеръ за наши грѣхи, и что черезъ Него мы можемъ быть омыты отъ нихъ.

— Чтобы смыть мои грѣхи на это не хватило бы водъ всей

*) Еванг. отъ Матѳея. Гл. XVI, 25.

Адріи. О, Помпонія, развѣ не знаешь ты, что смерть Октавіи, Сенеки, и многихъ, многихъ другихъ—все это было дѣломъ моихъ рукъ?

— Я знаю, бѣдная моя Поппея, что тяжелы твои грѣхи,— сказала Помпонія.—Но ты, вѣдь, знакома съ священными книгами іудеевъ и, разумѣется, читала о преступномъ царѣ, въ своемъ раскаяніи взывавшемъ къ Богу: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ изгладь беззаконія мои» *). И неужели же не говорили тебѣ никогда твои наставники іудеи о данномъ намъ Богомъ черезъ пророка обѣтѣ: «Если будутъ грѣхи ваши, какъ багряница, то сдѣлаются бѣлыми, какъ снѣгъ; если будутъ красны, какъ пурпуръ, сдѣлаются, какъ бѣлая волна **»).

— Да, слова эти я слышала; учили меня также и тому, что боговъ нѣтъ, а есть только одинъ Богъ...

— И такъ молись же ты ему, Поппея, — промолвила Помпонія,—скорѣе покайся Ему; Милости его нѣтъ границъ; Онъ проститъ тебя.

— Я не умѣю молиться,—пролепетали съ трудомъ уста умиравшей;—помолись ты за меня, я не въ силахъ...

И все слабѣе становилось дыханіе больной, все тяжелѣе вздымалась ее грудь, все смутнѣе дѣлался взоръ ея прекрасныхъ глазъ, и скоро Поппеи не стало; Помпонія, закрывъ ей глаза и набожно сотворивъ молитву надъ усопшей, удалилась тихо.

Смерть Поппеи представила Нерону новый случай блеснуть передъ публикою своимъ ораторскимъ талантомъ, и въ день похоронъ Поппеи—останки которой, въ силу ею самой выраженнаго желанія, были не сожжены, согласно римскому погребальному обычаю, а преданы землѣ по обычаю іудеевъ—онъ взошелъ на ростру и произнесъ всенародно, со всѣми обычными пріемами записныхъ ораторовъ, похвальное слово въ память покойной, въ которомъ, не касаясь, конечно, настоящей причины смерти жены, весьма краснорѣчиво говорилъ о своемъ безутѣшномъ горѣ и съ должнымъ паѳосомъ восхвалилъ какъ удивительную красоту усопшей, такъ и ея великія заслуги передъ отечествомъ. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы Неронъ отнесся совершенно равнодушно къ смерти Поппеи, можетъ быть, единственной женщинѣ, которую онъ любилъ довольно долго и съ непритворною искренностью. Напротивъ, есть основаніе полагать, что смерть жены должна была произвести на него весьма сильное впечатлѣніе по многимъ причинамъ; но только впечатлѣніе это не имѣло, къ сожалѣнію, на его характеръ никакого смягчающаго вліянія, а скорѣе произвело на него дѣйствіе укушенія бѣшенаго животнаго, и цезарь въ своемъ горѣ, метаясь и туда, и сюда, бросаясь на всѣхъ и на все, и нигдѣ не находя утоленія своей печали, ознаменовалъ свою семейную утрату рядомъ новыхъ грозныхъ дѣлъ.

*) Псаломъ Давида. I.
**) Кн. Пр. Исаіи Гл. I, 18.

Наступила новая эпоха казней. Читая исторію Рима за этотъ періодъ, такъ и кажется, словно насъ давитъ и душитъ какой-то страшный, кровавый и безобразный кошмаръ. Вся XVI книга лѣтописи Тацита являетъ собою съ начала и до конца одну безпрерывную кровавую трагедію—сплошной рядъ убійствъ. Нерономъ, казалось, овладѣло желаніе стереть съ лица земли самую добродѣтель въ лицѣ немногихъ, оставшихся въ Римѣ, выразителей ея. Среди этой новой группы жертвъ, приговоренныхъ цезаремъ, благодаря его гнѣву, раздраженію и недовольству самимъ собою, къ насильственной смерти на дому, или къ публичной казни, нельзя не отмѣтить сенатора, стоика Тразею Пета, мужа рѣдкой въ ту эпоху гражданской доблести, соединявшаго твердость убѣжденій съ замѣчательнымъ благородствомъ характера, неподкупною честностью и удивительною прямотою, а также Борея Сорана, занимавшаго нѣкогда высшія должности въ римской администраціи, человѣка безусловно благонамѣреннаго и честнаго и заслужившаго, какъ по своимъ строгимъ правиламъ, такъ и по образу дѣйствій не менѣе Тразеи, уваженіе всѣхъ честныхъ людей.

Конечно, не могло быть недостатка въ поводахъ къ обвиненію такого человѣка, какимъ былъ Тразея, въ ту эпоху всеобщаго растлѣнія нравовъ и при томъ фазисѣ нравственнаго вырожденія, въ какой не со вчерашняго дня вступилъ Неронъ. Во-первыхъ, Тразея не былъ въ числѣ тѣхъ сенаторовъ, которые такъ усердно постарались подыскать оправданіе Нерону-матереубійцѣ; во-вторыхъ, онъ не разъ позволялъ себѣ высказывать очень краснорѣчиво явный протестъ въ виду тѣхъ или другихъ жестокихъ постановленій цезаря; въ-третьихъ, онъ не считалъ совмѣстнымъ со своимъ достоинствомъ бѣгать за цезаремъ, подобно другимъ своимъ коллегамъ, съ одной сцены на другую, восторгаясь божественнымъ голосомъ и артистическимъ талантомъ несравненнаго актера; наконецъ, когда сенатъ, по случаю кончины Поппеи, очень торжественно присуждалъ покойной божескія почести, Тразея и тутъ не съумѣлъ сдержать въ границахъ рабской почтительности своего негодованія и вышелъ вонъ изъ куріи, бросивъ этимъ безмолвный укоръ въ лицо всему раболѣпному собранію. Не касаясь этимъ послѣднимъ протестомъ лично самого цезаря, Тразея, тѣмъ не менѣе, затронулъ имъ одну изъ самыхъ больныхъ сторонъ императора, и участь его рѣшена была безповоротно. Въ виду такой немилости у цезаря, на бѣднаго Тразею,—какъ лучшее доказательство того политическаго разврата, до какого дошелъ римскій народъ,—со всѣхъ сторонъ посыпались различныя обвиненія, одно другого чудовищнѣе. Призванный къ отвѣту въ засѣданіе сената, на которое, однакожъ, онъ не явился, Тразея былъ признанъ своими коллегами, изъ холопской угодливости передъ императоромъ, виновнымъ въ тѣхъ и другихъ мнимыхъ государственныхъ преступленіяхъ и одннмъ

приговоромъ совмѣстно съ Сораномъ и дочерью этого послѣдняго, Сервиліею, осужденъ на смерть.

Чистую и безпорочную жизнь Тразея заключилъ, встрѣтивъ смерть безбоязненно и бодро. Въ ожиданіи сенатскаго рѣшенія въ домѣ его собрались его друзья. То былъ не особенно многочисленный, но избранный кружокъ людей, тѣсно связанныхъ между собою, несмотря на различіе воззрѣній, взаимнымъ уваженіемъ. Стоики сходились здѣсь съ циниками, государственные люди съ простыми гражданами. Не взирая на бѣду, готовую каждую минуту обрушиться на его голову, Трезея и въ этотъ день невозмутимо спокойный, какъ всегда--мирно бесѣдовалъ, въ ожиданіи рѣшенія своей участи, съ Димитріемъ Циникомъ о природѣ души и о разлученіи ея съ тѣломъ, когда Домицій Цециліанъ, одинъ изъ того же кружка друзей, возвратился изъ сената и сообщилъ о послѣдовавшемъ рѣшеніи. Первымъ дѣломъ Тразеи, при этой вѣсти, было стараніе остановить слезы и рыданія друзей и внушить имъ болѣе твердости. Между тѣмъ, посланный отъ сената квесторъ принесъ оффиціальное извѣщеніе о смертномъ приговорѣ, послѣ чего Тразея, ни на минуту не теряя мужественнаго самообладанія, распорядился спокойно обычными въ такихъ случаяхъ приготовленіями къ смерти. Въ предсмертную же минуту, когда кровь текла ручьями изъ его открытыхъ венъ, Тразея велѣлъ позвать къ себѣ квестора и, брызгая передъ нимъ кровью, слабѣющимъ голосомъ проговорилъ, смотря на присутствовавшаго при его кончинѣ Димитрія Циника, что дѣлаетъ возліяніе Юпитеру Избавителю,—и съ этими словами скончался.

Слишкомъ два года продолжалась эта безумная и кровавая вакханалія, губившая старое поколѣніе, а за одно съ этимъ увлекавшая и новое въ развратъ; и самъ Неронъ, казалось, перешелъ уже послѣднюю границу разумнаго. Въ неравной борьбѣ съ ничѣмъ не обузданною волею цезаря одинъ за другимъ гибли безъ славы лучшіе нравственные авторитеты вѣка. Новыхъ, которые могли бы заступить ихъ мѣсто, не было пока и не предвидѣлось; римская молодежь, увлеченная въ общую оргію, не хотѣла ничего другого знать, и безграничный просторъ, казалось, былъ открытъ разгару и произволу самыхъ буйныхъ и низкихъ страстей.

Такова была эпоха того террора, что переживалъ въ это время Римъ, и уйти отъ котораго можно было не иначе, какъ путемъ совершенной безвѣстности. Всякаго рода таланты, всякія заслуги, богатство, знатность рода—все это возбуждало въ Неронѣ подозрительность и навлекало на себя его безпощадный гнѣвъ. О какой-либо возможности оправданія себя въ виду, даже завѣдомо ложныхъ обвиненій, не могло быть и рѣчи: лишенное своего значенія и смысла оправданіе никому болѣе и въ голову не приходило. Право на жизнь стало рѣдкимъ исключеніемъ, а вмѣстѣ съ этимъ люди мысли начинали постепенно все болѣе и болѣе придавать цѣны самоубійству—какъ единственному исходу изъ положенія, съ каждымъ днемъ становившагося тяжелѣе и

невыносимѣе. «А самое главное не слѣдуетъ забывать—говоритъ Сенека—что возможность самоубійства всегда въ нашихъ рукахъ. А не лучшее ли это предохранительное средство отъ тираніи? Взгляни вонъ на тотъ крутой обрывъ—это путь къ свободѣ. Видишь вонъ то море, тотъ колодезь, тотъ быстрый ручей? — на глубинѣ ихъ ждутъ тебя избавленіе и свобода. Посмотри вонъ на то суковатое оголенное дерево—съ его вѣтвей тебя манитъ къ себѣ свобода». Читая страницы кровавой лѣтописи того времени и рисуя себѣ нравственное состояніе того общества, невольно вспоминаешь одно описаніе Паскаля: «Представьте себѣ—говоритъ онъ—толпу закованныхъ въ цѣпи и осужденныхъ на смерть людей, изъ которыхъ каждый день нѣкоторымъ перерѣзываютъ горло на глазахъ всѣхъ остальныхъ, которые, въ тупомъ отчаяніи, видя въ ихъ участи свою собственную, молча и безнадежно переглядываются другъ съ другомъ».

Глава XIX.

Послѣ того, какъ Онезиму такъ счастливо удалось спасти старика Нирея отъ смерти въ достопамятную ночь живыхъ факеловъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ отправился, подъ покровомъ ночной темноты, по дорогѣ къ Арціи, куда оба прибыли на слѣдующее же утро еще до разсвѣта. Старикъ Драмо, привратникъ при фермѣ Пуденса, съ непритворною радостью встрѣтилъ своихъ старыхъ знакомыхъ, и черезъ нѣсколько минутъ Юнія очутилась въ объятіяхъ своего старика-отца, который—какъ и она—не могъ удержаться отъ слезъ, снова увидавъ свою дочь послѣ всѣхъ тѣхъ мученій и ужасовъ, какіе пережилъ за послѣднее время съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ нею. Послѣ первыхъ выраженій радости и глубокаго умиленія при видѣ отца, Юнія обратилась къ Онезиму и отъ всей души выразила ему благодарность за избавленіе отца отъ мучительной смерти.

Въ этотъ же день между ними рѣшено было, что Нирей, какъ и Юнія, останутся на первое время — въ ожиданіи наступленія лучшихъ дней для гонимыхъ послѣдователей ученія Христа — на фермѣ Пуденса, старикъ въ качествѣ работника при садѣ и огородѣ, дочь же его — какъ помощница въ домашнемъ хозяйствѣ, между тѣмъ какъ Онезимъ немедля отправился обратно къ апостолу Павлу. Однакожъ, прежде чѣмъ покинуть своихъ друзей, Онезимъ обратился къ Нирею съ просьбою дать свое согласіе на скрѣпленіе его помолвки съ Юніею таинствомъ бракосочетанія.

— Въ моей глубокой признательности за все сдѣланное тобою для меня ты не можешь сомнѣваться, сынъ мой,—отвѣчалъ ему Нирей. — Къ тому же, теперь я убѣдился, что и ты — головня, вырванная изъ пламени пожара. Но близко царствіе Божіе: багровымъ заревомъ пылаетъ небосклонъ, и разрушитъ церковь Бо-

жію старается антихристъ. Итакъ, самъ подумай, такое ли теперь время, чтобы жениться и выдавать замужъ?

— Твоя правда, отецъ,—проговорилъ Онезимъ;—но съ другой стороны, ты знаешь самъ, что ты старъ и смерть не сегодня-завтра придетъ за тобою, и тогда Юнія, среди этихъ дней скорби и ужасовъ, останется одинокой беззащитной сиротой; тогда какъ, соединенная со мною священными узами брака,—она найдетъ во мнѣ земного защитника и человѣка, всегда готоваго трудиться для нея. Мы обвѣнчаемся сегодня и сегодня же разстанемся, ибо тотчасъ по совершеніи обряда бракосочетанія я отправлюсь, чтобы снова присоединиться къ апостолу Павлу.

Нирей, убѣжденный доводами Онезима, далъ свое согласіе и въ тотъ же вечеръ, послѣ захожденія солнца, отправился вмѣстѣ съ Юніею и Онезимомъ въ небольшую подземную церковь, устроенную въ одномъ изъ темныхъ подземныхъ корридоровъ катакомбъ, только-что начинавшихъ въ то время строиться подъ самымъ Римомъ и извѣстныхъ теперь подъ названіемъ катакомбъ св. Калиста. Здѣсь они были встрѣчены лишь очень немногочисленною горстью христіанъ, уцѣлѣвшихъ отъ ярости Неронова гоненія, въ числѣ которыхъ былъ, между прочимъ, Клэтъ, спасшійся какимъ-то чудомъ и занимавшій въ настоящее время мѣсто Лина. Этимъ новымъ епископомъ раззоренной христіанской римской церкви совершенъ былъ надъ Онезимомъ и Юніею обрядъ бракосочетанія, послѣ чего имъ же благословленъ былъ хлѣбъ и вино послѣдовавшей за вѣнчаніемъ братской вечери.

На слѣдующее утро еще до зари Онезимъ былъ уже на пути въ Регіумъ, откуда предполагалъ добраться до Мессены, чтобы уже отсюда отплыть на кораблѣ къ бурливымъ берегамъ Крита. Но здѣсь, на островѣ онъ уже не захватилъ апостола, а засталъ только одного Тита Коринѳскаго, на котораго св. Павелъ, уѣзжая, возложилъ попеченія и заботы о юныхъ, вновь основанныхъ имъ, христіанскихъ церквахъ. Отплывъ въ скорости изъ Крита, Онезимъ по пути присталъ на одинъ день къ берегу Патмоса, чтобы повидать любимаго ученика Христа въ его изгнаніи, и здѣсь, подъ тѣнью маслины, сидя на вершинѣ зеленаго утеса, имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Мѣстность, гдѣ они сидѣли, была одна изъ самыхъ живописныхъ. Внизу, у ногъ ихъ разстилалась прозрачная синева тихой и гладкой поверхности моря, которую случайно тамъ и сямъ рябили однѣ красивыя морскія чайки, или альбатросы, слегка задѣвая крыломъ воду. Фантастическіе контуры большихъ и мелкихъ острововъ всюду разнообразили собою длинную береговую линію; къ востоку отъ нихъ, на іонійскомъ берегу виднѣлась историческая вершина горы Микалы: къ сѣверу — островъ Ѳеры съ его кратеромъ, извергавшимъ въ то время клубы чернаго густаго дыма, нависшаго, точно туча, въ одномъ мѣстѣ дальняго горизонта. Здѣсь апостолъ Іоаннъ впервые узналъ отъ Онезима о тѣхъ ужасахъ, которые послѣдовали въ Римѣ вскорѣ послѣ его чудеснаго избавленія отъ

мученической смерти, а вмѣстѣ съ этимъ и о чудовищномъ освѣщеніи нероновыхъ садовъ живыми факелами. То цѣпенѣя отъ ужаса, то весь содрагаясь, внималъ кроткій апостолъ братской любви и братскаго согласія расказу Онезима; изъ души его, въ которой уже созрѣвалъ тогда тотъ изумительный манифестъ, какимъ отвѣтилъ онъ на ярость народовъ и сильныхъ міра сего, вырвалось пророческое слово, предрекшее близкое паденіе двумъ величайшимъ центрамъ древняго міра: Іерусалиму — метрополіи Божьяго обветшалаго храма, Риму — метрополіи дракона и антихриста. При этомъ Іоаннъ здѣсь же, на вершинѣ острова Патмоса, довѣрилъ Онезиму ключъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ той чудной криптограмы Апокалипсиса, который — еслибъ не написанъ былъ символически—неминуемо долженъ былъ бы привести цѣлыя христіанскія общины къ гибели и разрушенію. Такъ, между прочимъ, повѣдалъ онъ Онезиму, что по кабалистическому ученію Гематріи, извѣстному у грековъ подъ названіемъ исопсефизма, слова «*Неронъ цезарь*», переложенныя на еврейскія буквы, обозначали то, что въ своемъ апокалипсисѣ онъ называетъ «числомъ звѣря»—шестьсотъ шестьдесятъ шесть. Само собою разумѣется, что въ то время было чрезвычайно важно, чтобы всѣ такія объясненія апостола остались для всѣхъ непроницаемою тайною; все таки, съ теченіемъ времени Онезимъ счелъ своимъ долгомъ подѣлиться ими настолько, что они послужили основаніемъ нѣкоторыхъ до гадокъ, слышанныхъ Иринеемъ и другими отцами церкви отъ мученика Поликарпа.

По отплытіи отъ береговъ Патмоса, Онезимъ отправился на кораблѣ въ Ефесъ; онъ однако, нагналъ апостола Павла только въ Никополѣ. Отсюда, по прошествіи зимы, довольно тревожной, апостолъ Павелъ, съ своимъ спутникомъ Онезимомъ, пробрался черезъ Македонію въ Троаду; здѣсь, въ гостепріимномъ домѣ Карпа былъ неожиданно арестованъ, на основаніи обвиненія одного мастера, Александра, побужденнаго на это чисто коммерческими разсчетами, такъ какъ его торговля миніатюрными изображеніями Ефесскаго храма и богини Діаны, пострадала значительно вслѣдствіе проповѣди апостола Павла противъ идолопочитанія и идолослуженія.

Немедленно препровожденный изъ Троады въ сосѣдній городъ Ефесъ, апостолъ Павелъ былъ призванъ къ отвѣту передъ судилищемъ тамошняго проконсула. Однакожъ, Павелъ, хорошо зная какъ мало онъ можетъ разчитывать на справедливость къ себѣ мѣстныхъ блюстителей правосудія, вторично воспользовался своимъ правомъ римскаго гражданина и потребовалъ, чтобы дѣло его было подвергнуто суду цезаря. Во время заточенія апостола въ Ефеской темницѣ его очень усердно посѣщалъ ефесянинъ Онисифоръ, а также и его любимецъ—Тимоѳей, столько лѣтъ раздѣлявшій съ нимъ опасности и труды всюду преслѣдуемой миссіонерской дѣятельности. Разлука Тимоѳея съ апостоломъ передъ вторымъ отплытіемъ этого послѣдняго въ Римъ сопровождалась

горькими слезами, которыхъ Павелъ не могъ долго забыть. И вотъ, въ сопровожденіи Онезима и сотрудниковъ своихъ по распространенію ученія Христа—Луки, Трофима, Тихика, Димаса и Ераста, достославный узникъ предпринялъ свое последнее земное странствованіе. Въ Милетѣ Трофимъ заболѣлъ и былъ оставленъ апостоломъ; Ерастъ былъ оставленъ имъ въ Коринѳѣ, а Димасъ, возлюбя мірскую суету, самъ покинулъ служеніе апостола.

Прибывъ, послѣ довольно продолжительнаго плаванія, въ Брундизіумъ, св. Павелъ немедленно отправился дальше, въ Римъ. Однакожъ, на этотъ разъ, входя черезъ Аппіевы ворота въ столицу имперіи, онъ уже не былъ встрѣченъ, какъ въ первый свой пріѣздъ толпою обрадованныхъ его прибытіемъ римскихъ христіанъ, да и самое заточеніе его отличалось теперь несравненно болѣе суровымъ и тяжелымъ характеромъ. Посѣщеніе узника христіанами простаго званія было сопряжено для этихъ послѣднихъ съ большими опасностями; христіанъ же болѣе знатнаго происхожденія въ то время въ Римѣ очень было немного. Климентъ и его семейство, раздѣляя немилость, какая постигла ихъ близкаго родственника Веспасіана, находились вмѣстѣ съ нимъ въ его Сабинскомъ помѣстьи; Помпонія, заболѣвъ послѣ своего визита къ Поппеѣ вторично, была перевезена на дальнюю виллу въ Апеннинскихъ горахъ; всѣ болѣе или менѣе крупные вожди римскихъ христіанъ, за исключеніемъ Клэта и Гермаса, погибли въ минуту разгара страшнаго гоненія, Пуденсъ, съ женою своею Клавдіею и отцомъ ея Карадокомъ, находился въ Британіи. Впрочемъ, и самъ апостолъ, зная, какою бѣдою грозили посѣтителямъ ихъ посѣщенія его всячески старался не поощрять ихъ желанія видѣться съ нимъ, и проводилъ, такимъ образомъ, большую часть своего времени въ строгомъ одиночествѣ, среди котораго его единственною усладою были непрерывныя нѣжныя заботы о немъ Онезима, и въ особенности евангелиста Луки, который, какъ врачъ, всячески старался о поддержаніи въ немъ послѣдней искры жизни. Къ тому же, онъ былъ заключенъ на этотъ разъ въ ту самую подземную—холодную, мрачную и сырую — мамертинскую темницу, гдѣ были узниками его братья по апостольству, св. Петръ и Іоаннъ Богословъ. Значительною радостью, хотя и мимолетною, былъ для апостола — пріѣздъ ефесянина Онисифора, который съ этою цѣлью нарочно прибылъ въ Римъ, гдѣ, несмотря на его положеніе, часто посѣщалъ его, всячески стараясь словомъ горячаго участія облегчить этому неутомимому труженику на нивѣ Господней его седьмое заточеніе. Но свѣтлый лучъ этотъ быстро погасъ: схвативъ тифозную заразу, Онисифоръ вскорѣ умеръ въ Римѣ.

Насталъ день, наконецъ, въ который апостолъ Павелъ долженъ былъ предстать предъ судомъ цезаря. Предсѣдательствовалъ самъ Неронъ. Содѣянныя имъ противъ христіанъ злодѣянія были такъ ужасны и чудовищны по своей неслыханной жестокости, что воспоминанія о нихъ, кровавымъ призракомъ преслѣдуя его и тревожа, еще болѣе разжигали его злыя чувства противъ послѣдователей ученія Христа, и онъ не захотѣлъ упустить случая осудить на смерть ихъ верховнаго вождя. Засѣданіе суда происходило въ базиликѣ Золотого Дворца — обширной залѣ съ нѣсколькими рядами величественныхъ колоннадъ,—залѣ, съ великолѣпіемъ которой ничто сравниться не могло. Мозаичный полъ казался пестрымъ роскошнымъ ковромъ, сотканнымъ изъ разноцвѣтныхъ — самыхъ дорогихъ и рѣдкихъ—камней, какъ порфиръ, серпентинъ, павонацетто, чиполлино и др. Стѣны, какъ и колонны, были тоже изъ дорогаго цвѣтного мрамора. Окруженный легіонерами съ ихъ серебряными орлами и другими военными знаками, императоръ возсѣдалъ на креслѣ изъ слоновой кости на широкомъ порфировомъ возвышеніи, обнесенномъ мраморной балюстрадою; позади его кресла стояли ликторы съ своими топорами, воткнутыми въ пучки, а ступенькою ниже императора и на менѣе высокихъ сидѣніяхъ помѣщались Тигеллинъ, доносчики Марцелъ и Капито, первосвященникъ садуккеевъ Измаилъ и хитрая лисья физіономія плута Семона Волхва.

Апостола Павла ввели въ залу со связанными руками и поставили передъ цезаремъ по сю сторону балюстрады. Онъ былъ совершенно одинъ: Луку и Онезима въ залу не впустили; нѣкоторые же другіе, которые знали его и его невинность, или боялись придти вмѣстѣ съ нимъ, или не могли. Рѣчи обоихъ его главныхъ обвинителей, мѣдника Александра и серебряныхъ дѣлъ мастера Димитрія, дышали ненавистью и злобою. Въ его же защиту никто не обмолвился словомъ. «При первомъ моемъ отвѣтѣ,— писалъ апостолъ къ Тимоѳею,—никого не было со мною, всѣ меня оставили. Да не вмѣнится имъ» *). Но онъ чувствовалъ себя, какъ говорилъ потомъ, подкрѣпленнымъ Тѣмъ, Чье слово такъ ревностно проповѣдывалъ.

Неронъ, давно уже ни въ чемъ не находившій себѣ отрады, всего боявшійся, ни во что не вѣрившій, находился въ самомъ свирѣпомъ настроеніи, между тѣмъ какъ Тигеллинъ, по своему обыкновенію подливая масло въ огонь, старался еще болѣе разжечь ярость императора. Въ своемъ бѣшенномъ раздраженіи цезарь сыпалъ всевозможными оскорбленіями на достославнаго узника, кричалъ, издѣвался надъ нимъ и грубо обрывалъ его съ полнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ правиламъ простой справедливости.

Въ этотъ первый день апостолъ былъ призванъ къ отвѣту лишь по поводу эфесскихъ обвиненій въ распространеніи имъ въ народѣ смутъ и духа непокорности. Попросивъ позволенія сказать слово въ свою защиту и оправданіе, Павелъ своею рѣчью, сдержанною, полною достоинства и отличавшеюся полнѣйшимъ отсутствіемъ всякаго намека на подобострастіе, произвелъ сильное впе-

*) Посланіе св. ап. Павла къ Тимоѳею. Гл. IV, 16.

чатленіе не только на призванный рѣшить степень его виновности или не виновности совѣтъ, но и на самаго цезаря, и обоготворяемый автократъ языческаго міра внималъ не безъ невольнаго трепета словомъ бѣднаго узника-христіанина.

Не смотря на гнѣвъ цезаря и плохо скрываемую имъ злобу, присяжные подали голоса — каждый согласно своему убѣжденію, за исключеніемъ нѣсколькихъ придворныхъ сикофантовъ, и такимъ образомъ апостола Павла по этому первому уголовному обвиненію, къ удивленію всѣхъ, положено было считать по суду оправданнымъ, судебное же разбирательство второго противъ него уголовнаго обвиненія отложить. Этимъ вторымъ обвиненіемъ доказалось, что апостолъ Павелъ христіанинъ и, слѣдовательно, исповѣдникъ религіи, закономъ воспрещенной въ имперіи. Павелъ зналъ, что по этому второму обвиненію оправданія для него не могло быть, но, сообщая Тимоѳею о результатѣ своего перваго отвѣта передъ цезаремъ, онъ съ сердечной благодарностью писалъ, что «Господь избавилъ его изъ львиныхъ челюстей».

ЧАСТЬ III.

(Атропосъ отрѣзаетъ нить).

Глава I.

Римъ надоѣлъ Нерону и съ каждымъ днемъ видъ его становился для него тяжелѣе и несноснѣе: безмолвный свидѣтель всѣхъ темныхъ дѣяній цезаря, онъ черезчуръ живо напоминалъ ему такіе поступки и дѣла, при воспоминаніи о которыхъ онъ и самъ подчасъ содрагался, будучи не въ силахъ совсѣмъ и навсегда заглушить въ себѣ голосъ присущей каждому изъ насъ совѣсти. Тщетно старался онъ, развлекаясь то сценическими представленіями, то наѣздничествомъ, то чудовищными оргіями, создать себѣ элементы какого-то особаго призрачнаго міра: міръ этотъ оставался полонъ отзвуками кровавыхъ дѣлъ, безумныхъ капризовъ извращенной фантазіи и всякаго рода чудовищныхъ вакханалій. Имъ было все испытано, свыше всякой мѣры всѣмъ злоупотреблено, все осквернено, и «мутный источникъ страстей проклятыхъ», изъ котораго онъ такъ жадно пилъ, не утоляя его жажды, истощалъ лишь его силы и сжигалъ ихъ. Разыгрывая изъ себя божество, постепенно онъ все болѣе и болѣе утрачивалъ образъ и подобіе разумнаго существа, становясь однимъ изъ тѣхъ, которые, какъ говорилъ ап. Павелъ, изобрѣтательны на всякое зло и не только дѣлаютъ дѣла злыя, но и дѣлающихъ одобряютъ.

Вдобавокъ, въ Римѣ ему некуда было уйти отъ тѣхъ язвительныхъ оскорбленій, которыя уже начинали сыпаться на него со всѣхъ сторонъ. Точно отъ прикосновенія горячихъ углей — жгло Нерона отъ этихъ оскорбительно-прозрачныхъ намековъ; а между тѣмъ ихъ авторы оставались настолько неосязаемы, что отмстить имъ, при всемъ своемъ желаніи, онъ не могъ, развѣ только предавъ смертной казни всѣхъ безъ разбора обывателей своей столицы. Каждый день появлялись то тамъ, то здѣсь на стѣнахъ цирка и другихъ общественныхъ зданій, а не то даже и на стѣнахъ его собственнаго дворца, углемъ или мѣломъ выведенныя, обличительныя надписи, мѣткость и язвительность которыхъ

краснорѣчиво свидѣтельствовали, что часто стѣны бываютъ не только бумагой дураковъ, но и очень острымъ орудіемъ злаго мщенія противъ необузданной тираніи и деспотизма; и Неронъ это чувствовалъ, хотя и притворялся, будто остается равнодушнымъ къ подобнаго рода надписямъ. Все это, вмѣстѣ взятое, заставило императора еще разъ подумать объ осуществленіи своей давнишней мечты совершить артистическую поѣздку на востокъ и въ особенности по Греціи, которую одну, какъ родину сценическаго и другихъ искуствъ, признавалъ достойною свого таланта, ареною для музыкальныхъ и поэтическихъ состязаній. Сверхъ того, льстивые греки еще прежде, чѣмъ рѣшена была поѣздка въ Ахаію, съумѣли плѣнить воображеніе впечатлительнаго Нерона, приславъ изъ многихъ городовъ почетную депутацію для поднесенія цезарю вѣнковъ, назначавшихся при состязаніяхъ въ награду талантливѣйшимъ китаредамъ. Нѣтъ нужды, думаемъ, говорить, что члены депутаціи встрѣчены были императоромъ съ распростертыми объятіями и удостоились чести получить приглашеніе принять участіе въ застольныхъ литературныхъ бесѣдахъ цезаря.

Такимъ образомъ въ Грецію императоръ двинулся съ кортежемъ, въ виду многочисленности котораго позволительно было бы предположить, что цѣль поѣзки императора—завоеваніе Индіи, еслибъ персоналъ этой многочисленной свиты не состоялъ преимущественно изъ спеціалистовъ не по военному дѣлу, а исключительно по бутафорской и вообще по театральной части. Кромѣ того, его сопровождала обычная толпа его любимцевъ, льстецовъ и другихъ паразитовъ, да цѣлое полчище клакеровъ.

Съ такимъ кортежомъ и съ такими вспомогательными силами цезарь, казалось, могъ бы быть совершенно спокоенъ относительно своихъ артистическихъ успѣховъ; однако, выступая соискателемъ награды на томъ или другомъ музыкальномъ или литературномъ состязаніи, Неронъ постоянно ощущалъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ видъ, будто ощущаетъ чисто женскую застѣнчивость и робость: всѣмъ сталъ доступенъ позорный видъ римскаго императора, преклоняющаго униженно колѣни на сценѣ того или другого греческаго города передъ толпою зрителей, подобострастно выжидающаго себѣ приговоръ своихъ судей, смиренно заискивающаго ихъ одобренія и до крайности волнующагося при малѣйшей оплошности, при малѣйшей ошибкѣ въ исполненіи взятой имъ на себя роли. Но и помимо всего этого Неронъ еще унижалъ себя, снисходя до мелочныхъ недостойныхъ интригъ маленькихъ провинціальныхъ театровъ: поносилъ всячески своихъ конкуррентовъ, а не то старался подкупить ихъ, упрашивая уступить побѣду ему; какъ-то, когда-то какой-то эпиротъ, обладавшій замѣчательно красивымъ и хорошо обработаннымъ голосомъ, отказалъ наотрѣзъ императору въ такой его просьбѣ, клика Нерона набросилась на несчастнаго и, прижавъ къ стѣнѣ, избила до смерти опаснаго соперника цезаря-артиста.

Тѣмъ временемъ въ Римѣ верховная власть находилась въ рукахъ двухъ вольноотпущенниковъ Гелія и Поликлэта, изъ которыхъ первому было дано право казнить и миловать не только простыхъ гражданъ, но и всадниковъ, даже сенаторовъ, и которые скоро, оба въ одинаковой мѣрѣ, вызвали въ народѣ какъ своимъ грабительствомъ, такъ и другими вопіющими притѣсненіями ропотъ и недовольство, такъ что среди римскаго народонаселенія всюду слышались жалобы на сугубое угнетеніе со стороны ужъ не одного Нерона, а цѣлыхъ двухъ. Къ тому же и самъ Неронъ, хотя и очень поглощенный своими стараніями заслужить себѣ дань удивленія со стороны самаго артистическаго народа въ мірѣ, не забывалъ и черныхъ дѣлъ своего безграничнаго произвола и своей не менѣе безграничной подозрительности, и какъ ни много времени отнимала у него его артистическая дѣятельность, онъ, однако, все-таки находилъ достаточно свободныхъ минутъ, чтобы скрѣпить своею подписью тотъ или другой смертный приговоръ, и, такимъ образомъ, дѣйствуя за одно съ своимъ римскимъ намѣстникомъ Геліемъ, успѣлъ и во время своего пребыванія въ Греціи низвести въ царство тѣней изрядное число новыхъ жертвъ своей мнительности и зависти. Не перечисляя всѣхъ нероновыхъ жертвъ за этотъ періодъ его царствованія, назовемъ лишь наиболѣе крупныя изъ нихъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто безспорно принадлежитъ доблестному полководцу Корбулону, всю жизнь свою ревностно служившему имперіи. Ему одному былъ обязанъ Неронъ какъ тѣми немногими побѣдами, какими прославились римскія знамена въ его эпоху, вообще очень небогатую громкой военной славой, такъ и тѣми военными блестящими дѣйствіями, которыми удалось обуздать, наконецъ, воинственный духъ свободолюбивыхъ пароянъ. А между тѣмъ, этотъ великій полководецъ, всю жизнь оставаясь на службѣ на одной изъ дальнихъ окраинъ имперіи, ни разу не удостоился ни чести получить приглашеніе явиться ко двору, ни какихъ-либо военныхъ почестей; ни разу не былъ награжденъ за одержанныя имъ блестящія побѣды ни тріумфомъ, ни вообще какой-либо торжественной оваціей. Впрочемъ, Корбулонъ былъ очень радъ предоставляемой ему такимъ образомъ возможности оставаться подальше отъ блестящей суеты, пышности и позолоченнаго рабства придворной жизни. Но теперь, находясь въ Греціи, Неронъ вспомнилъ храбраго Корбулона и написалъ къ нему письмо, въ которомъ, выразивъ ему сыновнюю почтительность, просилъ пріѣхать къ нему, чтобы онъ могъ лично высказать ему свою признательность и наградить его по заслугамъ. Отвѣчать отказомъ на приглашеніе императора было бы равносильно неповиновенію; Корбулонъ же былъ всю жизнь безупреченъ въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ къ цезарю. Но, къ сожалѣнію, у Корбулона, какъ вообще и у всѣхъ истинно хорошихъ людей, были свои завистники; одинъ изъ нихъ, его же подчиненный, по имени Аррій Варъ, успѣлъ своими злыми наговорами возбудить противъ него подозрительность Нерона, и

Корбулону, когда онъ прибылъ въ тотъ городъ Греціи, въ которомъ въ то время подвизался Неронъ на поприщѣ сценическаго искусства, было не только отказано въ аудіенціи у императора, но вскорѣ былъ присланъ приказъ убить себя. Извѣщенный о таковой волѣ императора, Корбулонъ не сталъ унижать себя ни безполезными жалобами, ни проклятіями противъ неблагодарности цезаря, схвативъ свой мечъ, онъ вонзилъ его себѣ въ грудь, проговоривъ лишь одно слово: заслужилъ! Можетъ быть, словомъ этимъ честный воинъ высказалъ шевельнувшееся въ душѣ его минутное раскаяніе въ томъ, что онъ не внялъ призыву Рима и востока, просившихъ его принять на себя роль ихъ освободителя отъ тирана. Въ числѣ другихъ, менѣе крупныхъ самихъ по себѣ и менѣе чувствительныхъ для государства жертвъ Нерона въ это время былъ, между прочимъ, и прежній его любимецъ и учитель въ пантомимѣ, красавецъ Парисъ, этотъ любимый актеръ, какъ и Алитуръ, всей римской публики. Даровитый актеръ долженъ былъ жизнью поплатиться за бездарность вѣнценоснаго своего ученика; смерть его, какъ смерть Росція—«затмила собой веселье народовъ», и могла бы, еслибъ была надобность въ этомъ, послужить Алитуру еще однимъ доказательствомъ, что дружба тирановъ пахнетъ смертью.

Едва ли можно удивляться тому, что Неронъ въ бытность свою въ Греціи не посѣтилъ Спарты: онъ зналъ, что, глубоко чтя традиціи своего прошлаго, Спарта должна была неминуемо отнестись не иначе, какъ съ строгимъ порицаніемъ къ его позорной назойливости. Если же онъ не былъ въ Аѳинахъ, то это случилось только потому, что аѳиняне не догадались почтить несравненнаго китареда приглашеніемъ. Къ тому же удовольствіе артистической поѣздки цезаря было неожиданно нарушено на полъ-пути тревожными извѣстіями не только изъ Іудеи, но даже изъ самаго Рима.

Возстаніе въ Іудеѣ находилось въ полномъ разгарѣ и при такомъ положеніи дѣла съ каждымъ днемъ безотлагательнѣе требовалось назначеніе туда опытнаго и хорошаго полководца, въ виду чего Неронъ рѣшилъ отправить въ Іудею Веспасіана. Удаленный изъ Рима за свой преступный храпъ во время божественнаго пѣнія августѣйшаго пѣвца, старый полководецъ жилъ въ то время въ глуши своего сабинскаго помѣстья; когда онъ увидалъ однажды въ своемъ скромномъ домѣ появленіе цезарева гонца, то невольно ощутилъ холодную дрожь, увѣренный, что посланный принесъ ему приказаніе императора умереть. Страхъ его, однакожъ, оказался напраснымъ; гонецъ, напротивъ, принесъ ему почетное назначеніе на должность управителя Іудеи совмѣстно съ должностью главнокомандующаго тамошними войсками.

Впрочемъ, извѣстіе о бунтѣ іудеевъ, хотя и было очень серьзно, однакожъ, гораздо менѣе тревожнаго характера, чѣмъ, полученныя Нерономъ почти одновременно съ нимъ, вѣсти изъ Рима.

Гелій одно за другимъ слалъ донесенія императору, въ которыхъ говорилось, что положеніе дѣлъ въ Римѣ съ каждымъ днемъ все настоятельнѣе требуетъ возвращенія цезаря въ столицу имперіи. Но Неронъ на это отвѣчалъ Гелію лишь слѣдующей фразой: «Ты требуешь, чтобы я возвратился въ Римъ; а между тѣмъ, не слѣдовало ли бы тебѣ прежде всего желать, чтобы цезарь вернулся въ свою столицу увѣнчанный славой, достойной Нерона?» Однако, катастрофа была готова разразиться, и нельзя было изъ-за напыщеннаго пустословія пренебрегать принятіемъ необходимыхъ мѣръ; для ея предупрежденія Гелій самъ поспѣшилъ въ Коринѳъ въ надеждѣ заставить императора очнуться отъ угара своихъ театральныхъ забавъ, которыми онъ такъ легкомысленно увлекался до полнаго забвенія не только своего достоинства цезаря, но и своихъ интересовъ въ качествѣ императора. Погода въ день отплытія Нерона отъ береговъ Греціи была необыкновенно бурная; тѣмъ не менѣе медлить съ отъѣздомъ было нельзя: быстро приближался день его послѣднихъ счетовъ съ жизнью.

Глава II.

Тревожныя вѣсти, привезенныя Геліемъ изъ Рима, также какъ и неутѣшительные слухи, доходившіе до цезаря со всѣхъ концовъ его обширной имперіи, заставили, наконецъ, Нерона стряхнуть съ себя хмѣль пустаго тщеславія и прервать на время ту недостойную буффонаду, какой онъ опозорилъ себя среди художественнѣйшаго въ мірѣ народа. Но, хотя въ немъ и замѣчались нѣкоторые признаки безпокойства и страха, тѣмъ не менѣе онъ или дѣлалъ видъ, будто все это очень мало тревожитъ его, или, быть можетъ, дѣйствительно не въ состояніи былъ въ чаду своихъ сценическихъ увлеченій измѣрить всего объема угрожавшей ему опасности. «Великая важность,—говорилъ онъ своимъ ближайшимъ довѣреннымъ лицамъ,—еслибъ даже и лишили меня престола! Развѣ не покровительствуетъ весь образованный міръ и талантамъ, и искусству! И что могло бы лечь легче для меня, талантливаго китареда и пѣвца, какъ добывать себѣ средства къ жизни и сдѣлаться любимцемъ публики. Повѣрьте мнѣ, друзья, что слава моя, какъ артиста, завоеванная мною собственными талантами, очень скоро затмила бы собою блескъ моей императорской короны, которая, не болѣе, какъ мое наслѣдственное достояніе».

И дѣйствительно, возвратясь въ Италію, Неронъ, нисколько не заботясь о мѣрахъ предосторожности, и тутъ, казалось, искалъ для себя лишь новыхъ артистическихъ тріумфовъ. На долю Неаполя выпало счастіе стать первымъ итальянскимъ городомъ, въ который съ тріумфомъ въѣхалъ цезарь на своемъ возвратномъ пути въ Римъ. Для этого въѣзда нарочно въ городской стѣнѣ сдѣланъ былъ проломъ, черезъ который Неронъ, самъ правя, въ сопро-

вожденіи своего многотысячнаго кортежа, въѣхалъ въ городъ на роскошной золотой колесницѣ, запряженной четверкой рѣзвыхъ бѣлоснѣжныхъ коней. Не менѣе торжественнымъ въѣздомъ осчастливилъ императоръ и драгоцѣнный въ его глазахъ, какъ мѣсто его рожденія, Антіумъ, а также и Альбано, гдѣ находился глубоко почитавшійся всею вообще латинскою расою, какъ народная святыня, храмъ Юпитера Латіарія, покровителя латинскаго союза. Но для Рима, своей резиденціи и столицы имперіи, цезарь приберегъ торжественность небывалаго тріумфа, одинъ ужъ видъ котораго не могъ не вызвать краски стыда на лицѣ каждаго истаго римлянина. Облеченный въ дорогую пурпуровую тунику, поверхъ которой съ плечъ накинута была усѣянная золотыми звѣздами хламида, цезарь-артистъ въѣхалъ въ Римъ на той самой колесницѣ, на которой основатель имперіи, императоръ Августъ праздновалъ свой тріумфъ послѣ славной побѣды, одержанной побѣдоносными римскими знаменами при Акціумѣ. Голова его была увѣнчана оливковымъ вѣнкомъ побѣдителя при олимпійскихъ состязаніяхъ, въ правой рукѣ онъ держалъ пиѳійскій лавровый вѣнокъ. Въ колесницѣ, рядомъ съ тріумфаторомъ, возсѣдалъ не доблестный полководецъ, а китаредъ Діодоръ— его бывшій преподователь игры на киѳарѣ. Впереди колесницы тянулись безконечно длинною вереницею ряды герольдовъ, несшихъ побѣдные вѣнки, полученные цезаремъ на разныхъ состязаніяхъ музыкальныхъ и драматическихъ; позади шли цѣлыя тысячи хорошо выдресированныхъ клакеровъ, называвшихся августіанцами. Въ Колоссеѣ, по случаю въѣзда императора, сдѣланъ былъ проломъ одной изъ арокъ и черезъ эти расширенныя ворота императоръ со всѣмъ своимъ кортежемъ въѣхалъ въ Велобрумъ, откуда черезъ форумъ направился не къ Капитолію, по обычаю всѣхъ цезарей, а въ палатинскій дворецъ, въ храмъ своего патрона Аполлона Музагэта. Къ нему на встрѣчу вышелъ сенатъ въ полномъ своемъ составѣ и въ парадномъ облаченіи; народъ густыми толпами валилъ вслѣдъ за торжественною процессіею цезаря и восторженнымъ крикамъ: «Да здравствуетъ славный пѣвецъ-побѣдитель! Да здравствуетъ Августъ! Слава Нерону-Геркулесу! Слава Нерону-Аполлону! Слава его божественному голосу!» —крикамъ, въ которыхъ голоса плебеевъ сливались съ голосами сенаторовъ, все еще продолжавшихъ носить почетное названіе «отцовъ отечества», казалось, не будетъ конца. На улицахъ курились ароматическія эссенціи; изъ оконъ домовъ, убранныхъ зеленью и цвѣтами, сыпались на славнаго пѣвца розы, лиліи и даже драгоцѣнные каменья, съ балконовъ молодыя римлянки махали ему восторженно платками, даря побѣдителя радостными улыбками и нѣжными взглядами.

Торжество цезаря-артиста было полное, и желать ему больше не оставалось ничего; цѣль его была достигнута: достоинство цезаря отступило на задній планъ передъ искусствомъ гистріона — и чернь, и народъ, и отцы-сенаторы, проявляя рѣдкое между собою согласіе, рукоплескали единодушно публичному гаерству сво-

его божества, получившему въ глазахъ римлянъ священный характеръ, и потѣшныя зрѣлища, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся самъ императоръ, возведены были отнынѣ на степень важныхъ государственныхъ дѣлъ. Перестала существовать имперія въ настоящемъ значеніи слова, а было только одно всемирное позорище, на которомъ въ качествѣ зрителей присутствовали народы и племена всего образованнаго міра, не спуская глазъ съ цезаря-артиста и готовые рукоплескать каждому звуку его божественнаго голоса.

Совершенно успокоенный со стороны тѣхъ опасеній, которыя были вызваны въ немъ тревожными сообщеніями Гелія, Неронъ съ этихъ поръ весь отдался исключительно только однимъ заботамъ о развитіи и сбереженіи своего дивнаго голоса, — оберегая его, онъ дошелъ до того, что всѣ свои приказанія преторіанцамъ, также какъ и сообщенія о своихъ намѣреніяхъ и планахъ въ собраніи отцовъ-сенаторовъ, сталъ дѣлать не иначе, какъ письменно. Кромѣ того, онъ приставилъ теперь къ своей особѣ особое должностное лицо, прозванное имъ фонаскомъ, обязанности котораго заключались въ томъ, чтобы, находясь безотлучно при императорѣ, слѣдить за тѣмъ, чтобы цезарь надлежащимъ образомъ берегъ свое горло, повязывалъ бы шею и не забывалъ бы прикрывать ротъ платкомъ.

Однакожъ, этому тріумфу цезаря-китареда, — тріумфу, не имѣвшему ничего себѣ подобнаго на страницахъ римской лѣтописи и вызвавшему столько громкихъ восторговъ среди народа, павшаго въ своемъ развратѣ до утраты простаго чувства благопристойности,—суждено было быть послѣднимъ торжествомъ Нерона. Терпѣніе и Бога и человѣка было одинаково исчерпано и грянулъ громъ.

Впрочемъ, не Римъ грозилъ цезарю бѣдою: едва окрѣпшее въ отсутствіе Нерона негодованіе римлянъ быстро разсѣялось съ его прибытіемъ. Обветшалый и давно заѣденный развратомъ Римъ, сдѣлавшись нравственнымъ банкротомъ, потерялъ всякую способность къ какому-либо энергическому благому начинанію и могъ служить теперь развѣ только отголоскомъ постороннихъ движеній въ предѣлахъ имперіи. Первый ударъ долженъ былъ послѣдовать изъ Галліи —западнаго края того обширнаго пространства, которое обнимало собою римская провинція, состоявшая изъ множества подвластныхъ ему земель, лежавшихъ отъ Рима и къ востоку, и къ сѣверу, и къ западу. Уже давно до слуха западныхъ подданныхъ Нерона дошла стоустая молва о тѣхъ или другихъ славныхъ подвигахъ цезаря-гистріона, а также и о послѣднемъ его позорномъ тріумфѣ, явившемъ собою какъ бы пародію на трехвѣковое славное прошлое римлянъ; надъ чѣмъ такъ беззаботно смѣялся римлянинъ, что было для него лишь потѣхою, то въ провинціалахъ пробуждало изрядное негодованіе и нравственное смущеніе, которыя, постепенно накопляясь и зрѣя, не могли при первомъ же толчкѣ не выразиться открытымъ энер-

гичнымъ протестомъ. Въ данномъ случаѣ толчекъ былъ данъ самимъ правителемъ края, смѣлымъ и энергичнымъ галломъ, по имени Юліемъ Виндексомъ, неустрашимой отважности котораго удалось, наконецъ, пробудить имперію отъ позорной и роковой ея спячки.

Потомокъ очень древняго аквитанскаго рода, вдобавокъ еще римскій сенаторъ и правитель края, Виндексъ, благодаря своей необычайной храбрости и твердости характера, пользовался во ввѣренной его управленію провинціи большимъ вліяніемъ не только среди тамошнихъ войскъ, но и среди гражданъ. Зондируя настроеніе подначальныхъ ему легіонеровъ, чтобы узнать, достаточно ли сильна была для задуманнаго имъ переворота ихъ ненависть къ императору-скомороху и тирану, Виндексъ вскорѣ убѣдился, что время къ возстанію приспѣло. Однако, зная, что въ качествѣ галла онъ едва ли могъ разсчитывать, чтобы его возвели на императорскій престолъ, онъ, прежде чѣмъ поднять знамя возстанія, вступилъ въ тайные переговоры съ Гальбою, бывшимъ въ то время правителемъ въ Испаніи, предложилъ ему, въ случаѣ успѣха, занять мѣсто Нерона на римскомъ престолѣ и получилъ на это согласіе Гальбы, послѣ чего, 16-го марта 68 года по Р. Х., во всей Галліи по его слову вспыхнуло возстаніе. Неронъ въ это время находился въ Неаполѣ, куда уѣхалъ, чтобы дать нѣкоторый отдыхъ своему божественному голосу, и гдѣ 19-го марта, какъ разъ въ годовщину убійства матери, до него дошло извѣстіе о вспыхнувшемъ въ подвластной ему провинціи возстаніи.

Идіотское легкомысліе, съ какимъ отнесся Неронъ къ полученному тревожному извѣстію, изумило не только людей серьезныхъ, но даже и его ближайшихъ друзей-товарищей веселыхъ пировъ и кутежей. Онъ много хохоталъ при этомъ, заранѣе радуясь — говорилъ онъ — случаю поживиться грабежомъ провинціи, слывшей одной изъ самыхъ богатыхъ въ его имперіи. Потомъ, онъ очень спокойно отправился въ гимназію, гдѣ съ неподдѣльнымъ восторгомъ долго любовался происходившими тамъ въ этотъ день борьбою и играми атлетовъ. Вечеромъ, пока Неронъ возлежалъ за ужиномъ, пришли вѣсти болѣе тревожнаго характера, но и тутъ цезарь продолжалъ бодриться и только замѣтилъ: «Горе бунтовщикамъ!» Цѣлыхъ восемь дней онъ не только не трогался съ мѣста, но даже не дѣлалъ никакихъ распоряженій по этому поводу, и вообще о происшествіяхъ въ Галліи хранилъ самое упорное молчаніе, притворяясь, будто игнорируетъ угрожавшую ему опасность, словно надѣялся благополучно отдѣлаться отъ нея. Долгая безнаказанность сдѣлала его фаталистомъ.

Скоро до Нерона дошли прокламаціи Виндекса, въ которыхъ храбрый галлъ, говоря о Неронѣ, называлъ его не иначе, какъ Агенобарвомъ, несчастнымъ пѣвцомъ, а игру его на китарѣ жалкимъ брянчаніемъ. Затронутый въ своемъ самолюбіи артиста, цезарь тутъ дѣйствительно встрепенулся духомъ и въ припадкѣ бѣшеннаго негодованія написалъ къ сенату особое посланіе, считая нужнымъ опровергнуть такую чудовищную къ нему несправедливость мятежнаго галла. «Не служитъ ли такое сужденіе, — говорилъ Неронъ въ этомъ посланіи, — лучшимъ доказательствомъ невѣжества и полнѣйшаго отсутствія всякого эстетическаго пониманія. Пусть сенатъ встанетъ для его защиты. Онъ очень охотно явился бы и лично, еслибъ его отчасти не безпокоила замѣчаемая имъ съ нѣкоторыхъ поръ слабость горловыхъ органовъ».

А тѣмъ временемъ извѣстія, приходившія изъ Галліи, со дня на день становились тровожнѣе, и гонцы одинъ за другимъ скакали изъ Рима въ Неаполь. Наконецъ, Неронъ вынужденъ былъ покинуть Неаполь и вернуться въ свою столицу. А Виндексъ успѣлъ уже собрать подъ свое знамя стотысячное войско. Однако, Неронъ, повидимому, все еще не унывалъ и, прибывъ въ Римъ, вмѣсто того, чтобы созвать сенатъ и народъ, ограничился тѣмъ, что пригласилъ къ себѣ на домашній совѣтъ нѣсколько лицъ, пользовавшихся тогда его довѣренностью, которыхъ послѣ очень непродолжительнаго совѣщанія весь вечеръ занималъ упражненіями на новоизобрѣтенномъ музыкальномъ инструментѣ, въ которомъ звуки проходили черезъ воду и отличались необычайною мягкостью. «Надѣюсь, что со временемъ, и на этомъ инструментѣ покажу я свое искусство публикѣ,—сказалъ онъ и тутъ же, какъ бы вспомнивъ что-то, прибавилъ; но, конечно, если только Виндексъ дастъ мнѣ на это свое позволеніе».

Возстаніе же все больше и больше разгоралось на западѣ, и ничѣмъ несдерживаемое пламя его, перекинувшись изъ Галліи за Пиринеи, охватило скоро почти всю Испанію. Стоявшіе въ ней легіоны провозгласили Гальбу императоромъ. При этомъ извѣстіи Нерона охватилъ паническій страхъ. Упавъ въ обморокъ, онъ долгое время пролежалъ какъ мертвый безъ голоса и безъ движенія, послѣ чего въ припадкѣ мучительной тоски, смѣнившей тупое оцѣпенѣніе, онъ рвалъ на себѣ одежду, билъ себя въ голову и метаясь и плача, повторялъ: „Я погибъ, — погибъ безвозвратно!» Въ эту минуту къ нему подошла его старушка няня и, желая успокоить его, напомнила ему, что такого рода бѣдствія бывали удѣломъ и многихъ другихъ цезарей. «Нѣтъ, участь моя несравненно печальнѣе,—отвѣтилъ ей Неронъ;—я вѣдь обреченъ еще заживо лишиться имперіи и власти». Надоумленный кое-кѣмъ изъ немногихъ оставленныхъ имъ въ живыхъ честныхъ и благонамѣренныхъ людей, Неронъ издалъ эдиктъ о принятіи нѣкоторыхъ разумныхъ и полезныхъ мѣръ; но всѣ тѣ планы и мѣры, что созрѣвали въ его помутившемся умѣ оказывались или неосуществимыми, или отзывались чудовищною фантазіею больнаго воображенія, или просто ребячествомъ. Все больше и больше овладѣвая душою цезаря по мѣрѣ того, какъ кругомъ росло число недобрыхъ симптомовъ, тоска отчаянія давила его страшнымъ кошмаромъ и страшныя грезы одна за другой мерещились Нерону. То ему казалось, что всѣ военные начальники и намѣстники различныхъ провинцій въ заговорѣ противъ него и онъ собирался всѣхъ ихъ предать

смертной казни, а на ихъ мѣсто назначить новыхъ; то высказывалъ намѣреніе издать приказъ о поголовномъ избіеніи всѣхъ римлянъ, которые находились въ Галліи, и всѣхъ галловъ, которые имѣли свое жительство въ Римѣ; то опять, придумавъ новый планъ, рѣшалъ, что лучше подкупить расположеніе къ себѣ легіоновъ и для этого предоставить имъ всю Галлію на расхищеніе: то, вдругъ, усматривая въ жителяхъ Рима лишь скрытыхъ предателей и измѣнниковъ, онъ высказывалъ намѣреніе всѣхъ сенаторовъ, пригласивъ къ себѣ на пиръ, отравить, а тѣмъ временемъ зажечь городъ со всѣхъ концовъ и въ то же время для вящаго смущенія всего народонаселенія столицы выпустить изъ различныхъ цирковъ и звѣринцевъ всѣхъ дикихъ звѣрей, самому же среди общаго смятенія бѣжать въ Александрію.

Впрочемъ, была одна минута, когда Неронъ, какъ бы образумившись отъ дикихъ фантазій, началъ вдругъ дѣлать приготовленія къ походу противъ мятежниковъ. Повелѣвъ обоимъ консуламъ удалиться отъ занимаемыхъ ими должностей, цезарь объявилъ, что отнынѣ приметъ на себя одного всѣ ихъ обязанности и въ качествѣ римскаго консула поведетъ лично войско противъ возмутившейся Галліи. Но то была лишь минутная вспышка, и воинственная маска полководца очень скоро спала съ лица изнѣженнаго императора. При этомъ и самые сборы его къ военной экспедиціи были отмѣчены тою же печатью буффонства, какъ и вообще всѣ его дѣйствія за послѣднее время, и выказывали лишь его тщеславіе актера, безуміе и развращенность. Такъ, дѣлая распоряженія о необходимыхъ для предполагавшагося похода повозокъ онъ заботился, главнымъ образомъ, объ изготовленіи особыхъ фургоновъ для перевозки различныхъ инструментовъ и вообще принадлежностей сценическихъ представленій; а также приказалъ одѣть по мужски и снабдить сѣкирами и щитами тѣхъ женщинъ, которыя должны были находиться въ имѣвшей сопровождать его свитѣ, чтобы придать имъ видъ амазонокъ. А между тѣмъ, все кругомъ съ каждымъ днемъ яснѣе давало чувствовать императору, что власть его исчезла—могущества не стало. Такъ, когда онъ потребовалъ, чтобы городскіе трибы, еще разъ присягнувъ ему въ вѣрности, вступили въ ряды ополченія, то на его призывъ откликнулось такое небольшое число охотниковъ стать подъ его знамя, что Нерону пришлось вмѣнить въ обязанность домовладѣльцамъ поставку извѣстнаго числа рабовъ съ каждаго дома: Къ тому же, Неронъ въ это время постоянно мучился язвительными намеками и другими оскорбленіями, выражавшимися въ злыхъ насмѣшкахъ надъ его наѣздническими и артистическими подвигами, какими тѣшилось римское остроуміе, покрывая ими выставленныя въ публичныхъ мѣстахъ изображенія цезаря. Но этимъ не исчерпывался весь ужасъ его положенія: въ больномъ воображеніи его создавались разныя грозныя видѣнія, въ которыхъ суевѣрный умъ его видѣлъ предзнаменованія, казавшіяся ему одно зловѣщее другого и мало по малу приводившія—повергая его то въ ужасъ, то въ мрачное отчаяніе, — къ полному разрушенію и безъ того уже сильно расшатанную нервную систему. Не менѣе цезаря суевѣрный Римъ, съ своей стороны между тѣмъ, ловилъ все, въ чемъ можно было видить недобрый признакъ для императора. Такъ, съ затаенною радостью было замѣчено то обстоятельство, что при чтеніи неронова манифеста противъ мятежниковъ въ залѣ засѣданія послѣ словъ «справедливая кара не замедлитъ постичь преступниковъ» раздался единодушный взрывъ рукоплесканій со стороны всѣхъ сенаторовъ; между прочимъ, припомнилось и то, что, декламируя въ послѣдній разъ на сценѣ, Неронъ избралъ трагедію «Эдипъ въ изгнаніи» и что послѣдними произнесенными имъ при этомъ словами былъ знаменательный стихъ: «Жена, отецъ, мать—всѣ вмѣстѣ повелѣваютъ мнѣ умереть».

А между тѣмъ, прояви Неронъ хотя бы нѣкоторую энергію, воспрянь онъ духомъ и вооружись мужествомъ своихъ доблестныхъ предковъ, онъ могъ бы еще спасти себя. Но откуда было взять ему, рабу низкихъ страстей и болѣзненно извращеннаго воображенія, мужества и энергіи среди презрѣнной толпы своихъ, не менѣе его развращенныхъ царедворцевъ? Былъ ли среди нихъ хоть бы одинъ, кто бы могъ или захотѣлъ помочь стремглавъ летѣвшему въ пропасть цезарю стряхнуть съ себя малодушную трусость и дѣйствовать съ должною энергіею или мужественно умереть?

Такимъ образомъ, Неронъ, возлежа, однажды, за ужиномъ въ кругу нѣкоторыхъ своихъ друзей, получилъ, наконецъ, извѣстіе, что все отшатнулись отъ него: Оттонъ возсталъ противъ него въ Лузитаніи, Клавдій Мацеръ въ Африкѣ, въ Сиріи болѣе или менѣе открыто Веспасіанъ. При такомъ извѣстіи Неронъ, словно ужаленный, вскочилъ изъ-за стола и, не помня себя отъ безсильной злобы, началъ метаться изъ угла въ уголъ, послѣ чего, подойдя къ столу и, схвативъ два драгоцѣнныхъ хрустальныхъ кубка, бросилъ ихъ и разбилъ въ дребезги о мраморный полъ.

Наступилъ часъ расплаты. Второпяхъ отправилъ Неронъ нѣсколько вѣрныхъ отпущенниковъ своихъ въ Остію съ приказаніемъ, не медля ни секунды, приготовить флотилію для выхода въ море. Скорѣйшее бѣгство изъ Италіи въ первую минуту представилось ему вѣрнѣйшимъ средствомъ къ спасенію. Обратясь затѣмъ къ нѣкоторымъ военныхъ трибунамъ и центуріонамъ преторіанскихъ когортъ, онъ началъ освѣдомляться, не желаютъ ли они быть его товарищами въ бѣгствѣ. Но въ отвѣтъ на свой запросъ ему пришлось выслушать отъ кого прямой отказъ, отъ кого вѣжливую отговорку, а отъ одного просто замѣчаніе: «Неужели тебѣ такъ трудно взять да и умереть?» Что же касается самихъ префектовъ преторіанскаго лагеря—Тигеллина и товарища его по должности Нимфидія—то эти, какъ одинъ, такъ и другой, безсовѣстнѣйшимъ образомъ измѣнили цезарю, безпрерывно осыпавшему ихъ своими милостями и вознесшему обоихъ изъ ничто-

жества на такую высоту. Что ему было дѣлать? Ужъ не лучше ли всего предстать ему въ костюмѣ трагика и въ видѣ смиреннаго просителя передъ парѳянами, а не то и передъ самимъ Гальбою, и постараться своимъ искусствомъ великаго трагика разжалобить ихъ до слезъ? Но нѣтъ, будетъ много лучше, если закутанный въ траурный плащъ онъ выйдетъ на форумъ и, ставъ передъ рострою, будетъ со слезами молить римлянъ предать забвенію все прошлое, а въ крайнемъ случаѣ выговорить себѣ хоть префектуру въ Египтѣ. Этотъ послѣднiй планъ до того улыбнулся Нерону, что онъ тутъ же написалъ рѣчь, которую предполагалъ произнести при этомъ случаѣ передъ народомъ и которая была найдена послѣ его смерти на его письменномъ столѣ. Но тутъ представилось Нерону другое сомнѣнiе: какъ бы чернь не разорвала его на части раньше, чѣмъ успѣетъ онъ пройти разстоянiе, отдѣлявшее форумъ отъ дворца? и, отложивъ свое рѣшенiе на этотъ счетъ до другого утра, онъ потребовалъ къ себѣ Локусту, отъ которой запасся отравою, и затѣмъ перешелъ въ свою опочивальню.

Глава III.

Послѣ перваго своего отвѣта передъ судомъ цезаря, апостолъ Павелъ, оправданный по обвиненiю въ распространенiи смутъ и духа мятежа среди народовъ и племенъ Малой Азiи, былъ отведенъ обратно въ мамертинскую темницу, откуда — самъ оставаясь по прежнему невозмутимо спокоенъ и ясенъ духомъ, хотя смерть уже и стояла у его дверей — старался вдохнуть въ тѣхъ, кого любилъ, такую же горячую вѣру и несокрушимое мужество, какими былъ самъ проникнутъ. Такъ, узнавъ, что Тимоѳей, упавъ духомъ, грустить въ разлукѣ съ нимъ, а побуждаемый отчасти собственнымъ, очень естественнымъ, желанiемъ еще разъ передъ концомъ повидать дорогого друга и сотрудника-пiонера на Господней нивѣ, онъ написалъ къ нему то трогательное посланiе, въ которомъ мы имѣемъ его послѣднюю грамоту. Ободряя его и увѣщевая бодрствовать, чтобы не овладѣлъ имъ духъ унынiя, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтуетъ ему прiѣхать въ Римъ и раздѣлить съ нимъ страданiя. «Постарайся прiйти ко мнѣ скоро», — писалъ онъ ему; — «постарайся прiйти до зимы». — «И когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставилъ въ Троадѣ у Карпа, и книги, особенно кожаныя»*). Въ темницѣ было холодно и сыро, и старый плащъ, собственноручно имъ сотканный изъ черной волны козъ роднаго края, столько разъ покрывавшiйся бѣлою пылью римскихъ улицъ, столько разъ пропитывавшiйся соленою влагою то Тавра, то Адрiи, былъ бы для старика и здѣсь на каменномъ

*) Втор. посл. къ Тимоѳею св. ап. Павла. Гл. IV.

полу тюрьмы порядочнымъ комфортомъ. Медленно тянулись въ своемъ томительномъ однообразiи часы суроваго заточенiя и старыя книги, изъ которыхъ многiя были имъ читаны и перечитаны, помогли-бы узнику коротать время одиночества. «Марка возьми и приведи, — писалъ онъ дальше; — ибо онъ мнѣ нуженъ для служенiя». Изъ Британiи къ апостолу писалъ Пудненсъ и жена его Клавдiя, которые, предполагая, что Тимоѳей въ Римѣ, и ему въ своемъ письмѣ слали привѣтъ, а св. Павелъ, въ своемъ посланiи къ возлюбленному сотруднику, передаетъ ему привѣтъ молодой четы, равно какъ и пресвитера Лина, приславшаго апостолу письмо, продиктованное имъ уже передъ самой кончиною. Затѣмъ, говоря о себѣ, апостолъ высказываетъ полную готовность разстаться съ земною жизнью: «Подвигомъ добрымъ, — говорилъ онъ, — я подвизался, теченiе совершилъ, вѣру сохранилъ; а теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судiя, въ день оный; и не только мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленiе Его«*). Припоминая, можетъ быть, какъ уже передъ самымъ послѣднимъ издыханiемъ и Сенека и благородный Пэтъ Трезея брызгали своею кровью въ видѣ возлiянiя въ честь Юпитера Освободителя, апостолъ въ этомъ же посланiи пишетъ слѣдующiя знаменательныя слова: «ибо меня уже приносятъ въ жертву, и время моего отшествiя настало»**).

Грустилъ-ли при этой мысли апостолъ, унывалъ-ли? Нѣтъ: въ своей несокрушимой вѣрѣ въ Господа душа его была полна свѣтлой радости.

Подоспѣлъ-ли Маркъ, пришелъ-ли Тимоѳей ранѣе, чѣмъ скрылся «бѣлый парусъ его души, обогнувъ туманный мысъ смерти»? Нѣтъ: Маркъ въ то время находился въ Александрiи; Тимоѳей-же, получивъ его послѣднее посланiе, поспѣшилъ въ Римъ, но, увы! опоздалъ. Апостолъ не ошибся, когда писалъ, что настало время его отшествiя. Призванный отвѣчать, за отсутствiемъ цезаря, передъ лицомъ его намѣстниковъ Гелiя и Поликлэта, на второй пунктъ сдѣланнаго противъ него обвиненiя — пунктъ, уличавшiй его въ исповѣдыванiи христiанства и въ ревностной пропагандѣ религiи, запрещенной подъ страхомъ смертной казни новымъ узаконенiемъ императора Нерона, апостолъ не только не отрицалъ справедливости такого обвиненiя, но былъ, казалось, счастливъ своею виною. Его тутъ же приговорили къ смертной казни, которая и воспослѣдовала бы немедленно, еслибъ Неронъ еще раньше, въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Грецiи къ Гелiю, не высказалъ желанiя еще разъ повидать апостола, чтобы прежде чѣмъ утвердить своею подписью его смертный приговоръ, предложить ему еще нѣкоторые вопросы относительно новаго ученiя.

Суть же дѣла заключалась въ томъ, что Неронъ, который въ своихъ полубезумныхъ порыванiяхъ всю свою жизнь провелъ въ

*) Такъ же.
**) Тамъ же.

томъ, что ударялся или въ одно, или въ другое, не зная самъ, чѣмъ успокоить такъ часто овладѣвавшее имъ болѣзненно-безпокойное настроеніе, за послѣднее время былъ обуреваемъ исключительно однимъ страстнымъ желаніемъ поднять завѣсу, скрывавшую отъ него будущее, и вопрошалъ для этого-то различныхъ волхвовъ и астрологовъ, то прибѣгалъ ко всевозможнымъ заклинаніямъ, пока, наконецъ, надумался обратиться по этому поводу къ христіанамъ, которыхъ считалъ, раздѣляя въ этомъ общераспространенное въ то время понятіе о нихъ, очень свѣдущими по части колдовства. Изъ числа уличенныхъ въ исповѣдованіи христіанства дворцовыхъ рабовъ, одинъ только Геродіонъ былъ пощаженъ, въ періодъ разгара неронова гоненія на христіанъ, гнѣвомъ императора отчасти въ виду своихъ преклонныхъ лѣтъ и своей многолѣтней безупречной службы, но еще болѣе благодаря утвердившейся за нимъ репутаціи человѣка, обладавшаго даромъ предрекать будущее, и Неронъ, въ одинъ изъ тѣхъ тревожныхъ дней, которые послѣдовали за его возвращеніемъ изъ Неаполя послѣ того, какъ до него дошло извѣстіе о возстаніи Виндекса, снѣдаемый желаніемъ узнать, что ждетъ его въ ближайшемъ будущемъ, потребовалъ къ себѣ этого Геродіона. Однако, Геродіонъ отказался почему-то отвѣчать на вопросы цезаря, который, взбѣшенный его отказомъ, обнажилъ свой кинжалъ и въ пылу ярости уже, было, замахнулся имъ на старика. Но Геродіонъ даже бровью не шевельнулъ, а лишь замѣтилъ цезарю:

— Убить меня ты не можешь, еслибъ и захотѣлъ.

— Какъ такъ не могу!—воскликнулъ изумленный императоръ и, нагнувшись, поднялъ кинжалъ, который выронилъ изъ рукъ при видѣ неустрашимости старика.—Не могу! Одинъ ударъ — и тебя не станетъ.

— Нѣтъ, цезарь, не можешь,—возразилъ ему Геродіонъ все съ тѣмъ же невозмутимымъ благодушіемъ.—Конечно, когда-нибудь я умру; въ этомъ быть сомнѣнія не можетъ; но не такимъ образомъ и не отъ твоей руки умереть суждено мнѣ.

— Уведите его, и пусть предадутъ его смертной казни,—приказалъ Неронъ и обратясь, затѣмъ къ своимъ приближеннымъ, замѣтилъ: «Непостижимые они люди, это сумасбродные фанатики».

А между тѣмъ жажда его узнать, что готовитъ ему будущее, становилась съ каждымъ днемъ все сильнѣе, въ виду чего хитрый Симонъ Волхвъ уговорилъ цезаря обратиться къ апостолу-узнику, увѣривъ его, что Павелъ давно извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ въ мірѣ волхвовъ.

Такимъ образомъ, апостолу Павлу еще разъ пришлось стать лицомъ къ лицу съ Нерономъ. На этотъ разъ, однако, его свиданіе съ цезаремъ не имѣло ни малѣйшаго оффиціальнаго характера, и Неронъ принялъ его совершенно за просто въ присутствіи лишь двухъ-трехъ довѣренныхъ отпущенниковъ и своего любимаго раба, отрока Патрокла. Кромѣ двухъ легіонаріевъ при Павлѣ находился при этомъ Онезимъ. Неронъ началъ съ того, что предложилъ апостолу нѣсколько вопросовъ относительно тѣхъ темныхъ дѣяній, въ какихъ обвинялись вообще всѣ христіане, и при этомъ еще разъ не безъ вниманія выслушалъ всѣ тѣ доводы, какіе приводилъ Павелъ, какъ въ опроверженіи гнусныхъ измышленій, такъ и въ доказательство честности и строгости правилъ жизни своихъ единовѣрцевъ. Послѣ этого Неронъ предложилъ апостолу помилованіе и свободу, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ открылъ ему будущее, на что Павелъ ему отвѣтилъ, что будущее въ рукахъ Господа и что знать это будущее, если нѣтъ на то Его святой воли, никому изъ смертныхъ не дано. Но Неронъ, который все время, не отрывая глазъ, всматривался съ какою-то тревожною жадностью въ лицо апостола, замѣтивъ, съ какимъ состраданіемъ смотрѣлъ на него Павелъ, убѣдился болѣе прежняго, что будущее для него книга открытая, и приказалъ всѣмъ присутствовавшимъ при этомъ удалиться, за исключеніемъ Патрокла и старика вольноотпущенника Фаона. Въ эту минуту апостолъ Павелъ, обезсиленный долгимъ затворничествомъ и чувствуя, что готовъ свалиться отъ изнеможенія, обратился къ Нерону съ просьбою позволить ему опереться на плечо Онезима. Милостиво кивнувъ ему головою въ знакъ своего согласія, императоръ сказалъ ему при этомъ:

— Мнѣ говорили не разъ, будто твой Богъ или твой Христосъ надѣлилъ тебя даромъ знать будущее и предрекать его людямъ. Ты знаешь, я нахожусь въ настоящее время въ значительной опасности. Со всѣхъ сторонъ возстали противъ меня мои легіоны; а между тѣмъ, астрологи сколько разъ предвѣщали мнѣ царство Іерусалимское. Мракъ неизвѣстности окружаетъ меня. Ты видишь, я прошу тебя — пойми, я, императоръ, обращаюсь съ просьбою къ тебѣ, несчастному, осужденному на смертную казнь іудеянину—сказать мнѣ, чего я долженъ ждать себѣ въ будущемъ? Повѣдай мнѣ, Виндексъ ли восторжествуетъ надо мною? Гальбѣ ли суждено взять верхъ и свергнуть меня съ престола? Останутся ли мнѣ вѣрны мои преторіанцы? Буду ли я убитъ, или же жизнь будетъ мнѣ пощажена? Отвѣть мнѣ на всѣ эти вопросы, и я не только помилую тебя, но и осыплю богатыми дарами.

— На это я отвѣчу цезарю словами одного древняго библейскаго пророка,—проговорилъ апостолъ въ глубокомъ раздумьи;— даже еслибъ полный домъ серебра и золота предложилъ мнѣ Неронъ, то и въ такомъ случаѣ преступить волю Господню я бы не могъ; Господняго же велѣнія на то, чтобы я открылъ тебѣ будущее, у меня нѣтъ. Ни дары твои, ни богатства всей твоей имперіи мнѣ не нужны. Или не думаешь ли ты, о цезарь, что я боюсь смерти? Нѣтъ; смерть для насъ, христіанъ, значитъ соединеніе со Христомъ, ибо Христосъ побѣдилъ самую смерть.

— Но скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, останусь ли я живъ. Говори, заклинаю тебя именемъ твоего Христа, именемъ твоего Бога.

Произнося эти послѣднія слова, императоръ плакалъ и весь дрожалъ.

Глубокій знатокъ человѣческаго сердца и человѣческихъ слабостей, апостолъ Павелъ не могъ не почувствовать въ эту минуту жалости, очень естественной къ несчастному и нравственно совершенно разбитому императору и, немного подумавъ, сказалъ ему:

— Приведи свой домъ въ порядокъ; впереди ждетъ тебя не жизнь, а смерть.

— Скажи же, когда умру я и какою смертью? — съ видимо возроставшимъ трепетомъ спросилъ Неронъ.

— Ничего другого сказать тебѣ я не могу, — отвѣтилъ ему Павелъ.—Но только повторяю тебѣ,—продолжалъ онъ, простирая къ нему свои закованныя въ цѣпи руки,—повторяю, покайся и раскайся въ жизни опороченной и оскверненной черными злодѣяніями. Раскайся въ цѣломъ рядѣ убійствъ—въ убійствѣ брата, въ убійствѣ родной матери, въ...

— Замолчи, проклятый старикъ! Какъ осмѣливаешься ты порочить меня!—вскочивъ со своего кресла, закричалъ взбѣшенный императоръ.—Говори скорѣе, что ждетъ меня еще впереди?

— Опомнись, цезарь, и подумай, что близокъ для тебя часъ суда—онъ у дверей твоихъ,—промолвилъ тихо апостолъ.—Кровь людей невинныхъ, избитыхъ и замученныхъ тобою, вопіетъ къ небу противъ тебя. Ты мнѣ жалокъ. Тебя жалѣетъ Павелъ, бѣдный старецъ и узникъ, и будетъ молиться за тебя, да проститъ тебѣ Всевышній Богъ грѣхъ и позоръ всѣхъ темныхъ дѣлъ твоихъ.

— Пусть повелитъ цезарь прогнать этого полоумнаго іудеянина,—тихо проговорилъ, наклоняясь къ Нерону, старикъ Фаонъ.—Онъ, очевидно, совсѣмъ ошалѣлъ, сидя одинъ съ своими несбыточными грезами въ тюрьмѣ.

— Нѣтъ, лучше внемли, о цезарь, его словамъ, — взмолился отрокъ Патроклъ и бросился къ ногамъ императора.—Выслушай мое признаніе: мнѣ не разъ случалось говорить какъ съ Актэей, такъ и со многими—теперь уже убитыми—рабами-христіанами—какъ здѣсь въ твоемъ дворцѣ, такъ и въ домѣ Нарцисса, и все, что я слышалъ отъ нихъ, убѣдило меня, что люди эти любезны богамъ—или богу,—если только правда, что есть лишь одинъ Богъ, какъ увѣряютъ они. Возврати старцу свободу, отпусти его; повѣрь, что истина глаголетъ устами его,—и отрокъ съ мольбою обнялъ колѣни императора.

Но цезарь сердито оттолкнулъ юношу: слова Патрокла не только не смягчили сердца Нерона, а, напротивъ, ожесточили еще болѣе его противъ апостола: ему показалось оскорбительнымъ при его деспотическомъ нравѣ, что вліяніе христіанства, не смотря на всѣ жестокія гоненія, воздвигнутыя имъ противъ послѣдователей этого ученія, проникло даже въ самый дворецъ его, въ среду его домочадцевъ, и что столь близкіе къ нему люди, какъ былъ Патроклъ и была когда-то Актэя, отрицая въ немъ божество, признавали богомъ какого-то несчастнаго, позорно распятаго на крестѣ іудеянина.

Въ эту же минуту, какъ на грѣхъ, до слуха цезаря донеслись изъ сосѣдней залы, гдѣ собрался тѣмъ временемъ обычный кружокъ нероновыхъ друзей, веселые звуки какой-то лихой застольной пѣсни, и цезарь, неисправимый въ своемъ легкомысліи, громко расхохотался.

— Я вижу, что ничего путнаго отъ этого іудеянина мнѣ не добиться,—проговорилъ онъ насмѣшливо.—А потому отведите его обратно въ тюрьму, —обратился онъ къ стоявшей у дверей стражѣ,—и пусть завтра же, ранѣе чѣмъ займется утренняя заря, совершится надъ нимъ смертная казнь.

— Онъ римскій гражданинъ,—замѣтилъ цезарю центуріонъ.

— Да, и въ Римѣ судомъ былъ приговоренъ къ отсѣченію головы,—сказалъ Неронъ;—мнѣ же лишь остается утвердить своею подписью приговоръ суда.

Сладкимъ и безмятежнымъ сномъ невиннаго младенца заснулъ апостолъ Павелъ въ этотъ послѣдній вечеръ своего земнаго скитанія и, укрѣпленный сномъ, проснулся подъ утро свѣжій и бодрый. Чѣмъ свѣтъ къ нему въ тюрьму пришелъ Онезимъ, чтобы выслушать его послѣднія наставленія, принять отъ него послѣднія распоряженія и помочь ему снарядиться въ послѣдній путь. Обнявъ и крѣпко поцѣловавъ на прощаніе своего неизмѣннаго друга и заботливаго врача, евангелиста Луку, тутъ же въ стѣнахъ тюрмы—одному лишь Онезиму разрѣшено было проводить св. Павла до мѣста его казни—апостолъ двинулся въ путь спокойный и радостный.

Казнь апостола Павла въ силу особой инструкціи имѣла совершиться со всевозможною быстротою и притомъ какъ бы тайно, во избѣжаніе небезопаснаго въ тѣ дни стеченія народа. Отрядъ легіонаріевъ съ ихъ сотникомъ во главѣ, да Онезимъ,—вотъ всѣ, изъ кого состояла печальная процессія, сопровождавшая на смерть этого ревностнаго и неутомимаго піонера въ дѣлѣ распространенія того ученія, которому предстояло стать для міра обветшалаго сосудомъ жизни новой. Такимъ отсутствіемъ при его казни народныхъ массъ объясняется отчасти то обстоятельство, что о предсмертныхъ минутахъ первоверховнаго апостола до насъ не дошло почти никакихъ преданій. Всѣми оставленный, бѣдный узникъ, казалось, являлся среди міровой столицы, гдѣ, въ своей непримиримой ненависти къ проповѣдуемой имъ вѣрѣ, іудеи такъ ревностно соперничали со своими недругами язычниками—не болѣе, какъ ничего незначущимъ атомомъ. Но не смущалась душа его этимъ, и вѣра его въ Бога не измѣнила ему и не поколебалась. Какое было ему дѣло, что занавѣсъ за нимъ опустится при гробовомъ безмолвіи пустой залы: въ его глазахъ жизнь его была не лучше жизни величайшихъ изъ грѣшниковъ и свое упованіе обрѣсти прощеніе онъ возлагалъ на Бога, свою увѣренность въ

спасенiи—на Христа. Отнынѣ миновали для него вьюги и бури житейскихъ треволненiй и житейскихъ испытанiй, и, лаская его, ему на встрѣчу, неслось небесное вѣянiе весны вѣчной—воскресенiя.

Выйдя за черту города на Аппiеву дорогу черезъ тѣ ворота, что и теперь—т. е. черезъ двѣ тысячи безъ малаго лѣтъ—извѣстны въ Римѣ подъ названiемъ воротъ св. Павла, процессiя двинулась дальше. Но въ ту самую минуту, какъ она проходила мимо украшеннаго статуями грандiознаго мавзолея Кайя Цестiя, къ ней приблизилась, закутанная въ длинное черное покрывало, молодая женщина и, обратясь къ центурiону, попросила его позволить ей сказать нѣсколько словъ узнику, объяснивъ ему при этомъ, что она дочь городского префекта Флавiя Сабина, Плавтилла, близкая родственница Авла Плавтiя и жены его Помпонiи Грэцины.

Услыхавъ, кто она, центурiонъ поклонился почтительно молодой женщинѣ и немедленно далъ своему отряду приказанiе отступить немного въ сторону. Тогда Плавтилла, приблизясь къ апостолу и приклонивъ передъ нимъ колѣни, попросила его дать ей свое благословенiе, и апостолъ молча возложилъ ей на голову руки, закованныя въ цѣпи, послѣ чего молодая женщина передала узнику отъ имени своей родственницы Помпонiи платокъ, чтобы онъ завязалъ имъ себѣ глаза, прежде чѣмъ положить голову подъ сѣкиру палача.

Апостолъ съ благодарностью принялъ это приношенiе, при чемъ промолвилъ:

— Помпонiя ревностная и добрая христiанка; да благословитъ ее Господь.

— Братъ мой, племянникъ Веспасiана, тоже увѣровалъ, и его коснулась Божья благодать: онъ принялъ христiанство;—сообщила апостолу Плавтилла.

— Слава Господу Всевышнему!—проговорилъ св. Павелъ и прибавилъ:—ночь быстро близится къ концу и скоро займется заря новаго дня.

Въ эту минуту центурiонъ сдѣлалъ своимъ легiонарiямъ знакъ и печальное шествiе двинулось дальше.

Миляхъ въ трехъ приблизительно отъ стѣнъ Рима среди плоской и ровной зеленой возвышенности, со всѣхъ сторонъ окруженной волнистой грядой не особенно высокихъ холмовъ, есть одно мѣсто, въ то время называвшееся Aquae Salviae, теперь же извѣстное подъ названiемъ «Трехъ фонтановъ». И вотъ къ этому мѣсту въ это раннее лѣтнее утро лежалъ путь знаменитаго узника, который, закованный въ цѣпи и окруженный отрядомъ легiонарiевъ съ ихъ сотникомъ во главѣ, спокойной и ровной поступью двигался все ближе и ближе къ послѣдней минутѣ своего земного существованiя. Онезимъ замыкалъ собой шествiе. Всю почти дорогу апостолъ хранилъ глубокое молчанiе. Но съ лица его ни на минуту не сходило блаженное выраженiе душевной радости, и уста, не переставая, творили безмолвную молитву. Черезъ нѣсколько времени процессiя остановилась, и легiонарiи, обнаживъ свои мечи, размѣстилась вокругъ апостола полукругомъ. Палачъ приказалъ ему преклонить колѣни и положить голову на плаху. Тутъ Онезимъ, подойдя съ разрѣшенiя центурiона къ св. Павлу, помогъ ему снять съ себя верхнюю одежду и, принявъ отъ него послѣднее благословленiе и крѣпкое пожатiе руки, завязалъ ему глаза платкомъ, принесеннымъ Плавтиллой, послѣ чего отошелъ немного въ сторону и, зарыдалъ, закрывъ лицо руками. Однако, черезъ минуту, услыхавъ слова каманды, онъ вздрогнулъ, поднялъ голову, и передъ его глазами блеснула сѣкира палача, пресѣкшая жизнь первоверховному апостолу.

Дѣло легiонерiевъ было исполнено и дальнѣйшее ихъ не касалось, и только ценурiону ихъ еще оставалось засвидѣтельствовать передъ цезаремъ, что приговоръ о казни былъ надлежащимъ образомъ приведенъ въ исполненiе. Но вскорѣ по удаленiи отряда съ мѣста казни къ трупу казненнаго подошла группа христiанъ, все время издали сопровождавшая печальное шествiе, и съ молитвою и слезами предала землѣ бренные остатки дорогого благовѣстителя. Безъименная могила однако, не поросла травою забвенiя и во благовременiи надъ ней водруженъ былъ «трофей»—побѣдный знакъ — крестъ, просуществовавшiй, по свидѣтельству Кайя пресвитера, вплоть до второго вѣка и на мѣстѣ котораго въ настоящее время красуется во всемъ великолѣпiи своихъ разноцвѣтныхъ мраморовъ прелестная стройная безилика San Paolo fuori le Mura.

Яркимъ полымемъ разгорѣлась тѣмъ временемъ заря, золотистобагрянымъ свѣтомъ зарумянился востокъ, и солнце, взойдя, освѣтило для мiра день новый.

Г л а в а IV.

Въ вечеръ 8-го iюня 68 года по Р. Х. Нимфидiй Сабинъ, одинъ изъ двухъ префектовъ преторiянскаго лагеря, достойнымъ образомъ завершилъ радъ грязныхъ и подлыхъ поступковъ черной измѣной тому императору, которымъ былъ извлеченъ изъ ничтожества и, осыпанный почестями и богатствами, возведенъ на высшую ступень военной iерархiи, и, соблазнивъ подначальныя ему преторiанскiя когорты обѣщанiемъ колоссальныхъ наградъ, сманилъ ихъ на сторону Гальбы.

Извѣстiе о коварной измѣнѣ фаворита было сообщено въ тотъ же вечеръ Нарону, который, уходя въ этотъ вечеръ въ свою опочивальню, такимъ образомъ уже зналъ, что на утро судьба его должна будетъ рѣшится. Со всѣмъ тѣмъ онъ заснулъ съ вечера въ довольно спокойномъ настроенiи духа, сознавая себя подъ надежной защитой оберегавшихъ его тѣлохранителей. Но вдругъ, пробудившись среди глубокой ночи, онъ тревожно вскочилъ съ своего

ложа, и съ этой минуты началась для него медленная агонія неминуемой смерти. Первое, что онъ замѣтилъ, было исчезновеніе какъ тѣлохранителей, оберегавшихъ дверь въ его опочивальню, такъ и другихъ часовыхъ, стоявшихъ обыкновенно на стражѣ у различныхъ дворцовыхъ входовъ и выходовъ. Въ отчаяніи онъ второпяхъ послалъ одного изъ своихъ отпущенниковъ за совѣтомъ къ тѣмъ, которыхъ все еще продолжалъ считать своими вѣрными друзьями. А между тѣмъ, мучимый страшнымъ безпокойствомъ и долго не получая отвѣта съ посланнымъ имъ отпущенникомъ, онъ рѣшился, наконецъ, самъ обойти дозоромъ, въ сопровожденіи двухъ-трехъ рабовъ, безчисленные дворцовые посты. Но, убѣдившись скоро при этомъ, что на всемъ громадномъ пространствѣ, занимаемомъ платинскимъ дворцомъ, его пристройками и различными фантастическими зданіями, не осталось ни одного вооруженнаго защитника онъ поспѣшилъ вернуться въ свою опочивальную въ Золотомъ дворцѣ, откуда въ продолженіе его кратковременнаго отсутствія успѣли убѣжать и послѣдніе рабы и часовые, захвативъ съ собою все, что только можно было захватить, даже дорогіе постельные покровы и золотую коробочку, въ которую еще съ вечера положилъ онъ полученную отъ Локусты отраву. Тутъ онъ невольно вспомнилъ одну сцену, довольно бурную, съ матерью, въ пылу которой онъ съ такимъ легкомысліемъ сбросилъ съ себя въ пылу гнѣва талисманъ, подаренный ему Агриппиной въ то время, когда онъ былъ еще ребенкомъ и, при этомъ воспоминаніи Неронъ вздохнулъ тяжело. Теперь въ рукахъ его не было ни надежнаго талисмана, ни вѣрной отравы. Не желая, однакожъ, отдаться въ руки враговъ живымъ, онъ со свойственнымъ ему малодушіемъ началъ обращаться то къ одному, то къ другому изъ тѣхъ немногихъ, что еще оставались при немъ, съ просьбою помочь ему умереть. Но охотниковъ исполнить такую просьбу цезаря не оказалось. «Итакъ,—не безъ ироніи замѣтилъ при этомъ императоръ,—у меня, какъ видно, не осталось не только друга, но и недруга», и съ этими словами стремительно кинувшись къ одному изъ заднихъ выходовъ дворца, онъ выбѣжалъ на улицу и бросился бѣжать по дорогѣ къ Тибру, очевидно, съ намѣреніемъ утопиться. Однако, на полъ-дорогѣ, раздумавъ, вѣроятно, остановился и, обратясь къ двумъ-тремъ кинувшимся за нимъ въ догонку приближеннымъ, объявилъ имъ свое желаніе скорѣе укрыться въ какое-либо убѣжище и тамъ собраться съ мыслями.

Тутъ вольноотпущенникъ Фаонъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся вѣрными Нерону до конца, предложилъ ему укрыть его въ своемъ загородномъ домѣ, находившемся между саларійскою и номентанскою дорогами, миляхъ въ четырехъ отъ города. Тратить время на долгое раздумываніе было опасно, и Неронъ, согласившись на предложеніе Фаона, накинулъ второпяхъ на себя сверхъ туники чей-то старый вылинявшій плащъ, закуталъ имъ себѣ голову, лице покрылъ платкомъ и, выйдя на улицу, сѣлъ, какъ

былъ въ однѣхъ сандаліяхъ, на первую попавшуюся лошадь, и отправился въ такомъ жалкомъ видѣ въ путь, въ сопровожденіи всего лишь трехъ человѣкъ—своего секретаря Эпафродита, отпущенника Фаона и несчастнаго своего фаворита Спора. Ночь была душная и темная; гдѣ-то вдали то и дѣло вспыхивала молнія и раздавались раскаты грома. Неронъ вздрагивалъ ежеминутно, прислушиваясь съ чуткостью страха къ малѣйшему шороху. Объѣзжая стороною преторіанскій лагерь, бѣглецы слышали неистовые клики легіонаріевъ, привѣтствовавшихъ Гальбу. Кое-гдѣ имъ на встрѣчу попадались то прохожіе, то проѣзжіе, и этими встрѣчами только усиливалось и росло тревожное состояніе Нерона. Но каковъ былъ его ужасъ, когда на одномъ изъ поворотовъ лошадь его вдругъ споткнулась, причемъ съ лица его упалъ платокъ, и онъ увидалъ себя лицомъ къ лицу съ проходившимъ въ эту минуту мимо него легіонаріемъ. Не смотря на мимолетность такой встрѣчи, солдатъ, очевидно, узналъ въ бѣглецѣ императора: Неронъ съ замираніемъ сердца услыхалъ, что онъ произнесъ его имя. Къ этому времени уже начинало разсвѣтать и наступавшій день долженъ былъ быть годавщиною убійства Октавіи!

Добравшись до поворота, на которомъ бѣглецамъ нужно было свернуть на узкую тропинку, которая вела къ виллѣ Фаона, всѣ трое проворно спѣшились и, пустивъ лошадей въ близъ лежавшую рощу, стали пробираться осторожно, гдѣ мелкимъ лѣсомъ, а гдѣ и ползкомъ, по направленію къ помѣстью отпущенника. Уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, Фаонъ, изъ опасенія, чтобы Нерона не увидалъ который-либо изъ его деревенскихъ рабовъ, предложилъ императору укрыться на первое время въ глубокой ямѣ одной изъ сосѣднихъ песочныхъ копей. Отъ такого предложенія Неронъ однако брезгливо отказался. «Какъ!—трагическимъ тономъ воскликнулъ онъ при этомъ;—ты хочешь, чтобы я заживо похоронилъ себя въ нѣдрахъ земли!» Такимъ образомъ, чтобы ввести низложеннаго императора незамѣтнымъ образомъ въ свой домъ, Фаону оставалось только одно средство: сдѣлать въ одной изъ стѣнъ небольшой проломъ, черезъ который Неронъ могъ бы проникнуть во внутрь дома. Пока Фаонъ вмѣстѣ съ Эпафродитомъ и Споромъ пробивали отверстіе въ стѣнѣ, Неронъ началъ жаловаться на жажду. Однако, чистой воды по близости не оказалось; тогда цезарь, зачерпнувъ рукою какой-то жидкой грязи изъ затхлой лужи, началъ ею утолять свою жажду. Когда отверстіе въ стѣнѣ было пробито, Неронъ вползъ въ домъ на четвереренькахъ и, добравшись до первой невзрачной постели одного изъ Фаоновыхъ рабовъ, какъ снопъ повалился на нее и закрылся своимъ плащемъ. А между тѣмъ было ясно, что никакой надежды на спасеніе быть не могло: встрѣча съ легіонаріемъ, узнавшимъ императора, врядъ ли могла не навести на слѣдъ бѣглеца. Но пока еще у него оставался, по крайней мѣрѣ, выборъ между добровольною смертью и позорною казнью. Вотъ почему спутники Нерона, понимая, что нельзя было терять времени, старались

всячески вдохнуть въ него нѣкоторую энергію и нѣтъ-нѣтъ принимались уговаривать его скорѣе покончить съ собою и этимъ спасти себя отъ худшаго неминуемо предстоявшаго ему, если онъ будетъ захваченъ живымъ своими врагами. Но всѣ ихъ старанія вооружить его нѣкоторымъ мужествомъ были безполезны: въ трусливой и развращенной природѣ его погасла послѣдняя искра всякой энергіи и бодрости. «Еще не время,—говорилъ онъ имъ;—еще не пробилъ для меня назначенный часъ. О, какъ безжолостны ко мнѣ всѣ вы!»

— Безжалостны! — съ негодованіемъ возразилъ ему на это Эпафродитъ:—не мы ли одни изъ всей толпы твоихъ рабовъ и льстецовъ не только остались тебѣ вѣрны, но даже подвергаемъ свою жизнь опасности ради тебя? Но разъ спасенія для тебя невозможно, то не лучше ли тебѣ умереть съ мужествомъ, подобающимъ римскому императору и мужчинѣ?

Тутъ Неронъ, всячески желая выиграть время, обратился къ своимъ спутникамъ съ просьбою выкопать яму, въ размѣрѣ его тѣла, и, пока спутники его рыли ему яму, самъ онъ сидѣлъ тутъ же и, слѣдя за ихъ работою, проговорилъ жалобно: «О, боги, какому великому артисту судили вы преждевременною смертью погибнуть въ разцвѣтѣ таланта!»

— Могила готова,—проговорилъ Фаонъ.

— Но неужели нельзя найти гдѣ-нибудь здѣсь по близости какихъ-либо обломковъ мрамора, чтобы надлежащимъ образомъ выложить ее? А также вамъ надо будетъ приготовить дровъ и воды, дабы вы могли омыть мое тѣло.

Въ эту самую минуту изъ Рима прискакалъ гонецъ съ письмомъ къ Фаону, и Неронъ, съ трепетомъ выхватилъ у него письмо, прочелъ, что «сенатъ постановилъ объявить его врагомъ отечества и подвергнуть смертной казни по обычаю предковъ.»

— Въ чемъ же именно заключается эта казнь *по обычаю предковъ*?—полюбопытствовалъ узнать Неронъ, и Эпафродитъ объяснилъ ему, что приговореннаго къ такого рода казни раздѣваютъ до-нага и, вставивъ ему голову въ колодку, засѣкаютъ до смерти.

Ужасная эта картина, казалось, пробудила, наконецъ, въ несчастномъ императорѣ нѣкоторое мужество и, обнаживъ два кинжала, взятыхъ имъ съ собою изъ Рима, онъ поочередно началъ пробовать лезвіе то одного, то другого; но потомъ опять замѣтилъ, откладывая въ сторону оба орудія, что роковая минута еще не настала.

Тутъ жалкій фаворитъ его Споръ, и тотъ началъ увѣщевать его, стараясь напомнить ему, что онъ императоръ, римлянинъ и наконецъ мужчина.

— Не безпокойся,—отвѣтилъ ему Неронъ;—еще время не ушло и я успѣю умереть. Гораздо лучше сдѣлалъ бы ты, еслибъ пропѣлъ мнѣ теперь погребальную мою пѣснь; а не то огласи воздухъ громкимъ плачемъ и безутѣшными рыданіями: подумай, какой великій артистъ погибаетъ со мною!

А между тѣмъ вдали уже слышался топотъ коней: то были посланные Нерону въ догонку всадники, приближавшіеся теперь по дорогѣ къ виллѣ. Услыхавъ этотъ зловѣщій топотъ, Неронъ словно встрепенулся и самъ принялся ободрять себя: «Мужайся, Неронъ!—говорилъ онъ себѣ;—перестань малодушничать! Достойно ли Нерона дорожить такою жизнью, какою была твоя?»

И такъ, Неронъ только въ самую послѣднюю минуту, когда отрядъ всадниковъ уже находился чуть ли не у самыхъ дверей, рѣшился приставить къ горлу остріе одного изъ кинжаловъ. Но и тутъ не обошлось безъ посторонней помощи, и еслибъ не Эпафродитъ, замѣтившій колебанія цезаря, такъ не толкнулъ бы дрожавшего руку, что лезвіе кинжала вонзилось ему въ горло, то врядъ ли у цезаря хватило бы мужества нанести себѣ смертельный ударъ. Въ эту самую минуту въ домъ Фаона ворвался центуріонъ, посланный Гальбою съ повелѣніемъ арестовать низложеннаго императора. Но было уже поздно: быстро истекая кровью, онъ находился уже при послѣднемъ издыханіи; однако и умирая, слабѣвшимъ голосомъ произносилъ время отъ времени то тотъ, то другой отрывокъ изъ любимыхъ стиховъ: артистъ пережилъ въ Неронѣ не только цезаря, но и человѣка.

Таковъ былъ позорный конецъ не менѣе позорной жизни, омраченной длиннымъ рядомъ злодѣяній, безумною расточительностью и колоссальною необузданностью пылкихъ страстей и дикихъ чудовищныхъ фантазій.

Болѣе великодушный въ этомъ отношеніи, чѣмъ былъ самъ Неронъ къ несчастнымъ жертвамъ, низведеннымъ въ царство тѣней его безпощаднымъ гнѣвомъ, Гальба ничѣмъ не препятствовалъ возданію ему послѣднихъ погребальныхъ почестей и трупъ его, орошенный слезами его старушки-няни и вольноотпущенницы Актэи, которая оплакивала въ немъ юношу, горячо ею любимаго когда-то, былъ съ обычнымъ церемоніаломъ сожженъ на кострѣ. Собранный въ урну пепелъ его нашелъ себѣ помѣщеніе въ роскошномъ порфировомъ саркофагѣ, надъ которымъ воздвигнутъ былъ жертвенникъ изъ лунскаго бѣлаго мрамора, обнесенный красивой баллюстрадою. Неронъ скончался на 31-мъ году отъ роду, процарствовавъ четырнадцать лѣтъ.

Радость народа при извѣстіи о низверженіи Нерона съ престола не имѣла границъ; ликованіе было всеобщее, и по этому случаю сословіе плебеевъ цѣлою корпораціею вышло на улицы Рима, со шляпами на головахъ: то была нѣкоторымъ образомъ своего рода демонстрація, которою народъ желалъ выразить, что смерть Нерона считаетъ для себя какъ бы освобожденіемъ отъ рабства, такъ какъ рабы въ Римѣ получили право ходить съ покрытою головою лишь послѣ того, какъ отпускались на волю и, слѣдовательно, переставали быть рабами. А между тѣмъ, не обоюдно ли въ данномъ случаѣ развращали другъ друга развратный правитель и развратный народъ, воздѣйствуя другъ на друга? И много ли времени прошло со дня смерти Нерона, какъ уже очень мно-

гіе, любя порокъ и развратъ, стали открыто проявлять свои симпатіи къ покойному, украшая цвѣтами его могилу? И не являлся ли Неронъ для очень многихъ изъ послѣдующихъ императоровъ— для изнѣженнаго Оттона, для обжорливаго Вителлія, для свирѣпаго Домиціана, для женоподобнаго Геліогабала, для жестокаго Комода—героемъ и лучшимъ идеаломъ человѣка и правителя?

Но такъ какъ число очевидцевъ его кончины и погребенія было очень ничтожно, то скоро во многихъ странахъ народная фантазія создала упорно державшуюся нѣкоторое время легенду, будто было сожжено не тѣло Нерона, а чье-то другое, самъ же онъ бѣжалъ и укрывается среди парѳянъ, откуда не сегодня, завтра вернется, чтобы отмстить своимъ недругамъ. Этою легендою были поощрены честолюбивые замыслы двухъ лже-Нероновъ, изъ которыхъ похожденія одного закончилось смертною казнью въ царствованіе Оттона, а другого—въ царствованіе Домиціана.

Въ самомъ же Римѣ вѣками существовало въ народѣ повѣріе, будто тѣнь грознаго императора, не находя нигдѣ себѣ покоя, въ страшномъ томленіи изъ ночи въ ночь бродитъ по садамъ холма Пинчіо, гдѣ когда-то находилась усыпальница Домиціевъ, пока, наконецъ, въ 1099 году папа Пасхалъ II, чтобы положить конецъ суевѣрному страху народа, окропилъ эту мѣстность святою водою и освятилъ ее молитвою и сооруженіемъ у подошвы холма храма въ честь Богоматери—церкви Santa Maria del Popolo.

Немного только остается намъ прибавить къ тому, что было разсказано выше, съ цѣлью обрисовать ту діаметральную противоположность началъ, на которыхъ основано было быстро въ то время вымиравшее язычество и только-что нарождавшееся тогда христіанство—противоположность, которою и объясняется, почему христіанство должно было мало-по-малу возрости изъ крошечнаго горчичнаго сѣмени въ то мощное дерево, подъ тѣнью котораго народы и племена земные должны были найти себѣ и миръ и отдохновеніе, между тѣмъ какъ язычество все болѣе и болѣе вырождалось въ какое-то уродливое чудище, которое, подобно ветхому Сатурну, пожирало твое собственное исчадіе.

Читатель нашъ, несомнѣнно, замѣтилъ, что почти всѣ лица, представленныя на первыхъ страницахъ этой книги, погибли кто раньше, кто позже насильственнною смертью до наступленія того періода, на которомъ останавливается нашъ разсказъ. Мы видѣли, какимъ образомъ были сведены въ могилу Клавдій, Британникъ, Агриппина и Октавія среди населеннаго грозными призраками черныхъ преступленій палатинскаго дворца; присутствовали при тяжелой кончинѣ Бурра, мужа честнаго и прямаго, видѣли, какъ пронзилъ себя своимъ мечомъ энергичный Корбулонъ, искусный полководецъ, всю свою жизнь вѣрою и правдою прослужившій имперіи,—видѣли томленіе предсмертной агоніи тщеславной Поппеи, скончавшейся жертвою необузданной вспыльчивости цезаря. Мы были свидѣтелями минутнаго позорнаго малодушія поэта Лукана въ виду смерти,—разочарованія и мрачнаго пессемизма послѣднихъ годовъ Сенеки и того мужества, съ какимъ покорился онъ приказанію умереть; знаемъ, какою смертью погибли и неподкупно честный Пэтъ Тразея и многіе другіе представители древнихъ римскихъ родовъ патриціевъ—Сулла, Рубелій Плавтъ, Антистій Ветъ, Пизонъ, а съ нимъ и цѣлыя толпы соучастниковъ неудавшагося заговора.

Философы находились, кто въ далекой ссылкѣ, кто въ изгнаніи, кто подъ опалою. Музоній Руфъ, котораго Дмитрій Циникъ видѣлъ за работою простого пахаря на Коринѳскомъ перешейкѣ, былъ возвращенъ изъ ссылки Гальбою и въ царствованіе Веспасіана пользовался при дворѣ большимъ почетомъ. Старикъ Корнутъ, оплакивавшій долго и безутѣшно преждевременную кончину даровитаго ученика своего Персія, въ послѣдніе годы царствованія Нерона былъ приговоренъ къ ссылкѣ, и съ тѣхъ поръ для насъ теряются всякіе слѣды его.

Нѣкоторые знаменитые отпущенники той эпохи—временщики всесильные каждый въ свое время—тоже одинъ за другимъ сходили со сцены, унесенные тою или другою насильственною смертью. Такъ, Нарциссъ умеръ отравленный Агриппиною, Палласъ и Дорифоръ оба были отравлены по приказанію Нерона; Эпафродитъ уже при Домиціанѣ заплатилъ своею жизнью за оказанную имъ Нерону послѣднюю услугу; Гелій и Поликлэтъ, намѣстники Нерона въ Римѣ во время его знаменитаго путешествія по Греціи, приговорены были къ смертной казни вскорѣ послѣ воцаренія Гальбы.

Явленіемъ отраднымъ среди всеобщаго безвѣрія и всеобщаго растлѣнія нравовъ былъ Эпиктетъ—маленькій другъ Тита и Британника въ то время, когда онъ отрокомъ состоялъ рабомъ-книгоносцемъ при секретарѣ Нерона Эпафродитѣ,—Эпиктетъ, завѣщавшій міру мысли, по чистотѣ, возвышенности и гуманности не имѣющія себѣ равныхъ въ области древне-классическаго міровоззрѣнія, исключая тѣхъ, что подарены намъ Маркомъ Авреліемъ. Заря христіанства сказывается въ міровоззрѣніяхъ Эпиктета: язычникъ едва ли могъ бы подняться на такую высоту мысли, еслибъ въ воздухѣ уже не носилось и не чувствовалось вѣяніе началъ новыхъ, новаго ученія.

Что же касается первыхъ трехъ послѣ Нерона призрачныхъ императоровъ, то нельзя не замѣтить, что кратковременное возвышеніе на престолъ всѣхъ троихъ было ознаменовано крупными повсемѣстными бѣдствіями: войнами, слухами о войнахъ, избіеніями, междоусобными распрями, возстаніемъ царствъ на царства, народовъ противъ народовъ, морами, гладами, землетрясеніями и великимъ повмѣстнымъ смятеніемъ. А среди всѣхъ этихъ смутъ и бѣдствій, среди тупаго отчаянія безвѣрія, получавшаго съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе,

потоками человѣческой крови былъ оскверненъ храмъ іерусалимскій и приношеніями на языческихъ алтаряхъ поругано его Святое Святыхъ,—и тотъ же годъ, который былъ свидѣтелемъ паденія іудаизма, видѣлъ и разрушеніе храма Юпитера Капитолійскаго—главной святыни язычества—который былъ обращенъ въ груды обломковъ и пепла во время жестокой распри между Сабиномъ, старшимъ братомъ Веспасіана, и партизанами Вителлія.

Точно призраки промелькнули одинъ за другимъ на римскомъ престолѣ эти три первые послѣ Нерона императора. Больной, скупой и вообще очень непривлекательный старикъ Гальба очень скоро сталъ ненавистенъ римлянамъ и послѣ пятимѣсячнаго царствованія былъ умерщвленъ на улицахъ Рима; преемникъ его Оттонъ, возведенный на престолъ горстью легіонаріевъ, процарствовалъ 95 дней и убѣдившись за это время въ полнѣйшей своей неспособности нести на своихъ плечахъ тяжелую отвѣтственность правителя обширнѣйшей въ мірѣ имперіи, самъ сложилъ съ себя не только бремя правленія, но и бремя жизни, навсегда прекративъ однимъ ударомъ кинжала біеніе своего сердца. Остроумный и изящный, изнѣженный и легкомысленный, онъ скорѣе былъ жрецомъ богини любви, чѣмъ воиномъ, закаленнымъ въ бою; хотя и не лишенъ былъ при всѣхъ своихъ слабостяхъ своего рода энергичнаго мужества и нѣкоторыхъ весьма привлекательныхъ сторонъ. Что же касается преемника изящнаго Оттона, Вителлія, то онъ прославилъ свое шестимѣсячное царствованіе исключительно однимъ пьянствомъ и обжорствомъ. Конецъ его былъ не менѣе печаленъ, чѣмъ конецъ Гальбы: убитый народомъ среди улицы онъ былъ сброшенъ внизъ по ступенямъ той лѣстницы—Scalae Gemoniae—съ которой сбрасывались трупы казненныхъ въ мамертинской темницѣ, а потомъ трупъ его, подхваченный крюкомъ, былъ стащенъ въ Тибръ.

Отраднымъ перерывомъ длинной цѣпи гнусныхъ и черныхъ дѣлъ было царствованіе добродушнаго плебея Веспасіана, съ воцареніемъ котораго замѣчается среди римскаго общества нѣкоторое нравственное возрожденіе вмѣстѣ съ соблюденіемъ извѣстнаго декорума. Честный, разсудительный и добрый Веспасіанъ очень скоро завоевалъ себѣ сердца римлянъ, какъ простотою своихъ нравовъ и доступностью, такъ и своими необычайно трезвыми, хотя, можетъ быть, и не особенно выспренными взглядами на вещи. Правда, его обвиняли отчасти въ излишней скупости, по поводу которой мы читаемъ на страницахъ исторіи, будто извѣщенный однажды о предположеніи воздвигнуть въ честь его монументъ колоссальныхъ размѣровъ на средства общества, онъ протянулъ свою руку ладонью кверху, какъ-бы въ ожиданіи получить денегъ, говоря: «Пьедесталъ готовъ!» Но если его дѣйствительно и можно было упрекнуть въ крайней разсчетливости то развѣ, лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ такая разчетливость прямо клонилось на общую пользу, и лучшимъ доказательствомъ отсутствія въ немъ всякихъ корыстолюбивыхъ

наклонностей можетъ служить то обстоятельство, что, пробывъ довольно долгое время въ Африкѣ въ качествѣ правителя края, онъ вернулся оттуда человѣкомъ не болѣе богатымъ, чѣмъ какимъ отправился туда.

Но что сказать о сынѣ его, Титѣ, имѣвшемъ свою роль въ первой половинѣ нашего разсказа? Конечно, назвать его вторымъ Маркомъ Авреліемъ нельзя: онъ ни стучался съ такимъ упорствомъ въ дверь истины, какъ Маркъ Аврелій, ни сидѣлъ съ такимъ благоговѣніемъ у ногъ добродѣтели, съ какимъ сидѣлъ этотъ благочестивый язычникъ. Тѣмъ не менѣе и въ немъ было много прекрасныхъ сторонъ, много обаятельнаго и привлекательнаго. Красивый, статный и мужественный, онъ былъ при этомъ очень образованъ, обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова, отличался примѣрною храбростью и великодушіемъ, былъ искуснымъ полководцемъ и къ тому же умѣлъ энергично бороться съ самимъ собою, подчиняя свои страсти голосу разума, требованіямъ долга и своей воли. Къ сожалѣнію, царствованіе Тита продолжалось всего два года съ небольшимъ; но и такая кратковременность правленія не помѣшала ему заслужить въ народѣ прозваніе «услажденія рода человѣческаго». Онъ скончался внезапно по дорогѣ изъ Рима въ свое незатѣйливое Сабинское помѣстье, и передъ смертью, отдернувъ занавѣску своихъ носилокъ и взглянувъ на небо, промолвилъ: «Не знаю, чѣмъ заслужилъ я преждевременную смерть: я не знаю за собою никакого такого преступленія въ которомъ считалъ бы нужнымъ раскаяться, за исключеніемъ, впрочемъ, одного дѣла». Но какое это было грѣховное дѣло—этого онъ не сказалъ, и ни одинъ изъ приближенныхъ его никогда не могъ додуматься, на что императоръ, умирая, намекалъ.

Пріобщенный къ церкви христовой водами св. крещенія, Алитуръ покинулъ свою дѣятельность актера и, перемѣнивъ имя Алитура на имя Аманда, уѣхалъ изъ Рима, предоставивъ въ распоряженіи Клэта, тогдашняго старшины римскихъ христіанъ, большую часть денегъ, вырученную имъ отъ продажи своей загородной виллы и дома въ самомъ Римѣ. Прежде всего онъ отправился въ Іерусалимъ, и здѣсь ему довелось быть очевидцемъ кровавыхъ сценъ, жестокой распри іудейскихъ сектантовъ и вообще всѣхъ тѣхъ ужасовъ, какими сопровождались осада и разрушеніе этого по преимуществу центра іудаизма. Когда же Іерусалима не стало, онъ уѣхалъ сначала въ Ефесъ, гдѣ посѣтилъ евангелиста Іоанна, а затѣмъ переселился на жительство въ Гіераполисъ. Здѣсь онъ увидѣлся съ Онезимомъ и здѣсь же кончилъ свои дни скромнымъ пресвитеромъ христіанской церкви.

Безмятежная и мирная кончина была вѣнцомъ благочестивой жизни добродѣтельной Помпоніи. Выздоровѣвъ отъ схваченнаго ею въ тюрьмахъ заразнаго тифа, она до конца жизни Авла Плавтія, своего доблестнаго мужа, скончавшагося при императорѣ Титѣ, была его утѣшеніемъ и опорою и пережила его немногимъ.

съ Пуденсомъ и Клавдіею, переселившимися навсегда на жительство въ Британію, гдѣ оба ревностно трудились на поприщѣ распространенія ученія Христова и соорудили христіанскій храмъ въ городѣ Новіомачѣ, Помпонія до конца жизни вела самую дѣятельную переписку.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей участи Онезима. Насколько бурны и мятежны были годы первой молодости Онезима, настолько же спокоенъ и миренъ былъ закатъ его жизни. Послѣ мученичества апостола Павла, и почти полнаго разоренія перваго гнѣзда христіанства въ Римѣ Онезимъ предложилъ Нирею и женѣ своей Юніи переселиться на жительство или въ родной его городъ Ѳіаѳиръ, или въ Ефесъ, или же въ Гіерополисъ. Такое предложеніе покинуть Римъ, гдѣ ему довелось быть очевидцемъ мучительнаго заточенія, завершившагося еще болѣе мучительною смертью, такого множества друзей и единовѣрцевъ, пріятно улыбнулось Нирею, и вскорѣ день отъѣзда былъ назначенъ. Однакожъ, прежде чѣмъ покинуть Римъ навсегда, Онезимъ еще разъ постарался проникнуть въ Золотой Дворецъ, дабы повидаться со своею ровственницею Актэей и проститься съ нею. А между тѣмъ Актэя, оросивъ слезами трупъ Нерона и убравъ его могилу цвѣтами, продолжала горячо молиться за него: для нея Неронъ былъ не тѣмъ чудовищемъ, въ какое такъ онъ быстро преобразился, а все еще оставался тѣмъ самымъ юношею, который такъ горячо ее любилъ и былъ ею любимъ. Узнавъ же отъ Онезима о его намѣреніи уѣхать обратно въ родной городъ, она его упросила не уѣзжать безъ нея и сообщила ему при этомъ, что и она тоже приняла христіанство.

Сборы Актэи или Евники — какъ было ея настоящее имя, которымъ съ этихъ поръ она стала снова называться — продолжались не долго и, распродавъ съ помощью нѣкоторыхъ рабовъ христіанъ всѣ свои драгоцѣнности, она уѣхала вмѣстѣ съ Онезимомъ, его женою и Ниреемъ въ Ефесъ, откуда всѣ они спустя нѣкоторое время переселились на постоянное жительство въ Гіерополисъ. Здѣсь Евника, поступивъ діакониссою при одной изъ христіанскихъ церквей, сдѣлалась вскорѣ извѣстна своими дѣлами на поприщѣ христіанскаго милосердія и жила въ большой дружбѣ съ незамужними дочерями евангелиста Іоанна. Онезимъ уже подъ старость поставленъ былъ епископомъ въ Ефесѣ, гдѣ въ 107 году по Р. Х. ему довелось быть очевидцемъ мученичества Игнатія Антіохійскаго, Богоносца, который въ одномъ изъ своихъ посланій упоминаетъ о немъ, какъ о благочестивомъ и неутомимомъ поборникѣ слова Божьяго. Есть преданіе, что и Онезимъ завершилъ свое подвижничество на аренѣ распространенія «Благой Вѣсти» мученичествомъ во время гоненія, воздвигнутаго императоромъ Траяномъ на христіанъ.

№ 22. Полевой, Н. А. „Дѣдушка русскаго флота“, „Параша Сибирячка“ М. 99 г. Ц. 15 к

№ 23.—„Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ“. М. 99 г. Ц 15 к

№ 24 Уйда „Приключенія марен. графа“ Разск съ рис М 99 г. Ц. 15 к

№ 25. Доде, Ал Изъ „Писемъ съ мельницы“ Ц 20 к.

№ 26 Зандъ, Ж. „Крылья мужества“. Ц. 25 к

№ 27. Карамзинъ Повѣсти М 99 г. Ц. 20 к.

№ 28 —„Наталья Боярская дочь“. Пов. Ц. 5 к.

№ 29 Митропольскій. „Мятель“ раз съ рис Ц 3 к

№ 30. Андерсенъ. „Гадкій утенокъ“. Съ рис. Ц. 5 к

№ 31. Черскій. Св. Нина „Просвѣтительница Грузіи“ Изд. 2 е Ц. 5 к.

№ 32.—Св. Филаретъ Милостивый. Изд. 2-е Ц. 5 к.

№ 33.—Св Елизавета Тюрингенская. Изд. 2-е. Съ 2 рис. Ц. 5 к.

№ 34 —„Божья воля“ разск Ц 10 к.

№ 35. Лебуле. Петруша Ц 5 к.

№ 36. Чеховъ. Ан. Бѣлолобый. Разс. Съ рисун. М. 99 г. Ц. 3 к.

№ 37. Бр Гриммъ. Золотой гусь. Сказ. Съ рис. М. 99 г. Ц. 3 к.

№ 38. Толстой, Л. Н. Кавказскій плѣнникъ. Разск. съ рисун. М. 99 г. Ц. 5 к.

№ 39. Ксавве-де-Местръ. Параша Сибирячка. Истор. разс. Съ рисун. М. 99 г Ц 15 к.

№ 40. [illegible] Н. Добрый старичекъ—хозяинъ мужичекъ. Разс. Изд. 2-е М. 99 г. Ц. 5 к.

№ 41. Оржешко, Эл Могучій Самсонъ. Разс. М. 99 г. Ц. 10 к.

№ 42. Эд.-де-Амичисъ. Отцовская сидѣлка. Разс. Съ 2 рис. М. 97 г. Ц. 4 к.

№ 43. Черскій, Л. Ф. Подвигъ. Грузинское преданіе. Изд. 2-е М. 99 г. Ц. 5 к.

№ 44.—Милосердіе. Восточ. сказаніе. М. 99 г. Ц. 5 к.

№ 45.—Солнышко Поуэра. Ист. разск. Съ рис. М. 99 г. Ц. 5 к.

№ 46. Толстой, Л. Н. Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. М. 99. Ц. 3 к.

№ 47. Юноша, Кл. Дѣдушкинъ питомецъ. Разск. Съ рис. М. 99 г. Ц. 15 к.

№ 48. Додэ, Ал. Козочка господина Сегена. М. 99 г. Ц. 3 к.

№ 49. Митропольскій, Рыцарь. Разс. Съ рис. М. 99 г. Ц. 10 к.

№ 50. Кукольникъ. Рука Всевышняго Отечество спасла. М. 99 г. Ц. 20 к.

Библіотека сказокъ.

№ 1. Шесть лебедей. Сказка бр. Гриммъ. Съ рис. М. 94 г. Ц. 3 к.

№ 2. Король Дроздова Борода. Сказ. бр. Гриммъ Съ рис. М. 99 г. Ц. 3 к.

№ 3. Воронъ. Сказ. бр. Гриммъ. Съ рис М. 99 г. Ц 3 к.

№ 4. Бѣлолицая невѣста и сестра ея Чернавка. Сказ. бр. Гриммъ. Съ рис. М. 99 г. Ц. 3 к.

№ 5. Вѣщая птичка. Сказ. бр. Гриммъ. Съ рис. М. 99 г. Ц. 3 к.

№ 6. Андерсенъ. Сиденъ. Сказ. Съ рис. М. 99 г. Ц. 5 к.

№ 7.—Садовникъ и его господинъ. Сказ. Съ рис. М. 99 г. Ц. 5 к.

№ 8.—Золотой кладъ. Сказ. Съ рис. М. 99 г. Ц. 5 к.

№ 9.—Камень мудрости. Сказ. Съ рис. М. 99 г. Ц. 5 к.

№ 10.—Дикіе лебеди. Сказ. Съ рис. М 99 г. Ц. 3 к.

№ 11. Жоржъ-Зандъ. Заколдованный или говорящій дубъ. Сказ. Съ рисун. М 99 г. Ц. 15 к.

№ 12.—Розовое яблочко. Сказ. Съ рис. М. 99 г. Ц. 10 к.

№ 13.—Великанъ Іеусъ. Сказ. Съ рис. М. 99 г. Ц. 10 к.

№ 14.—Грибуль. Сказ. Съ рисун. М. 99 г. Ц. 30 к.

Изданія для дѣтей.

Баранцевичъ, К С. «На волю». Разск для дѣтей. Съ 10 рис. Изд 2-е. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Бѣлоусовъ, А. И. «Малыши». Раз. и стих для дѣтей. Съ 35 рис. Изд. 2-е М. 98 г. Ц. 30 к. въ папкѣ 45 к. (одобр. для безпл. чит.)

одобр. Уч. К. М. Н. Пр. для сред. уч. зав. и для безпл. чит.).

Кнейпъ, С. Мое водолѣченіе. Цѣлебное лѣченіе болѣзней простой горячей и холодной водой. Съ 14 рисун. и портрет. автора М. 97 г. ц. 50 к.

Кругловъ, А. В. Не герои. Очерки и разск. „Живыя души". т. I. М. 95 г. ц. 1 руб.

— На чужомъ полѣ. Очер. и разск. „Живыя души". т. II. М. 95 г. ц. 1 р.

— Стихотворенія. М. 97 г. ц. 1 р. 25 коп.

Л. Н. Въ ожиданіи коронац. Вѣнчаніе русскихъ Самодержцевъ, церков. обрядъ корон. и подроб. описаніе 3-хъ корон. нынѣшняго столѣтія. Спб. 83 г. ц. 80 к. (включ. въ катал. кн. одоб. Уч. К. М. Н. Пр. для безпл. читал. начал. учил. и для публич. народ. чит.).

Лутковскій, В. Руководство для судебныхъ слѣдователей и исполняющихъ ихъ обязанности кандидатовъ на судебныя должности. Изданіе неоффиціальное. М. 91 г. ц. 1 р. 50 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Въ глуши. Повѣсти и разсказы. М. 98 г. ц. 1 р. 25 к

— Приваловскіе милліоны. Романъ. М. 97 г. ц. 2 р.

— Сибирскіе разсказы. Изд. 2-е. М. 98 г. ц. 1 руб.

— Осенніе листья. Очер. и разск. М. 99 г. ц. 1 р.

— Дикое счастье. Романъ. М. 98 г. ц. 1 р.

— Въ дорогѣ. Очерки и разсказы. М. 98 г. ц. 1 р.

— „Ранніе всходы". Ром. М. 99 г. ц 1 р.

— „Буянка". Пов. изд. 2-е. М 99 г. ц 50 с.

Марлитъ. Женщина съ рубинами (яхонтовая діадема). М 99 г. ц 1 р. 50 к.

— Тайна старой дѣвы. Романъ. М. 98 г. ц. 1 р. 25 к. (включ. въ кат. кн. одобр. Уч. К. М. Н. Пр. для безпл. чит.).

— Имперская графиня Гизела. М. 98 г. ц. 1 р. 50 к. (включ. въ кат. кн. одобр. Уч. К. М. Н. Пр. для безпл. читал. и сред уч. зав.).

— Въ домѣ Шиллинга. Романъ. М. 98 г. ц. 1 р. 50 к. (включ. въ кат. кн. одобр. Уч. К. М. Н. Просв. для безпл. читал.).

— Въ домѣ коммерціи совѣтника. Романъ. М. 98 г. ц. 1 р. 50 к. (включ. въ кат. кн. одобр. Уч. К. М. Н. Пр. для безпл. чит.).

— Вторая жена. Романъ. М. 98 г. ц. 1 р. (включ. въ кат. кн. одобр. Уч. К. М. Н. Пр. для безпл. чит.).

— Эльза. М. 98 г. ц. 1 руб. 50 коп. (включ. въ кат. кн. одобр. Уч. К. М. Н. Пр. для безпл. читал.).

— Степная принцесса. Романъ. М. 98 г. ц. 1 р. 50 к. (включ. въ кат. кн. одобр. Уч. Ком. М. Н. Пр. для без. чит.).

— Совиный домъ. Романъ. М. 99 г. ц. 1 р. 50 к. (включ. въ кат. кн. одобр. Уч. К. М. Н. Пр. для безпл. читал.).

— Повѣсти и разсказы ц. 1 р. 50 к.

Михѣевъ. Художники. Очерки и разсказы. М. 94 г. ц. 1 р.

— Золотыя разсыпи. Ром. 2 т. М. 94 г. ц. 2 р.

На память о **П. И. Чайковскомъ.** Статьи **Лароша, Г. А.** и **Кашкина, Н. Д.**, съ портретомъ. М. 93 г. ц. 40 к.

Н. А. Какъ предупреждать и лѣчить **дѣтскіе поносы.** Подъ редакц. доктора Ѳ. В. Булюбаша. М. 97 г. ц. 20 к.

На велосипедѣ изъ Варшавы въ Лондонъ. М. 94 г. ц. 1 р. 50 к. Письма II Каменскаго къ Владимирову.

Нордау. Битва Трутней. Романъ. М. 99 г. ц. 1 р. 50 к.

— Душевные анализы. М. 99 г. ц. 50 к.

По, Эдгаръ. Баллады и фант. Перев. съ англійскаго К. Бальмонта. М. 95 г. ц. 1 р. 25 к.

Подкольскій. „Будни", очерки и разск. М. 95 г. ц. 1 р.

Полевой. Клятва при гробѣ Господнемъ. Рус. быль ц. 1 р. 25 к. (вкл. въ кат. одобр. кн. для безпл. читал.).

— „Исторія Петра Великаго". Съ порт. М. 99 г. ц 2 р. (включ. въ катал. кн. одобр. Уч. К. М. Н. Пр. для биб сред. учеб. зав. и для безпл. читал.).

Потапенко, И. „Не герой". Романъ въ 2-хъ ч. Изд. 2-е. М. 97 г. ц. 1 р.

— „Одинъ". Романъ. Издан. 3-е. М. 97 г. ц. 2 р.

— „Смертный бой". Романъ. М. 97 г. ц. 1 р. 50 к.

— „Оксана" и др. М. 97 г. ц. 1 р.

— „Записки молодого человѣка". М. 97 г. ц. 75 к.

— „Живая жизнь". Романъ. Спб. 98 г. ц. 2 р. (допущ. для безпл. читал.).

— „Счастье поневолѣ". М. 98 г. ц. 2 руб.

— „Новый". Романъ. М. 98 г. ц. 1 р.

— „Пѣшкомъ за славой". М. 99 г. ц. 1 руб.

— „Два счастья". Романъ. М. 99 г. ц. 2 руб.

Пеллико, Сильвіо. „Мои темницы". Изд. 2-е. Съ рис. М. 99 г. ц. 1 р.

Процессъ Дрейфуса въ кос. судѣ. М. 99 г. ц. 1 р.

Цѣна 1 рубль.